This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

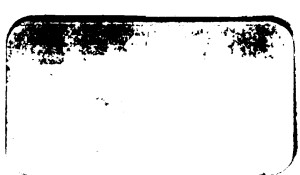
О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 475.65

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

BOUGHT WITH INCOME
FROM THE BEQUEST OF
HENRY LILLIE PIERCE
OF BOSTON



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

№ 9. СЕНТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Редакція и главная контора помѣщаются въ Пушкинской улицѣ (близь Невскаго просп.) № д. 11.
1894.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ УДѢЛОВЪ, МОХОВАЯ, Д. № 40.

Digitized by Google

PSlav 475.65 (1894)

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧ. ЖУРНАЛЪ

„НАБЛЮДАТЕЛЬ"

ВЪ 1894 ГОДУ (ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ).

Журналъ издается подъ прежней редакціей, въ томъ же направленіи,

безъ предварительной цензуры.

«НАБЛЮДАТЕЛЬ» выходитъ ежемѣсячно, *1-го числа*, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	За годъ:	За полгода:	За три мѣсяца:
Безъ доставки	12 р.	6 р. — к.	3 р. — к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ .	13 »	6 » 50 »	3 » 50 »
Съ пересылкою иногороднымъ . .	14 »	7 » — »	3 » 50 »
Съ пересылкою за границу . . .	17 »	9 » — »	5 » — »

Подписчики **«Наблюдателя»** (годовые, полугодовые и разсроченные), желающіе получить **второе, дополненное,** изданіе монографій *А. П. Пятковскаго*: **«Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія»**, приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 2 рубля.

Уступка книгопродавцамъ—50 к. съ годоваго экземпляра.

Разсрочка платы *допускается исключительно при подпискѣ черезъ Главную Контору,* причемъ вносится:

	При подпискѣ.	Къ 15 апрѣля.	Къ 15 августа.
Безъ доставки. . .	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою . . .	5 »	5 »	3 »
Съ пересылкою . .	5 »	5 »	4 »
Съ перес. за границу.	8 »	5 »	4 »

Библіотеки для чтенія *пользуются разсрочкою платы наравнѣ съ прочими подписчиками;* выписывающія же не менѣе 10-ти годовыхъ экземпляровъ и вносящія полностью подписную плату пользуются 50 к. скидки съ каждаго экземпляра.

Гг. служащимъ—разсрочка (мѣсячная и по третямъ) за поручительствомъ казначеевъ.

Подписка принимается: *въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи, Пушкинская ул. (близъ Невскаго пр.) д. № 11.* Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія на почту только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY 19 МАЯ 1971

Digitized by Google

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ „НАБЛЮДАТЕЛЯ".

Въ Главной Конторѣ, изъ всѣхъ прежнихъ годовъ изданія «Наблюдателя», полные экземпляры журнала имѣются въ небольшомъ количествѣ только за 1893 и 1892 г.г.

Содержаніе журнала за 1893 г.

1) **Совѣсть зазрила,** романъ *А. Михайлова*; 2) **Лицемѣры,** романъ *І. І. Ясинскаго*; 3) **Ночь,** романъ *Н. Ѳ. Бажина*; 4) **Волчья яма,** романъ *П. Лѣтнева*; 5) **Надорванныя силы,** романъ *К. В. Назарьевой*; 6) **Къ чему?** романъ *И. Д. Ахшарумова*; 7) **Призраки минувшаго,** романъ *В. Свѣтлова*; 8) **Изъ любопытства,** разсказъ *А. А. Виницкой*; 9) **Что дѣлается въ деревнѣ?** разсказы *В. А. Рышкова*; 10) **Изъ воспоминаній,** *В. Р. Зотова*; 11) **Очерки иностранной литературы,** *Его же*; 12) **Борьба съ холерою,** *Н. П. Дружинина;* 13) **Эрнестъ Ренанъ** (по поводу его смерти) *В. В. Чуйко*; 14) **Неурожаи прошлаго вѣка** (по архивнымъ матеріаламъ) *П. В. Безобразова*; 15) **Артемій Петровичъ Волынскій,** историческая характеристика, *К. В. Ярошa*; 16) **Къ вопросу о преобразованіи государственнаго банка,** *Л. Н. Нисселовича*; 17) **О задачахъ искусства,** *К. Говорова.* 18) **Послѣдній могиканъ идейной поэзіи** (по поводу «Стихотвореній А. М. Жемчужникова») *Его же*; 19) **А. Н. Энгельгардтъ и его значеніе для русской культуры и науки,** *С. Ѳ. Шарапова*; 20) **Глинка и его Русланъ,** *В. С. Баскина*; 21) **Гуно и Чайковскій,** *Его же*; 22) **Иллинойсъ и Чикаго,** *М. И. Венюкова*; 23) **Ирландія въ 1893 г.** *Его же*; 24) **Народъ по еврейскому законодательству, древнему и новому,** *Н. Тембе*; 25) **Галаха и Агада** (къ еврейскому вопросу) *Его же*; 26) **Уѣздныя письма,** *Ѳ. Э. Ромера;* 27) **Изъ жизни французскаго резервиста,** *Ж. де-Кервильи;* 28) **Парижскія письма,** *Его же;* 29) **Условія правильнаго классическаго воспитанія и его нынѣшняя постановка,** *Одного изъ родителей;* 30) **Панамскій каналъ и его исторія,** *И. П.;* 31) **Философія права, какъ самостоятельный предметъ юридическаго факультета,** *А. Н. Котельникова;* 32) **Тяжелый годъ** (по поводу голодовки) *В. Бирюковича*; 33) **Тамбовскій оригиналъ и полемистъ** (по архивнымъ источникамъ) *И. И. Дубасова*; 34) **Школа жизни,** *М. Слобожанина;* 35) **Наша драматическая сцена подъ новымъ управленіемъ,** *В. Свѣтлова*; 36) **Михайловскій театръ,** *В. И.*; 37) **Бетховенъ, какъ человѣкъ и музыкантъ,** *В. Е. Чешихина;* 38) **Судъ и жизнь,** *А. О. Дукмасова;* 39) **Земельная неурядица въ Уфимской губерніи,** *А. Якимова*; 40) **По дорогѣ въ Корсику и на островѣ,** *М. В.;* 41) **Наташа** (быль изъ станичной жизни) *Н. Затонскаго*;

Digitized by Google

42) **Наша журналистика**, *К-скаго;* 43) **Изнанка сцены** (театральный очеркъ) *В. Свѣтлова;* 44) **Студенческіе годы**, *Бывшаго студента;* 45) **Общественные идеалы Фридриха Нитцше**, *В. В. Чуйко;* 46) **Нужды нашего сельскаго хозяйства**, *В. Бирюковича;* 47) **Изъ жизни въ деревнѣ**, *И. Васина;* 48) **По цѣлебному предгорью Кавказа**, *М. Слобожанина;* 49) **Гимнъ торжествующей толпы** (произведенія гр. Л. Н. Толстаго) *К. П. Медвѣдскаго;* 50) **Докторъ Паскаль**, романъ *Эмиля Золя;* 51) **Партизаны**, романъ *Ганса Гофмана;* 52) **Американскій претендентъ**, романъ *Марка Твена* (съ англ.); 53) **Призракъ**, повѣсть *Перѣса Гальдоса* (съ испанскаго); 54) **Бѣлое братство**, романъ *А. Конанъ-Дойля* (съ англ.); 55) **Новая система**, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, *Бьёрнстерна-Бьёрнсона* (съ норвежск.); 56) **Разсказы Матильды Серао** (съ итальянск.) переводъ *П. Лѣтнева;* 57) **Мой пріятель Мюссаръ**, разсказъ *Л. Галеви* и пр., и пр.

Фельетоны *Ефима Простосердова*: **«И смѣхъ, и горе»** помѣщались въ каждой книгѣ журнала, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Цѣна годоваго экземпляра **10** р. съ перес.; за полгода—**5** р. Библіотеки, выписывающія сразу не менѣе 5-ти экземпляровъ, пользуются уступкою 20%.

Содержаніе журнала за 1892 г.

1) **Изъ трясины на дорогу**, романъ *А. Михайлова (А. К. Шеллера);* 2) **Петербургскіе туманы**, романъ *І. І. Ясинскаго;* 3) **Итоги**, романъ *Н. Ѳ. Бажина;* 4) **Священный огонь**, романъ *Г. Таранскаго;* 5) **Вмѣсто хлѣба—камень**, романъ *П. Лѣтнева;* 6) **Ораторы**, романъ *К. В. Назарьевой;* 7) **По призванію**, романъ *В. Свѣтлова;* 8) **Лукавый попутал**ъ, разсказъ *Ф. Д. Нефедова;* 9) **Карьера**, разсказъ *І. І. Ясинскаго;* 10) **Событіе** (картины изъ обыденной жизни) *А. А. Виницкой;* 11) **За что погибъ человѣкъ?** разсказъ *П. Добротворскаго;* 12) **Безъ цѣли**, повѣсть *кн. Б. А. Щетинина;* 13) **Желѣзнодорожный царекъ**, разсказъ *А. Молотова;* 14) **Что дѣлается въ деревнѣ?** *В. Рышкова;* 15) **Голодовки и способы ихъ предупрежденія**, *М. И. Венюкова;* 16) **Эволюція въ исторіи уголовнаго права**, проф. *Бѣлогрицъ-Котляревскаго;* 17) **Послѣднія произведенія гр. Толстаго**, *В. В. Чуйко;* 18) **Крестьянскій судъ въ его послѣднемъ фазисѣ**, *Н. П. Дружинина;* 19) **Очерки иностранной литературы**, *В. Р. Зотова;* 20) **Тамбовскіе дипломаты XVIII вѣка**, *И. И. Дубасова;* 21) **Художественныя выставки Рѣпина и Шишкина**, *В. В. Чуйко;* 22) **Любовь въ мірѣ животныхъ**, *П. В. Безобразова;* 23) **Религіозное движеніе въ Англіи**, *В. Флурансова;* 24) **Евреи въ Одессѣ**, *Л. М.;* 25) **Евреи вокругъ Одессы**, *В. Трушко;* 26) **Четырехсотлѣтіе открытія Америки**, *М. И. Венюкова;* 27) **Первая выставка народныхъ картинъ въ Петербургѣ**, *В. П. Воленса;* 28) **Можно ли поднять нашу земледѣльческую промышленность?** *А. К. Гриневскаго;* 29) **Очеркъ этическихъ ученій въ современномъ обществѣ**, *В. В. Чуйко;* 30) **Колумбовская всемірная выставка**, *М. И. Венюкова;* 31) **Научныя новости**, *Его же;* 32) **Наши театры**, *В. В. Чуйко;* 33) **Альфредъ Теннисонъ** (литер.-біографич. очеркъ) *Его же;* 34) **Шелли** (опытъ литературной характеристики) *Его же;* 35) **Оклеветанный геній** (А. С. Пушкинъ) *К. Го-*

Digitized by Google

ворова; 36) **Торжествующій разночинецъ,** *Его же*; 37) **Англійскій публицистъ XVII** в. (Даніэль Дефоэ) *А. С. Залшупина*; 38) **Генрихъ Гейне,** *В. В. Чуйко*; 39) **Опытъ литературной фальсификаціи** (по поводу книги г. Песковскаго: «Роковое недоразумѣніе») *А. П. Пятковскаго;* 40) **Какою должна быть крестьянская школа?** *Г. Яковлева;* 41) **Современное русское міросозерцаніе и его отраженіе въ литературѣ,** *К. П. Медвѣдскаго*; 42) **Профессіональные союзы во Франціи,** *Г.;* 43) **Позитивизмъ передъ судомъ научной критики,** *В. В. Чуйко*; 44) **О международномъ правительствѣ,** *В. А. Бѣлинскаго;* 45) **Курьезы талмудической мудрости,** *Н. Тембе;* 46) **Музыкально-театральная выставка въ Вѣнѣ,** *В. С. Баскина;* 47) **Наши театры,** *В. В. Чуйко;* 48) **Парижскія письма,** *Ж. де-Кервильи;* 49) **Разгромъ,** романъ *Эмиля Золя*; 50) **По тернистой дорогѣ,** романъ *Георга Эберса;* 51) **Ксантиппа,** историческій романъ *Франца Маутнера*; 52) **Народный учитель,** повѣсть *Эдмонда де-Амичиса;* 53) **Отверженный,** разсказъ *Матильды Серао*; 54) **Наша журналистика,** *К—скаго* и пр.

Фельетоны **Ефима Простосердова: «И смѣхъ, и горе»** помѣщались въ каждой книгѣ журнала, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Цѣна годоваго экземпляра съ пересылкою: **8** р.; за полгода—**4** р. Библіотеки, выписывающія сразу не менѣе 5-ти экземпляровъ, пользуются уступкою 20%.

КРОМѢ ТОГО, ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

I.

„Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія",

монографіи и критическія статьи **А. П. Пятковскаго,** въ 2-хъ частяхъ, *второе*, дополненное, изданіе. СПб., 1888 г. (около 40 печатн. листовъ).

Содержаніе 1-ой части: 1) О жизни и сочиненіяхъ Фонъ-Визина; 2) Осьмнадцатый вѣкъ въ русской исторіи; 3) Наши классики въ характеристикахъ г. Галахова; 4) О новѣйшемъ преподаваніи русской литературы и другихъ предметовъ; 5) Новая передѣлка карамзинской теоріи; 6) Опытъ философской разработки русской исторіи; 7) Идея гражданскаго брака въ русскомъ расколѣ; 8) Цензурный проэктъ Магницкаго; 9) Пушкинскій праздникъ въ Москвѣ.

Содержаніе 2-й части: 1) Очерки изъ исторіи русской журналистики (отъ Петра I до Александра I-го); 2) Журнальный тріумвиратъ (изъ исторіи русской журналистики 30-хъ годовъ: Сенковскій, Гречъ и Булгаринъ); 3) Князь В. Ѳ. Одоевскій. Литературно-біографическій очеркъ, въ связи съ личными воспоминаніями; 4) О жизни и сочиненіяхъ Д. В. Веневитинова.

Отзывы объ обоихъ изданіяхъ: въ «Голосѣ», «Вѣстникѣ Европы», «Дѣлѣ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Недѣлѣ», «Историческомъ Вѣстникѣ», «Русской Старинѣ», «Правительственномъ Вѣстникѣ», «Живописномъ Обозрѣніи», «Всемірной Иллюстраціи» и пр.

Digitized by Google

Къ оставшимся экземплярамъ втораго изданія приложенъ портретъ автора. **Цѣна 3 р. съ перес.** *Подписчики «Наблюдателя» (годовые, полугодовые и разсроченные) приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 2 р.*

II.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Д. В. ВЕНЕВИТИНОВА.

изданіе (3-е) подъ редакціею **А. П. Пятковскаго.** Съ приложеніемъ портрета автора, факсимиле и статьи о его жизни и сочиненіяхъ.

С.-Петербургъ. 1862 г.

Цѣна **1 р. 25 к.** съ пересылкою.

Изданіе одобрено ученымъ комитетомъ Министерства народнаго просвѣщенія, Главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній и бывшимъ IV-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

III.

ГРАЖДАНСКІЕ МОТИВЫ.

Сборникъ современныхъ стихотвореній, изданный подъ редакціею **А. П. Пятковскаго.**

(Сюда вошли стихотворенія: *И. Аксакова*, *Добролюбова*, *Жемчужникова*, *Плещеева*, *Некрасова*, *Никитина*, *Хомякова* и др.).

С.-Петербургъ. 1863 г.

Цѣна **50** к. съ пересылкою.

Во избѣжаніе излишней переписки и возвращенія денегъ, Главная Контора считаетъ необходимымъ предупредить, что изданные редакціею въ разное время: 1) **Сборникъ иностранныхъ романовъ**; 2) **Сераписъ**, историческій романъ *Георга Эберса*; 3) **Гансъ-Филинъ**, романъ *Шпильгагена*; 4) **Князь В. Ѳ. Одоевскій**, литературно-біографическій очеркъ, *А. П. Пятковскаго*; 5) **Живые вопросы**, критическіе очерки и этюды изъ современной жизни, *Его-же*, и 6) **Утѣха жизни**, романъ *Эмиля Золя*—уже распроданы.

Digitized by Google

ЗОЛОЧЕНАЯ БОГЕМА.

Романъ.

XXIV.

— Ну что, видѣлъ?—спросилъ сына Иванъ Ѳедоровичъ:—понравилась тебѣ Марья Степановна?

— Понравилась... Не только понравилась, а она просто восторгъ!

— Неужели? Я, впрочемъ, тебѣ говорилъ... Вѣдь это ты съ чего-то выдумалъ, что она—выдра.

Оба замолчали; потомъ сынъ, смотря въ упоръ на отца, спросилъ:

— Папа, скажи мнѣ, почему она не вышла замужъ? Почему она нигдѣ не бываетъ? Говори напрямикъ!

Отецъ смѣшался; Василій Ивановичъ ясно видѣлъ, что тотъ что-то утаиваетъ. Одну минуту онъ хотѣлъ что-то сказать: видимо фраза готова была сорваться съ его языка, но, удержавшись, Иванъ Ѳедоровичъ спокойно проговорилъ:

— Почемъ я знаю? Случая не было.

Въ половинѣ декабря Иванъ Ѳедоровичъ, нѣжно простившись съ сыномъ, уѣхалъ въ деревню. На прощанье онъ сказалъ сыну цѣлую рѣчь. Имѣнье его совсѣмъ разорено. Имъ не на что больше разсчитывать. Семенъ Ефимычъ вызываетъ его телеграммой и онъ долженъ ѣхать. Онъ постарается сдѣлать какую нибудь «конверсію» и затѣмъ уѣдетъ за границу лѣчиться—онъ не въ состояніи больше... Сыну онъ настоятельно совѣтуетъ жениться на Марьѣ Степановнѣ и не откладывать дѣла въ долгій ящикъ. Это и безполезно, и опасно. Такія партіи не каждый день попадаются. Генералъ можетъ раздумать, а онъ, Василій Ивановичъ, ничего не представляетъ такого блестящаго для дѣвушки, чтобы она особенно стреми-

Digitized by Google

лась къ браку съ нимъ. За ней хорошее приданое. Нужно умѣючи поставить дѣло и тогда онъ освободится отъ долговъ и перестанетъ нуждаться. Неужели ему не надоѣло танцовать на вулканѣ и ежеминутно ждать взрыва?.. Довольно ему богемствовать, пора обзавестись семьей, теплымъ, уютнымъ и осѣдлымъ уголкомъ. Какъ только Иванъ Ѳедоровичъ получитъ отъ генерала извѣстіе, что предложеніе сдѣлано и принято, онъ вышлетъ сыну тысячу рублей на предварительные расходы и пр. Онъ еще самъ не знаетъ, откуда возьметъ эту тысячу, и во всякомъ случаѣ это будетъ съ его стороны жертвой, по обязанности отца—даже по отношенію къ такому шалопаю-сыну, какъ Василій...

Съ тѣмъ папаша и уѣхалъ. Молодой Воеводскій все чаще и чаще сталъ бывать у Чудиновыхъ: онъ все еще не рѣшался сдѣлать предложеніе, все еще смутно чувствовалъ во всей этой исторіи—тайну. Генералъ все еще не переставалъ любезничать съ нимъ и даже предложилъ ему взаймы денегъ, видя стѣсненное его положеніе. Марья Степановна нравилась ему все больше и больше. Въ концѣ декабря, онъ сталъ серьезно подумывать о женитьбѣ, но опасался немножко Лидіи Викторовны. Что она скажетъ, какъ взглянетъ на это? Не выдетъ ли сцены? Какъ удобнѣе и въ наиболѣе деликатной, не оскорбительной для ея самолюбія, формѣ объявить ей это?

Однажды вечеромъ, совершенно неожиданно вошелъ къ нему Вѣнценосцевъ. Воеводскій очень удивился. Онъ вправѣ былъ думать, что послѣ легкой стычки на вечерѣ у Лидіи Викторовны онъ перестанетъ водить съ нимъ лицемѣрную дружбу и вообще оставитъ его въ покоѣ. Но толстокожій адвокатъ поздоровался съ нимъ, какъ ни въ чемъ не бывало, комфортабельно разсѣлся въ кресло, затянулся папиросой и заговорилъ съ нимъ на «ты».

Воеводскій незамѣтно передернулъ плечами и подумалъ, что въ концѣ концовъ не стоитъ ссориться съ Вѣнценосцевымъ изъ-за пустяковъ, и что тотъ во всякомъ случаѣ можетъ быть ему полезенъ, ну, хотя бы въ качествѣ посредника между нимъ и Лидіей Викторовной.

— Говорятъ, ты женишься? — прямо спросилъ его адвокатъ.

— Говорятъ,—отвѣтилъ ему Воеводскій.

Digitized by Google

— На комъ?

— Если говорятъ, что я женюсь, значитъ, говорятъ и на комъ.

— Ты правъ. Называютъ дочь генерала Чудинова.

— Ничего еще не рѣшено, но похоже на то.

— Правда ли это?—спросилъ Вѣнценосцевъ, и въ его вопросѣ, помимо его воли, зазвучало недоумѣніе и удивленіе.

Воеводскій почувствовалъ что и этотъ могъ бы сказать про невѣсту что-то такое неизвѣстное ему, но и онъ, также какъ отецъ удержался. Зато Воеводскій не удержался и воскликнулъ:

— Чортъ васъ знаетъ всѣхъ! Что вы про нее что нибудь знаете, что ли? Въ такомъ случаѣ, чего вы молчите? Какъ про нее заговорятъ, такъ всѣ сейчасъ же дѣлаютъ постное лицо и глаза вкось.

— А ты самъ-то ничего не знаешь?

— Абсолютно.

— И я.

Адвокатъ умолкъ.

— Ты давно не былъ у Лидіи?—вдругъ спросилъ онъ.

— Цѣлую вѣчность... а ты, вѣрно, днюешь и ночуешь тамъ?

— Почему ты такъ думаешь?—не отрицая, но и не утверждая, спросилъ Вѣнценосцевъ.

— Да какъ же? Она уже стала для тебя просто «Лидія».

— Это для краткости. Послушай, мой другъ: скажи, ты вѣдь не любишь ея?.. И, наконецъ, если ты женишься... что она тебѣ?.. Очисти мнѣ поле дѣйствія. Оставь ее, скажи, что ты женишься, и конченъ балъ.

— Изволь. Ты можешь даже помочь мнѣ въ этомъ, подготовить ее.

— Я это уже сдѣлалъ.

— А-а! Ты очень любезенъ, — иронически замѣтилъ ему Воеводскій.—Это совсѣмъ по пріятельски: угадать тайное желаніе друга.

— Ну, да,—просто отвѣтилъ тотъ.

— Только ты, милый другъ, напрасно такъ хлопочешь. Она никогда тебя не полюбитъ.

— Почему это?—спросилъ обиженнымъ тономъ адвокатъ.

— Ты не ея типъ. Ты слишкомъ сухъ, разсчетливъ, черствъ. Никогда она не будетъ твоею.

Digitized by Google

Этотъ авторитетный тонъ бывшаго поклонника Словенской сбилъ адвоката съ толку, но потомъ онъ вдругъ разсердился. Онъ сознавалъ, что Воеводскій правъ. Словенская, какъ и всѣ остальныя женщины, никогда любить его не будетъ. Но у него явилась потребность похвастаться передъ пріятелемъ.

— Говори pro domo sua. Это тебя она не любитъ. Ты ей просто антипатиченъ. И потомъ, чтобы любить такую женщину, нужно много денегъ. У тебя ихъ нѣтъ. Это не секретъ...— Потомъ онъ помолчалъ, и вдругъ, не удержавшись, неудачно похвастался: — У меня она вотъ гдѣ... — и показалъ сжатый кулакъ.

«Навѣрное векселя ея скупилъ или взыскиваетъ по нимъ»,— подумалъ Воеводскій.

— Ну, если она у тебя въ рукахъ, тогда другое дѣло... Она по неволѣ будетъ твоей... но, согласись, это не особенно лестно для тебя.

Вѣнценосцевъ вспомнилъ, какъ онъ всячески старался дискредитировать Воеводскаго въ глазахъ Словенской; теперь въ этомъ не было уже надобности, разъ тотъ женится. Тѣмъ болѣе онъ досадовалъ на себя, что такъ глупо выдалъ свой секретъ и мотивы своего предполагаемаго успѣха у Лидіи Викторовны. Прежнее озлобленіе противъ всѣхъ женщинъ, любви которыхъ онъ никогда не могъ добиться, поднялось въ немъ съ удвоенной силой и онъ сказалъ:

— Въ сущности онѣ всѣ дрянь... И—повѣрь—та, которая говоритъ тебѣ о любви, думаетъ о новомъ платьѣ. Еще Гоголь сказалъ: «и такъ уже много всякой дряни на свѣтѣ, а тутъ еще Богъ бабу создалъ»... Такъ ты рѣшилъ жениться!

Воеводскій засмѣялся.

— Послѣ твоихъ и гоголевскихъ словъ, пожалуй, раздумаю.

— Нѣтъ, нѣтъ,—испуганно спохватился тотъ.—Есть исключенія. A propos: ты знаешь, я взялъ себѣ въ помощники Горемыкина? Онъ мнѣ надоѣлъ съ приставаньями, но... малый ничего себѣ. Онъ къ тебѣ на дняхъ явится.

— Ко мнѣ?!

— Ну, да. Я и шелъ, чтобы сказать тебѣ. На тебя ко мнѣ поступило нѣсколько взысканій...

— А!..

Digitized by Google

— Но ты понимаешь, я не могъ отказаться: хуже было бы, еслибы ихъ передали другому; но самъ дѣйствовать противъ тебя я не хотѣлъ: я ихъ поручилъ Горемыкину. Переговори съ нимъ.

— Я такъ и зналъ, что ты недаромъ пришелъ. У тебя всегда за пазухой камень или вообще какой нибудь миленькій эдакій сюрпризецъ...

— Ну, mon cher,—глядя на его поблѣднѣвшее лицо и внутренно радуясь, что наконецъ могъ сдѣлать ему пакость, заговорилъ адвокатъ: — я же не виноватъ. Напротивъ, ты видишь, я по дружески пришелъ предупредить тебя: у тебя на дняхъ будетъ опись. Припрячь тамъ... что поцѣннѣе. Это противъ моей совѣсти,—говорить тебѣ это... но по дружбѣ... ты меня не выдашь...

Поговоривъ еще съ четверть часа, Вѣнценосцевъ ушелъ довольный собою и произведеннымъ имъ эффектомъ, а Воеводскій вышелъ на улицу. На поворотѣ одной улицы онъ столкнулся носомъ къ носу съ француженкой, ужинавшей съ нимъ и съ его отцомъ, когда они угощали Пантеонъ. Пѣвичка хотѣла пройти мимо, но потомъ, узнавъ его, вдругъ расхохоталась и сказала:

— Tu ne sais pas. Ton père a chipé Aline... Ils se sont enfuis à l'étranger...

— Tu plaisante!..

— Oh, pour ça—non. C'est la plus vraie verité du monde.

«Хорошъ папахенъ»!—думалъ Воеводскій, продолжая путь: «отбилъ у сына француженку, разоренъ, представляется больнымъ, стонетъ, ноетъ, читаетъ нотаціи... а самъ похищаетъ пѣвицъ и удираетъ за границу докучивать послѣдніе гроши... Она его доканаетъ».

Онъ теперь понялъ, почему отецъ такъ настаивалъ на свадьбѣ. Онъ досадовалъ на себя. Хорошъ и онъ... выдумалъ «фортель» съ этой глупой исторіей женитьбы на Пантеонъ, чтобы выудить у отца деньги, а теперь послѣдніе рубли несомнѣнно перейдутъ къ пѣвичкѣ и онъ останется на бобахъ... Не выгорѣло! И мысль о женитьбѣ на Чудиновой въ первый разъ получила въ его сознаніи весьма опредѣленныя очертанія.

— Alea jacta est!—сказалъ онъ себѣ и рѣшилъ на этой же

Digitized by Google

недѣлѣ сдѣлать предложеніе. Да и что думать? Маруся—настоящая жемчужина: и красива, и драгоцѣнна.

Онъ вдругъ развеселился и засмѣялся.

— Этотъ дуракъ предлагалъ мнѣ вступить въ «общество искателей жемчуговъ»,—вспомнилъ онъ про дѣльца съ грандіозными проэктами.—Ну, вотъ я и нашелъ... жемчужину... une vraie perle...

XXV.

Лидія Викторовна давно не видалась съ Воеводскимъ. Ей было не до того: дѣла ея ухудшались съ каждымъ днемъ; ей житья не было дома. Съ утра начинались непріятности. Лишь только она открывала глаза, какъ къ ней являлась сердобольная ко всякимъ кредиторамъ и жестокосердая ко всѣмъ должникамъ Лиза и начинала причитывать: прачкѣ не плачено за два мѣсяца, она задержитъ на этотъ разъ бѣлье и, если ей не уплатятъ, подастъ въ судъ; ей нужно заплатить: она—бѣдная женщина съ тремя ребятами малъ мала меньше и зарабатываетъ хлѣбъ своимъ трудомъ... Сара Рафаиловна только что выписалась изъ больницы; здоровье ея очень плохо и она не можетъ работать... приходилъ опять мальчикъ отъ нея; онъ приходитъ часто, но барыня или спитъ, или ея дома нѣтъ, или у нея гости; кромѣ трехъ рублей, «даденыхъ» еще осенью, Сара Рафаиловна ничего не получила, а между тѣмъ ей остались должны еще тридцать семь. Наконецъ, она сама, Лиза, нуждается—ей не на что сшить себѣ даже ситцеваго платья, а барыня требуетъ, чтобы она прилично одѣвалась; да Лиза и сама понимаетъ, что въ такомъ богатомъ домѣ нельзя ходить въ отрепьяхъ. Между тѣмъ, ей тоже съ осени не плачено. Жанъ—она произносила это слово по русски—давно бы уѣхалъ, еслибы ему отдали долгъ... У него мать одинокая и зоветъ его въ провинцію... но онъ не можетъ уѣхать, пока ему не заплатятъ... Швейцаръ внизу, которому тоже должны, сердится, пересталъ кланяться, избѣгаетъ отворять двери и нарочно пропускаетъ кредиторовъ къ барынѣ...

Послѣ нотацій Лизы, которыя Лидія Викторовна теперь терпѣливо выслушивала, не останавливая ея и не дѣлая выговоровъ за рѣзкости и сованье носа не въ свое дѣло, послѣ со-

Digitized by Google

зерцанія надутаго Jean, который въ своей лакейской нервности дошелъ до того, что сталъ небрежно швырять тарелки при перемѣнѣ блюдъ и отказывался исполнять порученія, коротко отвѣчая: «мнѣ некогда»—раздавались дребезжащіе электрическіе звонки и являлись кредиторы, теперь свободно, при благосклонномъ участіи швейцара, прорывавшіеся снизу. Приходили отъ ювелира, изъ магазина шолковыхъ матерій, отъ мебельщика, отъ сапожника; являлись дисконтеры, ростовщики, ростовщицы, и прочій несимпатичный народъ. И всѣ они были удивительно нервны: кричали звонкими голосами, требовали денегъ на высокихъ нотахъ, угрожали, махали весьма не эстетично руками и весьма неразборчиво сыпали выраженіями, которыя бѣдная Лидія Викторовна находила совершенно неподходящими къ данному случаю. Въ особенности одинъ—нѣкій Абель Акоповичъ Теръ-Акоповъ — былъ безцеремоненъ. Онъ врывался чуть не ежедневно, не разбирая часовъ дня или вечера, не спрашивая, дома она или нѣтъ; если Лидія Викторовна была дома, онъ начиналъ орать, такъ что вся кухня сбѣгалась; потрясалъ въ воздухѣ векселемъ и угрожалъ Сибирью, говоря ей: «ты».

— Я нэ краду дэнги, дюша мой... ты мнѣ плати по вэкселю... мы больше ждать не согласны... ва!..

— У меня теперь нѣтъ денегъ, Абель Акопычъ...

— Ва!.. Знаэмъ, что нэтъ... У тебэ никогда нэтъ денегъ... Зачэмъ бралъ, когда нэ зналъ, какъ отдавалъ... Я пойду къ пракурору...

Иногда ей удавалось усадить его за столъ. Она приказывала ставить ему бутылку кахетинскаго вина и соленую закуску, и должна была садиться съ нимъ и угощать. Сначала толстый армянинъ, съ выпученными маслинообразными глазами и съ крючковатымъ носомъ, возмущался и кричалъ:

— Ва... что мнѣ: закуси, да закуси!.. Нэ желаю... мнѣ не закуска надо—мнэ дэнги нада... ва...

Но, при видѣ бутылки вина, икры и балыка, онъ не могъ устоять и начиналъ ѣсть и пить. Бутылка быстро выпивалась и ставилась вторая. Вексель изъ рукъ паука переходилъ въ одинъ изъ глубокихъ кармановъ его чухи; армянинъ, казалось, забывалъ все въ мірѣ и сосредочивалъ все вниманіе на янтарной влагѣ. Онъ начиналъ благодушествовать; смотрѣлъ на Ли-

Digitized by Google

дію Викторовну осоловѣвшими и покрытыми масломъ глазами, выпучивая ихъ еще больше; къ концу второй бутылки онъ начиналъ занимать ее восточными анекдотами.

— Пэй, дюша мой... зачэмъ не пьешь? — угощалъ онъ Лидію Викторовну.—У насъ на Капказѣ всѣ шибко пьютъ... ва! Ѣзжай на Капказъ—шашликъ буду жарить съ молодой барашка. Хотишь, разскажу, какъ я шашликъ жарилъ въ Петербургѣ?

Она уже это слышала не разъ; но нужно было подчиниться: она ему была должна около пятнадцати тысячъ, изъ которыхъ онъ далъ ей всего девять, въ надеждѣ, что богатый мужъ ея уплатитъ. Это былъ самый злой, самый немилосердный и самый назойливый кредиторъ, и его нужно было ублажать. Да онъ и привыкъ, чтобы его ублажали. Сначала онъ переписывалъ векселя, ничего противъ этого не имѣя и даже думая, что чѣмъ больше она должна будетъ по векселю, тѣмъ скорѣе мужъ заплатитъ, и это давало ему возможность безбожно приписывать какіе-то совершенно каннибальскіе проценты, и нужно было удивляться, что долгъ выросъ не до пятидесяти тысячъ, а только до пятнадцати. Она подписывала все, что онъ ей ни подсовывалъ, даже не глядя на цифру векселя.

Абель Акопычъ пилъ и говорилъ, говорилъ и пилъ:

— Поѣхалъ я съ Капказа въ Петербурхъ. Нашелъ товарищевъ-капказцевъ. Хорошіе люди... дюша-человѣки. Ѣдемъ Петергофъ, говорятъ—тамъ зелень. Ѣдемъ. Пріѣхали. Харошій такой дэнь, дюша мой. Солнце... трава... кусты... ва! Взяли мы съ собой барашку (сквэрный у васъ барашка: съ запахомъ). У Самсона—знаишь Самсонъ? фонтанъ передъ дворецъ?—у Самсона легли мы на траву. Товарищи ушли за чѣмъ-то, а я наломалъ вѣтвей, зажегъ костеръ, разложилъ барашка, воткнулъ шампуръ, разставилъ кахэтинское—съ собой привезъ, не ваше: ваше дрянь — положилъ кругъ осетинскаго сыру; жарю и жду, жарю и жду... Солнце грѣетъ—хорошо... Капказъ ва! И вдругъ—жандармъ. «Ты что? Что ты тутъ дѣлаешь»?—Ва! Нэ видишь—шашлыкъ жарю... садысь—гость будэшь. А онъ какъ крикнетъ: «что ты,—говоритъ—дуракъ али сумашедшій»? — Ва! Зачэмъ дуракъ? Зачэмъ ругаешь, дюша мой? А жандармъ раскидалъ костеръ, затопталъ огонь, забралъ кахэтинское, сыръ «и гово-

Digitized by Google

ритъ: «иди». Иду. Пришли. Выходитъ приставъ сердитый такой, а какъ увидѣлъ меня, расхохотался...—Чего ты, дюша мой, хохочешь?—спрашиваю.—«Ты — говоритъ — передъ дворцомъ шашлыкъ жарилъ»?—Я.—«Да вѣдь за это тебя посадить надо».—Сади, милый челаэкъ. За что только садить будэшь? Какіе у васъ порядки, ва!..—Отпустилъ... А еще я по дѣлу къ министру являлся. Дэло у меня было на Кавказѣ. Ходилъ я, ходилъ къ министру... все завтра да завтра—нэ допускали. Вотъ, наконецъ, самъ подалъ ему прошеніе. Взглянулъ онъ на прошеніе и говоритъ: «Черезъ мѣсяцъ навѣдайтесь». А я ему и говорю: «Ва, дюша мой, ваше превосходительство... зачэмъ мѣсяцъ? У насъ, на Кавказѣ, это плевое дэло: кажный пастухъ въ одинъ дэнъ рэшитъ»... Засмѣялся министръ и рѣшилъ...

Окончивъ восточные анекдоты, Абель Акопычъ выпивалъ залпомъ стаканъ и вставалъ, угрожая прійти черезъ недѣлю.

Если Лидіи Викторовны не было дома, онъ преспокойно усаживался въ гостинной, курилъ скверный табакъ и готовъ былъ ждать сутки. Съ своимъ толстымъ чревомъ и выпученными неподвижными глазами, онъ походилъ на изваяніе каменнаго истукана. Въ послѣднее время онъ сталъ еще назойливѣе, уже не поддавался на закуску и кахетинское, и упорно не глядѣлъ на бутылки, боясь соблазниться, отдаться минутной слабости и уступить.

Въ домѣ у Лидіи Викторовны былъ чистый адъ и она недоумѣвала, когда и какъ этотъ адъ кончится. Въ кухнѣ часто происходили совѣщанія мелкихъ домашнихъ кредиторовъ. Озлобленная прислуга усаживалась, подъ предводительствомъ «кухархи за повара», пить кофе за столикомъ и за этимъ любезнымъ занятіемъ обсуждала дѣла. Иногда сюда заходилъ Казиміръ, проводивъ изъ дому своего барина къ Чудиновымъ, а вслѣдъ за нимъ являлся Никаноръ, въѣхавъ во дворъ и поручивъ лошадь конюху. Тогда это совѣщаніе походило на конкурсное правленіе. Обсуждали способы получить съ барыни деньги. Сердобольная Лиза кипятилась больше всѣхъ.

— Безбожники они, вотъ что! Госпо-о-да!—презрительно говорила она, ласково глядя на красиваго Жана, за котораго собиралась замужъ. Но тотъ видимо не хотѣлъ этого, помышляя ограничиться однимъ ухаживаньемъ и отговариваясь тѣмъ, что барыня должна ему триста рублей, и пока онъ ихъ не получитъ, онъ не можетъ жениться.

Digitized by Google

— Вездѣ должна, вездѣ... въ лавочкѣ перестали вѣрить—срамъ. А я-то всѣмъ ручалась. Сарѣ Рафаиловнѣ... прачкѣ... Съ меня требуютъ: ты, дескать, отвѣчала. Вотъ тебѣ и отвѣтила!

— Ну ихъ, къ шуту... только грабить умѣютъ,—мрачно вставлялъ Jean.

— Изъ-за ея я свово счастья должна рѣшиться,—говорила Лиза:—когда она вамъ отдастъ, Жанъ?

— Шутъ ее знаетъ.

— Все нѣту денегъ, нѣту денегъ, а въ карты играть есть деньги? А туалеты запаливать—шелки да бархаты, да кружева? А бральянты?

— Все въ долгъ,—заявлялъ Jean.

— Знаю, Жанъ... Да вѣдь платить-то надо?

— Ну, а вашъ?—обращался Jean къ Казиміру.

Но тотъ только махалъ руками.

— Что нашъ? Кругомъ долженъ. Какъ ваша...

— Да изъ какихъ онъ будетъ, вашъ-то?—спрашивалъ Никаноръ.

— Изъ шѣльмовъ.

Начинали хохотать.

— Ахъ, шутъ ихъ дери... Ну-у, господа нынче! Гольтепа.

Затѣмъ вырабатывался планъ дѣйствій...

Лидія Викторовна, осаждаемая со всѣхъ сторонъ, хандрила и часто плакала. Слезы ее старили и она, ежеминутно смотрясь въ зеркало, убѣждалась, что остатки молодости быстро проходятъ; около губъ легли складки, гусиныя лапки увеличивались и углублялись около глазъ; цвѣтъ лица портился и никакія пудры не помогали; къ бѣлиламъ она еще не прибѣгала, боясь ихъ и смутно сознавая, что первый день, въ который она отважится на это, будетъ днемъ окончательно наступившей старости. Въ эти минуты она вспоминала о Воеводскомъ. Она замѣчала его охлажденіе къ ней, но, вѣчно терзаемая дѣлами и кредиторами, не могла особенно задумываться надъ этимъ. На все махнула она рукой. Будь, что будетъ! Какъ истинная представительница золоченой богемы, она была занята вѣчно одной мыслью: достать денегъ, для того чтобы немедленно спустить ихъ въ рулетку. Барселонецъ сталъ у нея домашнимъ человѣкомъ и домъ ея превратился чуть не въ настоящій игор-

Digitized by Google

ный притонъ. Воеводскій почти пересталъ бывать у нея, занятый своими дѣлами. Зато Вѣнценосцевъ участилъ свои посѣщенія. Она не выносила его надутаго, самодовольнаго вида, его тягучей, выхоленной, но бездушной рѣчи, его авансовъ и ухаживаній, его намековъ и рисовки. Но она должна была терпѣть его, чувствуя, что онъ можетъ быть ей полезенъ, когда несчастье разомъ, безповоротно, обрушится на нее.

Вѣнценосцевъ воспользовался представившейся удобной минутой. Сначала исподволь, осторожно, съ подвохами, онъ приступилъ къ легкимъ затушеваннымъ инсинуаціямъ насчетъ Воеводскаго. Потомъ, когда, достаточно ощупавъ почву, онъ утвердился прочнѣе, то сталъ нападать и открыто. Онъ говорилъ объ его долгахъ, о которыхъ самъ не подозрѣвалъ раньше, но нѣсколько времени тому назадъ убѣдился въ его безвыходномъ положеніи, потому что имѣлъ неоспоримыя доказательства въ рукахъ: его векселя и взысканія по нимъ; говорилъ объ его похожденіяхъ, въ которыхъ одно время играла выдающуюся роль «Пантеонша», а въ послѣднее время разсказалъ ей о готовящейся свадьбѣ его съ Чудиновой. Лидія Викторовна довольно холодно и безучастно выслушивала всѣ эти навѣты. Однажды, при случайномъ свиданіи съ другомъ своего сердца, она сказала ему, что Вѣнценосцевъ очень безпокоится объ его судьбѣ. Но Воеводскій только отвѣтилъ:

— Онъ очень добръ, если обо мнѣ безпокоится, я-то о немъ вовсе не безпокоюсь.

— Напрасно. Съ нимъ надо быть осторожнымъ.

Онъ презрительно пожалъ плечами.

Видя, что фактическая сторона жизни «друга» мало интересуетъ Лидію Викторовну, Вѣнценосцевъ съ семинарской выдержкой и тупоумной послѣдовательностью повелъ аттаку дальше. Онъ сталъ разбирать Воеводскаго съ его внутренней стороны. Воеводскій дрянь-человѣчишко: у него нѣтъ ни принциповъ, ни серьезныхъ взглядовъ на жизнь, ни сердца, ни ума. Это продуктъ конца вѣка, конца безотраднаго вѣка. И онъ пускался въ адвокатское краснорѣчіе.

— Все огромное зданіе вѣка рушится,—говорилъ онъ:— все то, чему поклонялись когда-то, превратилось въ обломки, въ соръ и прахъ! Запахъ разрушенія и смерти подымается отъ этихъ обломковъ. При такихъ условіяхъ, можетъ ли существо-

Digitized by Google

вать что либо нормальное? Посмотрите, какъ развинчены нервы человѣчества. Посмотрите, какъ все шатается, какъ царятъ неврастенія, психозъ и прочія прелести... Взгляните на всѣ отрасли, на всѣ функціи человѣческой жизни; взгляните на декадентскую литературу, на импрессіонистскую живопись, на музыку «кучкистовъ»... вѣдь это сумбуръ какой-то, острое помѣшательство, гдѣ все перепутано, смѣшано, переплетено другъ съ другомъ, гдѣ зерно разума погребено подъ осколками и грудами мусора: это какая-то предсмертная судорога, агонія, послѣдній вздохъ умирающаго. Наука, какъ и искусство, не оправдала тѣхъ ожиданій, которыя на нее возлагали: она не дала «ни истиннаго счастья, ни долговѣчной красоты», ни серьезныхъ философскихъ, обобщающихъ, знаній и законовъ. Она копошится въ массѣ мелочей, она разрабатываетъ детали, и уже разработала ихъ въ ужасающемъ изобиліи, сваливъ въ одну кучу и не умѣя сдѣлать никакого вывода. Поэтому пессимизмъ, какъ грозный призракъ, возсталъ изъ гроба и ожилъ. Ледянымъ холодомъ повѣяло отъ его мрачныхъ крыльевъ на сирую землю. А съ нимъ ожили мистицизмъ, демонизмъ, чары и колдовство среднихъ вѣковъ, которыхъ адепты, проповѣдуя слѣпой фатумъ, стихійную волю, лишили человѣчество индивидуальности, стремленія къ идеалу. Въ погонѣ за идеаломъ, можно сойти съ ума. Идеалъ погребенъ подъ обломками стараго сгнившаго порядка, а молодыя силы, сомнѣвающіяся въ себѣ, надломленныя и усталыя, не въ состояніи откопать его оттуда... Но Воеводскій даже не эта уставшая, надорванная сила. Онъ—нуль, круглое ничтожество.

«Какъ и ты», соглашалась съ нимъ Лидія Викторовна, позѣвывая и не все понимая въ его рѣчи, но смутно догадываясь, что если эта характеристика подходитъ къ Воеводскому, то въ такой же мѣрѣ годится и для Вѣнценосцева.

— Не судите, да не судимы будете...—сказала она ему, чтобы что нибудь сказать.

Видя, что инсинуаціями, отвлеченностями и философіей ея не возьмешь, Вѣнценосцевъ пустился въ открытое ухаживанье. Онъ былъ узокъ въ изобрѣтеньѣ способовъ. Поэтому онъ примѣнилъ свой обычный пріемъ: написалъ стихи и напечаталъ съ посвященіемъ ей въ журналѣ, нумеръ котораго приподнесъ ей.

Онъ прочелъ ей стихи:

Digitized by Google

Посмотри—ты видишь? Съ тверди неба синей
Брызнули потоки солнечныхъ лучей...
Таетъ снѣгъ и меркнетъ на деревьяхъ иней,
И бѣжитъ, лепечетъ за ручьемъ ручей...
Жаворонокъ, рѣя въ дали поднебесной,
Гимнъ поетъ побѣдамъ молодой весны:
Все воскресло въ жизни властію чудесной
Въ золотомъ полуднѣ, въ серебрѣ луны..
Улыбнись и кинься въ трепетныя волны
Звуковъ свѣта, красокъ, ласки и тепла—
Или пиръ природы будетъ пиръ неполный
Безъ душистыхъ лилій твоего чела!..

Потомъ все тотъ же благосклонный капельмейстеръ положилъ на музыку эти стихи, и адвокатъ напечаталъ романсъ опять съ посвященьемъ Словенской, усердно его пропагандируя.

Но Лидія Викторовна оставалась холодна ко всѣмъ его попыткамъ. Тогда онъ ничего лучшаго не придумалъ, какъ примѣнить еще одинъ методъ—нахальство. Онъ сталъ открыто ухаживать за ней: говорилъ ей деревянные комплименты, восхищался ею, цѣловалъ ручки; прощаясь, удерживалъ ея руку въ своей неестественно долго; при постороннихъ всячески старался показать видъ, что они находятся въ очень близкихъ отношеніяхъ; въ своихъ кружкахъ распространялъ слухи о томъ, что она въ него влюблена. Но и это на нее не подѣйствовало. Тогда онъ рѣшился на послѣдній методъ: объявить ей открыто о своемъ «увлеченіи» и просить взаимности. Она выслушала его съ иронической улыбкой и къ концу его заблаговременно заготовленной рѣчи—расхохоталась.

Оскорбленное самолюбіе заговорило въ немъ; тупоумное упрямство еще болѣе овладѣло имъ и онъ рѣшилъ дѣйствовать навѣрняка. Онъ добился того, что ему поручили взысканія по ея векселямъ. Вооружившись этимъ послѣднимъ «методомъ» и, послѣ разговора съ Воеводскимъ окончательно убѣдившись, что съ этой стороны все покончено съ Словенской, онъ явился къ ней вечеромъ. Лидія Викторовна была страшно не въ духѣ. Утромъ она выдержала мелкую партизанскую войну домашнихъ кредиторовъ, днемъ явился къ ней совершенно осатанѣвшій Абель Акопычъ, не удержавшійся отъ кахетинскаго вина,

Digitized by Google

которое на сей разъ не произвело на него обычнаго дѣйствія: онъ не сталъ разсказывать ей «восточные анекдоты», а наговорилъ кучу дерзостей, упомянулъ что-то объ адвокатѣ и оралъ, какъ рѣзаный баранъ, страшно выпучивъ свои рачьи глаза и потрясая дланями, украшенными безвкусными кольцами.

Вечеромъ явился адвокатъ. При видѣ его, Словенскую передернуло. Но, усталая и разбитая, она все таки приняла его.

Онъ началъ издалека.

— Лидія Викторовна, я пришелъ къ вамъ поговорить о дѣлѣ, весьма близко васъ касающемся. Какъ это мнѣ ни непріятно, послѣ тѣхъ нелестныхъ пріемовъ, которые вы мнѣ устраивали, но... le vin est tiré, il faut le boire...

— Хорошо, я слушаю, только не говорите по французски,— поморщилась она отъ его «нижегородскаго» выговора.

Этимъ она его смертельно оскорбила, и онъ возненавидѣлъ ее въ одну минуту всѣми силами своей души.

— Я сознаю, что не долженъ былъ бы къ вамъ являться,— продолжалъ онъ: — но есть обстоятельства въ нашей грустной адвокатской профессіи, когда не остается мѣста ни личнымъ побужденіямъ, ни личнымъ чувствамъ, и является на сцену долгъ. Однако (она знаетъ его чувства къ ней), прежде чѣмъ что либо предпринять, онъ хотѣлъ бы поговорить съ ней по душѣ, въ послѣдній разъ, и постараться спасти ее саму отъ себя, отъ непріятностей, отвѣтственности и, быть можетъ... даже позора.

Она вздрогнула при этихъ словахъ. Онъ дотронулся до ея руки и дружески-убѣжденнымъ голосомъ продолжалъ:

— Послушайте, Лидія Викторовна: вы живете днемъ. Въ наше время такъ жить нельзя! Положимъ, птицы небесныя не сѣютъ, ни жнутъ, не собираютъ въ житницы и не думаютъ о завтрашнемъ днѣ, но зато и питаются онѣ всякой дрянью. Но вы не птица. Между тѣмъ вы живете такъ, какъ будто завтра вы должны умереть. Вы думаете только о текущей минутѣ: взять деньги,—все равно подъ какіе проценты и на какихъ условіяхъ,—лишь бы взять, прожить ихъ, а потомъ... что потомъ? Вы какъ будто разсчитываете на освобождающую ото всего смерть. Но вѣдь платить надо...

Digitized by Google

— Въ вашихъ словахъ чувствуется подвохъ. Потрудитесь оставить ваше адвокатское краснорѣчіе и говорить прямо о дѣлѣ.

— Извольте. У меня въ рукахъ ваши векселя и сохранная расписка, выданная Теръ-Акопову. Мнѣ поручено съ васъ взыскивать.

Она любезно разсмѣялась.

— А, вотъ что! Мнѣ говорилъ этотъ ростовщикъ о какомъ-то адвокатѣ... но я никакъ не предполагала, что это будете—вы. Вы всегда позировали въ качествѣ моего рыцаря безъ страха и упрека.

Онъ не смутился. Склонивъ свою голову на бокъ, онъ сказалъ:

— Я уже выразилъ вамъ сожалѣніе по этому поводу. Но есть грустныя стороны въ нашей профессіи. Оставимъ это. Намѣрены вы платить?

— У меня нѣтъ денегъ.

— Лидія Викторовна! Дѣло въ томъ, что взысканіе очень серьезно. По векселямъ—ну, это туда-сюда. Можно уговорить, внести проценты, отсрочить; наконецъ, продать обстановку вашу...

Она вздрогнула.

— Да... но по сохранной распискѣ... Для подобнаго рода документовъ не существуетъ давности и по нимъ полагается отвѣтственность уголовная, какъ за растрату... Это вѣдь пахнетъ Сибирью. У васъ рѣшительно нѣтъ денегъ и надеждъ ихъ получить?

— Нѣтъ.

Они замолчали.

Отчаянье овладѣло ею и она сказала:

— Что же дѣлать, что дѣлать, Боже мой?!.

Адвокатъ опять прикоснулся къ ея рукѣ.

— Послушайте, моя дорогая. Я знаю, что̀ дѣлать. Есть одинъ только выходъ. Теръ-Акоповъ у меня въ рукахъ. У меня есть документы, по которымъ я могу притянуть его къ суду за ростовщичество... по новому закону. Я могу войти съ нимъ въ сдѣлку и уплатить ему только то, что̀ вы *фактически* ему должны, безъ этихъ мошенническихъ приписокъ и лихвенныхъ процентовъ. Даже, я знаю, онъ согласится на

Digitized by Google

нѣкую конверсію, выражаясь языкомъ финансовыхъ операцій: онъ возьметъ половину.

— Но у меня нѣтъ и половины.

— Да вы должны, по моимъ разсчетамъ, немного болѣе ста тысячъ... всего... Остальные кредиторы — вздоръ. Важно заставить замолчать Тера. Это кредиторъ злостный, съ широкимъ горломъ, а—главное—у него сохранная расписка. Онъ бы довольствовался, я думаю, даже семью-восемью тысячами... Вообще, нужно бы приняться за упорядоченіе вашихъ дѣлъ.

— У меня нѣтъ и восьми тысячъ.

— Знаю. Но я могъ бы вамъ ихъ предложить. Конечно, не на ростовщическихъ условіяхъ.

Лидія Викторовна стала расцвѣтать и надѣяться.

— Я бы не взялъ съ васъ лихвенныхъ процентовъ.

— А какіе?

— Я бы взялъ въ видѣ процентовъ за ссуду—ваше расположеніе, а погасить капитальную сумму долга вы могли бы своей любовью,—цинично сказалъ онъ, развязно беря ея руку и цѣлуя ей каждый палецъ, съ наглой усмѣшкой. Жертва была въ его цѣпкихъ рукахъ, достаточно напуганная, чтобы не сопротивляться. Онъ, по крайней мѣрѣ, такъ разсчитывалъ.

— У меня есть средства—опутывалъ онъ ее:—я вѣдь не голый Воеводскій. Мы бы поѣхали съ вами за границу справлять свой медовый мѣсяцъ... Въ Аббацію, на берега Неаполитанскаго залива, въ Венецію... куда хотите. Въ Парижъ—осенью...

Онъ осмѣлился и, быстро пересѣвъ на диванъ, нагнулся къ ней, обнялъ ее за талію и порывисто притянулъ къ себѣ, поцѣловавъ въ шею.

— Наглецъ! — вырвалось у нея и глаза ея заискрились такой неудержимой ненавистью, что даже толстокожій адвокатъ отшатнулся.—Убирайтесь вонъ... Я велю васъ выгнать моему лакею...

— Которому вы тоже должны? — нисколько не смущаясь, проговорилъ онъ, вставъ и приготовляясь уходить.

— Нахалъ...

— Фи, вы бранитесь... какъ... какъ неинтеллигентная женщина. Помните: состоять въ интимныхъ отношеніяхъ къ горничной для мужчины, а для женщины быть должной своему лакею—это позоръ...

Digitized by Google

— Господи!—разрыдалась вдругъ она, вся поддавшись разразившемуся надъ нею нервному припадку.—Вонъ отъ меня!.. И чтобы я васъ больше никогда не видала.

— Напротивъ, вы увидите меня въ судѣ... когда будете сидѣть на скамьѣ подсудимыхъ. Но, помните, я пальцъ о пальцъ не стукну, чтобы спасти васъ, и сдѣлаю, напротивъ, все отъ меня зависящее, чтобы погубить васъ... Прощайте...

Недѣлю спустя, у Словенской былъ завтракъ. Было шумно и весело. Множество гостей присутствовало въ этотъ день и между ними Барселонецъ. Послѣ завтрака, хотѣли устроить рулетку. Лидія Викторовна опять раздобыла двѣ-три сотни рублей и поклялась на нихъ выиграть состояніе. Но во время завтрака явился приставъ съ исполнительнымъ листомъ, въ сопровожденіи Горемыкина, и приступилъ, подъ руководствомъ Jean'a къ «предварительному исполненію», т. е. къ описи гостинной и другихъ комнатъ. Все было описано, на все были наложены печати и все сдано до поры до времени на сохраненіе хозяйкѣ дома.

Горемыкинъ попросилъ свиданія и хладнокровно заявилъ,— повидимому, забывъ о томъ, что когда-то ѣлъ и пилъ въ этомъ домѣ, — что его патронъ поручилъ еще разъ напомнить г-жѣ Словенской, что на будущей недѣлѣ дѣло о растратѣ по сохранной распискѣ поступитъ къ слѣдователю.

Вечеромъ того же дня Лидія Викторовна послала за Вѣнценосцевымъ, написавъ ему любезную записку...

XXVI.

Анна Яковлевна очень плохо спала въ мастерской Замойскаго и встала рано. Она быстро умылась, привела себя въ порядокъ и сѣла ожидать художника. Ей пришлось ждать долго, потому что онъ, со свойственной ему деликатностью, не хотѣлъ нарушать ея покоя и отдыха. Онъ явился около десяти часовъ. Когда онъ, войдя въ комнату, увидѣлъ сидѣвшую передъ мольбертомъ Анну, залюбовавшуюся на его картину, грустное чувство овладѣло имъ: вотъ она сидитъ здѣсь въ его мастерской, какъ хозяйка дома, спокойная, красивая, изящная, и какъ будто ждетъ его. Ахъ, еслибы, возвращаясь, онъ

Digitized by Google

всегда могъ находить ее здѣсь! Еслибы онъ имѣлъ право считать ее близкой себѣ женщиной, повѣрять ей свои тайны, надежды, мечты и разочарованія, слушать ея мнѣнія, дѣлить съ ней радости, ограждать ее отъ горя, жить только ею и для нея, словомъ, сдѣлать ее своей женой... Но это невозможно. У нея слишкомъ много горя и она пережила настолько сильное разочарованіе, что ей, конечно, не до того и малѣйшій намекъ на любовь былъ бы теперь безтактенъ и неумѣстенъ. Бѣдняга глубоко затаилъ бродившія въ немъ чувства и ничего, конечно, не сказалъ ей о нихъ. Онъ спросилъ: какъ она спала?

— Превосходно, — солгала Анна.—Но теперь мнѣ надо ѣхать. Благодаря вашей помощи—я могу это сдѣлать.

Онъ ничего не отвѣтилъ и она стала собираться. Грустное чувство все болѣе и болѣе завладѣвало имъ, и онъ не могъ ни отвязаться отъ него, ни побороть его. Не смотря на настоянія Анны, онъ проводилъ ее до вокзала и взялъ ея адресъ, собираясь съ ея разрѣшенія навѣстить ее. Потомъ, съ поникнувшей головой, вернулся домой, и его комнатка показалась ему унылой, осиротѣлой и пустынной. Онъ пошелъ за ширму и взглянулъ на кровать: она была въ полномъ порядкѣ; видимо гостья спала на ней, даже не раздѣваясь. Только смятая подушка напоминала о томъ, что на ней въ эту ночь покоилась прелестная головка. Замойскій грустно усмѣхнулся и отошелъ.

Онъ сѣлъ передъ мольбертомъ и задумался. Что-то смутное, радостное, и вмѣстѣ съ тѣмъ горькое, поднималось со дна его души. Какія-то отрывочныя мысли, еще не оформленныя, еще не осѣвшія, бродили въ его головѣ... Ничего не случилось особеннаго, но онъ чувствовалъ, что въ его внутренней жизни что-то совершилось. Образъ Анны вошелъ въ его существованіе, вытѣснилъ думы изъ головы, поселился у него въ сердцѣ. Какъ это случилось? Онъ и самъ не зналъ. Онъ зналъ только, что вотъ этотъ стулъ, на которомъ часъ тому назадъ она сидѣла, вдругъ сталъ ему дорогъ; эта кровать, на которой она спала, стала ему дорогою; эта комната, въ которой она говорила съ нимъ—сдѣлалась храмомъ. И крыши, и трубы сосѣднихъ домовъ, и хмурое сѣрое небо, и убогая мастерская, и онъ самъ—все перерождалось: уныніе уходило, пустыня оживала и онъ уже не чувствовалъ того гнетущаго одиночества, которое его всегда

Digitized by Google

тяготило. И надо всѣмъ парила надежда. Надежда на что? И этого онъ не зналъ. Бѣшеная жажда работы имъ овладѣла. Нужно во что бы то ни стало работать,—думалъ онъ,—потому что *ей* понадобятся деньги. Нужно во что бы то ни стало выставить картину на предстоящей выставкѣ и заставить о себѣ говорить, потому что ей можетъ понадобиться его слава. Онъ подошелъ къ начатой небольшой картинѣ. На ней была изображена сцена деревенскаго ухаживанья и подъ картиной стояла шутливая подпись: cavalleria rusticana. Понравится ли картина Аннѣ? Онъ осмотрѣлъ такимъ образомъ всѣ свои начатыя работы и передъ каждой задавалъ себѣ вопросъ: понравится ли она Аннѣ? Онъ вспоминалъ ея убитое горемъ лицо, и глухая, неумолимая ненависть поднималась въ немъ къ Воеводскому.

Мастерская стѣсняла его. Ему въ ней было душно, хотя она была уже цѣлыя сутки не топлена. Но ему нуженъ былъ свѣжій морозный воздухъ, движеніе, люди, шумъ, свѣтъ. И онъ пошелъ бродить по улицамъ, безъ цѣли, безъ плана, безъ необходимости. Въ каждой, встрѣчавшейся ему, женщинѣ онъ искалъ знакомыхъ чертъ и ни одна не удовлетворяла его. «Развѣ у Анны такіе глаза?—спрашивалъ онъ себя.—У Анны овалъ лица классическій... А ростъ? А фигура?»—У эстампныхъ магазиновъ онъ останавливался и представлялъ себѣ въ витринахъ ея портретъ. Сколько бы народу толпилось около нея? Потомъ ему вдругъ вспомнились стихи:

Есть женщины въ русскихъ селеньяхъ...

Это про нее написано: именно у нея «спокойная гордость взгляда» и «величавая поступь царицъ». Онъ шелъ дальше, вдыхая рѣзкій воздухъ морознаго дня и наслаждаясь имъ. На одномъ изъ поворотовъ ему вспомнилась его картина. О, еслибы онъ могъ ее кончить къ выставкѣ... Почему нѣтъ? Онъ вспомнилъ извѣстнаго художника, который всегда писалъ натуру съ своей жены, не измѣняя даже ея головы и только идеализируя ея лицо. А ему и идеализировать не придется, потому что головка Анны идеальна. О, еслибы она согласилась, о, еслибы это было возможно!.. Почему же и нѣтъ? Потомъ имъ овладѣвало отчаянье. Нѣтъ, она не согласится... Да и онъ никогда не посмѣетъ попросить у нея этого. Грустное настроеніе смѣняло жизнерадостное и онъ шелъ, понуря голову. Потомъ опять оживалъ, надѣялся, торопился. Въ ушахъ его звучала рѣчь

Digitized by Google

Анны, передъ глазами матеріализировался ея образъ, въ сердцѣ жила любовь къ ней, въ головѣ плыли мысли о ней. И вездѣ, и всюду Анна, Анна, Анна...

— Пожалуй, Воеводскій правъ,—проворчалъ онъ:—я, кажется, дѣйствительно влюбленъ въ нее.

Дома онъ нашелъ письмо по городской почтѣ.

— Можетъ быть, заказъ!—мелькнуло ему и онъ разорвалъ конвертъ.

«Одинъ изъ моихъ кліентовъ, купецъ Макаркинъ, рекомендовалъ мнѣ васъ, какъ портретиста. Я видѣлъ вашу работу и желалъ бы заказать свой портретъ, но съ тѣмъ, чтобы онъ попалъ на выставку. Благоволите заѣхать ко мнѣ для переговоровъ. Вѣнценосцевъ».

Замойскій чрезвычайно обрадовался.

— А! Знаменитый адвокатъ!—воскликнулъ онъ.—Ну, съ этого нужно содрать... «Катенькой» не отдѣлается...

Веселое настроеніе овладѣло имъ и онъ сталъ пѣть. У Анны будутъ деньги... Одно присутствіе Анны въ его мастерской сдѣлало то, что ему сразу повезло, слѣдовательно, и деньги эти по праву—ея деньги. Ахъ, еслибы кончить это богемское существованіе, процвѣсть, прославиться, разбогатѣть!.. Лично ему не нужно денегъ: онъ довольствуется малымъ, но ей... Аннѣ...

И опять Анна, Анна, Анна... Да, это была любовь.

XXVII.

Вѣнценосцевъ торговался съ Замойскимъ не хуже Абеля Акопыча. Наконецъ, они сошлись на трехстахъ рубляхъ. Художникъ долженъ былъ написать его до самыхъ колѣнъ, почти въ натуральную величину, и выставить на предстоящей весенней выставкѣ. Обыкновенно конфузливый и робкій портретистъ, рѣшительно неспособный первымъ заговорить о деньгахъ, Замойскій потребовалъ съ Вѣнценосцева двѣ трети впередъ. Прижимистый адвокатъ предложилъ лишь пятьдесятъ и, только видя серьезное намѣреніе обиженнаго художника уйти, онъ согласился прибавить и выдалъ сто, неделикатно замѣтивъ:

— Для васъ и это капиталъ.

Digitized by Google

Замойскій промолчалъ, потому что почувствовалъ себя дѣйствительно капиталистомъ. Онъ остался безъ гроша и не зналъ, какъ уплатить за квартиру; кромѣ того, онъ весь обносился: ему нужны были и сапоги, и сюртукъ, и тепло́е пальто, и краски, и кисти, и холстъ. Поэтому онъ обрадовался ста рублямъ, какъ ста тысячамъ. Они условились о днѣ перваго сеанса, причемъ адвокатъ тщательно записалъ адресъ Замойскаго, зорко глядя ему въ глаза и опасаясь, какъ бы тотъ не надулъ его.

Весело шелъ художникъ домой, строя грандіозные планы, чрезмѣрно увлекаясь и забывая, что на исполненіе всего имъ задуманнаго потребовалось бы не сто, а тысяча рублей. Подорогѣ онъ выдумывалъ всевозможныя ухищренія, но вдругъ остановился и пробормоталъ:

— По истинѣ я подлецъ!

Онъ вспомнилъ объ Аннѣ. Она бьется въ нуждѣ, съ больнымъ ребенкомъ на рукахъ. Она сидитъ въ нетопленной комнатѣ, быть можетъ, безъ обѣда, а онъ эпикурейски мечтаетъ о радостяхъ жизни. Но вѣдь онъ мужчина. Онъ можетъ все вытерпѣть, а ей, этой царицѣ, терпѣть нужду и горе?.. Что за бѣда, что у него сапоги отказываются служить? Ихъ можно отдать въ починку, а самому посидѣть одинъ вечеръ дома. Вмѣсто теплаго пальто легко можно обойтись фуфайкой. Вѣдь у него еще двѣсти рублей впереди и онъ ихъ возьметъ авансомъ у адвоката, какъ только начнетъ писать портретъ. Какъ ему теперь стало легко просить деньги! Прежде онъ смущался и робѣлъ, теперь—когда онъ знаетъ, что эти деньги нужны *не ему*—онъ робѣть не станетъ. Онъ ихъ попроситъ. Наконецъ, у него есть еще кое-какая мелочь—рублей десять—и этого съ него довольно, если жить скромно. Краски и прочее можно взять въ кредитъ. Радостный, сіяющій, отправился онъ въ кухмистерскую, спросилъ скромный завтракъ и листъ почтовой бумаги съ конвертомъ, написалъ Аннѣ письмо, въ которомъ просилъ не отказать другу и взять у него *въ долгъ* прилагаемые сто рублей, и съ этимъ письмомъ, выдя изъ кухмистерской, помчался на извощикѣ на почту. Тамъ онъ отправилъ ихъ въ Царское. Онъ зналъ, что́ такое радость. Онъ испыталъ ее, когда на конкурсѣ получилъ золотую медаль; испыталъ, когда заработалъ первыя деньги, полученныя имъ за продан-

Digitized by Google

ную картину. Онъ зналъ ее и тогда, когда испытывалъ художественное самоудовлетвореніе по окончаніи послѣдняго мазка удавшейся картины. Онъ думалъ, что на свѣтѣ нѣтъ радости выше этой. Но онъ ошибся; то, что онъ испыталъ теперь, ощущая въ рукахъ почтовую расписку на отправленныя имъ деньги—не поддавалось анализу. Это была чистая, свѣтлая, счастливая радость, которая наполняла его дѣтски-добрую и наивную душу волною блаженства. Анна будетъ довольна, Анна вздохнетъ легко, Анна не будетъ нуждаться, по крайней мѣрѣ, въ теченіе цѣлаго мѣсяца. Какое счастье, великое счастье! И онъ готовъ былъ прыгать и пѣть. Онъ чувствовалъ, какъ онъ начинаетъ любить не только свое искусство, давшее ему возможность сдѣлать это, но и почтовыхъ чиновниковъ, любезно взявшихся отправить деньги, и невѣдомаго почтальона, который принесетъ Аннѣ повѣстку, и Вѣнценосцева, выдавшаго ему «Катеньку», и самого Макаркина, за его рекомендацію. Впрочемъ, онъ любилъ теперь весь свѣтъ и даже сдѣлалъ попытку сочинить стихи. Первая строчка еще кое-какъ у него сложилась, но дальше ничего не вышло и онъ, радостно улыбаясь, поплелся домой.

Черезъ три дня, Анна появилась въ мастерской художника. Онъ встрѣтилъ ее сдержанно, какъ только могъ. Конечно, онъ хотѣлъ бы броситься къ ней, обнять ее, поцѣловать, вылить передъ ней всю душу, разсказать ей, какъ онъ ее любитъ. Но всѣ эти порывы онъ подавилъ въ себѣ могучимъ усиліемъ воли. Зачѣмъ онъ будетъ ей навязываться и развѣ онъ можетъ быть настолько неделикатенъ, чтобы сейчасъ же послѣ оказаннаго ей одолженія заговорить о любви? Но молчаніе давалось ему тяжело. Нѣсколько восторженныхъ фразъ готовы были сорваться съ его губъ, но онъ ловко замѣнилъ ихъ другими, совершенно незначительными. Голосъ его дрожалъ и онъ замолкъ, чтобы дать себѣ время успокоиться. Теперь онъ вполнѣ овладѣлъ собой и только одни глаза еще выдавали его; онъ чувствовалъ, что они глядятъ на Анну съ нескрываемымъ восторгомъ, и единственно ихъ онъ не съумѣлъ покорить своей волѣ.

Анна протянула ему обѣ руки.

— Что вы сдѣлали, Левъ Михайлычъ! Зачѣмъ вы прислали мнѣ эту уйму денегъ? Откуда вы ихъ взяли? Вѣдь это ваши послѣднія?.. Я не имѣю права пользоваться такъ безце-

Digitized by Google

ремонно добротой вашего сердца. И потомъ... мнѣ тяжело принимать милостыню...

— Анна Яковлевна!

Въ голосѣ его было столько муки, столько мольбы, что она съ изумленіемъ на него посмотрѣла. Онъ спохватился и заговорилъ быстро, быстро, стараясь заглушить громкими словами ту тихую, нѣжную, ему одному слышимую рѣчь, которая складывалась въ немъ. Онъ самъ не зналъ, что говорилъ. Но говорилъ онъ долго. Говорилъ о томъ, что это будетъ кровная обида, если она откажется, что онъ не нуждается, что купеческія рыла довольно богаты, чтобы платить ему за ихъ изображенія, что онъ очевидно входитъ въ моду, потому что «самъ» знаменитый Вѣнценосцевъ заказалъ ему портретъ, и онъ нуждаться отнынѣ не будетъ, что у него есть еще деньги, чтобы она не безпокоилась и считала бы себя его товарищемъ по искусству, что всѣ художники, какъ бы они ни назывались—актерами, писателями, музыкантами или живописцами—братья и должны другъ друга поддерживать и другъ другу помогать въ тяжелую минуту жизни, и что это не только долгъ, но и наслажденіе. За что же она хочетъ лишить его этого священнаго права и удовольствія, на которое имѣетъ право всякій труженикъ? Наконецъ, она поступитъ когда нибудь на сцену—онъ не сомнѣвается въ ея талантѣ—и тогда она отдастъ ему. Развѣ она думаетъ, что и онъ у нея не возьметъ тогда въ долгъ?.. Онъ говорилъ еще много и она удивлялась, какъ это онъ, Замойскій, такой молчаливый, вдругъ разговорился.

— Ну, да бросьте это,—продолжалъ онъ.—Право, ужасно скучно говорить о деньгахъ. Скажите лучше, какъ у васъ тамъ? Что сынокъ?

— Петѣ лучше. Докторъ говоритъ: опасность миновала.

— Слава Богу,—воскликнулъ онъ, и она опять услышала въ его голосѣ тѣ ноты, которыя ее поражали: столько въ нихъ было искренности, глубины и чувства, какъ будто онъ говорилъ о своемъ родномъ сынѣ.

Она помолчала, потомъ подошла къ нему, взяла его руку и крѣпко сжала.

— Вы славный, добрый, хорошій человѣкъ!—сказала она.—Спасибо вамъ, спасибо сердечное. Будь я одна, я бы отказалась отъ этихъ денегъ...

Digitized by Google

— Опять!—съ горечью въ голосѣ воскликнулъ онъ.

— Постойте. Дайте мнѣ кончить. Но я не могу, не въ силахъ отказаться отъ нихъ. Эти деньги спасутъ жизнь моего мальчика... Но выслушайте меня серьезно... и спокойно. Я не возьму ихъ даромъ. Что я для васъ? Посторонняя, чужая женщина...

Она не подозрѣвала, какъ больно ему дѣлаетъ этими словами. Онъ слушалъ ее молча, низко поникнувъ головой и готовый разрыдаться, какъ мальчикъ. Она—для него чужая! Ничего печальнѣе, ничего обиднѣе она не могла придумать. Между тѣмъ она продолжала:

— И я не имѣю права располагать вашими трудовыми деньгами, какъ своими собственными. Трудовыя деньги—деньги священныя, это—не деньги позора...—Голосъ ея дрогнулъ и осѣкся. Оправившись, она заговорила:—Я ихъ возьму. Но я прошу, умоляю васъ: возьмите меня, какъ натурщицу, для вашей картины. Я не вижу въ этомъ трудѣ ничего постыднаго... Это такой же трудъ, какъ и всякій другой, только онъ тяжелѣе другаго—вотъ вся разница. Приходится жертвовать своей стыдливостью, выработанными съ дѣтства понятіями объ условной нравственности... конечно, тяжело это... но безчестнаго тутъ я ничего не вижу... и мнѣ кажется, чѣмъ тяжелѣе трудъ, тѣмъ онъ почтеннѣе. И если относиться къ нему серьезно, безъ заднихъ мыслей... Ну, однимъ словомъ—я иду на это. Вы будете мнѣ платить, что̀ платите другимъ... вы возьмете у меня столько сеансовъ, сколько нужно... Остальное я вамъ отдамъ, когда поступлю на сцену. Какъ только я устроюсь и устрою Петю, я опять буду служить и зарабатывать свой хлѣбъ. Я пошатнулась, сошла съ своего пути, и судьба жестоко наказала меня за роковую ошибку. Но исправиться никогда не поздно... Никогда... Христосъ простилъ грѣшницу и сказалъ, отпуская ее: иди и больше не грѣши. И меня проститъ, и я грѣшить не буду. Только человѣкъ слабый, сомнѣвающійся въ своихъ силахъ, не вѣритъ въ возможность прощенья и искупленія... Вы знаете—я перевезла Петю сюда. Я разсчитала кормилицу—она больше не нужна. Я взяла няню—чудную старушку—и довѣряю ей, какъ самой себѣ. Я уплатила долги и теперь—свободна и счастлива, какъ птица... Я была принижена, убита, я думала, что мнѣ пришелъ конецъ. Но

Digitized by Google

теперь все измѣнилось, и все благодаря вамъ... Вы принесли мнѣ жертву—вѣдь вы не Крезъ, чтобы свободно выдавать по сту рублей—и должны будете принять и отъ меня жертву...

Видя его протестующій жестъ, она сказала:

— Ну, милый, перестаньте отказываться. Такъ нужно. Вѣрьте мнѣ. Я буду позировать. Я знаю—вы говорили мнѣ—въ этой картинѣ для васъ все: вся ваша будущность, вся карьера, вся слава, деньги, почетъ... Не лишайте же меня возможности дать вамъ все это. Ну, милый, согласитесь... да? хорошо? вѣдь да? Когда мы начнемъ? Завтра, хотите?..

— Я не могу,—замахалъ онъ руками, невольно радуясь, что наконецъ его завѣтная мечта осуществится, и картина, на которую онъ возлагалъ столько надеждъ, поспѣетъ къ выставкѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, жертва снова казалась ему огромной и онъ впадалъ въ отчаянье. Ему становилось жаль ее, жаль за это самоотверженіе, котораго онъ не былъ достоинъ, по его мнѣнію.

— Я не могу,—уныло повторилъ онъ:—не могу, не могу...

— Я разсержусь наконецъ, — сказала она, нахмурившись.

Тогда онъ придумалъ исходъ.

— Я пишу теперь заказной портретъ и раньше трехъ недѣль его не кончу... Тогда мы поговоримъ, подумаемъ...

Вздохъ облегченія, невольный, неожиданно вырвавшійся вздохъ—выдалъ Анну. Замойскій понялъ, чего ей стоило рѣшиться на сдѣланное предложеніе. И странно, теперь онъ почти готовъ былъ обидѣться на нее. Но онъ немедленно поймалъ себя на этомъ скверномъ чувствѣ и съ озлобленіемъ на себя покорилъ его, мысленно назвавъ себя опять «подлецомъ».

Замойскій ушелъ, чтобы поставить самоваръ. Онъ возился съ нимъ долго, дулъ въ него до головокруженія, прикладывалъ руки, щупалъ, скоро ли онъ нагрѣется, ругалъ его на чемъ свѣтъ стоитъ, но самоваръ какъ на зло не кипѣлъ. Наконецъ, весь красный отъ этой возни, художникъ торжественно внесъ его въ комнату.

Анна принялась хозяйничать. Они начали пить чай. Замойскій не переставалъ фантазировать. Онъ задумчиво глядѣлъ на тускло горящую лампу, и мечта за мечтой одолѣвала его. Вотъ сидитъ съ нимъ рядомъ Анна—его жена; она любитъ его, а онъ ее боготворитъ. Онъ любитъ и Петю—вѣдь это *ея*

Digitized by Google

ребенокъ... кто знаетъ, будетъ ли у него свой? Жена помогаетъ ему въ работахъ совѣтомъ, указаніемъ, добрымъ, сердечнымъ словомъ; она поддерживаетъ въ немъ упавшій духъ. Сама она служитъ въ Петербургѣ на сценѣ... По вечерамъ онъ свободенъ и посѣщаетъ театръ, гдѣ наслаждается ея несравненной игрой, вмѣстѣ съ публикой. Зимой они вмѣстѣ читаютъ критическія статьи объ ея игрѣ, весной—тѣ же статьи о его картинахъ на выставкахъ. Они обмѣниваются замѣчаніями. И онъ, и она—знаменитости. Объ обоихъ говорятъ и пишутъ. У нихъ слава и деньги. Но что и то, и другое въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ немногіе могутъ похвастаться? Они любятъ другъ друга такъ горячо, такъ искренно, такъ полно... Ему всѣ завидуютъ...

Самоваръ запѣлъ тоненькимъ голосомъ какую-то унылую пѣсенку. Абажуръ отъ лампы кидалъ широкую тѣнь. Огромный городъ мелькалъ безчисленными огоньками за окномъ мастерской. Темное небо покрыто было тучами и только одна звѣздочка робко, какъ бы съ испуганнымъ любопытствомъ, глядѣла въ прорѣзь межъ двумя тучами, заглядывая въ мастерскую художника...

Погруженный въ свои мечты, онъ не слыхалъ, что Анна съ нимъ говоритъ. Она расхохоталась.

— Вы размечтались...—сказала она.—О чемъ? Да гдѣ вы? очнитесь!..

Анна повеселѣла. Она съ наслажденіемъ пила горячій чай и щебетала, какъ птичка. Замойскій наслаждался, видя ее веселой и довольной. Но веселье ея дѣйствовало на него особенно. Въ эти минуты, ему неудержимо хотѣлось сказать ей вдругъ, сразу, что онъ любитъ ее. И это признаніе чуть не сорвалось у него съ языка. Но онъ сдѣлалъ видъ, что обжегся горячимъ чаемъ, и замолчалъ. Раза два ему показалось, что она на него поглядѣла особенно. Сердце его трепетно сжалось, замерло, и радость, безумная, бѣшеная радость, овладѣла имъ. Неужели она его тоже любитъ? Какъ же иначе объяснить этотъ взглядъ... въ немъ столько любви...

Онъ готовъ былъ опять «выпустить себя изъ рукъ» и сказать ей всю правду. Но она заговорила. Заговорила тихо, какимъ-то особеннымъ голосомъ—онъ сразу узналъ этотъ голосъ: она всегда имъ говорила, когда рѣчь шла о Воеводскомъ — и въ этомъ голосѣ звучала тоска и горькое разочарованіе. Мечты

Digitized by Google

Замойскаго разсѣялись, какъ дымъ. Холодомъ пахнуло на него. Злоба заклокотала въ немъ.

— Вы знаете... ну, вы мнѣ говорили, что я должна получить въ Царскомъ сто рублей... Помните, я ему писала; такъ по письму?..

— Ну?—съ злорадным любопытствомъ заговорилъ художникъ, вспоминая о ста рубляхъ, данныхъ имъ Воеводскому для отправки къ Аннѣ.—И вы ихъ не получили?.. Нѣтъ?..

— Нѣ-ѣтъ...—совсѣмъ тихо проговорила она, какъ будто ей было стыдно за Воеводскаго.

Это одно слово сказало Замойскому все. Готовое сорваться признаніе замерло на его губахъ. Въ голосѣ Анны онъ уловилъ и оттѣнокъ сожалѣнія о прежнемъ счастьѣ, и боль за Воеводскаго, котораго сейчасъ назовутъ подлецомъ за его эгоизмъ, и еще многое другое, что говорило ему о не остывшей еще любви Анны и что вонзало ножи въ его сердце.

«Такъ вотъ что!—думалъ онъ:—она все еще его любитъ»!..

— Такъ вы ихъ не получили? — машинально еще разъ спросилъ онъ.

Она ничего не отвѣтила, и только отрицательно покачала головой.

— Я такъ и зналъ,—судорожно хихикнувъ, сказалъ онъ:—подлецъ!..

Чуть замѣтная тѣнь прошла по лицу Анны при этихъ словахъ и около губъ ея дрогнулъ мускулъ. Никто не замѣтилъ бы этого, но отъ глазъ и наблюдательности художника это не скрылось. Замойскій только укрѣпился въ своемъ предположеніи. Ему хотѣлось произнести сейчасъ же громовую рѣчь противъ Воеводскаго. Онъ чувствовалъ въ себѣ огромныя силы для этой рѣчи и нашелъ бы подходящія выраженія для его характеристики. Горячимъ словомъ безграничнаго негодованія онъ пригвоздилъ бы къ позорному столбу этого наглаго «золотаго богемца», жуирующаго на чужія деньги, добытыя потомъ и кровью, и пропивающаго ихъ въ веселой компаніи въ то время, когда знаетъ, что рядомъ, въ получасовомъ отъ него разстояніи, погибаетъ когда-то любимая имъ женщина, брошенная имъ на произволъ судьбы съ сыномъ, послѣ минутной забавы, когда разнузданная прихоть прошла и разслабленная воля увлекла мысли и чувства въ другую сторону. Но Замойскій еще и еще разъ сдержалъ себя.

Digitized by Google

Анна сдѣлалась серьезной. Она кончила чай, подошла къ окну, прислонилась къ его холодному стеклу пылающимъ лбомъ и, какъ бы замеревъ въ гипнотическомъ снѣ, очарованная глядѣла на перспективы огромной столицы... Этотъ городъ смущалъ ее. За стѣнами этого дома и за стеклами окна не было слышно шума и городъ казался ей безмолвнымъ и мертвымъ. Только длинный рядъ желтоватыхъ огней мелькалъ, теряясь въ ночной мглѣ. Чернильное небо было мрачно и лишь вдали на немъ лежала отраженная полоса электрическаго свѣта. Аннѣ вдругъ показалось, что огромный городъ глядитъ на нее изъ окна тысячью своихъ глазъ и вопрошаетъ ее о чемъ-то... Между ею и городомъ начинается борьба на жизнь и смерть. Она должна его покорить... Она должна завоевать себѣ здѣсь положеніе. Или онъ покоритъ ее и погубитъ? Кто знаетъ?... Борьба еще только начинается...

Она вздрогнула и отошла отъ окна. Веселое настроеніе не возвращалось и она простилась съ Замойскимъ, прося его не провожать—она жила близко отъ него—всего черезъ какой нибудь десятокъ домовъ. Онъ почувствовалъ, что она захотѣла скорѣе остаться одна, и поспѣшилъ согласиться.

Когда она вышла, онъ упалъ на колѣни передъ стуломъ, на которомъ она только что сидѣла, и разрыдался. Тяжелыя, бурныя, безпомощныя рыданія потрясли его.

— Анна, Анна, Анна,—безсвязно говорилъ онъ.—Ты любишь, ты любишь его... этого мерзавца и негодяя!

XXVIII.

Портретъ Вѣнценосцева приближался къ концу. Замойскій постарался сдѣлать его на славу, такъ что даже взыскательный адвокатъ остался доволенъ. По мѣрѣ того какъ заказная работа приближалась къ концу, художникомъ овладѣвало уныніе. Еще времени достаточно и онъ успѣлъ бы кончить старую работу къ выставкѣ. Мучительное желаніе писать снова овладѣло имъ; нервы его напряглись до послѣдней степени — это случалось съ нимъ всегда передъ приливомъ творчества: онъ не могъ ни о чемъ думать, кромѣ какъ о своей Венерѣ. Она снилась ему ночью, стояла передъ его глазами днемъ. Венера и Анна—вотъ двѣ мысли, которыя ему мѣшали теперь жить.

Digitized by Google

Онъ сдѣлался раздражительнымъ; бодрое настроеніе, которымъ онъ всегда отличался между всѣми товарищами-художниками, казалось, покинуло его безвозвратно. Онъ потерялъ сонъ и апетитъ, и сталъ худѣть. Угрюмо просиживалъ онъ, по цѣлымъ часамъ, передъ своей неконченной картиной и его возбужденному воображенію представлялась вполнѣ оконченная, блестящая красавица-богиня, выходящая изъ морской пѣны. Съ тѣхъ поръ какъ Анна предложила себя въ натурщицы, прошло около мѣсяца, и они больше не разговаривали объ этомъ, хотя видѣлись довольно часто. Но она слѣдила за нимъ и отлично видѣла всѣ печальныя перемѣны, въ немъ происходившія. Она часто заставала его передъ картиной до такой степени задумавшимся, что онъ даже не замѣчалъ ея присутствія. Она начинала говорить и онъ срывался съ мѣста, конфузился, задергивалъ зеленый пологъ и отходилъ отъ мольберта. Анна хорошо понимала, что если на предстоящую выставку онъ не успѣетъ приготовить картины, то ему предстоитъ еще годъ мучительной работы надъ эскизными портретами,—работы безъ мысли, безъ вдохновенія, безъ творческаго порыва. Онъ не разъ говорилъ ей о своихъ взглядахъ на искусство. Искусство, по его мнѣнію, жестоко, ревниво и мстительно. Жестоко потому, что оно требуетъ всего человѣка со всѣми его мыслями, порывами и чувствами. Оно ревниво и не оставляетъ мѣста никакимъ другимъ побужденіямъ. Мстительно, потому что быстро измѣняетъ тому, кто недостаточно любовно къ нему относится. Кто не совершенствуется и не идетъ впередъ, тотъ съ неумолимою послѣдовательностью идетъ назадъ. И онъ, Замойскій, больше всего боялся этого регресса. Его надо было выручить. Она это понимала, но съ того вечера, когда она предложила ему позировать, прошло довольно времени и ея порывъ тоже прошелъ. Еслибы онъ тогда же согласился! Но теперь ей становилось жутко при самой мысли объ этомъ. Однако же, надо рѣшиться. Она знала, что не онъ первый заговоритъ объ этомъ. И каждый разъ, когда она хотѣла снова съ нимъ переговорить по этому поводу, она чувствовала, какъ языкъ ей не повиновался и слова не шли съ губъ. Она малодушно откладывала исполненіе своего обѣщанія, и ей казалось, что завтра ей будетъ легче это исполнить, чѣмъ сегодня. Между тѣмъ Замойскій нисколько не измѣнился въ своихъ отношеніяхъ къ ней.

*

Digitized by Google

Онъ былъ все тотъ же преданный, любящій *другъ*, глубоко затаившій въ себѣ чувство любви къ ней, какъ къ женщинѣ. И она ничего не замѣчала, объясняя его преданность, заботливость и ухаживанье за нею и за ея ребенкомъ исключительно дружбой. Замойскій часто навѣщалъ ее, ласкалъ маленькаго Петю, радовался его радостями, болѣлъ его горестями, тревожился о его здоровьѣ, бѣгалъ за докторами и въ аптеку за лѣкарствами. Все это онъ дѣлалъ безкорыстно, безъ всякой задней мысли завоевать сердце молодой матери. Онъ былъ слишкомъ неиспорченной натурой, чтобы пускаться на подобныя хитрости. Онъ еще не любилъ ни одной женщины такою возвышенной, чистой, хоть нѣсколько фантазёрской любовью, и принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые, полюбивъ, любятъ уже до гроба. Это всегда бываетъ тамъ, гдѣ чувство любви, заложенное отъ природы въ человѣкѣ, долго не находитъ себѣ подходящаго объекта и неприкосновенно таится въ нѣдрахъ души, не размѣниваясь по мелочамъ на временныя и скоро преходящія страстишки, постоянно сдерживаемое, постоянно обуздываемое сильной волей человѣка. Чувство у такихъ людей походитъ на капиталъ съ наростающими процентами. Капиталистъ не трогаетъ ни этого капитала, ни процентовъ. Зато, когда онъ наконецъ рѣшится его извлечь изъ подъ спуда, то накопленной суммы хватаетъ ему на всю жизнь...

Однажды, въ ясное морозное утро, когда солнце ярко свѣтило съ прозрачно-голубаго неба, Анна вошла въ мастерскую художника. Она очень удивилась, заставъ его за работой. Замойскій стоялъ передъ мольбертомъ, передъ своей Венерой, съ палитрой и кистями въ рукахъ. На другомъ мольбертѣ она увидѣла одинъ изъ его безчисленныхъ этюдовъ богини. Онъ старался воспроизвести этотъ этюдъ на картинѣ и по немъ сдѣлать центральную фигуру огромнаго холста. Онъ очевидно работалъ уже давно, потому что грудь и руки Венеры были уже тщательно подмалеваны. Художникъ былъ такъ увлеченъ работой, что рѣшительно не замѣтилъ ея присутствія и работалъ сосредоточенно, плотно сжавъ губы, нахмуривъ брови и наморщивъ лобъ. Какое-то озлобленіе, ожесточеніе овладѣло имъ. Но вдругъ онъ бросилъ палитру, схватилъ роговой ножъ и соскоблилъ все написанное, потомъ тряпкой стеръ остатки

Digitized by Google

живописи и, безсильно опустивъ руки, съ глазами полными слезъ, остался стоять передъ холстомъ. Глубокое чувство овладѣло Анной. Она рѣшительно подошла къ нему и положила руку ему на плечо,

— Левъ Михайловичъ,—сказала она.

Онъ вскрикнулъ отъ неожиданности и отшатнулся отъ нея съ недоумѣніемъ, какъ будто видѣлъ передъ собою призракъ.

— Вы... были здѣсь?—тихо проговорилъ онъ:—какая неосторожность, какая неосторожность съ моей стороны!..

— Левъ Михайловичъ,—снова сказала она.—Довольно вамъ мучить себя. Я рѣшилась и вы должны подчиниться моему рѣшенію. Вы такъ много сдѣлали для меня... неужели же я не въ состояніи оказать вамъ услугу?.. Вы будете писать съ меня...

Ей вдругъ стало легко и весело. Солнце такъ ярко свѣтило, утро было такое радостное!.. И на душѣ ея стало хорошо: нѣтъ уже болѣе той безнадежности, той пропасти, которую она такъ недавно видѣла передъ собой... Къ тому же женское любопытство, тщеславіе, гордость своимъ тѣломъ, гдѣ-то далеко-далеко притаились въ ней и ей самой страстно захотѣлось увидѣть себя въ волнахъ яркаго солнечнаго свѣта, обнаженною отъ этого неизящнаго, стараго темнаго платья.

Не давая ему времени возразить, она быстро раздѣлась. Онъ схватилъ палитру и сталъ лицомъ къ картинѣ, повернувъ ей спину, чтобы не смущать ея. Все внутри его трепетало. Наконецъ, онъ увидитъ воочію эту божественную красоту; наконецъ, онъ получитъ возможность фиксировать ее на холстѣ. Ни одного грязнаго, плотскаго чувства не шевельнулось въ немъ при этомъ, и только одинъ восторгъ передъ созерцаніемъ пластической красоты,—восторгъ, знакомый лишь искреннему художнику,—обуялъ его. Онъ преувеличенно-близко разсматривалъ мазки картины, боясь дохнуть, боясь пошевельнуться. Сѣро-желтый абрисъ Венеры въ его мечтахъ уже покрывался красками, свѣжими, свѣтлыми, сочными, блестящими. Все сознаніе его было устремлено на рисовавшійся образъ, но сквозь это сознаніе до его слуха доходило прерывистое, взволнованное дыханіе Анны и біеніе ея сердца.

— Смотрите...—тихо-тихо донеслось до него.—Годится?

Онъ быстро повернулся.

Digitized by Google

Она стояла обнаженная, молодая, красивая, дивно сложенная, до такой степени дивно, что онъ никогда не предполагалъ, что въ наше время существуетъ еще подобное исключеніе, притомъ въ видѣ матери одного ребенка,—и думалъ, что такая красота, во всякомъ случаѣ идеализированная, сохранилась лишь въ античныхъ статуяхъ классическихъ скульпторовъ. У ногъ ея въ безпорядкѣ лежали бѣлыя юбки, покрывая собою ея ступни, и производили, при нѣкоторомъ напряженіи фантазіи, впечатлѣніе вспѣненной волны, изъ которой она какъ будто выходила. Вся облитая золотыми лучами солнца, придававшими особенно блестящій колоритъ и прозрачность ея кожѣ, съ закинутыми назадъ руками—Анна, сама быстро взглянувъ на картину, стала въ позу Венеры:—эта красавица-женщина, дѣйствительно, походила теперь на богиню любви... Онъ стоялъ передъ ней съ угрюмымъ, холоднымъ, безстрастнымъ, почти суровымъ лицемъ. Онъ не могъ говорить. Еслибы хотя звукъ вырвался изъ его устъ, все очарованіе было бы нарушено. Одно мгновенье онъ готовъ былъ распростереться у ея ногъ и облобызать ихъ, но, быстро подавивъ въ себѣ этотъ порывъ, взялся за работу. Ему казалось, что онъ видитъ сонъ,—волшебный, очарованный сонъ.

Передъ нимъ стояла дѣйствительная, реальная Венера изъ фантастическаго, несуществующаго міра классической миѳологіи. Конечно—это сонъ.

Кисть, быстро смѣшавъ подходящія краски, еще быстрѣе заходила по холсту, накладывая общими группами подмалевку. Но потомъ онъ вдругъ бросилъ кисть и взялся за красный мѣлъ. Онъ быстро исправилъ очеркъ фигуръ и провозился цѣлый часъ надъ рисункомъ; онъ возился бы съ нимъ и дольше, безконечное число разъ, перечерчивая и перерисовывая, но онъ убоялся, что не успѣетъ уловить и закрѣпить на картинѣ то яркое солнце, которое заливало фигуру натурщицы. О, еслибы это солнце цѣликомъ водворить на его холстѣ... Еслибы ему удался этотъ блестящій ослѣпительный колоритъ! Онъ перевернулъ бы всѣ понятія о техникѣ искусства... И онъ писалъ, писалъ, писалъ... Объ Аннѣ онъ забылъ думать. Она больше не существовала для него въ эту минуту, въ эти часы...

Digitized by Google

XXIX.

Жизнь Замойскаго теперь была полна. Онъ оканчивалъ работу поздно, въ сумеркахъ, пользуясь послѣдними лучами рано заходившаго солнца. Въ головѣ у него шумѣло, глаза отъ долгаго напряженія были красны, спина ныла, пальцы деревенѣли; онъ чистилъ палитру, тщательно снимая тонкимъ металлическимъ ножемъ оставшіяся отъ работы краски, клалъ ихъ на матовое стекло и опускалъ его въ воду, чтобы сохранить свѣжими на утро; потомъ мылъ кисти и сушилъ ихъ. Окончивъ эту работу, онъ усаживался передъ холстомъ и глядѣлъ на него, не отрываясь, часами. Какая нибудь, ускользнувшая отъ вниманія, подробность вдругъ выяснялась и онъ досадовалъ, что не можетъ тотчасъ ее исправить. Картина быстро подвигалась. Вся фигура Венеры была уже подмалевана яркими, свѣтлыми тонами; легкій станъ ея, нѣсколько вытянутый, былъ очерченъ главными линіями и въ немъ чувствовалось нѣчто безконечно граціозное, женственное, идеальное, а вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалось, что подъ этимъ классическимъ тѣломъ живетъ сердце богини любви. Фигура Венеры превосходно «дѣлилась» на голубовато-фіолетово-розоватомъ общемъ фонѣ пейзажа, не смотря на то, что она еще не была отдѣлана, а только подмалевана немногими общими тонами, которые, не отвлекая вниманія художника къ частностямъ, даютъ ему возможность оріентироваться въ общемъ впечатлѣніи. Онъ очень тщательно обдумалъ подмалевку,—этотъ основной трудъ художника:—онъ зналъ, что чѣмъ тщательнѣе выдетъ она, тѣмъ легче будетъ окончить картину. Такъ какъ все шло теперь согласно его желанію, то онъ совершенно ободрился и заранѣе радовался успѣху. Правда, онъ почти забывалъ во время работы объ Аннѣ, какъ о человѣкѣ; онъ не замѣчалъ ни ея усталости, ни времени ея позированья, и съ досадой отрывался отъ работы, когда она, усталая и разбитая, заявляла объ отдыхѣ и, надѣвъ пеньюаръ, садилась на стулъ. Но когда началась *выписка*, лѣпка фигуры, онъ доводилъ Анну почти до истощенія, а на ея просьбы отвѣчалъ отказомъ и раздражительной просьбой повременить. Она и сама видѣла, что картина удается на славу, и радовалась за своего друга.

Digitized by Google

Между собою они почти не разговаривали. Во время антрактовъ лѣниво перекидывались они отдѣльными фразами, занятые своими мыслями. Замойскій закуривалъ папиросу и созерцалъ картину. Она задумывалась, но иногда у нея являлось неудержимое желаніе сообщить ему о своихъ думахъ:

— Вы знаете, я хлопотала о дебютѣ. Мнѣ обѣщали весной.

— А...—равнодушно откликался онъ.—Ну, дай Богъ. Эта картина будетъ имѣть громадный успѣхъ — увѣряю васъ. Вы увидите... о ней заговорятъ.

— Я въ этомъ увѣрена.

Замойскій спѣшилъ тушить папиросу и приняться за дѣло.

Вечеромъ, оба усталые, оба нервно-разбитые, они прощались и Анна уходила домой. Художникъ ложился спать, но и во снѣ, какъ наяву, онъ только и видѣлъ свою картину, въ которой для него сосредоточивался весь міръ. Рано утромъ онъ уже вскакивалъ, готовилъ палитру и взволнованно ходилъ по комнатѣ, безпокойно ожидая прихода Анны. Иногда она долго не являлась и онъ выходилъ изъ себя. По ея приходѣ, онъ запирался на ключъ и начиналъ ожесточенно работать. У него было нѣсколько заказовъ, но онъ ото всего отказался. Получивъ двѣсти рублей отъ Вѣнценосцева, онъ отдалъ ихъ Аннѣ, принудивъ ее взять эти деньги почти силой, а самъ продалъ нѣсколько этюдовъ и картоновъ на десятка три рублей, которыми и перебивался.

Изрѣдка заходили художники, которыхъ онъ неохотно пускалъ. Анна всегда незамѣтно уходила на это время. Художники, и въ особенности Лабутинъ, восхищались картиной. Они единогласно заявляли, что она полна солнца и блеска, и хотя написана въ импрессіонистскомъ духѣ, но будетъ имѣть кричащій успѣхъ, и именно благодаря ея смѣлой манерѣ.

Лѣпка центральной фигуры была кончена. Оставалось наложить нѣсколько бликовъ, сдѣлать нѣсколько послѣднихъ мазковъ и чуть залесировать ноги Венеры прозрачнымъ ультрамариномъ. До представленія картины на выставку оставался мѣсяцъ. Замойскій былъ въ восторженномъ упоеніи. Слухи о его картинѣ проникли въ печать, къ нему уже забѣжало нѣсколько рецензентовъ. По всѣмъ признакамъ, онъ предчувствовалъ побѣду, полную, громкую, трескучую.

Digitized by Google

По мѣрѣ того какъ картина подвигалась, къ художнику возвращалось прежнее расположеніе духа и любовь къ Аннѣ,—не къ натурщицѣ Аннѣ, а къ женщинѣ, къ человѣку,—вновь вступала въ свои права. И чѣмъ ближе было къ концу, тѣмъ интенсивнѣе было его чувство. Теперь, когда онъ зналъ ее всю, до мельчайшихъ подробностей, казалось, страсть еще сильнѣе завладѣла имъ. Онъ любилъ ее всю—физическую и духовную Анну—идеалъ женщины и человѣка, и идеалъ художника. Такъ могъ любить Пигмаліонъ свою Галатею, ожившее созданіе его творческаго духа! Эта была полная гармонія любви...

XXX.

Небольшой театръ, эксплуатировавшій опереточный жанръ и привитыя Парижемъ Петербургу «обозрѣнія», былъ полонъ самой разношерстной публикой. Сегодня давалось въ первый разъ «Столичное обозрѣніе». Кареты и сани подкатывали къ подъѣзду театра, ярко освѣщенному электрическими фонарями. У кассы толпилась публика, не запасшаяся заблаговременно билетами и стремившаяся стать въ длинный «хвостъ» чаявшихъ попасть на спектакль. Въ узенькомъ окошечкѣ кассиръ съ потнымъ и краснымъ лицомъ, измученный безпрерывной выдачей билетовъ, огрызался, какъ цѣпной песъ, на приставанья публики, а за нимъ виднѣлось лицо почтеннаго антрепренера, гладко выбритое и неизмѣнно улыбающееся.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!..—отвѣчалъ кассиръ на просьбы.— Только три кресла въ первомъ ряду...

Наконецъ, окошечко закрылось и вывѣсили аншлагъ: «билеты всѣ проданы». Въ театрѣ было душно. Масса народу толпилась въ фойе, коридорахъ, на лѣстницахъ и въ проходахъ. Публика театра знала другъ друга. Въ фойе образовывались кружки завсегдатаевъ, которые толковали о театральныхъ новостяхъ, о политическихъ событіяхъ, о свѣтскихъ сплетняхъ.

Воеводскій былъ въ этотъ вечеръ въ театрѣ. Онъ бродилъ одинъ, разсѣянно здороваясь со знакомыми и уныло переходя отъ одной группы къ другой. Третьяго дня его «описали». Тотъ же Горемыкинъ явился къ нему съ судебнымъ приставомъ и методически, съ какимъ-то жестокосерднымъ рвеніемъ

Digitized by Google

приступилъ къ описи. Съ Воеводскимъ онъ даже непоцеремонился и счелъ полезнымъ прочитать ему краткое наставленіе о томъ, что каждому порядочному человѣку свойственно платить долги. Воеводскій попросилъ его въ кабинетъ, заперъ дверь на ключъ, чтобы не было свидѣтелей, и хладнокровно сказалъ ему:

— Всякому порядочному человѣку свойственно побить негодяя.

Затѣмъ открылъ дверь и церемонно выпустилъ перетрухнувшаго адвокатика, шепнувъ ему на ухо:

— Вы, въ особенности, помните это и воздержитесь въ другой разъ отъ сентенцій.

Проходя по коридорамъ театра, Воеводскій слышалъ разговоры о Вѣнценосцевѣ. Говорили о немъ и о Лидіи Викторовнѣ.

— Вы слышали: ее описали? Это все устроилъ Вѣнценосцевъ... А я слышалъ, что она бросила Воеводскаго, мѣсто котораго заступилъ адвокатъ. Правда ли это?

— Конечно, правда; мнѣ говорилъ самъ Александръ Александровичъ.

— Хорошъ гусь!

— Воеводскій быстро утѣшился,—говорили въ другой группѣ:—онъ женится на Чудиновой.

— На Чудиновой?!.—изумлялись слушатели. Они наклонялись другъ къ другу и шептались. Потомъ громко высказывались.—Впрочемъ, что жъ? съ ея деньгами... отчего же и не продать себя? Только Воеводскій дешево за себя не возьметъ...

— Ну, съ нея тоже много не возьмешь; она... ой-ой... кулакъ порядочный. Повѣрьте, она сама будетъ владѣть своимъ капиталомъ, а Воеводскому выдастъ опредѣленную пенсію.

Василій Ивановичъ слышалъ этотъ разговоръ. Онъ чувствовалъ себя отвратительно. Послѣ произведенной у него описи, онъ уже окончательно и безповоротно рѣшилъ сдѣлать предложеніе Марьѣ Степановнѣ. Завтра, къ часу дня, онъ долженъ былъ уже быть у Чудиновыхъ. Но его смущали эти постоянныя умалчиванья и изумленныя, вытянутыя лица, когда рѣчь заходила о его будущей невѣстѣ. Нѣсколько анонимныхъ писемъ темно и запутанно старались посвятить его въ тайну относительно Чудиновой, но онъ ихъ не понялъ, да и не ста-

Digitized by Google

рался понять. И потомъ, къ нему какъ-то странно стали относиться его прежніе друзья. Они холодно раскланивались съ нимъ, избѣгали подавать руку и разговаривать съ нимъ. Они спѣшили удалиться, чтобы ихъ не замѣтили другіе въ общеніи съ нимъ. Это повергало его въ недоумѣніе.

Войдя въ зрительную залу, онъ оглядѣлъ ложи и вздрогнулъ. Въ крайней ложѣ бельэтажа сидѣла Лидія Викторовна вдвоемъ съ Вѣнценосцевымъ. На ней было эффектное платье и масса выкупленныхъ брилліантовъ. Лицо ея было неподвижно и смертельная скука, казалось, была разлита на немъ. Зато Вѣнценосцевъ сіялъ и всячески старался выставиться изъ ложи и обратить на себя вниманіе, а въ особенности видимо желалъ подчеркнуть близость своихъ отношеній къ Словенской. Онъ накидывалъ на нее sortie de bal, поправлялъ ей сзади волосы, близко нагнулся что-то пошептать, игралъ ея вѣеромъ, угощалъ конфектами. Воеводскій упорно смотрѣлъ на нихъ. Словенская увидала его. Между бровями ея легла складка, та складка, которую такъ хорошо зналъ ея бывшій поклонникъ и свидѣтельствовавшая о томъ, что Лидія Викторовна находится въ бурномъ настроеніи, и только въ силу обстоятельствъ не можетъ разразиться и должна молчать. Она отвернулась. Напротивъ того, Вѣнценосцевъ радостно закивалъ Воеводскому головой, сдѣлалъ даже ручкой, но тотъ ему не отвѣтилъ и, поведя плечомъ, рѣзко отвернулся.

Воеводскій продолжалъ оглядывать залу. Визави съ ложей Лидіи Викторовны сидѣла Марья Степановна съ генераломъ. Воеводскій подтянулся и отвѣсилъ поклонъ. Прелестная блондинка сдѣлала ему знакъ вѣеромъ, приглашая зайти къ нимъ. Онъ хотѣлъ уже повиноваться, но занавѣсъ поднялся и началось безконечное Revue. Дождавшись антракта, Воеводскій пошелъ къ Чудиновымъ. Отыскавъ ихъ ложу, онъ остановился, чтобы еще разъ подумать: дѣлать ли предложеніе Марьѣ Степановнѣ и не сдѣлать ли его тутъ же, сейчасъ, въ театрѣ?

За тонкой дверцей аванложи онъ услышалъ громкій споръ генерала съ дочерью. Добродушный Степанъ Ѳерапонтовичъ кипятился и волновался.

— Пойми, это будетъ глупо,—говорилъ онъ.—Совсѣмъ глупо. Зачѣмъ тебѣ надо объ этомъ говорить? Я тебя спрашиваю: зачѣмъ? Чтобы онъ отказался?

Digitized by Google

— Я должна, папа, сказать ему объ этомъ. Я не могу. Все равно узнаетъ.

— Узнаетъ, когда уже будетъ поздно...

— Я тебѣ сказала разъ навсегда: женихъ мой будетъ все знать, кто бы онъ ни былъ.

— А—а! Милѣйшій Василій Ивановичъ,—крикнулъ генералъ, и Воеводскій, входя, видѣлъ, какъ онъ дернулъ дочь за руку.—Милости просимъ, милости просимъ. Давненько у насъ не были! Что это вы... гдѣ пропадали? Надѣюсь, здоровы? Ну, что Иванъ Ѳедоровичъ? Жируетъ на теплыхъ водахъ?

Генералъ наклонился къ его уху и прошепталъ, удерживаясь отъ смѣха:

— Нѣтъ, представьте себѣ... каково? Старикъ-то? Вѣдь мнѣ пишутъ, онъ потерялъ голову изъ-за какой-то француженки? Правда это? Ай да Иванъ Ѳедоровичъ!

Воеводскій кивнулъ головой и улыбнулся.

— Правда,—сказалъ онъ.

— Ну, спасибо, что зашли,—продолжалъ генералъ. По крайней мѣрѣ, я могу пойти покурить... Вы разрѣшите оставить васъ поскучать съ Марусей? Мегсі. Какая глупость—это «обозрѣніе»... и скучища!..

Онъ бросилъ многозначительный взглядъ на дочь и вышелъ.

— Ну, теперь папа будетъ курить до безконечности, а потомъ подыщетъ себѣ знакомаго и будетъ пить fine-champagne; можно съ увѣренностью сказать, что онъ придетъ къ концу спектакля. Тѣмъ лучше. Я хочу поговорить съ вами. Васъ не очень интересуетъ это revue?

— Нисколько.

— Превосходно. Итакъ, я начинаю. Нѣтъ, шутки въ сторону. Я плохой дипломатъ и не умѣю хитрить. Я буду говорить съ вами прямо.

— Пожалуйста.

Воеводскій чувствовалъ, что онъ сейчасъ узнаетъ именно то, что̀ знали уже всѣ, но почему-то находили нужнымъ тщательно скрывать отъ него. Онъ приготовился слушать.

— Дѣло вотъ въ чемъ: вы знаете, папа собирается выдать меня замужъ... за васъ. Не удивляйтесь, что я говорю это прямо. Вѣдь *васъ* это ни къ чему не обязываетъ.

Digitized by Google

— Я нисколько не удивляюсь... я польщенъ... мнѣ остается только узнать ваше мнѣніе по этому поводу.

— Мое мнѣніе по этому поводу слѣдующее: во-первыхъ, ужь чего папа захочетъ, того онъ добьется всѣми правдами и неправдами.

— Мнѣ остается только радоваться и благодарить.

— Выслушайте меня до конца и, пожалуйста, не перебивайте. Радоваться рано, благодарить не за что. Ну-съ, во-вторыхъ,—я васъ не люблю. Что съ вами? Ну, да—не люблю. Обманывать не желаю, лгать не умѣю. Въ третьихъ,—замужъ за васъ я пойду... если вы захотите этого. Въ четвертыхъ—и это главное—вы должны знать мое прошлое, мою автобіографію... Не бойтесь—конечно, въ сокращенномъ изданіи. Выслушавъ ее, вы мнѣ отвѣтите прямо и откровенно: хотите ли на мнѣ жениться, или нѣтъ? Если да — повѣнчаемся, если нѣтъ—уѣзжайте немедленно. А то папа непремѣнно васъ повѣнчаетъ и вы отъ него не спасетесь.

Изъ залы неслись звуки музыки, въ аванложѣ было жарко, и отъ Марьи Степановны, при ея малѣйшемъ движеніи, пахло рисомъ. Голова у Воеводскаго кружилась—и отъ этихъ звуковъ, и отъ жары, и отъ крѣпкихъ духовъ, но въ особенности отъ ея странныхъ словъ и хорошенькаго личика, которымъ она забавно гримасничала, ни одной минуты не оставаясь спокойной. Трудно было понять: шутитъ она или говоритъ серьезно.

— Три года тому назадъ,—продолжала она,—мы съ отцомъ поѣхали въ наше имѣнье на югѣ Россіи. Въ двухъ верстахъ отъ него строилась какая-то вѣтвь желѣзной дороги. Въ имѣньѣ у насъ постоянно гостили разные инженеры, строители и вообще люди, причастные къ проведенію вѣтви. Одинъ молодой инженеръ—красавецъ собой—влюбился въ меня. Нужно вамъ сказать, что это не рѣдкость: въ меня многіе влюблялись, но я ни въ кого. Этотъ прямо погибалъ. Сначала я надъ нимъ потѣшалась, испытывая свою силу. Онъ не могъ выносить моего взгляда. Бывало, посмотрю на него такъ... прищуривши... Вотъ какъ сейчасъ...

Она состроила преуморительную и премилую гримаску, и Воеводскій, не смотря на овладѣвавшее имъ волненіе, расхохотался.

— И онъ уже растаялъ...—продолжала она.—Я его сму-

Digitized by Google

щала всегда при другихъ. Взгляну на него, улыбнусь, и мой инженеръ не знаетъ, куда дѣваться... опускаетъ глаза, краснѣетъ, конфузится, теряется... Меня это забавляло. Въ его любви ко мнѣ было столько страстнаго чувства, столько восторженнаго обожанія, столько рабской преданности, что онъ началъ меня побѣждать. Я стала къ нему внимательнѣе и... снисходительнѣе, позволила ему цѣловать руку. Нужно было видѣть, какъ онъ кидался на нее, забывая весь міръ, все окружающее, свое дѣло, свою желѣзную дорогу. Это было какое-то психопатство, что-то болѣзненное... Ну, чтобы скорѣе кончить, разскажу вамъ финалъ. «Не длиненъ и не новъ разсказъ»: жаркій день, проведенный вмѣстѣ... инженеръ, доведенный до умопомраченія... прохладный вечеръ... уединенная прогулка... «густолиственныхъ кленовъ аллея»; потомъ ночь, сіяющая, тихая, торжественная южная ночь... любовь и луна. Жаркія объятія, тишина и поцѣлуи. Минута забвенія... таинственный шопотъ рѣки... Онъ самъ обезумѣлъ, да и у меня кружилась голова. Ну, остальное понятно. Въ августѣ его перевели на новую сибирскую желѣзную дорогу, далеко... не знаю, куда-то—въ Томскъ или на Амуръ...—не знаю, не имѣю представленія. Онъ валялся у меня въ ногахъ, цѣловалъ ихъ, умоляя ѣхать съ нимъ, выйти за него замужъ... Но я остыла, минута не возобновлялась... понимаете: больше ни разу... Я подумала и отказала: я не любила его. То есть нисколько. Просто онъ покорилъ меня своею страстью. Я не способна къ «грусти томной» и еще менѣе способна замуроваться въ тундрахъ Сибири. И потомъ онъ былъ слишкомъ идеаленъ, а я слишкомъ порочна. Судите жь сами, какія розы намъ заготовилъ бы Гименей... «и, можетъ быть, надолго дней»?.. Я не знаю, гдѣ онъ теперь и что съ нимъ? Исторія эта быстро распространилась въ Петербургѣ. Отъ меня стали отворачиваться наши барышни. Вокругъ меня дѣлалась пустыня. Порой мнѣ казалось, что *то* —былъ сонъ... въ лѣтнюю ночь.. Мнѣ теперь уже двадцать пять лѣтъ. Скучно жить вдали отъ свѣта. Бракъ покрылъ бы мой грѣхъ. Отецъ хотѣлъ, чтобы я скрыла это отъ васъ, но я предпочла все сказать. Теперь, конечно, въ вашей власти «меня презрѣньемъ наказать»... Но «вы къ моей несчастной долѣ, хоть каплю жалости тая—вы не оставите меня»... Но шутки и цитаты въ сторону: вамъ предлагаютъ бракъ не по любви, а по разсчету.

Digitized by Google

За васъ заплатятъ долги, вы не будете ни въ чемъ нуждаться... Я буду «вѣрная супруга и добродѣтельная мать». Это будетъ бракъ во вкусѣ fin de siècle... Хотите?

Онъ молчалъ, слушая ея эксцентричную рѣчь. Что она — шутитъ, издѣвается, или эта миловидная дѣвушка, съ ангельскимъ личикомъ, невиннымъ взоромъ и циничною рѣчью на устахъ, сама не понимаетъ, что говоритъ? На него вдругъ нашло «состояніе кретинизма». Ему также захотѣлось поблагировать.

— «Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя»!—воскликнулъ онъ въ тонъ ей.

— А неужели вы ничего этого не знали, не слыхали раньше?..

Онъ не отвѣтилъ. Охота шутить у него пропала также скоро, какъ и явилась. Онъ попробовалъ заглянуть внутрь самого себя. Любитъ ли онъ ее? Способенъ ли заключить эту сдѣлку? Онъ вспомнилъ своихъ пріятелей, которые въ послѣднее время отворачивались отъ него, и готовъ былъ отказаться. Но вмѣстѣ съ этимъ онъ вспомнилъ опись, бѣдствія и лишенія послѣдняго времени: долги, вѣчную нужду, отца, на котораго больше нечего было разсчитывать, и почувствовалъ себя выброшеннымъ за бортъ жизни. Ему надоѣло это богемское существованіе. Послѣ выгодной женитьбы, у него не будетъ долговъ; будутъ средства, хорошія вещи, свобода... не можетъ же подобная жена быть взыскательной? И... pardessus le marché—хорошенькая жена... Э! куда ни шло!..

— Я согласенъ,—сказалъ онъ.—Что дѣлать? Я все таки люблю васъ.

— О, пожалуйста, безъ фразъ. Въ нашемъ положеніи онѣ лишнія. И безъ жертвъ. Я вообще не признаю жертвъ. Не вздыхайте и не играйте трагическаго любовника. Мы съ вами не годимся въ трагедію, ни даже въ драму... Мы—водевильные любовники и притомъ изъ скверная современнаго водевиля—вотъ въ родѣ этого revue...—она кивнула головой въ сторону сцены.—И еще условія: всю денежную часть, касающуюся васъ, вы установите съ моимъ отцомъ. И никогда не будете упрекать меня прошлымъ.

— Идетъ!

Вошелъ генералъ и изумился, видя ихъ мирно разговари-

Digitized by Google

вающими. Онъ ждалъ чего-то другаго. Но Марья Степановна комически присѣла передъ отцомъ и, указывая на Воеводскаго, сказала:

— Позволь представить тебѣ моего жениха. Мы такъ любимъ другъ друга.

Тотъ обнялъ Воеводскаго. Все еще думая, что ему ничего неизвѣстно, что дочь не осмѣлилась разсказать ему то, что онъ всячески старался скрыть, онъ проговорилъ:

— Ну вотъ, ну вотъ! очень радъ... Я давно этого хотѣлъ, признаюсь вамъ. Вы не раскаитесь... Моя дочь—хорошая дѣвушка...

— Отецъ, онъ *все* знаетъ, перестань,—остановила она его и вдругъ сдѣлалась серьезна.

— А-а... ну, тѣмъ лучше...—растерялся генералъ и ушелъ въ ложу.

Они послѣдовали за нимъ.

XXXI.

Въ сѣняхъ театра, провожая свою невѣсту, Воеводскій встрѣтилъ какую-то черномазую физіономію, которая ему показалась знакомой. Онъ вглядѣлся въ маленькаго человѣчка съ огромной шевелюрой. Гдѣ онъ могъ видѣть этотъ орлиный носъ, эти экзотическія черты лица? Тщетно ломалъ онъ голову надъ этимъ вопросомъ, когда вдругъ черномазый поклонился ему, плотоядно воззрившись на сопровождаемую имъ блондинку.

— Ба! Да это Барселонецъ!—вспомнилъ наконецъ Воеводскій.

Это былъ дѣйствительно онъ, окруженный цѣлой бандой спутниковъ. Среди его свиты болтался какой-то юноша высокаго роста, бѣлокурый, съ розовыми щеками, худощавый и глупый. Онъ конфузился и робѣлъ, безпомощно размахивая длинными руками, какъ будто воображалъ, что эти жесты, подобные взмахамъ крыльевъ вѣтряной мельницы, придадутъ ему рѣшительности и контенансу, которыхъ у него не хватало. Онъ очевидно воображалъ, что находится въ лучшемъ обществѣ, въ обществѣ знатныхъ иностранцевъ и золотой аристократической молодежи:—съ такимъ благоговѣніемъ онъ на всѣхъ посматри-

Digitized by Google

валъ и такъ умильно заглядывалъ всѣмъ въ глаза. Онъ всѣмъ предлагалъ свои папиросы, судорожно вытаскивая золотой портсигаръ изъ кармана, неловко чиркалъ спичками и за всѣхъ расплачивался.

— Погодите, погодите, у меня есть!—говорилъ онъ при первой же попыткѣ кого нибудь изъ компаніи заплатить за вѣшалку.

Онъ полагалъ, что въ этомъ заключается хорошій тонъ. Воеводскій остановился нѣсколько въ сторонѣ и наблюдалъ эту компанію издали. Молодой человѣкъ заинтересовалъ его. Барселонецъ звалъ его просто Сашей и приглашалъ заѣхать къ себѣ.

— Будемъ играть?—спросилъ юноша.

— Конечно.

— Но у меня мало денегъ съ собой, всего тысячъ на десять, да и то бумагъ,—конфузливо произнесъ тотъ, вытаскивая для чего-то бумажникъ.

— Ничего, мы повѣримъ на слово,—вставилъ другой изъ компаніи, въ которомъ Воеводскій узналъ дѣловаго человѣка, пристававшаго къ нему у Словенской съ прожектами.—Снѣжинъ, вы не забыли о моемъ дѣлѣ?—спросилъ онъ у юноши.

— А, такъ это Снѣжинъ. Наконецъ-то они его отыскали,—подумалъ Воеводскій.—Ну... выдетъ онъ отъ нихъ чистенькимъ...

Одно удивляло Воеводскаго: это присутствіе околодочнаго, который очевидно «маячилъ» невдалекѣ отъ этой честной компаніи. Околодочный скоро исчезъ и вмѣсто него показались два какихъ-то подозрительныхъ субъекта въ «партикулярномъ платьѣ». Субъекты тоже стали маячить. Воеводскій понялъ, что компанія находится подъ наблюденіемъ, и поспѣшилъ уѣхать изъ театра.

Барселонецъ отозвалъ въ сторону дѣловаго человѣка и что-то долго съ нимъ совѣщался, въ то время какъ два другіе господина занимали Снѣжина. Барселонецъ выходилъ изъ себя: выпучивалъ глаза и трясъ головой. Южный темпераментъ давалъ себя знать; дѣловой человѣкъ спокойно и хладнокровно ему оппонировалъ; но видно было, что онъ ни подъ какимъ видомъ не уступитъ. Барселонецъ въ концѣ концовъ обозлился и сказалъ:

Digitized by Google

— Ну, какъ знаешь... надоѣлъ... убирайся, пожалуйста, къ чорту. Не хочешь четверти—ничего не получишь!

И онъ вышелъ, увлекая за собой всю компанію. Дѣловой человѣкъ остался одинъ, но потомъ, подумавъ, произнесъ:

— А, вы одни хотите его пощипать! Мнѣ онъ нуженъ для дѣла—а вамъ нужно его обобрать. Ладно!

И онъ подошелъ быстро къ двумъ подозрительнымъ субъектамъ и вручилъ одному изъ нихъ записку съ адресомъ.

— Пріѣзжайте часа черезъ два. Дайте имъ разыграться. Видите—я не обманулъ васъ. Они совсѣмъ разорятъ юношу.

Мрачные субъекты кивнули головами и исчезли, какъ будто провалились сквозь землю. Между тѣмъ компанія доѣхала въ шикарной коляскѣ до одной изъ модныхъ улицъ и остановилась у подъѣзда небольшаго дома-особняка. Здѣсь жилъ Барселонецъ, устроившійся такъ, какъ будто онъ разсчитывалъ навѣки поселиться въ Петербургѣ. Онъ завелъ лошадей, экипажи, мебель, полную обстановку, давалъ вечера, приглашалъ къ себѣ даже дамъ, увѣряя, что онъ женатъ—жена его осталась въ Барселонѣ—и что поэтому il n'y a rien d'inconvénient, если его будутъ посѣщать и дамы. Каждый вечеръ у него шла крупная игра. Если было много народу—играли въ рулетку, если мало—въ макао, въ штосъ, баккара и прочія игры.

Обстановка его квартиры была странная. Рядомъ съ дорогими вещами попадался рыночный хламъ; ни обдуманности, ни стиля, ни общей идеи не было. Все носило случайный характеръ, но все было пестро, ярко,—било въ носъ. Провинціальные «пижоны», въ родѣ Снѣжина, приходили въ обалдѣніе, воображая, что попадали въ салонъ. Повидимому, все и предназначалось для уловленія ихъ. Хозяина и гостей встрѣчалъ Казиміръ,—тотъ самый Казиміръ, который мѣсяцъ тому назадъ отошелъ отъ Воеводскаго, внезапно наговоривъ ему кучу дерзостей за неплатежъ денегъ. Хитрый полякъ въ кухнѣ у Словенской наслушался о богатствѣ Барселонца и явился къ нему съ предложеніемъ услугъ. Они съ первыхъ двухъ словъ поняли другъ друга. Казиміръ совершенно вошелъ въ свою роль. Онъ цѣлыми днями оставался одинъ въ квартирѣ, потому что хозяинъ его вѣчно куда-то пропадалъ. Лакей занимался въ своей комнатѣ приготовленіемъ карточныхъ колодъ. Онъ скоро постигъ премудрость «изготовлять карты», на которыхъ очень везло его

Digitized by Google

хозяину и на которыхъ невозможно было проиграть. Фабрикацію эту онъ держалъ въ тайнѣ, тщательно оберегая отъ постороннихъ любопытствующихъ глазъ. Онъ вошелъ въ долю съ хозяиномъ, имѣлъ солидный барышъ и жилъ припѣваючи: одѣвался по модѣ, швырялъ деньги по мелкимъ кабачкамъ и ухаживалъ за женщинами. Но въ маленькой комнаткѣ, прилегавшей къ сѣнямъ и всегда запертой на ключъ, были приготовлены два чемодана, въ которыхъ были уложены необходимыя вещи въ случаѣ принудительнаго исчезновенія изъ столицы. Барселонецъ пригласилъ гостей въ комнаты.

— Казиміръ, карты!—крикнулъ онъ лакею.

Столъ уже былъ приготовленъ и раскрытъ. Казиміръ принесъ принадлежности для игры: карты, свѣчи, мѣлки.

— Это Снѣжинъ, — шепнулъ ему Барселонецъ:—больше, кажется, никого не будетъ; въ случаѣ чего... ты знаешь... дай знать во-время.

Мрачный лакей ничего не отвѣтилъ, а отправился въ переднюю дежурить и охранять ее отъ посторонняго вторженія. Всѣ усѣлись за столикъ. Снѣжинъ сѣлъ противъ Барселонца, а два другіе—по бокамъ. Оба товарища Барселонца были въ свое время ни болѣе, ни менѣе, какъ клубными «карточниками». Это одна изъ очень хлѣбныхъ профессій. Игроки имъ всегда платятъ проценты съ выигрыша и по займамъ. Карточники—это клубные ростовщики. Рѣдко, кто не занимаетъ у нихъ денегъ на болѣе или менѣе крупныя суммы. Конечно, они ничѣмъ не рискуютъ, потому что профессіональный игрокъ—это пьяница, который не въ состояніи удержаться отъ своего порока. Онъ изъ кожи вылѣзетъ, но достанетъ денегъ, чтобы явиться на слѣдующій день въ клубъ и засѣсть въ карты. Прежде всего, онъ, конечно, отдаетъ долгъ карточнику, съ прибавкой двухъ-трехъ рублей въ видѣ процентовъ, и тутъ же, черезъ нѣсколько часовъ послѣ отдачи, проигравшись, вновь займетъ, чтобы опять на слѣдующій день отдать и еще приложить нѣсколько рублей. Итакъ до безконечности. Конечно, еслибы игрокъ не далъ этого процента при возвратѣ долга, то никогда больше не получилъ бы взаймы ни копѣйки. А между тѣмъ даже небольшой заемъ, въ критическую минуту «продуванія дотла», можетъ быть спасительнымъ: на него можно снова начать игру и отыграться на цѣлыя сотни.

*

Digitized by Google

Такимъ образомъ, карточники составляли себѣ «начальныя» состоянія, иногда весьма крупныя, въ клубѣ. Два гостя Барселонца не составляли исключенія изъ этого общаго правила. Одинъ изъ нихъ имѣлъ теперь уже ресторанъ въ мѣстности, изобилующей прикащиками, и занимался тайнымъ ростовщичествомъ; другой былъ антрепренеромъ шато, въ которомъ не такъ давно подвизалась Пантеонъ. Оба были одѣты изысканно, вполнѣ отрѣшились отъ всякаго лакейскаго cachet, знали двѣ-три общеупотребительныя фразы французскаго кафе-кабацкаго жаргона, были увѣшаны брилліантами, которые торчали у нихъ въ запонкахъ, на брелокахъ, на часахъ, на портсигарѣ—словомъ, всюду, гдѣ это только возможно. Въ особенности антрепренеръ шато злоупотреблялъ брилліантами и французскимъ языкомъ, которому научился у своихъ пѣвичекъ. Сѣли играть въ штосъ. Такъ какъ партнеровъ было немного, то играли крупно. Снѣжину везло. Онъ выигрывалъ и конфузился. Онъ игралъ довольно спокойно, и если иногда волновался, то скорѣе потому, что ему совѣстно было выигрывать.

Раздалось нѣсколько звонковъ одинъ за другимъ. Вопреки предположенію Барселонца, гостей набиралось много. За короткое пребываніе свое въ Петербургѣ, черномазый иностранецъ завелъ себѣ обширныя связи и знакомства. Никто изъ его новыхъ знакомыхъ и пріятелей не спрашивалъ и не узнавалъ, кто онъ и что онъ, но всѣ ѣхали къ нему, зная, что у него всегда можно застать игру. И мало по малу его квартира пріобрѣла всѣ признаки игорнаго дома. Пріѣзжали всѣ, кто хотѣлъ: знакомые, малознакомые, полузнакомые и совсѣмъ незнакомые. Многіе входили молча, другіе просто заявляли:

— А я на огонекъ. Иду мимо, вижу игра... дай попробую счастья.

— Входите,—односложно заявлялъ хозяинъ, увѣренный, что ловкій и сообразительный Казиміръ не пропуститъ никого даже слегка подозрительнаго.

Бывали дамы, золотая молодежь, золоченая богема, купчики, получившіе наслѣдство, кутилы, моты, люди солидные, пріѣзжавшіе изъ любопытства,—попробовать счастья и пр. Рѣдко кто выигрывалъ; большинство проигрывало и уѣзжало съ опустѣвшимъ бумажникомъ. По странной игрѣ случая, выигрывали новички, въ первый разъ являвшіеся въ домъ. Гости держали

Digitized by Google

себя свободно, какъ въ ресторанѣ; съ хозяиномъ не здоровались и не прощались, уходили въ столовую, пили, ѣли и присаживались снова къ игорному столику. Иногда потихоньку отъ Вѣнценосцева пріѣзжала Лидія Викторовна и неизмѣнно проигрывала.

— Ну, вамъ, chère madame, не везетъ,—говорилъ ей въ видѣ утѣшенія Барселонецъ,—зато, видать, въ любви повезло...— намекалъ онъ на новыя ея отношенія къ Вѣнценосцеву, которыя становились басней города.

Все общество, посѣщавшее притонъ, было до того перепутано между собой, до того разнообразно, до того пестро, что постороннему человѣку невозможно было бы разобрать: кто здѣсь жертвы, а кто изъ нихъ въ долѣ и въ уговорѣ съ хозяиномъ? Постоянно присутствовала какая нибудь пріѣзжая денежная «знаменитость», заполучившая наслѣдство или совершившая какой нибудь выгодный гешефтъ и прибывшая въ столицу «облагораживаться». По какимъ-то тайнымъ велѣніямъ судьбы, она непремѣнно попадала въ этотъ игорный домъ и оставляла тамъ значительную толику своего благосостоянія.

Сегодня былъ «вечеръ Снѣжина». Барселонецъ ловко разнюхивалъ верхнимъ чутьемъ о богатыхъ и глупыхъ людяхъ. Снѣжинымъ—этимъ милліонеромъ-юношей—онъ давно уже интересовался. За нимъ ѣздили въ Москву. Но его трудно было извлечь оттуда, потому что онъ предавался тамъ самому широкому московскому разгулу въ обществѣ пѣвичекъ, съ битьемъ зеркалъ, съ вымазываньемъ лакейскихъ физіономій горчицей и съ уплатою за безчестіе. Наконецъ, его извлекли и привезли въ Петербургъ, внушивъ, что ему нужно облагородиться.

Сначала Барселонецъ злился на ежеминутно раздававшіеся звонки и на входящихъ гостей. Не смотря на кратковременное пребываніе въ столицѣ, онъ очень быстро освоился и акклиматизировался въ ней, пріобрѣвъ апломбъ и высокомѣрный тонъ. Изъ другаго европейскаго города его давно бы выселили, полиція давно бы его выслѣдила и накрыла; здѣсь же, благодаря своимъ знакомствамъ и связямъ въ «хорошемъ обществѣ», съ нимъ церемонились, деликатничали, нѣжничали.

— Весьма милое общество у васъ... весьма,—заявлялъ онъ, въ душѣ удивляясь нашей наивности и даже глупости. Попривыкнувъ къ безнаказанности, онъ преспокойно обиралъ эту

Digitized by Google

милую публику, въ достаточной степени обнаглѣлъ и окончательно пересталъ трусить. По мѣрѣ того какъ гости наполняли комнату, Барселонецъ переставалъ злиться и въ душѣ рѣшилъ, что такъ даже лучше: можно будетъ незамѣтнѣе обдѣлать Снѣжина, а, можетъ быть, покончивъ съ нимъ, удастся сдѣлать еще два-три дѣльца.

— Господа!—сказалъ онъ:—насъ достаточно, мы можемъ сѣсть за макао.

Игра началась. Барселонецъ держалъ банкъ, принималъ мазу, нѣсколькимъ давалъ, остальныхъ билъ. Передъ каждою почти мѣткою, къ банкомету обращался антрепренеръ шато, который держалъ мазу, и просилъ его размѣнять деньги или просто дать ему папиросу. Стасованныя и уже снятыя карты барселонецъ клалъ за локоть и весьма любезно ссужалъ просившаго деньгами или папиросой. Затѣмъ продолжалъ игру. Теперь Снѣжину ужасно не везло: онъ не только проигралъ всѣ выигранныя въ штосъ деньги, но уже значительная часть его банковыхъ билетовъ лежала передъ хозяиномъ дома. У него оставалось еще три какихъ-то бумаги и о нихъ поднялся споръ, какъ считать ихъ по курсу.

— Да дайте мнѣ, я ихъ вамъ сейчасъ размѣняю!—сказалъ антрепренеръ. Банкометъ положилъ карты подъ локоть и передалъ ему билеты. Одинъ изъ играющихъ нагнулся къ другому и шепнулъ:

— Ну, братъ—это шулера... я замѣтилъ.

— Да ну?!.

Оба игрока вскорѣ встали и отошли отъ стола.

— Слѣди,—шепталъ одинъ изъ нихъ: — Видишь?.. Какъ только черномазый начинаетъ мѣнять деньги или вынимать портсигаръ... колоду картъ за его локтемъ быстро подмѣниваютъ... Вотъ... вотъ... видѣлъ? Теперь, увидишь, у банкомета очкомъ больше... Ну? Что я сказалъ?

— Да, дѣйствительно...

Снѣжинъ неистовствовалъ. Онъ проигралъ все. Откуда-то явилась вексельная бумага и онъ «занялъ» у хозяина подъ вексель свои же деньги. Игра началась снова, какъ вдругъ въ комнату ворвался Казиміръ и сдавленнымъ голосомъ крикнулъ:

— Спасайтесь! полиція!..

Невообразимое смятеніе воцарилось теперь въ залѣ. Гости

Digitized by Google

заметались, наталкиваясь другъ на друга, разыскивая свои шапки, кидаясь изъ угла въ уголъ; почему-то стали тушить свѣчи; Барселонецъ поблѣднѣлъ, быстро загребъ деньги, хотѣлъ запрятать ихъ по карманамъ, но не успѣлъ; тогда онъ еще быстрѣе схватился за колоду картъ, только что ему подложенную, и спряталъ ее въ боковой карманъ. Одна карта скользнула на полъ. Два агента стояли уже около него. Одинъ поднялъ съ полу упавшую карту, другой потребовалъ деньги. Послышались протесты.

— Это безобразіе:—мы собрались въ домашнемъ кружкѣ поиграть... кто это можетъ запретить? Чортъ знаетъ, что за порядки!..

Барселонецъ, блѣдный, съ трясущейся нижней губой, съ глазами, блестѣвшими злобнымъ огонькомъ, оправдывался. Онъ трусилъ и злился, и былъ вообще жалокъ.

— Вы играли въ недозволенную игру... Азартныя игры запрещены,—говорили агенты, быстро записывая что-то.

Хозяинъ дома вдругъ увидѣлъ за спиной агента довольное лицо «дѣловаго человѣка». Барселонецъ вскипѣлъ негодованіемъ.

Онъ кинулся на него съ кулаками, чуть не сваливъ съ ногъ агентовъ, и, задыхаясь отъ злобы, съ пѣной у рта оралъ:

— Lâche! А, это вы устроили... Ну, хорошо... буду жаловаться.

Поднялся невообразимый скандалъ. Гости со стремительной быстротой разъѣзжались. Толкотня въ передней была отчаянная. Снѣжинъ, захвативъ свои бумаги, вмѣстѣ съ векселемъ, выскочилъ на подъѣздъ и неистово кричалъ, самъ не зная для чего:—Караулъ, грабятъ!—Петербургское облагораживанье ему надоѣло и захотѣлось московскаго разгула. Неудержимо захотѣлось разбить зеркало или дать кому нибудь «раза», съ уплатой за безчестіе. Городовые успокоили его и онъ уѣхалъ.

На другое утро Барселонецъ, вмѣстѣ съ Казиміромъ и двумя особо приготовленными чемоданами, исчезли изъ Петербурга.

XXXII.

«Венера, выходящая изъ пѣны морской», была окончена. Замойскій былъ въ восторгѣ. Онъ чувствовалъ то, что чув-

Digitized by Google

ствуетъ всякій художникъ, когда долго томившее его творческій духъ произведеніе, наконецъ, находитъ свою форму и реальное осуществленіе. Какъ будто тяжкій недугъ оставилъ его. Дышалось легко и свободно; сознаніе, что наконецъ онъ совершилъ все, что было въ его власти и средствахъ, придавало ему силу и бодрость. Новое произведеніе, еще смутное, еще не оформленное какъ слѣдуетъ сознаніемъ, нарождалось уже въ его головѣ: но, пока оно назрѣвало, жить было еще возможно. Другое дѣло, когда оно всецѣло овладѣетъ его сознаніемъ—тогда онъ опять подпадетъ подъ его могучее вліяніе, тогда всѣ его общечеловѣческія и личныя чувства и мысли отойдутъ на второй планъ, а онъ самъ очутится во власти гипноза творчества. Но теперь онъ отдыхалъ. Зато прежній недугъ съ новой силой овладѣлъ имъ. Этотъ недугъ—была любовь къ Аннѣ. Какъ всѣ писатели, художники, артисты—словомъ, люди искусства—онъ любилъ только тогда, когда былъ свободенъ. Между двумя творческими порывами наступала мучительная жажда любви,—не любви къ своему художественному идеалу, къ образу, созданному фантазіей и вдохновеніемъ художника, а любви обыкновенной, человѣческой. Замойскій былъ исключительной натурой: онъ до сихъ поръ не любилъ; не любилъ потому, что ни одна женщина не подходила подъ созданный имъ себѣ идеалъ. И только Анна подошла. Вотъ почему любовь къ Аннѣ завладѣла всѣмъ его существомъ. Она была для него идеаломъ художника и, слѣдовательно, онъ могъ любить ее *полной* любовью—и какъ свой художественный идеалъ, и какъ обыкновенную женщину. Это рѣдко бываетъ съ художниками: рѣдко идеалъ находитъ воплощеніе въ женщинѣ, реально существующей, и рѣдко женщина эта олицетворяетъ идеалъ и въ полной мѣрѣ отвѣчаетъ ему. Но только именно въ этомъ случаѣ художникъ можетъ любить сильно и долго, не разочаровываясь и не кидаясь на поиски за другими идеалами, и только въ этомъ случаѣ любовь художника находитъ полную гармонію.

Онъ чувствовалъ, что болѣе молчать не можетъ, что эта любовь, затаенная въ самомъ себѣ, должна найти исходъ, что онъ долженъ высказаться. Она его душила, не давала ему покоя. Каждую минуту фраза любви готова была сорваться съ его языка. И любовь жила у него въ головѣ, овладѣла его

Digitized by Google

сердцемъ, срывалась съ губъ, сквозила въ его очарованномъ, восторженномъ взглядѣ. Но онъ все еще удерживался душой, чувствуя, что не найдетъ отклика въ Аннѣ. Анна относилась къ нему, какъ къ другу, какъ къ любимому брату; она дѣлилась съ нимъ своими радостями, которыхъ было мало, и своимъ горемъ, котораго было очень много. Радости ея заключались въ томъ, что Петя ея растетъ, что Петя толстѣетъ, начинаетъ что-то бормотать, ползать, пробуетъ стоять... Горе—въ его болѣзняхъ, въ ея безденежьѣ, въ неудачахъ и въ артистическихъ порывахъ, не находящихъ въ данное время приложенія. Но Петя—былъ сыномъ ненавистнаго Замойскому человѣка и, при всей его любви къ Аннѣ и къ дѣтямъ вообще, а къ Петѣ въ особенности, онъ все таки не могъ отдаться вполнѣ искренней радости по поводу петина благополучія. И онъ молчалъ, страдалъ, и съ трогательнымъ мужествомъ переносилъ эти страданія. Но Анна, неужели она ничего не замѣчала? Она—эта тонкая артистическая натура—не понимала его жестокихъ мукъ, его невѣроятныхъ страданій?.. Или онъ умѣлъ такъ тщательно скрывать ихъ, такъ ловко лицемѣрить?

Картина была кончена и онъ часами простаивалъ теперь передъ ней, любуясь своимъ созданіемъ. Анна приходила часто къ нему любоваться картиной до отправленія ея на выставку. Прежнее смущеніе прошло безслѣдно; не было стыда натурщицы, и теперь она не чувствовала той тягости, которая обуревала ее, когда она шла на сеансъ. Теперь—художникъ превратился въ друга; она могла ходить къ нему свободно и спокойно болтать съ нимъ. Съ утра уже ожидая ея прихода, Замойскій приготовлялся сказать ей «всю правду». Горячая рѣчь складывалась у него, убѣдительныя фразы сами срывались съ устъ; онъ даже повторялъ ихъ громко въ своей мастерской, стараясь вслушаться въ ихъ звуки, стараясь постичь, какое впечатлѣніе онѣ могутъ на нее произвести. Но приходила Анна, спокойная, сдержанная, хотя все такая же милая по отношенію къ нему—и рѣчь его, готовая излиться въ бурномъ потокѣ, не находитъ исхода. Вотъ-вотъ онъ скажетъ, какъ онъ ее любитъ... Вотъ стоитъ только начать и рѣчь польется неудержимо, бурно, властно и сильно... Но одинъ взглядъ въ ея прекрасные, но не пылающіе любовью глаза—и онъ чувствуетъ, какъ слова таютъ, какъ порывъ проходитъ, какъ все заготовленное съ

Digitized by Google

утра куда-то исчезаетъ, какъ робость подымается въ немъ и сковываетъ ему языкъ, мысли, чувства. Безсильно опуская руки, онъ молчитъ или говоритъ о своей картинѣ, объ ея весеннемъ дебютѣ, о Петѣ и проч.

Страданія его дошли до послѣдней степени. Однажды утромъ, не будучи болѣе въ силахъ таить свою любовь и не будучи въ силахъ ее высказать, онъ написалъ ей письмо. Потомъ разорвалъ его. Вновь написалъ другое и вновь разорвалъ. Тогда онъ рѣшился «сжечь свои корабли» и во что бы то ни стало объявить ей сегодня объ этомъ... Ну, что жь? Если это послужитъ къ ихъ разрыву—тѣмъ лучше. Лучше разомъ кончить и отсѣчь эту мучительную боль, чѣмъ тянуть безконечную канитель, чѣмъ изнывать подъ бременемъ невысказанной страсти.

Анна пришла. Замойскій волновался. Онъ уже совсѣмъ приготовился начать разговоръ... Она была такъ хороша сегодня, такъ необыкновенно хороша. Что-то грустное, глубокогрустное было въ ея чудныхъ глазахъ: какъ будто случилось что-то, какъ будто она погребала свое прошлое, прощалась съ чѣмъ-то навѣки. Такъ глядитъ весенняя природа, если подсмотрѣть за ней въ какомъ нибудь затерянномъ углу уютнаго и поэтическаго кладбища; такъ смотритъ на могильную плиту блѣдно-голубое весеннее небо сквозь прорѣзь нѣжно-зеленой листвы плакучаго дерева. Этотъ голубой кусочекъ—это кроткія очи вселенной, а зеленая плакучая листва—ея слезы. Но художникъ не замѣчалъ ни этихъ очей, ни слезъ, готовыхъ пролиться изъ нихъ. Онъ видѣлъ ее, всю ее, чудное созданіе, кроткое, доброе, прекрасное и страстно, безумно имъ любимое. Кончено! онъ ей скажетъ, скажетъ все, что накипѣло у него на сердцѣ.

— Анна... Яковлевна,—началъ онъ хриплымъ голосомъ, въ которомъ дрожала страсть:—я хотѣлъ сказать вамъ...

— Я знаю, знаю, голубчикъ... вы милый, хорошій человѣкъ, вы щадили меня... но я узнала сегодня сама. Зачѣмъ скрывать? Объ этомъ говоритъ весь городъ...

Онъ остолбенѣлъ. О чемъ говоритъ весь городъ? О чемъ она могла узнать?

Анна продолжала.

— Этого надо было ожидать. Я знаю, онъ любилъ меня.

Digitized by Google

Любовь эта быстро прошла и, конечно, не вернется... Онъ много увлекался въ жизни, но я знаю,—что если онъ любилъ когда нибудь, то только меня... меня одну. О, женщина всегда это знаетъ. Теперь онъ женится... вы думаете, по любви? Нѣтъ, я увѣрена, нѣтъ. Его заставляетъ жениться нужда... Вы когда-то правду сказали: онъ такой же богемецъ, какъ и мы съ вами. Нужда его притиснула и ему нѣтъ другаго выхода, какъ жениться. Вы думаете, еслибы я не была такой гордой... еслибы я... вы думаете...

Она вдругъ замолчала. Спазмы сжали ея горло, что-то душило ее, и тихія, сдержанныя, подавленныя рыданія, наконецъ, овладѣли ею. Она говорила о Воеводскомъ, она плакала о немъ! Неужели онъ мало еще принесъ ей зла? Неужели онъ мало исковеркалъ ее жизнь? Неужели она не поняла, *что* такое Воеводскій, чтобы плакать объ этой бездушной дряни?..

Вся нѣжность Замойскаго исчезла: онъ чувствовалъ теперь, какъ его любовь, его святое чувство, куда-то уходитъ, вытѣсняемое чѣмъ-то другимъ, болѣе сильнымъ, болѣе могущественнымъ. Тщетно мыслями и сердцемъ старался онъ удержать эту уходившую любовь и не давать мѣста тому, что шло ей на смѣну. Но это не было въ его власти. Въ прежнія времена, когда онъ видѣлъ ея слезы, щемящая боль проникала его сердце. Онъ терялся, не зная, что дѣлать, какъ утѣшить, и еслибы его смерть могла ихъ остановить, онъ бы съ безумной радостью умеръ. Но теперь... одна злоба душила его.

Усиліемъ мужественной воли онъ подавилъ въ себѣ этотъ острый, злобный порывъ и началъ говорить спокойно, твердо, безжалостно. Ему теперь нечего и некого щадить. Пусть ей больно его слушать, но вѣдь и ему больно... Пусть сердце ея обливается кровью, но вѣдь и его сердце страдаетъ. Довольно онъ мучился изъ-за нея въ одиночку, теперь пусть и она узнаетъ всю горечь отверженнаго чувства, всю боль, всю тоску нераздѣленной любви. Онъ не пощадитъ Воеводскаго.

— Послушайте, Анна Яковлевна...—началъ онъ звенящимъ, какъ металлъ, голосомъ:—вы можете плакать, но это не помѣшаетъ вамъ слушать. Вы оплакиваете то, что не стоитъ не только чьихъ нибудь слезъ, но даже простаго сожалѣнія и участья. Неужели вы не хотите наконецъ понять, что Воеводскій — негодяй? Самый чистый, самый несомнѣнный негодяй!

Digitized by Google

Пожалуйста, не смотрите на меня такими жалобно-молящими глазами... Они не заставятъ меня отказаться отъ моихъ словъ.

— Но что же онъ сдѣлалъ безчестнаго? Что онъ меня покинулъ съ ребенкомъ? Если онъ пересталъ любить меня?

Это уже было слишкомъ. Полный негодованія, онъ воскликнулъ:

— А, вы находите честнымъ бросить женщину на произволъ судьбы съ ребенкомъ, толкнуть ее на улицу, забыть о ея существованіи...

— Но если у него нѣтъ средствъ?

— У него нѣтъ средствъ?! А ухаживать за француженками, а ѣздить на рысакахъ, а играть въ карты, а занимать деньги?.. Наконецъ...

Замойскій умолкъ. Онъ хотѣлъ удержаться, пощадить Воеводскаго, но это было выше его силъ. Въ душѣ кипѣла злоба и онъ поклялся быть безжалостнымъ.

— Хорошо, — продолжалъ онъ: — я молчалъ всю зиму— думалъ, что вы сами его достаточно оцѣнили. И не въ моихъ правилахъ бить лежачаго. Но вы очевидно еще не прозрѣли. Вы пробуете его идеализировать: пора вамъ еще разъ открыть глаза. Мнѣ стыдно повторять объ этомъ. Вы помните... въ минуту отчаянья... вы писали ему?..

Она молча кивнула головой.

— Вы писали ему. Онъ мнѣ сказалъ объ этомъ. Прикинулся несчастнымъ... Я ему далъ только что полученные послѣдніе сто рублей и взялъ съ него слово, что онъ ихъ въ тотъ же день пошлетъ вамъ. Вы вѣдь не получили?

Она отрицательно качнула головой.

— Вотъ видите. Обобрать нищаго, не золоченаго нищаго, какъ онъ, которымъ бѣшеныя деньги сваливаются съ неба, а самаго обыкновеннаго нищаго, какъ я, упорнымъ трудомъ и борьбою добывающаго деньги и... и прокутить, пропить, проиграть ихъ... это... по вашему честно?.. Я называю это подлостью, а людей, совершающихъ это,—подлецами. Простите мнѣ, но другаго болѣе мягкаго названія я, къ сожалѣнію, не могу подыскать.

Она сидѣла подавленная, убитая. Ему какъ будто доставляло особое жестокое удовольствіе клеймить Воеводскаго самыми безпощадными словами. Его особенно раздражало, что онъ не

Digitized by Google

видитъ въ ней ни гнѣва, ни презрѣнія, ни озлобленія къ Воеводскому.

— Я не могу васъ понять... не васъ лично, а вообще женщинъ... Чего вы хотите, чего вы требуете отъ мужчины? Какой нибудь бѣдный малый, безумно въ васъ влюбленный, готовый отдать вамъ не только свое сердце, свой трудъ... все, все, что у него есть, но даже и самую жизнь, изнываетъ, умираетъ отъ любви къ вамъ. Но вы холодно проходите мимо. Вы не замѣчаете его, какъ будто передъ вами пустое мѣсто... Правда, такой малый не навязываетъ вамъ своихъ чувствъ, не кричитъ, не шумитъ о нихъ. Другой—эгоистъ до мозга костей, смотрящій на васъ, какъ на орудіе наслажденія, какъ на игрушку, бросающій васъ послѣ перваго же удовлетворенія его прихоти—производитъ на васъ впечатлѣніе на всю жизнь... Что это такое?

— Онъ отецъ моего ребенка...—робко возразила она.

— Вздоръ!.. Отецъ, который не видалъ своего ребенка! Отецъ, который врядъ ли даже помнитъ о его существованіи... Отецъ, который нисколько имъ не интересуется!.. Что вы обманываете себя? Просто въ васъ живетъ къ нему животное чувство: вы не можете забыть его первыхъ объятій и ласкъ, вы чувствуете слѣды его первыхъ поцѣлуевъ. Такъ сознайтесь же себѣ въ этомъ. Женщина консервативна въ любви, какъ никто... Первая любовь живетъ въ ней до конца дней и воспоминаніе о первомъ человѣкѣ, полюбившемъ ее, тревожитъ ее даже въ объятіяхъ другаго. Это очень печально... но противъ этого видимо ничего не подѣлаешь. Вы знаете... я очень... люб... я преданъ вамъ всей душой и не хочу отъ васъ ничего абсолютно, кромѣ дружбы. Ну,—такъ мнѣ нечего васъ разочаровывать... но я скажу вамъ, что Воеводскій никогда не вернется къ вамъ... никогда. Да и вообще это человѣкъ конченный. Вы увидите,—не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать это: онъ скоро погибнетъ. Вся эта золоченая богема погибнетъ: они, какъ ядовитые цвѣты, распускаются на обезсиленной почвѣ, вызванные къ жизни общимъ разслабленіемъ... Расшатанная воля, разбитые нервы, вырожденіе, психозъ, болѣзненное воображеніе, привычка жить на всемъ готовомъ, на деньги, полученныя отъ предковъ, по наслѣдству, а не добытыя собственнымъ трудомъ—вотъ элементы, изъ которыхъ склады-

Digitized by Google

вается эта богема... Крѣпостное право рушилось, богатства перешли въ руки кулаковъ и разночинцевъ, блестящее сословіе обнищало, облѣнилось въ долгіе годы рабства и дароваго труда, но дурныя традиціи въ этомъ сословіи еще остались и оно никакъ не можетъ отрѣшиться отъ нихъ. Они не могутъ перемѣнить темпъ жизни... приспособиться къ новымъ экономическимъ условіямъ. Наслѣдственнымъ путемъ они пріобрѣли изъ поколѣнія въ поколѣніе привычку жить широко и незнаніе цѣны денегъ. Денегъ нѣтъ... а широкія привычки есть. Многіе изъ нихъ поняли свое положеніе и не погибли. Своимъ умомъ, своимъ трудомъ, своими способностями они съумѣли вернуть себѣ прежнее значеніе, прежнія средства... Другіе—наиболѣе разслабленные, наиболѣе нищіе духомъ—умѣютъ только занимать и жить на чужія средства, какъ паразиты. Таковъ Воеводскій, Словенская и какъ ихъ еще тамъ называютъ? Помните у Шекспира? «Земля, какъ и вода, содержитъ газы... и это были пузыри земли... куда они исчезли»? Да, они исчезнутъ, очень скоро исчезнутъ, потому что пузырь не можетъ долго существовать: у него слишкомъ тонкая, хотя и радужная, залоченая оболочка и абсолютная пустота внутри. Жизнь не ждетъ, все идетъ впередъ, развивается, совершенствуется... И она извергнетъ изъ себя все негодное, все вредное,—всѣ свои пузыри и ядовитые газы. Много ихъ выдѣлилось за наше время на ея поверхности... но это—послѣдніе: они скоро погибнутъ и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Онъ говорилъ еще долго. Но она почти не слушала его.

— Кто вамъ сказалъ, что я еще люблю его?—прервала она.— Нисколько. Это была просто вспышка. Я знаю, еслибы я опять, какимъ нибудь чудомъ, сошлась съ нимъ—я бы дня не прожила и убѣжала... Это пройдетъ, голубчикъ, пройдетъ. Это рѣдко бываетъ со мной...

— Что рѣдко бываетъ?—спросилъ онъ.

— Возвратъ чего-то похожаго на чувство къ нему. Вѣдь я его знаю лучше вашего и ничего новаго вы мнѣ не сказали. Это просто болѣзнь. Тутъ больше оскорбленнаго женскаго самолюбія, уязвленной гордости... я не знаю... но меньше всего любви.

Она собиралась уходить и, печально улыбаясь, простилась съ нимъ. Онъ проводилъ ее до двери, хотѣлъ опять крикнуть

Digitized by Google

ей: «Анна, я тебя люблю, люблю безумно, пылко, страстно»... но слова замерли и онъ молча вернулся въ комнату.

Злоба душила его; больное чувство угнетало; долго сдерживаемый порывъ обезсилилъ его и, упавъ на диванъ, онъ далъ волю своимъ наболѣвшимъ нервамъ. Этотъ сильный, здоровый, мужественный человѣкъ рыдалъ, какъ ребенокъ, закрывъ лицо руками.

— Все кончено,—шепталъ онъ:—все, все... Она никогда не будетъ моей, никогда меня не полюбитъ...

Онъ просидѣлъ такъ до сумерекъ. Потомъ облегченный, освѣженный слезами, онъ отправился бродить по городу.

XXXIII.

Наступила весна, теплая ранняя весна, совершенно необыкновенная для сѣверной столицы. Дворники и полицейскіе еще болѣе ускорили наступленіе этой «поры любви и грусти томной». Ледъ былъ сколотъ, грязь, простоявшая съ недѣлю, подсохла; Нева прошла, а вслѣдъ за нею и ладожскій ледъ. Начались длинные дни, свѣтлыя ночи, появились «весенніе бюллетени» о жаворонкахъ, вмѣстѣ съ которыми и новыя моды прилетѣли изъ Парижа. Столица ожила, на Невскомъ нельзя было протолкаться. Свѣтлыя платья, пестрыя шляпки, оживленныя лица, громкій говоръ людей, какъ будто бы вышедшихъ изъ долгаго и томительнаго заключенія,—все это дѣлало Петербургъ похожимъ на южный городъ. Весна—самое веселое, самое лучшее время на нашемъ угрюмомъ сѣверѣ, со своей теплой, но не знойной температурой, съ бѣлыми ясными ночами, съ вечерней зарей, почти встрѣчающейся съ утренней. Потомъ наступаетъ лѣто, скучное, вялое, однообразное, подчасъ холодное съ безпрерывными дождями и сыростью, подчасъ знойное съ раскаленной мостовой и громадами домовъ, съ неизбѣжнымъ ремонтомъ зданій, съ удушливой вонью асфальтовыхъ котловъ, съ пылью и грязью.

Весной совершилось нѣсколько событій: открылась выставка картинъ. «Венера» Замойскаго имѣла грандіозный, небывалый успѣхъ и сдѣлалась «гвоздемъ» ея. Положимъ, критика раздѣлилась на два лагеря. Одинъ—находилъ ее дерзкой, до вызова смѣлой по трактованію сюжета и по исполненію. Критики этого

Digitized by Google

лагеря объявили картину декадентской, безнравственной, свидѣтельствовавшей объ упадкѣ русскаго искусства. Лицемѣрно вздыхали, взывали къ тѣнямъ Иванова, Брюлова и другихъ художниковъ прошлаго, и призывали искусство къ порядку и къ самостоятельному, національному развитію, а не слѣпому подражанію гнилому западу. Другой лагерь отстаивалъ картину и критики его говорили, что задача всякаго искусства—идти впередъ, смѣло и бодро, и что не бѣда, если, во время этого шествія, оно идетъ по ложной дорогѣ. Это заблужденіе временное, преходящее и истинный художникъ, держащій въ рукахъ свѣточъ правды, вооруженный талантомъ и любовью къ труду, всегда съумѣетъ выбраться на настоящую дорогу, если ему и не удастся найти новые неторные пути. Не нужно только мѣшать этому самоопредѣленію, этой жаждѣ новизны мракобѣсными окриками и вѣчнымъ приглашеніемъ къ оглядкамъ назадъ, къ возвращеніямъ на традиціонный путь. Критики сцѣпились и подняли шумъ, почти забывъ о самомъ предметѣ, возбудившемъ споръ. Но дѣло было сдѣлано. Замойскій сразу пріобрѣлъ имя, и картина его задолго до закрытія выставки была куплена однимъ изъ богатыхъ московскихъ меценатовъ за двѣнадцать тысячъ рублей. Замойскій былъ бы на вершинѣ благополучія, еслибы... не дававшая ему покоя любовь къ Аннѣ. Онъ уже обдумывалъ новый сюжетъ и рѣшилъ ѣхать на лѣто въ Римъ, поработать, отдохнуть, а—главное—постараться забыть Анну.

Анна дебютировала въ пьесѣ «Листья шелестятъ» и имѣла большой успѣхъ. Ея подкупающій голосъ, сценическая наружность, лирическое чувство, осмысленная игра восхитили публику и критиковъ. Она была принята на сцену, и теперь положеніе ея было упрочено. Она кончила такимъ образомъ съ провинціальной артистической богемой и пріобрѣла осѣдлость, солидный окладъ и возможность спокойно работать, не размѣниваясь по мелочамъ. Разъ она пошла на выставку взглянуть на «Венеру», но, подойдя къ картинѣ, передъ которой стояла толпа,—невольно смутилась. Ей казалось, что всѣ ее узнавали. Какіе-то молодые люди расцѣнивали красоту ея тѣла по статьямъ и она поспѣшила удалиться, вся взволнованная и смущенная.

Окола портрета Вѣнценосцева тоже всегда было много публики и «посвященные» разсказывали о романѣ адвоката съ

Digitized by Google

Словенской. Говорили, что онъ заплатилъ ея долги, что скоро будетъ аукціонъ ея вещей и они уѣдутъ за границу, что мужъ Словенской, до котораго дошли наконецъ слухи о ея новой связи, прекратилъ ей пенсію, и она очутилась такимъ образомъ въ рукахъ ловкаго адвоката, который могъ теперь съ ней дѣлать, что̀ ему вздумается.

Тотчасъ послѣ пасхи, состоялась свадьба Воеводскаго съ Чудиновой и они уѣхали за границу. Воеводскій получилъ нѣкоторую сумму денегъ для расплаты съ долгами и разсчитался съ Никаноромъ, съ ювелиромъ, съ портнымъ и со всѣми другими мелкими, но безчисленными кредиторами. Онъ все таки не забылъ о тысячѣ рублей, обѣщанныхъ отцомъ, и, сообщая ему о своей свадьбѣ, напомнилъ о деньгахъ. Но онъ никогда не зналъ вѣрнаго адреса отца, который пропадалъ гдѣ-то по заграничнымъ притонамъ и рѣдко давалъ о себѣ вѣсти, совершенно увлеченный своей пѣвицей. Отвѣта на это письмо Воеводскій не получилъ, но зато раза два получилъ письма отъ управляющаго, въ которомъ тотъ сообщалъ Василію Ивановичу: «папаша вашъ безобразничаютъ на теплыхъ водахъ и шлютъ приказъ за приказомъ о продажѣ того или другаго участка, что̀ такъ долго продолжаться не можетъ и близко уже до полнаго разоренія». Но Василій Ивановичъ, почувствовавъ себя мужемъ богатой жены, въ первый разъ легко вздохнулъ послѣ тяжелой богемной жизни и мало обращалъ вниманія на эти предупрежденія. Онъ отвѣчалъ молчаніемъ на всѣ письма Степана Ефимовича.

Въ маѣ Вѣнценосцевъ исполнилъ свои обѣщанія: склонилъ Теръ-Акопова на уступки и уѣхалъ съ Лидіей Викторовной въ Ниццу.

XXXIV.

Анна проводила лѣто въ Петербургѣ: она получила нѣсколько ролей и задумала серьезно надъ ними поработать и приготовиться къ зимнему сезону. Съ тѣхъ поръ счастье снова стало ей улыбаться, прошли мрачные дни безнадежности и неопредѣленности, и судьба, такъ безжалостно преслѣдовавшая ее, какъ будто захотѣла вознаградить съ лихвой свою бѣдную жертву. Вслѣдъ за удачнымъ дебютомъ, она получила ангаже-

Digitized by Google

ментъ въ одинъ изъ загородныхъ драматическихъ театровъ, гдѣ должна была играть два-три раза въ недѣлю; это не могло помѣшать ея серьезной работѣ надъ ролями для предстоящей зимы, но давало средства къ жизни. Она вздохнула свободно. Наконецъ-то она получила возможность существовать самостоятельно. По мѣрѣ того какъ она вновь находила свои силы, вновь становилась на ноги и съ бодростью глядѣла на божій міръ,—больное, нездоровое чувство ея къ Воеводскому постепенно проходило, дѣлая огромные скачки внизъ. Теперь она какъ будто прозрѣла: она увидѣла всю глубину своего паденія въ этой позорной связи съ человѣкомъ, внутри котораго все было пусто и который привлекъ ее къ себѣ мишурнымъ блескомъ своей внѣшности; ей было стыдно за себя, за всѣхъ женщинъ, которыя, очертя голову, кидаются въ объятія мужчинъ, совершенно ихъ недостойныхъ. Куда дѣвается умъ женщины, ея наблюдательность, ея чуткость, ея инстинктъ, позволяющій ей, скорѣе чѣмъ любому умному мужчинѣ, угадывать ложь и фальшь неискренняго чувства? Какъ могла она налетѣть на этотъ блестящій, но холодный, призрачный огонекъ, который не грѣетъ, а только свѣтитъ и ослѣпляетъ? Какъ могла подумать, что можетъ согрѣться у этого огня безъ тепла? По мѣрѣ того какъ она излѣчивалась отъ своей болѣзни,—она раскрывала мысленно всѣ недостатки, всѣ пороки, всю пустоту Воеводскаго. Страннымъ образомъ, явленія, которымъ она придавала такъ недавно совершенно другое толкованіе, которыя старалась объяснять въ его пользу, не находили уже въ ея душѣ оправданій и являлись въ новомъ, весьма некрасивомъ свѣтѣ. Регрессъ шелъ быстро... Что дало толчекъ этому обратному движенію ея чувства? Она не могла бы точно отвѣтить на это. Смутно догадывалась она, что разсказъ Замойскаго о ста рубляхъ, взятыхъ Воеводскимъ у бѣднаго художника и растраченныхъ имъ, былъ именно тѣмъ скрытымъ, безсознательнымъ импульсомъ, который сдвинулъ ее съ позиціи. И разъ движеніе началось, оно должно было продолжаться неудержимо до самаго подножія той вершины, съ которой началось. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ней происходила метаморфоза по отношенію къ Замойскому. Онъ предсталъ ей вдругъ въ заманчивомъ нравственномъ обликѣ. Повязка спала съ ея глазъ и она радостно удивлялась, прислушиваясь къ тѣмъ процессамъ, кото-

Digitized by Google

рые совершались внутри ея. Но пока эти метаморфозы и процессы назрѣвали и разрѣшались, время шло и Замойскій собрался уѣхать въ Римъ. Она пришла его проводить. Художникъ былъ блѣденъ и печаленъ. Какъ будто онъ, этотъ одинокій въ жизни человѣкъ, у котораго не было ни одной родственной души, покидалъ въ Петербургѣ все самое дорогое его сердцу, самое любимое, самое святое. Еслибы онъ былъ слабѣе—онъ бы плакалъ, какъ мальчикъ; она чувствовала это. Вспоминая его отношенія къ себѣ, она догадывалась, что онъ ее любитъ. Почему же она раньше этого не замѣтила? Почему ни разу, ни однимъ словомъ, ни однимъ намекомъ онъ не далъ ей знать объ этомъ? Ну, тогда она на него смотрѣла иначе, она не поняла бы его: она, пожалуй, разсердилась бы или обидѣлась на его безтактность, несдержанность, на нежеланіе вникнуть въ ея истерзанную, истомленную душу... Но теперь?... Вѣдь она давно уже оставила съ нимъ тотъ дружественно-холодный тонъ, который эксплуатировала по отношенію къ нему зимой. Вѣдь теперь онъ самъ видитъ, что она перемѣнилась, расцвѣла, прозрѣла... почему же онъ молчитъ? Почему онъ такъ ушелъ въ себя, что даже не желаетъ больше говорить съ ней о томъ, что могло бы вызвать малѣйшій намекъ на любовь, на чувство, на Воеводскаго, на планы о своемъ и ея будущемъ?..

Замойскій, съ глубокой тоской нераздѣленнаго чувства, дѣйствительно замкнулся и рѣшилъ никогда ни единымъ словомъ не проговориться Аннѣ о томъ, что было свѣтомъ его жизни, мечтой его существованія. Это былъ человѣкъ сильнаго ума, горячаго сердца, но и твердой воли. Онъ умѣлъ любить, умѣлъ и страдать. Но только тотъ, кто умѣетъ страдать гордо и молча, безъ жалобъ и слезъ, умѣетъ глубоко и сильно любить.

— Какая вы добрая...—сказалъ онъ, весь расцвѣтая улыбкой, при видѣ ея на вокзалѣ:—вы пришли проводить меня?.. Какъ это хорошо съ вашей стороны, Анна Яковлевна...

Въ первый разъ ей стало странно и непріятно отозвалось въ ея ухѣ это «Анна Яковлевна». Неужели онъ не имѣетъ права называть ее иначе? И ей почему-то подумалось, что было бы какъ-то... «естественнѣе», еслибы онъ называлъ ее просто Анной.

На вокзалѣ было много народу, цѣлыя толпы; казалось,

Digitized by Google

весь бродячій Петербургъ двинулся въ путь, убѣгая изъ-подъ этого молочно-голубаго неба, изъ этихъ душныхъ и пыльныхъ улицъ подъ небо болѣе синее, въ просторъ луговъ, въ тѣнь лѣсовъ, къ далекимъ морскимъ берегамъ,—туда, гдѣ въ это время года ликуетъ истинный праздникъ торжествующей природы. Толкотня была страшная. Артельщики носились по залѣ съ квитанціями, отыскивая своихъ кліентовъ; уѣзжающіе сидѣли группами, гдѣ грустно-настроенные, гдѣ радостно-оживленные. Кто хлопоталъ о вещахъ, кто о купэ, кто о билетахъ. У кассы стоялъ хвостъ. Времени еще оставалось достаточно, но вездѣ слышались торопливыя, отрывистыя рѣчи. Какъ будто у всѣхъ этихъ людей накопилось столько матеріалу за зиму, что они не знали, съ чего начать, и сбивчиво, смущенно торопились и путались въ своихъ рѣчахъ. Какъ будто всю зиму они молчали и теперь въ короткій промежутокъ времени старались сразу обо всемъ повѣдать другъ другу.

Замойскій съ Анной сидѣли въ отдаленномъ, укромномъ уголку. Еслибы не смущеніе, овладѣвшее обоими, они могли бы вдоволь наговориться и высказать другъ другу все, что лежало на душѣ. Но слова не шли съ языка и фразы произносились самыя безразличныя.

— Вы уже взяли билетъ?—спрашивала Анна.

— Да.

— Вы ѣдете прямо въ Римъ?

— Да.

— И долго тамъ пробудете?

Смущенный онъ отвѣчалъ:

— Не знаю. Быть можетъ, навсегда тамъ останусь. Теперь, когда у меня есть деньги, есть возможность работать, когда меня ничто, ничто не связываетъ съ Петербургомъ... отчего мнѣ не жить тамъ?

— У васъ ничего не остается въ Петербургѣ дорогаго?—спросила она.

Онъ молча взглянулъ на нее. Какъ она была хороша! Какъ мило глядѣли ея спокойные, чистые, красивые глаза. Она вся помолодѣла, пополнѣла, ожила... Что-то жизнерадостное, весеннее, хорошее и свѣтлое шло отъ ея взглядовъ, отъ ея мягкой улыбки, отъ самыхъ незначительныхъ ея рѣчей. Онъ хотѣлъ сказать ей, что все для него дорогое заключается въ ней од-

Digitized by Google

ной, что еслибы онъ имѣлъ хоть тѣнь надежды на взаимность, онъ бросился бы къ ея ногамъ, умолялъ бы ее поѣхать съ нимъ, или принесъ бы ей въ жертву Римъ, свое искусство, самого себя, всю свою жизнь, и остался бы съ нею. Но именно эта ея жизнерадостность, которая такъ ему нравилась, потому что свидѣтельствовала о ея благополучіи,—вмѣстѣ съ тѣмъ оскорбляла его. Ей, значитъ, все равно, что онъ уѣзжаетъ, что они разстаются! Горькое чувство обиды заговорило въ немъ.

— Нѣтъ у меня здѣсь, нѣтъ ничего дорогаго.

Оба замолчали.

— Впрочемъ, я не знаю,—вдругъ заговорилъ онъ,—можетъ быть, я вернусь... Это будетъ зависѣть отъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ.

— Отъ какихъ?—не понимала она.

— Отъ успѣшности моихъ работъ,—солгалъ онъ.

Направляясь къ вагону, онъ вдругъ остановилъ ее.

— Слушайте, Анна... Анна Яковлевна, что я вамъ скажу. Вы отказались отъ предложенныхъ мною денегъ, которыя вы смѣло могли бы мнѣ выслать въ сентябрѣ. Но дайте мнѣ слово... что если что нибудь случится съ вами... если вамъ понадобится моя помощь... какая бы ни была... вы напишете мнѣ? Не правда ли? Знайте, что въ Римѣ у васъ будетъ другъ... Не такъ ли! Вы не откажете мнѣ въ этой послѣдней просьбѣ?

Она схватила его за руку.

— Милый,—сказала она и видѣла, какъ онъ вздрогнулъ:—неужели вы думаете, что я не буду писать вамъ или напишу только въ случаѣ какой нибудь крайности? Я буду писать вамъ часто, часто, о себѣ, о Петѣ, о своихъ дѣлахъ...

Еще мгновенье—и онъ сказалъ бы ей все. Но на нихъ налетѣлъ носильщикъ съ чемоданами на плечѣ и въ рукахъ, и чуть не сбилъ ихъ съ ногъ. Раздался третій звонокъ. Замойскій еле успѣлъ вскочить въ вагонъ. У самаго окна стояла Анна. Она протянула ему руку. Поѣздъ уже шелъ. Онъ нагнулся, поцѣловалъ эту руку. Смущенно взглянулъ онъ прямо въ глаза Аннѣ и вдругъ увидѣлъ, какъ они затуманились слезами. Сердце его дрогнуло. Анна была уже далеко, поѣздъ съ грохотомъ и шумомъ выходилъ изъ-подъ навѣса и застилалъ дымомъ оставшуюся на дебаркадерѣ публику. Въ густомъ бѣломъ облакѣ обрисовался въ послѣдній разъ силуэтъ Анны.

Digitized by Google

— Прощай, дорогая... Прощай, Анна!—крикнулъ онъ, и порывъ вѣтра заглушилъ его слова. Слышала ли она ихъ? Донесъ ли ихъ до нея вѣтеръ?

Замойскій сѣлъ на скамейку. Онъ закрылъ глаза. Все мужество покинуло его. Теперь онъ сразу обезсилѣлъ. Онъ больше не могъ бороться съ своимъ чувствомъ: весь запасъ силы вышелъ. Онъ ѣхалъ теперь съ надорваннымъ сердцемъ. Поѣздъ все шибче и шибче уносилъ его отъ единственно дорогой ему женщины, отъ того города, гдѣ онъ оставилъ свою святыню, и жизнь была ему не въ жизнь. Въ вагонѣ было много публики, а ему нужно было одиночество. Онъ высунулся въ окно. Бѣлые клубы пара неслись ему прямо въ лицо, клубясь, извиваясь и принимая причудливыя формы, то разрываясь и подымаясь къ верху, то низко стелясь къ землѣ... Сердце бѣднаго путника мучительно ныло и, не выдержавъ этой боли, онъ наконецъ заплакалъ.

— Анна, Анна...—прошепталъ онъ:—прощай, моя хорошая; прощай, моя радость; прощай, моя жизнь...

Поѣздъ летѣлъ, паръ клубился, уносясь назадъ къ затуманенному разстояніемъ Петербургу, и мысли Замойскаго вмѣстѣ съ паромъ стремились назадъ, — все назадъ, туда, гдѣ онъ страстно любилъ и молча страдалъ.

В. Свѣтловъ.

(Окончаніе будетъ).

Digitized by Google

Встрѣча.

Ты со мною опять... Ты со мною... Дай руку,
Я прижму ее къ сердцу, я въ очи взгляну
И прочту глубоко затаенную муку,
И увижу слезу—не одну, не одну!

Говори... Не жалѣй мое сердце больное...
Какъ терзали тебя эти люди, скажи,
Какъ хотѣли втоптать твое чувство святое
Въ тину топкую рабства, позора и лжи.

Брось въ лицо имъ презрѣнье горячимъ упрекомъ,
Наболѣвшимъ упрекомъ язви ихъ, язви...
Сердце силу найдетъ въ этомъ горѣ глубокомъ,
Закалится въ огнѣ той несчастной любви.

Облегчай свое тяжкое горе слезами...
Мы, безсильные врозь, вмѣстѣ снова сильны;
Наша сила —въ любви, насъ ковавшей цѣпями...
О, теперь намъ враги не страшны!

Мих. Гербановскій.

Digitized by Google

ПОПЫТКИ ИЗУЧЕНІЯ НАРОДА.

«Любить Россію есть священная обязанность каждаго русскаго, а любить съ сознаніемъ, съ убѣжденіемъ можно только тогда, когда мы знаемъ ее, когда изучили минувшія и настоящія судьбы ея, когда достойно оцѣнили мощь и силу народа и его недуги, и когда вполнѣ убѣждены въ благодѣтельныхъ на него дѣйствіяхъ правительства, руководимаго волею и мудростью самодержца».

К. Арсеньевъ. «Статистическіе очерки Россіи».

I.

Долго образованное русское общество игнорировало русскую дѣйствительность, судило о ней на основаніи отрывочныхъ впечатлѣній и наблюденій, и, интересуясь больше всего выводами западно-европейской науки, прилагало ихъ къ оцѣнкѣ явленій русской жизни. Горькій опытъ убѣдилъ насъ, какъ опасно подобное отношеніе къ жизни. Въ наше время русская мысль направилась на изученіе русской дѣйствительности и это ясно выразилось въ стремленіи: во-первыхъ, изучать народъ и территорію въ различныхъ отношеніяхъ; во-вторыхъ, построить государственную политику на принципѣ народнаго блага, и, въ третьихъ, сблизить содержаніе науки и искусства съ дѣйствительною жизнью.

Такимъ образомъ, въ какія нибудь 30—40 лѣтъ произошелъ громадный переворотъ и въ русской наукѣ, и въ русской государственной жизни,—переворотъ, правда, подготовленный лучшими людьми прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, но ясно и опредѣленно выразившійся съ освобожденіемъ крестьянъ. «До освобожденія крестьянъ,—говоритъ г. Пыпинъ,—народъ былъ запретнымъ предметомъ для общественной мысли и литературы». Съ этого же времени, несомнѣнно, для русскаго общества наступила новая ступень общественнаго самосознанія, которую слѣдуетъ характеризовать обращеніемъ къ народу, пробужденіемъ глубокаго и живаго интереса къ нему. Въ самомъ дѣлѣ, только съ освобожденіемъ крестьянъ

Digitized by Google

вопросъ о русскомъ народѣ, сдѣлавшись самымъ капитальнымъ и самымъ глубокимъ, получилъ то значеніе, которое онъ имѣетъ въ дѣйствительности, и русское образованное общество сознало свой долгъ изучать народную жизнь во всѣхъ ея подробностяхъ и служить ея нуждамъ: появились изслѣдованія историческія, экономическія, статистическія, этнографическія; словомъ—наука занялась народомъ и выяснила его значеніе. Литература, отражая въ себѣ общественное мнѣніе, доказывала, что «народная масса не есть сырой матеріалъ, годный лишь для того, чтобы придать бо́льшую или меньшую устойчивость зданію государства; что у нея есть свои потребности и желанія, которыя должны преслѣдоваться наряду, а можетъ быть и впереди другихъ». (*В. В.* «Наши направленія»). Государственная власть точно также съ освобожденіемъ крестьянъ начала основывать свою дѣятельность на народныхъ интересахъ и народномъ благѣ, такъ что государственная политика мало по малу начала измѣнять свое направленіе, все болѣе и болѣе сближая государственныя мѣропріятія съ потребностями трудящейся массы. Наконецъ, и изящныя искусства сдѣлали своимъ предметомъ также жизнь народа, черпая изъ нея богатый матеріалъ для своихъ произведеній.

«Имя народа теперь у всѣхъ на устахъ. Люди совершенно противоположныхъ воззрѣній говорятъ о немъ, ссылаются на него въ подтвержденіе своихъ идей, выставляютъ заботы о народѣ—основаніемъ своихъ общественно-политическихъ мнѣній и плановъ». (*Пыпинъ.* «Исторія русской этнографіи»). И, дѣйствительно, въ наше время публицистъ, статистикъ, экономистъ, финансистъ, историкъ, этнографъ, администраторъ, беллетристъ, словомъ сказать, всякій старается изучать народъ, знакомить публику съ его бытомъ и въ научныхъ, и въ художественныхъ произведеніяхъ, указываетъ на необходимость знакомства съ жизнью народа, съ его потребностями и стремленіями. Конечно, во всѣхъ этихъ заботахъ и ссылкахъ на народное благо много сбивчиваго, неопредѣленнаго, разнорѣчиваго, много даже лживаго и неискренняго, такъ какъ «къ авторитету народа» и «народнаго интереса» постарались примазаться даже оттѣнки мнѣній, не только не имѣющіе съ народомъ ничего общаго, но и относящіеся къ нему единственно, какъ къ объекту эксплуатаціи. Тѣмъ не менѣе, важно уже и то, что вопросъ «о народѣ» выдвинутъ, что въ наше время рискованно не только прямое отрицаніе необходимости изучать народъ, содѣйствовать его просвѣщенію, развитію его матеріальныхъ и нравственныхъ силъ, но неудобно даже простое замалчиваніе этихъ вопросовъ. Эпохой яркаго проявленія общественнаго интереса къ народной массѣ являются

Digitized by Google

семидесятые годы, «когда въ нашей интеллигенціи очень ясно выразилось стремленіе сдѣлать центральнымъ пунктомъ своего общественнаго міросозерцанія и дѣятельности трудящуюся массу». (*В. В.* «Наши направленія»).

Выше мы выдѣлили три фактора, вліяющіе и вліявшіе на судьбу народа и на ходъ его изученія—науку, государственную власть и изящныя искусства,—причемъ, конечно, первый и третій факторы исключительно содѣйствовали выясненію истиннаго положенія народа и указанію практическихъ средствъ для избавленія его отъ крупнѣйшихъ тягостей его существованія, а второй факторъ — государственная власть—прислушиваясь къ выводамъ науки, преимущественно вліялъ на ходъ дѣйствительной жизни, внося въ нее извѣстныя поправки и измѣненія. Но мы были бы несправедливы, еслибы, касаясь вопроса о судьбѣ русскаго народа, умолчали о земствѣ, созданномъ почти одновременно съ освобожденіемъ крестьянъ и съ пробужденіемъ интереса къ народной массѣ.

Значеніе земства въ вопросѣ о народѣ тѣмъ важнѣе, что земство соединяетъ въ себѣ двѣ функціи—изученіе народныхъ нуждъ и принятіе мѣръ къ ихъ удовлетворенію. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніи, заслуги земства весьма почтенны. Что касается изученія народа, то, по словамъ проф. Чупрова, «изученіе значительной части Россіи, осуществленное по иниціативѣ земскихъ учрежденій, составляетъ, быть можетъ, самое важное, что̀ сдѣлано у насъ для познанія страны и народа» («Итоги экономич. изслѣд. Россіи по даннымъ земской статистики»). Но не менѣе важную роль играетъ земство и въ дѣлѣ удовлетворенія народныхъ нуждъ и потребностей:—сто̀итъ вспомнить, какъ много услугъ оказало земство народному образованію, здравію и благосостоянію. Кромѣ того, роль земства важна, какъ выразителя народныхъ нуждъ передъ государственною властью. Не ограничиваясь непосредственнымъ и благотворнымъ вліяніемъ на народную жизнь, земство выступало съ ходатайствами передъ государственною властью, указывая не только назрѣвшія и неотложныя нужды народной жизни, но и мѣры къ ихъ удовлетворенію, всякій разъ когда принятіе этихъ мѣръ превышало силы и компетенцію отдѣльныхъ земствъ.

Такимъ образомъ, у насъ получаются четыре силы, особенно вліявшія на судьбу народа и на вопросъ о положеніи народной массы—государственная власть, земство, наука, изящныя искусства. Всѣ эти четыре фактора, при несомнѣнномъ ихъ стремленіи къ народному благу и къ защитѣ народныхъ интересовъ, не свободны однако отъ нѣкоторыхъ ошибокъ, тормозившихъ и безъ того трудное дѣло изученія нашего обширнаго отечества и стомилліоннаго

Digitized by Google

его населенія. Такъ, въ русской наукѣ нѣкоторое время господствовали два крайнія направленія: представители перваго видѣли въ русской жизни только бѣдность и невѣжество, а потому, игнорируя ее и не находя въ ней ничего поучительнаго, старались изучать западно-европейскую жизнь и науку. Съ другой стороны, представители втораго направленія, хотя занимались изученіемъ русской жизни, но, приступая къ нему съ предвзятою цѣлью, идеализировали русскую дѣйствительность и находили всюду одни лишь отрадныя явленія, яко бы свидѣтельствующія о высокой культурной роли русскаго народа въ будущемъ. Только въ послѣднее время выработалось третье направленіе, примирившее крайности двухъ прежнихъ, и съ этого времени изученіе русскаго народа стало на болѣе объективную почву.

Медленность въ изученіи Россіи, имѣющая множество причинъ географическаго, экономическаго, культурнаго характера, является такимъ громаднымъ зломъ, всѣ послѣдствія котораго трудно сосчитать и взвѣсить. Незнаніе русской дѣйствительности отнимаетъ возможность выработать твердыя основы для дѣятельности государственной, общественной и частной, и правительство очень часто встрѣчаетъ немало непредвидѣнныхъ препятствій при осуществленіи различныхъ полезныхъ мѣръ. Обширное протяженіе Россіи, въ связи съ историческими причинами, создало несомнѣнный фактъ относительности всякаго утвержденія, всякаго вывода и заключенія о Россіи. Разнохарактерность территоріи и пестрота населенія Россіи, давая богатый, разнообразный и въ высшей степени интересный матеріалъ людямъ науки, обусловливаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость медленнаго и непосредственнаго изученія Росссіи. Изученіе это не должно и не можетъ идти книжнымъ путемъ, такъ какъ матеріалъ только еще долженъ быть собранъ на мѣстѣ, въ народной средѣ, въ живомъ народномъ быту. Организація правильнаго и повсемѣстнаго собиранія свѣдѣній о Россіи не можетъ быть частнымъ дѣломъ,—эта задача цѣликомъ лежитъ на правительствѣ. Насколько успѣшно выполнено это дѣло правительствомъ, мы увидимъ ниже; теперь же прибавимъ къ сказанному выше, что наука нерѣдко проявляла нѣкоторую поспѣшность въ своихъ выводахъ и заключеніяхъ о Россіи, забывая относительность положеній, выведенныхъ изъ изученія фактовъ на небольшомъ сравнительно пространствѣ. Такое ложное отношеніе къ предмету своего изученія не могло, конечно, благотворно отразиться на ходѣ самого изученія—и, дѣйствительно, оно тормозило его, внося, кромѣ того, еще сбивчивость и путаницу въ представленія образованнаго общества. Случалось нерѣдко, что люди науки, наблюдавшіе одно и то

Digitized by Google

же явленіе въ различныхъ пунктахъ обширной Россіи, употребляли немало тщетныхъ усилій прійти къ соглашенію о причинахъ его возникновенія. Вслѣдъ за людьми, дѣйствительно изучавшими жизнь, и публика начала повторять тѣ или другіе выводы, положенія, даже «законы», точно также совершенно упуская изъ виду ихъ условность и относительность. Такъ, всѣми почти изслѣдователями нашей крестьянской жизни констатированъ упадокъ крестьянскаго благосостоянія, но имъ трудно было прійти къ одному заключенію о причинахъ этого упадка, такъ какъ они наблюдали и изучали это явленіе въ различныхъ частяхъ Россіи: въ одномъ мѣстѣ главной причиной упадка крестьянскаго хозяйства являлись семейные раздѣлы, въ другомъ—недостаточность надѣловъ, въ третьемъ—несовершенство техническихъ пріемовъ хозяйства, въ четвертомъ—пожары, пьянство, переходы на фабрики и пр., и пр. Каждой такой причинѣ, имѣющей лишь условное, относительное значеніе, изслѣдователи придавали безусловное значеніе и, распространяя ея вліяніе на всю Россію, впадали въ несомнѣнную ошибку, считая извѣстный вопросъ вполнѣ изученнымъ и исчерпаннымъ. Въ настоящее время, уже гораздо рѣже встрѣчаются такія категорическія заявленія и заключенія: теперь уже окрѣпло сознаніе относительности и условности мѣстнаго изслѣдованія на сравнительно небольшомъ протяженіи государства. Придавая большое значеніе всякому мѣстному изслѣдованію, основанному на тщательномъ, подробномъ и непосредственномъ изученіи извѣстной мѣстности, наука пользуется такими изслѣдованіями, какъ матеріаломъ для изученія явленій общественной жизни на пространствѣ всей Россіи, отнюдь не видя въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ разрѣшенія общаго вопроса о причинахъ, силѣ, развитіи какого нибудь явленія въ предѣлахъ нашего обширнаго отечества. Правда, знаніе Россіи, основанное на непосредственномъ изученіи всей ея территоріи, не дается сразу, а растетъ медленно, постепенно, но только такое именно знаніе является дѣйствительной силой, способной устранить реальное зло жизни—выясненіемъ истинныхъ его причинъ и выработкой практически-пригодныхъ мѣръ для борьбы съ неблагопріятными условіями жизни.

II.

Перейдемъ теперь къ подробному разсмотрѣнію одного изъ главныхъ факторовъ, вліявшаго на народную жизнь, отчасти путемъ изученія и, главнымъ образомъ, путемъ ея регулированія,—къ правительственной дѣятельности. Нужно сознаться, что правительство, въ своихъ заботахъ объ изученіи Россіи, въ видахъ цѣлесообразно-

Digitized by Google

сти принимаемыхъ имъ мѣръ, достигло не очень большихъ результатовъ. Причину такого явленія нужно искать въ рутинности пріемовъ правительственнаго изученія Россіи, давно отвергнутыхъ наукой, и, во-вторыхъ, въ недостаткѣ интеллигентныхъ силъ, въ сосредоточеніи дѣла изученія Россіи—въ Петербургѣ. Чтобы доказать рутинность пріемовъ офиціальнаго изученія Россіи, остановимся на административныхъ ея дѣленіяхъ, не отвѣчающихъ естественно-историческимъ ихъ особенностямъ, и разсмотримъ организацію официальной статистики Россіи, не только не выдерживающей самой снисходительной научной критики, но и не имѣющей никакого практическаго значенія.

Велико пространство, занятое русскимъ государствомъ, широко раскинувшимся въ двухъ частяхъ свѣта. Обозрѣвая это громадное пространство, мы сталкиваемся съ безконечнымъ разнообразіемъ естественно-историческихъ условій—климата, флоры, фауны, этнографическаго матеріала, образа жизни, хозяйства, промышленности; встрѣчаемъ представителей всевозможныхъ культуръ и различныхъ стадій цивилизаціи. Для удобства управленія обширной Россіей, она раздѣлена, какъ извѣстно, на уѣзды и губерніи. Такое административное дѣленіе государства, не опираясь на изученіе естественно-историческихъ условій территоріи, не можетъ не отличаться крайней искусственностью, и, не говоря уже объ обширныхъ губерніяхъ, наши уѣзды, а иногда и волости, совмѣщаютъ въ своихъ предѣлахъ не только различныя, но нерѣдко прямо противоположныя естественныя и экономическія условія. Искусственность административныхъ дѣленій крайне невыгодно отражается иногда на ходѣ административнаго управленія, но еще рѣзче и постояннѣе—на собираніи свѣдѣній о Россіи. Дѣло въ томъ, что изучать наше обширное отечество, какъ цѣлое, какъ недѣлимое, не представляется никакой возможности: о цѣломъ можно сказать только, что оно состоитъ изъ совершенно различныхъ частей, и все, что вѣрно относительно одного мѣста, рѣдко бываетъ вѣрнымъ относительно остальныхъ. Извѣстно, что у насъ изученіе Россіи началось по губерніямъ, какъ готовымъ дѣленіямъ, но изслѣдователи скоро замѣтили неудобство такого изученія и перешли къ описанію Россіи по естественнымъ ея областямъ. Между тѣмъ правительство и до сего времени пріурочиваетъ хотя бы статистическія данныя къ своимъ административнымъ дѣленіямъ, не смотря на то, что на международныхъ статистическихъ конгрессахъ (8-мъ и 9-мъ) выражено желаніе, чтобы публикуемый государствами статистическій матеріалъ пріурочивался къ естественнымъ областямъ государства, а не къ его административнымъ дѣленіямъ.

Digitized by Google

Изученіе, а слѣдовательно и описаніе Россіи, должно быть начато съ естественныхъ ея частей, а таковыми являются село, деревня, городъ,—вообще «поселеніе». Изучивъ и описавъ эти основные элементы государственной территоріи, можно перейти къ болѣе крупнымъ единицамъ, соединивъ въ одно нѣсколько «поселеній», на основаніи установленнаго сходства ихъ естественно-историческихъ условій. Такое изученіе и описаніе Россіи должно послужить основой и для административныхъ дѣленій, такъ какъ удобнѣе, во 1-хъ, управлять мѣстностью, болѣе или менѣе однородною по естественнымъ условіямъ своихъ частей, а, во 2-хъ, только при совпаденіи границъ естественныхъ съ административными, собираніе данныхъ о Россіи по административнымъ единицамъ будетъ имѣть научное значеніе. Климатическія, почвенныя, географическія, историческія условія мѣстности—вотъ тѣ естественныя условія, которыми опредѣляется особенный ея характеръ. Указать на какую нибудь отдѣльную естественную часть государства—значитъ опредѣлить самостоятельный районъ, на который распространяется дѣйствіе общихъ естественно-историческихъ условій, дающихъ опредѣленную физіономію данной естественной области и рѣзко отдѣляющихъ, обособляющихъ ее отъ другихъ. Такимъ образомъ, единственнымъ предметомъ всесторонняго научнаго изученія и описанія должны явиться естественныя области, въ которыхъ жизнь населенія, подчиненная общимъ естественно-историческимъ условіямъ, представляетъ больше разнообразія. Изученіе и описаніе такихъ естественныхъ районовъ необходимо не только въ интересахъ ихъ самихъ, но и всего государства, такъ какъ направленіе и успѣхъ государственныхъ мѣропріятій находится въ прямой зависимости отъ знанія разнообразныхъ условій, разнородныхъ нуждъ и потребностей отдѣльныхъ естественныхъ областей Россіи. Въ противоположность искусственной губерніи, каждая естественная область является живой единицей, имѣющей свой своеобразный бытъ, свои условія, свой самостоятельный смыслъ существованія, свои потребности и нужды, которыя обнаруживаются во всѣхъ проявленіяхъ ея жизни. Но если естественная область имѣетъ свою опредѣленную физіономію,—губернія, напротивъ того, нерѣдко является настоящимъ конгломератомъ. Возьмемъ для примѣра хотя бы астраханскую губернію. Простое, бѣглое знакомство съ нею достаточно убѣждаетъ, что въ ея предѣлы искусственно заключены самыя разнообразныя мѣстности и районы, изъ которыхъ нѣкоторые тяготѣютъ, къ тому же, къ сосѣднимъ губерніямъ, т. е. по своимъ естественнымъ условіямъ являются продолженіемъ этихъ послѣднихъ. Такъ, сѣверная часть губерніи—черноярскій и царевскій уѣзды—тяготѣютъ къ саратовской губерніи и связаны съ нею

Digitized by Google

общностью естественныхъ условій и экономическихъ интересовъ; калмыцкая степь составляетъ одно цѣлое со ставропольской; пространство, охватывающее Волгу отъ г. Енотаевска внизъ, съ ея дельтой, ильменями и прибрежной «черневой полосой», образуетъ самостоятельный рыболовный районъ; киргизская степь—точно также самостоятельную часть, рѣзко отличающуюся отъ всѣхъ остальныхъ. Только одинъ рыболовный районъ находится въ непосредственной экономической связи съ г. Астраханью, а остальные искусственно соединены съ нимъ въ одно административное цѣлое. Спрашивается, удобно ли соединять въ одно цѣлое эти, различные по своимъ естественнымъ условіямъ, районы? Можно ли ихъ описывать вмѣстѣ, и научно ли пріурочиваніе статистическихъ данныхъ къ искусственной единицѣ — астраханской губерніи? Наконецъ, удобно и возможно ли установленіе одной общей организаціи мѣстнаго управленія, одинаковыхъ учрежденій? Не слѣдуетъ забывать, что различіе естественныхъ условій обусловливаетъ собой разнообразіе административныхъ задачъ, и особый характеръ мѣстности долженъ отражаться на особомъ характерѣ управленія. Такъ, сѣверная часть астраханской губ., по своимъ естественнымъ условіямъ являясь земледѣльческимъ райономъ, имѣетъ цѣлый рядъ нуждъ и потребностей, общихъ съ сосѣдними съ ней самарскою и саратовскою губерніями, а потому и организація мѣстнаго управленія для нихъ должна быть одинакова; между тѣмъ земледѣльческій районъ астраханской губерніи искусственно соединенъ общностью административной организаціи съ рыболовнымъ ея райономъ, ничего не имѣя общаго съ нимъ въ естественныхъ своихъ условіяхъ. Такое неудачное соединеніе двухъ разнохарактерныхъ районовъ влечетъ за собою громадный ущербъ: земледѣльческій районъ, раздѣляя судьбу рыболовнаго района, несправедливо лишенъ той организаціи мѣстнаго управленія, которая самимъ правительствомъ признана полезной для земледѣльческихъ губерній—мы говоримъ о земствѣ. Если особенности рыболовнаго района представляютъ мало подходящихъ условій для введенія въ немъ земскихъ учрежденій, то справедливо ли лишать черноярскій и царевскій уѣзды этихъ полезныхъ учрежденій только потому, что они неправильно включены въ число уѣздовъ астраханской губерніи, не признаваемой земледѣльческой. Между тѣмъ отсутствіе земскихъ учрежденій весьма гибельно отражается на жизни сѣверныхъ уѣздовъ губерніи и мѣстная печать не разъ указывала на упадокъ экономическихъ силъ ихъ населенія, ссылаясь не необходимость регулированія земледѣлія, скотоводства, распространенія земледѣльческихъ знаній, поднятія народнаго образованія, улучшенія санитарнаго и медицинскаго дѣла и пр. Всѣ

Digitized by Google

эти вопросы получатъ надлежащую постановку и разрѣшеніе съ присоединеніемъ названныхъ уѣздовъ къ составу земледѣльческихъ губерній и съ исключеніемъ ихъ изъ состава неземледѣльческой астраханской губерніи. Мы указали на примѣръ близко знакомой намъ астраханской губерніи, будучи вполнѣ убѣждены, что это — далеко не единственный примѣръ, подтверждающій и иллюстрирующій нашу мысль о необходимости согласовать административныя дѣленія Россіи на губерніи съ естественными областями, на которыя сама природа раздѣлила обширную Россію. Если мы отъ разсмотрѣнія административныхъ дѣленій Россіи, не соотвѣтствующихъ, какъ показано, естественнымъ ея условіямъ, перейдемъ къ офиціальнымъ наименованіямъ отдѣльныхъ населенныхъ пунктовъ, то и здѣсь столкнемся съ несоотвѣтствіемъ наименованія—естественнымъ особенностямъ мѣстности, какъ это давно указывалось въ литературѣ. Всѣмъ извѣстно искусственное происхожденіе многихъ русскихъ городовъ, существованіе которыхъ вызвано было не реальными потребностями народной жизни, а различными соображеніями правительства. Между тѣмъ, при организаціи управленія упущена была изъ виду искусственность возникновенія городовъ, и выработанныя двѣ системы управленія—одна для сельскихъ, а другая для городскихъ поселеній — стали вводиться въ поселеніяхъ, соотвѣтственно ихъ названіямъ. Различія въ организаціи мѣстнаго управленія опирались, какъ извѣстно, на экономическія основанія, а наименованіе поселенія городомъ или селомъ не зависѣло прямо отъ экономическихъ его условій, вслѣдствіе чего организація мѣстнаго управленія, вводимая соотвѣтственно названію мѣстности, оказывалась въ нерѣдкихъ случаяхъ несоотвѣтствующей экономическому ея характеру. Такъ, если исходить изъ мысли, принятой городовымъ положеніемъ 1870 г., что городъ есть торгово-промышленная община, рѣзко отличающаяся отъ сельской, по преимуществу, земледѣльческой общины, то у насъ въ Россіи найдется немало уѣздныхъ городовъ, не имѣющихъ торгово-промышленнаго характера, и немало селъ, гдѣ преобладающее или, по крайней мѣрѣ, одинаковое съ земледѣліемъ значеніе имѣютъ торговля и ремесла. И, въ дѣйствительности, какія поселенія признаются городами? Законъ, какъ извѣстно, указываетъ на цѣлый рядъ признаковъ, опредѣляющихъ характеръ городскаго поселенія: a) количество населенія, b) характеръ его занятій, c) степень развитія торговли и промышленности, d) цѣнность недвижимаго имущества, e) смѣты доходовъ и расходовъ, f) мѣстоположеніе и g) распредѣленіе земельной собственности. Характеръ дѣйствительно городскаго поселенія, опредѣляемый этими признаками, конечно, можетъ служить основаніемъ для введенія въ

Digitized by Google

немъ городскаго управленія, но одно наименованіе населенія «городскимъ» не можетъ явиться такимъ основаніемъ. Неудобство ложнаго наименованія городскимъ какого нибудь поселенія, по своимъ хозяйственнымъ условіямъ являющагося сельскимъ, вовсе не ограничивается одними лишь формальными послѣдствіями: — городскія поселенія, будучи таковыми по одному лишь наименованію, не могутъ вынести расходовъ, возлагаемыхъ на нихъ за честь именоваться городами, и это обстоятельство является причиной, почему они заключаютъ свои хозяйственные балансы ежегодными дефицитами. Въ литературѣ легко найти множество примѣровъ, доказывающихъ существованіе у насъ городовъ, нисколько не отвѣчающихъ законнымъ признакамъ городскаго поселенія, и, напротивъ, немало сельскихъ поселеній, носящихъ всѣ эти признаки. Та же астраханская губернія является примѣромъ, иллюстрирующимъ и эту мысль: всѣ ея города, кромѣ губ. города Астрахани, основанные правительствомъ исключительно для воспрепятствованія набѣгамъ крымскихъ и ногайскихъ кочевниковъ, лишь номинально являются городами, будучи административными центрами, выдѣленными изъ состава уѣзднаго управленія и волости, а, въ дѣйствительности, они—сельскія поселенія и по числу населенія, и по его занятіямъ, и по степени развитія торговли, и т. д. Между тѣмъ, въ той же астраханской губерніи есть слободы и селенія (Быково, Николаевская слоб.) имѣющія каждая въ отдѣльности свыше 20 тыс. жителей и по богатству своему далеко превосходящія скромные города—Красный Яръ, Енотаевскъ, Черный Яръ и Царевъ.

III.

Выше мы старались показать, что какъ административныя дѣленія Россіи, такъ и наименованія отдѣльныхъ поселеній, не опираются на естественно-историческія ихъ условія, вслѣдствіе чего пріурочиваніе статистическихъ свѣдѣній о Россіи къ административнымъ ея единицамъ не можетъ быть оправдано съ научной точки зрѣнія. И въ дѣйствительности, если въ предѣлахъ одной губерніи заключаются районы, рѣзко отличающіеся между собою по своимъ естественнымъ условіямъ, то статистическія цифры, пріуроченныя къ цѣлой губерніи, не могутъ характеризовать отдѣльные районы, давая, напротивъ того, самыя ложныя представленія о составныхъ частяхъ губерніи. Это происходитъ отъ того, что, вслѣдствіе различія естественныхъ условій, не только возможны въ отдѣльныхъ частяхъ губерніи значительныя отклоненія отъ среднихъ статистическихъ величинъ по губерніи, но бываетъ нерѣдко и такъ, что

Digitized by Google

въ одной части губерніи совершенно отсутствуетъ, положимъ, какая нибудь отрасль промышленности, тогда какъ въ другихъ она существуетъ въ весьма крупныхъ размѣрахъ. Затѣмъ, нами показано было, что несоотвѣтствіе административныхъ дѣленій и наименованій отдѣльныхъ поселеній ихъ естественнымъ особенностямъ усложняетъ и безъ того трудныя задачи управленія и тормозитъ естественное развитіе областной жизни. Такимъ образомъ, и административныя дѣленія Россіи, и офиціальныя наименованія отдѣльныхъ ея поселеній являются весьма неблагопріятными моментами для правильнаго изученія страны и народа и для регулированія его жизни. Разсмотримъ теперь самые способы и пріемы офиціальнаго изученія.

Ни одно изъ современныхъ государствъ не можетъ обойтись, конечно, безъ собиранія разнообразныхъ статистическихъ данныхъ, касающихся государственной территоріи и народа. Необходимость статистическихъ данныхъ тѣсно связана съ широкимъ развитіемъ дѣятельности государствъ въ наше время,—дѣятельности, направленной на распространеніе народнаго образованія, медицинской помощи, на содѣйствіе народной производительности, на покровительство и защиту слабыхъ отъ гнета и несправедливости сильныхъ. Было время, когда народъ для государства являлся только податной и рабочей массой, о которой никто не заботился и которой никто не интересовался. Но наука выяснила, а опытъ убѣдилъ, что даже въ качествѣ податнаго и рабочаго элемента народъ имѣетъ всѣ права на серьезное вниманіе со стороны государственной власти, такъ какъ охраненіе и правильная постановка народнаго труда, являющагося источникомъ благосостоянія страны и основой финансовой мощи государства, необходимы и ради общегосударственнаго благополучія. Съ постепеннымъ измѣненіемъ взгляда на народъ, не только измѣнялось направленіе дѣятельности государства, но и расширялся кругъ его задачъ. Такъ, если раньше государство, ограничиваясь охраненіемъ внѣшняго и внутренняго спокойствія и фискальной дѣятельностью, старалось лишь о томъ, чтобы побольше взять съ трудящейся массы, то теперь оно считаетъ главной своей задачей удовлетвореніе потребностей народа, и рядомъ экономическихъ и культурныхъ мѣропріятій стремится улучшить его положеніе. Широкое развитіе задачъ государства, являющееся факторомъ соціальнаго прогресса страны, предполагаетъ, естественно, собираніе подробныхъ данныхъ о различныхъ явленіяхъ государственной жизни, необходимыхъ какъ для разумнаго направленія регулирующей и культурной дѣятельности государства, такъ и для оцѣнки результатовъ этой послѣдней.

Digitized by Google

Вслѣдствіе своихъ естественныхъ особенностей, Россія больше, чѣмъ какая нибудь другая страна, нуждается въ тщательномъ и подробномъ изученіи своей территоріи и народа. Укажемъ хотя на то, что наше отечество, обширное и разнородное по характеру своихъ составныхъ частей, не можетъ обойтись безъ естественно-историческаго описанія уже въ интересахъ административнаго управленія. И, въ дѣйствительности, разнообразіе природы, разнохарактерность населенія, быта, экономическихъ условій Россіи весьма усложняютъ задачу организаціи мѣстнаго ея управленія, дѣлая совершенно почти невозможными выработку общихъ шаблонныхъ формъ и примѣненіе на всей территоріи государства однообразныхъ учрежденій и одинаковыхъ мѣропріятій. Вслѣдствіе этого, наше государство, вынужденное ставить жизнь многихъ своихъ частей въ совершенно особенныя исключительныя условія, должно безконечно разнообразить и ихъ административное устройство.

Въ Россіи государственная власть не только создаетъ и управляетъ административнымъ механизмомъ, но она стоитъ у рычага хозяйственнаго преуспѣянія и прогресса народа. Уже издавна, какъ извѣстно, государственная власть въ Россіи взяла на себя исключительную роль регулятора народной жизни и ея могущественному вліянію подчиняются всѣ стороны этой жизни.

Жизнь населенія—весьма сложное явленіе, о которомъ мы можемъ правильно судить лишь въ томъ случаѣ, когда оно, будучи разложено на свои простые элементы, будетъ охарактеризовано на основаніи долгаго и детальнаго изученія этихъ послѣднихъ. Главными факторами, вліяющими на жизнь населенія, наука считаетъ географическія, климато-метеорологическія и соціальныя условія; не зная этихъ условій, мы не поймемъ жизни населенія, не можемъ правильно судить о ней. Но гдѣ нѣтъ трезваго взгляда, тамъ нѣтъ и здоровой дѣятельности... Такимъ образомъ, залогомъ успѣшности нашего воздѣйствія на жизнь можетъ быть лишь знаніе и пониманіе жизни. И въ самомъ дѣлѣ извѣстно, что всѣ условія жизни подлежатъ большему или меньшему вліянію людей, но оно возможно въ томъ лишь случаѣ, если мы, зная дѣйствительныя причины явленій, направляемъ именно на нихъ свои силы. Scientia et potentia hominis in idem concidunt: tantum enim potest, quantum scit. Если знаніе должно явиться основой дѣятельности частныхъ лицъ, несущихъ на себѣ всѣ ея послѣдствія, то тѣмъ болѣе такова должна быть основа дѣятельности центральнаго правительства, вліяющаго на судьбу цѣлаго народа. Если хозяйственная жизнь народа не складывается свободно въ силу фактическихъ условій, если она регулируется юридическими нормами, направляется общей финансо-

Digitized by Google

вой и экономической политикой страны, и вообще испытываетъ сознательное воздѣйствіе людей, то понятно, что она измѣняется сообразно съ характеромъ этого воздѣйствія, ухудшаясь или улучшаясь, смотря по тому, вѣрно ли мы поняли жизнь и правильныя ли выбрали средства для полученія желательныхъ результатовъ, или нѣтъ. Всякому понятно рѣшительное вліяніе финансовыхъ мѣръ на экономическое состояніе народа, а какое близкое и точное знаніе народной жизни предполагаетъ установленіе той или иной системы финансоваго управленія! Правда, на это можно отвѣтить просто—правильное финансовое управленіе предполагаетъ знаніе производительныхъ силъ народа, состоянія податнаго источника, податной силы, экономическаго дѣйствія налоговъ—но дѣло въ томъ, легко ли узнать все это, особенно если принять во вниманіе естественныя особенности нашего отечества. Затѣмъ, экономическое воздѣйствіе правительства на народъ предполагаетъ также близкое и точное знакомство съ народомъ, и, только хорошо зная всѣ особенности государственной территоріи, ея климата, почвы, зная, въ чемъ заключаются естественныя богатства государства, практическіе способы ихъ утилизаціи, производительныя силы страны, ея экономическія нужды, вѣрные способы ихъ удовлетворенія и пр., и пр.,—государственная власть можетъ благотворно вліять на хозяйственную жизнь народа. Словомъ, какую бы мы ни взяли сторону дѣятельности государства, мы неизмѣнно сталкиваемся прежде всего съ необходимостью и неизбѣжностью изученія народа, и въ этомъ случаѣ совпадаютъ какъ широкая культурная роль, такъ и узко фискальныя цѣли государства. И въ самомъ дѣлѣ: служитъ ли народъ источникомъ государственныхъ доходовъ, является ли онъ предметомъ заботъ государственной власти, стремящейся поднять его благосостояніе, возвысить уровень умственнаго, нравственнаго и общественнаго развитія—все равно, прежде всего необходимо изучить этотъ народъ, выяснить дѣйствительное его положеніе. У насъ государственная власть сознала уже, что невозможно регулировать жизнь народа, не изучивъ ея. Она не только сознала, но и давно уже вступила на путь изученія народа и страны, хотя, нужно сознаться, въ этомъ отношеніи мы едва ли достигли большихъ результатовъ. Выше мы останавливались на нѣкоторыхъ причинахъ, тормозившихъ правильный ходъ этого изученія, теперь мы постараемся указать на нѣкоторые недостатки въ организаціи статистическаго дѣла въ Россіи, главная цѣль котораго заключается въ собираніи и разработкѣ свѣдѣній о странѣ и народѣ, необходимыхъ для правильной дѣятельности государства.

А. Котельниковъ.

(Окончаніе будетъ).

Digitized by Google

ИЗЪ АМЕРИКАНСКОЙ ЖИЗНИ.

(Путевыя впечатлѣнія) [1]).

IV.

Въ странѣ чудесъ.

(*Ніагара и Національный паркъ*).

Второй день, какъ мы выѣхали изъ Нью-Іорка, и сейчасъ подъѣзжаемъ къ Ніагарскому водопаду. Кратчайшій и лучшій путь идетъ вдоль береговъ знаменитаго Гудзона—этого американскаго Рейна—черезъ города Ольбани и Детроитъ [2]). Центральная Нью-Іоркская дорога (New-York Central) считается одной изъ лучшихъ и благоустроенныхъ дорогъ во всей Америкѣ. Вокзалъ помѣщается въ центрѣ города (Grand Central Depot) и онъ такой колоссальной величины, что всѣ наши наилучшіе и обширнѣйшіе вокзалы, напримѣръ, брестскій, кажутся крошками передъ этимъ гигантомъ, выстроеннымъ изъ стекла и желѣза. Движеніе толпы здѣсь поразительное, и центральная дорога отправляетъ ежедневно нѣсколько десятковъ поѣздовъ, изъ которыхъ съ полдюжины курьерскихъ—по направленію къ Канадѣ, къ Чикаго и въ страну Великихъ озеръ.

Намъ, русскимъ, привыкшимъ на нашихъ дорогахъ къ тремъ звонкамъ, послѣ которыхъ идутъ два свистка оберъ-кондуктора, а затѣмъ еще нѣсколько минутъ раздумья, послѣ котораго локомотивъ, наконецъ, рѣшается дернуть и какъ-то нехотя пускается въ путь,—американская поспѣшность въ отправкѣ поѣздовъ представляется рѣшительно возмутительной. Не успѣешь оглянуться, какъ васъ втолкнули въ вагонъ и поѣздъ безъ шума, безъ толчковъ уже ле-

---

[1]) См. «Наблюдатель» 1894 г., №№ 2, 4 и 6.

[2]) Гудзонъ, между прочимъ, знаменитъ и тѣмъ, что на немъ въ 1831 году пущенъ былъ *первый* пароходъ. Управлялъ имъ самъ изобрѣтатель Фультонъ. На Гудзонѣ же возникла первая американская желѣзнодорожная линія. Она имѣла 16 верстъ длины, а теперь, спустя шестьдесятъ лѣтъ, разрослась въ сѣть, имѣющую около 260,000 верстъ т. е. равную половинѣ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, имѣющихся на всемъ земномъ шарѣ.

Digitized by Google

тить полнымъ ходомъ, какъ-то особенно мягко скользя по рельсамъ. На платформу безъ билетовъ, впрочемъ, здѣсь никого не пускаютъ и наши порядки въ этомъ отношеніи куда либеральнѣе американскихъ. Немало приходилось читать, что американскій вокзалъ совершенно не похожъ на европейскій; вокзалъ здѣсь доступенъ всякому, нѣтъ никакихъ барьеровъ, ни запираній путешественниковъ на ключъ, какъ то практикуется во Франціи, ни вѣчныхъ и подчасъ безсмысленныхъ контролированій билетовъ; всякій разгуливаетъ гдѣ и сколько ему угодно, встрѣчаетъ и провожаетъ родныхъ до самаго вагона, даже входитъ въ него и нерѣдко оставляетъ поѣздъ лишь когда онъ тронется съ мѣста. Все это отъ перваго и до послѣдняго слова—совершенная неправда. Американскій вокзалъ, по крайней мѣрѣ, въ большихъ городахъ и крупныхъ центрахъ—чистѣйшая копія съ европейскаго: тѣ же барьеры, тѣ же рѣшетки, то же запираніе на ключъ, то же недопусканіе пассажира на платформу, тѣ же гнусливые кондукторы, выкликающіе неизвѣстно на какомъ языкѣ названія станцій,—словомъ та же смѣшная опека, съ которой мы такъ знакомы по желѣзнымъ дорогамъ Европы. Вся разница заключается въ томъ, что у насъ, если вы опоздали на поѣздъ и онъ уже тронулся, то вы еще имѣете шансы вскочить на него, если услужливый жандармъ не стянетъ васъ обратно за руку; здѣсь же стаскивать васъ, дѣйствительно, никто не станетъ, но дверцы платформы закроются какимъ нибудь механическимъ приспособленіемъ и вы обязательно разобьетесь, если вздумаете преодолѣвать это препятствіе. Получается какая-то системная, машинная жестокость и опеканіе.

Американскія дороги трудно выставлять, какъ примѣръ благоустройства, но тѣмъ не менѣе многое въ нихъ заслуживаетъ подражанія. Напримѣръ, нельзя не нахвалиться обычаемъ выставлять въ каждомъ пассажирскомъ вагонѣ громадный фильтръ съ ледяной водой для питья; у насъ до этого не додумались даже въ переполненныхъ тѣсныхъ вагонахъ третьяго класса. Уборныя комнаты имѣются въ каждомъ вагонѣ, и притомъ особо для мужчинъ и особо для женщинъ. Комнаты эти обязательно замыкаются кондукторомъ во время остановокъ на станціяхъ и открываются тотчасъ же, какъ поѣздъ приходитъ въ движеніе.

Обычай этотъ также заслуживаетъ подражанія, какъ представляющій серьезную гарантію отъ зараженія станціи проѣзжающими больными. Каждый вагонъ американскаго поѣзда снабженъ ракетой для тушенія пожаровъ: у насъ, гдѣ горятъ цѣлые поѣзда (напр., недавно на Оренбургской дорогѣ сгорѣлъ поѣздъ съ новобранцами), эта мѣра принесла бы рѣшительную пользу. Для куренія имѣется

Digitized by Google

всегда спеціальный вагонъ, а въ остальныхъ помѣщеніяхъ не можетъ быть и рѣчи объ обдаваніи ничѣмъ неповиннаго спутника клубами табачнаго дыма. Нѣтъ и этихъ вѣчныхъ прекаканій и розысковъ злополучной дощечки съ надписью: «для курящихъ».

У насъ распространено мнѣніе, что въ Соединенныхъ Штатахъ существуютъ только вагоны перваго класса. Это рѣшительно недоразумѣніе: второй классъ существуетъ почти на всѣхъ линіяхъ, а на многихъ второстепенныхъ имѣется и третій, и даже четвертый— для перевозки эмигрантовъ по дешевому тарифу.

Средняя скорость обыкновенныхъ поѣздовъ не превосходитъ 50 верстъ въ часъ и во многихъ западно-европейскихъ странахъ ѣздятъ если не скорѣе, то во всякомъ случаѣ не тише, чѣмъ въ Америкѣ. Легендарная скорость американскихъ дорогъ создана пылкою фантазіею туристовъ, не компетентныхъ въ подобныхъ дѣлахъ. Правда, есть экспрессы, дѣлающіе по 80—90 верстъ въ часъ, но, во первыхъ, это исключительные поѣзда и въ Америкѣ, а, во вторыхъ, и въ Европѣ найдутся линіи, гдѣ курсируютъ поѣзда съ неменьшею скоростью, напр., между Парижемъ и Брюсселемъ или между Лондономъ и Манчестеромъ. Американскою особенностью является обычай прокладывать рельсы прямо по городскимъ улицамъ и зачастую гигантскій поѣздъ полнымъ ходомъ съ колокольнымъ звономъ движется какъ бы на перегонку съ городскими кэбами и извощиками. Желѣзная дорога какъ бы низводится на степень простой конки и, подобно послѣдней, пробѣгаетъ по самымъ оживленнымъ улицамъ американскихъ городовъ. Возлѣ станціи Albany навстрѣчу нашему поѣзду прогромыхалъ громадный тяжелый поѣздъ, состоящій изъ спеціальныхъ вагоновъ-ледниковъ для перевозки мяса, разсылаемаго изъ Чикаго по всей странѣ. Затѣмъ попались какіе-то особые гиганты-платформы для перевозки готовыхъ вагоновъ конно-желѣзныхъ дорогъ, гранитныхъ и каменныхъ глыбъ и тому подобныхъ крайне громоздкихъ предметовъ. Отсюда до перевозки цѣлыхъ кораблей всего одинъ шагъ и успѣхи техники упразднятъ необходимость въ прорытіи какихъ либо морскихъ каналовъ и перешейковъ. Уже и теперь всѣ цирки и театры Америки разъѣзжаютъ въ своихъ собственныхъ поѣздахъ, а знаменитый Барнумъ завелъ поѣздъ-монстръ въ полтораста вагоновъ для перевозки по странѣ своихъ диковинокъ. Вообще рѣдкій американскій богачъ не имѣетъ своего собственнаго вагона для передвиженій, причемъ, по роскоши устройства, они далеко оставляютъ за собой наши директорскіе и министерскіе вагоны.

Американскія дороги пользуются легендарно-скверной репутаціей, и многіе пресерьезно воображаютъ, что здѣсь чуть ли не вся-

Digitized by Google

кій поѣздъ кувыркается въ пропасть или же испытываетъ столкновеніе съ встрѣчными поѣздами; о взорванныхъ локомотивахъ и говорить нечего, они производятъ чуть ли не настоящій фейерверкъ по всей странѣ. На самомъ дѣлѣ все это не такъ, и на одной изъ наиболѣе плохо содержимыхъ линій (Erie line) статистика обнаружила всего лишь одного убитаго и семерыхъ раненыхъ на 4 милліона пассажировъ. Врядъ ли и наши дороги, т. е. европейскія, могутъ похвалиться подобными результатами, а между тѣмъ у насъ число служащихъ и интенсивность движенія далеко не походятъ на американскія: первыхъ сравнительно втрое больше, а послѣдняя—втрое меньше. Но вотъ и Ніагара,—надо выходить.

Про Ніагару написано столько, начиная съ Шатобріана и кончая Лавелэ; столько слезъ умиленія пролито здѣсь туристами и особенно легіономъ дамъ-писательницъ, изъ которыхъ одна даже пренаивно сознается, что, только увидавъ Ніагару, она повѣрила въ Бога,—что право нѣтъ никакой охоты описывать это, излюбленное американскими туристами, чудо новаго свѣта. Кто не видалъ снимковъ и фотографій съ этой игры природы?! Дѣйствительно, кажется, на всемъ свѣтѣ природа не создавала ничего болѣе величественнаго, ничего болѣе грандіознаго, чѣмъ этотъ знаменитый водопадъ. Геніальный физикъ Амперъ писалъ про него: «я видѣлъ швейцарскіе водопады, видѣлъ водопады въ Шотландіи, Норвегіи и Пиринеяхъ, и всѣ они—взятые вмѣстѣ—жалкіе пигмеи передъ этимъ титаномъ. Для меня не существуетъ болѣе величественныхъ вещей на всемъ свѣтѣ, какъ руины Тибета—но это дѣло рукъ человѣческихъ—и какъ Ніагарскій водопадъ—это удивительное произведеніе творческихъ силъ природы». Но, къ сожалѣнію, американская реклама превратила всю окрестность въ такой модный курортъ, что пребываніе въ немъ становится истинной пыткой. На каждомъ шагу выстроена или гостинница, или открытъ кабакъ, или лавочка съ продажей ніагарскихъ сувенировъ. Къ услугамъ туристовъ имѣются не только сотни всевозможныхъ извощиковъ, которые одолѣваютъ васъ своими зазываніями, но нѣсколько линій электрическихъ желѣзныхъ дорогъ и дилижансовъ обвозятъ публику по мѣстамъ, съ которыхъ открываются наиболѣе живописные виды; всѣ скалы застроены элеваторами, которые спускаютъ посѣтителей чуть ли не прямо въ Ніагарскую бездну, и, наконецъ, два спеціальныхъ пароходика безстрашно въѣзжаютъ съ любителями чуть ли не въ самый центръ разъяренной водной стихіи. Кажется даже, что самый грохотъ водопада, который слышенъ за семнадцать верстъ, заглушается этой людской сутолокой шумнаго курорта. Поэзія, переведенная на доллары, утрачиваетъ свою привлекательность. Индѣйцы почитали Ніагару, какъ

Digitized by Google

жилище верховнаго существа, и только приходъ прозаическаго бѣлаго человѣка уничтожилъ поэзію и приложилъ печать комерческой эксплуатаціи къ этимъ несравненнымъ красотамъ. Слово «Ніагара» по ирокезски обозначаетъ «Громъ водъ» и можно легко вообразить, какое страшное впечатлѣніе долженъ былъ производить этотъ феноменъ на пылкую фантазію дикаря. Ніагара раздѣляетъ Канаду отъ Соединенныхъ Штатовъ Америки; штатамъ принадлежитъ узкій рукавъ и небольшой Козій островъ («Goat Island») на которомъ, впрочемъ, нѣтъ козъ; широкій рукавъ рѣки по другую сторону острова принадлежитъ уже Канадѣ. Канадскій водопадъ гораздо больше американскаго и за сходство съ лошадиной подковой называется «*Horse-Schoe*». Водопады отлично видны съ обоихъ береговъ, но лучше всего производить осмотръ съ Козьяго острова, который оканчивается въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка дѣлаетъ прыжокъ въ бездну глубиною почти въ 200 футовъ. Къ счастію, союзное правительство экспропріировало весь островъ изъ рукъ частныхъ владѣльцевъ; теперь это—общественное достояніе, которое наравнѣ съ національными парками составляетъ собственность всего американскаго народа. Такимъ образомъ, предупреждено дальнѣйшее опошленіе величайшаго феномена частными торгашескими вожделѣніями.

Самая рѣка Ніагара, начиная отъ озера Эріо и вплоть до водопадовъ, напоминаетъ нашу многоводную Неву: та же ширина, та же быстрота теченія и то же обиліе воды. Большіе пароходы могутъ ходить здѣсь совершенно свободно. Начиная отъ водопада и вплоть до города Левистона (почти пятая часть всей длины) рѣка бѣшено несется въ узкомъ проходѣ между гигантскими отвѣсными скалами,—здѣсь, конечно, никакая навигація не возможна,—и наконецъ отъ города Левистона до озера Онтаріо Ніагара снова становится судоходной и значительно успокоивается послѣ сдѣланнаго ею безумнаго скачка въ бездну.

У насъ принято думать, что американцы, въ качествѣ грубыхъ прозаиковъ, поклоняющихся одному доллару, давно эксплуатируютъ ту странную силу, которая создается паденіемъ знаменитаго водопада. Однако это невѣрно и только нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ штатахъ составилось акціонерное общество, которое серьезно занялось разработкой этой идеи. Досужіе статистики давно высчитали, что сила паденія Ніагары, въ переводѣ на техническій языкъ, равняется 17 милліонамъ лошадиныхъ силъ и что, напримѣръ, всѣ рѣки Франціи, взятыя вмѣстѣ, не могли бы произвести подобнаго гидравлическаго эффекта. На самомъ дѣлѣ, повторяю, все это не такъ, и работы «The Niagara Falls Power Company», которыя мнѣ удалось осмотрѣть, будутъ окончены не ранѣе конца настоящаго года.

Digitized by Google

Примѣрно за версту, не доѣзжая водопада,—тамъ, гдѣ рѣка течетъ вполнѣ спокойно, —ее забираютъ въ широкій каналъ, или бассейнъ, и уже изъ него бросаютъ въ глубокую шахту. Вода, падая съ высоты двухсотъ футовъ, приводитъ въ движеніе валъ и такимъ образомъ создается источникъ живой силы, которая, дѣйствуя путемъ приводовъ на соотвѣтствующіе двигатели, можетъ питать безъ помощи угля и пара могучую электрическую станцію. Воду изъ шахты ведутъ въ подземный гидравлическій туннель, сооруженіе котораго обошлось компаніи въ 3 милліона долларовъ. Туннель устроенъ гигантскихъ размѣровъ, онъ имѣетъ въ ширину и въ вышину около 20 футовъ и на глубинѣ 200 футовъ подъ землею проведенъ на протяженіи полуторы мили подъ городомъ Ніагарой и выведенъ въ рѣку уже ниже мѣста знаменитаго ея паденія. Высчитано, что, по окончаніи всѣхъ работъ, компанія въ общемъ будетъ располагать 165 т. лошадиныхъ силъ, которыя и будутъ отданы въ наемъ имѣющимся возникнуть въ данной мѣстности фабрикамъ. Электрическое освѣщеніе города, электрическія дороги—все это уже заключило условіе съ компаніей на полученіе отъ нея дешевой двигательной силы. Фабрики уже начинаютъ строить съ лихорадочной поспѣшностью и вся ближайшая окрестность разбита на участки, которые распродаются уже по довольно высокой цѣнѣ. Нѣсколько бумажныхъ фабрикъ (изъ древесной массы) и нѣсколько крупчатокъ уже пущены въ ходъ, но пока еще онѣ работаютъ на углѣ, хотя и перейдутъ въ ближайшемъ будущемъ на ніагарское электричество. Американцы не сомнѣваются, что въ недалекомъ будущемъ здѣсь возникнетъ не только громадный городъ (теперь въ немъ 18 тыс. жителей) но и громадный мануфактурный центръ, къ услугамъ котораго уже и теперь имѣется здѣсь желѣзнодорожный узелъ, состоящій изъ семи первоклассныхъ желѣзнодорожныхъ линій, связывающихъ Ніагару со всею страною.

Теперь американцамъ нечего опасаться, что ихъ упрекнутъ въ неумѣньѣ эксплуатировать свои природныя богатства, и скорѣе нужно подумать о томъ, чтобы въ погонѣ за лошадиными силами они не развѣнчали, не обезводили своего водопада и не довели бы его до размѣровъ какого либо Рейнскаго водопада въ Шафгаузенѣ или нашей Иматры, которые нынѣ представляются жалкими пигмеями передъ своимъ гигантскимъ собратомъ.

Три дня прожилъ я въ грохотѣ этого страшилища, ставшаго излюбленнымъ мѣстомъ представленій для всевозможныхъ Блонденовъ, изъ которыхъ многіе поплатились жизнью за свою смѣлость. Здѣсь же, какъ извѣстно, погибъ знаменитый пловецъ, капитанъ Вебъ, нѣкогда гремѣвшій на всю Европу своими безразсудно-отважными водяными

Digitized by Google

кунштюками. Собственно онъ взялся переплыть не самый водопадъ:— это было бы черезчуръ безразсудно и равнялось бы публичному самоубійству,—а поставилъ себѣ слѣдующую задачу. Въ двухъ, трехъ миляхъ ниже водопада, рѣка, еще не успокоившаяся отъ полученной ею встрепки, несется съ невѣроятною быстротой между отвѣсными рядами скалъ, которыя здѣсь тѣсно сдвигаются между собою и какъ бы нехотя пропускаютъ бѣшеный потокъ. Наконецъ, послѣдній сюрпризъ, устраиваемый рѣкѣ, состоитъ въ томъ, что скалы прямо загораживаютъ ей дорогу и направленіе русла внезапно измѣняется чуть ли не подъ прямымъ угломъ. Въ этомъ мѣстѣ, называемомъ «Whirlpool» — водоворотомъ,—вода производитъ истинное столпотвореніе и бурлитъ съ такою бѣшеною яростью, съ какою не кипитъ, кажется, и самый водопадъ. Вотъ эту-то «Whirlpool» и задумалъ проплыть отважный капитанъ Вебъ, но грозная стихійная сила сломила и эту буйную голову. Трупъ его нашли многоверстъ ниже по теченію, чуть не у самаго озера Онтаріо, куда катитъ свои зеленыя волны рѣка Ніагара.

Тутъ же показываютъ мѣсто, гдѣ вздумалъ переплыть рѣку одинъ юноша. Рѣка, какъ мы уже говорили, отдѣляетъ Канаду отъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, и вотъ этотъ господинъ задумалъ перебраться съ одного берега на другой вплавь (разстояніе около 1,000 футовъ), хотя къ его услугамъ имѣлось нѣсколько превосходныхъ висячихъ мостовъ, соединяющихъ британскую колонію съ великой республикой. Ужасный потокъ не пощадилъ и его, причемъ всемогущему случаю было угодно обставить особенно трагическими подробностями послѣднія минуты несчастнаго. Бѣшеный потокъ выбросилъ его и далъ возможность зацѣпиться и вскарабкаться на небольшой выступъ скалы, торчащей надъ водяной пропастью. Какъ ни бились, но не могли установить сообщенія съ бѣднякомъ, повисшимъ надъ бездною. Удалось лишь спустить ему бутылку коньяку и тѣмъ продлить его страшныя мученія. Вся Америка была заинтересована исходомъ этого приключенія, телеграфъ работалъ безостановочно и экстренные поѣзда подвозили ежечасно громадныя толпы зрителей, желавшихъ присутствовать при послѣднихъ минутахъ несчастнаго юноши. Пущены были въ ходъ всѣ средства науки и техники; удалось протянуть канатъ съ одного берега на другой, но привязать къ нему обезумѣвшаго отъ страха человѣка все таки не удалось. Эта страшная агонія, на глазахъ жадной до зрѣлищъ стотысячной толпы, продолжалась болѣе сутокъ. Такъ прошла вся ночь и на утро зрители раскупали лучшія мѣста чуть не на вѣсъ золота. Но вотъ человѣкъ взмахнулъ руками къ небу и бросился въ водяную бездну, которая на этотъ разъ сжали-

Digitized by Google

лась надъ нимъ и навсегда скрыла его отъ любопытныхъ взоровъ толпы, шумѣвшей на берегу.

Для любителей сильныхъ ощущеній Ніагарскій водопадъ представляетъ во всякій моментъ достаточное количество данныхъ. Почти вездѣ и даже въ самой центральной части паденія, гдѣ вода скатывается со скалы въ бездну, устроены ходы; одинъ подобный ходъ приводитъ въ «пещеру вѣтровъ», вырытую на глубинѣ ста футовъ отъ поверхности. Наружной занавѣской для этой пещеры служатъ тѣ милліоны пудовъ воды, которые скатываются внизъ со скалистой кручи. Подъ вліяніемъ бѣшенаго скачка, всѣ частички этой водной массы разъединяются и гигантскій водяной молотъ, который несетъ, какъ перышко, цѣлыя каменныя глыбы, превращается въ самую нѣжную пушистую ткань, освѣщенную при самомъ яркомъ свѣтѣ солнца во всѣ цвѣта радуги. Электрическіе эффекты всемірныхъ выставокъ, всѣ эти электрическіе фонтаны являются жалкой пародіей передъ этой грозной красотой природы. Разрѣженіе воздуха очень велико въ этой фантастической пещерѣ и вѣтеръ здѣсь такъ силенъ, а водяная пыль такъ густа, что нужно удивляться, какъ находятся охотники уплачивать одинъ долларъ за право получить жестокій ревматизмъ въ этой пучинѣ вѣтровъ. Особенно охотно лѣзутъ въ нее хорошенькія американскія миссъ, которыхъ не смущаетъ даже необходимость закутать себя съ головы до ногъ въ уродливый гутаперчевый костюмъ, безъ котораго немыслимо спускаться въ «пещеру вѣтровъ». Съ легкой руки Европы, обычай послѣсвадебныхъ tournée привился и въ новомъ свѣтѣ, и американскіе новобрачные почитаютъ чуть ли не священнымъ долгомъ посѣтить Ніагару—эту Мекку тамошнихъ влюбленныхъ.

Отъ грохота Ніагары мы переѣхали въ знаменитый Національный паркъ на Желтой рѣкѣ (Yellowstone Park) въ эту очаровательную мѣстность, называемую въ буквальномъ смыслѣ «землею чудесъ». Два слова о національныхъ паркахъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ Америки имѣется немалое количество этихъ парковъ, составляющихъ національную собственность. Обыкновенно это кусокъ плодородной земли съ горами, скалами, рѣками и озерами. Таковъ, напр., «Центральный паркъ» въ Нью-Іоркѣ, который занялъ въ самомъ центрѣ города чуть ли не сотню десятинъ. Таковы знаменитые парки въ штатѣ Колорадо («Монументальный паркъ», «Паркъ боговъ» и пр.) и, наконецъ, сюда же относится и сказочный «Національный паркъ», вблизи Скалистыхъ горъ. Когда американцы открыли и описали эту «страну чудесъ», то общественное мнѣніе пришло въ такое волненіе, что вашингтонскій конгрессъ издалъ особое постановленіе, отчуждавшее всю эту страну въ ка-

Digitized by Google

чествѣ собственности американскаго народа. Паркъ находится вблизи отъ Скалистыхъ горъ и охватываетъ кусокъ земли, имѣющій 55 миль въ ширину и 65 миль въ длину. На этомъ пространствѣ, гдѣ беретъ начало рядъ притоковъ Миссури, сосредоточены удивительнѣйшія и грандіознѣйшія красоты природы. Весь паркъ лежитъ въ горной области, выше 6,000 футовъ, а знаменитое его озеро, величиною въ 330 квадратныхъ миль, находится на высотѣ 7,427 футовъ надъ уровнемъ моря. Вокругъ—цѣпь вѣчно покрытыхъ снѣгомъ вулканическихъ горъ, изъ которыхъ бо̀льшая часть достигаетъ высоты знаменитаго Монблана. Съ 1-го марта 1872 года этотъ уголокъ земли составляетъ національную собственность, охраняется отъ вандализма экскурсіонистовъ союзными солдатами и путешественникъ можетъ не бояться въ немъ ни краснокожихъ дикарей, ни другихъ сюрпризовъ горныхъ путешествій. Желѣзная дорога подошла къ самому парку (Pacifique Nord) всюду появились гиды, а великолѣпныя гостинницы, освѣщаемыя электричествомъ, устроены въ самыхъ недоступныхъ мѣстахъ Іеловстаунскаго парка. Чтобы понять, какъ великъ этотъ паркъ, замѣчу, что онъ занимаетъ пространство не меньшее, чѣмъ каждая изъ десяти губерній Царства Польскаго или 3 кантона въ Швейцаріи, взятыхъ вмѣстѣ. Самый паркъ занимаетъ сѣверо-западный уголъ новаго штата Вуомингъ и вплоть до 1863 года чудеса этого примѣчательнаго уголка земли были извѣстны лишь по разсказамъ охотниковъ и авантюристовъ. И тѣхъ, и другихъ охотно слушали, но плохо вѣрили, особенно когда полковникъ Райнольдсъ, изслѣдовавшій Скалистыя горы, сталъ увѣрять, что въ паркѣ на деревьяхъ вмѣсто листьевъ растутъ рубины, брилліанты и сафиры. Строго говоря, серьезное описаніе этой «страны чудесъ» далъ Гейденъ (Hayden), извѣстный американскій геологъ, изслѣдованія котораго и побудили конгрессъ объявить національный паркъ мѣстностью, имѣющей значеніе не только для «цѣлей увеселенія и развлеченія, но и для образованія всего американскаго народа».

Отъ станціи «Ніагара» до станціи «Циннабокъ» — ближайшая отъ «Національнаго парка»—мы ѣхали почти 6 сутокъ и всѣ пассажиры вагона повскакали съ своихъ мѣстъ, когда вдали на горизонтѣ обрисовались Скалистыя горы. Скалистыя горы, будучи вдвое выше швейцарскихъ Альпъ, не производятъ, однако, грандіознаго впечатлѣнія этихъ послѣднихъ, что̀ отчасти объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что мы дѣлали нашъ подъемъ постепенно и, начиная отъ отъ Миссисипи, нашъ поѣздъ взбирался на плоскогорье, имѣющее не менѣе 3,000 футовъ высоты. Отъ станціи Циннабокъ два часа ѣзды по отвратительной, хотя и живописной дорогѣ до первой гостинницы (Hôtel National), гдѣ уже и начинаются чудеса зна-

Digitized by Google

менитаго парка. Вблизи отъ гостинницы бьютъ такъ называемые известковые ключи (ихъ въ паркѣ насчитываютъ до 75) осадки которыхъ вмѣстѣ съ остатками низшихъ растеній образовали восемь гигантскихъ террасъ, имѣющихъ въ общей сложности не менѣе 7 километровъ пространства. Террасы эти начали образовываться съ незапамятныхъ временъ, причемъ древнѣйшія изъ нихъ уже покрылись лѣсомъ, а тѣ, которыя возникли на нашихъ глазахъ, поражаютъ своею ослѣпительной блестящей бѣлизною. Самые источники наполняютъ красивые водоемы, изъ которыхъ они сочатся во всѣ стороны по ступенькамъ, украшеннымъ сталактитами. Вода источниковъ принимаетъ самые фантастическіе оттѣнки цвѣтовъ. Преобладаютъ ярко-красные цвѣта, начиная отъ блѣдно-розоваго и оканчивая настоящимъ кровянымъ. Имѣются, однако, и желтые, и чисто зеленые нюансы, что̀ вмѣстѣ съ голубымъ небомъ производитъ удивительное чисто-сказочное впечатлѣніе. Въ послѣднее время доказано, что эта игра природы объясняется присутствіемъ различнаго рода видовъ *альгъ* (водорослей), которыя живутъ въ известковыхъ водахъ, фиксируютъ ея известь и приводятъ къ образованію туфовъ. Все крупное, выдающееся по величинѣ, американцы любятъ крестить въ честь мамонта, считающагося самымъ крупнымъ животнымъ на землѣ. Отсюда и названіе этихъ известковыхъ ключей: Mammoth Hot Springs. Если пещера велика, то ее зовутъ Мамонтовой пещерой, и даже національную гостинницу, о которой мы говорили, окрестили именемъ «Мамонтовой». Гостинница, дѣйствительно, хороша и очень помѣстительна; она украсила бы собою Парижъ, а не только такія трущобныя дебри, какъ «Національный паркъ». Послѣ осмотра известковыхъ ключей, мы двинулись къ Obsidian-Cliffs. Это и будетъ чудо нумеръ второй. Это чудо уже вулканическаго порядка, и вулканы Іеловстоуновскаго парка даютъ, между прочимъ, продуктъ, называемый обсидіанитомъ, или агатомъ. Это одинъ изъ красивѣйшихъ силикатовъ, называемыхъ въ общежитіи вулканическимъ стекломъ. Дѣйствительно, этотъ вулканическій продуктъ напоминаетъ бутолычное стекло и пирамиды его въ видѣ вертикальныхъ призмъ играютъ на солнцѣ подобно волшебнымъ скаламъ, усыпаннымъ крупными брилліантами. При видѣ этого явленія, становится понятнымъ басня полковника Райнольдса, которому чудились въ паркѣ рубины и сафиры! Окаменѣлыя растенія (пропитанныя растворимымъ гидратомъ кремнезема) превратились въ настоящіе силикаты и, украшенныя превосходными кристаллами кальцита и аметиста, поддерживаютъ вполнѣ эту иллюзію.

Третьимъ чудомъ является горное ущелье, знаменитое «Grand Canon»—прорытое Желтой рѣкой среди громадныхъ голыхъ скалъ.

Digitized by Google

Длина этого знаменитаго горнаго прохода равняется 25 верстамъ и всѣ эти швейцарскія «Gorge de Durnand» (близъ Мартиньи), «Gorge de Chauderon» (близъ Монтрё), «Gorge de Trient» (близъ С. Моритца) являются дѣтской забавой передъ поразительнымъ величіемъ этой игры природы. Ширина прохода нигдѣ не превышаетъ 1000 метровъ, а глубина всюду держится на 1000 футовъ. Необычайно сильному впечатлѣнію содѣйствуетъ полная обнаженность скалъ, которыя окрашены мѣстами въ яркій желтый, мѣстами въ оранжевый, мѣстами въ красный цвѣтъ. Всѣ скалы состоятъ изъ чистаго ріолита, который образуетъ здѣсь самыя причудливыя пирамиды и наслоенія. Рѣка мчится съ бѣшенымъ ревомъ, вся покрытая пѣной, и очень напомнила мнѣ нашъ далекій Терекъ. Ущелье начинается колоссальнымъ водопадомъ, вся рѣка здѣсь падаетъ съ высоты 1000 футовъ и даетъ такое зрѣлище, которому нѣтъ подобнаго въ цѣломъ свѣтѣ. Колоссальные каменные исполины, мрачно насупившись, стоятъ грудью параллельно другъ другу и образуютъ родъ гигантскаго коридора. Я попробовалъ выстрѣлить изъ револьвера и эхо приняло съ такою силою повторять раздавшійся выстрѣлъ, что можно было подумать, что въ ущельѣ началась настоящая пушечная канонада. Когда наступаетъ время таянія снѣговъ, Желтая рѣка вздувается до огромной вышины, будучи сперта своими боковыми кулисами; но это явленіе продолжается недолго и потокъ быстро падаетъ до своего первоначальнаго уровня. Все ущелье вырыто въ слоѣ ріолита, достигающаго здѣсь колоссальной толщины, и, кажется, геологамъ до сихъ поръ не удалось опредѣлить, откуда эти слои берутъ свое начало.

Перспектива прокатиться на пароходѣ по громадному озеру, находящемуся въ паркѣ и расположенному притомъ на 7,000 футахъ надъ уровнемъ моря, признаюсь, представлялась мнѣ мало привлекательной и я предпочелъ отправиться дальше къ верхнему бассейну, гдѣ сосредоточены гидротермическіе феномены высокаго интереса. Озеро отличается крайней живописностью, и въ американскомъ художественномъ отдѣлѣ на выставкѣ въ Чикаго я видѣлъ немало чудесныхъ картинъ, изображающихъ поэтически-грандіозные ландшафты этого горнаго моря.

Дорога къ Гейзерамъ идетъ самой головоломной кручей; недаромъ она носитъ названіе «дороги бѣсовъ», да и бѣсы, особенно когда стемнѣетъ, обязательно должны сломать здѣсь себѣ шею. Ѣхать въ экипажѣ могутъ только отчаянные смѣльчаки и наша компанія предпочла совершить восхожденіе пѣшкомъ, тѣмъ болѣе, что по дорогѣ встрѣчаются разныя диковинки, которыя надолго останавливаютъ насъ и мы наперерывъ засыпаемъ вопросами на-

Digitized by Google

шего словоохотливаго гида, старика-ирландца. Старикъ хорошо знаетъ всѣ чудеса своего парка, хотя и относится къ нимъ съ полнымъ игнорированіемъ элементарныхъ данныхъ естествовѣдѣнія.

Многіе отвѣты его напомнили мнѣ моего русскаго гида-извощика, съ которымъ я много лѣтъ тому назадъ осматривалъ Кронштадтъ. Взятый мною возница добросовѣстно возилъ меня по всѣмъ улицамъ, показывалъ кронштадтскія сооруженія и самымъ беззастѣнчивымъ образомъ «втиралъ очки» любознательному невѣждѣ-провинціалу. Парень попался неглупый и словоохотливый. Ни на одинъ вопросъ онъ не затруднялся отвѣтомъ и, какъ говорится, разводилъ турусы на колесахъ. Но вотъ ѣдемъ мимо памятника, поставленнаго въ честь, кажется, адмирала Крузенштерна. Я спрашиваю: «а это что такое»?—Это?—мой чичероне видимо вдругъ растерялся,—это,—повторилъ онъ,—это такъ, ни къ чему!—При этомъ онъ махнулъ кнутомъ и какъ ни въ чемъ не бывало началъ разсказывать какую-то исторію про кронштадтскаго, тогда уже извѣстнаго, отца Іоанна Сергіева.

Наше вниманіе здѣсь поминутно привлекалъ то горячій источникъ, то цѣлыя рѣки какихъ-то крѣпкихъ вяжущихъ растворовъ вытекающихъ изъ-подъ скудной растительности, покрывающей Іеловстаунское плоскогорье. Тутъ же рядомъ имѣются въ землѣ воронкообразныя отверстія — это кратеры, изъ коихъ отъ времени до времени летятъ густые пары и комья черной горячей грязи. Еще дальше курятся цѣлые холмы изъ чистѣйшей свѣтложелтой самородной сѣры; со всѣхъ сторонъ что нибудь шипитъ и свиститъ, вылетаютъ желтые пары, бѣлые, черные, поднимаются какія-то густыя испаренія; словомъ, бредешь точно въ преисподнюю, и, конечно, знай Данте этотъ чудесный, точно заколдованный уголокъ земли, онъ его взялъ бы прототипомъ для многихъ мѣстностей своего сценарія. Особенно мрачный колоритъ всей картинѣ придаетъ крайне однообразный излучистый полувысохшій кустарникъ, покрывающій всю эту мѣстность. Получается какой-то однобразный, но, впрочемъ, пріятный для глаза, сѣрый колоритъ, который въ концѣ концовъ производитъ импонирующее впечатлѣніе [1]). Немало на вершинахъ торчитъ какихъ-то деревьевъ въ родѣ нашей сосны и еще больше какой-то дикой чащи изъ поваленныхъ стволовъ, окаменѣлыхъ корней и всякой древесной дичи, обросшей туфомъ.

По части звѣрья, нашъ гидъ насказалъ намъ всякихъ ужасовъ. Тутъ и знаменитый гигантъ-гризли (сѣрый медвѣдь), передъ которымъ наши новгородскіе мишки являются настоящими карликами [2]),

[1]) Это кустарниковое растеніе ботаники зовутъ Artemisia tridentata.

[2]) Экземпляръ подобнаго гризли мнѣ удалось видѣть на Ніагарѣ и я былъ

Digitized by Google

тутъ и громадные канадскіе олени, и антилопа, и лось, и благородный виргинскій олень. Немало въ паркѣ и бизоновъ, которыхъ здѣсь воспитываютъ и оберегаютъ подобно ихъ родичамъ-зубрамъ въ Бѣловѣжской пущѣ. О бизонахъ Америки стоитъ сказать пару словъ. Было время, когда стада этихъ животныхъ отличались крайней многочисленностью, но это время давно миновало и этотъ царь прерій встрѣчается нынѣ лишь въ немногихъ мѣстностяхъ штатовъ.

Охота, превратившаяся въ бойню, истребила это животное чуть не повсемѣстно въ Америкѣ. Увѣряютъ, что въ періодъ времени съ 1881 по 1884 годъ въ Штатахъ было убито свыше 6 милліоновъ бизоновъ, и теперь этихъ животныхъ можно встрѣтить лишь въ «національныхъ паркахъ», гдѣ охота за ними строго воспрещается. Столь неразумное истребленіе бизоновъ тѣмъ болѣе удивительно, что изъ шкуры ихъ выдѣлывается весьма посредственная кожа, а мясо употребляется въ пищу только индѣйцами. Консервъ изъ этого мяса, называемый *пеммиканомъ*, фигурируетъ во всѣхъ охотничьихъ разсказахъ Купера, Майнъ-Рида и Густава Эмара. Теперь, когда бизоны повсемѣстно истреблены, охота за ними, вылавливаніе и выслѣживаніе этихъ, оставшихся на свободѣ, послѣднихъ экземпляровъ (въ Канзасѣ, Техасѣ и Колорадо) требуетъ отъ охотника желѣзнаго здоровья и необычайныхъ усилій, и охотники за бизонами—такіе же отпѣтые люди, какъ наши кавказскіе охотники за турами. Несчастный охотникъ, весь въ лохмотьяхъ, выслѣживаетъ цѣлыми днями необыкновенно чуткаго звѣря, забирается на убійственныя кручи, гдѣ, даже и подстрѣливъ звѣря, трудно воспользоваться собственными трудами и доставить его въ ближайшее селеніе. Это уже какая-то страсть, спортъ сильныхъ ощущеній—и ничего больше.

Кромѣ медвѣдя, въ «Національномъ паркѣ» водится пума,—этотъ суррогатъ льва въ Америкѣ,—масса волковъ, лисицъ и крайне злыхъ маленькихъ степныхъ собакъ. Змѣй въ низкихъ мѣстахъ также множество; проводникъ увѣрялъ, что можно наткнуться и на гремучую змѣю и наши барыни, участвовавшія въ прогулкѣ, со всѣми предосторожностями несли свои трэны, отъ коихъ не могли отказаться и на этомъ лонѣ природы,

Къ гейзерамъ мы добрались уже далеко за полдень. По отзывамъ знатоковъ, пресловутые гейзеры Исландіи являются жалкой пародіей передъ гейзерами «Національнаго парка». Ихъ тутъ насчитываютъ свыше 3-хъ съ половиной тысячъ. То есть эта цифра относится собственно до всѣхъ горячихъ источниковъ, которые отъ

поражены размѣрами этого колосса, чучело котораго продавалось за 1,200 долларовъ.

Digitized by Google

времени до времени утрачиваютъ характеръ источника, начинаютъ бурлить и выбрасываютъ къ верху фонтаны кипятку и струи пара. Тогда получается «гейзеръ». Сегодняшній обыкновенный источникъ завтра становится гейзеромъ и, наоборотъ, какой нибудь гейзеръ, много лѣтъ удивлявшій своимъ причудливымъ фонтаномъ посѣтителей Іеловстоуна, обращается внезапно въ обыкновенный термальный ключъ. Всѣ эти ключи имѣютъ приблизительно одинаковый химическій составъ—именно всѣ они представляютъ слабенькій растворъ кремнезема и щелочныхъ солей. Температура воды очень высокая, настоящій кипятокъ, а въ нѣкоторыхъ ключахъ точка кипѣнія даже превосходитъ температуру, при которой кипитъ вода на этой высотѣ. При выпариваніи, получается кремнеземистый осадокъ, гейзеритъ, образованіе котораго ускоряется присутствіемъ множества сортовъ разноцвѣтныхъ водорослей. Замѣчательно при этомъ, что кипятокъ гейзеровъ не уничтожаетъ эту растительность и водоросли отлично уживаются въ этой температурѣ, которая обжигаетъ руку.

Разнообразіе формъ фонтановъ, вышина ихъ, продолжительность игры, періодичность, съ которой они бьютъ—все это можетъ составить предметъ цѣлаго тома, и никакіе фонтаны Версаля или Петергофа не могутъ сравняться съ красотой и величіемъ гейзеровъ. Почти всѣ они носятъ особыя клички: тутъ и «Excelsior», и «Монархъ», и «Гигантъ», и «Улей», и «Спазмъ», и «Сюрпризъ», и «Гротъ» и «Вѣеръ», и многое множество всякихъ другихъ. Царемъ всѣхъ этихъ гейзеровъ считается «Excelsior»: его кратеръ имѣетъ въ діаметрѣ не менѣе 100 метровъ и извержения этого чудовища отличаются страшной силой, хотя и совершаются черезъ неправильные промежутки времени. При насъ, царь гейзеровъ не пожелалъ показать свое искусство, и если мы удивляемся, когда петергофскій Самсонъ подбрасываетъ своей струей брошенный въ него апельсинъ, то Excelsior подкидываетъ съ тою же легкостью, и притомъ на высоту 80-ти метровъ, громадные камни и цѣлые обломки скалъ. Всякій разъ, когда онъ бьетъ, выбрасывается такое количество воды, что сосѣдняя рѣчка (Fire-Hole) выступаетъ изъ береговъ. Другое чудовище, называемое «Гигантомъ», выбрасываетъ меньшія массы воды, но высота струи еще выше, именно доходитъ въ начальномъ періодѣ до 250 метровъ. При насъ, «Гигантъ» тоже не игралъ, а сильно клокоталъ и бурлилъ. Онъ играетъ правильно одинъ разъ въ недѣлю и бьетъ въ теченіе полутора часа. Ожидать его игры нужно было бы еще цѣлыхъ три дня.

При насъ, сталъ бить фонтанъ, носящій кличку «Вѣрнаго». Это самый популярный гейзеръ во всемъ паркѣ; онъ бьетъ каждый часъ въ теченіе 3—4 минутъ и производимый имъ эффектъ не сравнится

Digitized by Google

ни съ какими электрическими фонтанами, услаждающими посѣтителей всемірныхъ выставокъ. Мы накупили множество фотографій, изображающихъ, конечно, весьма несовершенно эту величественную игру природы.

Очень хорошъ также «гейзеръ рыболововъ»; онъ расположенъ на берегу самого озера Іеловстоуна и любитель рыбной ловли, вытащивъ какую нибудь рыбку, можетъ тотчасъ же сварить ее въ кратерѣ гейзера, гдѣ вода кипитъ все время ключемъ. Есть гейзеры, которые бьютъ вмѣсто кипятка какою-то сѣрой грязью; очевидно, воды гейзера выщелачиваютъ здѣсь какую нибудь породу, сквозь которую они просачиваются.

Въ настоящее время теорія гейзеровъ, благодаря трудамъ Бунзена и Клуазо (Cloizeaux), не оставляетъ ничего непонятнаго въ происхожденіи этого феномена. Нынѣ извѣстно, что температура воды гейзера не одинакова во всѣхъ своихъ слояхъ. Чѣмъ дальше идемъ мы въ глубь кратера, тѣмъ она выше, т. е. тѣмъ горячѣе вода. Поверхностные слои воды охлаждаются отъ соприкосновенія съ воздухомъ, и такимъ образомъ верхній слой воды не переходитъ въ кипѣніе; нижніе слои, хотя и нагрѣты сильнѣе, но также остаются въ жидкомъ состояніи и сдерживаются лежащимъ на нихъ слоемъ. Равновѣсіе ежеминутно можетъ быть нарушено: стоитъ усилить притокъ газовъ или подземныхъ паровъ, какъ тотчасъ же вода снизу прорываетъ верхній покойный слой и летитъ къ верху фонтаномъ въ клубахъ красиваго бѣлаго дыма. Глубокія части, освободившись отъ испытываемаго ими давленія, сами бьютъ до тѣхъ поръ, пока не возстановится вновь нарушенное равновѣсіе. На этомъ принципѣ устроена, какъ извѣстно, игрушка, представляющая настоящій искусственный гейзеръ. Я впервые видѣлъ ее въ физическомъ кабинетѣ колумбійскаго университета.

Такимъ образомъ, всякая причина, которая можетъ нарушить равновѣсіе температуры и давленія въ водяной массѣ гейзера, можетъ заставить его — бить фонтаномъ. И, дѣйствительно, мы пробовали хлестать тросточкой маленькіе гейзеры и они тотчасъ же начинали играть. Въ одинъ изъ такихъ спокойныхъ небольшихъ гейзеровъ моя спутница бросила кусокъ дерна и тотчасъ же выскочилъ и билъ цѣлую минуту прелестный фонтанъ. Еще лучше бросить въ гейзеръ кусочекъ мыла и, не смотря на запрещеніе, нѣкоторые изъ моихъ спутниковъ побросали въ гейзеры весь захваченный умышленно съ собою запасъ мыла. Увѣряютъ, что этотъ курьезный мыльный феноменъ открытъ былъ впервые, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, однимъ желтолицымъ сыномъ Небесной имперіи. Занимаясь по обычаю многихъ китайцевъ профессіей прачки, джентль-

Digitized by Google

мѣнъ этотъ сталъ стирать бѣлье въ одномъ горячемъ источникѣ, который никогда не давалъ фонтановъ. Когда онъ намылилъ бѣлье, источникъ далъ взрывъ и обжогъ несчастнаго китайца. Роль мыла здѣсь очень понятна и извѣстна нынѣ всякому туристу. Мыльный слой, распространяясь по поверхности воды, замедляетъ нормальное отдѣленіе водяныхъ паровъ и, такимъ образомъ, вся жидкость перегрѣвается выше точки своего кипѣнія; въ результатѣ получается фонтанъ и взрывъ паровъ. День попался необыкновенно удачный и теплый; мы до разсвѣта оставались возлѣ гейзеровъ и только на слѣдующее утро простились съ чудесными фонтанами, и тѣмъ же путемъ добрались до гостепріимнаго «Hotel National». Изъ «Національнаго парка» нашъ путь лежалъ къ краснокожимъ индѣйцамъ, но объ этомъ уже въ другой разъ.

В. Святловскій.

Digitized by Google

Одинокая туча.

Ночь... Тихо... Всюду—мгла, туманъ...
Черезъ небесный океанъ
Куда-то плылъ отрывокъ тучи.
Тревогой скрытой онъ дышалъ:
Казалось, въ немъ еще звучалъ
Минувшей бури стонъ могучій;
Звучалъ и крѣпнулъ тамъ, вдали
Отъ грёзъ забывшейся земли...

Какъ странникъ гордый и мятежный.
Не зная пристани родной,
Подъ потемнѣвшей синевой
Перелеталъ онъ край безбрежный;
И тучи встрѣчныя къ нему
Тѣснились въ мощныя объятья,
Какъ дѣти къ другу своему,
Какъ къ брату ласковые братья...

Но равнодушно онъ глядѣлъ
На землю, спящую въ туманѣ...
Ему въ воздушномъ океанѣ
Всегда былъ чуждъ ея удѣлъ:
Она безпечностью дышала,
Сонливый дорогъ ей покой;
А онъ... онъ былъ рожденъ грозой,—
Въ немъ жажда бури клокотала!..

В. Булгаковъ.

Digitized by Google

ВОКРУГЪ ПАПСКОЙ ТІАРЫ.

Романъ **Эмиля Гебгарта.**

(1075—1085 г.).

I.

Призракъ папы Бенедикта IX.

Поутру, въ праздникъ всѣхъ святыхъ, въ 1075 году, когда папскій престолъ занималъ Григорій VII, Римъ проснулся въ печальномъ настроеніи.

Баронскіе замки, съ наглухо запертыми окнами и дверьми, казались необитаемыми. Праздничные флаги не развѣвались наверху башенъ, балконы не были обтянуты шолковой матеріей яркихъ цвѣтовъ. Многія церкви стояли затворенными, точно въ нихъ было запрещено совершать богослуженіе; колокола безмолвствовали; только въ папскихъ базиликахъ шла торжественная литургія.

Примостившись на лѣстницахъ монастырей, съ сумрачными лицами и пустой чашкой для сбора подаяній, сирые и голодные напрасно ожидали традиціонной милостыни въ тотъ самый часъ, когда діаконъ возглашалъ евангеліе о блаженствахъ, во славу всѣхъ убогихъ, подъ сводами храмовъ: св. Петра, Санта-Маріа-Маджіоре и св. Іоанна Латранскаго. На Монти, на Трастеверѣ, на Реголѣ, на перекресткахъ и песчаныхъ берегахъ Тибра, женщины, дѣти, бегины [1]), старики нищіе собирались маленькими, боязливыми кучками, потихоньку разговаривая между собою и пускаясь въ догадки, не предстоитъ ли опять какая нибудь ужасающая катастрофа, не собираются ли синьоры снова поджечь городъ, рѣзать бѣдняковъ, какъ безсловесный скотъ, прогнать папу, швыряя въ него каменьями, и

[1]) Женщины—члены религіозныхъ благотворительныхъ общинъ.

Digitized by Google

носить по улицамъ лже-папу—образъ Антихриста на апостольскомъ сѣдалищѣ. Если императоръ Генрихъ перейдетъ Аппенины для умиротворенія Рима, тогда быть страшной рѣзнѣ среди римскихъ жителей; если же Робертъ, предводитель нормандцевъ, прискачетъ изъ Салерно на защиту святаго отца, то онъ не оставитъ ни единаго экю, ни кувшина масла злополучной паствѣ Григорія VII-го. Одно, по крайней мѣрѣ, было, къ несчастью, несомнѣнно: самый необузданный изъ бароновъ, Ченчіусъ, заклятый врагъ Григорія, отлученный отъ церкви и изгнанный за убійство, вѣроотступничество и мятежъ, тайно вернулся въ Римъ. Какой-то еврей видѣлъ его около полуночи, когда онъ стучался въ одну изъ своихъ крѣпостей, по сосѣдству съ кварталомъ Гетто [1]). При одномъ имени Ченчіуса, лица блѣднѣли, а голоса умолкали. Никогда, даже въ проклятое время бароновъ Тускулумскихъ, не бывало худшаго злодѣя, заставлявшаго трепетать римлянъ! Онъ пролилъ рѣки крови, чтобы провести лже-папу Гонорія среди жесточайшаго мятежа къ алтарю св. Іоанна Латранскаго. Наканунѣ того печальнаго дня всѣхъ святыхъ, Григорій приказалъ разрушить самую сильную цитадель Ченчіуса у моста св. Петра. Отъ времени до времени, тяжелый шагъ какого нибудь воина; видъ епископа, торопливо пробиравшагося на своемъ мулѣ, понуривъ голову и тревожно озираясь; отдаленный гулъ колокола на Капитоліи, вмѣсто боя часовъ; крикъ ребенка служили достаточной причиной, чтобы вспугнуть уличныя сборища и заставить ихъ разсыпаться по грязнымъ переулкамъ. Трагедія смутно носилась надъ Римомъ и народъ со страхомъ ожидалъ ея перваго акта.

Въ домахъ церковнослужителей, во дворцахъ кардиналовъ и епископовъ, въ кельяхъ монаховъ господствовало не меньшее смятеніе. Но здѣсь толковали вовсе не о феодальномъ мятежѣ или новомъ насиліи имперскихъ шаекъ: сама церковь, раздраженная и страждущая, казалось, была готова возстать противъ своего папы. Григорій, съ первыхъ же дней своего священства, усвоилъ себѣ слишкомъ высокое понятіе о благородствѣ духовнаго сана: онъ хотѣлъ, чтобы священникъ былъ чистъ и бѣденъ, по примѣру апостоловъ христовыхъ. Было извѣстно, что онъ внушилъ послѣдовательно шести папамъ свою нена-

[1]) Изолированный еврейскій кварталъ въ Римѣ.

Digitized by Google

висть къ симоніи и презрѣніе къ сластолюбію; сейчасъ послѣ своего собственнаго избранія, онъ поднялъ бичъ противъ торгующихъ въ храмѣ и опрокинулъ столы ростовщиковъ, воздвигнутые епископами подъ сѣнью скиніи; преслѣдовалъ женатыхъ церковнослужителей, изгналъ изъ священническихъ жилищъ многихъ сестеръ и женъ; подчинилъ иноковъ суровой дисциплинѣ монастыря Клюни и требовалъ, чтобы они строго соблюдали обѣтъ цѣломудрія. Въ послѣднее же время, папа далъ почувствовать свою власть и баронамъ; онъ велѣлъ заточить въ Монте-Кассино кардинала-епископа Палестрину и епископа Алатри; приговорилъ къ содержанію на хлѣбѣ и водѣ пятерыхъ или шестерыхъ монаховъ изъ обители св. Павла-за-Стѣнами и обнародовалъ грозную буллу противъ архіепископа Равенны и аббата Фарфы. Почти одинъ, поддерживаемый лишь нѣсколькими аскетами школы Петра Даміана, но поссорившійся съ имперіей и ненавидимый знатью, онъ предпринималъ задачу, которая оказалась не по силамъ папѣ Герберту, другу императоровъ, и заключалась въ томъ, чтобы возвратить къ евангельской чистотѣ совѣсть служителей божіихъ.

Праздникъ торжествующей церкви, исповѣдниковъ, дѣвственницъ и воинства мучениковъ обратился, такимъ образомъ, для Рима какъ бы въ день траура. Къ вечеру, съ ложа Тибра поднялся густой желтоватый туманъ; медленно расползался онъ по семи холмамъ и заволокъ небо. Наступила ночь мертвыхъ. Затѣмъ прозвучалъ колоколъ, возвѣщавшій, что наступила пора гасить огонь; этотъ сигналъ раздался съ колоколенъ базиликъ св. Петра, св. Іоанна Латранскаго и Санкта-Маріа-Маджіоре. Мѣдные голоса зловѣще перекликались сквозь туманъ, то плачевные, какъ погребальный звонъ, то рѣзкіе и торопливые, точно отчаянный зовъ корабля, который погружается въ бездну и погибаетъ въ потемкахъ. Послѣдній звонъ раздался съ колокольни св. Павла; повелительный, какъ набатъ во время мятежа, онъ прокатился по пустынѣ затихшаго города, отскакивая отъ башни къ башнѣ вдоль стѣнъ, прозвучалъ надъ Латраномъ и дошелъ до слуха Григорія, читавшаго у лампы. Папа поднялъ голову и закрылъ книгу.

Ночной мракъ уже сгустился, улицы и площади были тихи, точно ограда кладбища,—когда одинъ человѣкъ вышелъ изъ замка въ кварталѣ Періоне, близъ Тибра, и направился

Digitized by Google

вдоль еврейскаго города къ Капитолію. Онъ шелъ рѣшительнымъ шагомъ, прикрывъ голову подобіемъ монашескаго капюшона и закутавшись въ широкій плащъ. Приближаясь къ общинной цитадели, онъ сдѣлалъ довольно большой обходъ, вѣроятно, изъ боязни наткнуться на патруль сбировъ префекта, и проникнулъ на Форумъ на высотѣ церкви св. Козьмы и Даміана. Тутъ незнакомецъ замедлилъ шаги, такъ какъ ходьба затруднялась здѣсь болѣе густымъ туманомъ, а тропинка, извивавшаяся между развалинъ, кустарниковъ и болотъ, была опасна. По правую и лѣвую руку смѣлаго пѣшехода, Палатинскій холмъ и базилика Мира поднимались подобно гигантскимъ призракамъ, несоразмѣрно увеличенные испареніями, которыя скоплялись надъ сводами, ползли по плоскостямъ стѣнъ и исчезали въ подземельяхъ развалинъ. Дойдя до арки Тита, незнакомецъ почувствовалъ подъ ногами звонкія плиты священнаго пути, по которому и спустился торопливымъ шагомъ до арки Константина. Тутъ онъ пріостановился, чтобы осмотрѣться, и съ нѣкоторымъ страхомъ взглянулъ на грозный силуэтъ Колизея. Странный шумъ, безпрерывный, монотонный, подобный отдаленному рокоту моря, слышался изъ каждой аркады, изъ каждой пасти чудовища,—то былъ жалобный вой вѣтра, проносившагося подъ галереями сквозь дикій лѣсъ и высокій терновникъ на уступахъ; мѣстами въ среднемъ этажѣ красноватое сіяніе обозначало недвижнымъ пятномъ погребальную драпировку, которая свѣшивалась съ боковъ цирка.

— Грѣйтесь и веселитесь, грабители, мои милые друзья,— прошепталъ назнакомецъ,—на этихъ дняхъ я приду къ вамъ ужинать, а теперь у меня есть дѣльце въ другомъ мѣстѣ.

И онъ пошелъ дальше къ Комальдуламъ на склонѣ Цѣліуса, потомъ сдѣлалъ большой крюкъ со стороны Санто-Джіовани-Рондо. Пѣшеходъ снова отыскалъ, какъ бы ощупью, стѣну Сервія Туллія и, наконецъ, увидѣлъ посреди дороги одинокую башню св. Іоанна и Павла. Онъ постучался рукояткой кинжала въ калитку ведущаго къ ней садика. Ему отворилъ маленькій мальчикъ.

— Деодатъ?—спросилъ ночной гость.

— Онъ ожидаетъ васъ, мессиръ,—отвѣчалъ ребенокъ.

Посѣтитель поднялся по лѣстницѣ башни и вошелъ въ комнату со сводами, крайне суроваго вида; тамъ сидѣлъ священ-

Digitized by Google

никъ. Вошедшій сбросилъ плащъ, капюшонъ и оказался облеченнымъ съ головы до ногъ въ кольчугу; борода у него была жосткая, короткая, глаза злые, лицо свирѣпое. Черты хозяина были хитры и надменны; мрачный взоръ, въ которомъ вспыхивали бѣглыя молніи, обнаруживалъ непреклонную гордость, а искривленный ротъ съ тонкими губами выражалъ горечь трагическаго существованія.

На столѣ въ углу комнаты были навалены книги, довольно подозрительныя на взглядъ; одна изъ нихъ, смахивавшая на сборникъ всякой чертовщины и развернутая посединѣ, позволяла видѣть на пожелтѣвшемъ пергаментѣ странныя фигуры въ перемежку съ геометрическими линіями и вычисленіями, написанными арабскими цифрами. На стѣнѣ висѣло большое распятіе изъ слоновой кости; тѣло Христа было пронзено противъ сердца стальною булавкою,—колдовство особаго рода, оригинальное изобрѣтеніе самого Деодата. Эта странная личность приближалась къ старости. Нѣкогда архидіаконъ церкви Порто, которому предстояло получить епископство отъ Льва IX, Деодатъ былъ разжалованъ папою Гильдебрантомъ за преступную симонію и вернулся въ Римъ, чтобы скрываться здѣсь въ средѣ отверженныхъ нечестивыхъ священниковъ, пользовавшихся покровительствомъ бароновъ, которые защищали ихъ отъ папской полиціи. Деодатъ постоянно занимался ради насущнаго хлѣба фабрикаціей поддѣльныхъ буллъ, а для развлеченія въ своей суровой башнѣ на Цѣліусѣ прибѣгалъ къ магіи и вызывалъ демона, чтобы составить себѣ компанію.

Посѣтитель пододвинулъ скамеечку къ жаровнѣ, стоявшей посреди кельи, и усѣлся, не говоря ни слова. Деодатъ спокойно облокотился на свою «черную книгу» и сказалъ съ насмѣшливой улыбкой:

— Значитъ, папа выгналъ тебя, какъ бѣшеную собаку, изъ твоего лучшаго замка, бѣдняга Ченчіусъ, и ты пришелъ просить пристанища у стараго Деодата, недостойнаго священника святой церкви?

Ченчіусъ вскочилъ въ порывѣ бѣшенства.

— Да, онъ меня выгналъ, унизилъ, довелъ до необходимости заниматься разбоемъ. Онъ исключилъ меня изъ стада христова и поставилъ свою пяту на мое чело. Неужели Господь

Digitized by Google

не позволяетъ коснуться этого человѣка и арестовать его, какъ ночнаго вора?

— Онъ помазанникъ божій,—отвѣчалъ священникъ ироническимъ тономъ,—и притомъ же Богъ... видишь ли, мы не очень-то полагаемся на него... Вотъ діаволъ—другое дѣло!

— Ты увѣренъ въ помощи сатаны, Деодатъ?

— Разумѣется, мой милый синьоръ, увѣренъ, какъ и въ твоемъ присутствіи здѣсь, въ моей славной башнѣ. Недаромъ я ношу его въ головѣ и въ сердцѣ.

Ченчіусъ съ нѣкоторымъ страхомъ посмотрѣлъ на хозяина. На минуту онъ даже попятился, точно хотѣлъ убѣжать. Но Деодатъ устремилъ на него повелительный и вмѣстѣ съ тѣмъ ласкающій взглядъ; Ченчіусъ тихонько приблизился къ священнику.

— Еслибъ ты согласился помочь мнѣ поразить его, стащить съ каѳедры, убить, если понадобится, какъ мы часто продѣлывали это въ былыя времена, когда были господами нашего епископа.

Деодатъ направился къ окну, распахнулъ его, подозвалъ жестомъ барона и сказалъ:

— Погляди.

Съ высоты башни св. Іоанна и Павла открывалась необычайная картина. До самаго края горизонта, насколько могъ охватить взоръ, надъ окрестностями Рима развертывались волны сѣраго тумана, поднимавшіяся тамъ и сямъ могучей зыбью по неровностямъ почвы и гребню большихъ акведуковъ, подобно океану, который замеръ, погрузившись въ тишину. Влѣво, надъ крутымъ подъемомъ Цѣлійскаго холма и городскими укрѣпленіями, волна испареній внезапно поднималась, какъ бы могучимъ порывомъ, точно хотѣла ринуться на приступъ Латрана; но священная базилика, опиравшаяся на черную папскую крѣпость, неприступная между небомъ и землей, какъ будто смѣялась надъ бурей. Небольшой огонекъ, лампа Григорія, кормчаго этого корабля, по прежнему сіялъ въ ночномъ мракѣ.

Ченчіусъ высунулся изъ окна; но онъ ничего не понималъ въ этомъ странномъ зрѣлищѣ. Деодатъ пожалъ плечами.

— Тамъ,—сказалъ священникъ,—находится царство, слишкомъ высокое для того, чтобы шайка мятежниковъ могла къ нему добраться и разрушить его. Вотъ уже нѣсколько вѣковъ,

Digitized by Google

какъ населеніе Рима, синьоры и императоры совершали насилія надъ папами; но папство стояло прочно, и оно во всякомъ случаѣ похоронитъ и бароновъ, и императоровъ. Вотъ уже сто лѣтъ и болѣе, какъ вы обезчестили папскій престолъ, возводя на него недостойныхъ папъ; вы увѣнчивали тіарой развратныхъ подростковъ, воровъ съ большой дороги, взбалмошныхъ сангвиниковъ. Одинъ устроилъ гаремъ въ Латранѣ; другой бѣжалъ въ Константинополь съ похищенной казною церкви; третій приказывалъ вырывать глаза, отрѣзывать носы и руки кардиналамъ и епископамъ. Бенедикта VI пришлось убить въ тайникахъ крѣпости св. Ангела, отравить Бонифація VII, вырвать языкъ Іоанну XVI. Папство пережило всѣ эти ужасы. Самъ сатана не выигралъ ничего, размозживъ голову Іоанну XII однажды ночью въ чистомъ полѣ, близъ могилы Цецилія Метелла. Напрасно позднѣе самъ демонъ воплотился въ Бенедиктѣ IX, четыре раза изгнанномъ изъ Рима христіанами, четыре раза водворенномъ тамъ опять соединенными усиліями всѣхъ разбойничьихъ шаекъ въ Италіи; Бенедиктъ исчезъ однажды вечеромъ, точно по мановенію волшебства. Этому скоро минетъ тридцать лѣтъ. Но полагаютъ, что онъ скрывается, какъ дикій звѣрь, въ родныхъ горахъ Тускулума. Каждый годъ, въ ночь мертвыхъ, именно въ сегодняшнюю, онъ появляется какому нибудь испуганному прохожему на берегахъ Тибра, на пустырѣ св. Павла-за-Стѣнами, на Via Арріа или надъ развалинами Форума. Что касается меня, богоотступника, то я еще ожидаю его. Вотъ его чародѣйскій требникъ, найденный въ папской молельнѣ, который служилъ ему для вызова діавола и обольщенія женщинъ. Я провожу свою жизнь, разбирая эти кабалистическія письмена.

Деодатъ показалъ пальцемъ на «черную книгу», развернутую на столѣ. Ченчіусъ подошелъ къ ней въ суевѣрномъ благоговѣніи, но не смѣлъ до нея дотронуться.

— Но вотъ,—продолжалъ священникъ,—этотъ человѣкъ былъ облеченъ въ папскій санъ и папское достоинство дѣлало его особу священной. Однажды,—ему было тогда шестнадцать лѣтъ,—синьоры Капитолія, приведенные въ ужасъ его чудовищнымъ развратомъ, сговорились убить Бенедикта у главнаго алтаря св. Іоанна. Это было въ воскресенье большаго папскаго праздника. Заговорщики, смѣшавшись съ церковнослужителями,

Digitized by Google

медленно подвигались къ алтарю. При чтеніи евангелія, они уже достигли первой ступени и хотѣли броситься на папу во время возношенія св. даровъ, какъ вдругъ переглянулись между собой и поблѣднѣли. Дневной свѣтъ сталъ гаснуть; всѣ лица приняли шафранный оттѣнокъ, ночь спускалась на базилику. Солнце потухло на небѣ, точно отказываясь освѣщать такой ужасъ. Бенедиктъ IX былъ спасенъ; наскоро зажгли свѣчи, онъ причастился св. тайнъ, и когда повернулся къ толпѣ, чтобы благословить ее, небо опять просіяло и звонъ колоколовъ раздался со всѣхъ колоколенъ Рима.

Священникъ сдѣлалъ шагъ къ барону и, положивъ ему руку на плечо, сказалъ:

— А ты хотѣлъ бы убить Григорія, думая въ то же время убить таинственную силу, которая гнететъ тебя и которую ты ненавидишь... Бѣдный безумецъ! Ты создашь только лишняго мученика и святаго. Христіанство выстроитъ соборы, чтобы поклоняться тамъ его мощамъ, а на другой же день послѣ твоего преступленія какой нибудь другой монахъ надѣнетъ перстень этого монаха.

— Но я буду отмщенъ,—прошепталъ Ченчіусъ.

— Ты будешь проклятъ,—возразилъ Деодатъ.

Ченчіусъ вздрогнулъ и пошатнулся, какъ пьяный.

— Ты боишься ада,—сказалъ священникъ,—а приходишь ночью въ мою келью, гдѣ находится этотъ поруганный мною Христосъ, съ тѣмъ чтобы я испросилъ для тебя помощи сатаны! Не уходи. Мнѣ жаль тебя. И потомъ ты мнѣ нуженъ. Слушай еще. Мы можемъ соединить нашу ненависть. Ты будешь рукою, а я—руководящимъ умомъ. Но пойми хорошенько, если можешь, одну вещь. Не надо проливать крови; кто знаетъ, не пошлетъ ли небо опять новаго ужаснаго знаменія. Нѣтъ, надо придумать какую нибуь страшную обиду, безпримѣрное униженіе; пусть Григорія счатаютъ не мученикомъ, а бродягой, злодѣемъ. Побѣжденный, падшій, сломленный, пусть онъ умоляетъ тебя, пусть цѣлуетъ твои руки, пусть откажется отъ своей спеси и ударяетъ себя въ грудь, раскаиваясь въ жестокости своего сердца. Тогда церковь, оттолкнувшая меня отъ своего святилища, будетъ обезчещена въ лицѣ своего главы. Но, по крайней мѣрѣ, пусть твое покушеніе будетъ грандіозно и останется у всѣхъ въ памяти на диво потомству. Но если

Digitized by Google

тебѣ нужно посовѣтоваться съ адомъ, чтобы ты могъ хорошенько уразумѣть свое собственное намѣреніе, пойдемъ со мною; сегодняшняя ночь благопріятна и близокъ часъ, когда проклятыя души, возвращаясь на землю, бродятъ между живыми.

Некромантъ взялъ чародѣйскую книгу Бенедикта IX и мѣшочекъ съ одуряющими благовоніями, необходимыми при таинствахъ магіи. Онъ насыпалъ изъ жаровни горячихъ углей въ мѣдную кадильницу, висѣвшую возлѣ распятія изъ слоновой кости, и передалъ ее Ченчіусу. Тогда они спустились съ башни и направились почти бѣгомъ къ Термамъ Каракаллы. Страшные товарищи шли среди тумана, закутавъ въ капюшоны головы, между тѣмъ какъ вѣтеръ вздувалъ ихъ плащи, развѣвавшіеся подобно громаднымъ чернымъ крыльямъ. Блескъ кадильницы слѣдовалъ за ними по тропинкѣ кровавой полосою. Они не обмѣнялись больше ни единымъ словомъ. Священникъ шелъ совершенно твердымъ шагомъ, Ченчіусъ спотыкался о каждый камень по дорогѣ.

Въ полночь они вступили въ колоссальную развалину. Шипы колючихъ кустарниковъ цѣплялись за ихъ одежду, точно когти невидимыхъ звѣрей; куски свода, нѣкогда разрушеннаго неистовствомъ варваровъ, какъ будто нарочно мѣшали имъ подвигаться впередъ. Наконецъ, они достигли послѣдняго крытаго пространства, потолокъ котораго едва былъ тронутъ воинами Аларіха, и узнали, гдѣ находятся, только по болѣе звучному эхо своихъ шаговъ.

Деодатъ остановился возлѣ порфировой колонны, валявшейся на землѣ; онъ поставилъ на нее кадильницу, угли которой трещали отъ соприкосновенія съ ледянымъ туманомъ. Потомъ священникъ обвелъ себя и своего товарища обширнымъ магическимъ кругомъ, гдѣ колонна служила центромъ; при невѣрномъ свѣтѣ кадильницы, онъ прочелъ вслухъ изъ своей книги нѣсколько строкъ на непонятномъ для Ченчіуса языкѣ и, окончивъ заклинаніе, посыпалъ магическихъ благовоній на раскаленную канфорку.

Облако дыма поднялось, сверкая искорками, къ высокому своду. Встрѣтивъ въ своемъ полетѣ влажный слой тумана, ѣдкій паръ осѣлъ, отыскивая выхода во всѣ стороны, и сталъ медленно клубиться длинными спиралями, фіолетовыми, пурпурными и зеленоватыми, которыя, съ трудомъ поднимаясь

Digitized by Google

къ верху, фантастически переплетались на тысячу ладовъ. На нѣкоторой высотѣ, встрѣтивъ болѣе рѣдкую атмосферу, дымъ поднялся вдругъ трепещущими столбами и, гонимый вѣтромъ, дувшимъ съ Аппенинъ и свистѣвшимъ по опустѣлымъ заламъ, закрутился, то необычайно тихо, то съ головокружительной быстротою. Нѣкоторыя струйки, унесенныя сквозь большія пробоины стѣнъ, безумно помчались къ Риму, обвиваясь вокругъ кустарниковъ, разбросанныхъ по развалинамъ, или, опустившись внизъ, скользили, подобно пресмыкающимся, между обломками и исчезали въ темнотѣ. Летучія мыши, испуганныя появленіемъ людей, вылетали изъ своихъ норъ съ рѣзкими криками и растерянно метались во всѣ стороны; потомъ, задыхаясь, въ изнеможеніи падали на землю. Въ самой глубинѣ целлы, античная мраморная статуя Діаны, съ отбитыми руками, съ изувѣченной грудью, приняла блѣднорозовый оттѣнокъ и какъ будто пробудилась къ тѣлесной жизни; съ гордымъ челомъ и улыбающимися устами, она была готова устремиться въ своей героической наготѣ на двоихъ дерзкихъ, которые осмѣлились смутить въ этотъ часъ покой умершихъ боговъ.

Ченчіусъ, опьяненный запахомъ благовоній, ошеломленный причудливымъ полетомъ неуловимыхъ свѣтлыхъ фигуръ, почувствовалъ, что голова у него идетъ кругомъ, а тѣло пробираетъ дрожь. Онъ сѣлъ, прислонившись къ колоннѣ, и созерцалъ, какъ во снѣ, странныя процессіи, которыя вѣтеръ крутилъ на высотахъ, а потомъ разсѣивалъ, словно опавшіе листья зимнимъ вечеромъ.

Онъ видѣлъ кружившіяся въ вихрѣ жалкія толпы съ тѣлодвиженіями, выражавшими отчаяніе,—всѣ жертвы, всѣ бѣдствія имперіалистскихъ и феодальныхъ войнъ противъ папы: женщинъ, которыя тащили за руку своихъ крошечныхъ дѣтей; старцевъ, спѣшившихъ съ растрепанными волосами и бородой, сгибаясь подъ сумою; молодыхъ людей съ мертвеннымъ лицомъ и въ цѣпяхъ, отправлявшихся въ ссылку; священниковъ, бѣгущихъ, съ жестами ужаса, вонъ изъ своихъ церквей, которыя обрушивались, объятыя пламенемъ. Потомъ передъ глазами Ченчіуса какъ будто хлынулъ потокъ людей въ доспѣхахъ, обагренныхъ кровью, съ окровавленными руками, съ добычей на плечахъ; они равнодушно попирали ограбленныя тѣла съ зіяющими ранами на груди и на горлѣ; за ними слѣдовала безпо-

Digitized by Google

рядочная ватага бандитовъ, которые размахивали факелами и съ обнаженными руками и ногами весело пробирались сквозь ураганъ пламени. Ченчіусъ узналъ свою собственную армію и громко вскрикнулъ.

— Молчи,—тихо сказалъ ему Деодатъ.—Тайна сейчасъ завершится. Пусть видѣніе, которое приближается къ намъ, никогда не выходитъ у тебя изъ памяти.

И торжественнымъ шагомъ, развертываясь вдоль стѣнъ Каракаллы, какъ подъ сводами базилики, громадное медленное шествіе подвигалось по золотому облаку: дѣти, облеченныя въ разноцвѣтныя одежды, молодые діаконы съ распущенными волосами, въ стихаряхъ огненнаго цвѣта, епископы въ мантіяхъ, блестѣвшихъ подъ дождемъ рубиновъ, священная коллегія, великолѣпно драпированная ослѣпительнымъ пурпуромъ; наконецъ, поднятый на головахъ церковнослужителей, полулежа на своемъ царственномъ сѣдалищѣ, показался папа-мальчикъ, подростокъ,— юный азіатскій богъ, пальцы котораго небрежно играли завязками его митры, папа демоническій и прелестный, который былъ ужасомъ святой римской церкви и которому поклонялся въ своихъ мечтахъ Деодатъ.

Папскій призракъ протянулъ руку прямо къ нечестивому священнику, но не сотворилъ крестнаго знаменія.

Кортежъ направился къ самому отдаленному углу цеплы. Вдругъ діаконы, епископы, кардиналы исчезли, какъ пламя, задутое вѣтромъ, и шайка грабителей, обагренныхъ кровью, предводителей и полуголыхъ бандитовъ появилась снова и бросилась къ трону, который, покачиваясь надъ лѣсомъ пикъ и факеловъ, сталъ подниматься по ступенямъ алтаря, сверкающаго драгоцѣнными каменьями.

Но посрединѣ его стояла склоненная величественная фигура монаха. По мѣрѣ того какъ онъ приближался къ престолу, юный антихристъ блѣднѣлъ и таялъ на пылающемъ облакѣ своего адскаго апоѳеоза; одни демоны добрались скачками до алтаря и безстыдно окутали неподвижнаго монаха. Дыханіе бури пронеслось тогда подъ сводами, смело магическій дымъ ѳиміама и подъ раскаты грома разсѣяло его между высокимъ трепещущимъ тростникомъ и черными кипарисами Авентинскаго холма. Туманъ свинцоваго цвѣта снова окуталъ зловѣщія Термы Каракаллы.

Digitized by Google

Ченчіусъ завернулся въ свой плащъ и съ отяжелѣвшей головой улегся на землю. Когда онъ проснулся на разсвѣтѣ, священника уже не было. Съ сѣраго неба моросилъ мелкій дождикъ; громадная сова, одурѣвшая въ эту ночь, глупо билась между колючекъ терновника. Собака лаяла вдали, въ пустынѣ. Ченчіусъ смотрѣлъ въ какомъ-то отупеніи на мрачное святилище Деодата; холодъ и дождь заставили его наконецъ удалиться. Онъ вышелъ изъ Термъ, но не смѣлъ повернуть къ башнѣ св. Іоанна и Павла, а прошелъ у подножія монастыря св. Григорія Великаго, возвратился къ аркѣ Константина и, послѣ нѣсколькихъ минутъ колебанія, внезапно бросился въ Колизей. Подъ аркадой, гдѣ наканунѣ баронъ увидалъ мерцающій свѣтъ, онъ нашелъ съ дюжину людей, растянувшихся вокругъ потухшаго очага, съ физіономіями висѣльниковъ, которые учтиво привѣтствовали его. Весь день компанія толковала между собою о прошедшемъ и будущемъ, и Ченчіусъ безъ скуки дожидался въ обществѣ этихъ знатныхъ личностей, пока ночной ударъ колокола не возвѣстилъ римлянамъ, что пора тушить огни и запирать свои жилища. Тогда онъ направился въ свой замокъ, точно осторожный горожанинъ, который тщательно прячетъ свое лицо, чтобы не быть узнаннымъ во время ночной прогулки.

II.

Полуночная месса Григорія VII.

Наканунѣ рождества, въ Римѣ распространился слухъ, что папа собирается служить въ Санкта-Маріа-Маджіоре полуночную обѣдню. То была старинная народная базилика: у колонны близь главнаго алтаря находился особенно чтимый вѣрующими чудотворный образъ мадонны и *bambino* [1]), работы св. апостола и евангелиста Луки, принесенный изъ Азіи ангелами. Каждый разъ, когда свирѣпствовала чума, священники носили по улицамъ старинную икону, всю блиставшую золотомъ, горѣвшую брилліантами, и Господь укрощалъ смертоносную заразу. Ночь подъ рождество была престольнымъ праздникомъ въ Санкта-Маріа-Маджіоре: народъ стекался туда со всѣхъ концовъ Рима и въ суровомъ, дикомъ уединеніи Эсквилинскаго холма сіяющая

[1]) Bambino—младенецъ.

Digitized by Google

огнями церковь, подъ торжественный благовѣстъ, еще издали привѣтливо улыбалась толпѣ пилигримовъ и пастуховъ, стремившихся къ ней, какъ нѣкогда стремились палестинскіе пастыри къ виѳлеемскимъ яслямъ.

Уже три дня бѣшено дулъ сирокко и сизыя тучи отовсюду обложили горизонтъ. Къ вечеру, горы Тиволи и Тускулума окутались облаками, и съ моря стали доноситься раскаты грома. Густой мракъ внезапно спустился на землю и грянула страшная гроза. Дождь хлынулъ такими ручьями, что, по словамъ современнаго хроникера, это походило на возвращеніе библейскаго потопа. Молнія сверкала за разъ на всѣхъ семи холмахъ; ея фіолетовые зигзаги безпрестанно разрывали тучи и на вспыхивающемъ небѣ рѣзко обрисовывались черные силуэты колоколенъ и башенъ, кипарисы на Монте-Маріо, гнувшіеся подъ напоромъ бури, подобно слабымъ колосьямъ, и неопредѣленная линія акведуковъ, феодальныхъ крѣпостей, разбросанныхъ по окрестностямъ; иногда пожаръ неба добѣгалъ до Аппенинъ и тогда скалистыя Сабинскія горы показывались на горизонтѣ, мертвенно-блѣдныя, какъ видѣніе изъ Апокалипсиса.

За часъ до полуночи, дождь все еще продолжался; воды Тибра, вздутыя уже осенними грозами, прибывали съ пугающей быстротою. Кварталъ Марсова поля и долины, вырытыя у подножія Эсквилинскаго холма и Квиринала, были затоплены. Римляне, встревоженные такими зловѣщими признаками, отказались отъ папской мессы и потушили свои огни. Раскаты грома мало по малу удалялись. Колокола въ цѣломъ городѣ звонили во всю мочь, но никто изъ вѣрующихъ не откликнулся на ихъ призывъ. Добрые люди полагали, что по такой ужасной погодѣ достаточно будетъ вола и осла, чтобы согрѣть младенца Іисуса на соломѣ яслей.

Между тѣмъ, вблизи Санкта-Маріа-Маджіоре можно было увидѣть странныхъ пилигримовъ, не обращавшихъ вниманія на холодные порывы вѣтра и хлесткій ливень. Тѣни разнаго вида въ глубокомъ безмолвіи бродили у дверей храма, держась поодаль отъ свѣтлаго круга, который отбрасывала отъ себя горѣвшая огнями базилика со своимъ сіяющимъ алтаремъ и ярко освѣщенными сводами. Эти странныя личности совсѣмъ не походили на добрыхъ христіанъ; не было у нихъ ни молитвенниковъ, ни чотокъ, а только ножи и пики въ рукахъ. Еще

Digitized by Google

дальше, къ церкви св. Пракседы, болѣе тѣсная группа, съ незажженными факелами, сторожила осѣдланныхъ коней, которые всякій разъ вздрагивали и рвались отъ ужаса, когда молнія прорѣзывала мракъ. Всѣ эти люди съ нетерпѣніемъ посматривали въ сторону Латрана; его темная масса казалась имъ также непробудно заснувшей, какъ и остальной городъ.

Но вотъ послышался свистъ; тѣни тотчасъ спрятались и исчезли у входа въ густую аллею, которая вела къ монастырю св. Бальбины.

Тамъ, на плоской возвышенности Цѣліуса, показался маленькій кортежъ при колеблющемся свѣтѣ нѣсколькихъ фонарей и повернулъ на пустынную дорогу къ Санкта-Маріа-Маджіоре. Онъ медленно спускался съ холма, принужденный на каждомъ шагу обходить рытвины, и только спустя порядочно времени достигъ площади базилики. Во главѣ шествія выступали двое вооруженныхъ людей съ алебардами на плечѣ; за ними слѣдовалъ монахъ съ высокимъ трехконечнымъ папскимъ крестомъ; нѣсколько церковнослужителей съ фонарями; двое кардиналовъ верхомъ на мулахъ, въ теплыхъ мѣховыхъ шапкахъ, и, наконецъ, закрытыя носилки, драпированныя пурпуромъ, гдѣ сидѣлъ маленькій старичокъ суроваго вида, закутанный въ красный плащъ, съ золотымъ крестомъ на груди. Главныя двери церкви распахнулись; болѣе яркій свѣтъ хлынулъ оттуда на встрѣчу кортежу, кардиналы сошли съ муловъ и папа вступилъ въ освѣщенную по праздничному, но пустую базилику.

Золотой лучъ звѣзды, которую зрѣли пастыри и волхвы востока, не падалъ въ эту ночь на кровлю Санкта-Маріа-Маджіоре.

Въ глубинѣ ниши, за алтаремъ, діаконъ доканчивалъ меланхолическимъ голосомъ чтеніе пророчествъ, нѣкогда возвѣстившихъ израилю пришествіе Христа, сына Давидова, внука Авраамова.

Папа обвелъ по сторонамъ медленнымъ взглядомъ, подернутымъ грустью. Онъ увидалъ только тамъ и сямъ колѣнопреклоненныхъ бѣдныхъ пастуховъ въ дырявыхъ плащахъ, да полудикихъ юношей, пришедшихъ издалека; они шли сюда цѣлый день и были рады укрыться въ церкви до начала грозы. Духовный пастырь простеръ къ нимъ правую руку и благосло-

Digitized by Google

вилъ ихъ, произнося слова, которыя пѣли ангельскіе хоры въ ту самую ночь, когда предвѣчный Младенецъ родился въ пещерѣ, служившей пріютомъ для виѳлеемскихъ стадъ.

Pax hominibus bonae voluntatis!

Каноники базилики пошли на встрѣчу папѣ и повели его торжественной процессіей къ трону, воздвигнутому у алтаря. Тутъ онъ облачился въ полотняный стихарь снѣжной бѣлизны, въ широкую византійскую ризу бѣлаго шолка, окаймленную золотымъ шитьемъ; наконецъ, въ омоѳоръ, усыпанный крестами; двое мальчиковъ подали ему коническую тіару и папскій жезлъ; кардиналы, исполнявшіе обязанность старшаго и младшаго діакона, помѣстились по правую и лѣвую руку папы. Григорій запѣлъ начальныя слова молитвы: «Тебѣ Бога хвалимъ».

Когда радостный гимнъ былъ оконченъ, онъ, по прежнему стоя на ступеняхъ трона, снялъ свою тіару, поклонился и сталъ читать про себя первыя молитвы обѣдни. Церковнослужитель, на колѣняхъ у его ногъ, развернулъ книгу апостольскихъ посланій, прислонивъ ее къ своему лбу и держа передъ папой. Также точно было прочитано и евангеліе, стихи котораго кардиналы пѣли поочередно на двухъ клиросахъ амвона. Въ моментъ совершенія проскомидіи, папа сошелъ съ трона и съ необыкновенной величавостью поднялся по ступенямъ алтаря. Началось принесеніе св. даровъ. Духовенство базилики благоговѣйно выстроилось у входа на хоры, а смиренные пастухи римской Кампаньи робко приблизились и стали подъ иконой мадонны св. Луки, чтобъ лучше видѣть великое таинство.

Стукъ пики, со звономъ упавшей на каменныя плиты пола въ заднемъ углу церкви, внезапно нарушилъ торжественную тишину освященія. Кардиналъ, прислуживавшій папѣ, повернулъ голову къ дверямъ и увидалъ, какъ вдоль темныхъ боковыхъ придѣловъ пробиралась толпа какихъ-то новыхъ пришельцевъ. Онъ подумалъ, что сосѣдніе жители, ободренные прекращеніемъ грозы, пришли поклониться новорожденному младенцу, своему Искупителю, и спокойно распростерся ницъ въ минуту возношенія св. даровъ, согласно ритуалу папскихъ обѣденъ.

Священнослужитель зазвонилъ въ колокольчикъ; Григорій VII, поднявъ св. дары надъ чашей, повернулся лицомъ къ моля-

Digitized by Google

щимся и благословилъ на всѣ четыре стороны городъ и весь міръ.

Онъ запѣлъ «Отче нашъ». Колокольчикъ прозвонилъ во второй разъ у подножія алтаря. Папа, наклонившись надъ престоломъ, сталъ причащаться.

Когда онъ опускалъ въ чашу послѣднія остатки священнаго хлѣба, смутный угрожающій говоръ донесся до него изъ глубины базилики. Священники съ причтомъ быстро обернулись и въ испугѣ увидали вооруженный отрядъ, который выстраивался въ центрѣ главнаго придѣла, подъ предводительствомъ человѣка, одно имя котораго наводило трепетъ на римлянъ.

Шайка бросилась къ алтарю съ угрозами смерти и богохульствами. Священники взбѣжали на ступени, чтобы защитить папу. Разбойники овладѣли хорами до первой ступени алтаря, отталкивая и отбрасывая ударами пикъ по обѣ стороны ниши защитниковъ владыки. Ченчіусъ одинъ осмѣлился дойти до Григорія VII и стать у него по правую руку.

Григорій прикрылъ чашу покровомъ. Ченчіусъ хлопнулъ его по плечу. Тогда папа уставился на нечестивца пристальнымъ взглядомъ и скорбныя слова Христа, сказанныя Іудѣ въ масличномъ саду, блуждали у него на устахъ:

— Другъ, для чего ты здѣсь?

Ченчіусъ не отвѣчалъ. Грубо рванулъ онъ Григорія отъ стола тайной вечери. Солдаты схватили старца и унесли, не слушая отчаянныхъ моленій причта. Центральная дверь Санкта-Маріа-Маджіоре распахнулась настежъ; за нею мелькали факелы, красноватый отблескъ которыхъ нависъ въ ночномъ мракѣ, подобно громадному балдахину; лошади, сдерживаемыя съ трудомъ конюхами Ченчіуса, ослѣпленныя яркимъ свѣтомъ, внезапно хлынувшимъ изъ храма, вздрагивали и становились на дыбы; съ высоты колокольни набатный колоколъ звонилъ съ лихорадочной поспѣшностью, но вопль поруганной благородной базилики напрасно терялся въ черномъ небѣ.

Одинаково быстро спускаясь и поднимаясь по длиннымъ крутымъ склонамъ Эсквилина и Квиринала, въ багровомъ свѣтѣ факеловъ, промчалась по заснувшему городу, съ криками бѣшеной радости, фантастическая кавалькада. Григорій, котораго держалъ на крупѣ лошади одинъ изъ воиновъ Ченчіуса, тѣсно окруженный всадниками и сопровождаемый гогочущей шайкой

Digitized by Google

пѣшихъ людей, скакавшихъ по грязи наравнѣ съ лошадьми, упорно молчалъ; съ его устъ не срывалось ни молитвъ, ни проклятій. Потокъ, увлекавшій узника, направился къ Тибру. Онъ видѣлъ, какъ мелькали мимо церкви, монастыри, укрѣпленные замки со своими башнями, безпорядочно скученныя убогія жилища бѣдняковъ, выстроенныя среди грандіозныхъ развалинъ; папа различилъ даже на минуту—разбитую на днѣ пропасти—колонну императора Траяна, потомъ высокій силуэтъ Капитолія и аркады театра Марцелла. Тамъ, прислонившись къ колоннѣ, неподвижный, точно каменное изваяніе, какой-то человѣкъ, священникъ, казалось, поджидалъ прибытія кортежа. Ченчіусъ, скакавшій во главѣ своей шайки, привѣтствовалъ его поклономъ, на который тотъ не отвѣтилъ. Но когда съ нимъ поравнялся папа, Деодатъ проворно откинулъ назадъ капюшонъ и бросилъ на свою жертву взглядъ насмѣшливаго торжества. Апокалипсическое пророчество ноябрьской ночи совершилось.

Вооруженный отрядъ повернулъ въ сѣть извилистыхъ переулковъ и вскорѣ остановился противъ феодальной цитадели, логовища барона. Ченчіусъ пропустилъ своихъ подчиненныхъ съ узникомъ во дворъ и приказалъ немедленно забаррикадировать ворота. Онъ самъ отвелъ папу въ верхній этажъ замка, въ каморку, единственное окно которой выходило въ одинъ изъ внутреннихъ закоулковъ, и, указавъ ему нѣчто въ родѣ сѣдалища, прислоненнаго къ стѣнѣ, сказалъ:

— Садись, ты будешь тутъ на подобіе каноника св. Іоанна Латранскаго. Когда наступитъ день, мы потолкуемъ. Если ты хочешь мира, я дорого продамъ его тебѣ. Если же дѣло дойдетъ до войны, то воспоминаніе о ней ужаснетъ праправнуковъ твоихъ кардиналовъ.

И онъ оставилъ Григорія безъ огня въ глубинѣ кельи.

Часы проходили, медленные и холодные. Папа чувствовалъ себя поглощеннымъ ужасомъ этой ночи. Онъ мысленно допытывался, какимъ образомъ Богъ допустилъ такое нечестіе и въ силу какой тайны вѣчнаго правосудія онъ, цѣломудренный и благочестивый монахъ, являлся искупительной жертвой нечестія и разврата папъ, которые во времена его молодости позорили тронъ св. Петра. Значитъ, героическое усиліе, съ которымъ онъ въ продолженіе тридцати лѣтъ старался очистить церковь, пропало даромъ. Слѣдовательно, папы, другомъ и совѣт-

Digitized by Google

никомъ которыхъ онъ былъ, не возсѣдали по правую руку Вседержителя и не могли помочь ему своими молитвами въ роковой часъ борьбы. Страшная тревога смущала также его совѣсть. Пожалуй, онъ заблуждался, слишкомъ настойчиво добиваясь временнаго могущества, взявъ въ руку за разъ оба меча, заставляя бароновъ пресмыкаться у своихъ ногъ, безжалостно сбивая ихъ башни и ихъ спесь; пожалуй, онъ также заблуждался въ своемъ излишнемъ пристрастіи къ аскетизму и къ строгости, съ которой требовалъ монашеской дисциплины ото всѣхъ своихъ собратьевъ по духовному сану.

Что же касается завтрашняго дня, до ближайшаго будущаго, Григорій не смѣлъ о томъ и подумать. Его тіара была затоптана въ ужасной грязи, воръ сорвалъ съ него наперсный епископскій крестъ; самъ онъ теперь годился только на то, чтобы доживать остатокъ дней въ заточеніи, въ какомъ нибудь безвѣстномъ монастырѣ, затерявшемся въ Сабинскихъ горахъ. Папа содрогался, спрашивая себя: какого преемника готовятъ ему враги, въ рукахъ которыхъ находится отнынѣ его судьба— какого нибудь германскаго епископа, болѣе преданнаго цезарю, чѣмъ Іисусу, готоваго отдать на позоръ императору достоинство римской церкви, или развратнаго подростка, сына знатнаго синьора, постоянно оскверненнаго смертнымъ грѣхомъ, который станетъ расточать въ отвратительныхъ оргіяхъ церковное вино? Минутами онъ говорилъ себѣ, что крушеніе апостольскаго корабля совершилось, что исторія искупленія кончена, что Господь отвернулся отъ людей и далеко отринулъ церковь отъ своего сердца, что самъ онъ, Григорій, былъ послѣднимъ монахомъ и послѣднимъ папою.

Тогда въ тишинѣ и во мракѣ онъ ударялъ себя въ грудь и плакалъ.

Сѣроватый разсвѣтъ зимняго дня, безъ утренней зари и безъ улыбки, прокрался къ нему въ келью. И Григорій почувствовалъ себя еще болѣе несчастнымъ, когда замѣтилъ безпорядокъ своихъ папскихъ одеждъ: бѣлоснѣжный стихарь, забрызганный грязью, разорванную ризу, измятый омофоръ. И онъ съ горечью вспомнилъ ночной праздникъ, базилику, гремѣвшую священными пѣснями, гдѣ онъ благословлялъ дѣтей и пастуховъ; вспомнилъ о поруганномъ священномъ таинствѣ, о крови Христа, оставленной на бѣлой скатерти алтаря.

Digitized by Google

Тяжелые шаги раздались за стѣною; дверь отворилась и вошелъ баронъ.

— Ты спалъ?—спросилъ Ченчіусъ.

— Я молился,—отвѣчалъ Григорій.

— Монашескія молитвы, которыя не пробили сводовъ въ моей башнѣ. Богъ не услышалъ тебя. Онъ любитъ только молодыхъ и развеселыхъ папъ. Ты видишь, что онъ тебя покидаетъ.

— Богъ покинулъ своего собственнаго Сына, распятаго между двумя разбойниками, но лишь на три дня. Я подожду.

— Ты будешь ждать дни, недѣли и годы, если понадобится. Ты, какъ хрупкая игрушка, въ моихъ рукахъ. И ты будешь выносить одиночество, голодъ, мракъ, всѣ ужасы, всѣ тревоги, пока не покоришься моей волѣ.

— Чего ты хочешь отъ меня? Я епископъ и владыка всѣхъ душъ и ты безсиленъ надъ моею совѣстью.

— Я могу замучить тебя до смерти.

— Это будетъ искупленіемъ моихъ грѣховъ. Въ настоящую минуту церковь нуждается въ крови мученика, чтобы омыть себя отъ осквернені.

Ченчіусъ пожалъ плечами. Ему пришли на память слова Деодата.

— Тиранъ, изгнанный изъ своего дворца и подвергнутый насмѣшкамъ народа; епископъ, изгнанный изъ своей области; церковнослужитель, обреченный томиться въ монастырской темницѣ,—вовсе не мученикъ. Но сначала ты произнесешь торжественное отреченіе, попавъ въ руки знатнымъ людямъ, которыхъ ты лишилъ ихъ титула и имѣній. Ты возвратишь имъ право избирать папу, ихъ верховнаго графа, съ согласія императора, нашего высшаго главы. Затѣмъ, если ты переживешь паденіе съ такой высоты, то останешься, къ своему удовольствію, монахомъ, очень далеко отъ Рима, и будешь цѣлый день распѣвать заутрени и вечерни. Я отдамъ тебя подъ надзоръ одного аббата, изъ моихъ друзей, и ты будешь звать его: «отецъ мой».

— Я останусь папой до самой смерти. Одинъ Богъ—мой владыка. Ты можешь ускорить конецъ своего преступленія. Но ты поразишь папу, царя всѣхъ королей, повелителя императоровъ,—вотъ на кого подымаешь ты руки, вассалъ-отцеубійца!..

Digitized by Google

Ченчіусъ въ бѣшенствѣ хотѣлъ броситься на старца.

— Если Господь дастъ тебѣ время на это, — невозмутимо договорилъ Григорій.—Его правосудіе уже теряетъ терпѣніе. Слушай.

Странный гулъ, похожій на отдаленное гудѣніе толпы, донесся до кельи. Ченчіусъ остановился и насторожилъ слухъ. Толпа, должно быть, приближалась быстро, потому что ея крики становились съ каждой минутой всѐ слышнѣе. Казалось, цѣлый Римъ поднялся, чтобы сбѣжаться къ крѣпости барона. И невнятный гулъ множества голосовъ уже заглушалъ звуки трубъ, громкія проклятія, призывы къ оружію. Первая волна этого человѣческаго прилива ударилась о стѣну и старый домъ задрожалъ. Ченчіусъ, впопыхахъ, оставилъ своего плѣнника, чтобы поспѣшно броситься на лѣстницу самой высокой башни.

На всемъ видимомъ пространствѣ, по улицамъ, которыя вели къ замку, черный муравейникъ подвигался со зловѣщимъ шумомъ. Ченчіусъ на минуту перегнулся черезъ парапетъ и увидалъ внизу авангардъ арміи, суетливо спускавшійся съ семи холмовъ. Тутъ были гвардейцы Латрана, закованные въ желѣзо, нормандскіе стрѣлки изъ лука, папское наемное войско, капитолійская милиція; затѣмъ ремесленники, съ засученными по плечо рукавами, вооруженные кто ножемъ, кто дубиной, кто рычагомъ; монахи съ пиками и алебардами, женщины и дѣти, тащившія бревна и приставныя лѣстницы, пастухи, въ сопровожденіи своихъ свирѣпыхъ собакъ, размахивавшіе пращею. И всѣ они устремляли на крѣпость глаза, полные гнѣва, и, казалось, ожидали, не появится ли фигура того, кого они ищутъ, въ одномъ изъ оконъ. Вдругъ они узнали Ченчіуса, стоявшаго на платформѣ своей башни; въ ту же минуту изъ устъ толпы грянулъ единодушный, ужасный крикъ:

«Григорія»!

Римъ пришелъ за своимъ епископомъ.

Безъ замедленія люди выстроились для осады цитадели. Баронъ собралъ вокругъ себя свой гарнизонъ разбойниковъ, распредѣлилъ посты и приготовился къ отчаянной оборонѣ. Мятежникъ чувствовалъ, что предоставленный только своимъ собственнымъ средствамъ, бывшимъ у него подъ рукою, онъ можетъ продержаться всего нѣсколько часовъ, самое большее

Digitized by Google

до ночи, но онъ думалъ, что Григорій VII, испуганный перспективой междоусобной войны, добровольно сложитъ съ себя папскій санъ, прежде чѣмъ народъ ворвется силой въ его темницу. Ченчіусъ разсчитывалъ также на помощь римскихъ синьоровъ и нечестивыхъ церковнослужителей, въ пользу которыхъ онъ дѣйствовалъ; онъ надѣялся наконецъ, что Деодатъ успѣетъ послать гонца черезъ Кампанью, отъ одного замка къ другому, до Тускулума и Тиволи, и что шайки его собратій, ворвавшись къ вечеру черезъ ворота Маджіоре и ворота св. Іоанна, ударятъ въ тылъ тысячамъ негодяевъ, осмѣлившихся угрожать ему. Онъ не зналъ, что въ этотъ самый часъ всѣ выходы изъ города, бреши обветшалыхъ стѣнъ и оба берега Тибра строго охранялись караулами, что въ Капитоліѣ римская знать, испуганная взрывомъ народнаго негодованія, заключила союзъ съ уполномоченными ремесленниковъ для спасенія папы и что во всѣхъ приходскихъ церквяхъ священники и монахи, какъ преданные симоніи, такъ и аскеты, охваченные религіознымъ ужасомъ и думая, что сатана возсталъ противъ церкви по предсказанію апостола, усердно молились за намѣстника божія.

Ченчіусъ поставилъ за перекладинами каждаго окна, у каждой бойницы, на зубчатой террасѣ, возвышавшейся надъ наружнымъ фасадомъ замка, стрѣлковъ изъ лука и метальщиковъ дротика. Онъ приказалъ людямъ беречь боевые припасы; ему было необходимо продлить борьбу какъ можно дольше, не слишкомъ раздражая сопротивленіемъ осаждающихъ, а, главное дѣло, не допускать, чтобы ворота были пробиты тараномъ или разрушены огнемъ. Баронъ употребилъ бродягъ, призванныхъ имъ изъ подземелій Колизея, на особую работу: имъ было приказано вырывать камни, выстилавшіе дворъ, и каменныя плиты пола въ галереяхъ, чтобы забаррикадировать этими матеріалами лѣстницу, которая вела къ башнѣ, гдѣ былъ запертъ Григорій. Потомъ, закинувъ голову, Ченчіусъ скрестилъ руки и сталъ ожидать.

Тутъ начался штурмъ крѣпости. Градъ камней и стрѣлъ обрушился на крѣпостныя стѣны,—первая ребяческая попытка, которая нанесла больше вреда осаждающимъ, чѣмъ осажденнымъ. Орудія нападенія отскакивали въ лицо римлянамъ, къ великой радости людей Ченчіуса. Между тѣмъ пастухи Лаціума влѣзли

Digitized by Google

на крыши сосѣднихъ домовъ; булыжники, пущенные изъ сотни пращей, засвистѣли въ воздухѣ и, падая на внутренній дворъ замка, серьезно задѣвали его защитниковъ. Баронъ перевелъ своихъ подчиненныхъ въ болѣе безопасныя галереи, радуясь обилію боевыхъ припасовъ, которые посылалъ ему самъ непріятель.

— Настоящіе христіане, эти мальчики папскаго хора!— воскликнулъ онъ.—Они дарятъ намъ немножко кислые апельсины, но мы имъ отошлемъ эти гостинцы обратно. Только тогда ужь они будутъ позрѣлѣе.

Внезапно страшный стукъ раздался въ крытомъ ходѣ, который велъ на улицу. Ворота, подъ ударами бревенъ, загудѣли подобно громадному тамбурину при игрѣ въ мячи. Ченчіусъ насупилъ брови; онъ чувствовалъ, что враги добираются до слабаго мѣста въ его кирасѣ. Но за четвертымъ натискомъ послѣдовалъ громкій вопль и чело барона прояснилось.

— Это отместка моихъ стрѣлковъ изъ лука,—сказалъ онъ.— Сто булавочныхъ уколовъ за одинъ ударъ бревномъ. Отличная подушечка—грудь и спина этихъ мужлановъ!

Снаружи противъ воротъ горсть ремесленниковъ и пастуховъ, обливаясь кровью, отскочила назадъ и опрокинулась на главныя силы осаждающихъ. Другіе бросили свои осадныя орудія и отступили. Но пращники снова стали осыпать каменьями бойницы и террасы. Стрѣлки изъ лука осторожно спрятались подъ прикрытіе стѣны и зубцовъ. Народъ, думая, что они бѣжали, бросился къ машинамъ, которыя онъ оставилъ на окровавленной землѣ, и впопыхахъ ударилъ въ ворота съ лихорадочнымъ ожесточеніемъ. Туча стрѣлъ была имъ вторичнымъ отвѣтомъ. Римляне храбро держались нѣсколько минутъ, но убитые и раненые покрывали уже землю. Народъ опять отступилъ, очистивъ улицу. Въ толпѣ слышался только тревожный ропотъ, да тамъ и сямъ у подножія проклятой крѣпости раздавались предсмертные стоны умирающихъ.

Тогда Ченчіусъ одинъ появился на платформѣ своей башни. Простонародіе смотрѣло на него съ суевѣрнымъ ужасомъ. Этотъ человѣкъ, который позволялъ себѣ такимъ образомъ шутить съ самимъ Богомъ, навѣрно заключилъ союзъ съ сатаною. Баронъ между тѣмъ окидывалъ тревожнымъ взглядомъ Римъ отъ замка къ замку, отыскивая взглядомъ какого нибудь

Digitized by Google

сигнала, обѣщавшаго подкрѣпленіе, дружественнаго флага, выкинутаго на вершинѣ замковой башни. Но отъ Капитолія до Марсова поля, отъ Яникула до Колизея, онъ не видѣлъ ничего, что̀ могло бы оживить въ немъ надежду.

— Трусятъ этихъ босоногихъ оборванцевъ,—прошепталъ баронъ,—трусятъ и измѣняютъ мнѣ! Римскіе патриціи, вѣрно, показываютъ свою храбрость только противъ старыхъ облысѣвшихъ поповъ—членовъ священной коллегіи. Завтра же, если эти мерзавцы освободятъ своего папу, знатные господа станутъ лобызать перстень Григорія, а меня вздернутъ на висѣлицу несчастнаго Кресченціуса... если только не подоспѣетъ ко мнѣ помощь оттуда...

И онъ повернулся лицомъ къ широкому простору Кампаньи, волнистая поверхность которой виднѣлась вдали между горами и моремъ, печальная и торжественная въ блѣдномъ свѣтѣ декабрьскаго утра. Между тѣмъ возбужденный народъ не дремалъ. Толпа молодежи, уроженцевъ Транстевера, тащила новую осадную машину—связки хвороста, захваченнаго съ барки, причаленной у берега Тибра противъ храма Весты. Въ одно мгновеніе ока — подъ выстрѣлами осажденныхъ,—костеръ загромоздилъ просторный портикъ, слишкомъ глубокій, чтобы можно было залить въ немъ пожаръ сверху. Потомъ на хворостъ стали швырять горящія головни и вскорѣ Ченчіусъ увидѣлъ прямой столбъ рыжеватаго дыма, поднимавшійся снизу. Онъ сжалъ кулаки и съ богохульствомъ на устахъ бросился къ своимъ разбойникамъ.

Баронъ засталъ ихъ въ полномъ переполохѣ; нѣкоторые поговаривали уже о томъ, чтобы разомъ выдать папу и сдать замокъ. Другіе осыпали проклятіями человѣка, который за три экю вовлекъ ихъ въ такую опасную передрягу. Ему удалось однако пристыдить свою шайку и поддержать въ ней бодрость.

— Пускай трусы,—сказалъ онъ,— становятся на террасѣ, наиболѣе безопасной отъ ударовъ камней этого сброда. Я сейчасъ позову депутацію изъ бабъ и мальчишекъ, которые примутъ отъ нихъ публичное покаяніе и отведутъ ихъ въ ближайшую исповѣдальню.

Бунтовщики примолкли. Острота насчетъ исповѣдальни показалась имъ забавной и они засмѣялись. Одинъ изъ бродягъ, недавно отлученный монахъ, весело ударяя себя въ грудь,

Digitized by Google

принялся бормотать нараспѣвъ покаянныя молитвы. Но Ченчіусъ такъ грозно взглянулъ на него, что тотъ прикусилъ языкъ.

Времени терять было нельзя. Дымъ валилъ изъ подъ воротъ, огненные языки пробивались уже тамъ и сямъ во внутренность замка между почернѣлыхъ камней, обрамлявшихъ входъ. Снаружи толпа, наблюдавшая за успѣхами поджога, немного присмирѣла. Баронъ собралъ стрѣлковъ изъ лука во дворѣ,на фронтѣ баррикады; людей, вооруженныхъ пиками и кортиками, онъ разставилъ по ступенямъ лѣстницы, а другихъ,— съ камнями въ рукахъ,—вдоль галерей перваго этажа. Ему оставалось только попытаться въ послѣдній разъ запугать Григорія. Хозяинъ замка поднялся въ келью своего узника.

— Тебѣ хотѣлось крови,—сказалъ онъ ему,—крови твоихъ духовныхъ овецъ, благодушный пастырь, — и вотъ она полилась потоками. Не довольно ли съ тебя этой безполезной рѣзни и не произнесешь ли ты того слова, котораго я ожидаю отъ тебя, чтобы положить ей конецъ?

— Мои защитники пали въ честномъ бою за свою вѣру,— съ твердостью отвѣчалъ папа,—и Господь принялъ ихъ въ свои небесныя селенія. Но пусть пролитая сегодня христіанская кровь падетъ на твою голову. Что же касается меня, въ комъ почіетъ честь святой церкви, то я не уступлю тебѣ ни на іоту. Я жилъ достаточно долго, потому что былъ свидѣтелемъ твоего преступленія. Сегодняшнею ночью, въ потемкахъ моей тюрьмы, передо мною проносились лучезарные образы великихъ папъ-мучениковъ; они призывали меня къ себѣ и я радостно поспѣшу примкнуть къ ихъ свѣтлому сонму. Мнѣ нечего больше сказать тебѣ, и ты не вырвешь у меня ни слова болѣе.

Крики дикаго торжества донеслись въ эту минуту съ улицы. Клубы густаго дыма и длинная струя пламени хлынули во дворъ. Ударами топора осаждающіе разрушали остатки воротъ, на половину уничтоженныхъ пожаромъ. Затѣмъ люди перескочили черезъ догоравшій еще костеръ; въ этой толпѣ были въ перемежку и солдаты изъ Латрана и Капитолія, и монахи, подоткнувшіе за поясъ длинныя полы рясъ, и кожевники изъ квартала Регола, и мясники изъ Рипетты, и кузнецы изъ Трастевера, и пастухи Кампаньи, атлетическаго сложенія, въ сопровожденіи своихъ рычащихъ свирѣпыхъ собакъ. Ченчіусъ

Digitized by Google

слышалъ на верху, какъ эта живая лавина обрушилась на передовую линію его людей, какъ молотки и желѣзныя кирки загремѣли по шлемамъ и панцырямъ; сражающіеся бились грудь съ грудью; камни и кирпичи летѣли со стѣнъ на обнаженныя головы; громкія проклятія внезапно обрывались, когда задыхающіеся противники схватывали за горло и душили другъ друга. На минуту устрашенный дѣломъ своихъ рукъ, Ченчіусъ поколебался. Онъ искалъ взгляда папы и уже хотѣлъ обратиться къ милосердію своего узника, прося у старца помилованія; но тотъ, закрывъ глаза и скрестивъ руки, уже не видѣлъ и не слышалъ его. Баронъ удалился медленными шагами, понуривъ голову, какъ человѣкъ, который идетъ на гибель.

Вскорѣ преграда, воздвигнутая передъ осаждающими, была пробита, баррикада разнесена и опрокинута, толпа оттѣсняла на темную лѣстницу солдатъ барона, беря съ бою ступень за ступенью. Рукопашная схватка впотемкахъ, ощупью, становилась все ожесточеннѣе; шумъ битвы, отодвигавшейся такимъ образомъ все дальше вглубь крѣпости, казался грознѣе, точно то было ночное сраженіе. Григорій чувствовалъ близость ужасающей, невообразимой катастрофы. Сотворивъ крестное знаменіе, онъ сталъ читать отходную и жертвамъ междоусобія, и самому себѣ.

Вдругъ... осторожные шаги по каменнымъ плитамъ кельи, вздохи и заглушаемыя рыданія. Папа прервалъ молитву и поднялъ глаза. Передъ нимъ стоялъ ребенокъ, протягивая руки, весь въ слезахъ.

То былъ мальчикъ лѣтъ четырнадцати, бѣдно одѣтый, съ гордымъ и крѣпкимъ лицомъ, съ открытымъ и чистымъ лбомъ, оттѣненнымъ кольцами густыхъ темнорусыхъ кудрей,—настоящая римская голова, одинъ изъ Гракховъ въ отроческомъ возрастѣ: красивыя губы, очерченныя съ изящной тонкостью античной камеи, немного повелительные, большіе черные глаза, ласкающіе и невинные, какъ у молодой дѣвушки...

— Кто ты и чего ищешь, сынъ мой? Не въ этой комнатѣ слѣдовало тебѣ искать убѣжища; потому что ангелъ смерти стоитъ на ея порогѣ и готовъ войти сюда.

— Я Викторьенъ, сынъ Ченчіуса. Мать моя умерла. Отецъ, не знаю почему, обращается со мною сурово, никогда не цѣлуетъ меня, отталкиваетъ отъ своего стола и оставляетъ въ

Digitized by Google

одиночествѣ и печали. Вчера вечеромъ онъ отвелъ меня въ келью рядомъ съ вашей и запретилъ мнѣ выходить оттуда безъ его зова. Я понялъ по безпорядку въ замкѣ и по крикамъ на улицѣ, что здѣсь должно произойти нѣчто важное, что люди вокругъ меня дерутся и умираютъ. Однако я не зналъ причины переполоха у нашего дома. Но одинъ воинъ, весь въ крови, съ проломанной головой, прибѣжалъ спрятаться въ мое убѣжище, чтобы перевязать свою рану. Онъ мнѣ все разсказалъ. И вотъ я здѣсь. Отецъ, отецъ, простите мнѣ мою смѣлость. Я малъ, безсиленъ и безоруженъ, но я не хочу, чтобъ они нанесли вамъ вредъ, подняли на васъ руку. Въ тотъ вечеръ, когда умирала моя мать, я стоялъ у ея постели и до сихъ поръ вижу передъ собою ея блѣдное лицо; она наклонилась ко мнѣ и сказала мнѣ потихоньку на ухо слова, которыхъ я не забылъ. Я далъ клятву оставаться всегда вѣрнымъ ея послѣднему завѣту. Я обѣщалъ со временемъ сдѣлаться рыцаремъ церкви и ея покорнымъ сыномъ. Потомъ моя мать подарила мнѣ послѣдній поцѣлуй и мирно заснула. Теперь насталъ часъ сдержать мою клятву. Они, пожалуй, не осмѣлятся убить васъ, если для этого имъ придется сначала коснуться сына ихъ синьора. И если я могу защищать васъ только своими мольбами, то онѣ, можетъ быть, дадутъ время вашимъ друзьямъ проникнуть сюда и спасти васъ...

И оробѣвшій мальчикъ, послѣ минутнаго колебанія, прибавилъ:

— Тогда я буду молить за него, за его спасеніе...

— Бѣдное дитя!—воскликнулъ Григорій.—Милый маленькій рыцарь церкви... подойди же ко мнѣ и пусть Господь защититъ своею бронею слабаго старца и слабаго ребенка!

Викторьенъ съ величайшею почтительностью приблизился къ плѣннику и сѣлъ у его ногъ. Маститый папа опустилъ ему на голову руки, нѣжно перебирая пальцами шелковистые локоны его волосъ. Ребенокъ пересталъ плакать. Онъ чувствовалъ себя освященнымъ этимъ прикосновеніемъ. Его чело на минуту просіяло гордостью и онъ съ геройской рѣшимостью устремилъ глаза на входъ въ келью. Битва происходила теперь совсѣмъ близко, въ узкомъ коридорѣ. Еще нѣсколько минутъ и святотатство совершится.

Чей-то голосъ, голосъ Ченчіуса раздался, суровый и отры-

Digitized by Google

вистый. Онъ нѣсколько разъ повторилъ военную команду. Внезапно водворилась тишина и баронъ, съ силой толкнувъ дверь, повалился въ ноги Григорію VII.

Онъ былъ смертельно блѣденъ; въ его глазахъ читался ужасъ человѣка, видящаго свою неминуемую гибель въ разъяренныхъ морскихъ волнахъ. Панцырь на немъ былъ пробитъ и окровавленъ; мятежникъ швырнулъ на полъ свою сломанную шпагу.

Папа и ребенокъ поднялись. Григорій сдѣлалъ грозный жестъ проклятія, но Викторьенъ бросился къ нему и остановилъ страшныя слова, готовыя сорваться съ устъ намѣстника божія и обрушиться на голову побѣжденнаго.

— Прости меня,—молилъ негодяй,—вотъ я у ногъ твоихъ и молю о помилованіи. Отпусти мнѣ мое преступленіе. Я наругался надъ алтаремъ и яслями Господа Іисуса, я утащилъ тебя изъ твоей церкви, тебя, моего епископа и апостолическаго владыку; умилосердись надо мною, назначь мнѣ покаяніе за мой грѣхъ, защити меня отъ гнѣва твоего народа, отъ праведнаго суда божія. Возьми меня подъ свою охрану и дай мнѣ этотъ день для искупленія моихъ беззаконій. Но оставь меня въ живыхъ, чтобы я могъ спасти свою душу, и укроти, молю тебя, страшную бурю, которую я вызвалъ съ злобнымъ умысломъ. Я боюсь сатаны и чувствую, какъ его когти уже вонзаются въ мое тѣло. Я погибъ навѣкъ, если ты не сжалишься надо мною!

Папа оставался неподвижнымъ; его глаза не удостоили опуститься на Ченчіуса, ни малѣйшее состраданіе не смягчило суровой печали его лица. Викторьенъ понялъ неумолимое рѣшеніе Григорія и, когда тотъ открылъ уста, чтобы произнести свой приговоръ, ребенокъ прижался къ сердцу папы и прошепталъ благодатныя слова, которыя слышали нѣкогда холмы Галилеи:

— Блаженны милостивые!

Папа содрогнулся; мгновенная краска залила его лобъ; онъ взглянулъ на отцеубійцу, во прахѣ распростертаго у его ногъ, и улыбка милосердія мелькнула по его губамъ.

Между тѣмъ, за дверью опять возобновилась жестокая рукопашная схватка. Во дворѣ встревоженный народъ, думая, что капитуляція барона была только хитростью, съ крикомъ требовалъ немедленной выдачи узника.

Digitized by Google

Григорій снова сѣлъ и сказалъ Ченчіусу:

— Христосъ простилъ своимъ палачамъ, и мнѣ, служителю его слугъ, подобаетъ простить тебя. Пусть твое преступленіе изгладится кровію нашего Господа. Но въ лицѣ моемъ ты совершилъ насиліе надъ святою римскою церковью и рука твоя коснулась скиніи Предвѣчнаго. Поэтому ты долженъ искупить свой грѣхъ и плакать. Отправляйся въ Іерусалимъ, одинъ, съ сумою и посохомъ странника; бей себя въ грудь въ саду, гдѣ Господь томился предсмертною тоскою, и на Голгоѳѣ, гдѣ онъ былъ распятъ іудеями. Затѣмъ возвращайся, омытый покаяніемъ, чтобы смириться передо мною, какъ подобаетъ вѣрному вассалу. Позови теперь начальниковъ моего народа, чтобы я могъ поручить имъ охрану твоей жизни.

Предводители воиновъ Латрана и Капитолія вошли въ келью. Григорій передалъ имъ Ченчіуса и, по прежнему держа мальчика за руку, пошелъ во главѣ кортежа. Когда онъ показался на одной изъ террасъ замка въ сопровожденіи барона, окруженнаго рыцарями Рима, оглушительные клики восторга привѣтствовали намѣстника божія. По его знаку массы народа пали на колѣни; тогда среди глубокаго молчанія папа произнесъ, показывая народу на Ченчіуса:

— Этотъ человѣкъ получилъ отпущеніе грѣховъ и поклялся, что будетъ каяться. Пускай никто не осмѣлится оскорбить или ударить его, когда онъ выдетъ сейчасъ изъ этого дома: онъ—мой гость и я отвѣчаю за него честью церкви. Это бѣдный пилигримъ, отправляющійся на поклоненіе св. Гробу, и ничего болѣе. Дайте разсѣяться также и его сообщникамъ, забудьте ихъ лица и ихъ имена. Подберите вашихъ убитыхъ и не плачьте по нимъ, такъ какъ они получили отъ Іисуса Христа вѣнецъ исповѣдниковъ. Меня же, сыны мои, возьмите на руки и отнесите въ базилику Санкта-Маріа-Маджіоре, гдѣ Господь все еще ждетъ меня на алтарѣ.

Народъ разступился и пропустилъ Ченчіуса, котораго офицеры проводили до Капитолія. Тутъ онъ сѣлъ на лошадь со своимъ конвоемъ и помчался во всю прыть до воротъ св. Себастіана. Провожатые оставили его на via Аррія, въ твердой увѣренности, что помилованный мятежникъ будетъ продолжать свой путь верхомъ до Гаэты, гдѣ сядетъ на первую попавшуюся галеру, отправляющуюся на востокъ. Но едва злодѣй

Digitized by Google

увидѣлъ себя на свободѣ, какъ остановился, обернулся къ Риму, посмотрѣлъ нѣкоторое время взглядомъ, полнымъ ненависти, на отдаленныя башни Латрана и, повернувъ лошадь къ Кампаньѣ, направился съ большими объѣздами къ via Emilia; онъ ѣхалъ по этому направленію весь остатокъ дня и цѣлую ночь, не отдыхая ни минуты. Такимъ образомъ, Ченчіусъ держалъ путь вовсе не ко гробу господню, а къ императору Генриху, королю римлянъ, который не хотѣлъ подчиняться римскому папѣ.

Между тѣмъ народъ устроилъ тріумфальное возвращеніе Григорія въ базилику Санкта-Маріа-Маджіоре. Его почитатели наскоро устроили *sedia gestatoria* при помощи древесныхъ сучьевъ, на которые постлали свои плащи; они усадили на это импровизированное сидѣнье папу и укрыли старца теплыми мѣхами. На закатѣ солнца Григорій, среди громкаго ликованія своихъ сыновъ, пустился по той же дорогѣ, по которой ѣхалъ сюда въ агоніи вчерашней ночи. Викторьенъ, оберегаемый отъ толкотни нѣсколькими молодыми людьми, непосредственно слѣдовалъ за папскими носилками. По мѣрѣ того какъ шествіе подвигалось по улицамъ, все болѣе и болѣе погружавшимся въ темноту, частные дома, церкви, замки, монастыри, украшенные на скорую руку зеленью и пестрыми драпировками, расцвѣчивались яркими огнями. Наконецъ, въ рукахъ у всѣхъ затеплились восковыя свѣчи, зажглись факелы и фонарики; народные гимны грянули со всѣхъ сторонъ и, медленно несомый надъ головами своего народа, изнуренный усталостью, почти въ обморокѣ, папа Григорій поднялся къ своей церкви.

Когда онъ появился на площади Санкта-Маріа-Маджіоре, священная коллегія вышла изъ базилики и простерлась ницъ у входа. Старецъ съ трудомъ сошелъ съ носилокъ, пошатываясь и едва держась на ногахъ. Но тутъ передъ нимъ мелькнулъ въ глубинѣ блистающей ниши, въ громадной золотой рамѣ византійскихъ мозаикъ, алтарь, усыпанный цвѣтами, и на немъ прикрытая чаша. Папа тотчасъ выпрямился и, высоко поднявъ голову, слегка опираясь на плечо Викторьена, вступилъ твердой походкой въ главный придѣлъ, предшествуемый трехконечнымъ крестомъ и кардиналами, шедшими попарно. На ступеняхъ хоръ церковнослужитель подалъ ему воды въ серебряномъ рукомойникѣ; однако Григорій отказался перемѣнить

Digitized by Google

папскія одежды, осквернённыя разбойниками Ченчіуса; въ разорванномъ омофорѣ, въ забрызганной уличной грязью ризѣ поднялся онъ на ступени алтаря. И рядомъ съ нимъ по правую руку по прежнему шелъ мальчикъ съ гордыми и кроткими глазами, неизвѣстный никому изъ присутствующихъ. Папа склонилъ голову и стоялъ нѣсколько времени, погруженный въ молитву; потомъ снялъ покровъ съ чаши и причастился св. Таинъ.

— И такимъ образомъ,—наивно заключаетъ лѣтописецъ,—пропостившись цѣлыя сутки съ самаго сочельника, онъ окончилъ при наступленіи ночи обѣдню, начатую при первомъ пѣніи пѣтуховъ.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

ЖЕРТВА ИЛЛЮЗІИ.

Романъ.

VI.

Жизнь въ Снѣжинкѣ, у княгини Самарской, проходила прекрасно. Всѣ сходились къ завтраку, за которымъ, по приказу хозяйки, неизмѣнно подавались любимыя блюда Арсенія. Софи старалась, чтобы Муранскій лучше питался, и иногда возбуждала добродушныя насмѣшки гостей, говорившихъ, что она закармливаетъ ихъ.

Катерина ѣла за двоихъ. Давно уже угадавъ значеніе Арсенія въ глазахъ Софи, молодая женщина прибѣгала къ хитростямъ:

— Арсеній любитъ то-то... Ахъ, какъ давно онъ не ѣлъ омаровъ... Достать свѣжіе не такъ-то легко. Свѣжая икра?! О, Арсеній обожаетъ ее,—говорила Катерина среди бесѣды, и княгиня нарочно выписывала всевозможныя деликатесы.

Она видѣла, что Муранскій не набрасывается на нихъ съ алчностью голоднаго, и восхищалась воспитанностью артиста.

А Арсеній и не подозрѣвалъ эксплуатаціи его именемъ, да и не имѣлъ въ сущности пристрастія къ тѣмъ или къ другимъ яствамъ.

Истинный артистъ, онъ способенъ былъ забыть о вкусномъ кушаньѣ, заговоривъ о какой нибудь роли или о вопросѣ, касающемся театра. Катерина бранила его, но Софи и Зоя восхищались артистическою разсѣянностью.

Послѣ завтрака общество сидѣло на террасѣ или въ саду, на площадкѣ, причемъ Поль покидалъ кружокъ, уходя на охоту, а Катерина, ссылаясь на какую-то работу, исчезала въ свою комнату.

Digitized by Google

Софи и Зоя проводили съ Муранскимъ цѣлые часы. Артистъ читалъ вслухъ или декламировалъ любимыя сцены, а княгиня, уронивъ вышиванье на колѣни, глядѣла на молодаго человѣка задумчиво-ласкающимъ взоромъ.

Зоя, та прямо благоговѣла передъ Арсеніемъ Николаевичемъ. Услужить ему, сказать или сдѣлать пріятное было для нея наслажденіемъ и Софи одобряла такое стремленіе дѣвушки.

Никогда еще княгиня не была такъ щедра и любезна къ Зоѣ, какъ въ первую недѣлю пребыванія Муранскихъ. Чувствуя себя счастливой, благодаря какому-то новому, томительно-сладостному ощущенію, переполнявшему ея душу, — Софи разсыпала добро и баловала всѣхъ.

Она точно стыдилась своего восторженнаго состоянія, точно вступала въ компромиссъ съ судьбою.

За блѣдный лучъ личнаго счастья, она желала всѣмъ и каждому доставлять радости и удовольствія.

Преданный Василій даже начиналъ ворчать и какъ-то разъ, раскупоривая ящики съ провизіей, только что привезенные изъ города, позволилъ себѣ сказать ключницѣ:

— Все сожрутъ, непутевые... Одно слово: актеры!.. Вѣдь за обѣ щоки уписываютъ... Наша-то княгиня—кусочекъ скушаетъ, ма-а-ленькій, а тѣ, голодные...

Трудно представить себѣ ужасъ Василья, когда княгиня очутилась передъ нимъ.

Старикъ поблѣднѣлъ и задрожалъ.

— Если вамъ не нравится служить у меня, Василій, то я могу васъ сегодня же отпустить,—суровымъ тономъ начала Софи.

— Матушка... Ваше сіятельство...

— Вы должны уважать моихъ гостей также, какъ меня, иначе—я васъ держать не стану! — заключила молодая женщина и величаво вышла изъ комнаты.

Въ этотъ день, разбирая посуду, Василій перебилъ нѣсколько дорогихъ стакановъ, но за обѣдомъ, подавая кушанья, особенно почтительно изгибался передъ Муранскимъ.

Бокомъ взглянувъ на княгиню, слуга увидѣлъ, что Софи, улыбаясь, обмѣнялась взоромъ съ Зоей, и успокоился.

Къ Катеринѣ старый слуга относился крайне недружелюбно, но выказывать своей антипатіи не смѣлъ. Онъ давалъ себѣ

Digitized by Google

волю въ людской, гдѣ вмѣстѣ съ женскою прислугой вдоволь судачилъ о количествѣ бѣлья и платья у «важныхъ гостей».

Эти слухи, благодаря Зоѣ, дошли до княгини и ей страстно хотѣлось какъ нибудь помочь Муранскимъ.

Но какъ это сдѣлать, не оскорбляя гордости бѣдняковъ?

Софи и сама замѣчала ограниченность и дешевизну костюмовъ у молодой парочки, но не могла же она, какъ въ доброе крѣпостное время, позвать портнаго и приказать ему обшить приживальщика.

Молодой женщинѣ было досадно и горько носить шолкъ и бархатъ, когда симпатичный и талантливый артистъ не имѣетъ необходимаго.

Искупить такую несправедливость судьбы представился удобный случай.

Обитатели Снѣжинки окончили обѣдъ и, добродушно-лѣнивые, расположились на террасѣ.

Кофе, ликеры и фрукты подали туда же, на столъ, и всѣ дружно принялись за десертъ.

— Невозможно такъ жить! Невозможно! — шутливо ужасался Муранскій, успѣвшій загорѣть и поправиться за эту недѣлю.—Мы цѣлый день ѣдимъ...

— И еще какъ вкусно!—подхватилъ Поль.

— Тебѣ это очень полезно, Арсеній. Помнишь, что̀ сказалъ докторъ...

— Да, да, помню! — поспѣшилъ согласиться Муранскій, боясь, что Катя, изъ эгоистической любви быть предметомъ вниманія, станетъ очень длинно разсказывать о его болѣзни.

— Тебѣ необходимо ѣсть чаще!

— Чаще, чѣмъ теперь? Но это немыслимо!—воскликнулъ, смѣясь, Поль и, обращаясь къ Муранскому, сказалъ:

— Я забылъ сообщить вамъ новость. Здѣсь, возлѣ насъ, пріѣхала и поселилась ваша поклонница.

Всѣ смотрѣли на Поля. Завладѣвъ общимъ вниманіемъ, онъ желалъ подразнить слушателей.

— Да, да, Арсеній Николаевичъ, ваша яраяя поклонница, которая не можетъ говорить о васъ равнодушно.

— Кто же это?—спросилъ Муранскій.

— Скажи, Поль, кто?—съ нетерпѣніемъ вымолвила княгиня.—Наша сосѣдка? Гдѣ ты ее видѣлъ?

Digitized by Google

— Вѣроятно, Айданова! Она говорила, что найдетъ тебя, хотя на днѣ моря!—замѣтила Катерина.

Зоя внимательно смотрѣла на всѣхъ. Она видѣла, что княгиня встревожена и что Муранскій чувствуетъ себя неловко. Задавать вопросы Полю дѣвушка не рѣшалась.

Молодой князь и такъ подсмѣивался надъ ея обожаніемъ артиста, но въ сущности не находилъ въ ея отношеніяхъ ничего серьезнаго.

Вообще Поль убѣдился, что на Муранскаго много клеветали.

Артистъ нравился ему своею простотой и способностью увлекаться каждымъ предметомъ.

— Ага! Заволновались!—смѣясь, продолжалъ князь.—Терзайтесь! Впрочемъ, я скажу новость только одному Арсенію Николаевичу, какъ лицу заинтересованному. Возлѣ насъ, вонъ тамъ, за полемъ, усадьба Хрящевыхъ. Никто тамъ не живалъ, а вотъ нынче, благодаря вамъ, какъ оказывается, пріѣхала госпожа Хрящева, очаровательная красавица, которую я имѣлъ счастье встрѣчать въ столицѣ.

— А, такъ это Хрящева?!.

— Анна Сергѣевна явилась! Энергичная дама!

Изъ этихъ фразъ, которыми обмѣнялись супруги, трудно было понять, какъ они относятся къ своей знакомой.

— Въ самомъ дѣлѣ, красивая особа?—спросила Софи,—или ты, какъ водится, дурачишься?

— Вы ее знаете, дорогая. Это та самая, которая играла въ любительскомъ спектаклѣ у Нариныхъ. Помните? Эффектная... немолодая... очень бойкая. Ёще она поспѣшила вамъ представиться... Сосѣдка, молъ, по имѣнью.

— Да, да, теперь знаю. Что же, она къ намъ собирается?

— Обязательно! Но сегодня вечеромъ она зоветъ къ себѣ Арсенія Николаевича. Я взялся передать приглашеніе. Вотъ и исполняю.

— Я не поѣду!—рѣшительно возразилъ Муранскій.

— Но, Арсеній, это неудобно... Твоя ученица... Неловко. Можетъ быть, она опять хочетъ брать уроки.

— Вотъ, вотъ, именно! Она желаетъ совершенствоваться. Кто-то нашелъ, что у нея—громадный талантъ, еще кто-то обѣщалъ ей дебютъ и прекрасная Хрящева, спеціально ради занятія драматическимъ искусствомъ, пріѣхала сюда.

Digitized by Google

— Вотъ видишь, Арсеній!

Катерина сказала эту фразу значительнымъ тономъ и Муранскій вспыхнулъ.

Настоящая сценка живо напомнила ему такія же другія сцены личнаго униженія, когда, по совѣтамъ практичной Катерины, въ силу ея требованій или слезливыхъ просьбъ, ему приходилось поступаться.

Но тамъ заставлялъ голодъ, а теперь они сыты... зачѣмъ же новыя сдѣлки?

— Я не поѣду, и конецъ!

Муранская догадалась, что мужъ находится въ бравурномъ настроеніи духа, и, не желая заводить ссоры, предложила удобный исходъ.

— Въ такомъ случаѣ, я сама схожу къ Аннѣ Сергѣевнѣ... Она была къ намъ всегда такъ любезна и мила.

— Вотъ и отлично, сходи!

— Я могу васъ проводить,—предложилъ Поль.

— Хорошо. Очень вамъ благодарна. Вѣдь это не далеко, кажется?

— Пустяки. Черезъ садъ, потомъ мимо рощи и на томъ берегу.

— Зачѣмъ идти пѣшкомъ?—вмѣшалась княгиня, говорившая съ Муранскимъ.—Я прикажу заложить экипажъ.

— Ахъ, какая прелесть! Мегсі! Вотъ я рада. Она—завистливая, эта Анна Сергѣевна, и любитъ дѣлать видъ, что благодѣтельствуетъ. Пусть убѣдится, наконецъ, что никто не желаетъ и не нуждается въ ея милостяхъ!

Княгиня приказала заложить карету, а Катерина пошла одѣваться. Черезъ минуту молодая женщина прислала за мужемъ, а затѣмъ и всѣ разошлись, поболтавъ насчетъ Хрящевой, особы очень развязной и оригинальной.

Проходя по саду мимо оконъ комнаты Муранскихъ, княгиня услыхала ссору.

Катерина упрекала мужа, бранила, а тотъ долго отмалчивался, но наконецъ сказалъ:

— Ты сама знаешь, что все это не правда, а вотъ мучить меня надо!

— Найдутся утѣшительницы.

— Катя! Я просилъ оставить въ покоѣ.

Digitized by Google

— И оставила бы, еслибы ты обо мнѣ побольше думалъ... Твоя жена хуже...

Софи быстро ушла въ глубину сада. Ей было глубоко жаль слышать, какъ бранили и огорчали Арсенія.

Вмѣсто того чтобы беречь талантливаго человѣка, Катерина отравляла его существованіе своими банальными рѣчами и сценами.

«Чего она хочетъ? Съ чѣмъ она приставала къ нему?—думала Софи.—Это удивительно! Не умѣетъ охранять свое счастье. Но что это за Хрящева? Надо пригласить ее сюда, а то она будетъ часто звать къ себѣ Муранскихъ».

Еще не сознающая своей любви къ Арсенію, княгиня уже ревновала его.

Ей не хотѣлось, чтобы онъ бывалъ у Хрящевой... Она инстинктивно боялась соперничества.

Молодая женщина задумчиво ходила по аллеѣ, когда Зоя прибѣжала къ ней.

— Вы на меня не разсердитесь, княгиня?—спросила она взволнованнымъ тономъ.

— За что, Зоя? Что ты надѣлала?

— Позвольте мнѣ ѣхать къ Хрящевой вмѣстѣ съ Катериной.

— Зачѣмъ? Вотъ охота! Съ чего это тебѣ вздумалось? Нѣтъ, Зоя, лучше не ѣзди.

Молодая дѣвушка хотѣла придумать какое нибудь оправданіе для своей просьбы, но, искренняя и правдивая, не могла обманывать.

— Меня проситъ Арсеній Николаевичъ.

— Развѣ онъ тоже ѣдетъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, но онъ...

Зоя обняла княгиню и, прильнувъ къ ней, шептала что-то непонятное.

Софья Павловна покраснѣла.

Ей почудилось, что Зоя дѣлаетъ ей какое-то признаніе, передаетъ слова любви, сказанныя ей кѣмъ-то, и вдругъ съ горечью сознала, что готова ревновать и завидовать, готова возненавидѣть эту милую любящую дѣвочку, такъ нѣжно прижавшуюся къ ней.

— Ничего не понимаю! Говори толкомъ, Зоя. Что случилось?

Digitized by Google

Дѣвушка разсказала вновь, стараясь не торопиться. Сейчасъ она встрѣтила Муранскаго. Блѣдный, разстроенный! Умолялъ ѣхать вмѣстѣ съ Катей, боясь, что она надѣлаетъ глупостей у Хрящевой.

— Я обѣщала,—продолжала Зоя,—я не знала, что нельзя. Ахъ, какъ мнѣ жаль Муранскаго. Софья Павловна! Катерина—хорошая... я ничего про нее не говорю, но она его все точитъ, язвитъ... Сейчасъ упрекала за какое-то платье... Они ужасно, ужасно бѣдны, оказывается! Катерина просила надѣть мою накидку... Ничего? Я предложила и шляпку.

Княгиня горячо обняла дѣвушку. Недавній страхъ казался ей теперь и смѣшнымъ, и нелѣпымъ, но она радовалась, что онъ исчезъ безслѣдно.

— Конечно, конечно, отлично сдѣлала. Поѣзжай съ Катериной... Если онъ проситъ, то это нужно. Кстати пригласи Анну Сергѣевну къ намъ. Ну, хоть завтра, обѣдать. Не забудешь?

— Мегсі, mercі! Знаете, дорогая моя, когда Арсеній Николаевичъ проситъ о чемъ нибудь, онъ такъ деликатенъ и такъ ему не ловко, — что стыдно отказать. Славный онъ какой! Такого друга имѣть—вотъ счастье. Мнѣ нравится Катерина, мы даже подружились, но я не люблю ея, зачѣмъ она ворчитъ на мужа. Такого человѣка, какъ онъ...

— Пари готова держать, что разговоръ идетъ объ Арсеньѣ!— раздался голосъ Катерины, входившей въ аллею.

— И о немъ, и о васъ!—весело отвѣчала княгиня, выручая Зою, смутившуюся до послѣдней крайности.

— Его—хвалили, меня—бранили? Такъ?

— Почти... Но какая вы любопытная!

— Скажите лучше: проницательная! Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, за что вы меня бранили?

— Княгиня шутитъ!

Софья Павловна вовсе не расположена была говорить Катеринѣ правду. Она отдѣлалась какою-то фразой, а потомъ замѣтила, что Муранской жарко будетъ въ этомъ платьѣ.

Совершенно неожиданно она коснулась больнаго мѣста.

Катерина злилась и на мужа, и на весь свѣтъ за то, что не могла одѣться какъ слѣдуетъ, за то, что нѣтъ у нея праднаго костюма, а Софи, какъ нарочно, обратила вниманіе на ея туалетъ...

Digitized by Google

— Сегодня холодно!—хмуро возразила она.

— Холодно? — въ одинъ голосъ воскликнули княгиня и Зоя.—Вотъ выдумали! Жара невообразимая.

— Все равно, переодѣваться я не стану.

— Ахъ, какая лѣнивая!

— Вѣдь это одна минута. Экипажъ еще не готовъ!—приставала Зоя.

Забывая или не догадываясь, что у Катерины нѣтъ инаго, болѣе легкаго костюма, Софи и Зоя совѣтовали переодѣться. Муранская отмалчивалась, но въ концѣ концевъ разсердилась и сказала рѣзкимъ тономъ:

— Да нѣчего мнѣ надѣть! У насъ для каждой роли есть великолѣпные костюмы, у насъ и обувь, и вооруженіе,—все по образцамъ, за все деньги большія заплачены... На это средства есть, а жена артиста,—развѣ о ней стоитъ думать? Я могу не ѣхать къ Хрящевой, если вамъ непріятно, что изъ вашего дома, въ вашемъ экипажѣ, поѣдетъ такая замарашка... *Я*—не стѣсняюсь своего костюма! У насъ въ кружкѣ всѣ знаютъ, что и силы, и здоровье, и средства—все, все отдала я Арсенію.

Послѣднія фразы Муранская произнесла гордымъ вызывающимъ тономъ. Ей уже надоѣли платоническіе восторги богатыхъ барынь, дерзающихъ еще говорить о томъ, что̀ принято и не принято. Деликатность Софи, не смѣвшей предложить нѣчто матеріальное, Катерина принимала за скупость и сегодня, подъ вліяніемъ досады на мужа, дала себѣ волю.

— Вѣдь никто ничего не понимаетъ!—продолжала она черезъ секунду.—Развѣ Арсеній заботится о чемъ нибудь? Никогда. Все должно быть! Откуда, какъ?—онъ даже не спроситъ. А если я ему скажу иногда, что наши дѣла плохи—случается вѣдь съ каждымъ,—то это уже чистая бѣда. Онъ ходитъ, какъ къ смерти приговоренный, ничего не ѣстъ, не пьетъ и начинаетъ серьезно доказывать, что надо экономничать въ пищѣ. Вы улыбаетесь, Зоя? Нѣтъ, голубчикъ, тутъ дѣло до слезъ доходитъ. Цѣлый постъ какъ-то онъ сталъ себя голодомъ морить, такъ я чуть съ ума не сошла. Сезонъ былъ неудобный, заработали мало, вотъ онъ и началъ экономничать. Исхудалъ... блѣдный!.. Не слушается. Вѣдь у него желѣзный характеръ въ смыслѣ воли. Да, да,—понижая голосъ, добавила Катерина,—быть подругой такого артиста, такого чистаго и душевнаго

Digitized by Google

человѣка, — большое счастье, но и горя приходится хлебнуть немало. И какого еще горя-то! Невиднаго, о которомъ и говорить не каждому станешь, но ой, ой, какого...

— Славная вы, Катерина Алексѣевна! Какъ я рада, что вы откровенная, простая...—порывисто вымолвила княгиня и протянула обѣ руки Муранской.—Теперь мы будемъ настоящими друзьями...

— Да! Да! Ото всей души! Но если вы скажете Арсенію или дадите понять, что вамъ извѣстно наше положеніе, что у меня вырвалась жалоба... Впрочемъ, вѣдь я даже не жаловалась. Вы сами догадались, конечно! Узнай только Арсеній, онъ завтра же убѣжитъ...

— Зачѣмъ же ему знать? Нѣтъ, милая Катерина Алексѣевна...

— Ой, какъ это холодно! Зовите меня Катей.

— Можно? Ну, а вы меня Софи...

— Спасибо вамъ, дорогая! А я васъ считала немножечко, знаете, чопорной.

— Я присматриваюсь къ людямъ, а потомъ уже предлагаю свою дружбу.

— Поцѣлуйтесь, поцѣлуйтесь!—приставала Зоя, очень довольная заключеннымъ союзомъ.—Друзья должны обняться!

— Съ вами я чувствую себя легко,—заговорила Катя послѣ крѣпкаго поцѣлуя, которымъ обмѣнялись двѣ подруги-соперницы, — но та, Анна Сергѣевна... Она тоже обожаетъ Арсенія... Тоже,—поправилась Катя,—какъ всѣ эти любительницы,—но меня она ненавидитъ. Любезна, льстива, но такъ и хочетъ уколоть. Она вообразила, что *я* способна ревновать, слѣдить. Никогда! Арсеній свободенъ... Я хочу только его счастья...

— Зачѣмъ же вы къ ней ѣдете? Не стоитъ...

— Нельзя. Она можетъ вредить мужу...

Разговаривая, княгиня и Катерина вернулись въ комнаты.

Здѣсь, пользуясь правами дружбы, Софи настояла, чтобы Катерина переодѣлась. Нашлось два платья, только что полученныхъ отъ модистки и еще ненадѣванныхъ, которыя восхитили Муранскую.

Молодая женщина была въ восторгѣ отъ просьбы Софи взять себѣ эти платья.

Digitized by Google

— И передѣлка будетъ пустая! Ахъ, какая прелесть!—говорила Катерина, вертясь передъ зеркаломъ.—Никто не видѣлъ у васъ этого платья? Вы его въ самомъ дѣлѣ не надѣвали?

— Конечно, нѣтъ!

— А то мнѣ достанется отъ Арсенія... Знаете, что, Софи: я скажу ему, что купила у васъ два платья... Можно? Такъ будетъ лучше.

Княгиня соглашалась на все. Ей было пріятно помочь Катѣ и косвенно облегчить Муранскаго. Довольная обновкою, Катя не будетъ ворчать на мужа.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Софи не понравилась манера ея новаго друга.

Принять подарокъ—можно, но сознаться въ этомъ нельзя... Радуясь даровому костюму, Катя все таки скажетъ мужу, что должна уплатить за него княгинѣ.

Безцѣльная ложь и недостатокъ мужества въ такой мелочной сценкѣ—непріятно повліяли на Софи.

Но Катя была *его* женою... Черезъ нее можно облегчать его участь...

VII.

Софи и Муранскій сидѣли одни.

Вѣковыя липы шумѣли надъ ихъ головами, а въ вечернемъ воздухѣ слышался ароматъ свѣже-скошеннаго сѣна.

— Какъ хорошо здѣсь! Господи, какъ хорошо!—вырвалось у Арсенія.

— Да, я люблю это мѣстечко...

— Вамъ оно дорого по воспоминаніямъ.

Княгиня вздрогнула.

Это мѣсто напоминало ей тяжелыя минуты жизни, тѣ минуты, когда она уходила изъ дому, и здѣсь, никѣмъ не видимая, плакала о своемъ погибшемъ и разбитомъ счастьѣ.

Но жаловаться на судьбу и говорить о себѣ Софи не любила.

Пусть лучше завидуютъ, считаютъ гордой и холодной,—но унизительнаго участья ей не надо. Она отвѣтила уклончиво:

— Да, здѣсь многое пережито, и передумано многое.

Digitized by Google

— Вотъ оттого-то эти старыя дворянскія гнѣзда такъ поэтичны! Подумать только, сколько поколѣній одного рода жило здѣсь, оставило *свою* память... А мы, пролетаріи... Ни слѣда, ни воспоминаній.

— Про артистовъ этого сказать нельзя.

— Полноте, княгиня! Самый неблагодарный родъ искусства— это нашъ, актерскій. Современники—оцѣниваютъ очень рѣдко, а будущее... да и въ самомъ дѣлѣ, что̀ мы,—я говорю: лучшіе изъ насъ,—что̀ могутъ они оставить потомству? Игралъ такую-то роль. Да, игралъ... Но какъ, что̀ вкладывалъ въ исполненіе,—неизвѣстно! Критика повторяетъ общія мѣста.

— У васъ есть свои цѣнители... Я говорю о каждомъ артистѣ въ отдѣльности...

— Психопатки въ родѣ Хрящевой! Ахъ, княгиня...

— Опять! Вы забыли, какъ меня зовутъ?

— Я забылъ?!

Муранскій такимъ тономъ произнесъ эти два слова, что Софи вспыхнула.

Сознаніе грозящей бѣды охватило еѐ, заставило тревожно оглянуться.

Но кругомъ было тихо.

Только старыя липы шептали что-то таинственно-поэтическое, да въ глубинѣ темнаго сада чирикали птички, словно удивляясь, что въ такой чудный лѣтній вечеръ можно разсуждать о чемъ бы то ни было.

Потребность любви, ласки и душевнаго общенія была разлита въ самомъ воздухѣ и Софи невольно поддавалась этому чарующему обаянію.

Въ подобныя минуты, даже чужіе люди становятся экспансивными и откровенничаютъ чуть не со врагами.

Софьѣ Павловнѣ, давно и безнадежно одинокой въ нравственномъ смыслѣ, было безгранично дорого бесѣдовать съ Арсеніемъ.

Ничего преступнаго между ними еще не существовало, но возможность говорить по душѣ и быть понимаемой съ полуслова—восхищала молодую женщину.

— Отчего вы назвали Хрящеву психопаткой? — между прочимъ, спросила Софи.—Мнѣ показалось, что вы и Катя расположены къ ней!

Digitized by Google

— Ахъ, не знаете вы Катерины!

Муранскій всталъ и началъ ходить по дорожкѣ. Осуждать близкую женщину было некрасиво, но взбалмошный характеръ Кати доставлялъ ему немало тревоги и нравственныхъ страданій. Впечатлѣніе отъ сегодняшней ссоры еще не улеглось въ его душѣ.

— Очень жаль, что я пригласила Хрящеву къ намъ... Я думала вамъ доставить удовольствіе.

— Сюда приглашаете?! Но это истинное несчастье!—горячо воскликнулъ Муранскій.—Теперь—всему конецъ, всему! Прощай наши милыя прогулки, бесѣды, наше общеніе, которымъ я такъ дорожилъ.

Муранскій былъ, видимо, глубоко огорченъ. Софи стала утѣшать его, говоря, что знакомство съ Хрящевой будетъ далекое и въ интимный кругъ ее не допустятъ.

— Не знаете вы ея, не знаете!—твердилъ Муранскій, подавленный тоскою. — Эта барыня умѣетъ стать необходимостью, или... или она сочинитъ столько невозможныхъ, но по внѣшности вѣроятныхъ сплетень, что перессоритъ всѣхъ.

Софи возражала, ссылаясь на свою власть въ домѣ, но Муранскій, вооруженный опытомъ, говорилъ, что Хрящева—зараза, проникающая сквозь двери и окна.

— Да не о чемъ у насъ и сплетничать, нечего замѣчать!— порывисто заключила Софи, досадуя, что они говорятъ слишкомъ долго о такомъ ничтожномъ, не имѣющемъ значенія, вопросѣ.

— Вы думаете, *нечего* подмѣтить ревнующему, завистливому взору?

Софи опять стало неловко.

Она избѣгала глядѣть на Муранскаго, а между тѣмъ ея глаза искали его взора и, встрѣчаясь съ нимъ, молодая женщина теряла самообладаніе.

Да, она любила Арсенія...

Конечно, она не дастъ себѣ воли; она подавитъ это чувство, она никогда, ни при какихъ условіяхъ, не позволитъ себѣ увлечься.

Онъ—чужой мужъ... Онъ любитъ и любимъ своей Катей.

Неужели же она посягнетъ на счастье людей, къ которымъ относится крайне симпатично?

Digitized by Google

Нѣтъ, это было бы возмутительно и нечестно.

Всѣ эти мысли быстро, быстро проносились въ головѣ княгини, пока Муранскій, охваченный потребностью искренней бесѣды, не жаловался на свою судьбу,—нѣтъ! но только правдиво рисовалъ картины ея.

Теперь онъ не скрывалъ передъ Софи своей удручающей бѣдности, ужасной тѣмъ больше, что нужно держать себя гордо и не показывать своихъ страданій.

Слезы навертывались на глазахъ княгини, когда она слушала повѣсть о бѣдствованіяхъ талантливаго артиста.

— Бывали дни, — говорилъ Муранскій тихимъ вибрирующимъ голосомъ,—когда я съ утра до поздней ночи бродилъ по городу, заходя и къ актерамъ, и къ антрепренерамъ, прося, какъ милости... Чего? Права сыграть... Права выйти на судъ публики... Пусть освищутъ, пусть... По крайней мѣрѣ, я буду знать, что не гожусь... Пойду въ каменщики, въ носильщики, но брошу эту проклятую мечту о сценѣ...

— Но вѣдь вы пробовали себя, и такъ хорошо... Такой успѣхъ...

— А она, Хрящева,—съ горькой усмѣшкой возразилъ Муранскій,—говоритъ теперь, что успѣхъ—дѣло ея рукъ... Она постаралась... Мука вѣдь какая! Вѣру въ себя, въ свои силы отнимаютъ... Вотъ и Катя... чуть разсердится, начинаетъ корить безталантностью... И права... Талантъ даетъ золото... Бѣденъ—бездаренъ.

Арсеній Николаевичъ опустилъ голову и замолчалъ.

Любовь и жалость переполняли душу Софи, но это была не та любовь, требовательная и властная, которая ждетъ жертвы и поклоненія. Нѣтъ, Софи любила Муранскаго тою особенною высокою любовью, которая способна двигать горами, въ которой есть доля материнской нѣжности...

— Вы... вѣрите вы въ возможность дружбы между женщиной и мужчиной?—спросила княгиня послѣ недолгой паузы.

— Если женщина умна и чутка, если мужчина—порядочный человѣкъ, да, вѣрю. Чудныя отношенія! Только...

— Что только?

— Мудрено не полюбить такое существо. Вы знаете, Софья Павловна, хорошенькихъ женщинъ больше, чѣмъ свѣтлыхъ разумомъ и чуткихъ сердцемъ.

Digitized by Google

— Можетъ быть. Но вы взяли бы вы полную, сердечную дружбу женщины, которая... для которой вы давно уже дороги?..

— А теперь, подъ вліяніемъ жалости, сталъ даже интереснѣ? Нѣтъ, не взялъ бы!

— Отчего?—едва слышно спросила Софи, смущенная его словами.

— Объ этомъ надо говорить много или ровно ничего...

— Говорите много.

— Другой разъ, Софья Павловна!

Оба замолчали. Княгиня видѣла, что Муранскій огорченъ чѣмъ-то, обиженъ, но рѣшительно не могла понять, что̀ повліяло на него такъ нехорошо.

Неужели предложеніемъ дружбы, въ связи съ его разсказами о пережитыхъ испытаніяхъ, она могла оскорбить его гордость?

Блѣдный, съ потухшимъ взоромъ, онъ возбуждалъ ея жгучее сочувствіе.

Молодая женщина готова была просить прощенія, готова была сказать, какъ безмѣрно дорогъ онъ ей...

— Да, надо уѣзжать!—неожиданно вымолвилъ Муранскій и порывисто заходилъ по площадкѣ.

— Что вы сказали?—блѣднѣя, прошептала Софи.

— Уѣзжать пора изъ вашей милой Снѣжинки, Покровское тожъ. Пора!

— Зачѣмъ?—съ болью вырвалось у нея.

— Вы спрашиваете: «зачѣмъ»? Вы?! Ахъ, Софья Павловна, оставьте мнѣ счастье помнить, что встрѣтилъ я на своемъ вѣку такую женщину, какъ вы,—женщину, способную все понять безъ словъ. Ну, развѣ вы-то не знаете, почему я долженъ бѣжать отсюда, отъ васъ бѣжать? Эхъ...

— Не надо... Не уѣзжайте.

— Вы сказали: не уѣзжать? Вы позволяете остаться, зная?..

— Погодите, Арсеній Николаевичъ... Одну минуту...—едва переводя дыханіе, прошептала Софи.

Муранскій взялъ ея руку, крѣпко пожалъ и, не смѣя поцѣловать, держалъ въ своихъ рукахъ.

Софья Павловна и не отнимала своей холодной дрожащей руки.

Случилось то, чего она боялась, чего хотѣла избѣжать.

Digitized by Google

Онъ любилъ ее... Онъ отвѣчалъ на то глубокое чувство, которое переполняло ея душу, но вѣдь признанія не происходило...

Ничто еще не связывало ихъ. Ни одного неосторожнаго слова произнесено не было.

Арсеній Николаевичъ угадывалъ ея волненіе, ея мысли. Онъ жалѣлъ Софи и спѣшилъ ее успокоить.

— Позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ,—вкрадчивымъ голосомъ началъ онъ.—Потомъ вы... Все, что вы пожелаете, все, что прикажете,—я исполню свято...

Не ожидая отвѣта Самарской, молодой человѣкъ продолжалъ:

— Я—глубоко, глубоко несчастенъ... Конечно, причины моего несчастія—личная безхарактерность, слабость, какъ хотите. Можетъ быть, виноватъ тотъ же вѣчный разладъ разума и сердца. Не знаю! Но вотъ я встрѣтился съ вами... Я понялъ, что въ жизни есть женщины, созданныя мечтою, женщины, которыхъ я воображалъ только... Я преклонился передъ вами... Знаете, я спрашивалъ себя еще тогда, зимой, люблю ли я васъ...

Муранскій замолчалъ, задумчиво прищуривъ глаза. Онъ точно вновь задавалъ себѣ тотъ же вопросъ и провѣрялъ свои ощущенія.

Софи становилось неловко, тяжело. Она хотѣла засмѣяться,— и не могла.

— Той любви, о которой говорятъ поэты и драматурги,— я не признаю,—продолжалъ Муранскій. — Обладать любимой женщиной, видѣть, какъ богиня превращается въ рабыню, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!..

Княгиня сочувственно кивнула головой. Она поняла, что у нихъ общіе идеалы, и ей становилось легче.

— Я мечталъ о женщинѣ съ тонкимъ умомъ, о женщинѣ доброй и чуткой, какъ мать, нѣжной, какъ невѣста, и требовательной, какъ другъ... Но такимъ идеаломъ можетъ быть только разумная, самостоятельная женщина, такая, какъ вы... Съ перваго разговора, послѣ перваго свиданія, я понялъ васъ, Софья Павловна!..

Съ безграничной лаской во взорѣ, глядѣлъ на нее Муранскій и, тихо сжимая ея руку, говорилъ о томъ, что Катя ревновала его, притѣсняла, дѣлала сцены и только въ концѣ кон-

Digitized by Google

цовъ поняла, что такой любви можно желать, можно ей горько завидовать, но ревновать—нельзя.

— Мое чувство къ вамъ—это чувство артиста къ любимому дѣлу, это влеченіе музыканта къ инструменту, художника къ кисти... Любитъ ли онъ ихъ—неизвѣстно, но жить безъ нихъ—онъ не можетъ... Вашъ чудный голосъ, ваша манера говорить, ваше обращеніе,—о, не только со мною, но со всѣми, — это баюкаетъ, ласкаетъ... Господи!—вырвалось у Муранскаго,—вѣдь у васъ не только не проскальзываетъ, но *не можетъ* проскользнуть вульгарнаго слова. Вы не роль играете, а вы—такая и есть!.. Жить около васъ, знать, что вы—свой, близкій человѣкъ, имѣть право изливать передъ вами свою душу, пользоваться *вашей* откровенностью, вотъ все, все, о чемъ я мечтаю... Теперь скажите, родная, да, именно родная, оскорбляетъ васъ моя любовь, смѣю я мечтать о такой же взаимности?..

— А безъ словъ вы этого не знаете? Вы не замѣчали, какъ я отношусь къ вамъ?

Муранскій прижалъ къ губамъ ея руку и нервная дрожь пробѣжала по тѣлу молодой женщины.

Они говорили объ идельно-чистой любви, о сродствѣ душъ, о томъ, что въ ихъ исключительныхъ отношеніяхъ нѣтъ и быть не можетъ ничего преступнаго, что подобный союзъ двухъ выработанныхъ натуръ долженъ возбуждать только уваженіе, но Муранскій все нѣжнѣе и нѣжнѣе цѣловалъ маленькую, успѣвшую согрѣться, ручку.

Щоки Софи разгорѣлись, глаза блестѣли, но она искренно вѣрила и съ убѣжденіемъ вторила Арсенію, что истинная любовь—именно такова.

— Все иное—фальсификація, самообманъ!.. Ну, можетъ ли человѣкъ, дѣйствительно любящій женщину-человѣка, самостоятельнаго и разумнаго, дѣлать изъ нея самку, посвящать во всѣ мелочи будничной жизни,—доказывалъ Муранскій.—Оттого и измѣны, и ссоры, и распри. Вы подумайте, дорогая. Женихъ и невѣста, сходясь, разсуждаютъ обо всемъ, стараются понимать другъ друга, но потомъ, едва появилась семья, женщина дѣлается только матерью и хозяйкой... У мужа наростаютъ интересы, его жизнь дѣлается шире... Не встрѣчая сочувствія въ самкѣ-женѣ, онъ ищетъ новыхъ знакомыхъ и именно ищетъ женщину, потому что женщина болѣе чутка и

Digitized by Google

отзывчива... Въ посторонней онъ найдетъ то, чего нѣтъ въ семьѣ...

— Но есть же развитыя женщины...

— Тогда онѣ не матери и не хозяйки... Нѣтъ, дорогая, нельзя соединить несоединимое, и я смотрю... Вамъ покажется страннымъ мое убѣжденіе, но вы должны знать его...

— Говорите, говорите.

Даже въ этомъ простомъ приглашеніи продолжать разговоръ, такъ непохожій на бесѣду влюбленныхъ,—звучала нѣжность и сердечная ласка.

Муранскій инстинктивно чувствовалъ свое обаяніе надъ Софи и радовался.

То, что онъ скажетъ сейчасъ, то, чего онъ потребуетъ, можетъ или разлучить ихъ навсегда, или создать то идеальное положеніе, котораго онъ такъ алчно жаждетъ.

— Чѣмъ выработаннѣе натура,—началъ онъ, увлекаясь,—тѣмъ шире потребности, вы это знаете. И вотъ, чудная, милая, прекрасная Софи, можете ли вы удовлетвориться прѣснымъ семейнымъ счастьемъ? Нѣтъ. За любовью послѣдуетъ охлажденіе, а потомъ, потомъ, да—пожалуй—то, что принято называть измѣною... Мы не дѣти, мы не герои прежнихъ романовъ, которые нагло лгали, обѣщая вѣрность до гроба. Ея нѣтъ и быть не можетъ!

Муранскій говорилъ правду, но какимъ холодомъ вѣяло отъ нея...

Софи и сама относилась недовѣрчиво къ семейному счастью, но гдѣ-то въ глубинѣ души у нея еще таилась юношеская мечта о прочной, беззавѣтной любви, хотѣлось думать, что счастье возможно...

Княгиня молча кивнула головой.

Будущее покажетъ, какъ она умѣетъ любить, а пока спорить о чувствѣ—не слѣдуетъ...

— Да, да, обѣщали и обманывали,—продолжалъ артистъ грустнымъ тономъ.—Я дорого заплатилъ за свой опытъ и пришелъ къ заключенію, что счастье возможно, но только при одномъ условіи...

— При какомъ?

— Представьте себѣ такой союзъ... Я зналъ одну семью и вотъ ихъ жизнь. Онъ—артистъ, крупный, извѣстный. Жена—

Digitized by Google

простенькое, добродушное и любящее существо. Дома — все уютно, чисто, сытно, но нравственно жить нечѣмъ. Артистъ задыхался. Терпѣть подобное лишеніе—свыше силъ. Да и зачѣмъ? Кому легче? Но вотъ артисту выпало рѣдкое счастье. Онъ встрѣтилъ женщину... Умная, чуткая, она полюбила его, сама возбудила хорошее чувство, подружилась съ его женою и они поселились вмѣстѣ. Ничего дурнаго, ничего предосудительнаго! Это былъ чистый, идеальный союзъ.

— И та, жена, не ревновала?

— Да не къ чему было! Жена-хозяйка заботилась о практической сторонѣ жизни и оставалась его женою, а та, другая, была его вдохновительницей, его кумиромъ, его другомъ...

— Я не могла бы помириться!—вырвалось у Софи.

—Съ положеніемъ жены, о, конечно! но для такой роли имѣются примитивныя натуры... Да вотъ моя Катерина... типъ... Но рядомъ съ такою женою,—она прекрасная, добрая, все, что хотите,—человѣкъ мельчаетъ, а не растетъ. Ваше вліяніе, ваше слово, ваше общество,—вотъ, что даетъ подъемъ. Заслужить ваше одобреніе, похвалу, да ради одного этого стоитъ работать... Боже, какое бы это было счастье! — мечтательно продолжалъ Муранскій.—Вы, вы — близкій другъ, вы—не чужая, не роскошь, которою можно пользоваться изрѣдка, но вы — близкое существо! Всю жизненную мелочь, всѣ банальныя заботы—вѣдаетъ другая, а вы—центръ, вы—свѣтъ, вы—радость бытія... Вотъ союзъ, о которомъ я мечтаю, вотъ мой идеалъ!.. Любовь, самая нѣжная и глубокая, но безъ всѣхъ атрибутовъ, омрачающихъ истинное чувство, дѣлающихъ изъ нея адъ. Ни ревности, ни ссорамъ нѣтъ мѣста... смысла нѣтъ!..

И Муранскій долго еще говорилъ о такомъ тройственномъ союзѣ, который, естественно, можетъ существовать только между культурными людьми.

Софи жадно слушала его горячія рѣчи и сама увлекалась изображенной имъ картиной.

Она любила Арсенія, но сдѣлаться его подругой, разбить его семью, отнять дорогаго человѣка у Катерины — нѣтъ, ни за что на свѣтѣ!

Другаго исхода не существуетъ...

Не станетъ же она, пользуясь своими правами, вести таинственную игру съ мужемъ своей гостьи, отбивать его, привлекать...

Digitized by Google

Не станетъ! А развѣ весь этотъ разговоръ и взаимное признаніе, развѣ оно уже не сроднило ихъ, развѣ не появилось у нихъ тайны, которую они должны охранять?

Муранскій краснорѣчиво, но съ оттѣнкомъ жалобы на судьбу, говорилъ, что давно уже, долгіе годы, мечталъ онъ о подобномъ союзѣ, что ему необходима нравственная поддержка. Онъ льстилъ Софи и невольно, быть можетъ, помимо желанія, обрисовывалъ Катю, какъ практичную женщину, способную думать только о хлѣбѣ насущномъ.

Софи проникалась его идеей. Быть вдохновительницей такого даровитаго человѣка, пожертвовать ему свои силы,—о, что же можетъ быть симпатичнѣе такого дѣла!

Говоря о прошломъ, Муранскій коснулся своего дѣтства, упомянулъ, что выросъ безправнымъ сиротою, не вѣдая ласки родителей. Горечь слышалась въ его голосѣ, когда онъ разсказывалъ о юношескихъ годахъ. Изъ милости живя у тетки, онъ готовилъ уроки въ какомъ-то чуланѣ, возлѣ передней, въ меблированныхъ комнатахъ... Такъ онъ приготовлялъ уроки для гимназіи и все таки доучился... Муранскій вспоминалъ и дни голодовокъ, и оскорбленія, сыпавшіяся на голову безправнаго юноши, вспоминалъ самые первые шаги на избранномъ поприщѣ, а Софи внимала ему со слезами на глазахъ.

Теперь, подъ вліяніемъ жалости, она еще глубже любила Арсенія... Она глядѣла на него съ какимъ-то восторгомъ и готова была на всякую жертву.

— Все это ужасное прошлое... забудьте его, милый, милый мой!—прошептала она, протягивая руки Муранскому.—Мы начнемъ новую жизнь... Я буду вашимъ... ну, вотъ такимъ другомъ, какого вы хотѣли имѣть!

Муранскій взялъ ея руку и поцѣловалъ.

— Не надо... не надо...—краснѣя, шептала Софи.

Молодой человѣкъ съ удивленіемъ взглянулъ на княгиню.

— Вамъ непріятно? Вы разсердились?

— Не то, нѣтъ... Мнѣ показалось... Идутъ...

Арсеній Николаевичъ загадочно усмѣхнулся.

— Развѣ это такъ позорно?!

Насмѣшливая улыбка не понравилась Софи. Ей показалось, что Муранскій готовъ гордиться своей побѣдой, и подумала, что

Digitized by Google

онъ способенъ посвятить Катерину въ тайну ихъ оригинальнаго договора...

При другихъ условіяхъ, ни одна женщина, конечно, не позволила бы себѣ просить влюбленнаго о скромности, но здѣсь... здѣсь все было по новому...

— Надѣюсь, что вы все это... нашъ разговоръ... между нами?—просительно вымолвила Софи.

— Конечно! Но Катерина *должна* знать.

Молодая женщина вспыхнула, а потомъ поблѣднѣла.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста... Не надо!..

— Если вы этого желаете...

«Значитъ, она не понимаетъ идеальнаго смысла такого союза!» думалъ Муранскій, а Софи, и пристыженная, и недоумѣвающая, чувствовала себя страшно неловко.

Теперь ей становилось мучительно жаль вырвавшихся словъ признанія, себя самой жаль.

Прежнее было лучше настоящаго и, главное, лучше того страннаго будущаго, которое могло установиться.

Быть его подругой въ идеальномъ значеніи слова, да, это очаровательно, но все же въ глубинѣ души шевелилось какое-то непріятное ощущеніе не то зависти, не то ревности къ Катеринѣ.

Муранскій понималъ душевное состояніе Софи.

Овладѣвъ ея руками и покрывая ихъ нѣжными поцѣлуями, онъ твердилъ, что любитъ ее, поклоняясь, любить, восхищаясь, что она—стала для него источникомъ свѣта и радостей.

И княгиня слушала его рѣчи, наслаждаясь самымъ звукомъ милаго голоса.

Она хотѣла вѣрить, что такой союзъ возможенъ, что онъ дастъ счастье имъ обоимъ.

VIII.

Хрящева на завтра же пріѣхала въ Покровское и провела въ домѣ княгини весь день.

Софи и Муранскому хотѣлось быть вмѣстѣ, поговорить о многомъ и, вообще, пользоваться свободой, но Анна Сергѣевна надоѣдала всѣмъ и каждому.

Digitized by Google

Благодаря присутствію непріятнаго человѣка, какъ-то ярче вырисовывается симпатія, существующая между другими людьми.

Они точно инстинктивно стремятся поддержать одинъ другаго и обмѣниваются взглядами, полусловами.

Катерина замѣтила, что между Софи и Арсеніемъ произошло нѣчто, и съ любопытствомъ посматривала на мужа.

Вчера, ссылаясь на головную боль, Муранскій почти не говорилъ съ Катей.

Она вернулась отъ Хрящевой очень веселая, много разсказывала и смѣялась, но княгиня видимо съ трудомъ поддерживала шумную бесѣду.

Софи тоже пожаловалась на нездоровье и рано ушла въ свою комнату.

Катерина начала относиться подозрительно, и передъ ужиномъ, когда Зоя и Поль сидѣли на террасѣ, у молодой женщины мелькнула мысль:

«А вдругъ *у нихъ* свиданіе»?

Она оборвала разговоръ на полуфразѣ и побѣжала въ комнату мужа.

Подозрѣніе оказалось неосновательнымъ. Арсеній лежалъ въ кровати.

Довольная ошибкой, Катерина подошла къ мужу и, наклонившись, поцѣловала его въ лобъ.

— Оставь!—рѣзко крикнулъ Муранскій.—Ахъ, эти нѣжности... ненужныя!

— Ты значитъ не спалъ? А я думала...

— Еслибы ты о чемъ нибудь думала, такъ не стала бы ни будить меня, ни мѣшать... Я нездоровъ, сказано вѣдь.

И Муранскій, отвернувшись лицомъ къ стѣнѣ, не произнесъ больше ни слова, хотя Катя изъ укоряющаго тона перешла въ нѣжный и безтактно приставала съ просьбою помириться.

— Оставь... Какъ милости, прошу... Оставь въ покоѣ!

Волей-неволей Катя ушла. На террасѣ ей было скучно, потому что Поль и Зоя говорили о чемъ-то для нея неизвѣстномъ и обмѣнивались какими-то намеками.

Муранская пробовала было вмѣшаться, но неудачно.

Поль задѣлъ самолюбіе Зои какимъ-то ироническимъ замѣчаніемъ и дѣвушка горячо возражала.

Digitized by Google

— Какъ скучно, что Софи нездорова!—сказала Катя за ужиномъ, желая подчеркнуть передъ Полемъ свою близость къ княгинѣ.

Молодой человѣкъ покосился.

— Да, отсутствіе Софьи Павловны болѣе чѣмъ замѣтно. Она вноситъ жизнь и свѣтъ...

— Сознайтесь, князь, вы влюблены въ Софи!

Эта безтактность разсердила Поля.

Недружелюбно относящійся къ Катеринѣ и считающій ее за лукавую женщину, вѣчно играющую роль простушки, Поль отвѣчалъ суровымъ тономъ:

— Я—человѣкъ не болтливый и своихъ тайнъ не высказываю. Наблюдайте, если вамъ интересно.

— О, я и то многое вижу!

Зоя и Поль переглянулись.

Желая замять разговоръ, Зоя стала разсказывать о Хрящевой.

— Забавная особа! Представьте себѣ, Поль, она вообразила себя красавицей. Какой-то художникъ просилъ ее позировать для картины и она считаетъ себя совершенствомъ. Носитъ греческій костюмъ и такую удивительную прическу, которая ее портитъ. А ея хвастовство! Все о себѣ, о себѣ.

Катерина засмѣялась и сухо замѣтила:

— Вы такъ молоды, Зоя, и такая хорошенькая, что вамъ стыдно завидовать Хрящевой.

— Я? Завидую?

— Вотъ ужь Зоя Михайловна неспособна... Я не встрѣчалъ человѣка правдивѣе!—вступился Поль.

Такой отзывъ, сдѣланный послѣ недавняго спора, польстилъ дѣвушкѣ.

— Спасибо вамъ,—сказала она и, обращаясь къ Катеринѣ, добавила:—Что хотите, но зависть мнѣ совсѣмъ чужда!

Въ другое время Катерина не стала бы возражать, но сегодня она была не въ духѣ.

Съ мужемъ—поссорилась; Зоя и Поль не ищутъ ея общества; Софи—не ужинаетъ и потому прислуга сравнительно плохо и главное не щедро подала закуски,—словомъ, нынче все раздражало Катю.

Кромѣ того, изъ разговоровъ съ Хрящевой она узнала кое-

Digitized by Google

какія новости, непріятно повліявшія на нее, и молодая женщина чуть не впервые, за время пребыванія въ Покровскомъ, показала свои когти.

Не имѣя никакихъ фактовъ, она стала говорить маленькія колкости насчетъ тѣхъ дамъ, которыя поклоняются ея мужу.

— Еслибы вы знали, Зоя, какъ я всегда потѣшаюсь надъ ними. Иная, въ родѣ Хрящевой, наговоритъ Арсенію и то, и другое,—а онъ, конечно, мнѣ сообщаетъ... Вѣдь мы дѣйствительно живемъ душа въ душу.

— Что не мѣшаетъ вамъ, однако, ссориться. Впрочемъ, милые бранятся...

— Арсеній не таковъ, какъ другіе! Такому, какъ онъ— многое извиняется.

И опять полились длинные разсказы о невѣдомыхъ дамахъ, страдавшихъ отъ любви къ Арсенію, цитировались ихъ письма, передавались слова.

Поль возмущался, а Зоя краснѣла и волновалась.

«Неужели онъ такъ откровененъ съ женою»? думала дѣвушка, со страхомъ вспоминая, что раза два, подъ вліяніемъ восхищенія, слишкомъ пылко похвалила Арсенія.

Тогда онъ поцѣловалъ ея руку, благодаря за сочувствіе, и этотъ невинный эпизодъ чаровалъ молодую головку.

«Неужели и это разсказалъ? Ахъ, какъ нехорошо»! рѣшала дѣвушка и мысленно порицала болтливость артиста.

Катерина зорко слѣдила за Зоей. Подобные разговоры она заводила съ извѣстною цѣлью. Благодаря тревогѣ или спокойствію собесѣдницъ, она безошибочно угадывала соперницу и принимала мѣры.

Видя смущеніе Зои, Муранская усмѣхнулась.

Бояться этой дѣвочки нѣтъ основанія, но, дѣлая маленькую острастку, она дастъ понять кому слѣдуетъ, что въ ея рукахъ сила, и немаленькая.

Тревога Зои не скрылась и отъ Поля. Раздражаясь при одной мысли, что и Зоя подпала подъ обаяніе артиста, молодой человѣкъ выразилъ порицаніе,—не ей, конечно, но непростительной болтливости Муранскаго.

— Если вы не ошибаетесь и вашъ мужъ дѣйствительно такъ откровененъ, то... знаете, вѣдь это несовсѣмъ по рыцарски... Выдавать чужія тайны.

Digitized by Google

— Ха, ха, ха! Я полагаю, что я ему и ближе, и дороже, чѣмъ всѣ эти психопатки.

— Но разсказывать ихъ секреты...

— Странная вещь! Вотъ и другіе тоже удивляются... Да что же, актеръ, пѣвецъ, развѣ онъ не можетъ быть тоже хорошимъ мужемъ? Что онъ принадлежитъ обществу? Я думаю, если Зоя выдетъ замужъ, то ей будетъ непріятно видѣть, что всѣ посягаютъ на ея семейное счастье.

— Вы ревнуете?

— Никогда! Я слишкомъ горда и... увѣрена, что Арсеній—мой,—съ вызывающимъ видомъ заключила она.—Вы сами понимаете, что если человѣкъ все разсказываетъ...

— Обычная уловка мужей!—подхватилъ Поль, ощущавшій желаніе позлить Катерину, возмущавшую его своимъ хвастовствомъ. — Разсказываютъ обо всемъ, кромѣ одного... Ха, ха, одного маленькаго, ничтожнаго обстоятельства, казалось бы, но въ немъ-то вся суть...

— Можетъ быть, въ вашемъ кружкѣ, но у насъ это не водится!

Такими фразами Катерина злоупотребляла очень часто, ставя противника въ спорѣ въ затруднительное положеніе.

Поль не любилъ этихъ словесныхъ турнировъ, во время которыхъ люди съ дурнымъ характеромъ успѣваютъ наговорить собесѣднику много непріятнаго и даже дерзкаго.

Ужинъ кончался, а Катя, все больше и больше оживляясь подъ вліяніемъ сытости, говорила безъ умолку.

Хваля Арсенія и передавая его побѣды, она повторялась и, какъ человѣкъ хвастливый по натурѣ, многое присочиняла.

Раза два-три Поль напомнилъ ей, что прежде—она иначе передавала такой-то фактъ. Молодая женщина обидѣлась.

— Ну, ужь относительно памяти,—я могу похвалиться. У меня память... Да, знаете ли, я Арсенію всѣ реплики подаю безъ книги.

И опять самохвальство безъ мѣры и конца. У Поля даже голова стала кружиться. Благовоспитанный и крайне деликатный съ дамами, онъ все таки не утерпѣлъ и въ чемъ-то уличилъ Катю.

— Да вотъ Зоя Михайловна помнитъ,—сослался Поль на дѣвушку, не принимавшую участія въ разговорѣ.

Онъ ожидалъ поддержки, но Зоя уклонилась, отозвавшись незнаньемъ.

Digitized by Google

Поль пожалъ плечами, порицая ненужную уступчивость, а Муранская поспѣшила подчеркнуть свою побѣду.

— Нѣтъ, ужь у меня память блестящая! Вы спросите Арсенія... Ха, ха, онъ играетъ свою роль, а я за всѣхъ могу отвѣтить. Одинъ разъ случилось...

Когда Катерина ушла наконецъ спать, князь вздохнулъ съ облегченіемъ.

— Ну, особа... Вѣдь заговорить до одури можетъ!

— Да, странное что-то сегодня съ нею...

— Задерживающіе элементы исчезли... Вѣроятно, Муранскій уже не держитъ ея въ рукахъ. Кромѣ того, попривыкла къ намъ.

— Мнѣ не понравилось, какъ она себя съ Хрящевой держала... Льститъ, заискиваетъ, но льститъ очень ловко и тонко.

— Неужели льститъ? Значитъ, это курьезъ будетъ, когда Хрящева и княгиня явятся вмѣстѣ. Бѣдная Катерина! Какъ она станетъ распластываться... Вообще не нравится она мнѣ. И потомъ, что это за манера говорить интимности, сообщаемыя мужемъ?

— Но, можетъ быть, она и тутъ хвастаетъ?—робко вымолвила Зоя.

Поль съ сочувствіемъ и страхомъ поглядѣлъ на дѣвушку.

«Неужели ей есть основаніе волноваться? Неужели восхищеніе поклонницы превратилось въ иное ощущеніе? Ахъ, какъ бы я хотѣлъ искренно и дружески предупредить Зою, предостеречь... Нельзя! Когда случится горе, когда исправить нѣтъ возможности, тогда, рыдая и сокрушаясь, внимаютъ совѣтамъ и дарятъ позднею откровенностью. Заговори теперь,—найдутъ оскорбленіемъ».

Молодой человѣкъ понималъ, что Зоя ему очень дорога, и рѣшилъ поговорить съ Софи.

Соскучившись одиночествомъ, но боясь встрѣчи съ Катериной, княгиня услыхала, что Муранская ушла къ себѣ.

Молодая хозяйка рѣшилась выйти на террасу—посидѣть съ Полемъ и Зоей.

Ей хотѣлось разсѣяться, отвлечься отъ своихъ думъ, а между тѣмъ Зоя и Поль какъ разъ разсуждали о Муранскихъ...

— О чемъ вы тутъ толкуете, мои дорогіе?

Въ бѣломъ капотѣ, стройная и изящная, Софи появилась въ дверяхъ.

Digitized by Google

Молодые люди бросились къ ней, спрашивая о здоровьѣ, предлагая принести ужинъ сюда, и усаживали въ кресло добрую, милую хозяйку.

Выраженіе ласки и нѣжности обрадовало Софи. Она тихо смѣялась и благодарила, а потомъ, желая удержать подольше возлѣ себя Зою и Поля, согласилась поужинать.

Зоя отправилась хлопотать по части ѣды, а Поль ушелъ въ буфетную, за виномъ.

— Голова теперь не болитъ и я съ удовольствіемъ съѣмъ что нибудь,—говорила Софи.—Принесите побольше... У меня апетитъ волчихи!

Молодежь ушла. Княгиня стояла, опершись на перила, и всматривалась въ глубину темнаго сада.

Ей страстно хотѣлось видѣть теперь Арсенія, но она знала, что онъ не можетъ выйти...

Но вдругъ мелькнула чья-то тѣнь...

— Арсеній Николаевичъ! Вы?

Софи спустилась съ террасы и пошла по узкой дорожкѣ, среди густыхъ кустовъ сирени.

Черезъ секунду ея не было видно.

— Зачѣмъ вы сошли! Какъ можно? Сыро, роса... Вы простудитесь!—трепетнымъ голосомъ говорила Софи, встрѣтивъ Муранскаго.—Что съ вами? Да вы нездоровы!

Арсеній Николаевичъ былъ ужасно блѣденъ и взволнованъ.

— Что съ вами? Что случилось?

— Ничего!—надтреснутымъ тономъ отвѣчалъ Муранскій.—А-ахъ, съ ума она меня сведетъ... Опять сцена, слезы, укоры... А-ахъ, мука какая!

Онъ говорилъ о женѣ, но Софи не смѣла ни сочувствовать, ни утѣшать.

— Вѣдь любитъ,—съ горечью продолжалъ Муранскій,—но терзаетъ, душу надрываетъ... Хрящева наговорила ей чего-то, и вотъ вернулась и начала... Уѣду я, Софья Павловна! Ради Бога, дайте лошадей... Сейчасъ и уѣду ночью... Или покончить все надо... Пулю въ лобъ... или я ее задушу...

Муранскій дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

— Полноте, полноте, милый... дорогой!—прошептала Софи и, сознавая, что надо утѣшить, успокоить истерзаннаго человѣка, ласково глядѣла на него.

Digitized by Google

Арсеній Николаевичъ упалъ на колѣни, прильнулъ головой къ рукамъ Софи и тихо зарыдалъ. Она гладила его волосы, она говорила что-то, не отдавая себѣ отчета, что̀ именно, и рыданія его стихали.

— Спасибо вамъ, родная... родная...

— Идите... успокойтесь... засните. Ну, будьте умницей, возьмите себя въ руки... Это нервы... Лѣчиться вамъ надо, бѣдный, милый вы мой. Какъ измучился! Васъ не щадить?

Муранскій цѣловалъ ея руки и Софи прижалась губами къ его горячему лбу. Ей было невыразимо жаль Арсенія, талантливаго, гордаго артиста, рыдавшаго возлѣ нея, какъ обиженный ребенокъ.

— Готово! Пожалуйте! Ждемъ! — раздались голоса Зои и Поля.

— Она?—съ ужасомъ прошепталъ Муранскій.

— Нѣтъ, нѣтъ, это меня зовутъ ужинать,—объясняла Софи.— Хотите, пойдемте? Вамъ хорошо бы подкрѣпиться...

Княгиня приглашала Арсенія, но въ то же время боялась, что онъ согласится.

Еще вчера—она имѣла право не опасаться подозрѣнія, но сегодня, виновная, уже избѣгала давать поводъ для какихъ нибудь заключеній.

— Нѣтъ, не пойду... Чужіе тамъ!.. Ахъ, еслибы съ вами можно было остаться... Такъ нужно отдохнуть душою... Такъ нужно, нужно!

Софи радостно слушала его слова. Да, она понимала, что возлѣ нея онъ успокоился бы. Она съумѣла бы утѣшить его, вдохнуть энергію, но... Зоя и Поль ожидали ее, волнуясь, что она простудится.

— Идите, идите домой,—отталкивая Муранскаго, говорила княгиня.—До завтра!

— А я такъ боялся—что вы разсердились...

— За что? Нѣтъ, теперь мы съ вами стали ближе... Горе роднитъ людей! Идите же, а то простудитесь...

Она тоже могла простудиться, стоя на сырой травѣ въ легкихъ туфляхъ, въ прозрачномъ капотѣ, но Муранскій не привыкъ думать о другихъ.

Когда Софи возвратилась на террасу, Поль сталъ журить молодую женщину.

Digitized by Google

— Точно ребенокъ! Ну, какъ не стыдно? Нездорова, и вдругъ по росѣ... Покажите туфли... Такъ и есть: сырыя... И зачѣмъ было ходить?

— Хорошо теперь тамъ, въ темной аллеѣ!

Зоя, подававшая княгинѣ кушанье и наливавшая вино, замѣтила чью-то тѣнь.

— Кто это прошелъ? Неужели Муранскій?

— Ну, положимъ, его не отпустятъ,—смѣясь, возразилъ Поль.—Ахъ, тетя Софи, еслибы вы присутствовали при нашемъ спорѣ съ Катериной! Вотъ особа...

И онъ передалъ сущность разговора, добавивъ:

— Неужели же Муранскій такой пошлякъ, что все передаетъ своей женѣ! Вѣдь она письма, къ нему обращенныя, чуть не наизустъ знаетъ...

— При хорошихъ отношеніяхъ между супругами...

— Ни при хорошихъ, ни при дурныхъ. Чужая тайна—святыня!—горячо отвѣтилъ Поль на робкое заступничество Софи.

— Однако... Если добродѣтельная жена получаетъ письмо отъ поклонника, должна она показать его мужу?

— Должна ли, это тоже вопросъ! Наконецъ, закона здѣсь не установилось... Мнѣ не нравится...

Поль вспомнилъ, что здѣсь сидятъ двѣ ярыя защитницы Муранскаго, и оборвалъ начатую фразу.

— Что? Что вы хотѣли сказать?

— А сердиться не будете?

— Нѣтъ, не буду!

— Честное слово? Я вѣдь знаю ваши хитроумныя уловки, Сафо?

— Обѣщаю, обѣщаю!—нервно смѣясь, говорила княгиня. Она желала скрыть, что ее волнуетъ разговоръ, переданный Полемъ, но тревога слышалась въ голосѣ, ея сквозила въ движеніяхъ.

«Неужели это правда? Неужели онъ все ей разсказываетъ?»

— Если барыня не кокетничаетъ,—началъ Поль,—я беру вашъ примѣръ,—тогда, конечно, она можетъ, пожалуй, должна показать мужу письмо отъ дерзкаго поклонника, но если она сама кокетничаетъ, сама вызываетъ?..

Digitized by Google

— Ты вотъ что придумалъ...

— Да не придумалъ я. Наблюдайте! Развѣ вашъ Муранскій не интересничаетъ? Развѣ не кокетничаетъ онъ? Еще какъ! Да вѣдь это въ крови актеровъ...

— Вотъ фантазія!

— Нисколько... Передъ одною—страданіе, передъ другою—гордость. А, да вся ихъ жизнь сплошная игра... Никогда не полюбилъ бы я актрису, никогда не повѣрилъ бы въ нее...

— Арсеній Николаевичъ слишкомъ порядочный человѣкъ... Онъ неспособенъ!—горячо замѣтила Зоя.

— Успокойтесь, я на него не нападаю, но согласитесь, мои милыя опонентки, что союзъ Муранскаго съ Катериной—странный, непонятный союзъ!

— Отчего это? Онъ любитъ жену...

Софи неувѣренно произнесла эти слова. Она угадывала, что Поль относится къ ней съ нѣкоторыми подозрѣніями, и спѣшила защититься.

— Никого онъ не любитъ, кромѣ себя! Да и въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно любить такую особу, какъ Катерина Алексѣевна!.. Вы всмотритесь, Сафо... Вѣдь это воплощенное лицемѣріе. Она — любитъ мужа, но по своему, эгоистично и не культурно. Мой, дескать, и конецъ! Но если понадобится, она станетъ смотрѣть сквозь пальцы на его увлеченіе другою...

— Вы же сказали, что онъ неспособенъ любить.

— Но увлекаться можетъ! Впрочемъ, у меня свои опредѣленія, свои ярлычки. Не умѣю глядѣть на вещи по современному. Я чуть-чуть удержался, чтобы не наговорить супругѣ вашего Адониса...

— Зачѣмъ эти насмѣшки?!

— Да злость разбираетъ, глядя, какъ за нимъ всѣ ухаживаютъ, а онъ интересничаетъ.

— Вы неправы, Поль. Муранскій столько вынесъ, выстрадалъ...

— Вотъ, вотъ! Ну, скажите, какой мужчина станетъ возбуждать къ себѣ жалость? Мнѣ пріятно, чтобы отмѣчали мою силу, а никакъ не дряблость. А Муранскій—точно нервная барышня...

Софи и Зоя горячо защищали Арсенія Николаевича, и бѣдному Полю очень досталось.

Digitized by Google

Обвиняли его и въ эгоизмѣ, и въ зависти, обвиняли, зачѣмъ крѣпокъ и здоровъ... Молодой человѣкъ велъ споръ крайне сдержанно и умно. Побѣдить Софи — онъ и не мечталъ, но ему хотѣлось предупредить Зою.

Поль такъ боялся, что дѣвушка увлечется Муранскимъ...

Вернувшись къ себѣ, Софи долго не ложилась. Она вновь переживала впечатлѣнія короткаго свиданія въ саду и сознавала, что не въ силахъ отказаться отъ того счастья, которое явилось передъ нею.

Неполное, блѣдное, робкое счастье, оно было все таки лучше того холоднаго покоя, какимъ она пользовалась.

«Люблю... люблю»!—шептала она, смотря на загорающійся востокъ.—«Душой вмѣстѣ... Все понимающій, чуткій... хорошо съ нимъ!.. Ничего дурнаго противъ Кати я не дѣлаю... ничего»!..—силилась убѣдить себя молодая женщина, но сердце возражало на холодные доводы разсудка.—«Измѣна? Вѣроломство, скажутъ? Пустяки! Между нами—сердечная дружба»...

Но когда Софи вспоминала слова Поля и представляла себѣ, что Арсеній *могъ* передать Катеринѣ все происшедшее, кровь приливала къ головѣ ея.

Молодая женщина съ ужасомъ думала, какъ она встрѣтится съ Катей.

Откровенно сознаться самой? Сказать: я люблю вашего мужа. Нѣтъ, ни за что! Можетъ быть, *въ ихъ* кружкѣ практикуется такая баснословная простота отношеній, но у нея не хватитъ силъ.

Странно! Любить человѣка, встрѣчаться съ нимъ тайкомъ—можно, а признаться въ своемъ поступкѣ—нельзя... Обманывать жену Арсенія ничего, не преступленіе; а честно и открыто сознаться въ своемъ влеченіи къ ея мужу—оскорбленіе.

Княгиня чувствовала себя выбитой изъ позиціи. Всѣ и всегда считали Софи женщиной съ принципами и сама она знала, *какъ* нужно поступить въ томъ или другомъ случаѣ, но теперь... теперь все складывалось слишкомъ оригинально.

Софи вспомнила о своемъ мужѣ, о той измѣнѣ, которая разбила всю ея жизнь, и впервые, быть можетъ, мелькнула у нея мысль:

«Пожалуй, онъ былъ не такъ виноватъ, какъ казалось. Увлеченіе»...

Digitized by Google

Но привычка относиться къ этому факту съ брезгливостью и отвращеніемъ взяла верхъ.

— Никогда!—прошептала она.—Нравственное влеченіе—не позоръ, а его я люблю душой, сердцемъ люблю. Онъ правъ. Къ такому чувству никакая жена ревновать не смѣетъ!

IX.

Хрящева, красивая, но уже не очень молодая дама, пріѣхала къ завтраку. Она осыпала любезностями Софи, льстила Полю и съ особеннымъ вниманіемъ смотрѣла на Зою.

Бойкая, вполнѣ самостоятельная барыня, она не стѣснялась ни въ выраженіяхъ, ни въ выборѣ темъ, и Софи нѣсколько коробила ея манера.

Еще зимой Хрящева держала себя иначе и походила на тонную барыню.

— Вы очень измѣнились,—между прочимъ, сказалъ ей Муранскій.

— Къ лучшему или къ худшему?

— Зависитъ отъ вкуса... Въ васъ есть нѣчто новое, очевидно навѣянное.

— Что вамъ *теперь* не нравится!

Муранскій ничего не отвѣтилъ на эту колкость, но рѣшился быть осторожнѣе.

Хрящева зорко наблюдала за нимъ и за Софи, стараясь понять характеръ ихъ отношеній.

Катерина жаловалась ей на вѣтряность мужа, на то, что дамы не даютъ ему покоя, и Хрящева, прощаясь, обѣщала «проникнуть».

Потомъ Муранская пожалѣла о своей излишней откровенности, но ей нужно же было объяснить, почему Арсеній не поѣхалъ вмѣстѣ съ нею къ Аннѣ Сергѣевнѣ.

За завтракомъ говорили объ общихъ знакомыхъ, причемъ Хрящева дала волю своему языку. Она смѣялась надо всѣми, разсказывая различныя исторіи, и Катерина оживленно вторила ей.

Сегодня Муранская являлась передъ всѣми въ новомъ, далеко не симпатичномъ свѣтѣ. Хрящева злословила о разныхъ пріятельницахъ, но она сама знала ихъ, а Катерина говорила

Digitized by Google

о незнакомыхъ и съ наслажденіемъ смаковала всякую сплетню. Не только Софи и Зоя, но даже Поль видѣлъ, что Арсеній Николаевичъ страдаетъ, порицая поведеніе Катерины. Съ нея точно слетѣла оболочка порядочности и она судачила, какъ отставная горничная, имѣющая тайную злобу противъ господъ. Хрящева поджигала ее, наводила на разныя воспоминанія, а Катерина, считая Анну Сергѣевну искренно расположенной, не замѣчала своего неловкаго положенія.

Дня два тому назадъ, Софи прервала бы этотъ разговоръ, но теперь она боялась огорчить Катерину.

Княгиня и Муранскій почти не разговаривали. Оба они чувствовали себя неловко и даже избѣгали глядѣть другъ на друга.

Скрываясь, они обличали свою тайну.

— А помните, Катя, ту исторію съ m-me Ламбиной?

— Да, да! Вотъ была потѣха!

И Катерина стала разсказывать интимную исторію, которую могла знать или сама героиня, или ея горничная. Муранскій не выдержалъ:

— Катя, княгиня незнакома ни съ этими людьми, ни съ ихъ нравами.

— Но способна интересоваться жизнью вообще! — возразила Хрящева, заступаясь за Катерину.—А вамъ скучно, такъ не слушайте.

— Пожалуйста, продолжайте, Катя. Я съ большимъ вниманіемъ...

И, насилуя себя, Софи слушала пошлый разсказъ о пошлыхъ людяхъ.

«И чего Софи такъ деликатничаетъ?—возмущался Поль.—Очень нужно! Они и такъ эксплуатируютъ ее».

Послѣ завтрака, Поль и Зоя ушли въ деревню, а Хрящева увлекла Катю, говоря, что хочетъ поправить прическу.

— Поздравляю васъ!—съ ироніей сказала она, оставшись наединѣ съ Муранской.—Влюбленъ! Безъ памяти влюбленъ!

— Кто? Въ кого?

— Вашъ мужъ влюбленъ въ княгиню. И это, знаете, не шутка. Тутъ серьезная вещь...

— Съ чего вы взяли? Просто расположенъ, уважаетъ.

— Не думала я, что и вы способны быть такою наивной!—

Digitized by Google

смѣясь, возразила Хрящева.—Когда до другихъ коснется дѣло—первая все замѣтите, а тутъ слѣпота напала. Ха-ха! Я вамъ даже больше скажу: между ними было объясненіе.

— Не думаю. Арсеній не скрылъ бы.

— А, глупости вы толкуете! Не скрылъ бы. Нѣтъ, душечка, тутъ совсѣмъ другое дѣло. Княгиня настолько богата, что можетъ похитить Арсенія. А мнѣ кажется, что она влюблена...

Катерина опустила голову.

«Вчера оставался съ нею, наединѣ... потомъ былъ не въ духѣ... Сердился, говорить не хотѣлъ... Утромъ тоже злился. Да неужели же? Прежде онъ все, все разсказывалъ, а въ послѣднее время сталъ холодный, злой... Я думала: ему Зоя нравится... Хвалитъ ее... Зои бояться нечего, но княгиня, о, съ нею бороться трудно. Но неужели же Арсеній полюбилъ»?..

— Оказывается, *вы* ревнуете моего мужа, а не *я*! — воскликнула Катерина, скрывая тревогу и страхъ, охватившіе ее.— Вотъ видите, я совершенно спокойна. Любитъ—ну, и на здоровье...

— Вы говорите серьезно?

— Совершенно...

— Не вѣрю, не вѣрю! Вы вѣдь знаете,—что̀ намъ скрываться? одно время Муранскій мнѣ ужасно нравился... съ ума сходила я. И вотъ меня особенно интриговала ваша увѣренность въ немъ. Неужели вы не боитесь соперничества Софіи Павловны?

— Арсеній никогда меня не оставитъ.

— А, понимаю! Игра словъ. Не оставитъ? Ну, порядочный человѣкъ, вотъ и все. Нѣтъ, я говорю о любви къ другой.

— Нашъ союзъ крѣпче, чѣмъ вы думаете.

— Ха-ха! Да что вы: преступленіе вмѣстѣ совершили?

— Можетъ быть, и преступленіе.

— Ахъ вы, шутница! Я, конечно, понимаю, что такая жена, какъ вы—исключеніе, рѣдкость. Онъ многимъ обязанъ вамъ, но все таки со стороны виднѣе. Я по дружески предупреждаю васъ. Берегитесь!

Все оживленіе Катерины исчезло, но она старалась владѣть собою и шутила надъ подозрительностью Хрящевой.

Одно время Анна Сергѣевна желала увлечь Муранскаго,

Digitized by Google

но это не удалось ей и теперь она радовалась, что другая собьетъ спесь у Катерины. Какъ истинный другъ, она говорила Катѣ различныя колкости и въ теченіе всего дня обращала ея вниманіе на тѣ или другія примѣты.

И, въ самомъ дѣлѣ, Катерина замѣтила нѣчто новое въ отношеніяхъ мужа и Софи.

Прежде они охотно оставались вдвоемъ, ходили по саду, сидѣли на террасѣ и долго разговаривали между собою, а теперь—казались поссорившимися.

Ревнивая досада закипала въ душѣ Кати.

Разстаться съ Арсеніемъ, уступить его другой, помириться съ положеніемъ постылой жены,—нѣтъ, никогда!

Но если онъ въ дѣйствительности любитъ Софи?

У Кати начинала кружиться голова. Она теряла способность здраво разсуждать и, мгновеньями, ей хотѣлось сказать Софи какую нибудь колкость.

Княгиня точно угадывала ея настроеніе. Всегда деликатная, она становилась еще мягче, еще любезнѣе, а Катерина, вульгарно объясняя такое отношеніе желаньемъ хитрить,—раздражалась и выходила изъ себя.

Вспышка была неизбѣжна.

Арсеній поглядывалъ на Катю, замѣчалъ злобный блескъ ея глазъ и соображалъ, какъ усмирить ее, какъ предупредить непріятность.

Средство существовало, надежное и вѣрное, но обращаться къ нему было не симпатично, хотя Муранскій много разъ прибѣгалъ къ такимъ уловкамъ.

Чтобы усыпить ревность Кати, нужно было сдѣлать ее повѣренною, разсказать какую нибудь фантастическую исторію и тогда, гордясь фиктивною откровенностью, молодая женщина не замѣчала фактовъ, бросающихся въ глаза.

Женское поклоненіе надоѣдало Муранскому и онъ отдавалъ на съѣденіе Катѣ самыхъ навязчивыхъ почитательницъ своего таланта, оберегая доброе имя тѣхъ, кто былъ ему дорогъ.

Нынче онъ готовъ былъ пожертвовать чѣмъ угодно, лишь бы спасти Софи.

Блѣдная и печальная, она была ему сегодня милѣе, чѣмъ когда либо, а между тѣмъ изъ опасенія разсердить Катю онъ не смѣлъ даже говорить съ княгиней.

Digitized by Google

«Ахъ, еслибы на минуточку отвлечь ея вниманіе, еслибы удалось шепнуть Софи нѣсколько словъ»! мечталъ Муранскій, хорошо знавшій женское сердце.

Софья Павловна дѣйствительно страдала. Двойственность положенія, испытываемая впервые, необходимость хитрить и лукавить и, наконецъ, странная, какъ ей казалось, робость Арсенія—все волновало молодую женщину.

«Наша любовь чиста, зачѣмъ же придавать ей колоритъ преступности»? думала Софи, хотя разумъ подсказывалъ ей, что слово идетъ въ разрѣзъ съ фактомъ.

Хрящева подсѣла къ Арсенію и стала говорить съ нимъ лестнымъ тономъ о лестныхъ для него вещахъ.

Сначала Муранскій отвѣчалъ разсѣянно, но затѣмъ, рѣшаясь обмануть бдительность жены, сталъ отвѣчать любезно, смѣяться и шутить.

Онъ видѣлъ, какъ поблѣднѣла Софи, и тщеславно сообразилъ: «ревнуетъ!»

— Пройдемтесь?—предложила Катерина, обращаясь къ княгинѣ.—Душно какъ здѣсь, да и кромѣ того... Жена должна умѣть во-время уходить!—добавила она со злымъ смѣхомъ.

— Но я полагаю, такая жена, какъ вы, помѣшать не можетъ!

— Я всегда такъ думала, но теперь...

— Измѣнили мнѣніе?

— Приходится. Вообще... Ахъ, Софи, позвольте мнѣ говорить откровенно?

— Пожалуйста,—вымолвила княгиня, ежась отъ нервнаго холода.

Софи не сомнѣвалась, что готовится объясненіе, и даже радовалось ему.

Муранская и Софи спустились съ лѣстницы въ садъ и сѣли на диванъ, подъ густымъ развѣсистымъ деревомъ. Обѣ онѣ молчали; одна, собираясь съ силами, другая—трепетная и робкая, сознающая свою вину.

— Хотѣли бы вы быть женою артиста, Софья Павловна?—спросила Катерина.

— Талантливаго, умнаго, доставляющаго наслажденіе и царящаго надъ толпою, да!

— Но это—сцена... Я спрашиваю о будничной жизни?

Digitized by Google

Княгиня молчала. Она ожидала поясненія. Муранская продолжала серьезнымъ тономъ.

— Любить человѣка, считать его близкимъ, своимъ, отдать всю себя на служеніе его интересамъ, да, да, это—долгъ; но видѣть, какъ первая поклонница его таланта начинаетъ играть съ нимъ, и не смѣть вступиться... Знать, что на него смотрятъ, какъ на гаэра, считаютъ чуть не общественнымъ достояніемъ, а тебя, его подругу и помощницу, называютъ обузой,—это пріятно? До сихъ поръ вѣдь актеръ и актриса не люди, нѣтъ. До нихъ снисходятъ... Сегодня госпожѣ Хрящевой угодно полюбезничать съ Арсеніемъ, а завтра явится новый protégé и она же ему не поклонится... Нѣтъ, Софи, быть женою артиста мучительно тяжело... Ему льстятъ или говорятъ правдивую похвалу—все равно, и онъ слушаетъ съ жадностью; жена тоже слушаетъ, но относится критически, понимая цѣну словамъ. Попробуй предупредить мужа! Непріятности, семейная ссора. А наши дамы... Написать актеру любовное посланіе, пригласить на свиданіе,—да это каждый день. И вѣдь знаютъ, что артистъ женатъ, съ женой его знакомы иногда... Что это, я васъ спрашиваю? Отчего каждый человѣкъ обладаетъ правомъ имѣть семью, а у актера ея не признаютъ? Отчего каждая жена можетъ ревновать своего мужа, а подруга артиста должна покорно смотрѣть, какъ отнимаютъ ея мужа, иногда отца семьи? Если замѣтятъ, что она недовольна и грустна, опять бросятъ укоръ: ты мѣшаешь его славѣ! Ха, ха, поймите, я страстно хочу его славы, успѣховъ, громкой извѣстности, но только не цѣною собственнаго несчастья.

Софи чувствовала себя страшно не ловко. Все, что говорила Катя съ непривычною серьезностью и горячностью, конечно, относилось къ ней. Надо было принять вызовъ и отвѣчать, или отказаться отъ всего.

— Эта вѣчная борьба, эта жизнь на вулканѣ, вѣдь она истомитъ!—съ горечью заключила Катерина.—Вы понимаете, я не жалуюсь на Арсенія,—черезъ мгновенье вновь заговорила она.—Чудный онъ человѣкъ, отзывчивый, пылкій... Оттого и обидно, что разбрасывается онъ. Недовольство, исканіе идеала, порыванье куда-то,—все вѣдь это губитъ талантъ, а имъ, поклонницамъ, развѣ дорого его дарованіе? Пошумятъ, поболтаютъ и перебѣгутъ къ другому кумиру... Развѣ кто нибудь

Digitized by Google

изъ нихъ способенъ полюбить талантъ, душу, а не самого человѣка?

— А еслибы нашлась такая?—начала княгиня взволнованнымъ тономъ,—еслибы къ нему, къ артисту, или къ вашему мужу, все равно, стали относиться съ самымъ горячимъ сердечнымъ чувствомъ, что̀ бы вы сказали? Погодите!—торопливо добавила она, боясь, что Катерина не дастъ ей окончить. — Представьте себѣ, что можетъ встрѣтиться женщина, молодая и красивая, старая и некрасивая, безразлично. Важна идея. И вотъ эта женщина, утратившая вѣру въ любовь... Она не хочетъ ничего, ничего не проситъ и не возьметъ. Но ей безконечно дорогъ, какъ и вамъ—его талантъ, его слава. Она хочетъ быть его другомъ, хочетъ стать между нимъ и тяготою жизни, создать обстановку, достойную его дарованія, предоставить ему всѣ средства для дальнѣйшаго развитія, и все это, повторяю, только изъ сердечной симпатіи. Какъ бы вы отнеслись къ такой... фантазеркѣ?

— Я назвала бы ее лучшимъ другомъ... сестрою. Я была бы счастлива!

Софи хотѣла протянуть ей руку и признаться, но Катерина добавила:

— Но, знаете, ничего бы не вышло, вѣроятно.

— Отчего? Вы сомнѣваетесь въ чистотѣ побужденій?

— Не то, не то! Для такой жертвы нужна недюжинная энергія, да и кромѣ того... Ахъ, вѣдь Арсеній капризенъ. Была у него одна поклонница, купчиха, милліонерша, которая театръ для него хотѣла выстроить. Онъ обидѣлся, оскорбился и даже не поѣхалъ къ ней больше. На него вѣдь какъ найдетъ!

Практичная Катерина уже сообразила громадныя выгоды будущаго. Теперь она уже не ревновала и не злобствовала. Въ ея головѣ роились смѣлые планы—снять театръ и очутиться во главѣ крупнаго предпріятія.

Надо только такъ сдѣлать, чтобы Софи поручила все ей, а не Арсенію.

— Отъ меня вашъ мужъ приметъ такую дружескую услугу, я увѣрена... Мы уже говорили...

— Уже говорили? — переспросила Катя, подозрительно всматриваясь въ просвѣтлѣвшее лицо Софи. — И онъ согласился? Но когда же это? А я ничего и не знала. Скрыли!

Digitized by Google

Муранская почувствовала себя оскорбленной и Софи поспѣшила исправить ошибку.

— Арсеній Николаевичъ не успѣлъ сказать вамъ. Мы говорили сегодня... мелькомъ... Я просила не сообщать.

Но Катерина не повѣрила. Ей казалось, что отъ нея скрываютъ какую-то тайну. Все равно, путемъ хитрости или рѣзкости, но она узнаетъ отъ Арсенія.

Теперь и княгинѣ, и Муранской стало легче. Катерина была увѣрена, что Арсеній не полюбитъ Софи, но извлечь пользу изъ симпатіи богатой и скучающей барыньки — не вредно.

Бросить нѣсколько тысячъ Софи вовсе не трудно, а для Арсенія играть на сценѣ своего театра и потомъ уже дебютировать—это громадная выгода.

Разговаривая и сообщая свои дѣловыя соображенія, Катерина и Софи ходили возлѣ террасы. Муранскому страшно надоѣла Хрящева и, кромѣ того, онъ боялся за Софи. Не могъ же онъ предполагать, что ея объясненіе съ Катериной приведетъ къ такому результату.

— Да, да,—говорила Анна Сергѣевна,—значитъ вы не знали, что антрепренеръ театра «Заря»—банкротъ! Свѣжая новость... Интересно, кто возьметъ «Зарю»?

Катерина сдѣлала знакъ Софи и вмѣстѣ съ нею появилась на террасѣ.

— Мы возьмемъ «Зарю»... соберемъ хорошенькую труппу и будемъ давать спектакли.

Муранскій пожалъ плечами и съ досадой замѣтилъ:

— Охота говорить пустяки!

— Одной аренды надо заплатить тысячи четыре. Тутъ хорошее дѣло, но только надо много денегъ...

— Нужна только энергія и здоровье, а деньги... деньги найдутся!—увѣренно вымолвила Катерина.—Ты бы хотѣлъ, Арсеній?

Княгиня нетерпѣливо ожидала его отвѣта. Хрящева поняла, на чьи деньги предпринимается эта затѣя, и съ удивленіемъ посматривала на всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Способная только на платоническіе восторги, она считала безумною такую попытку.

— Хотѣлъ ли бы я?!—оживляясь, воскликнулъ, Муранскій и лицо его просіяло, а глаза заблестѣли восторгомъ истиннаго

Digitized by Google

артиста.—Да это же баснословно хорошо! Свой театръ... Имѣть право ставить пьесы по своему выбору, поднимать вкусъ публики, развивать ее... О, какое счастье! Вѣдь тогда бы можно дѣйствительно работать, совершенствоваться...

— А что пріятнѣе: поступить на большую сцену или вотъ такъ, играть на сценѣ своего?

— И вы спрашиваете?—удивился Муранскій.—Свой театръ, да вѣдь это же верхъ счастія... Это—цѣлое королевство, цѣлый міръ въ рукахъ... Боже, одинъ такой сезонъ, только одинъ,—а затѣмъ и умереть не жаль. Одинъ сезонъ,—это рядъ боевыхъ спектаклей, это возможность провѣрить свои силы, стоять лицомъ къ лицу передъ толпою! Ни антрепренера, никакого средостѣнія... Вѣдь это же—власть, могущество. Конечно, лучше свой, конечно!—заключилъ онъ, опасаясь, что его не понимаютъ.

Софи смотрѣла на Арсенія, радостно улыбаясь. Она видѣла его восторгъ и чувствовала себя безгранично счастливой. Катерина незамѣтно пожала ея руку и шепнула ей что-то, тоже довольная и ликующая. Только Хрящева, случайная свидѣтельница странной сцены, ничего не понимала.

— Вы надо мною посмѣялись, а я повѣрилъ,—съ горечью вырвалось у Муранскаго.—И какъ я не догадался!..

Онъ опустилъ голову, смущенный и досадующій на жену. Муранскій вообще не любилъ шутокъ и сердился на всякую попытку обмануть его или подурачить. Крайне впечатлительный, онъ вѣрилъ всему фантастичному и потомъ ропталъ, если отнимали его мечту.

— И зачѣмъ было?!—началъ онъ опять.—Пришла, смутила... Да, такъ вы разсказывали, Анна Сергѣевна...

Онъ сердился даже на Софи, очевидно принимавшую участіе въ недостойной шуткѣ. Больше всего, конечно, виновата Катя, но и въ Софи онъ ожидалъ встрѣтить чуткость, а оказалось...

— Вы напрасно обвиняете Катю,—вступилась княгиня.—Мы съ нею рѣшили... Да, я беру театръ «Заря», а вы, если согласитесь, конечно, станете во главѣ его. Хорошо?

Муранскій не могъ слова выговорить. Выраженія восторга и благодарности, мечты, планы—все представляло какую-то лавину словъ и восклицаній. Софи молча слушала радостный говоръ Муранскаго и испытывала высшее блаженство. Она видѣла счастье того, кто сталъ для нея дороже всего на свѣтѣ.

Digitized by Google

Хрящева уѣхала задолго до этихъ разговоровъ. Прощаясь, она шепнула Софи:

— Вы поосторожнѣе съ ними! Актеры—народъ бѣдовый. Честны они, что̀ и говорить, но своими фантазіями разорятъ васъ.

Княгиня поблагодарила за совѣтъ, но, проводивъ гостью, сейчасъ же передала его Муранскимъ. Арсеній пренебрежительно усмѣхнулся, а Катерина стала бранить завистливую злючку.

— И сама ничего не сдѣлаетъ, и другихъ осуждаетъ! Помните нашъ разговоръ въ саду...

Но Софи ничего теперь не помнила. Еслибы ради счастья Арсенія надо было истратить все состояніе для устройства телефона на Марсѣ или заплатить за толченіе воды,—она бы не задумалась.

Муранскій былъ доволенъ, какъ дитя. Онъ то рылся въ каталогѣ, намѣчая пьесы, то, съ карандашемъ въ рукахъ, дѣлалъ смѣту расходовъ, то перебиралъ фамиліи актеровъ, достойныхъ играть въ его театрѣ.

Вся техника театральнаго дѣла была ему мила и пріятна. Онъ любилъ и запахъ декорацій, и самыя хлопоты, и тревоги—все было ему близко. Нѣсколько мѣсяцевъ вынужденной разлуки со сценическими подмостками доставляли ему страданіе, а Софи вернула ему возможность и думать о родномъ дѣлѣ, и готовиться къ нему.

— Теперь я *по своему* поставлю Гамлета,—говорилъ Муранскій, обращая къ княгинѣ свое красивое, выразительное лицо.—О, вы увидите, увидите!.. У насъ почему-то играютъ Шекспира въ тонѣ ложно-классическихъ трагедій, а это сама жизнь, сама правда. Поставлю безъ купюръ... Кромсать Шекспира—преступленіе!

— И спектакль окончится въ три часа ночи...

— Никогда! Ты не понимаешь, Катя. Въ скоромъ темпѣ должны вестись разговоры... Я не позволю актерамъ не знать ролей... Безъ суфлера пойдетъ... У насъ не понимаютъ Шекспира.

И, увлекаясь, Муранскій говорилъ красиво и горячо. Онъ изучалъ Шекспира, въ особенности Гамлета, по разнымъ комментаторамъ и, ссылаясь на Гервинуса, высказывалъ много новаго и интереснаго.

Digitized by Google

— Вѣдь какая рутина! Гамлетъ на кладбищѣ, Гамлетъ, только что вышедшій на берегъ, появляется богато одѣтый... Какъ же, принцъ! Нельзя безъ пера... А онъ только что спасся...

Софи и Катерина, обѣ слушали его съ наслажденіемъ любящихъ женщинъ, но у каждой была своеобразная окраска.

«Если онъ и начнетъ увлекаться княгиней, то театръ—лучшее противоядіе»... рѣшала Катерина. «Жить безъ увлеченія—онъ не можетъ, такъ пусть... Это—на глазахъ»!

А Софи съ нѣжностью и гордостью любовалась Арсеніемъ. Она сознавала, что между ними устанавливается нравственная связь, полная глубокаго и симпатичнаго значенія. Она уже видѣла въ мечтахъ, какъ ярко засіяетъ звѣзда славы Арсенія, она угадывала его блестящее будущее.

Катерина догадалась выйти за чѣмъ-то, а Муранскій заодно попросилъ ее принести книгу, лежавшую въ его комнатѣ.

Княгиня и Арсеній остались одни.

— То, что̀ вы дѣлаете для меня... Ахъ, Софи, какъ я глубоко, глубоко счастливъ...

Онъ цѣловалъ ея руки и хотѣлъ обнять за талію. Молодая женщина уклонилась.

— Мы только друзья...—напомнила она, хотя ей тоже хотѣлось обнять его и поцѣловать.

— У васъ было объясненіе съ нею? Да?

— Было. Она—хорошая женщина и умѣетъ васъ любить. Я дала себѣ слово, что... Катя не будетъ имѣть права ревновать... Вы тоже должны обѣщать.

Но, вмѣсто обѣщанія, Муранскій властно обнялъ Софи и, не слушая ея возраженій и просьбъ, цѣловалъ ея щоки, шею, губы, повторяя:

— Счастливъ я, милая... чудная!.. И ты, и театръ!..

Софья Павловна не сопротивлялась.

X.

Извѣстіе, что княгиня беретъ театръ, поразило Поля и привело въ восторгъ Зою.

Молодая дѣвушка восхищалась и, понимая цѣль Софи, идеализировала ея поступокъ.

Digitized by Google

По поводу этого вопроса, между нею и Полемъ произошло нѣсколько стычекъ.

Князь говорилъ:

— До какой, однако, глупости могутъ доходить умные люди! Софи—директриса театра... Софи—хозяйка предпріятія!!.

— Вы не хотите смотрѣть на вещи, какъ слѣдуетъ,—возражала Зоя.—Княгиня интересуется дѣломъ, любитъ искусство.

— Полноте, Зоя. Не въ томъ дѣло. Тутъ...

— Ну, да, да, она цѣнитъ талантъ Муранскаго и хочетъ доставить ему возможность...

— Показывать себя... рисоваться...

— Съ вами говорить нельзя! Вы раздражаетесь...

— А вы ослѣпли, Зоя, или... ну, нарочно что ли закрываете глаза!

Дѣвушка обидѣлась и отвернулась, но Поль продолжалъ:

— Неужели вы не видите, что здѣсь происходитъ? Княгиню забрали въ руки, втягиваютъ въ незнакомое дѣло: заставляютъ вести переговоры съ различными актерами и актрисами, которые спѣшатъ эксплуатировать ее... Госпожа Муранская играетъ какую то странную роль. Право, иногда мнѣ кажется, что здѣсь она—хозяйка, а не Софи... О, о, всталъ бы дядя покойникъ! Вотъ разогналъ бы всѣхъ... Репетиціи устраиваютъ, экзамены, и княгиня съ видомъ знатока слушаетъ разные монологи...

— Вы не любите Софью Павловну или любите эгоистично!—упрекнула Зоя.

— Спорить объ этомъ не стану. Я скажу только, что смотрю впередъ.

— Но не видите, какъ повеселѣла княгиня. Развѣ такая она была прежде? Скучная, блѣдная, съ разстроенными нервами, а теперь смѣется, поетъ... Вчера она прочла сцену изъ «Блуждающихъ огней»... Чудно прочла! Ее стали уговаривать играть...

— Этого еще не доставало! Ну, и что же, что же? Согласилась? Да говорите же, не томите!

— И то напрасно сказала! Вы—нетерпимый эгоистъ!

Разговоръ переходилъ на личную почву. Симпатизирующіе другъ другу, они перебранивались и говорили колкости.

— А въ васъ развивается полное безразличіе!—укорялъ

Digitized by Google

князь.—Нельзя такъ. Если и съ дурнымъ, и съ хорошимъ человѣкомъ обращаться одинаково, то вашей симпатіи грошъ цѣна...

— Есть люди, которые не все цѣнятъ матеріально!

— Вѣдь вы подружились съ Катериной. Да, да! подружились. Все вмѣстѣ! Подойти нельзя къ вамъ...

— Я не могу отталкивать расположеніе людей, къ которымъ княгиня любезна...

— Да, но вамъ не нравилась Катерина!

— Она лучше, чѣмъ ее считали.

Поль не выдержалъ.

— А я вамъ скажу, что ваша Катерина играетъ очень некрасивую роль!

— Это почему? Что вы еще выдумали?

— А то... Впрочемъ, пельзя съ вами говорить. Я вотъ самъ ей выскажу все.

Князь былъ правъ. Катерина держала себя весьма странно, чтобы не сказать больше. Она любила и ревновала Арсенія, но, вѣря его клятвамъ, что между нимъ и Софи существуетъ только «осердеченная» дружба, не мѣшалась въ ихъ дѣла. Молодая женщина постаралась поддѣлаться къ Зоѣ и такимъ образомъ, во время прогулокъ или катанья, Арсеній всегда имѣлъ возможность быть съ Софи.

Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ княгиня все сильнѣе любила Муранскаго.

Общее дѣло, которое они затѣяли, переписка съ актерами, переписка съ артистическою братіей, нахлынувшей со всѣхъ сторонъ въ теченіе первой же недѣли, составленіе телеграммъ, выборъ и чтеніе пьесъ—все сближало ихъ.

Катерина забрала волю въ хозяйствѣ и обнаруживала тонкое знаніе въ веденіи дѣлъ по театру. Она писала смѣты и высчитывала будущіе доходы, а Софи и Арсеній оставались вдвоемъ, въ будуарѣ или въ саду, проводя долгіе часы вмѣстѣ, рука въ руку.

Счастливая, княгиня чувствовала, однако, себя виноватой и передъ Катериной, и передъ домашними, но особенно передъ Катериной. Стремленіе загладить, заслужить свою вину передъ женою-соперницей, дѣлало Софи еще болѣе деликатной и предупредительной.

Digitized by Google

Муранская широко пользовалась любезностью княгини и Поль былъ правъ, говоря, что Катерина стала хозяйкой въ домѣ. Раза два Муранская отказалась отъ какого-то супа или чуть-чуть дотронулась до жаркаго, и этого было достаточно, чтобы Софи просила «милую Катю заказывать кушанья».

Вкусы всѣхъ приносились въ жертву «временщику и его супругѣ», какъ съ ироніей называлъ ихъ Поль. Онъ не любилъ тяжелой мучной пищи и молочныхъ продуктовъ, а Катерина стремилась отъѣдаться и откармливать Арсенія. Онъ не любилъ ничего жирнаго, а Катерина съ жадностью, возбуждавшею брезгливость, поглощала вареники и другія яства, вкусно причмокивая и наслаждаясь самымъ процессомъ ѣды.

Софи не хотѣла замѣчать ничего несимпатичнаго и умѣла видѣть все въ особомъ свѣтѣ. Чуткая и внимательная, она даже не интересовалась вопросомъ: что съ Зоей?

Между тѣмъ, молодая дѣвушка замѣтно перемѣнилась не только наружно, но и физически.

Блѣдная, задумчивая, она нервно вздрагивала при всякомъ стукѣ, краснѣла, если ее неожиданно окликали, и нерѣдко плакала, притаившись въ уголку сада.

Поль засталъ ее какъ-то въ слезахъ и сталъ допрашивать.

— Оставьте меня... Не надо... Я не стою вашего участья!— прошептала дѣвушка.

Князь испугался.

Онъ любилъ Зою,—серьезно, хорошо любилъ,—и если не высказывалъ еще ей прямо своего чувства, то изъ неувѣренности во взаимности. Онъ зналъ, что Зоя увлекалась Муранскимъ, но теперь, когда Арсеній прямо подчеркивалъ свое поклоненіе передъ Софи, должна же была дѣвушка опомниться. «Неужели эта нелѣпая любовь такъ сильна»?—съ тревогой спрашивалъ онъ себя.

Зоя сидѣла на скамьѣ, опустивъ головку. Она была такъ прелестна и жалка въ одно и то же время, что Поль готовъ былъ и цѣловать ее, и плакать...

— Зоя, дорогая Зоя,—прошепталъ онъ,—довѣрьтесь мнѣ. Другъ я вашъ, такой надежный, крѣпкій...

— Я знаю... я цѣню...

— А не то это все, Зоя! Будьте хорошей, откровенной! Ну, скажите, *что* васъ мучитъ?

Digitized by Google

— Меня... Нѣтъ, нельзя...

Зоя хотѣла было сказать и опомнилась.

— Вы смѣяться станете...—прошептала она, и снова слезы покатились по ея лицу.

— Честное слово даю. Клянусь всѣмъ святымъ! Смѣяться надъ вами, надъ вашимъ горемъ, когда...

— Спасибо вамъ... Я знаю, вы добрый... А вотъ другіе... Вѣдь не всѣ смѣютъ поступать одинаково. Одному все можно, а другому... другой!.. Зачѣмъ обижать? Я не отнимаю... Гдѣ же мнѣ...

— Да что случилось, дорогая?—тронутый ея жалобнымъ прерывающимся голосомъ и чисто дѣтскою скорбью въ кроткой усмѣшкѣ,—настаивалъ Поль.

Зоя оживилась. Сбивчиво и неясно передавала она какой-то эпизодъ. Тутъ были имена Софи, Катерины и Арсенія Николаевича. Кто-то что-то сказалъ и это было ужасно, ужасно обидно...

— Теперь, вы понимаете, нельзя мнѣ здѣсь оставаться,— неожиданно заключила Зоя и опять зарыдала.

— Ну, полноте, полноте, дружокъ. Какъ можно говорить: «нельзя оставаться». Развѣ вы—чужая? Своя вы, родная... Скорѣе чужіе уѣдутъ, если они осмѣлились обидѣть васъ!

— Кому уѣхать? Арсенію Николаевичу?—со страхомъ спросила она, вытирая заплаканные глаза.

— Ну, конечно, и ему, и Катеринѣ этой...

— Ай, что вы, что вы! Арсенію Николаевичу здѣсь такъ полезно, здорово. Онъ пополнѣлъ, хорошо себя чувствуетъ. Да еслибы такъ, то я лучше... убѣгу, куда попало!

— Ничего я не понимаю!—раздражаясь, воскликнулъ Поль.— Кто же васъ обидѣлъ... огорчилъ... кто?

— Никто... Просто такъ... Несправедливость.

Поль насилу добился, въ чемъ дѣло. Зоя разсказывала непослѣдовательно, и очевидно что-то скрывая. Князь мучительно чувствовалъ именно то, о чемъ она не хотѣла говорить, и по своему возстановлялъ происшедшее.

По всей вѣроятности, Катеринѣ наскучило видѣть Арсенія чуждымъ для себя и она, не смѣя говорить колкостей Софи, обрушилась на Зою.

У княгини не хватило мужества защитить молодую дѣвушку и она позволила себѣ посмѣяться надъ Зоей.

Digitized by Google

Прежде—дѣвочка стерпѣла бы, видя въ Софи благодѣтельницу и старшую, но теперь... теперь она сама стала женщиной. Она—любила.

Вотъ эта-то мысль и поразила Поля.

«Соперницы онѣ...—догадался онъ.—Какой ужасъ... Да это просто болѣзнь повальная... Внушеніе какое-то»!

— Послушайте, Зоя, отвѣтьте мнѣ на одинъ вопросъ... Честно, прямо... Если вы не захотите, ну, что же дѣлать...

Онъ выждалъ ея отвѣта. Зоя молчала.

— Скажите мнѣ, вы... любите Муранскаго?

— Не знаю,—робко отвѣчала дѣвушка.

— Не знаете?! Я хочу вамъ вѣрить, Зоя, но... если *не знаете*, значитъ это—не чувство...

— Я не виновата,—пылко заговорила Зоя,—не виновата, если меня къ нему привлекаетъ что-то особенное... Я давно уже... Еще княгиня вниманія не обращала, у меня карточка была... Люблю ли?! Ахъ, не знаю я, но еслибы онъ сейчасъ сказалъ: умри, я буду счастливъ! я не задумалась бы, честное слово... Вамъ не нравится Муранскій... вы несправедливы къ нему... Не понимаете его. Я думаю, княгиня много людей на свѣтѣ видѣла, а все таки... Цѣнитъ его, ставитъ высоко... Точно я чего хочу, прошу? Нѣтъ... Онъ даже не знаетъ, что я такъ... Иногда я сержусь на него, порицаю, а вотъ посмотритъ, скажетъ одно слово,—и жалко его, и плакать хочется, и жизнь отдалъ бы...

— Такъ... такъ... понимаю... Потребность любви... запоздалое проявленіе обожанія,—едва слышно сказалъ Поль, но Зоя не слыхала.

Ей хотѣлось излить накипѣвшее горе, благо Поль не смѣялся и не злобствовалъ, какъ всегда.

— Мы прошлись по саду съ Арсеніемъ Николаевичемъ. Добрый онъ такой, снисходительный. Сталъ говорить, чтобы я на сцену... Конечно, это только мечта... Куда же мнѣ такое счастье! Но, Господи, неужели мнѣ и помечтать нельзя? А Софья Павловна разсердилась... Сказала: образованіе нужно... Это при немъ-то! Точно я уже совсѣмъ никуда не гожусь... *Онъ* заступился за меня, а Катя и начала, и начала... Потомъ, мнѣ же еще досталось отъ княгини. Вечеръ испортила имъ... Вмѣстѣ нельзя быть... Катя себѣ головную боль сочинила...

Digitized by Google

Безалаберная, глупая сцена, но она явилась въ глазахъ Поля показателемъ происходящаго. Молодой человѣкъ глубоко затаилъ личныя ощущенія и постарался утѣшить Зою, какъ утѣшаютъ милаго ребенка.

Немножечко пожурилъ, немножечко ободрилъ, ради поддержанія откровенности, и сказалъ, что поговоритъ съ Софи.

— Нѣтъ, нѣтъ, сохрани Богъ!—умоляла Зоя.—Не надо! И такъ она думаетъ, что я вамъ передаю все... Не надо, голубчикъ, милый, добрый, не надо. Достанется мнѣ... Она знаетъ, что вы *ихъ* не любите!—грустно заключила дѣвушка.

— Потому что *васъ* люблю, Зоя, и Софи люблю!—горячо возразилъ Поль.—Дальше смотрю и вижу много, много горя. Вы обѣ душу отдаете, а тамъ—эксплуатація!

— Ну, вотъ, вотъ! Всегда тоже... Нѣтъ, Арсеній Николаевичъ ужасно честный!

— Но чужія тайны женѣ выдаетъ... На чужой счетъ живетъ?

— Я и слушать не стану.

Ссориться съ Зоей князь не хотѣлъ. Онъ понималъ, что дѣвушкѣ нужна нравственная поддержка, а не совѣты,—сердечность, а не доводы разсудка, и, бросивъ нѣсколько трезвыхъ мыслей, отнесся къ ней какъ истинный другъ.

Этотъ разговоръ происходилъ передъ вечернимъ чаемъ. Отправляясь въ столовую, Поль рѣшился слѣдить за всѣми, а завтра переговорить съ княгиней.

Онъ засталъ въ сборѣ Софи и Муранскихъ, но всѣ молчали.

— Я думала, Зоя съ тобою, Поль! Куда она все исчезаетъ?

— Она въ саду; сейчасъ придетъ...

— Арсеній, сходи за Зоей...—на зло Софи приказала Катерина.

— Зачѣмъ вамъ безпокоиться, Арсеній Николаевичъ. Сидите... сидите!

Муранскій едва успѣлъ дойти до дверей террасы, какъ Зоя появилась на порогѣ.

Полю показалось, что онъ успѣлъ шепнуть ей что-то и дѣвушка оживилась.

«Неужели между ними есть тайна? Да что же это такое»?

— Ты знаешь, что пора чай наливать, а сама пропала!—вымолвила Софи ласково, но не искренно, какъ бывало прежде.

Digitized by Google

— Извините... У меня голова болѣла...

Какъ опытныя женщины, Софи и Катя не повѣрили этой отговоркѣ, но Муранскій замѣтилъ заплаканные глазки Зои и, тщеславно угадывая, что дѣвушка плакала изъ-за него, отнесся къ ней особенно заботливо.

Арсеній подвинулъ ей стулъ, сахарницу и, слѣдя за ея движеніями, помогалъ молодой хозяйкѣ.

Зоя была въ восторгѣ. Вниманіе вѣчно разсѣяннаго и эгоистичнаго Муранскаго было рѣдкостью вообще, а сегодня, когда Софи такъ недружелюбно обошлась съ нею, эта любезность являлась протестомъ.

Молодая натура всегда восхищается протестующими людьми, но когда герой защищаетъ лично ихъ,—восторгъ сливается съ благодарностью.

Зоя улыбалась и краснѣла.

— Не давай такъ долго стоять чаю! Опять будетъ невкусный,—приказала Софи.

Дѣвушка безмолвно повиновалась и разливала чай. Муранскій, пощипывая сухарики, глядѣлъ на Зою своими большими, вдумчивыми глазами, забывая или игнорируя, что обѣ женщины завистливо и ревниво слѣдятъ за нимъ...

Полю становилось и противно, и досадно это поклоненіе, доходившее до смѣшнаго, и онъ невольно думалъ, что женщины, добившись самостоятельности, повторяютъ ошибки непрекраснаго пола.

«Мужчина увлекается актрисой, танцовщицей и ради нея забываетъ семью, разстраиваетъ состояніе и тратитъ здоровье, но все это внѣ дома, а тутъ... То же самое, но обратно, и въ болѣе жалостной формѣ. Никакой мужчина не сталъ бы такъ долго таять, какъ Софи, не сталъ бы играть подобной роли. Глупо. Смѣшно... Вѣдь онѣ обѣ, и Катерина, и Софи, ревнуютъ Муранскаго къ Зоѣ, а тотъ никого любить не въ состояніи. Дряблый, безкровный, влюбленный въ самого себя... Вотъ такіе-то эгоисты и нравятся женщинамъ. Да, да, рабыни... рабыни»!

Охваченный желаніемъ позлить и Муранскаго, и его поклонницъ, Поль сталъ говорить небрежнымъ тономъ о какомъ-то актерѣ. Вопросъ возбудилъ вниманіе. Первою вступилась Катерина. Она не переносила, чтобы въ ея присутствіи хвалили ка-

Digitized by Google

кого-либо актера, и считала всякое одобреніе другаго—обидой для Арсенія.

Поссорившись съ мужемъ по поводу интимнаго вопроса и имѣя въ виду серьезно объясниться съ нимъ потомъ, она все таки сочла необходимымъ заступиться за Арсенія.

Самъ Муранскій говорилъ о чемъ-то съ Зоей. Дѣвушка отвѣчала ему вполголоса, что̀ очевидно и интриговало, и раздражало Софи.

Княгиня прищуривала глаза и съ негодованіемъ посматривала на Поля. Его разговоръ мѣшалъ ей слѣдить за бесѣдой Зои и Муранскаго, и молодая женщина терзалась отъ ревнивыхъ подозрѣній.

«Ей что̀? ей—забава,—думала Софи.—А я... я безъ ума, безъ памяти люблю его... Не могу я больше... Я скажу Зоѣ... умолять стану»...

— Слышите, Софи, князь Поль говоритъ, что Вольскій-Каричъ хорошій актеръ! Что онъ играетъ Уріэля! Смѣетъ играть Уріэля!

Катерина съ презрѣніемъ повторяла эти отзывы и какъ бы призывала Софи на помощь.

Княгиня, всегда любившая искусство, теперь сдѣлалась театралкой въ томъ узкомъ значеніи слова, когда почитательница какого-либо одного таланта начинаетъ топтать въ грязь дарованіе и имя другихъ.

— Поль не обладаетъ особеннымъ вкусомъ. Ему простительно восхищаться Вольскимъ-Каричемъ!

— Но это—бездарность! Круглая бездарность! — шумѣла Катя.

— Еслибы Поль видѣлъ Арсенія Николаевича, тогда... Вкладывать столько ума, темперамента, выраженія—такое умѣнье рѣдко. Я даже не слыхала о твоемъ Вольскомъ. Гдѣ онъ игралъ?

— Въ Х., въ университетскомъ городѣ. Молодежь его обожала.

— А въ К. его яблоками закидали.

— Да развѣ любовь молодежи доказательство? — вторила Софи.—Важно мнѣніе единицы, людей развитыхъ, образованныхъ. Когда играетъ Арсеній Николаевичъ...

Но Муранскій дѣлалъ видъ, что не слышитъ спора. Онъ

Digitized by Google

тихо говорилъ что-то Зоѣ и дѣвушка, обернувшись къ нему, жадно внимала его словамъ.

— А вы думаете, *мнѣ* легко было добиться положенія? О, нѣтъ, нѣтъ! «Слава потомъ, а сначала голодъ да слезы»!— перевирая стихъ, продекламировалъ онъ.—Если вы твердо захотите,—скажите мнѣ. Я буду съ вами заниматься... Не нравится вамъ, что надо тайкомъ? Что дѣлать. Я самъ поклонникъ откровенности. У васъ талантъ есть... талантъ!

Голова Зои кружилась отъ радости. Но она видѣла суровые взоры Софи и подумала, что раздражить княгиню небезопасно.

Она собиралась уже отойти отъ Муранскаго, какъ Катерина, внѣ себя отъ невниманія мужа, и вдобавокъ побиваемая логикой Поля, окликнула Арсенія:

— Ты послушай только, что говоритъ князь... послушай!

— Мнѣнія свободны...

— Да, если это дѣйствительно свободныя мнѣнія,—замѣтила Софи,—а то наша публика—стадо барановъ. Кричатъ о человѣкѣ, ну, и начинаютъ увлекаться.

— Но кричать-то съ чего нибудь же начали?

— Знаемъ мы, какъ въ провинціи составляется слава. И чего она стоитъ, знаемъ!

— Помнишь, Арсеній, когда ты пріѣхалъ въ Д. Вотъ былъ сезонъ!—продолжала Катя, обращаясь къ Софи, такъ какъ въ ней чувствовала вѣрнаго союзника.—Публика въ театръ не ходитъ... актеры голодаютъ... антрепренеръ съ отчаянья запилъ. Мы пріѣзжаемъ. Первый спектакль съ участіемъ Арсенія: «Уріэль Акоста»,—сборъ небольшой, но успѣхъ... о, какой успѣхъ! А потомъ и началось, и началось. Приставныя мѣста постоянно! На сцену публика являлась, качала, на рукахъ носила.

— Это давно было?—спросилъ Поль.

— Два года тому назадъ. Да, Софи, вы подумайте, въ одинъ сезонъ Арсеній тогда получилъ три тысячи... да подарки какіе. Помнишь, Арсеній, тотъ кубокъ? Вѣдь онъ стоилъ... Сколько стоилъ?

Но Муранскому не хотѣлось поддерживать ея хвастовства. Онъ зналъ, что Поль относится къ нему недружелюбно, и предпочиталъ быть сдержаннымъ. Катерина не унималась.

Digitized by Google

Она говорила, говорила безъ умолку, возражая на каждое слово Поля, защищавшаго Вольскаго-Карича, и сообщая различные факты изъ артистической дѣятельности мужа.

Муранскій не помогалъ ей и даже слегка морщился, но все таки не прерывалъ потока хвалебныхъ рѣчей.

— Одинъ разъ, ахъ, какъ мнѣ было неловко... и пріятно, и лестно, подумайте, Софи: я стою въ уборной Арсенія, вдругъ публика ко мнѣ... Дамы цѣлуютъ, обнимаютъ, мужчины жмутъ руки, благодарятъ...

— Васъ? За что же?

— Я и сама удивилась. За наслажденіе, доставленное игрой мужа!

Катерина хватила черезъ край и всѣмъ, кромѣ нея, стало неловко.

Зоя спросила: гдѣ Муранскій игралъ Карла Моора? и Катя, какъ ни въ чемъ не бывало, начала разсказывать о грандіозномъ успѣхѣ.

Муранскій говорилъ слово, а она десять и видимо утомляла слушателей. Наконецъ, Софи удалось предоставить рѣчь Арсенію и онъ сталъ разсказывать различные эпизоды.

Говорилъ Муранскій довольно сдержанно и, благодаря этому, примирялъ съ собою Поля, зорко слѣдившаго за нимъ.

Вольскаго-Карича Арсеній не порицалъ, но снисходительнымъ тономъ сообщалъ о немъ факты, дѣлавшіе его смѣшнымъ.

— Ты слишкомъ скроменъ, Арсеній! Не такъ это было. Не такъ!—надсаживалась Катя.—Вотъ онъ говоритъ: «успѣхъ». Не успѣхъ, а овацію ему подстроили тогда! Ты все забываешь, Арсеній.

— Хорошо, хорошо! Это вовсе не интересно.

— Вы слышите, Софи? Вотъ онъ всегда такой... Въ театральной сферѣ надо себѣ цѣну знать и показывать. Заклюютъ иначе.

— Но Арсеній Николаевичъ пользуется такой славой,— ядовито замѣтилъ Поль.

— Да, пользовался любовью.

— А зимой,—подхватила княгиня,—зимой что будетъ! Я воображаю ваши успѣхи.

— Если только наши мечты не разлетятся, какъ мыльный пузырь.

Digitized by Google

Муранскій грустнымъ тономъ произнесъ эти слова.

Всѣ переглянулись и каждый по своему понялъ ихъ.

«Это все противная Зоя надѣлала», думала Софи.

«Неужели у него достанетъ благородства отказаться отъ игры въ театръ»? думалъ Поль.

«Она мнѣ хочетъ мстить!» догадывалась Катерина, а Зоя, блѣдная и печальная, не смѣла взглянуть на Муранскаго. Дѣвушка воображала, что онъ наказываетъ княгиню изъ-за нея.

Вечеръ тянулся невесело.

Когда всѣ разошлись по своимъ комнатамъ, Зоя долго стояла у окна. Она глядѣла въ садъ, думая о Муранскомъ. Сегодня онъ просилъ ее выйти въ аллею, говоря, что хочетъ посовѣтоваться съ нею. Видѣть его хотя на мгновенье, о, какое счастье! А если услышатъ... узнаютъ? Но что же тутъ дурнаго?.. Сколько разъ, ночью, она гуляла по саду, встрѣчала Поля и проводила съ нимъ цѣлые часы. Княгиня журила молодежь, но ласково, и то боясь, что Зоя простудится.

«Пойду!..» шептала она, стискивая руки. «Да, да, пойду... Онъ хочетъ сказать мнѣ что-то... Жалѣетъ... О, милый, милый... Какъ глядѣлъ сегодня на меня».

Въ саду, по дорожкѣ, мелькала чья-то тѣнь.

«Онъ ждетъ! иду, иду»!

Всѣ колебанія исчезли.

Дѣвушка накинула кружевной шарфъ и осторожно пошла къ дверямъ. Черезъ коридоръ такъ близко.

Зоя взялась за ручку и хотѣла отворить дверь, но передъ нею, на порогѣ, стояла княгиня.

— Останься!—повелительно произнесла молодая женщина.—Мнѣ нужно поговорить съ тобою!

XI.

Зоя стояла, какъ виноватая.

Смущеніе и растерянность молодой дѣвушки еще больше раздражали Софи.

Еслибы Зоя смотрѣла на нее спокойно или дерзко, какъ несправедливо оскорбляемая, княгиня была бы довольна. Но въ блѣдномъ лицѣ дѣвушки она читала подтвержденіе сво-

Digitized by Google

ихъ опасеній и мучительно терзалась. Гордость и страхъ боролись въ ея душѣ.

— Куда ты шла? Куда ты собиралась?—сурово спросила Софи.

Ни лгать, ни притворяться Зоя не желала.

«Довольно! Что будетъ, то будетъ».

Эти нѣсколько недѣль тягостной двойственности возбудили рѣшимость дѣвушки.

«Одно что нибудь... одно!» твердила она мысленно и теперь сама удивилась, какъ ровно и спокойно прозвучалъ ея голосъ.

— Я шла въ садъ... Прогуляться...

— Свиданіе?.. Съ *нимъ*?..

Трудно было начать разговоръ, но послѣ первыхъ двухъ фразъ положеніе опредѣлилось.

Здѣсь не было старшей и младшей, независимой и зависимой.

Одна допрашивала, правда, но и другая не робѣла.

— Съ кѣмъ? Съ Полемъ, вы думаете?

— Ты знаешь, о комъ я говорю! Безъ увертокъ, пожалуйста!

Зою покоробило, но она рѣшилась быть твердой.

— Я хотѣла видѣть Арсенія Николаевича. Онъ въ саду.

— Ты его любишь? Да? Отвѣчай же! Да? Да?

— Люблю.

— Я такъ и знала. А онъ... тоже?

Вопросъ былъ сдѣланъ шопотомъ. Софи жадно ожидала отвѣта. Одно слово,—и все будетъ кончено. Зоя станетъ для нея ненавистнымъ врагомъ или жалкимъ ребенкомъ.

— Я спрашиваю,—нетерпѣливо повторила княгиня,—любитъ онъ тебя?

— Не знаю.

Выраженіе радости освѣтило лицо Софи, но она сдержала себя.

— Къ чему же это поведетъ? — продолжала она мягче, опускаясь въ кресло. — Ты слышишь, я спрашиваю: къ чему это поведетъ?

— Не знаю! — также тихо, но съ мрачнымъ выраженіемъ отвѣчала Зоя.

Digitized by Google

Нѣсколько секундъ обѣ молчали.

— Я понимаю тебя,—заговорила Софи, не смотря на дѣвушку, стоявшую возлѣ нея въ полъ-оборота и глядѣвшую въ садъ, на мелькавшую фигуру Муранскаго.

Зоя думала: зачѣмъ, по какому праву ворвалась Софи въ ея душевный міръ, зачѣмъ допрашиваетъ?

Вѣдь никому она не мѣшала!.. Но Софи—благодѣтельница. Она вольна дѣлать, что угодно.

Нехорошее чувство закипало въ душѣ дѣвушки, но она заставила себя слушать рѣчь княгини.

— Я понимаю, что нельзя не полюбить Муранскаго... Такіе люди—исключеніе. Его талантъ, симпатичность привлекаютъ, манятъ... Я виновата, что пригласила его, не подумавъ о тебѣ. Подобное искушеніе не могло пройти безслѣдно, тѣмъ болѣе Арсеній Николаевичъ такъ добръ и снисходителенъ...

«Что обратилъ на тебя вниманіе», хотѣла она сказать, но Зоя и безъ этихъ жестокихъ словъ поняла сдѣланную шпильку.

— О, вы не виноваты! Еще тогда, зимой... Помните, его бенефисъ... Лавровый вѣнокъ... Я послала... Тогда еще!..

Зоя говорила это съ гордостью, съ вызовомъ. Софи прошептала:

— Я догадывалась... Но одно время, я думала, ты успокоилась... Съ Полемъ у тебя отличныя отношенія.

— Ахъ, да развѣ это одно и то же? Кто же, кто можетъ сравниться съ Муранскимъ? Вѣдь Арсеній Николаевичъ, развѣ онъ обыкновенный человѣкъ? Ну, ну, и чувство къ нему тоже необыкновенное.

— На что же ты надѣялась, Зоя?—тронутая ея пылкостью, спросила Софи.

— Ни на что!.. Какъ надѣялась?

Правдивый отвѣтъ дѣвушки пристыдилъ княгиню.

По инстинкту всѣхъ любящихъ, она только свое чувство считала чистымъ и идеальнымъ. Всѣ другія любили грѣховно или изъ выгоды. Но Зоя стояла также высоко, если не выше...

— Онъ не любитъ Катю, не можетъ ее любить,—убѣжденно продолжала Зоя.—Развѣ такая жена ему нужна?! Но чтобъ я... смѣла мечтать? Никогда! Его подруга, женщина, которую онъ полюбитъ, должна быть... особенная... Такой и нѣтъ, какую я воображаю.

Digitized by Google

— Ты думаешь, онъ не любитъ Катю?

— Конечно, нѣтъ... Онъ—снисходитъ... жалѣетъ...

— Однако, она имѣетъ власть...

— Ахъ, я знаю, въ чемъ дѣло. Деликатный, добрый, обидѣть боится, а она—ревнуетъ...

— Ревнуетъ? ты сказала: ревнуетъ?

— И какъ еще! Только у нея своя система... Безъ упрековъ измучитъ.

— Онъ тебѣ жаловался?

— Случайно, вырвалось... Потомъ, я сама слышала... Несчастный онъ... Такого человѣка не цѣнить!

Въ стекло ударилась горсть песку.

Наскучавшись вдоволь, Муранскій напоминалъ о себѣ.

Зоя бросилась къ окну.

— Не ходи! Не ходи!—хватая ее за руки, шептала Софи.— Умоляю... Мнѣ нужна ты... хочу... откровенно...

— Не могу! Завтра!—звучнымъ голосомъ произнесла Зоя, открывая окно.

Муранскій мгновенно исчезъ въ тѣни деревьевъ, мысленно выбранивъ дѣвушку за громко сказанныя слова.

Играть въ любовь—ему было пріятно, но имѣть сцены съ Катей или видѣть печаль Софи было уже непріятно.

Поэтическая привязанность Зои не могла не льстить Муранскому, но ничего серьезнаго онъ не ждалъ, да, пожалуй, и не хотѣлъ.

Посмотрѣвъ на окна Зои, онъ пошелъ къ себѣ, не подозрѣвая, конечно, что тамъ, за розовыми занавѣсками, говорятъ о немъ; что двѣ милыя, хорошія женщины переживаютъ моменты остраго страданія.

— Сядь, Зоя, и слушай меня,—усталымъ голосомъ начала княгиня.—Я люблю Арсенія... люблю безгранично, горячо и чисто! Для меня—все въ немъ, все... и радость, и горе... Эта привязанность... Ты не поймешь ея... Надо выстрадать столько горя въ семейной жизни, надо перенести годы полнаго нравственнаго одиночества, чтобы понять...

Зоя порывисто обняла Софи.

Благодарила ли она за откровенность, видѣла ли въ ней сестру по страданію, неизвѣстно.

Княгиня печально улыбнулась и кивнула головой.

Digitized by Google

— Я была очень, очень несчастлива съ мужемъ. Любила я его глубоко, беззавѣтно, а онъ—насмѣялся, оскорбилъ... Я думала, что для меня навсегда покончена жизнь сердца. Но въ мои годы отречься отъ любви—тяжело! Твоя мать, Боровская, умирая, поручила тебя мнѣ и я думала, что заботы о тебѣ наполнятъ мое существованіе... Нѣтъ... Тоска, неудовлетворенность преслѣдовали меня. Любви—я боялась. Ошибиться въ такомъ человѣкѣ, какимъ я считала своего мужа,—о, это такое горе, невѣроятное горе!

Софи закрыла лицо руками. Ей живо представилась картина прошлаго и тѣ нравственныя униженія, которыя она вынесла. Никогда, кажется, не забыть, не изжить этихъ сценъ. Вотъ, словно даръ судьбы, явилась новая любовь, но и та грозитъ доставить горе... За что же? За что?

Зоя слушала разсказъ княгини, еще впервые посвящавшей ее въ свое прошлое, и не понимала причины ея откровенности. Все это она знала, правда, отъ другихъ, но душевно жалѣла молодую женщину за ея печальное прошлое.

«Но зачѣмъ Софи говоритъ объ этомъ теперь, зачѣмъ мнѣ разсказываетъ»? думала Боровская, зная, что такъ или иначе, а разговоръ окончится наставленіемъ...

Она готовилась дать отпоръ и была глубоко поражена, когда Софи продолжала тихимъ просящимъ голосомъ.

— Слушай, Зоя... Пойми меня. Говорить подробнѣе—тяжело. Ты — неглупая дѣвушка, а любовь къ нему сдѣлала тебя болѣе чуткой... Ну, слушай же, слушай...

Княгиня привлекла Зою за руку и усадила возлѣ себя.

— Я люблю Муранскаго,—какимъ-то восторженнымъ шопотомъ продолжала она.—Онъ—тоже... сказалъ... любитъ... Ничего я не хочу, никакихъ измѣненій... Ты не поймешь, пожалуй,—вставила она быстро, боясь встрѣтить усмѣшку недовѣрія.—Надо столько пережить, сколько я, надо извѣриться въ людей такъ, какъ я, чтобы не желать новаго брака...

«Да Катерина никогда и не допуститъ ничего подобнаго!» подумала Зоя.

Софья Павловна продолжала. Она говорила о своей идеальной любви къ Арсенію, о томъ исключительномъ союзѣ, какой они, заключили, и, сама не вѣруя въ его жизненность, старалась убѣдить Боровскую въ томъ, что это—идеалъ отношеній.

Digitized by Google

«Чего же она такъ боится и ревнуетъ»?—снова соображала Боровская. «Отчего она помѣшала мнѣ идти въ садъ?»

— Вся моя жизнь, все мое счастье—въ немъ одномъ!—пылко говорила Софи.—Потерять его, нарушить наши чудныя отношенія,—нѣтъ, нѣтъ, это смерть!.. Ты молода, Зоя, очень, очень молода... Для тебя соприкосновеніе съ такимъ человѣкомъ, какъ Арсеній, опасно и потому... Мой долгъ запретить... Видѣться съ нимъ наединѣ—тебѣ не слѣдуетъ... Я требую, чтобы этого не было...

Инстинктивно понимая, что слова ея не убѣдительны, доводы слабы, а приказанія неспособны тронуть сердце дѣвушки, княгиня быстро перемѣнила тонъ. Вмѣсто приказанія, мольба зазвучала въ ея голосѣ и Боровской становилось сердечно жаль ту, которую она привыкла уважать.

— Онъ такой впечатлительный,—говорила Софи.—Его увлекаетъ всякая новинка, особенно, если онъ вообразитъ, что у тебя—талантъ... учить станетъ... Ничего серьезнаго между вами не можетъ быть, я знаю... убѣждена, но Зоя, милая, я измучусь, изстрадаюсь!.. Умоляю тебя... Умоляю!..

Софи обняла Боровскую и прильнула къ ея груди. Дѣвушка слышала, что княгиня дрожитъ отъ рыданій, и чувство жалости переполнило ея душу.

— Что я могу сдѣлать? Что?

Зоя вложила въ словечко «что» столько нѣжности, что княгиня угадала въ ней не только истиннаго друга, но и такого друга, который не задумается надъ самопожертвованіемъ.

Ей стало неловко, почти стыдно. То, чего она хотѣла потребовать, на что, казалось, имѣла право, представлялось теперь въ иномъ свѣтѣ.

— Скажите, дорогая... Ну, хотите, я уѣду?.. Не буду съ нимъ встрѣчаться?

— Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ... Нѣтъ, не надо!—увѣренно заключила она, понимая, что отсутствующая Зоя опаснѣе, чѣмъ находящаяся здѣсь.—Я говорила глупости. Ничего не надо... ничего. Будь съ нимъ по прежнему. Я прошу тебя!

Порывъ великодушія княгини оказался безцѣльнымъ.

— Нѣтъ, Софья Павловна, прежнее отношеніе невозможно,—грустно возразила Зоя.

— Отчего? Отчего невозможно?

Digitized by Google

— Такъ... Я какъ-то не думала... не отдавала себѣ отчета... Меня влекло къ нему, а что это?.. я не понимала... Не хотѣла понимать!—заключила Боровская.

— А теперь?

— Потомъ, — вы не сердитесь, — эти ревнивыя вспышки Кати... подозрительные взгляды... Мнѣ стало ясно, что всѣ только говорятъ о чистой хорошей любви, а сами... Неужели только *вы* можете любить идеально, а другія... сейчасъ и преступленіе... опозорить хотятъ? Больно это и обидно очень...

Упрекъ былъ справедливъ. Щемящая тоска разросталась въ душѣ Софи, и она поняла, что не только не улучшила, но ухудшила положеніе своимъ объясненіемъ съ Зоей; поняла, что разговоры о чистотѣ чувства были въ ея устахъ только фразою, которою она ласкала свой слухъ.

Чистая, идеальная любовь и—ревность! Да, это несовмѣстно... Зоя, наивная, не вѣдающая жизни, та не рисуется... Она, только она одна, *можетъ* любить его идеально, и поэтическій колоритъ ея отношеній, конечно, волнуетъ Арсенія...

И опять заболѣло сердце Софи, опять зашевелилось чувство злобы противъ Зои.

— Теперь я совсѣмъ измѣнюсь,—продолжала Боровская.— Я вѣдь и не думала, что мое чувство такъ замѣтно, что всѣ имѣютъ право упрекать меня... Сколько я выслушала отъ князя...

— Онъ тебя любитъ, Зоя!

— Да, кажется... Но развѣ это даетъ право требовать отъ меня невозможнаго? Я понимала любовь, какъ желаніе доставлять человѣку покой, радость, счастье, а являться деспотомъ—развѣ это любовь?

«Она гораздо умнѣе, чѣмъ я думала», мелькнуло въ головѣ Софи. «До сихъ поръ она боялась разсуждать при мнѣ... я была только старшею... Я просмотрѣла ея развитіе... Да, она *можетъ* нравиться Арсенію!»

И княгиня глядѣла на Боровскую, какъ посторонняя, примѣняясь къ уровню и вкусамъ Муранскаго. Она замѣчала въ ней ту дѣвическую свѣжесть чувства и ясность взора, которыхъ не умѣетъ вернуть женщина, пожившая и испытавшая сердечныя бури. «А вѣдь именно такая натура и должна нравиться Арсенію, вращающемуся среди женщинъ инаго по-

Digitized by Google

шиба»... съ горечью думала Софи. Сама она дѣлала ошибки, грубыя, какъ теперь оказывалось... Стремясь установить дружеское общеніе между собою и Муранскими, она спускалась до ихъ уровня и нерѣдко поддѣлывалась, желая быть болѣе понятной, а тѣ... тѣ приходили къ заключенію, что и богатыя, образованныя женщины такія же по натурѣ, какъ любая актриса. Зоя — оставалась сама собою и, оригинальная, строго естественная, должна была привлечь Муранскаго. Оттого-то и Катерина, не ревнующая къ мужу княгиню и обратно, такъ взволновалась, замѣтивъ нарождающуюся симпатію къ Зоѣ. Все это скользило въ головѣ княгини, но Боровская, овладѣвъ собою, высказывала свои мнѣнія.

— Теперь мнѣ стыдно... Ахъ, какъ мнѣ мучительно стыдно,—говорила дѣвушка съ тоскою.—Какъ бы я хотѣла не видѣть никого!

— Отчего стыдно? — ощущая свою виновность, спросила Софи.

Боровская пожала плечами.

— Въ душу ворвались... Разбираютъ... судачатъ. Точно дѣло кому до меня!.. Вѣдь еслибы не онъ,—порывисто добавила она,—а Катерина была такая... Еслибы ее стала я любить, восхищаться,—не преслѣдовали бы меня... Значитъ...

— Прости, Зоя... прости! Я поступила грубо...

— Васъ я не обвиняю,—подумавъ, возразила Боровская.—*Вы* любите его, вы — умѣете любить... Господи, да еслибы у меня было состояніе, милліоны, я бы все, все ему отдала... къ ногамъ положила. На, совершенствуйся, завоюй всемірную славу!.. Я васъ уважаю, потому что вы такъ и любите! Этотъ театръ—вѣдь для него... Вы тоже хотите, чтобы его имя гремѣло! Чудное, великое дѣло... Вѣдь вы не измѣните своего плана? Не откажетесь?

— Ни за что на свѣтѣ!

— А я... боялась,—просто созналась дѣвушка.—И онъ тоже боялся, что ваша прихоть пройдетъ.

— Какъ онъ мало меня знаетъ!..

— И какая награда для васъ въ будущемъ... Вотъ оно, счастье!.. Видѣть *его* славу и знать, что *вы* доставили ему эту возможность.

Княгинѣ опять стало неловко. Въ глубинѣ души она созна-

Digitized by Google

вала, что Зоя и лучше, и чище любитъ Муранскаго... А между тѣмъ она вымолила у нея жертву... огорчила дѣвушку, вырвавъ завѣтную тайну.

«Ахъ, зачѣмъ на моей сторонѣ права старшинства и положенія, зачѣмъ все такъ неладно складывается»? думала Софи, разставшись съ Боровской. «Не надо было вмѣшиваться и поддаваться глупой ревности!»

Княгиня порицала себя, но все таки гдѣ-то, въ мрачномъ уголкѣ ея себялюбивой натуры, копошилось сознаніе, что Муранскій дорожитъ ею и будетъ дорожить во что бы то ни стало, потому что *она нужна ему...*

Это сознаніе омрачало характеръ Арсенія, низводило его къ банальному типу практика; но бываютъ положенія, когда женщина охотнѣе станетъ думать о любимомъ человѣкѣ, какъ о преступникѣ, чѣмъ о способномъ измѣнить ей.

Такъ ревнивая жена, трепещущая при мысли, что мужъ можетъ увлечься другою, утѣшаетъ себя надеждой, что къ ней—онъ *долженъ* вернуться. Глубина чувства и мелочность въ разсужденіяхъ—странно сливаются въ натурѣ женщинъ. Ожидая грядущаго горя, тоскуя и изнывая, она способна вспоминать и о томъ, что мужу понадобятся чистый платокъ и сорочка, и потому онъ все таки придетъ домой...

«Если любовь дѣвочки, хорошей, милой, но все таки дѣвочки, — дороже *моей* привязанности, пусть... пусть! Хорошо же онъ любитъ искусство, театръ! Неужели Арсеній промѣняетъ сцену на тихій уголокъ съ Зоей? Да и Катерина никогда не позволитъ».

Въ законной соперницѣ княгиня чувствовала союзницу и, какъ это ни странно, но знала, что Катя на ея сторонѣ.

К. Назарьева.

(Окончаніе будетъ).

Digitized by Google

НАША МУЗЫКАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ.

(1893 — 94 гг.).

II. Малый театръ.

Антреприза этого театра задалась слишкомъ широкой задачей—ставить оперы и оперетки; очевидно, одна изъ этихъ отраслей должна была пострадать и, къ сожалѣнію, это случилось именно съ оперой. Для насъ, по крайней мѣрѣ, причина ясна: частныя оперныя сцены до тѣхъ поръ не будутъ въ состояніи существовать самостоятельно (въ столицахъ, конечно) пока каждая изъ нихъ не выработаетъ своей самостоятельной программы дѣятельности, своего собственнаго репертуара, своей артистической физіономіи. Нѣтъ ничего легче, какъ дѣйствовать на массу въ извѣстномъ легкомъ направленіи (оперетки, цыганскія пѣсни и пр.) и нѣтъ ничего труднѣе, какъ пріучить публику къ чему либо серьезному, новому; для такого дѣла нужны: терпѣніе, средства, время и умѣнье. Едва ли всѣ эти данныя имѣлись въ наличности у антрепренера, взявшагося сразу, съ одной стороны, развращать вкусы своихъ потребителей, а съ другой—просвѣщать ихъ. Понятно, что первое легче, выгоднѣе, прибыльнѣе и пр.

И загубила антреприза свое оперное дѣло, начатое какъ будто въ серьезъ! Попробовала она поставить двѣ-три новыхъ оперы,—публика не сразу окупила эти расходы; вмѣсто того чтобы бороться съ ней, идти къ намѣченной себѣ цѣли, антреприза рѣшила отправиться публикѣ на встрѣчу, т. е. давать ей то, къ чему она привыкла; въ результатѣ опера, конечно, не могла конкурировать съ опереткой; оперы ставились какъ нибудь; и тутъ пущены въ ходъ пресловутые «Паяцы» и «Сельская честь»; пошли сравненія съ казенной сценой и, конечно, въ ущербъ Малому театру. Затѣмъ антреприза прибѣгла къ единственному якорю спасенія—къ приглашенію гастролеровъ; къ несчастью, ея выборъ палъ на многошумную и ничего въ сущности не стоющую г-жу Никитà, которой пришлось платить по 600 руб. за выходъ, сумму, которая едва выручалась отъ вечеровыхъ сборовъ.

Пришлось и ее отпустить съ миромъ; къ тому же она пѣла въ заигранныхъ операхъ («Риголетто», «Фаустъ», «Миньона» и др.) на французскомъ языкѣ; другіе пѣли по итальянски, третьи—по русски и всѣ, въ сущности говоря, неважно, за исключеніемъ баритона г. Тартакова, приглашеннаго послѣ удачнаго дебюта въ со-

Digitized by Google

ставъ труппы казенной сцены. Поднять оперное дѣло не представлялось никакой возможности и антрепренеръ долженъ былъ, кажется, даже раньше срока ликвидировать дѣло и распустить труппу на всѣ четыре стороны. Мы остановились на исторіи этого театра только потому, что она типична и въ то же время не исключительна въ своемъ родѣ, а заговорили мы о Маломъ театрѣ лишь потому, что тамъ поставлены были двѣ новыя для Петербурга оперы: «Боабдиль»— Мошковскаго и «Уріэль Акоста» — г-жи Сѣровой (вдовы автора «Юдиѳи»); объ этихъ двухъ произведеніяхъ мы и скажемъ нѣсколько словъ, упомянувъ при этомъ, что здѣсь же впервые шелъ по русски (и очень недурно) «Гамлетъ»—Томà, съ г-жей Каратаевой и г. Тартаковымъ въ партіи Офеліи и Гамлета.

1.

«*Боабдиль*». Сюжетъ этой оперы трактуетъ борьбу испанцевъ съ маврами въ концѣ XV вѣка. Опера эта почему-то понравилась въ Берлинѣ и, благодаря нѣкоторому шуму, натворенному ею тамъ, и мы съ ней познакомились. Мошковскій собственно операъ не писалъ и составилъ себѣ нѣкоторое имя другими сочиненіями, имѣющими сравнительныя достоинства. Какъ первый опытъ, и «Боабдиль» интересенъ въ извѣстномъ смыслѣ, но не въ такой степени однако, чтобы ставить его, какъ репертуарную вещь. Такъ какъ содержаніе его едва ли извѣстно читающей публикѣ, то скажемъ объ этомъ пару словъ. Въ операѣ три акта и четыре картины (во второмъ—двѣ); но каждая изъ нихъ длится добрый часъ, а это крайне утомительно, въ особенности если разыгрывающійся сюжетъ слишкомъ отдаленъ отъ насъ не только временемъ, но и пространствомъ, какъ разсматриваемый, напримѣръ.

Первое дѣйствіе происходитъ въ Кордовѣ. Народъ ожидаетъ появленія графа Кабра, одержавшаго блестящую побѣду надъ маврами и взявшаго въ плѣнъ ихъ короля Боабдиля, съ его матерью Аиксой. Народъ привѣтствуетъ своего любимца, полководца; самъ король Фердинандъ обнимаетъ его, но Кабра не можетъ забыть, что мавры отняли у него дочь Эльвиру. Между тѣмъ является мавританка Зорайя, со своими подругами, и проситъ короля пощадить жизнь Боабдиля, котораго она очень любитъ, платя ему только взаимностью, и тутъ же кладетъ къ ногамъ короля разныя драгоцѣнности и, между прочимъ, медальонъ съ портретомъ ея матери, въ которой Кабра узнаетъ свою жену; такимъ образомъ оказывается, что Зорайя есть Эльвира, т. е. дочь Кабра. Король даруетъ Боабдилю жизнь и тронъ. Кабра, ненавидящій мавровъ, даетъ себѣ слово мстить имъ, и въ особенности Боабдилю, любимому его дочерью. Мать Боабдиля совѣтуетъ ему не довѣряться христіанамъ.

Второй актъ—въ Гренадѣ, у Боабдиля. Мечтанія его о счастьѣ съ Зорайей прерываются появленіемъ матери, которая не въ состояніи примириться съ мыслью о томъ, что сынъ ея—вассалъ, и подстрекаетъ его: оружіемъ возвратить себѣ и народу независимость,

Digitized by Google

да кстати силой вырвать изъ рукъ испанцевъ любимую имъ дѣвушку. Послѣдняя, однако, предупреждаетъ обстоятельства; она сама бѣжала изъ Кордовы и молодые люди, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, рѣшаютъ повѣнчаться; свадьба происходитъ во второй картинѣ и заканчивается, какъ часто бываетъ въ операхъ, большимъ скандаломъ. Кабра вытаскиваетъ свою дочь изъ подъ балдахина. Боабдиль пронзаетъ мечемъ испанское знамя, призывая народъ къ возстанію. Послѣднее дѣйствіе—поле битвы. Кабра, переодѣтый нищимъ, условливается съ врагомъ Боабдиля, нѣкимъ Юзуфомъ, какъ умертвить Боабдиля; Зорайя, подслушавшая уговоръ, умоляетъ отца пощадить жизнь мужа; но Кабра, конечно, неумолимъ. Зорайя рѣшается отправиться съ мужемъ на войну. Кабра убиваетъ свою дочь, которая стояла на посту въ плащѣ, въ которомъ, по описанію Юзуфа, долженъ былъ быть Боабдиль. Испанцы возвѣщаютъ о побѣдѣ. Боабдиль убиваетъ Кабра, самъ бросается на испанскіе мечи и умираетъ возлѣ обожаемой имъ Зорайи.

Сюжетъ изобилуетъ эффектами и даетъ композитору благодарный матеріалъ; къ сожалѣнію, нашъ авторъ далеко имъ не воспользовался въ той мѣрѣ и степени, въ какихъ можно было бы (и слѣдовало бы, прибавимъ въ скобкахъ), взявшись за этотъ сюжетъ. Изъ содержанія не трудно убѣдиться, что личныя столкновенія героевъ довольно таки избиты: полководецъ, льстящій врагу, любовный эпизодъ, мать-фанатичка, подстрекающая сына-короля къ возстанію и освобожденію своего народа изъ плѣна, свадебная процессія и пр.,—все это не ново, хотя и интересно. Подкупить насъ, заинтриговать, привязать къ своимъ героямъ композиторъ могъ бы только въ томъ случаѣ, еслибы онъ *музыкально* охватилъ трактуемый имъ сюжетъ. Случай къ этому представился прекрасный: борьба двухъ національностей (испанцевъ и мавровъ) создала бы прекрасную канву; автору стоило только обратиться къ народному мелодическому богатству той и другой національности. Къ сожалѣнію, онъ этого не сдѣлалъ и мы имѣемъ шаблонную оперу.

Почему «Аида» Верди, отодвигающая насъ гораздо дальше, чѣмъ «Боабдиль», занимаетъ насъ и обошла весь міръ? Потому что композиторъ своей музыкой переноситъ насъ въ другой міръ, въ другую эпоху, его музыка не знакома намъ со вчерашняго дня; мы ея не знаемъ, но она возбуждаетъ въ насъ любопытство своей оригинальностью, красотой, характеромъ. Чтобы «Боабдиль»,—сюжетъ котораго въ общихъ чертахъ близокъ къ сюжету «Аиды»,—насъ захватилъ въ такой же мѣрѣ, нужно было, чтобы композиторъ настолько же основательно изучилъ испанскую и мавританскую музыку, насколько Верди—египетскую. Это, конечно, относится только къ общему фону музыки, который могъ бы быть гораздо рельефнѣе въ разсматриваемой оперѣ, чѣмъ онъ есть теперь. Реальныя художественныя требованія пустили слишкомъ глубокіе корни, чтобы съ ними не считаться и въ музыкальныхъ произведеніяхъ. Трудно себѣ представить русскаго мужика, дающаго серенаду какой нибудь испанкѣ. Условія мѣста и времени играютъ въ искусствѣ большую роль.

Правда, кое-какія мѣста въ «Боабдилѣ» свидѣтельствуютъ о

Digitized by Google

томъ, что авторъ сознавалъ необходимость мѣстнаго колорита (и эти мѣста, прибавимъ кстати, лучшія въ операѣ), но ихъ слишкомъ мало въ сравненіи съ тѣмъ количествомъ страницъ, которое выпало на долю безразличной музыки, т. е. такой, которая мало опредѣляетъ данную національность или личность. Мошковскій прибѣгъ къ обычному якорю спасенія современныхъ композиторовъ—къ речитативу; но этотъ якорь далеко не всѣхъ спасаетъ: у кого нѣтъ природнаго дара лаконически выразить свои мысли въ музыкальныхъ періодахъ, тому не удастся достичь своей цѣли, у него получится наборъ звуковъ, иногда болѣе или менѣе остроумный, благозвучный, но въ большинствѣ случаевъ все таки мало характерный въ устахъ даннаго лица или данной героини. Музыкальные характеры создаются мелодіей; вспомнимъ героевъ «Донъ-Жуана», «Гугенотовъ» или «Руслана и Людмилы»: каждый персонажъ здѣсь выражается своимъ музыкальнымъ языкомъ и поэтому они долговѣчны.

Вагнеровская система Leitmotiv'овъ,—т. е. музыкальныхъ характеристикъ посредствомъ разъ навсегда придуманныхъ коротенькихъ (иногда даже въ два такта) фразъ,—весьма дешевый способъ охарактеризовать личность; но не въ этомъ одномъ заключается зло. По его стопамъ пошли многіе; придумать разъ навсегда два или три такта для такого-то лица или для такого-то предмета (вѣдь у него и предметы—огонь, мечъ, чаша и пр.—имѣютъ свои два такта) штука вовсе не такая мудреная; это тѣмъ болѣе удобный способъ, что, благодаря ему, можно и безъ всякой драки «попасть въ большіе забіяки» (попалъ же самъ Вагнеръ въ «геніи»). Вотъ отчего мы видимъ такое огромное количество посредственныхъ и даже бездарныхъ композиторовъ въ послѣднее время. Вагнеръ всѣмъ доказалъ, что и безъ мелодическаго дара можно (временно, конечно) попасть въ реформаторы, апостолы и геніи. Его примѣръ былъ заразителенъ для многихъ и отъ его послѣдователей покуда нѣтъ отбоя. Но время возьметъ свое и дымъ, вѣроятно, разсѣется.

Речитативы Мошковскаго не такого свойства; у него нѣтъ такихъ фразокъ, которыя преслѣдовали бы слушателей въ теченіе цѣлаго вечера; онъ держался прежней системы речитативовъ, болѣе близкой къ итальянскимъ, но не къ такъ называемымъ recitativi secchi; тѣмъ не менѣе они довольно однообразны и мало выразительны. Первый актъ, употребленный композиторомъ для диспозиціи пьесы, особенно богатъ ими и поэтому онъ—наиболѣе скучный. Въ этомъ дѣйствіи, за исключеніемъ аріозо Кабры («Надежды нѣтъ, одинъ я въ мірѣ»), введеннаго, къ слову сказать, ни къ селу, ни къ городу, такъ какъ оно совершенно неумѣстно по сценическому положенію; да, пожалуй, недурно поставленнаго финала,—рѣшительно нечего отмѣчать. А между тѣмъ скука этого акта длится добрый часъ, а это слишкомъ большая доза для того, чтобы отуманить головы ни въ чемъ неповинныхъ слушателей. Композиторъ видимо забылъ извѣстныя слова Наполеона къ скрипачу Бальи: «Первое впечатлѣніе—самое сильное». Слишкомъ утомительный первый актъ даетъ себя чувствовать весь вечеръ, хотя остальныя дѣйствія лучше.

Во второмъ дѣйствіи попадаются прекрасныя мѣста, если забыть

Digitized by Google

о желательномъ здѣсь couleur locale; такъ, недурны: аріозо Боабдиля—«Домой идутъ друзья», монологъ матери его (это лицо напоминаетъ героиню Массе Меату, изъ оперы «Поль и Виржини»)—«Зачѣмъ печальна?», дуэтъ этихъ персонажей и разсказъ Зорайи—«Когда вы уѣзжали»;—но въ обще-музыкальномъ смыслѣ характернѣе другихъ обработана Аикса, мать Боабдиля: въ ея рѣчахъ есть выдержанность и извѣстная окраска. Во второй картинѣ этого акта выдѣляются танцы—мавританскій и испанскій (это, кажется, единственное исключеніе въ пользу изображаемыхъ національностей), свадебный маршъ, монологъ имама («Отецъ всемогущій») и большой финалъ. Это дѣйствіе и является самымъ лучшимъ въ разсматриваемой оперѣ. Послѣдній актъ, въ которомъ можно отмѣтить, пожалуй, дуэтъ Кабры съ Зорайей, монологъ послѣдней и дуэтъ ея съ Боабдилемъ, въ общемъ, слабѣе предыдущаго. Вотъ всѣ лучшіе №№ «Боабдиля», не имѣвшаго успѣха у насъ; опера снята была съ репертуара послѣ третьяго, кажется, представленія. Не знаемъ, чѣмъ она могла понравиться берлинцамъ. Впрочемъ, тамъ, послѣ вагнеровской безсодержательной трескотни, все нравится и все имѣетъ успѣхъ. Припоминаемъ слова извѣстнаго Лешетицкаго на нашъ вопросъ: чѣмъ объяснить успѣхъ въ Германіи «Сельской чести» Масканьи: «Вагнеръ вотъ гдѣ у насъ сидитъ», и при этомъ маститый артистъ показалъ на горло. Дѣйствительно, послѣ скуки Вагнера все покажется веселымъ и интереснымъ.

2.

«*Уріэль Акоста*». Женщина-композиторъ—явленіе болѣе или менѣе рѣдкое, хотя и не исключительное, у насъ, по крайней мѣрѣ. Г-жа Сѣрова написала ужь, кромѣ разсматриваемой оперы, еще двѣ: «Марію д'Орваль» и «Хай-дѣвка» (на сюжетъ А. А. Потѣхина); до нея пробовала свои силы на оперномъ поприщѣ г-жа Вохина, написавшая «Ундину»; недавно еще одна барыня играла въ частномъ кружкѣ свою оперу «Ксенію» (сюжетъ не историческій); романсами составили себѣ нѣкоторую извѣстность г-жи Данилевская и Прейсъ; но г-жа Сѣрова (вдова композитора Сѣрова) болѣе другихъ извѣстна, какъ потому, что ея «Акоста» шелъ въ Москвѣ, и въ этомъ сезонѣ въ Петербургѣ, такъ и потому, что она время отъ времени выступаетъ въ качествѣ писательницы по музыкѣ. «Акоста» впервые поставленъ былъ на московской большой сценѣ въ 1885 г., затѣмъ давался онъ въ Кіевѣ, благодаря участію въ немъ г. Тартакова, и—наконецъ—у насъ, благодаря тому же исполнителю заглавной партіи. Опера шла въ Маломъ театрѣ всего, кажется, два раза; слѣдовательно—успѣхъ крайне умѣренный.

Удивляться этому, собственно говоря, не приходится. Хотя либретто, сдѣланное изъ извѣстной трагедіи Гуцкова того же названія, и недурно скомпановано, но музыка, благодаря нѣкоторымъ капризамъ композиторши, внесеннымъ въ либретто, мало характерна для выведенныхъ героевъ; г-жа Сѣрова видимо хотѣла какъ можно объиспанить своихъ героевъ; это, конечно, было бы возможно, еслибы авторъ

Digitized by Google

для этого употребилъ испанскіе мотивы, но г-жа Сѣрова этого не сдѣлала. Но и это бы не бѣда, еслибы она вводила по возможности больше еврейской музыки, такъ какъ всѣ герои—евреи; увы—она и тутъ слиберальничала; въ результатѣ — речитативы берутъ верхъ надъ кантиленой, а для речитативнаго письма, какъ мы ужь это неоднократно говорили, нуженъ особый даръ. Опера написана въ пяти дѣйствіяхъ; у насъ она давалась въ четырехъ и выиграла бы еще больше, еслибы откинутъ былъ и еще одинъ актъ. Философская подкладка драмы, какъ матеріалъ, негодный для музыкальнаго языка, благоразумно откинутъ авторомъ.

Выдвинутъ главнымъ образомъ любовный эпизодъ: личности де-Сантоса и Бенъ-Акибы совершенно выпущены. Бенъ-Іохай, переименованный для «испанистости» въ донъ-Педро (?), преобразованъ въ какого-то опернаго разбойника, убивающаго любимую имъ дѣвушку; мать Акосты награждена какими-то меркантильными стремленіями; Спиноза, ученикъ Акосты, названъ почему-то «Эльясомъ» (чѣмъ это имя лучше настоящаго—Борухъ?). Впрочемъ, все это мелочи въ сравненіи съ нѣкоторыми антихудожественными пріемами, допущенными г-жей Сѣровой въ своей оперѣ. Напр., сцена проклятія Акосты передѣлана безъ всякой надобности и, разумѣется, къ худшему. Въ драмѣ Акоста является на балъ къ Манасію незваннымъ гостемъ,—тогда понятно озлобленіе на него хозяина, проклятіе раввиновъ, встрѣтившихъ своего врага, и переходъ любящей Акосту дѣвушки на его сторону; въ оперѣ же происходитъ нѣчто совершенно нелѣпое: Манасій говоритъ раввинамъ, ворвавшимся къ нему съ проклятіями Акостѣ, такую рѣчь: «Какъ посмѣли въ день веселья вы прійти безъ приглашенья? Кто васъ звалъ»?

Еще грубѣе сцена въ синагогѣ, когда необузданный женихъ Бенъ-Іохай (или донъ-Педро) поднимаетъ ногу на лежащаго Акосту; у Гуцкова, человѣка съ художественнымъ чутьемъ, понимавшимъ границы дозволеннаго эстетикой на сценѣ, вся эта процедура происходитъ *за кулисами*; глазъ зрителя не возмущается ничѣмъ неэстетическимъ. Но г-жа Сѣрова—реалистка и, къ сожалѣнію, въ новѣйшемъ смыслѣ этого слова. Либретто переложено въ стихи, не всегда, впрочемъ, съ точнымъ соблюденіемъ размѣровъ стихосложенія, г. Бларамбергомъ, московскимъ композиторомъ. Нѣкоторыя сцены эффектны, напр., сцена въ синагогѣ (четвертый актъ). Обращаясь къ музыкѣ, нужно прежде всего сказать, что задача композиторши значительно затруднилась вслѣдствіе того, что она строго избѣгала испанскихъ и еврейскихъ мотивовъ, которые были бы особенно годны для характеристики избранныхъ героевъ.

Первые два акта,—особенно обильные речитативами, — самые слабые. Въ видѣ оазиса, можно отмѣтить серенаду донъ-Педро. Проклятіе же фанатиковъ-раввиновъ вышло слишкомъ монотоннымъ; видимо авторъ хотѣлъ создать что-то въ родѣ анабаптистовъ въ мейерберовскомъ «Пророкѣ», но вышло нѣчто блѣдное и мало содержательное. Въ третьемъ дѣйствіи есть недурной дуэтъ между матерью Акосты и Рахилью (невѣстой его); удачна здѣсь молитва à capella. Въ этомъ мѣстѣ композиторша, конечно, могла бы включить хорошее тріо, такъ какъ Акоста, все время находящійся на сценѣ, пережи-

Digitized by Google

ваетъ цѣлую гамму чувствъ на глазахъ зрителей, а между тѣмъ онъ въ оперѣ совершенно безмолвствуетъ, не зная, что дѣлать съ собой. Но г-жа Сѣрова больше заботилась объ оригинальничаньѣ, чѣмъ о музыкальномъ интересѣ своей оперы, и не дала простора своему творчеству именно въ томъ моментѣ, когда это было нужнѣе всего. Оригинальничанье мы видимъ и на балу во второмъ актѣ, гдѣ нѣтъ танцевъ, а есть проклятіе вмѣсто веселья.

Самый лучшій актъ четвертый. Ему предшествуетъ интродукція, построенная на еврейскихъ мелодіяхъ, записанныхъ, вѣроятно, въ какомъ нибудь центрѣ «черты осѣдлости». Первая половина этого дѣйствія, посвященная богослуженію въ синагогѣ—интересна и оригинальна. Здѣсь весьма умѣстенъ и хоръ мальчиковъ, воспѣвающихъ Іегову, и молитва кантора съ причитаніями народа; здѣсь, кстати, нѣтъ и грохота оркестра, да и арфа не вмѣшивается ни къ селу, ни къ городу, какъ это неоднократно попадается въ партитурѣ разсматриваемой оперы. Картина значительно мѣняется съ выходомъ Акосты; вмѣсто ожидаемаго усиленія драматической ситуаціи, конечно, посредствомъ драматической музыки, мы опять имѣемъ дѣло съ разговорами и довольно незначительными по своему содержанію. Актъ этотъ еще у насъ сокращался; по партитурѣ, по уходѣ Акосты, происходитъ волненіе народа, успокоиваемаго раввиномъ,—сцена тоже не особенно художественная.

Въ итогѣ, мало утѣшительнаго приходится сказать по поводу композиторскаго пера г-жи Сѣровой; претензій много, стремленіе оригинальничать звуками слишкомъ велико,—настолько велико, что заслоняетъ собой то хорошее, что̀ можно было бы выдвинуть. Конечно, на болѣе или менѣе прочный успѣхъ такое произведеніе разсчитывать не можетъ; да «Акоста» его и не имѣлъ, кромѣ Москвы, гдѣ авторъ самъ ставилъ его; очевидно, болѣе аплодировали женщинѣ-композиторшѣ, чѣмъ вдохновенію, господствующему въ произведеніи. Изъ нашихъ исполнителей отмѣтимъ г. Тартакова (Акоста) и г-жъ Корецкую (Рахиль) и Ленскую (типичную мать Акосты).

III. Товарищество артистовъ.

Что за несчастное существо русскій артистъ! Публика и критика обыкновенно требуютъ отъ артистовъ *хорошаго* исполненія, и никто не задаетъ себѣ труда развѣдать, обѣдалъ ли нашъ Фаустъ, Рауль, или Радамесъ. «У него высокія ноты плохи»,—читаемъ мы въ ежедневной хроникѣ,—«роль у такой-то мало обдумана»,—слышимъ мы въ публикѣ, или:—«какая это Татьяна; она мычитъ, какъ корова»,—произноситъ въ фойэ какая нибудь сытая барынька, разыгрывающая изъ себя большую музыкантшу. А интересуются ли всѣ эти цѣнители талантовъ и голосовъ хоть сколько нибудь положеніемъ осуждаемыхъ и критикуемыхъ? Знаютъ ли они о томъ, что наши Фаусты и Маргариты, служа въ какой нибудь труппѣ или товариществѣ, иногда по три дня не обѣдаютъ, и что инымъ Мефистофелямъ и Сусанинымъ приходится по шпаламъ добираться домой изъ какого нибудь Симбирска или Саратова, куда они были «ангажи-

Digitized by Google

рованы» (выражаясь высокимъ стилемъ) въ качествѣ «товарища» или просто артиста «на первое амплуа».

Мы вездѣ употребляемъ слово: «или», потому что *de facto* нѣтъ никакой разницы между модной кличкой «товарищество» и просто антрепренеромъ; de jure есть маленькая разница: если антрепренеръ не платитъ, артистъ можетъ подать въ судъ и, при помощи исполнительнаго листа, хоть когда нибудь что̀ нибудь получить, ибо онъ былъ приглашенъ на извѣстное жалованье, оговоренное въ контрактѣ; у «товарищества» же онъ ровно ничего не получитъ, ибо онъ вошелъ въ него на «марки», а что означаетъ «марка», никому неизвѣстно. Если будутъ хорошіе сборы, марка можетъ означать и рубль, и 80 коп., и 50 коп., а если сборы будутъ плохіе, то значеніе «марки» можетъ дойти и до 3 коп. И такіе случаи бываютъ въ нашихъ «товариществахъ», и вовсе не потому, чтобы публика совсѣмъ не интересовалась музыкой и не посѣщала оперныхъ театровъ, а потому, что подъ этой кличкой кроется нѣчто невѣроятное. Въ каждомъ товариществѣ есть «представитель товарищества», являющійся главнымъ губителемъ дѣла.

Обыкновенно такими представителями являются или отставные артисты съ извѣстнымъ именемъ, или человѣкъ, съумѣвшій палку взять для того, чтобы капраломъ стать. Эти представители первымъ дѣломъ себя не забываютъ: если у него есть костюмы, онъ беретъ за нихъ по 1,000 руб. въ мѣсяцъ у товарищей; если есть ноты,—лупитъ съ товарищей вечеровую поспектакльную плату. За свои хлопоты по дѣламъ товарищества представители получаютъ, конечно, жалованье, и не марками, а общепринятыми рублями; хорошій представитель съумѣетъ хорошо себя вознаграждать за свои труды: рублей 700—1,000 въ мѣсяцъ. Если у него есть жена пѣвица или аккомпаньяторша, выговаривается и ей приличное вознагражденіе за труды, и опять таки рублями, а не марками. Это еще не все. Если «представитель» несовсѣмъ окончательно потерялъ послѣдніе остатки своего голоса, то онъ себя цѣнитъ, какъ артистъ съ большой кличкой, довольно чувствительно для «товарищей»; рублей (а не марокъ) 100, 150 — онъ получаетъ изъ кассы за каждый выходъ.

Такимъ образомъ, тысячи три рублями беретъ себѣ въ мѣсяцъ «представитель» и притомъ каждый вечеръ по частямъ, прямо изъ кассы; нетрудно себѣ представить при среднихъ сборахъ, сколько можетъ остаться на всю труппу по маркамъ, если исключить обязательные расходы по содержанію театра, прислуги, освѣщенія, оркестра и хора. Удивительно ли послѣ этого, что наши артисты, попавшіе отъ антрепренеровъ въ «товарищества» (изъ огня да въ полымя, въ буквальномъ смыслѣ слова), голодаютъ, нуждаются, нищенствуютъ и убѣгаютъ изъ гостинницъ, не будучи въ состояніи расплатиться. Могутъ ли они при такихъ условіяхъ думать объ искусствѣ, разучивать новыя оперы, создавать типы, которые они должны олицетворять собой, жить высшими задачами? Если театръ даетъ среднимъ числомъ рублей 400 въ вечеръ и изъ нихъ добрая половина отчисляется представителю товарищества, а изъ оставшейся половины часть удѣляется на вечеровые расходы, то не

Digitized by Google

трудно себѣ представить, сколько приходится на долю артистовъ по маркамъ, коли въ труппѣ, или вѣрнѣе въ товариществѣ, найдется человѣкъ 12—15.

Каждый членъ товарищества имѣетъ, по контракту, право требовать отчетности въ дѣйствіяхъ представителя; но de facto это право сводится къ нулю; прекрасная половина товарищества никогда не станетъ заниматься этимъ вопросомъ, да это и не интересуетъ ея,— не говоря уже о томъ, что ей можно показывать какія угодно цифры и она всему повѣритъ безусловно. Что же касается непрекрасной половины, то никто не рискнетъ заикнуться объ отчетности, боясь поплатиться за такую продерзость по отношенію къ представителю, ибо послѣдній можетъ во всякое время, на основаніи какого нибудь пункта контракта, вытурить «бунтовщика» изъ состава товарищества, даже если онъ—нужный членъ въ труппѣ. Куда пойдетъ несчастный артистъ посреди сезона? Остается одно средство молчать и давать себя стричь. Къ этому прибавляется все таки надежда: авось дѣла къ праздникамъ и къ концу сезона пойдутъ получше и онъ все таки получитъ хоть по 30 коп. за рубль. Можетъ ли быть болѣе жалкое и безпомощное существованіе для человѣка, посвятив шаго себя искусству?

Это одинъ типъ товарищества,—пришедшій на смѣну антрепренерству,—гдѣ, какъ мы видѣли, господствуетъ полнѣйшій произволъ, грабежъ товарищей по искусству и низшей братіи на законномъ основаніи; гдѣ нѣсколько лицъ, крайне нуждающихся и надѣющихся какъ нибудь просуществовать сезонъ, соединяется для того, чтобы одинъ обиралъ ихъ и наживалъ капиталы при ихъ даровомъ трудѣ. И бѣдный русскій артистъ на все соглашается, ибо нѣтъ исхода, нѣтъ оперныхъ театровъ, некуда идти. Въ этомъ году случилось еще такое несчастье, что всѣ болѣе или менѣе крупные антрепренеры повымерли: Зазулинъ, Медвѣдевъ, Сѣтовъ и Картавовъ—были кажется единственными антрепренерами, акуратно платившими содержаніе артистамъ; теперь и ихъ не стало. Нетрудно себѣ представить положеніе нашихъ оперныхъ пѣвцовъ. Заранѣе можно предвидѣть судьбу, ожидающую нашихъ Фаустовъ, Маргаритъ и Мефистофелей. Вѣроятно, прибавится еще нѣсколько «товариществъ» съ хорошими представителями въ родѣ вышеописанныхъ.

Но есть еще другой типъ товарищества на болѣе благородныхъ началахъ. Артисты приглашаются на извѣстное жалованье, причемъ половина выдается имъ опредѣленной суммой, рублями, а вторую половину они должны разсчитывать получать марками. Это начало, конечно, лучше для артистовъ, но оно хорошо лишь въ томъ случаѣ, если у представителя есть чѣмъ платить хоть половину. Если же онъ не настолько обладаетъ средствами, чтобы быть въ состояніи довести дѣло до конца, то получится то, что̀ получилось въ нашемъ товариществѣ артистовъ, пріютившимся сначала въ залѣ Кононова, а потомъ перешедшемъ въ Панаевскій театръ. Покуда были средства у лица, стоявшаго во главѣ, труппа акуратно получала половину условленной платы, а когда источники истощились, товарищество распалось, пошли неурядицы; въ его составъ вошли новые члены съ новымъ своимъ уставомъ; каждый хотѣлъ быть во

Digitized by Google

главѣ; сколько головъ, столько и умовъ;—словомъ окончилось тѣмъ, что «товарищи» прекратили дѣло, не дотянувъ его даже до масляной, когда они могли бы разсчитывать на сборы.

Въ своей неудачѣ виноваты отчасти сами артисты: они не выработали опредѣленнаго плана дѣйствій. Еслибы они задались цѣлью ставить извѣстный репертуаръ (русскій или иностранный,—все равно) и положили бы всѣ старанія на возможно лучшій ансамбль, дѣло ихъ пошло бы прекрасно; но въ томъ-то и бѣда со нашими Мазини, Патти и Котоньи, что каждый заботится только о себѣ, не думая, строго говоря, объ общемъ дѣлѣ. Начали съ дебютовъ; каждый хотѣлъ для себя выигрышную выходную партію. Такъ какъ репертуаръ ихъ крайне ограниченъ, пришлось начинать съ старыхъ заигранныхъ оперъ, въ родѣ «Фауста», «Русалки», «Жизни за царя» и другихъ, подобныхъ имъ, новинокъ. Сейчасъ, разумѣется, пошли сравненія съ извѣстными артистами и, конечно, не къ выгодѣ дебютантовъ. Обстановкой, хоромъ и оркестромъ—они, конечно, хвастать не могли. Солисты оказались обыкновенными исполнителями и публика перестала посѣщать эти избитыя оперы.

Пришлось уже идти не къ своей намѣченной цѣли, а навстрѣчу вкусамъ публики—и тутъ-то начинается смѣсь французскаго съ нижегородскимъ; сегодня «Балъ-Маскарадъ», завтра «Хованщина»; «Севильскій цирюльникъ» чередуется съ «Опричникомъ». Оперы плохо срепетованы, ставятся съ одной спѣвки, а то и вовсе безъ репетиціи; артисты ропщутъ на представителя, послѣдній изъ силъ выбивается, чтобы свести концы съ концами,—лада никакого, ну, а когда «въ товариществѣ лада нѣтъ», то уже извѣстно, что̀ изъ него выходитъ: каторга и тутъ получилась, какъ для представителя, такъ и для артистовъ, вошедшихъ въ товарищество. Правда, они уже взялись было за умъ, т. е. рѣшились ставить давно неигранныя произведенія, но довѣріе публики къ этому оперному товариществу было подорвано, и оно не могло уже возстановить свое реномэ. Къ ихъ заслугамъ слѣдуетъ, однако, отнести возобновленіе такихъ капитальныхъ оперъ русскаго репертуара, какъ «Опричникъ» Чайковскаго и «Маккавеи» Рубинштейна.

Таковы два типа «товарищества артистовъ», существующіе у насъ; но до третьяго мы еще не дошли и едва ли когда либо дойдемъ: мы говоримъ о настоящемъ товариществѣ, т. е. о соединеніи людей во имя дѣла, во имя искусства, которыми руководило бы желаніе дѣйствительно что нибудь дѣлать, а не выставлять только себя и свои достоинства на показъ. А между тѣмъ, покуда въ основу какого бы то ни было товарищества не будетъ положена именно эта задача, нечего и думать о какомъ бы то ни было хорошемъ исходѣ товарищескихъ дѣлъ. Въ этомъ отношеніи, примѣромъ могутъ служить иностранцы. Возьмите любую труппу,—нѣмецкую, французскую или итальянскую, — вездѣ вы встрѣтите, во-первыхъ, уваженіе другъ къ другу между членами труппы (объ этомъ у насъ и понятія не имѣютъ, ибо каждый ставитъ себя выше облака ходячаго), а, во-вторыхъ, любовь къ дѣлу, которому каждый изъ нихъ посвятилъ себя всецѣло. Эти отношенія существуютъ, даже если артисты ангажированы антрепренеромъ: они отлично понимаютъ, что если

Digitized by Google

они стараться не будутъ, дѣло антрепренера лопнетъ, ибо ни одинъ антрепренеръ не обладаетъ милліонами; каждый дѣйствуетъ на рискъ, разсчитывая на силы и стараніе своихъ артистовъ.

Впрочемъ, исключеніемъ—и весьма счастливымъ—является нашъ антрепренеръ итальянской оперы, приглашающій обыкновенно на два зимнихъ мѣсяца трехъ—четырехъ изъ старыхъ извѣстныхъ итальянскихъ артистовъ, любимцевъ публики, и наживаетъ большія деньги, ставя старыя оперы и угощая абонентовъ такимъ старьемъ, какъ «Лючія», «Травіата», «Трубадуръ» и пр., и пр. Онъ играетъ въ данномъ случаѣ на любовь нашей публики, по традиціи, къ заморскимъ соловьямъ, которымъ онъ платитъ большія деньги, приносящія ему, однако, хорошіе проценты. Разсчетъ чисто комерческій, но основательный. Въ этомъ году, были у него въ труппѣ: г-жи Дюранъ, Зембрихъ, Боронатъ и гг. Котоньи, Баттистини и Маркони. Изъ нихъ, собственно говоря, интересъ представляли: г-жа Боронатъ, колоратурное сопрано, которой предстоитъ блестящая будущность, и г. Баттистини, который является настоящимъ Мазини между баритонами. Дюранъ и Котоньи уже очень стары, хотя послѣдній и теперь еще замѣнитъ десять молодыхъ баритоновъ, не смотря на свои 65 лѣтъ.

Что же касается г-жи Зембрихъ, то ея славу раздула, собственно говоря, извѣстная партія, создавшая изъ нея вторую Патти. Мы же однако знаемъ, что, не смотря на ея безспорныя достоинства, она во многихъ европейскихъ центрахъ успѣха не имѣла: сидитъ она въ Берлинѣ цѣлыми годами безъ ангажемента, а если поетъ въ самомъ Берлинѣ, то развѣ только въ Кроль-театрѣ, который меньше, чѣмъ нашъ Малый. Причина въ томъ, во-первыхъ, что иностранцы не швыряютъ денегъ на вѣтеръ, какъ мы, русскіе; во-вторыхъ, не находятъ въ ней тѣхъ неслыханныхъ и преувеличенныхъ партіей качествъ, которыя у насъ ей приписываютъ, и, въ третьихъ, иностранцы не такъ холопствуютъ предъ иностраннымъ, какъ мы, не доходятъ въ своемъ телячьемъ восторгѣ до потери сознанія и цѣнятъ иностранныхъ артистовъ именно постольку, поскольку они этого заслуживаютъ. Иностранцы, наоборотъ, великіе мастера создавать имена своимъ артистамъ, составляя тоже противоположность намъ, всегда готовымъ унижать своихъ артистовъ, даже выдающихся.

Итальянская антреприза обѣщала три новинки: «Демона» по итальянски, «Симона Боканегра», Верди, и его же «Фальстафа» съ г. Морелемъ; но ни одна изъ нихъ поставлена не была, безъ всякаго объясненія причинъ; взамѣнъ этого поставлены были: «Линда» и, оскомину набившіе на всѣхъ сценахъ, «Паяцы». Говорили, впрочемъ, что антреприза не поставила «Фальстафа» потому, что опера эта не имѣла успѣха на казенной сценѣ, а, можетъ быть, справедлива молва, что будто Морель закапризничалъ и заломилъ неслыханную цифру за свои выходы; вѣдь деньги иностранные артисты деруть только у насъ; у себя же на родинѣ, они или довольствуются грошами, или же просто ходятъ безъ сапогъ (конечно, это не относится къ такимъ артистамъ, какъ Морель). Что

Digitized by Google

же касается «Демона», то онъ не былъ поставленъ потому, что наша «дива», г-жа Зембрихъ, не нашла партію Тамары достойной своего таланта и, благодаря капризу «дивы», мы не услыхали оперы Рубинштейна въ толкованіи знаменитаго баритона г. Баттистини.

IV. Французская опера.

Если итальянская антреприза заботилась только о сборахъ, мало помышляя о томъ, за что взимается такая контрибуція со стороны посѣтителей итальянской оперы, то французская антреприза имѣетъ то преимущество, что она познакомила впервые петербуржцевъ съ тремя новыми для Россіи операми, принадлежащими тремъ французскимъ современнымъ композиторамъ. Здѣсь, между прочимъ, поставлены были: («Гугеноты», «Лоэнгринъ»), «Самсонъ и Далила» Сенъ-Санса, «Сигурдъ» Рейе, и послѣдняя новинка Парижа: «Вертеръ» Массенэ. Такъ какъ названныя произведенія, помимо интереса новизны, характеризуютъ современное состояніе оперная письма во Франціи, то мы позволимъ себѣ познакомить читателей съ этими операми. Предварительно замѣтимъ только, что труппа была составлена очень хорошо. Дирижировалъ оркестромъ знаменитый Колоннъ; приглашены были: г-жа Ришаръ, пользующаяся на родинѣ большимъ именемъ, г-жа Пакари,—превосходное драматическое сопрано (у Ришаръ—меццо-сопрано) и гг. Ванъ-Дикъ, славящійся въ Парижѣ и Вѣнѣ, гдѣ имъ созданъ былъ Вертеръ; Буконьяни (драматическій теноръ), Удэнъ (баритонъ, имѣвшій большой успѣхъ у насъ въ симфоническомъ собраніи; онъ пѣлъ въ Лондонѣ Евгенія Онѣгина); басъ Лабисъ и др. Стараній было положено много—и это слѣдуетъ цѣнить.

1.

«*Самсонъ и Далила*». Опера эта написана уже лѣтъ двадцать и хранилась, какъ всякое выдающееся произведеніе, долгое время въ портфелѣ у автора, пока какой нибудь иностранный антрепренеръ случайно не заглянетъ въ портфель и не вытащитъ ее оттуда. Такимъ образомъ, Веймаръ и Гамбургъ раньше познакомились съ «Самсономъ», чѣмъ Парижъ. Мы, русскіе, во всемъ опаздывающіе, только въ этомъ году узнали эту оперу цѣликомъ. Почти одновременно она была поставлена въ Кіевѣ, Москвѣ и у насъ,—и вездѣ, нужно сказать, съ среднимъ успѣхомъ; причину мы готовы видѣть въ томъ, что это не дюжинная опера; къ ней надо прислушиваться; она не ординарна и требуетъ отъ слушателя извѣстнаго вниманія и болѣе или менѣе серьезнаго отношенія. Сюжетъ хотя и взятъ изъ библіи, но либреттистъ съумѣлъ ему придать нѣкоторую поэтическую окраску; онъ внесъ въ легенду двѣ подробности, значительно подымающія интересъ библейскаго разсказа о силачѣ Самсонѣ и объ обольстительной Далилѣ, поработившей его своею красотой.

Digitized by Google

Либреттистъ (кажется, родственникъ Сенъ-Санса) превратилъ Далилу изъ простой ветхозавѣтной куртизанки въ жрицу Дагона. Такимъ образомъ она, во-первыхъ, является представительницей привилегированной въ древности касты. А, во-вторыхъ, онъ ее заставляетъ рѣшиться на соблазнъ Самсона ради спасенія филистимлянъ отъ ига этого силача, наводящаго на всѣхъ ужасъ; слѣдовательно, ея поступку придается характеръ геройскаго подвига à la Юдиѳь. Это сдѣлано съ большимъ разсчетомъ, ибо безхитростная легенда не заключаетъ въ себѣ, собственно говоря, ничего поэтическаго. Затѣмъ весь матеріалъ уложенъ либреттистомъ въ три акта, изъ которыхъ послѣдній состоитъ изъ двухъ картинъ. Первое дѣйствіе (диспозиція драмы) обрисовываетъ борьбу двухъ національностей—іудеевъ и филистимлянъ—поддерживаемыхъ съ одной стороны воинственнымъ Самсономъ, а съ другой—жрецомъ Дагона. Тутъ же появляется Далила, вышедшая изъ храма славить весну.

Самсонъ ее полюбилъ. Далила обѣщаетъ жрецу завлечь Самсона. Когда же послѣдній приходитъ къ ней (второй актъ) и, окончательно очарованный, рѣшается послѣдовать за ней въ храмъ, она извѣщаетъ своимъ, что врагъ побѣжденъ. Первая картина послѣдняго дѣйствія—въ темницѣ, гдѣ ослѣпленный герой вертитъ жерновъ и терпитъ насмѣшки отъ своихъ единовѣрцевъ, а послѣдняя картина въ храмѣ Дагона. Жрецы и народъ празднуютъ побѣду; сюда приводятъ для потѣхи Самсона, который, послѣ молитвы, разрушаетъ храмъ и погибаетъ вмѣстѣ со своими врагами. Какъ нетрудно убѣдиться, сцены планированы умѣлой рукой и либретто вообще составлено толково, а это вовсе не такое частое явленіе, чтобы пройти его молчаніемъ. Обращаясь къ иллюстрирующей этотъ сюжетъ музыкѣ, нужно прежде всего сказать, что опера носитъ ораторіальный характеръ. Хотя любовному элементу здѣсь отведено значительное мѣсто (почти весь второй актъ) но не онъ одинъ играетъ главную роль. Она заключается въ религіозной борьбѣ двухъ національностей.

Очевидно, что для характеристики этого положенія нужна была другая музыка,—музыка, которая ярко обрисовала бы волненія народа, массовое движеніе, страсти общества. Тутъ явилось на помощь композитору основательное изученіе классиковъ, Баха и Генделя, основателей ораторіи. И дѣйствительно, первое дѣйствіе, составляющее по своей музыкѣ контрастъ съ остальными, замѣчательно вѣрно обрисовываетъ эти воюющія фанатическія партіи. Подъемъ духа той и другой національности—значительный. И все это выражено массами (хорами), которыми овладѣло одно общее чувство, одно желаніе. Успокоительнымъ элементомъ является здѣсь Далила со своими жрицами, славящими весну, но и онѣ въ свою очередь тоже охвачены однимъ настроеніемъ; слѣдовательно и контрастъ носитъ ту же окраску; цѣльность впечатлѣнія не только не портится, но еще поддерживается выходомъ жрицъ. Танцы ихъ выдержаны въ восточномъ характерѣ, что опять таки подкупаетъ слушателя. Обольщеніе Далилы прекрасно выражено.

Большой дуэтъ главныхъ героевъ занимаетъ центръ оперы. Сенъ-Сансъ не прибѣгаетъ къ слащавой итальянской кантиленѣ, а, какъ истый послѣдователь Глюка, заботится о выразительной декламаціи;

Digitized by Google

фразы его, однако, пѣвучи и сплошь музыкальны. Рѣчи Самсона и Далилы полны страсти и увлекательности, и въ этомъ, на нашъ взглядъ, кроется недостатокъ этого дуэта, повторяемъ, очень красиваго по своей музыкѣ. Увлеченіе Самсона красавицей совершенно естественно; онъ предался страсти и изливаетъ ее въ совершенно подходящихъ выраженіяхъ; но Далила, какъ мы знаемъ, *притворяется* любящей его, она только играетъ комедію, для того чтобы завлечь его въ свои сѣти. Этого-то притворства въ ея музыкѣ нѣтъ, а между тѣмъ, какъ ни трудна была бы такая задача для композитора, онъ долженъ былъ бы его обнаружить. Или, быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ отрицательныя стороны не даются въ музыкѣ даже и великимъ мастерамъ (припомнимъ, насколько не удалась Чайковскому Ольга въ «Онѣгинѣ», которая должна быть «беззаботной» и не любитъ вздыхать: въ музыкѣ-то именно и слышатся вздохи).

Въ послѣднемъ актѣ недурны, во-первыхъ, насмѣшки іудеевъ надъ страждущимъ Самсономъ, а, во вторыхъ, молитва послѣдняго и танцы жрицъ. Что касается танцевъ (знаменитая вакханалія), то они ужь давно обошли всѣ концертныя эстрады и давно уже стали популярными. Объ оркестровкѣ Сенъ-Санса едва ли приходится много говорить; онъ пользуется именемъ одного изъ первыхъ инструментаторовъ, а со смертью Чайковскаго, пожалуй, и вовсе не имѣетъ соперниковъ. Однако, нужно ему отдать справедливость (хотя онъ симфонистъ по преимуществу и никоимъ образомъ не можетъ считаться оперным композиторомъ à la Мейерберъ, Верди и пр., не смотря даже на порядочное количество оперъ, имъ уже написанныхъ: «Прозерпина», «Генрихъ VIII», «Асканій», «Фрина», послѣдняя опера):—онъ въ оперѣ помнитъ о томъ, что оркестръ—не все и что человѣческому голосу нужно отвести, если не первенствующее, то выдающееся мѣсто. Затѣмъ Сенъ-Сансъ не прибѣгаетъ къ казеннымъ характеристикамъ героевъ à la Вагнеръ; онъ, напротивъ, старается обрисовывать своихъ дѣйствующихъ лицъ посредствомъ хотя бы краткихъ кантиленъ. Въ этомъ отношеніи, авторъ «Самсона и Далилы» является противоположностью другому своему компатріоту, Рейе, новаторствующему во что бы то ни стало.

2.

«*Сигурдъ*». Рейе—одинъ изъ современныхъ французскихъ композиторовъ, у насъ почти совсѣмъ неизвѣстныхъ; едва ли найдется много музыкантовъ, которые перечислятъ произведенія его, а публика тѣмъ менѣе знаетъ его. Между тѣмъ, еслибы онъ не былъ по натурѣ своей такъ скроменъ, если бы онъ захотѣлъ добыть славу, дѣйствуя средствами (дозволенными и недозволенными для честнаго художника) à la Вагнеръ, онъ имѣетъ на это не меньшее право, чѣмъ этотъ нѣмецкій «геній», такъ артистически раздувшій свою извѣстность. Права Рейе основаны на тѣхъ же данныхъ, что и Вагнера. И онъ—новаторъ, и онъ не одаренъ мелодическимъ даромъ, и онъ хватается за легендарные сюжеты, для которыхъ не требуется естественной человѣческой рѣчи, и онъ—поклонникъ такъ

Digitized by Google

называемой описательной музыки, и онъ прибѣгаетъ для прикрытія своего духовнаго убожества ко всевозможнымъ эффектамъ—звуковымъ, свѣтовымъ, декораціоннымъ и пр.; словомъ, Рейе такой же «реформаторъ», какъ и Вагнеръ, но у него духу не хватило называть себя громогласно апостоломъ новаго ученія, какъ у Вагнера, и онъ никому неизвѣстенъ.

Даже на родинѣ онъ не пользуется популярностью, какъ напр., Массенэ, умѣющій пользоваться услугами представителей уличной печати, прекрасно рекламирующихъ его; Рейе и тутъ остается вѣренъ своимъ честнымъ взглядамъ на званіе художника. Произведенія его весьма рѣдко даются въ Парижѣ и послѣдній ставитъ ихъ обыкновенно, когда какой нибудь другой городъ ихъ рекомендуетъ; такъ, «Сигурдъ» раньше былъ поставленъ въ Брюсселѣ, «Саламбо» въ Руанѣ, «Геростратъ» и «Статуя» такимъ же точно образомъ на другихъ. Да и поставленныя въ Парижѣ, оперы его успѣха не имѣютъ, и антрепренерамъ, конечно, невыгодно ставить дорого стоющія, въ смыслѣ постановки, произведенія для одного или много-много нѣсколькихъ представленій. Можетъ быть, настанетъ еще нѣкогда день, когда французы вознесутъ своего Вагнера и оперы Ройе будутъ играться повсюду, хотя бы ужь въ виду того, что онъ ученикъ самого Берліоза, тоже долгое время непризнаннаго на своей родинѣ; но еслибы даже это и случилось, то и тогда бы мы сказали, что направленіе его музыкальной дѣятельности намъ несимпатично: это музыка безъ музыки, т. е. наборъ звуковъ.

Легендарные сюжеты (миѳы, саги, народныя сказки) даютъ обильный матеріалъ для описательной музыки, т. е. для рисованія звуками цѣлыхъ картинъ и для фантастики вообще. Кто одаренъ этимъ талантомъ по преимуществу, какъ напр. Берліозъ, тотъ, конечно, заставитъ раньше или позже поклоняться себѣ и покоритъ умы людей (но не сердца); но кто этимъ божественнымъ даромъ не надѣленъ, какъ Рейе, пошедшій по стопамъ своего великаго въ этомъ отношеніи учителя, тотъ не въ состояніи возбуждать даже умы, не вызываетъ удивленія своей находчивостью, не поражаетъ воображенія слушателей, а между тѣмъ только таковы результаты созерцательной музыки, ибо она не трогаетъ, не касается нашего чувства, не будитъ нашего сердца, другими словами, не выполняетъ главнѣйшей своей миссіи—вліять на душу, дѣйствовать на внутреннее «я» человѣка, подымать духъ его и переносить въ другой высшій міръ.

И «Сигурдъ», какъ заглавіе показываетъ, имѣетъ дѣло съ миѳологіей, и именно съ той, которую такъ облюбовалъ хитроумный Вагнеръ; его «Кольцо Нибелунговъ» трактуетъ о томъ же предметѣ; но Рейе ограничился четырьмя актами и девятью картинами, а Вагнеръ написалъ четыре оперы («Золото Рейна», «Валькирія», «Зигфридъ»—это и есть Сигурдъ скандинавской миѳологіи—и «Гибель боговъ»), изъ которыхъ каждая состоитъ изъ четырехъ актовъ, длящихся по часу, а то и по полтора. И въ «Сигурдѣ» происходитъ братаніе главнаго героя съ Гунтеромъ, желающимъ жениться на божественной дѣвѣ, Валькиріи-Брунегильдѣ, окруженной огненнымъ моремъ и добываемой ему Сигурдомъ; и здѣсь Гунтеръ въ награду

Digitized by Google

за этотъ подвигъ выдаетъ свою сестру Гильду (въ нѣмецкой миѳологіи: Кримгильда) за Сигурда (а тамъ Зигфридъ); и тутъ происходитъ ссора Гильды съ Брунегильдой, причемъ первая открываетъ послѣдней исторію ея брака съ Гунтеромъ (Сигурдъ явился къ Брунегильдѣ подъ видомъ Гунтера и, побѣдивъ ее, доставляетъ жениху невредимой); и тутъ Брунегильда, любящая Сигурда, называетъ Гунтера вѣроломнымъ; и, наконецъ, Сигурдъ также умираетъ вмѣстѣ съ Брунегильдой, а Гильда мститъ своему брату, пригласивъ Атиллу, добивавшагося еще раньше ея руки.

Сюжетъ достаточно знакомъ. Любопытно, что Рейе окончилъ свою оперу на шесть лѣтъ раньше, чѣмъ Вагнеръ поставилъ впервые своихъ «Нибелунговъ» на сценѣ; слѣдовательно, о какихъ либо заимствованіяхъ со стороны французскаго композитора и рѣчи быть не можетъ. И вотъ людская справедливость: Вагнеръ—«геній», «апостолъ», «реформаторъ», а Рейе—никому неизвѣстенъ. Но не о справедливости людской предстоитъ намъ говорить, къ тому же это было бы совершенно безполезно; вспомнимъ извѣстные стихи Некрасова... Итакъ: что представляетъ собой музыка «Сигурда»?—Массу звуковъ, иногда красивыхъ, иногда остроумно сплетенныхъ, хорошо скомбинированныхъ въ оркестрѣ. Въ чемъ цѣль такой музыки?—Звучность и слуховые эффекты; не ищите здѣсь мелодій, кантиленъ, такъ называемыхъ закругленныхъ музыкальныхъ періодовъ,—словомъ, того, къ чему мы привыкли въ оперѣ и чего вправѣ ожидать всякій слушатель, отправляющійся въ театръ на оперное представленіе.

Кантилены здѣсь замѣняются речитативами. Рейе не дошелъ въ этой области до крайнихъ предѣловъ, какъ Вагнеръ; у него нѣтъ Leitmotiv'овъ, нѣтъ ярлыковъ, но у него также нѣтъ и пѣнія; всѣ герои кричатъ, надрываются, оркестръ также неустанно гремитъ и въ ухѣ бѣднаго слушателя образовывается такой сумбуръ звуковъ, что ему нужно достаточно времени, чтобы прійти въ себя послѣ этого «удовольствія» и музыкальнаго наслажденія. Речитативами пересыпана почти вся опера; даже болѣе или менѣе остроумные разговоры видимо всѣ придуманы; все здѣсь разсчитано и поэтому ничто не захватываетъ, не приковываетъ слушателя. Какъ на исключеніе, впрочемъ, укажемъ на дуэтъ Гунтера и Брунегильды, весьма недурной по мелодическому рисунку; но такихъ страницъ, къ сожалѣнію, слишкомъ мало въ этой огромной по своимъ размѣрамъ партитурѣ. Упомянуть слѣдуетъ еще о дуэтѣ Сигурда и Брунегильды въ послѣднемъ дѣйствіи.

Но въ такой оперѣ, какъ «Сигурдъ», большую роль играетъ фантастическій элементъ. Насколько композиторъ сознавалъ это, можно судить по тому факту, что онъ этому элементу удѣлилъ цѣлый актъ; мы говоримъ о второмъ дѣйствіи, въ которомъ «свободному герою» предстоитъ борьба съ валькиріями, норнами, кобольдами и другими сверхъестественными существами, для того чтобы добраться до огненнаго моря, гдѣ покоится спящая красавица, осужденная на сонъ разгнѣваннымъ богомъ Одиномъ (по нѣмецкой миѳологіи: Вотаномъ). Эта фантастическая часть оперы въ общемъ недурна, но не носитъ на себѣ признаковъ того полета, который здѣсь нуженъ;

Digitized by Google

такая задача была бы по силамъ развѣ самому Берліозу или же Вагнеру, которому наиболѣе удалась въ «Нибелунгахъ» именно фантастическая музыка (полетъ валькирій). И танцы Рейе ничѣмъ особеннымъ не отличаются отъ обыкновенныхъ общепринятыхъ оперныхъ танцевъ; но танцы героевъ Рейе тѣмъ необыкновенны, что и герои его необыкновенны. Оркестръ въ общемъ громоздокъ и временами композиторъ напрасно расходуетъ свои силы; кое-какіе №№ могли бы прямо выиграть при болѣе ажурной работѣ (взять хотя бы танцы) при болѣе тонкой инструментовкѣ. И все таки знать, что такой-то композиторъ представляетъ изъ себя то-то и то-то, уже полезно. Вѣкъ живи и вѣкъ учись. За знакомство съ новыми для насъ произведеніями можно быть только признательными антрепризѣ.

3.

«*Вертеръ*». Опера эта, одна изъ послѣднихъ новинокъ парижскаго репертуара, по счету—девятая у Массенэ; восемь оперъ, предшествовавшихъ ей, могутъ служить достаточнымъ опытомъ на этомъ поприщѣ; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. «Манонъ», «Король лагорскій» и «Эсклармонда», извѣстны петербуржцамъ по маріинской сценѣ; музыканты прибавятъ къ названнымъ произведеніямъ еще: «Еву», «Иродіаду», «Эриніи», «Сида» и «Мага». Нужно, однако, тутъ же установить, что хотя оперы Массенэ кое-гдѣ и ставятся, но шумнаго успѣха,—т. е. такого, который сразу выдвигаетъ извѣстнаго автора и сливаетъ его имя съ заглавіемъ произведенія,—ни одна его опера не имѣла. Правда, появленіе каждой изъ нихъ сопровождается особеннымъ шумомъ, но это шумъ только мѣстный и притомъ дѣланный; шумятъ въ Парижѣ и занимаются этимъ репортеры уличныхъ газетъ и бульварныхъ листковъ, кто по дружбѣ съ композиторомъ, а кто и...—какъ знать? въ нашъ вѣкъ все возможно,—по какимъ либо другимъ, быть можетъ, болѣе существеннымъ побужденіямъ. Шумѣли много, даже не въ мѣру, и по поводу «Вертера».

Такимъ талантикамъ, каковъ талантикъ Массенэ, слѣдуетъ ограничиваться райономъ своей родины, т. е. быть довольными тѣми лаврами, которые плетутъ имъ соотечественники и друзья. Даже названія европейскихъ литературныхъ произведеній, за иллюстрацію которыхъ они иногда берутся, не могутъ ихъ спасти. Французскіе композиторы, вообще мало и рѣдко задающіеся психологическими вопросами, превратили и Фауста, и Гамлета—въ оперныхъ вздыхателей; отчего бы и Массенэ, идя по стопамъ Гуно и Тома, не сдѣлать того же съ «Вертеромъ» Гёте? Конечно, при этомъ Вертеръ утерялъ значеніе литературнаго типа; но вѣдь оперные Фаустъ и Гамлетъ тоже только по названію Фаустъ и Гамлетъ. Романъ, написанный, какъ извѣстно, въ эпистолярной формѣ, не могъ годиться для либретто; этой бѣдѣ помогли соединенныя силы трехъ писателей, выкроившихъ изъ «Страданій молодаго Вертера» все, что, по ихъ мнѣнію, было годно для музыки и для сцены; составлено было либретто изъ четырехъ актовъ и пяти картинъ; введены эле-

Digitized by Google

менты драматическій и «комическій»; придумано современное, т. е. запутанное заглавіе въ видѣ: «лирическая драма»—и матеріалъ для оперы готовъ.

При этомъ, конечно, упущено изъ виду самое важное. Впрочемъ, вотъ что происходитъ по актамъ. Шарлотта—невѣста Альберта; съ ней знакомится Вертеръ у судьи и влюбляется (первое дѣйствіе). Вертеръ завидуетъ счастью молодыхъ, тоскуетъ и, когда Шарлотта напоминаетъ ему, что она жена другаго, онъ начинаетъ помышлять о самоубійствѣ (уже со втораго акта). Въ третьемъ, актѣ происходящемъ въ домѣ Альберта, раскрывается, что Шарлотта любитъ Вертера, который безъ нея уже жить не можетъ; они вспоминаютъ прежнія отношенія, она перечитываетъ его письма; онъ рѣшаетъ покончить съ собой. Пришедшій Альбертъ подозрѣваетъ свою жену и весьма охотно приказываетъ ей выдать посланному отъ Вертера пистолеты, висящіе на стѣнѣ. Шарлотта надѣется еще спасти его и убѣгаетъ. Она опоздала, и главный герой въ теченіе цѣлаго акта умираетъ на рукахъ любимой женщины. Этой картинѣ должна еще предшествовать другая—описаніе рождественской ночи, которая у насъ, вѣроятно по цензурнымъ условіямъ, была пропущена. Вотъ остовъ того литературнаго произведенія, которое носитъ громкое заглавіе: «Вертеръ».

Мы сказали, что упущено самое важное, а именно—дружескія отношенія между Вертеромъ и Альбертомъ; оперный Альбертъ—это какой-то Отелло, не смѣющій, однако, громко высказывать свои грустныя думы; онъ косится то на жену, то на Вертера, и зрителю, не знающему, до чего изуродовано великое произведеніе Гёте, совершенно непонятно, чѣмъ онъ огорченъ. Комическій элементъ не менѣе любопытенъ; тутъ выведена какая-то пьяная компанія изъ Іоганновъ, Шмидтовъ и другихъ никому невѣдомыхъ и никому ненужныхъ лицъ. Да и дѣйствія у нихъ никакого нѣтъ. Ихъ появленіе слѣдуетъ объяснить развѣ только желаніемъ посмѣшить публику насчетъ «Клопштока», единственнаго слова, которое они произносятъ на сценѣ; въ чемъ тутъ остроуміе, трудно понять; но компанія эта производитъ отвратительное впечатлѣніе. Фигурируетъ еще здѣсь Софія, сестра Шарлотты, очень недурно обрисованная музыкально и включенная, должно быть, какъ антиподъ серьезной героинѣ. О музыкѣ «Вертера» придется немного говорить.

Массенэ здѣсь новаторствуетъ; онъ избѣгаетъ ансамблей, большихъ оперныхъ финаловъ, балета и вообще хоровъ; все это, конечно, дѣлается по рецепту Вагнера и новаго тутъ для насъ ничего нѣтъ; вопросъ только въ томъ, выиграла ли опера отъ этого что нибудь? По нашему, наоборотъ, проиграла: отъ нея вѣетъ скукой; лирика Массенэ страдаетъ дѣланностью и обдаетъ холодомъ; въ немъ слишкомъ мало непосредственнаго чувства; онъ гораздо чаще прибѣгаетъ къ маскированію искренняго чувства посредствомъ рисованія звуками, чѣмъ вызываетъ это чувство теплотой, настроеніемъ. Музыкальныя мысли его кратки. Мы ужь не говоримъ о созданіи характеровъ; трудно было бы требовать отъ француза олицетворенія нѣмецкихъ типовъ, да еще вертеровской эпохи; но мы говоримъ о музыкѣ вообще. Конечно, въ видѣ оазисовъ попадаются и болѣе или

Digitized by Google

менѣе недурныя страницы, кое-какіе отдѣльные отрывки, клочки фразъ и пр.; но именно поэтому мы и говоримъ, что цѣльнаго ничего нѣтъ. Такъ, къ лучшимъ мѣстамъ слѣдуетъ отнести: интродукцію къ первому акту, любовный дуэтъ въ немъ, дѣтскій хорикъ, разучивающій рождественскій гимнъ подъ управленіемъ судьи, небольшой дуэтикъ Шарлотты и Софіи (въ третьемъ дѣйствіи) и др. Въ итогѣ, «Вертеръ»—опера безъ музыки, какія въ настоящее время фабрикуются десятками, и если она пользуется успѣхомъ въ Вѣнѣ и въ Парижѣ, то Массенэ долженъ поставить памятникъ славы г. Ванъ-Дику, спасающему его дѣтище отъ забвенія.

V. Симфоническія собранія.

Изъ всего сонма концертовъ, которыми такъ богатъ нашъ зимній сезонъ, мы остановимся лишь на двухъ серіяхъ вечеровъ, рѣзко отличающихся другъ отъ друга своимъ характеромъ; такимъ образомъ, за отсутствіемъ мѣста, не станемъ останавливаться не только на концертахъ отдѣльныхъ личностей, но и на тѣхъ, которые даются постоянно,—на квартетныхъ и камерныхъ собраніяхъ. Что же касается вечеровъ, которые были устроены разными хоровыми обществами и въ которыхъ исполнены были такія капитальныя произведенія, какъ ораторія Гуно: «Смерть и жизнь», «Бѣгство въ Египетъ», Берліоза, «Потерянный Рай», Рубинштейна, «Семь словъ Спасителя», Гайдна, и др., то они, быть можетъ, послужатъ намъ отдѣльною темой для бесѣды о духовной музыкѣ; тутъ будетъ кстати привести взглядъ Рубинштейна на духовную оперу вообще и въ частности познакомиться съ тѣми отрывками изъ «Моисея», которые исполнены были въ одномъ изъ разсматриваемыхъ симфоническихъ собраній.

Симфоническія собранія даются русскимъ музыкальнымъ обществомъ, а такъ называемые «*Русскіе симфоническіе концерты*» устраиваются на средства одного любителя музыки, извѣстной подъ шутливой кличкой—музыки «могучей кучки». Характернымъ отличіемъ первыхъ вечеровъ отъ вторыхъ служитъ то, что «Русскіе концерты» имѣютъ дѣло съ крайне ограниченнымъ кружкомъ авторовъ и исполнителей; устроители этихъ собраній, которыхъ обыкновенно бываетъ два или три, никогда не включаютъ въ свои программы никого, кто не носитъ надъ собой знаковъ ихъ флага, кто не крайній приверженецъ ихъ направленія, считая всякаго, кто не за нихъ, противъ нихъ. Эта узкая замкнутость и партійность ихъ программы, продуцирующія одни и тѣ же произведенія однихъ и тѣхъ же авторовъ, вовсе нелюбимыя публикой и почти совсѣмъ ею не посѣщаемыя — придаютъ этимъ вечерамъ своеобразный семейный характеръ и, право, лучше было бы ихъ перенести въ какой нибудь частный домъ, хоть бы того же покровителя. Русское же музыкальное общество преслѣдуетъ совершенно противоположныя цѣли.

Оно широко раскрываетъ свои двери для всѣхъ русскихъ композиторовъ и для иностранныхъ (изъ послѣднихъ «Рус. симфон.

Digitized by Google

концерты» иногда допускаютъ Листа и Берліоза въ видѣ исключенія); то же нужно сказать и относительно исполнителей. Имѣя въ своемъ распоряженіи только десять собраній, распорядители, конечно, должны составлять свои программы съ большимъ выборомъ и осмотрительностью, тѣмъ болѣе, что извѣстное мѣсто должно быть удѣлено классическимъ произведеніямъ: Бетховена, Моцарта, Гайдна, Генделя, Баха, Мендельсона, Шумана, Шуберта и пр. Понятно, что остается мѣсто для молодыхъ композиторовъ; тѣмъ не менѣе все, болѣе или менѣе выдающееся, найдетъ здѣсь доступъ безъ различія флага и направленія; доказательствомъ можетъ служить то, что и произведенія такъ называемой радикальной партіи всегда включаются въ концерты симфоническихъ собраній; мы здѣсь встрѣчаемъ имена гг. Балакирева, Римскаго-Корсакова (онъ дирижируетъ «Русс. симф. концертами») и Кюи, равно какъ и умершихъ Мусоргскаго и Бородина. То же нужно сказать и относительно исполнителей.

Въ истекшемъ сезонѣ было нѣсколько дирижеровъ; внезапная смерть П. И. Чайковскаго поставила музыкальное общество въ затруднительное положеніе; покойный долженъ былъ дирижировать четыре концерта, два предназначались г. Направнику, а остальные—г. Крушевскому. Когда же Чайковскій такъ неожиданно умеръ послѣ перваго симфоническаго собранія, рѣшено было поручить три вечера г. Направнику (изъ нихъ второе собраніе было посвящено исключительно произведеніямъ умершаго композитора; кстати прибавимъ, что и первый «Русскій симфоническій концертъ» былъ посвященъ ему же), пригласить гг. С. Танѣева (бывшаго директора московской консерваторіи) и Лядова по одному разу, а остальныя собранія предоставить г. Крушевскому. Такимъ образомъ, въ этомъ году было пять дирижеровъ, изъ которыхъ каждый вносилъ извѣстную индивидуальную окраску въ свой вечеръ. Г. Танѣевъ, напр., познакомилъ насъ съ начинающимъ московскимъ композиторомъ г. Конюсомъ, исполнивъ его сюиту, называемую «Изъ дѣтской жизни». Г. Лядовъ, котораго больше тянетъ къ радикальной партіи, включилъ, конечно, произведеніе г. Римскаго-Корсакова, къ сожалѣнію, слишкомъ извѣстное («Садко») и поэму славянскаго композитора Сметаны: «Вышеградъ».

Изъ оставшихся въ распоряженіи г. Направника двухъ вечеровъ, кромѣ удѣленнаго Чайковскому (въ программу вошли: лебединая пѣснь покойнаго—шестая симфонія, названная «патетическою», извѣстный скрипичный концертъ, написанный для г. Ауэра, ему посвященный и имъ исполненный въ этотъ вечеръ; аріозо Онѣгина, спѣтое приглашеннымъ баритономъ г. Удэномъ, создавшимъ Онѣгина въ Лондонѣ, когда опера эта была поставлена бывшей артисткой московской большой оперы, г-жей Святловской, и знаменитая увертюра «Ромео и Джульетта», игранная въ первый разъ тѣмъ же г. Направникомъ въ тѣхъ же симфоническихъ собраніяхъ въ 1872 г.; нетрудно себѣ представить интересъ этого вечера, на который скопился весь Петербургъ)—онъ посвятилъ одинъ вечеръ, главнымъ образомъ, Бетховену (дана была девятая симфонія съ солистами и хоромъ), а въ другомъ исполнилъ свою симфоническую поэму—«Демонъ».

Digitized by Google

Г. Крушевскій исполнилъ нѣсколько новыхъ произведеній: отрывки (двѣ сцены) изъ духовной оперы «Моисей» (она недавно была исполнена за границей, подъ управленіемъ автора, съ громаднымъ успѣхомъ); объ этомъ произведеніи надо подробнѣе поговорить, а потому не будемъ его теперь касаться; «Nirvana» — музыкальная картина Ганса фонъ-Бюлова, умершаго въ этомъ году въ Каирѣ (если Гуно не вошелъ въ программу, то, вѣроятно, оттого, что смерть Чайковскаго, случившаяся почти одновременно, помѣшала этому) и сюиту г. А. С. Танѣева. Бюловъ никогда собственно композиторомъ не былъ; всесвѣтная слава его зиждется на трехъ обстоятельствахъ: онъ былъ замѣчательнымъ виртуозомъ, первоклассномъ дирижеромъ и еще бо̀льшимъ чудакомъ; онъ вездѣ заставлялъ говорить въ такой же степени о своемъ талантѣ, какъ и о чудачествахъ. Крайній поклонникъ Вагнера, Листа и Берліоза—Бюловъ также философствовалъ въ музыкѣ; легко себѣ представить, что̀ за произведеніе далъ онъ, взявшись за музыкальную иллюстрацію буддійскаго ученія о «небытіи», т. е. о томъ духовномъ состояніи, котораго человѣкъ достигаетъ при полной отрѣшенности, терпѣніи, сосредоточенности, самопознаніи, милосердіи и равнодушіи ко всему.

Намъ остается еще упомянуть о солистахъ, участвовавшихъ въ собраніяхъ: кромѣ гг. Ауэра и Вержбиловича (віолончель), были тутъ пѣвцы, піанисты и арфистка. Изъ первой категоріи назовемъ г-жъ Лавровскую и Бакмансонъ; первой слѣдуетъ уже рѣже появляться на эстрадѣ, а вторая—обѣщаетъ многое. Изъ піанистовъ назовемъ г-жъ Ментеръ и Якимовскую, и г. Сапельникова; играла еще приглашенная Чайковскимъ для перваго концерта американка Аусъ-деръ-Оге. На арфѣ играла г-жа Сервантесъ, ведущая свой родъ отъ знаменитаго поэта, автора «Донъ-Кихота».

VI. Консерваторія.

Сказанное до сихъ поръ относится къ тому, что̀ уже прошло и можетъ лишь служить нѣкоторымъ матеріаломъ для исторіи нашей музыкальной жизни; обратимся теперь къ тому учрежденію, въ которомъ кроется залогъ нашихъ будущихъ надеждъ; посмотримъ, что̀ сдѣлала за разсматриваемый годъ наша музыкальная alma mater, каковы были ея внутреннія распорядки, какія перемѣны она пережила, каковы успѣхи, оказанные ея питомцами на публичныхъ испытаніяхъ,—словомъ, обратимся къ консерваторіи. Предъ нами годовой отчетъ ея дѣятельности, а на публичномъ актѣ мы и сами присутствовали. Этихъ данныхъ совершенно достаточно, чтобы составить себѣ довольно ясное понятіе о ней и ея дѣятельности.

Въ этомъ году истекъ 32-й годъ дѣятельности нашей консерваторіи, открытой 8 сентября 1862 г., и произведенъ 29-й выпускъ учащихся. Обучалось 551 лицо, въ томъ числѣ 246 учениковъ и 305 ученицъ. По предметамъ и спеціальнымъ классамъ они распредѣлялись такимъ образомъ: а) въ оркестровомъ отдѣлѣ было 147 учениковъ и 17 ученицъ (всего 164), б) въ отдѣлѣ пѣнія — 26 и

Digitized by Google

59 (всего 81 лицо), в) въ отдѣлѣ игры на фортепіано—41 и 224 (всего 265), г) въ отдѣлѣ игры на органѣ — 9 и 1 (всего 10) и д) въ отдѣлѣ теоріи композиціи—27 и 4 (всего 31). За установленную плату по 200 р. обучалось обоего пола 290 человѣкъ; стипендіатовъ съ приплатой по 100 р.—31 лицо, стипендіатовъ, поступившихъ на прежнихъ основаніяхъ и потому освобожденныхъ отъ доплаты—70; въ числѣ учащихся было стипендіатовъ разныхъ лицъ и вѣдомствъ—152 человѣка. Въ личномъ составѣ тоже произошли нѣкоторыя перемѣны: вмѣсто профессора Вейса приглашена по классу фортепіано извѣстная артистка г-жа Есипова.

Въ теченіе курса состоялось въ нашей консерваторіи 17 вечеровъ, въ томъ числѣ десять въ присутствіи публики; экстренный музыкальный вечеръ въ честь А. Г. Рубинштейна (18 ноября, по случаю дня его рожденія); въ Александринскомъ театрѣ дано было оперное представленіе, въ которомъ исполнены были: первое дѣйствіе и часть втораго изъ «Волшебнаго стрѣлка» Вебера и два первыхъ акта изъ «Пуританъ» Беллини. Кромѣ того, въ залѣ кредитнаго общества даны были два концерта подъ управленіемъ профессора Галкина; сборъ поступилъ въ кассу общества для вспомоществованія учащимся въ консерваторіи. 1 сентября отчетнаго года исполнилось 25 лѣтъ музыкально-педагогической дѣятельности профессоровъ гг. Ауэра, Вурма и Нидмана, составляющихъ гордость петербургской консерваторіи; особенно плодотворна дѣятельность знаменитаго Ауэра, давшаго цѣлый рядъ блестящихъ скрипачей, изъ которыхъ многіе—уже теперь профессора въ другихъ консерваторіяхъ, а многіе составили себѣ громкое реномэ въ качествѣ виртуозовъ. Дума учредила двѣ стипендіи имени П. И. Чайковскаго.

Объ экзаменахъ, происходившихъ въ теченіе мая, скажемъ нѣсколько словъ. Изъ бывшихъ учениковъ многіе выдержали дополнительные экзамены и удостоились званія свободныхъ художниковъ. Иные же изъ бывшихъ воспитанниковъ консерваторіи получили аттестаты, по выдержаніи установленныхъ программами испытаній, такихъ восемь человѣкъ. Затѣмъ совѣтъ назначилъ, ежегодно приносимый въ даръ фирмой Шредера, рояль въ память пятидесятилѣтняго юбилея А. Г. Рубинштейна, для награжденія лучшаго ученика или ученицы по классу фортепіана—ученику Габриловичу, юношѣ 16 лѣтъ, подающему большія надежды. На актѣ онъ игралъ вмѣстѣ съ своей соперницей г-жей Друкеръ; онъ исполнялъ съ оркестромъ одинъ изъ бетховенскихъ концертовъ, а она—одинъ изъ рубинштейновскихъ; болѣе тонко, съ большими нюансами въ отдѣлкѣ играла г-жа Друкеръ, но бо́льшую талантливость обнаружилъ лауреатъ; у нея все было прекрасно передано и даже не безъ огонька, а у него уже замѣтно было нѣкоторое индивидуальное отношеніе.

Заговоривъ объ актѣ, скажемъ кстати и о другихъ лицахъ, выставленныхъ консерваторіей, какъ лучшіе образчики дѣятельности школы и профессоровъ. Совершенно готовыми артистами предстали: г-жа Сушкова, колоратурное сопрано, отлично приготовленное къ сценической дѣятельности, и скрипачъ г. Налбандьянъ, исполнившій первую часть труднаго скрипичнаго концерта съ оркестромъ Чайковскаго. Вообще всѣ участвовавшіе на актѣ прекрасно поддер-

Digitized by Google

жали реномэ своихъ профессоровъ и явились законченными исполнителями; отлично играли и арфистка, и віолончелистъ, и валторнистъ, и др. Каждый изъ выходившихъ на эстраду, не смотря на робость и волненіе, совершенно понятныя при условіяхъ дебюта предъ музыкальнымъ міромъ, собравшимся на актѣ, обнаруживалъ солидныя познанія, пріобрѣтенныя въ классѣ. Школа, конечно, создавать талантовъ не можетъ, но все, что̀ она можетъ дать—познанія, техническія свѣдѣнія, выправку, законченность, осмысленность исполненія,—все это, говоримъ мы, дано ею, а бо̀льшаго отъ школы требовать нельзя. Выступилъ еще тутъ молодой композиторъ, г. Фистулъ, дирижировавшій свою кантату на заданную тему: «Рай и Пери» для солистовъ, хора и оркестра. Кантата эта была одобрена, одна изъ четырехъ, представленныхъ учениками. Произведеніе это, въ которомъ видно вліяніе Чайковскаго (образецъ, во всякомъ случаѣ, хорошій и говорящій о вкусѣ молодаго композитора; обыкновенно вѣдь начинаютъ съ подражанія) понравилось многочисленнымъ слушателямъ. Въ итогѣ, впечатлѣніе очень выгодно для консерваторіи и ея представителей.

В. Баскинъ.

Digitized by Google

Два стихотворенія.

I.

Я бы пѣсню тебѣ вдохновенную спѣлъ,
Еслибъ выразить чувство словами умѣлъ!
Чтобъ тебя, средь невзгодъ и волненій земли,
Звуки пѣсни моей убаюкать могли;
Чтобъ слова, смыслъ которыхъ я въ сердцѣ таю,
Тихой радостью душу ласкали твою;
Чтобъ всю жизнь, средь счастливыхъ и дѣвственныхъ грёзъ,
Ты не вѣдала бурь, огорченій и слезъ...
Я бы пѣснь неземную, волшебную спѣлъ,
Еслибъ выразить чувство словами умѣлъ!

II.

Когда тебя постигнетъ горе,
Ты, успокоившись, взгляни
На небо вольное, какъ море,
На тучки быстрыя, какъ дни.

Вѣрь: кратковременны тамъ бури,
Какъ на землѣ людей печаль...
И часто свѣтъ живой лазури
Смѣняетъ сумрачную даль!

Н. Языковъ.

Digitized by Google

ЛУРДЪ.

Романъ **Эмиля Золя.**

Когда поѣздъ трогался, дверца вагона снова распахнулась и кондукторъ втолкнулъ четырнадцатилѣтнюю дѣвочку въ отдѣленіе, гдѣ сидѣли Мари и Пьеръ.

— Постойте, вотъ тутъ есть мѣсто, поторопитесь.

Лица пассажировъ уже вытягивались; сидѣвшіе въ вагонѣ были готовы возмутиться, но вдругъ сестра Гіацинта воскликнула:

— Какъ? это вы, Софи? Вы опять ѣдете поклониться пресвятой Дѣвѣ, которая исцѣлила васъ въ прошломъ году?

А г-жа де-Жонкьеръ сказала въ то же время:

— А, моя маленькая пріятельница Софи! это очень хорошо, что вы не забываете благодарности.

— Конечно, сестрица, конечно, сударыня,—мило отвѣчала дѣвочка.

Впрочемъ, дверца уже захлопнулась и пришлось волей-неволей принять новую богомолку, точно упавшую съ неба какъ разъ въ моментъ отхода поѣзда, который она чуть не прозѣвала; но дѣвочка была такая тоненькая, что ей не требовалось много мѣста. Кромѣ того, она оказывалась знакомой дамамъ-попечительницамъ; глаза всѣхъ больныхъ устремились на нее и всѣ ожидали услышать, какъ произошло исцѣленіе маленькой Софи. Между тѣмъ поѣздъ вышелъ со станціи, машина пыхтѣла при ускорявшемся ходѣ, подъ усиленный стукъ колесъ, и сестра Гіацинта повторила, хлопая въ ладоши:

— Скорѣе, дѣти мои, споемъ Magnificat!

Пока ликующая пѣснь раздавалась подъ громыханье и толчки вагона, Пьеръ разсматривалъ Софи. Это очевидно была маленькая крестьянка изъ семьи бѣдныхъ землевладѣльцевъ въ окрестностяхъ Пуатье, которую родители баловали и держали

Digitized by Google

барышней съ тѣхъ поръ, какъ на ней проявилось чудо, сдѣлавъ ихъ дочь избранницей, привлекавшей къ себѣ приходскихъ священниковъ цѣлаго округа. На ней была соломенная шляпа съ розовыми лентами и сѣрое шерстяное платьице съ оборкой. Круглое личико Софи нельзя было назвать хорошенькимъ, но оно отличалось миловидностью, дышало здоровьемъ и на немъ сіяли свѣтлые, хитрые глазенки, придававшіе ей улыбающійся и скромный видъ.

По окончаніи Magnificat, Пьеръ не могъ противиться желанію разспросить Софи. Ребенокъ этихъ лѣтъ, съ такой невинной наружностью, казалось, не могъ лгать, и это его сильно заинтересовало.

— Итакъ, мое дитя, вы чуть не пропустили поѣзда?

— О, г-нъ аббатъ, мнѣ было бы ужасно стыдно... Я была на станціи съ самаго полудня и вдругъ увидала приходскаго священника изъ церкви святой Радегонды. Я его хорошо знаю; онъ подозвалъ меня къ себѣ, чтобы поцѣловать, говоря, что я хорошая дѣвочка, если возвращаюсь въ Лурдъ. А тутъ поѣздъ и сталъ отходить, такъ что я пустилась бѣгомъ... Ужь я бѣжала, бѣжала!

Она смѣялась, еще запыхавшаяся, раскаиваясь, однако, въ томъ, что едва не попала впросакъ по своей вѣтряности.

— А какъ васъ зовутъ, дитя мое?

— Софи Куто, г-нъ аббатъ.

— Вы не изъ самаго Пуатье?

— Конечно, нѣтъ... Мы изъ Вивонны, въ семи километрахъ. У моего отца съ матерью есть маленькая землица и дѣла у насъ шли бы хорошо, не будь восьмерыхъ дѣтей... Я пятая. Къ счастью, четверо старшихъ ужь начинаютъ работать.

— Ну, а вы, дитя мое, чѣмъ занимаетесь?

— Я? О, г-нъ аббатъ, отъ меня мало проку... Съ прошлаго года, съ тѣхъ поръ какъ я возвратилась домой здоровая, меня ни на одинъ день не оставляютъ въ покоѣ, потому что, понимаете, ко мнѣ являются посѣтители; меня возили и къ монсеньёру, и по монастырямъ, и вездѣ... А до тѣхъ поръ я долго хворала и не могла ходить безъ палки; я вскрикивала при каждомъ шагѣ, до того у меня болѣла нога.

— Значитъ, пресвятая Дѣва исцѣлила васъ отъ боли въ ногѣ?

Digitized by Google

Софи не успѣла отвѣтить. Внимательно слушавшая сестра Гіацинта вмѣшалась въ разговоръ:

— У нея была костоѣда пятки, продолжавшаяся три года. Нога распухла и скривилась, а изъ образовавшихся фистулъ постоянно вытекалъ гной.

Въ одну минуту всѣ больные въ вагонѣ живо заинтересовались происшествіемъ. Они не спускали глазъ съ дѣвочки, получившей благодать исцѣленія, и какъ будто отыскивали въ ней чудо. Тѣ, которые могли встать, поднялись съ мѣста, чтобы лучше ее видѣть, а другіе, немощные, лежавшіе въ растяжку на матрацахъ, старались хоть немного приподняться и повернуть къ ней голову. Среди своихъ страданій, возобновившихся по отъѣздѣ изъ Пуатье, ужасаясь пятнадцати часовъ пути, которые еще были передъ ними, они оживились при внезапномъ появленіи этого ребенка, избраннаго небомъ; дѣвочка приносила имъ божественное облегченіе, лучъ надежды, въ которомъ и они почерпнутъ силы, чтобы дождаться конца путешествія. Стоны уже замолкали и всѣ лица обращались къ Софи съ пламенной потребностью вѣрить.

Мари въ особенности оживилась, приподнялась на половину, сложила трепещущія руки и стала потихоньку умолять Пьера.

— Разспросите ее, пожалуйста, пусть она намъ все разскажетъ... Выздоровѣла, Боже мой! Исцѣлилась отъ такой ужасной болѣзни.

Растроганная г-жа де-Жонкьеръ нагнулась поцѣловать ребенка черезъ перегородку.

— Разумѣется, наша маленькая пріятельница разскажетъ намъ... Не правда ли, милочка, вѣдь вы разскажете о томъ, что пресвятая Дѣва сдѣлала для васъ?

— О, конечно, сударыня... Сколько вамъ угодно.

Дѣвочка сохраняла свой улыбающійся скромный видъ, а ея глаза блестѣли умомъ. Она хотѣла начать тотчасъ же, и подняла къ верху правую руку милымъ жестомъ, требовавшимъ вниманія. Очевидно, ребенокъ привыкъ говорить при публикѣ. Но Софи не было видно со всѣхъ мѣстъ вагона, и сестрѣ Гіацинтѣ пришла въ голову новая мысль:

— Встаньте на скамейку, Софи, и говорите погромче, потому что здѣсь такъ шумно.

Digitized by Google

Это показалось дѣвочкѣ забавнымъ и ей пришлось сначала собраться съ духомъ, чтобы вернуть свою серьезность.

— Вотъ видите, моя нога совсѣмъ никуда не годилась; я даже не могла ходить въ церковь и мнѣ постоянно было нужно бинтовать ногу, потому что оттуда вытекала разная гадость. Г-нъ Ривуаръ, докторъ, который сдѣлалъ разрѣзъ, чтобы посмотрѣть, что̀ тамъ внутри, говорилъ, что придется вынуть кусокъ кости, отчего я навѣрно сдѣлалась бы хромою... Тогда, помолившись усердно пресвятой Дѣвѣ, я пошла помочить больную ногу въ водѣ, съ такимъ желаніемъ исцѣлиться, что даже не сняла бинтовъ. И всѣ мои тряпки остались въ водѣ, а на ногѣ не было ничего, совсѣмъ ничего, когда я вышла.

Въ рядахъ присутствующихъ поднялся шопотъ, вызванный удивленіемъ и восторгомъ при этой прекрасной, чудесной сказкѣ, такой отрадной для отчаивавшихся. Но малютка еще не кончила. Помолчавъ немного, она заключила съ новымъ жестомъ, слегка разводя руками:

— Въ Вивоннѣ, когда г-нъ Ривуаръ осмотрѣлъ мою ногу, онъ сказалъ:—«Пускай хоть милосердый Богъ, хоть самъ чортъ исцѣлилъ этого ребенка, мнѣ все равно; но дѣло въ томъ, что она исцѣлена».

Тутъ раздались взрывы смѣха; Софи говорила, какъ по писанному, привыкнувъ много разъ повторять свою исторію, которую она выучила наизустъ. Острота доктора производила неотразимый эффектъ и, произнося ее, дѣвочка смѣялась заранѣе, зная, что заставитъ смѣяться другихъ, но это не мѣшало ей, однако, оставаться наивной и трогательной.

Между тѣмъ, она, повидимому, забыла одну подробность, потому что сестра Гіацинта, бросившая лукавый взглядъ на слушателей, передъ знаменательной фразой доктора, тихонько шепнула ей:

— Софи, а что вы сказали графинѣ, директрисѣ своей палаты?

— Ахъ, да... Я не захватила съ собой достаточно бинтовъ для своей ноги и сказала той дамѣ: «Пресвятая Дѣва хорошо сдѣлала, что исцѣлила меня въ первый же день, потому что на завтра мнѣ не хватило бы тряпокъ».

Опять всѣ весело разсмѣялись. Дѣвочку находили премилой изъ-за того, что она исцѣлилась такимъ образомъ! И, на во-

Digitized by Google

просъ г-жи де-Жонкьеръ, Софи пришлось разсказать еще исторію ботинокъ, прекрасныхъ ботинокъ, совсѣмъ новенькихъ, подаренныхъ ей графиней, въ которыхъ она отъ восторга бѣгала, скакала, плясала. Подумайте только—ботинки, тогда какъ бѣдняжка цѣлыхъ три года не могла надѣть даже туфли!

Сдѣлавшись серьезнымъ, поблѣднѣвъ отъ непріятнаго чувства, которое глухо поднималось въ немъ, Пьеръ продолжалъ смотрѣть на дѣвочку. Онъ обратился къ ней еще съ нѣсколькими вопросами. Она очевидно не лгала, но онъ подозрѣвалъ, что Софи постепенно дошла до искаженія истины, стала допускать понятныя прикрасы, восхищаясь своимъ выздоровленіемъ и тѣмъ, что она сдѣлалась маленькой важной персоной.

Кто можетъ знать теперь, не потребовало ли нѣсколькихъ дней это мнимо-моментальное, полное закрытіе ранъ, которое по ея словамъ совершилось въ нѣсколько секундъ? Гдѣ были свидѣтели?

— Я была тамъ,—вымолвила какъ разъ г-жа де-Жонкьеръ.— Софи помѣщалась не въ моей палатѣ, но я видѣла ее въ то же утро хромающею...

Пьеръ съ живостью прервалъ говорившую:

— А, вы видѣли ея ногу до и послѣ погруженія въ воду?

— Нѣтъ, нѣтъ, я не думаю, чтобъ кто нибудь могъ ее видѣть, потому что она была обвернута компрессами. Вѣдь Софи сказала вамъ сама, что компрессы свалились въ бассейнъ...

И, повернувшись къ ребенку, попечительница прибавила:

— Вотъ она сейчасъ покажетъ вамъ свою ногу... Не такъ ли, Софи? Разуйтесь.

Дѣвочка уже снимала башмакъ и чулокъ съ быстротою и готовностью, которыя явно свидѣтельствовали о пріобрѣтенной привычкѣ. Она вытянула свою ногу, очень чистенькую, замѣчательно бѣлую, даже выхоленную, съ тщательно подрѣзанными розовыми ногтями, и повертывала ее, нисколько не стѣсняясь, чтобы священникъ могъ хорошенько ее разсмотрѣть. На ногѣ, подъ щиколодкой, виднѣлся большой рубецъ, бѣловатый шовъ котораго, выступавшій очень явственно, доказывалъ, насколько серьезна была болѣзнь.

— О, г-нъ аббатъ, возьмите меня за пятку, сожмите, что̀ есть силы, мнѣ теперь совсѣмъ не больно.

Пьеръ сдѣлалъ жестъ, который можно было истолковать

Digitized by Google

такимъ образомъ, что могущество пресвятой Дѣвы восхищаетъ его. Однако, молодаго священника по прежнему грызло сомнѣніе. Какая невѣдомая сила дѣйствовала тутъ? Или, скорѣе, какой неправильный діагнозъ врача, какая смѣсь преувеличеній привели къ этой прекрасной сказкѣ?

Между тѣмъ, всѣ больные захотѣли посмотрѣть чудесную ногу,—это видимое доказательство божественнаго исцѣленія, котораго они всѣ домогались сами. Мари первая прикоснулась къ ногѣ дѣвочки, усѣвшись на постели и уже менѣе страдая. Затѣмъ г-жа Мазъ, выдя изъ своей меланхоліи, передала ногу г-жѣ Венсанъ; та была готова приложиться къ ней, какъ къ святынѣ, за надежду, которую она ей возвращала. Сабатье прислушивался ко всему съ блаженнымъ видомъ. Г-жа Ветю, Гриветтъ, даже братъ Изидоръ открыли глаза и заинтересовались; а лицо Элизы Рукэ сдѣлалось совсѣмъ необыкновеннымъ, преобразилось вѣрою, стало почти прекраснымъ: если эта рана исчезла такимъ образомъ, то не закроется ли и ея страшная язва? Не сгладится ли она, оставивъ только чуть замѣтный рубецъ на ея лицѣ, которое сдѣлается, какъ у всѣхъ? Софи, по прежнему стоя, должна была ухватиться за одинъ изъ желѣзныхъ прутьевъ сбоку скамьи и поставить свою ногу на край перегородки; она не уставала поворачиваться влѣво, вправо, счастливая и гордая раздававшимися вокругъ восклицаніями, трепетнымъ восторгомъ и набожнымъ почтеніемъ, которое оказывали этой частицѣ ея особы,—этой маленькой ножкѣ, ставшей теперь какъ будто священной.

— Для этого, безъ сомнѣнія, нужна великая вѣра,—подумала вслухъ Мари,—надо имѣть совсѣмъ невинную душу...

И, обратившись къ де-Герсену, она прибавила:

— Отецъ, я чувствую, что исцѣлилась бы, еслибъ была десяти лѣтъ и обладала невинной душой маленькой дѣвочки.

— Да тебѣ и такъ десять лѣтъ, моя дорогая! Не правда ли, Пьеръ, что и у десятилѣтнихъ дѣвочекъ не можетъ быть болѣе непорочной души?

Старый архитекторъ, со своимъ химерическимъ умомъ, обожалъ исторіи о чудесахъ, а священникъ, глубоко растроганный пламенной чистотою молодой дѣвушки, не сталъ спорить, позволяя ей отдаться проносившемуся вѣянію утѣшительной иллюзіи.

Digitized by Google

Съ отъѣздомъ изъ Пуатье, погода испортилась; на мѣдно-красномъ небѣ собиралась гроза и поѣздъ катился какъ будто въ раскаленной печи. Мимо него мелькали деревни, мрачныя и пустынныя подъ палящимъ солнцемъ. Въ Кушэ-Веракѣ снова прочитали молитвы по четкамъ и спѣли гимнъ. Однако религіозныя упражненія шли немножко вяло. Сестра Гіацинта, еще не завтракавшая, рѣшилась наскоро подкрѣпиться фруктами и булкой, не переставая въ то же время ухаживать за незнакомымъ пассажиромъ, который сталъ дышать теперь немножко ровнѣе. Только въ Рюфекѣ, въ три часа, прочитали вечерню Богородицы.

— Ora pro nobis, sancta Dei Genitrix.

— Ut digni efficiamur promissionibus Christi.

Когда пѣніе кончалось, Сабатье, наблюдавшій, какъ маленькая Софи обувала чулокъ и башмакъ, повернулся къ де-Герсену.

— Безъ сомнѣнія, случай съ этимъ ребенкомъ интересенъ. Но это, сударь, еще пустяки; бывало много исцѣленій гораздо поважнѣе... Знаете ли вы исторію Пьера изъ Рюддера, бельгійскаго рабочаго?

Всѣ опять навострили уши.

— Этотъ человѣкъ сломалъ ногу, свалившись съ дерева. Цѣлыхъ восемь лѣтъ обломки кости не срослись, можно было видѣть оба конца въ глубинѣ раны, постоянно сочившейся гноемъ, и нога совсѣмъ не держалась, болтаясь, какъ тряпка... И вотъ ему было достаточно выпить стаканъ чудодѣйственной воды, чтобы кость у него моментально срослась и рана залѣчилась. Онъ могъ ходить безъ костылей и докторъ сказалъ ему:—«Нога у васъ здорова, какъ у только что родившагося ребенка». И, дѣйствительно, она сдѣлалась совсѣмъ какъ новая.

Никто не сказалъ ни слова. Присутствующіе только обмѣнивались восхищенными взглядами.

— Но постойте еще,—продолжалъ Сабатье,—вотъ исторія Луи Буріэтта, каменолома, одно изъ первыхъ чудесъ въ Лурдѣ. Слыхали ли вы о ней?.. Буріэттъ былъ раненъ при взрывѣ мины. На правый глазъ онъ совершенно ослѣпъ, и ему грозила потеря и лѣваго глаза... Однажды онъ послалъ свою дочь зачерпнуть бутылку мутной воды изъ источника, который едва сочился. Больной промылъ глазъ этой грязью и принялся го-

Digitized by Google

рячо молиться. Вдругъ онъ испустилъ крикъ, потому что сталъ видѣть, сударь,—видѣть также хорошо, какъ мы съ вами... Докторъ, лѣчившій его, описалъ этотъ удивительный случай, такъ что въ немъ нельзя сомнѣваться.

— Какое чудо!—въ восторгѣ прошепталъ де-Герсенъ.

— Хотите, сударь, я приведу вамъ другой примѣръ? Онъ знаменитъ и произошелъ съ Франсуа Макари, столяромъ изъ Лавора... Въ продолженіе восемнадцати лѣтъ, у него былъ глубокій нарывъ со значительнымъ набуханіемъ тканей на внутренней части лѣваго бедра. Больной дошелъ до того, что не могъ больше двигаться; наука признала его неизлѣчимымъ калѣкой... И вотъ однажды вечеромъ онъ запирается съ бутылкой воды изъ Лурда, снимаетъ свои бинты и моетъ обѣ ноги; остальную же воду въ бутылкѣ выпиваетъ. Потомъ онъ ложится, засыпаетъ, и когда просыпается, то ощупываетъ себя, смотритъ,—ничего больше! Опухоль, нарывъ, все пропало... Кожа на колѣнѣ, сударь, сдѣлалась такой же гладкой, свѣжей, какъ въ двадцать лѣтъ!

На этотъ разъ всѣ ахнули отъ удивленія и восторга. Больные и паломники вступали въ очарованную землю чудесъ, гдѣ невозможное осуществляется на поворотѣ каждой дорожки, гдѣ люди просто переходятъ отъ одного чуда къ другому. И каждый изъ присутствующихъ спѣшилъ разсказать какую нибудь исторію, пылая нетерпѣніемъ привести свое доказательство, подтвердить примѣромъ свою вѣру и надежду.

Молчаливая г-жа Мазъ увлеклась до того, что заговорила первая.

— У меня есть подруга, которая знала вдову Ризанъ, даму, исцѣленную чудеснымъ образомъ, что̀ надѣлало тогда много шума. Въ продолженіе двадцати четырехъ лѣтъ, у нея была парализована вся лѣвая сторона. Ее рвало ото всякой пищи и она лежала, какъ пластъ, такъ что ее переворачивали въ постелѣ; наконецъ, отъ тренія простынь, у нея сдѣлались пролежни. Однажды вечеромъ больной сдѣлалось такъ плохо, что докторъ сказалъ, будто бы она не переживетъ той ночи. Часъ спустя, г-жа Ризанъ очнулась отъ забытья и слабымъ голосомъ стала просить свою дочь, чтобы та достала ей стаканъ лурдской воды отъ сосѣдки. Однако, святую воду удалось достать только на слѣдующее утро. «О, дочь моя, я пью жизнь; вытри

Digitized by Google

мнѣ этой водой лицо, руку, ногу, все тѣло», сказала тогда больная. И, по мѣрѣ того какъ ребенокъ повиновался, громадная опухоль на ея глазахъ опадала, а парализованные и распухшіе члены пріобрѣтали прежнюю гибкость и свой натуральный видъ. Но это еще не все: г-жа Ризанъ кричала, что она выздоровѣла, что ей хочется ѣсть, и потребовала говядины и хлѣба, которыхъ не брала въ ротъ въ теченіе двадцати четырехъ лѣтъ. Больная встала, одѣлась, между тѣмъ какъ дочь отвѣчала сосѣдкамъ, которыя, видя ее такой взволнованной, думали, что она осиротѣла: «нѣтъ, нѣтъ, мама не умерла, а воскресла»!

Слезы выступили на глазахъ г-жи Венсанъ. Боже мой, еслибъ ея Роза ожила такимъ же образомъ, стала съ апетитомъ ѣсть и бѣгать! Ей пришелъ на память другой случай съ молодою дѣвушкой, о которомъ она слышала въ Парижѣ, что сильно повліяло на ея рѣшеніе везти въ Лурдъ свою маленькую больную.

— Я также знаю исторію одной параличной, Люси Дрюонъ, пансіонерки сиротскаго дома, совсѣмъ молоденькой, которая не могла даже стать на колѣни. Члены у нея свело колесомъ; правая, болѣе короткая нога обвилась, наконецъ, вокругъ лѣвой, и когда одна изъ товарокъ несла ее, ноги больной болтались, какъ мертвыя. Замѣтьте, что она не поѣхала въ Лурдъ, а только говѣла девять сутокъ, постясь цѣлые дни и проводя ночи въ молитвѣ,—до того сильно было въ ней желаніе выздоровѣть. Наконецъ, на девятый день, когда она выпила немного лурдской воды, то почувствовала въ ногахъ сильнѣйшее сотрясеніе. Она поднялась, опять упала, снова поднялась и пошла. Всѣ ея товарки, удивленныя, почти испуганныя, кричали: «Люси ходитъ, Люси ходитъ»! И это была правда: ея ноги въ нѣсколько секундъ выпрямились и сдѣлались здоровы и сильны. Она прошла сама черезъ дворъ, могла подняться въ капеллу, гдѣ вся община съ восторженной благодарностью запѣла Magnificat. Ахъ, милое дитя, воображаю, какъ она была счастлива!..—Двѣ слезы скатились по щекамъ г-жи Венсанъ на блѣдное личко дочери, которую она принялась безумно цѣловать.

Между тѣмъ интересъ, возбужденный разсказами, все возрасталъ. Восторженная радость отъ этихъ прекрасныхъ сказокъ,—въ которыхъ небо всякій разъ торжествовало надъ дѣйствительностью, удручавшей людей,—приводила въ такой экстазъ

Digitized by Google

эти дѣтскія души, что самые трудные больные приподнимались въ свою очередь и начинали говорить. И подкладкой каждаго разсказа являлась озабоченность, дума о собственной болѣзни, увѣренность въ исцѣленіи, потому что у другихъ точно такая же болѣзнь разсѣялась отъ божественнаго дуновенія, какъ дурной сонъ.

— Ага!—пробормотала г-жа Ветю, едва ворочая языкомъ, пересмягшимъ отъ внутренняго жара,—мнѣ говорили еще про одну больную, Антуанету Тардивайль, у которой были такія же страшныя боли въ желудкѣ, какъ и у меня. Точно собаки грызли ей внутренности, а подъ ложечкой иногда вздувалась опухоль величиною въ дѣтскую голову. Тамъ выростали затверденія съ куриное яйцо и болѣзнь подвигалась такими быстрыми шагами, что восемь мѣсяцевъ спустя появилась кровавая рвота. Больная совсѣмъ умирала; отъ нея остались кожа да кости, желудокъ не принималъ никакой пищи, когда наконецъ она выпила лурдской воды и помочила ею себѣ подъ ложечкой. Три минуты спустя, докторъ, который оставилъ ее наканунѣ въ агоніи, еле дышавшей, нашелъ свою паціентку сидящей у камина; она преспокойно встала съ постели и кушала съ апетитомъ крылышко жаренаго цыпленка. Затверденія у нея исчезли; она смѣялась, какъ въ двадцать лѣтъ, и ея лицо приняло свѣжесть молодости. Ахъ, ѣсть, что тебѣ хочется, что тебѣ нравится! Помолодѣть, не страдать болѣе...

— А исцѣленіе сестры Жюльены!—сказала Гривотъ; она приподнялась на локтѣ и ея глаза лихорадочно заблестѣли.— У сестры Жюльены разыгралась болѣзнь, какъ у меня, отъ злокачественнаго насморка; потомъ она стала харкать кровью. Каждые шесть мѣсяцевъ болѣзнь обострялась и ей надо было лежать въ постели. Въ послѣдній разъ всѣ убѣдились, что она больше не встанетъ. Напрасно перепробовали всѣ лѣкарства: іодъ, мушки, вератринъ. Однимъ словомъ, у нея развилась настоящая чахотка, признанная шестью докторами. Хорошо! Вотъ она отправляется въ Лурдъ и богъ знаетъ, какихъ страданій стоила ей дорога туда. Въ Тулузѣ думали, что она совсѣмъ кончается. Сестры вынесли ее на рукахъ. Въ купели, дамы-попечительницы не рѣшались погрузить больную въ воду. Она была совсѣмъ, какъ покойникъ. Однако ее раздѣли и въ безсознательномъ состояніи, всю покрытую потомъ, погрузили въ

Digitized by Google

бассейнъ, а когда вынули оттуда, она до того помертвѣла, что ее положили наземь, думая, что ужь на этотъ разъ съ нею все кончено. И вдругъ на щекахъ у нея заигралъ румянецъ, глаза открылись и больная глубоко вздохнула. Сестра Жюльена совсѣмъ исцѣлилась; она сама одѣлась, безъ посторонней помощи, и плотно покушала, предварительно зайдя въ пещеру поблагодарить пресвятую Дѣву... Ну, что вы на это скажете? Вѣдь она была настоящая чахоточная, а между тѣмъ излѣчилась совершенно. Съ нея, какъ рукой, сняло всякую болѣзнь!

Тутъ братъ Изидоръ также вздумалъ заговорить, но не могъ, и ограничился тѣмъ, что вымолвилъ съ трудомъ, обращаясь къ своей сестрѣ:

— Марта, разскажи-ка исторію про сестру Доротею, про которую мы слышали отъ приходскаго священника изъ Сенъ-Совёра.

— Сестра Доротея,—неловко начала крестьянка,—проснулась однажды утромъ съ онѣмѣвшей ногой и съ той минуты нога у нея перестала дѣйствовать, сдѣлалась холодной и тяжелой, какъ камень. Это сопровождалось сильнѣйшей болью въ спинѣ. Доктора ничего не умѣли разобрать; ихъ перебывало у нея до полдюжины; они вонзали въ тѣло больной булавки и жгли кожу цѣлой кучей лѣкарствъ. Но ничего не помогало... Тутъ сестра Доротея поняла, что одна пресвятая Дѣва найдетъ для нея настоящее средство. Она отправилась въ Лурдъ и велѣла погрузить себя въ купель. Сначала она думала, что умретъ отъ холоду, но потомъ вода сдѣлалась теплой, пріятной и нѣжной, какъ молоко. Никогда она не испытывала такой пріятности; жилы у нея какъ бы раскрывались и вода входила въ нихъ. Вы понимаете, это жизнь возвращалась въ ея тѣло съ той минуты, когда пресвятая Дѣва пожелала исцѣлить больную... И у сестры Доротеи все прошло; она гуляла, съѣла вечеромъ цѣлаго голубя и проспала всю ночь, какъ убитая. Слава пресвятой Дѣвѣ! Вѣчная благодарность могущественной Богоматери и Ея божественному Сыну!

Элизѣ Рукэ также хотѣлось вставить свое словечко въ общій разговоръ, чтобъ разсказать объ одномъ извѣстномъ ей чудѣ, но она говорила такъ невнятно со своимъ изувѣченнымъ ртомъ, что еще не рѣшалась вмѣшаться въ бесѣду.

Digitized by Google

Однако наступило молчаніе и дѣвушка воспользовалась имъ, сдвинувъ немножко косынку, скрывавшую ея рану.

— О, мнѣ разсказывали случай не особенно серьезной болѣзни, но это вышло такъ забавно... Была одна женщина, Селестина Дюбуа, которая нечаянно всадила себѣ въ руку иголку, намыливая бѣлье. Въ продолженіе семи лѣтъ, иголка оставалась въ рукѣ и ни одинъ докторъ не могъ ее вынуть. Руку всю свело... По пріѣздѣ въ Лурдъ, больная опустила ее въ купель, но сейчасъ же выдернула оттуда съ громкимъ крикомъ. Тогда ее насильно опустили въ воду и держали ее тамъ, пока женщина рыдала, обливаясь потомъ. Три раза опускали ей руку въ воду и каждый разъ видѣли, какъ подвигается игла, которая вышла наконецъ изъ оконечности большаго пальца... Разумѣется, больная кричала, оттого что игла ходила у нея въ тѣлѣ, какъ будто кто нибудь толкалъ ее, чтобы вынуть. Съ тѣхъ поръ Селестина перестала страдать и на рукѣ остался только небольшой шрамъ, единственно для того, чтобъ показать чудо Богородицы.

Этотъ анекдотъ произвелъ еще болѣе эффекта, чѣмъ чудеса крупныхъ исцѣленій. Иголка, которая ходитъ, точно кто нибудь толкаетъ ее, такое диво населяло чудесными образами невидимое, показывало каждому больному собственнаго ангела-хранителя у себя за спиною, готоваго прійти къ нему на помощь по приказанію неба. И затѣмъ, какъ это было ребячески мило: эта иголка, выходившая вонъ въ чудодѣйственной водѣ, послѣ того какъ упрямилась цѣлыхъ семь лѣтъ. И всѣ восклицали отъ удивленія, развеселившись, смѣясь отъ радости, сіяя при видѣ того, что для неба нѣтъ ничего невозможнаго, что стоитъ ему захотѣтъ, и они выздоровѣютъ всѣ, расцвѣтутъ и помолодѣютъ. Достаточно вѣрить и пламенно молиться, чтобы пристыдить природу и осуществить невѣроятное. Вообще все зависѣло отъ счастливой случайности, потому что небо ниспосылало свою благодать съ разборомъ.

— О, отецъ, какъ это прекрасно!—прошептала Мари; она слушала до сихъ поръ, оживленная страстью, онѣмѣвшая отъ восторга.—Помнишь, какъ самъ ты разсказывалъ мнѣ объ этой Іоахинѣ Дего, которая пришла изъ Бельгіи, пройдя пѣшкомъ всю Францію со своей скорченной ногой, изъѣденной нарывомъ, издававшимъ такое зловоніе, что всѣ бѣжали отъ нея?

Digitized by Google

Сначала былъ исцѣленъ нарывъ: колѣно можно было сжимать, больная не чувствовала ничего болѣе и на мѣстѣ язвы осталась только маленькая краснота. Потомъ наступила очередь вывиха. Въ водѣ калѣка выла отъ боли, воображая, что ей ломаютъ кости и отрываютъ ногу, но въ то же время она сама и женщина, которая ее купала, увидали, что изуродованный членъ выпрямлялся, какъ стрѣлка на циферблатѣ: нога вытягивалась, мускулы удлинялись, колѣно приходило на свое мѣсто, но съ такой сильнѣйшей болью, что Іоахина не выдержала и лишилась чувствъ. Однако, лишь только она пришла въ себя, какъ выпрямилась и проворно бросилась со всѣхъ ногъ въ пещеру, чтобъ отнести туда свои костыли.

Де-Герсенъ также смѣялся отъ восхищенія, подтверждая жестомъ этотъ разсказъ, слышанный имъ отъ одного священника изъ общины Успенія. По его словамъ, онъ могъ привести двадцать подобныхъ случаевъ, одинъ другаго трогательнѣе и необычайнѣе. Тутъ онъ обратился къ свидѣтельству Пьера, но аббатъ, не будучи вѣрующимъ, ограничился только неопредѣленнымъ жестомъ и кивнулъ головою. Сначала, не желая огорчать Мари, онъ старался разсѣяться, выглядывалъ изъ окна на мелькавшіе мимо поля, деревья и дома. Поѣздъ только что миновалъ Ангулемъ. Передъ глазами путешественниковъ стали развертываться луга; ряды тополей разбѣгались вѣеромъ вслѣдствіе большой быстроты хода. Вѣроятно, поѣздъ опоздалъ, потому что былъ пущенъ теперь на всѣхъ парахъ и грохоталъ подъ грозою, прорѣзывая воздухъ, объятый пламенемъ, пожирая километры. И Пьеръ невольно вслушивался въ отрывки разсказовъ, заинтересовывался этими необыкновенными исторіями подъ убаюкивающіе рѣзкіе толчки колесъ; локомотивъ, точно обезумѣвшій и пущенный на произволъ судьбы, мчалъ ихъ всѣхъ въ божественную страну мечтаній. И путешественники все катились, катились, такъ что молодой аббатъ пересталъ наконецъ смотрѣть въ окно, поддавшись дѣйствію тяжелой усыпляющей атмосферы вагона, гдѣ все разростался экстазъ, унося присутствующихъ вдаль отъ этого дѣйствительнаго міра, по которому поѣздъ мчался съ такою стремительностью. Оживившееся лицо Мари наполняло радостью Пьера; онъ не отнималъ у нея своей руки, которую она взяла, чтобы выразить пожатіемъ все свое довѣріе, возрождавшееся въ ней. За-

Digitized by Google

чѣмъ сталъ бы онъ огорчать ее своимъ сомнѣніемъ, если желалъ, чтобъ она исцѣлилась? И съ безконечной нѣжностью онъ удерживалъ въ своей рукѣ маленькую влажную ручку больной, взволнованный братскимъ участіемъ къ страдальцамъ, желая вѣрить въ состраданіе даже со стороны неодушевленныхъ предметовъ, въ высшее милосердіе, которое щадило душевную боль отчаявшихся.

— О, Пьеръ!—повторяла Мари,—какъ это прекрасно, какъ это прекрасно! И какъ будетъ хорошо, если пресвятая Дѣва захочетъ побезпокоиться для меня!.. Въ самомъ дѣлѣ, какъ вы думаете, достойна ли я этого?

— Разумѣется! — воскликнулъ онъ,— вы всѣхъ добрѣе и чище, у васъ совсѣмъ непорочная душа, какъ говоритъ вашъ отецъ, и нѣтъ достаточно дивныхъ ангеловъ въ раю, чтобы служить вамъ провожатыми.

Но это было еще не все. Сестра Гіацинта и г-жа де-Жонкьеръ разсказывали теперь обо всѣхъ чудесахъ, которыя они знали,—длинный рядъ чудесныхъ явленій, уже болѣе тридцати лѣтъ процвѣтавшихъ въ Лурдѣ, подобно неувядаемому мистическому кусту розъ, безпрерывно покрывающемуся цвѣтами. Ихъ насчитывали тысячами и онѣ выростали каждый годъ, указывая на чудесное изобиліе соковъ, все болѣе и болѣе яркія съ каждою перемѣною года. Больные, слушавшіе объ этихъ великолѣпныхъ вещахъ съ возраставшимъ лихорадочнымъ возбужденіемъ, походили на маленькихъ дѣтей, которыя, выслушавъ одну волшебную сказку, требуютъ другую, а за ней еще другую. О, еще, еще исторій, гдѣ гадкая дѣйствительность посрамлена, гдѣ несправедливая природа унижена, а милосердый Богъ является великимъ цѣлителемъ, смѣющимся надъ наукой и ниспосылающимъ счастіе, когда ему вздумается! Сначала дѣло шло о глухихъ и нѣмыхъ, которые стали слышать и говорить, какъ напримѣръ, Аврелія Брюно, неизлѣчимо глухая, съ лопнувшей барабанной перепонкой, внезапно приходящая въ восторгъ отъ небесныхъ звуковъ гармоніума, или Луиза Пуршэ, нѣмая въ продолженіе сорока пяти лѣтъ, которая во время молитвы передъ пещерой воскликнула вдругъ: «Богородица, Дѣва, радуйся!», а также другія, цѣлыя сотни другихъ, радикально излѣчившихся нѣсколькими каплями воды, налитой въ уши или на языкъ. Потомъ зашла рѣчь о слѣпыхъ; передъ

Digitized by Google

слушателями проходили образы священника Германа, который почувствовалъ нѣжную руку пресвятой Богородицы, снявшую туманную пелену съ его глазъ; дѣвицы Понбріанъ, которой угрожала полная потеря зрѣнія, причемъ оно поправилось и стало лучше прежняго отъ простой молитвы; послѣ нихъ упомянули о двѣнадцатилѣтнемъ ребенкѣ, у котораго глазныя яблоки походили на мраморные шары, и вдругъ въ три секунды эти глаза сдѣлались свѣтлыми и глубокими, такъ что въ нихъ, казалось, улыбались ангелы. Но изобильнѣе всего были примѣры параличныхъ, хромыхъ, которые стали ходить прямо; разслабленныхъ, которые сначала не могли подняться со своего жалкаго одра и которымъ Господь говорилъ: «Встань и ходи»! Делонуа, разбитый параличемъ, испыталъ на себѣ всѣ медицинскія средства: прижиганіе каленымъ желѣзомъ и подвѣшиваніе, пятнадцать разъ лежалъ въ парижскихъ госпиталяхъ, гдѣ двѣнадцать врачей дали о немъ одинаковое заключеніе. И вдругъ онъ почувствовалъ силу, которая подняла его въ то время, когда проносили мимо святые дары. Онъ всталъ и пошелъ вслѣдъ за ними, какъ ни въ чемъ не бывало. У Маріи-Луизы Дельпонъ, четырнадцати лѣтъ, параличъ разбилъ ноги, свелъ руки, скривилъ ротъ; и вотъ она внезапно видитъ, какъ ея члены расправляются, искривленіе рта проходитъ, точно невидимая рука обрѣзала ужасные путы, калѣчившія ее. Марія Вашье, восемнадцати лѣтъ, прикованная къ мѣсту параплегіей, не только бѣжитъ и мчится по выходѣ изъ бассейна, но не находитъ даже слѣдовъ ранъ, которыми покрылось ея тѣло вслѣдствіе долгой неподвижности. А Жоржъ Ганкэ, пораженный размягченіемъ спиннаго мозга и потерявшій всякую чувствительность, непосредственно переходитъ отъ агоніи къ совершенному здоровью. Леони Шартонъ, другая больная, страдавшая тою же болѣзнью, причемъ спинные позвонки значительно выдались у нея наружу, чувствуетъ, какъ ея горбъ таетъ, словно по волшебству, а ноги выпрямляются, совершенно возобновленныя и въ полной силѣ.

За этими примѣрами потянулся цѣлый рядъ всевозможныхъ болѣзней. Сначала случаи золотухи, опять изуродованныя и выздоровѣвшія ноги. Маргарита Жекье страдала болью въ бедрѣ въ продолженіе двадцати семи лѣтъ; правое колѣно у нея было сведено, и вотъ, по прибытіи въ Лурдъ, она внезапно

Digitized by Google

упала на оба колѣна передъ статуей пресвятой Дѣвы, чтобы поблагодарить ее за свое исцѣленіе. Филомена Симонно, молодая вандеянка, представляла подобный же примѣръ; на лѣвой ногѣ у нея было три ужасныхъ раны, въ глубинѣ которыхъ виднѣлись источенныя костоѣдой кости, крошившіяся понемногу и выходившія частями. Она также исцѣлилась моментально, причемъ и кости, и мясо, и кожа совершенно возстановились. Затѣмъ слѣдовали больные водянкой: г-жа Анселенъ, у которой вдругъ опала опухоль раздутыхъ рукъ, ногъ, всего тѣла, причемъ никто не могъ замѣтить, куда дѣвалась изъ нихъ вся вода; мадмуазель Монтаніонъ, у которой въ нѣсколько пріемовъ выпустили двадцать два литра воды и которая, снова распухнувъ, пришла въ нормальное состояніе отъ простаго компресса, намоченнаго въ чудесномъ источникѣ, и опять таки ни на постелѣ, ни на полу не нашлось слѣдовъ невѣдомо куда исчезнувшей воды. Точно также никакая болѣзнь желудка не выдерживаетъ лѣченія лурдской водою; всѣ онѣ исчезаютъ съ перваго же стакана. Примѣромъ тому служитъ Мари Сушэ; больную рвало черной кровью, она была худа, какъ скелетъ, а, по пріѣздѣ въ Лурдъ, съ жадностью набросилась на пищу и пополнѣла въ два дня. Мари Жарландъ сожгла себѣ желудокъ, выпивъ по ошибкѣ рюмку раствора мѣднаго купороса; затвердѣніе, образовавшееся у нея вслѣдствіе этого несчастнаго случая, совсѣмъ разошлось, какъ будто растаяло отъ лурдской воды. Вообще всѣ наросты изчезаютъ такимъ образомъ въ бассейнѣ, не оставляя ни малѣйшаго слѣда. Но что еще болѣе удивительно, такъ это нарывы, ракъ, всѣ самыя ужаснѣйшія наружныя язвы, которыя закрываются отъ единаго дуновенія свыше. Одинъ еврей, актеръ, у котораго вся рука была искалѣчена нарывомъ, только опустилъ ее въ воду и исцѣлился. Молодой иностранецъ, страшный богачъ, пріѣхалъ въ Лурдъ съ наростомъ въ куриное яйцо на кисти правой руки и эта злокачественная опухоль также разошлась у него на глазахъ. Роза Дюваль, имѣвшая вслѣдствіе холоднаго нарыва фистулу на лѣвомъ локтѣ, куда можно было вложить орѣхъ, видѣла своими глазами, какъ эта пустота моментально заросла новымъ здоровымъ мясомъ. У вдовы Фромонъ одна губа была на половину съѣдена ракомъ и, послѣ простаго обмыванія водою, на ней не осталось даже красноты. Мари Моро жестоко страдала; у нея

Digitized by Google

былъ ракъ въ груди, и вотъ однажды она заснула, предварительно приложивъ къ своей ранѣ компрессъ, намоченный въ лурдской водѣ. Проснувшись два часа спустя, паціентка почувствовала, что боль прекратилась, а тѣло на больной груди стало совершенно чисто и отличалось свѣжестью розы.

Наконецъ, сестра Гіацинта пустилась разсказывать о немедленныхъ и радикальныхъ излѣченіяхъ чахотки, и это былъ настоящій тріумфъ. Жестокая болѣзнь, производящая такія опустошенія въ человѣчествѣ, по мнѣнію невѣрующихъ, не могла исцѣляться благодатью пресвятой Дѣвы, а между тѣмъ она ее исцѣляла, какъ говорится, однимъ мановеніемъ своего мизинца. Сотни случаевъ, одинъ удивительнѣе другаго, были на лицо, такъ сказать, хватали черезъ край. Маргарита Купель, больная чахоткой въ продолженіе трехъ лѣтъ, съ верхушкой легкаго, изъѣденной туберкулами, поднимается и уходитъ, блистая здоровьемъ. Г-жа де-ла-Ривьеръ харкала кровью; постоянно покрытая холоднымъ потомъ, съ посинѣвшими ногтями, она находилась при послѣднемъ издыханіи и выпила только маленькую ложечку чудодѣйственной воды, которую ей влили между стиснутыми зубами, и предсмертное хрипѣніе тотчасъ прекратилось; она сѣла, стала отвѣчать на литаніи, а потомъ попросила бульону. Другой больной, Жюли Жадо, понадобилось четыре ложечки, но она уже не держала головы и была такого слабаго сложенія, что какъ будто растаяла отъ своего недуга. Въ нѣсколько дней она растолстѣла. Анна Катри, въ послѣднемъ градусѣ чахотки, съ лѣвымъ легкимъ, на половину разрушеннымъ каверною, была погружена пять разъ въ воду вопреки всякой осторожности, и она излѣчилась, легкое стало совсѣмъ здоровымъ. Другая чахоточная молодая дѣвушка, приговоренная пятнадцатью докторами, не просила ни о чемъ, а только случайно стала на колѣни въ пещерѣ и была ужасно удивлена, почувствовавъ себя исцѣленной мимоходомъ, совершенно внезапно,—вѣроятно, въ благодатный часъ, когда пресвятая Дѣва, чувствуя жалость, роняетъ чудо изъ своихъ невидимыхъ рукъ.

Чудеса и опять чудеса! Они падали дождемъ съ яснаго и кроткаго неба, какъ цвѣты, созданные мечтою. Между этими исторіями были и трогательныя, и ребячески наивныя. Одна старуха, со сведенною кистью руки, не могла повернуть ею

Digitized by Google

въ продолженіе тридцати лѣтъ. Она вымылась чудесной водою и тотчасъ могла сотворить крестное знаменіе. Сестра Софи, лаявшая, какъ собака, погружается въ бассейнъ и выходитъ оттуда съ чистымъ голосомъ, распѣвая псаломъ. Мустафа, турокъ, призываетъ «бѣлую Даму» и у него выздоравливаетъ ослѣпшій правый глазъ, къ которому онъ приложилъ примочку. Одинъ офицеръ тюркосовъ былъ спасенъ пресвятою Богородицею подъ Седаномъ; кирасиръ изъ Рейхсгофена умеръ бы, пронзенный пулей въ сердце, еслибъ эта пуля, пробившая бумажникъ, не остановилась, ударившись въ образъ лурдской Богоматери у него на груди. А дѣти, маленькіе страдальцы, также не разъ сподоблялись благодати: одного пятилѣтняго мальчика, разбитаго параличемъ, держали раздѣтымъ подъ ледяной струей фонтана въ теченіе пяти минутъ. Онъ всталъ и пошелъ. Другой пятнадцатилѣтній, прикованный къ постели и рычавшій, какъ животное, выскочилъ изъ бассейна, крича, что онъ выздоровѣлъ; еще одинъ двухлѣтній крошка, совсѣмъ еще не умѣвшій ходить, пробылъ четверть часа въ холодной водѣ; потомъ, расхрабрившись и улыбаясь, съ молодцоватымъ видомъ маленькаго мужчины, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ. И всѣ, какъ маленькіе, такъ и большіе, испытывали сильнѣйшія боли, пока совершалось чудо, потому что возстановленіе органовъ не могло произойти безъ особаго сотрясенія всей человѣческой машины: кости возрождались, тѣло отрастало, выгоняемая болѣзнь выходила съ послѣдней конвульсіей. Но какое блаженное состояніе наступало вслѣдъ за тѣмъ! Доктора не хотѣли вѣрить своимъ глазамъ; они поражались при каждомъ исцѣленіи, видя, какъ ихъ больные прыгаютъ, бѣгаютъ, ѣдятъ съ ненасытнымъ апетитомъ. Всѣ эти избранники, эти исцѣленныя женщины совершали путь въ три километра, потомъ усаживались за ѣду, съѣдали цыпленка и спали безъ просыпу по двѣнадцати часовъ. Вообще тутъ не было никакого процесса выздоровленія, а прямо быстрый скачокъ отъ агоніи къ полному здоровью; всѣ эти заново поправленные члены, затянувшіяся раны, органы, возстановленные въ прежней цѣлости, возвратившаяся полнота—были дѣломъ одной минуты. Наука была посмѣяна. Съ больными не принимали даже самыхъ простыхъ предосторожностей, купали женщинъ во всякій мѣсячный періодъ, погружали вспотѣвшихъ чахоточныхъ въ ледяную воду, остав-

Digitized by Google

..., не прибѣгая ни къ какимъ антисептиче-
... Потомъ, при каждомъ чухѣ, какое подни-
...ое пѣніе, какой вопль благодарности и любви!
...ся чуда кидается на колѣни, всѣ крутятъ плачутъ,
... обращеніе грѣшниковъ и невѣрующихъ, проте-
...евреями переходятъ въ католичество,—вотъ чудеса
...приводящія къ торжеству на небесахъ. Жители толпою
... навстрѣчу исцѣленной, когда она возвращается въ
...деревню при колокольномъ звонѣ; при видѣ того, какъ
...ая калѣка легко выпрыгиваетъ изъ экипажа, крики и
радостныя рыданія оглашаютъ воздухъ; начинается пѣніе Magnificat. Слава пресвятой Дѣвѣ! Вѣчная благодарность и любовь!

И изо всѣхъ этихъ осуществившихся надеждъ, изъ этихъ поразительныхъ проявленій благодати проистекала главнымъ образомъ признательность пренепорочной Матери, предивной Богородицѣ. Она была глубокой страстью всѣхъ душъ, могущественная Дѣва, Дѣва милосердая, зерцало правосудія, тронъ премудрости. Всѣ руки протягивались къ ней, мистической розѣ подъ сѣнью капеллъ, къ башнѣ изъ слоновой кости на горизонтѣ мечты, къ вратамъ небеснымъ, открывающимся въ безконечное. На зарѣ каждаго дня она блистала свѣтлою утреннею звѣздою, веселая юною надеждою. Не была ли она, сверхъ того, здравіемъ недужныхъ, прибѣжищемъ грѣшниковъ, утѣшительницею огорченныхъ? Франція была всегда ея любимою страною, гдѣ вѣрующіе создали ей пламенный культъ, культъ женщины и матери въ экстазѣ пылкой нѣжности, и во Франціи по преимуществу Богоматерь любила являться юнымъ пастушкамъ. Она была такъ милосерда къ незначительнымъ и убогимъ, постоянно занималась ими и къ ней обращались такъ охотно, зная, что она служитъ посредницею любви между землею и небомъ. Каждый вечеръ Богоматерь проливала золотыя слезы, припадая къ стопамъ своего божественнаго Сына, чтобы вымолить благодать и помилованіе, и онъ позволялъ ей творить чудеса, это прекрасное цвѣтущее поле чудесъ, благоухающихъ подобно райскимъ розамъ, богатымъ красками и ароматомъ.

Поѣздъ катился, катился безостановочно. Онъ только что миновалъ Кутра; было шесть часовъ вечера. Сестра Гіацинта,

Digitized by Google

вставъ съ мѣста, захлопала въ ладоши и повторила еще разъ:

— Angelus, дѣти мои!

Никогда еще Ave не возносились съ болѣе живою вѣрой съ болѣе пламеннымъ желаніемъ, чтобъ они были услышаны небомъ. И Пьеръ внезапно понялъ, явственно уяснилъ себѣ значеніе этихъ паломничествъ, всѣхъ этихъ поѣздовъ, катившихся по цѣлому свѣту, этихъ сбѣгающихся массъ народа, этого Лурда, сіяющаго тамъ вдали въ видѣ спасенія тѣлесъ и душъ. Ахъ, злополучные страдальцы, которыхъ онъ видѣлъ передъ собою съ утра и которые, хрипя отъ боли, тащили свои обглоданные болѣзнью скелеты, не смотря на всю утомительность такого путешествія! Всѣ они были приговоренные, покинутые наукой; имъ надоѣло совѣтоваться съ докторами и подвергать себя пыткѣ, пробуя одно за другимъ безполезныя медицинскія средства. Что жь удивительнаго, если они, пылая желаніемъ продлить свою жизнь, не умѣя безропотно покориться несправедливой и равнодушной природѣ, мечтали о сверхъестественной власти, о всемогущемъ божествѣ, которое, пожалуй, остановитъ въ ихъ пользу дѣйствіе установленныхъ законовъ, измѣнитъ теченіе небесныхъ свѣтилъ и возвратится къ процессу сотворенія міра. Не оставался ли имъ только одинъ Богъ, если земля ускользала отъ нихъ? Дѣйствительность для этихъ несчастныхъ была слишкомъ ужасна, отвратительна и у нихъ рождалась громадная потребность иллюзіи, обмана. О, вѣрить, что гдѣ-то есть верховный справедливый судія, который исправитъ явныя вины людей и обстоятельствъ; вѣрить, что есть Искупитель, утѣшитель, управляющій міромъ, могущій вернуть потоки къ ихъ источнику, возвратить молодость старцамъ, воскресить мертвыхъ... Когда тѣло покрыто язвами, члены искривлены, животъ раздутъ затверденіями, легкія сгнили,—имѣть возможность сказать себѣ, что это ничего не значитъ, что всѣ болѣзни могутъ исчезнуть, а разрушенные органы возродиться по одному мановенію пресвятой Дѣвы, и что достаточно помолиться, прикоснуться къ ней, чтобы сподобиться благодати и попасть въ число избранниковъ! И какъ мощно принималась бить струя небесной надежды, когда начинали течь чудодѣйственной волною всѣ эти дивныя исторіи исцѣленій, эти восхитительныя волшебныя сказки, ко-

Digitized by Google

торыя убаюкивали и опьяняли лихорадочно возбужденное воображеніе больныхъ и разслабленныхъ! Съ тѣхъ поръ какъ малютка Софи Куто, со своей исцѣленной бѣленькой ножкой, вошла въ этотъ вагонъ, открывая безбрежный небосклонъ божественнаго и сверхъестественнаго, какимъ понятнымъ становилось проносившееся вѣяніе воскресенія, постепенно поднимавшее съ ихъ жалкаго одра наиболѣе отчаявшихся, заставляя блестѣть у всѣхъ глаза, потому что жизнь оказывалась еще возможной для нихъ и имъ, пожалуй, предстояло начать ее съизнова!

Да, это такъ и было. Если жалкій поѣздъ все катился и катился впередъ, если этотъ вагонъ былъ полонъ, если прочіе были полны, если Франція и цѣлый міръ до самыхъ отдаленныхъ предѣловъ бороздились подобными поѣздами, если толпы въ триста тысячъ вѣрующихъ тащили съ собою тысячи больныхъ съ одного конца года до другаго, такъ это потому, что тамъ вдали виднѣлась въ яркомъ сіяніи пещера, подобно маяку надежды и иллюзіи, какъ протестъ и торжество невозможнаго надъ неумолимою матеріей. Никогда не было написано болѣе захватывающаго романа, способнаго восхйтить души на высоту, недосягаемую для грубыхъ условій человѣческаго существованія. Погрузиться въ этотъ волшебный сонъ было несказаннымъ счастіемъ. Если монахи общины Успенія видѣли, какъ расширяется изъ году въ годъ успѣхъ ихъ паломничествъ, это объяснялось тѣмъ, что они продавали сбѣжавшимся народамъ утѣшеніе, иллюзію, этотъ восхитительный хлѣбъ надежды, котораго не перестаетъ алкать страждущее человѣчество и которымъ оно никогда не насытится. И не однѣ тѣлесныя раны вопіяли объ исцѣленіи: все моральное и умственное существо человѣка громко жаловалось на свое убожество съ ненасытнымъ желаніемъ счастья. Быть счастливымъ, вложить увѣренность своей жизни въ вѣру, опираться до смерти на этотъ твердый и единственный страннической посохъ,—вотъ въ чемъ заключалось желаніе, вырывавшееся изъ груди всѣхъ, заставлявшее преклонять колѣни всякую душевную скорбь, прося продолженія благодати, обращенія дорогихъ существъ, духовнаго спасенія самому себѣ и тѣмъ, кого любишь. Необъятный вопль распространялся, поднимался, наполнялъ пространство: быть счастливымъ навсегда, въ жизни и смерти!

Digitized by Google

И Пьеръ отлично видѣлъ, какъ эти страдальцы вокругъ него переставали чувствовать толчки колесъ, какъ у нихъ прибавлялось силы съ каждымъ льё, оставшимся позади и приближавшимъ ихъ къ чуду. Даже г-жа Мазъ становилась болтливой, въ увѣренности, что пресвятая Дѣва возвратитъ ей мужа. Госпожа Венсанъ, улыбаясь, тихонько качала маленькую Розу, находя, что она еще не такъ больна, какъ тѣ полумертвыя дѣти, которыхъ погружали въ ледяную воду, послѣ чего они принимались играть, какъ ни въ чемъ не бывало. Сабатье шутилъ съ де-Герсеномъ, говоря ему, что въ октябрѣ, когда его ноги опять станутъ ходить, онъ отправится въ Римъ,— пріятное путешествіе, которое ему приходилось откладывать вотъ уже пятнадцать лѣтъ. Госпожа Ветю, успокоенная и чувствовавшая только боль въ животѣ, вообразила, что ей хочется ѣсть, и стала просить г-жу де-Жонкьеръ помочить для нея бисквитовъ въ молокѣ, тогда какъ Элиза Рукэ, позабывъ свою рану, ѣла кисть винограда съ открытымъ лицомъ. А Гривоттъ, остававшаяся въ сидячемъ положеніи, и братъ Изидоръ, переставшій стонать, пришли въ такое счастливое лихорадочное возбужденіе послѣ всѣхъ слышанныхъ ими исторій, что то и дѣло справлялись, который часъ, горя нетерпѣніемъ поскорѣе выздоровѣть. Но поразительнѣе всего было то, что и неизвѣстный пассажиръ воскресъ на одну минуту. Когда сестра Гіацинта снова принялась обтирать ему съ лица холодный потъ, онъ открылъ вѣки и улыбка на минуту освѣтила его черты. Еще разъ передъ нимъ мелькнула надежда.

Мари не выпускала изъ своей маленькой теплой руки руку Пьера. Было семь часовъ; поѣздъ долженъ былъ прибыть въ Бордо не раньше половины восьмаго и, чтобы наверстать потерянныя минуты, все болѣе и болѣе ускорялъ свой ходъ, несясь съ безумной быстротою. Гроза наконецъ ушла; необъятное свѣтлое небо было чисто и спокойно.

— О, Пьеръ, какъ это прекрасно, какъ это прекрасно!— снова повторяла Мари, пожимая ему руку и вложивъ въ это пожатіе всю свою нѣжность.

И, наклонившись къ аббату, она прибавила вполголоса:

— Пьеръ, сейчасъ я видѣла пресвятую Дѣву и выпросила у нея ваше исцѣленіе.

Молодой священникъ, понимая мысль подруги, былъ взвол-

Digitized by Google

новань глазами, проникнутыми божественнымъ свѣтомъ, которые она устремила на него. Мари забылась въ молитвенномъ экстазѣ; она просила Бога обратить невѣрующаго, и пожеланіе вѣры, исходившее такимъ непорочнымъ отъ этого страждущаго, дорогаго ему существа, перевернуло душу Пьера. Отчего бы ему и не сдѣлаться вновь когда нибудь вѣрующимъ? Онъ самъ растерялся отъ множества слышанныхъ имъ необыкновенныхъ разсказовъ. Удушливая жара въ вагонѣ угнетала его мозгъ, а видъ столькихъ бѣдствій, набитыхъ здѣсь биткомъ, заставлялъ обливаться кровью сострадательное сердце аббата. Заразительность примѣра подѣйствовала и на него; Пьеръ пересталъ сознавать, гдѣ кончается реальное и возможное, и былъ неспособенъ посреди такой массы фактовъ, ставящихъ втупикъ, разобраться въ нихъ, здраво объяснивъ одни и отрицая другіе. Одну минуту, когда раздался новый гимнъ и увлекъ его за собою съ упорствомъ неотвязной мысли, молодой священникъ пересталъ принадлежать себѣ и ему почудилось, что онъ уже сдѣлался вѣрующимъ въ головокружительномъ вихрѣ галюцинацій этого госпиталя, который все катился и катился впередъ на всѣхъ парахъ.

V.

Поѣздъ вышелъ изъ Бордо послѣ нѣсколькихъ минутъ остановки, въ продолженіе которой неуспѣвшіе пообѣдать поспѣшили запастись провизіей. Впрочемъ, больные всю дорогу пили понемножку молоко и просили сухарей, точно маленькія дѣти. Едва снова тронулись въ путь, какъ сестра Гіацинта ударила въ ладоши.

— Ну, теперь поскорѣе вечернюю молитву!

Тутъ въ продолженіе четверти часа раздавалось невнятное бормотаніе; молельщики читали Отче нашъ и Богородицу, провѣряли свою совѣсть, каялись въ грѣхахъ и затѣмъ поручали себя Господу, пресвятой Дѣвѣ и святымъ угодникамъ, вознося въ то же время пламенную благодарность за счастливый день, который закончился молитвой за живыхъ и почившихъ въ Бозѣ.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа... Аминь.

Digitized by Google

Было десять минутъ девятаго, сумерки спускались уже на окрестности, на обширную равнину, казавшуюся безбрежной въ волнахъ вечерняго тумана, гдѣ зажигались вдали, въ разбросанныхъ, затерявшихся жилищахъ, яркіе блестки огней. Мерцающія лампы въ вагонѣ бросали желтоватый свѣтъ на груду багажа и на богомольцевъ, безпрерывно потрясаемыхъ боковой качкой.

— Вы знаете, дѣти мои,—опять заговорила Гіацинта, не садившаяся на мѣсто,—что я должна водворить тишину въ Ламотѣ, куда мы прибудемъ приблизительно черезъ часъ; значитъ, вы можете еще часокъ позабавиться; но будьте благоразумны, не слишкомъ волнуйтесь. А послѣ Ламота, слышите, ни слова болѣе, ни малѣйшаго звука! Я хочу, чтобъ вы хорошенько выспались.

Ея слова разсмѣшили больныхъ.

— Позвольте, но вѣдь это правило и мы, конечно, слишкомъ благоразумны, чтобы не послушаться.

Дѣйствительно, съ самаго утра путешественники пунктуально выполнили программу религіозныхъ упражненій, распредѣленныхъ по часамъ. Теперь, когда всѣ молитвы были прочитаны, между прочимъ и произносимыя по четкамъ, а гимны пропѣты, день былъ конченъ и наступилъ краткій отдыхъ передъ сномъ. Но больные не знали, за что приняться.

— Сестрица,—предложила Мари,—не позволите ли вы господину аббату почитать намъ вслухъ? Онъ читаетъ превосходно, а у меня какъ разъ есть книжечка, разсказъ про Бернадету, такой хорошенькій.

Ей не дали договорить и всѣ закричали съ порывистымъ увлеченіемъ дѣтей, которымъ обѣщаютъ интересную сказку:

— О, да, сестрица, о, да, сестрица!

— Конечно,—отвѣчала монахиня,—я позволяю, если дѣло идетъ о хорошей книгѣ.

Пьеру пришлось согласиться; но онъ захотѣлъ сѣсть ближе къ лампѣ и долженъ былъ помѣняться мѣстами съ де-Герсеномъ, который не меньше больныхъ пришелъ въ восхищеніе отъ обѣщанной исторіи. Когда молодой священникъ, наконецъ устроившись и говоря, что ему будетъ теперь свѣтло, развернулъ книгу, трепетъ любопытства пробѣжалъ съ одного конца вагона до другаго, всѣ головы потянулись къ чтецу съ сосре-

Digitized by Google

Digitized by Google

ость, [illegible]онечную жалость къ Бернадетѣ! Пьеръ только что
[illegible]бѣ, что можетъ съ завтрашняго же дня приступить
[illegible]му разслѣдованію любопытныхъ фактовъ, о чемъ
[illegible]мечталъ, готовый съ этою цѣлью даже нарочно
Лурдъ. Это была одна изъ причинъ, заставившая
[illegible]сопу[illegible]вать Мари. И въ немъ проснулось
[illegible]которое внушала ему маленькая ви-
[illegible]ату своей чистотой, правдивостью
[illegible]ко онъ непремѣнно хотѣлъ под-
[illegible]ть происшедшее съ нею. Конечно,
видѣніе, она слышала голоса, по-
[illegible]обно Іоаннѣ д'Аркъ она спасла отъ
[illegible]ъ католиковъ. Какая же сила соз-
[illegible]ла? Какимъ образомъ видѣніе могло
[illegible]ъ ребенкѣ и перевернуть всѣ вѣ-
[illegible]нія чудесъ первобытныхъ временъ,
[illegible]гію посреди святаго города, по-
[illegible]дненнаго волнами народа, такими
многочисленными, какихъ не ви-
[illegible]овыхъ походовъ?

Пьеръ принялся разсказывать то,
онъ угадалъ и возстановилъ въ
[illegible]и, не смотря на потоки чернилъ,
[illegible]ъ зналъ страну, мѣстные нравы,
[illegible]бесѣдамъ со своимъ другомъ, док-
[illegible]обладалъ чарующимъ даромъ кра-
[illegible]новенной чистоты, замѣчательными
[illegible]ра, которыя проявлялись у Пьера
онъ, однако, никогда не поль-
что онъ знаетъ исторію
[illegible]зложена въ маленькой
[illegible]етъ въ устномъ изло-
жен[illegible]лкаго тона разсказ-
чика, т[illegible]ослось еще болѣе,
переходя [illegible]ыхъ душъ, алчу-
щихъ счасті[illegible]мъ.

Сначала П[illegible]въ Бартресѣ.
Она росла у св[illegible]та, потерявъ
своего новорожде[illegible]супругамъ

Digitized by Google

доточеннымъ вниманіемъ, всѣ насторожили слухъ. Къ счастію, у него былъ ясный и сильный голосъ, такъ что онъ могъ заглушить стукъ колесъ, менѣе рѣзкій на этой громадной плоской равнинѣ.

Однако, прежде чѣмъ начать, Пьеръ перелистовалъ книгу. Это была одна изъ маленькихъ брошюръ, продаваемыхъ разнощиками,—произведеніе церковныхъ католическихъ типографій. какія расходятся во множествѣ по всему христіанскому міру. Дурно напечатанная на плохой бумагѣ, она была украшена на синей обложкѣ наивнымъ изображеніемъ лурдской Богоматери, угловатымъ и неискуснымъ. Эту брошюрку можно было прочесть, не торопясь, въ полчаса.

И Пьеръ началъ своимъ прекраснымъ, звучнымъ голосомъ пріятнаго, задушевнаго тембра:

— «Это происходило въ Лурдѣ, маленькомъ городкѣ Пиреней, въ четвергъ, 11 февраля 1858 г. Стояла холодная и немного пасмурная погода. Въ семьѣ бѣднаго, но честнаго мельника, Франсуа Субиру, не хватило дровъ, чтобы сварить обѣдъ. Жена крестьянина, Луиза, сказала своей второй дочери Маріи: «Поди-ка, посбирай валежника на берегу Гава или на выгонахъ». Гавъ было имя рѣчки, пересѣкающей Лурдъ.

«У Мари была старшая сестра, по имени Бернадета, недавно вернувшаяся изъ деревни, гдѣ она жила у честныхъ поселянъ въ пастушкахъ. Это былъ хилый и нѣжный ребенокъ, не понимавшій никакого зла и умѣвшій только молиться по четкамъ. Луиза Субиру колебалась послать ее за валежникомъ съ сестрою по причинѣ сильнаго холода. Однако, Мари и маленькая дѣвочка сосѣдка, по имени Жанна Абади, такъ пристали къ ней, что она отпустила наконецъ обѣихъ дочерей.

«Три подружки, спускаясь внизъ по теченію рѣки, чтобы набрать хворосту, очутились напротивъ пещеры, вырытой въ большой скалѣ, которую мѣстные жители называли Массабіель»...

Но, дойдя до этого мѣста и перевернувъ страницу, Пьеръ остановился, опуская книжечку на колѣни. Ребяческій тонъ разсказа, избитыя и пустыя фразы были ему противны. А между тѣмъ у него побывали въ рукахъ всѣ офиціальные документы, касавшіеся этой необыкновенной исторіи, причемъ онъ даже увлекся желаніемъ изучить ее до мельчайшихъ подробностей и сохранилъ въ глубинѣ сердца восхитительную нѣж-

Digitized by Google

ность, безконечную жалость къ Бернадетѣ! Пьеръ только что говорилъ себѣ, что можетъ съ завтрашняго же дня приступить къ тщательному разслѣдованію любопытныхъ фактовъ, о чемъ онъ нѣкогда мечталъ, готовый съ этою цѣлью даже нарочно отправиться въ Лурдъ. Это была одна изъ причинъ, заставившая аббата рѣшиться сопутствовать Мари. И въ немъ проснулось все прежнее любопытство, которое внушала ему маленькая визіонерка, полюбившаяся аббату своей чистотой, правдивостью и несчастіемъ, причемъ однако онъ непремѣнно хотѣлъ подвергнуть анализу и объяснить происшедшее съ нею. Конечно, она не лгала, ей являлось видѣніе, она слышала голоса, подобно Іоаннѣ д'Аркъ, и подобно Іоаннѣ д'Аркъ она спасла отъ бѣдствія Францію, по словамъ католиковъ. Какая же сила создала ее и то, что̀ она сдѣлала? Какимъ образомъ видѣніе могло разростись въ этомъ жалкомъ ребенкѣ и перевернуть всѣ вѣрующія души до возобновленія чудесъ первобытныхъ временъ, почти основать новую религію посреди святаго города, построеннаго милліонами, наводненнаго волнами народа, такими экзальтированными и такими многочисленными, какихъ не видывалъ міръ съ эпохи крестовыхъ походовъ?

Тогда, переставъ читать, Пьеръ принялся разсказывать то, что̀ ему было извѣстно, что̀ онъ угадалъ и возстановилъ въ этой пока еще темной исторіи, не смотря на потоки чернилъ, пролитыхъ изъ-за нея. Онъ зналъ страну, мѣстные нравы, обычаи, благодаря долгимъ бесѣдамъ со своимъ другомъ, докторомъ Шассенемъ. И онъ обладалъ чарующимъ даромъ краснорѣчія, умиленіемъ необыкновенной чистоты, замѣчательными способностями духовнаго оратора, которыя проявлялись у Пьера еще въ семинаріи, но которыми онъ, однако, никогда не пользовался. Когда слушатели убѣдились, что онъ знаетъ исторію гораздо лучше и подробнѣе, чѣмъ она изложена въ маленькой книжечкѣ, и что разсказъ очень выигрываетъ въ устномъ изложеніи отъ кроткаго и вмѣстѣ съ тѣмъ пылкаго тона разсказчика, то вниманіе путешественниковъ разрослось еще болѣе, переходя въ страстный порывъ этихъ скорбныхъ душъ, алчущихъ счастія, которому онѣ отдавались цѣликомъ.

Сначала Пьеръ описалъ дѣтство Бернадеты въ Бартресѣ. Она росла у своей кормилицы, крестьянки Лагю; та, потерявъ своего новорожденнаго, предложила крайне бѣднымъ супругамъ

Digitized by Google

Субиру выкормить и оставить у себя ихъ ребенка. Ихъ деревня, состоявшая изъ четырехсотъ душъ и расположенная приблизительно въ одномъ льё отъ Лурда, была какъ будто заброшена въ пустыню, находясь вдали отъ всякаго проѣзжаго пути, прячась среди зелени. Въ этомъ мѣстѣ дорога понижается и нѣсколько домиковъ разбросано между пастбищами, которыя перерѣзаны изгородями и усажены орѣшинами и каштанами; свѣтлые источники, никогда не умолкая, бѣгутъ со склона горъ вдоль тропинокъ и только одна старинная маленькая церковь въ романскомъ стилѣ возвышается на холмикѣ, усѣянномъ могилами деревенскаго кладбища. Со всѣхъ сторонъ лѣсистые холмы окружаютъ эту котловину, поросшую необыкновенно свѣжей травою ярко-зеленаго цвѣта, которую орошаютъ снизу въ подпочвѣ вѣчныя подземныя воды, скатившіяся съ горъ. Придя въ возрастъ, Бернадета расплачивалась за свое воспитаніе тѣмъ, что пасла ягнятъ, прогуливаясь съ ними цѣлое лѣто по этимъ сочнымъ пастбищамъ съ роскошною растительностью, гдѣ не встрѣчалось живой души. Только иногда съ вершины холма она могла окинуть взоромъ далекія горы: Южный Пикъ, Пикъ Вискосъ, блестящія или темныя массы, смотря по погодѣ, которыя продолжались рядами другихъ безцвѣтныхъ пиковъ,— неясныхъ и терявшихся видѣній передъ глазами визіонерки, какія представляются намъ во снѣ. Затѣмъ остальная жизнь дѣвочки протекала въ домѣ супруговъ Лагю, гдѣ еще сохранилась ея колыбель въ уединенномъ и тихомъ жилищѣ на самомъ краю деревни. За нимъ разстилался лужокъ, засаженный грушевыми деревьями и яблонями, отдѣлявшійся отъ неоглядnаго простора окрестностей только узкимъ ручейкомъ, черезъ который легко можно было перескочить. Въ низкой и сырой хижинѣ, вправо и влѣво отъ деревянной лѣстницы, ведшей на чердакъ, было только двѣ обширныхъ комнаты, вымощенныхъ каменными плитами, причемъ въ каждой изъ нихъ стояло отъ трехъ до пяти кроватей. Дѣвочки помѣщались вмѣстѣ и засыпали, разсматривая по вечерамъ прекрасныя картинки, наклеенныя на стѣнѣ, между тѣмъ какъ большіе часы въ сосновомъ футлярѣ мѣрно отбивали удары среди глубокой тишины.

Ахъ, эти годы въ Бартресѣ, въ какой восхитительной тишинѣ прожила ихъ Бернадета! Она росла тщедушной, постоянно больной, страдая астмой, которая душила ее при малѣй-

Digitized by Google

шемъ поворотѣ вѣтра; въ двѣнадцать лѣтъ она не умѣла ни читать, ни писать, говорила только на мѣстномъ нарѣчіи и оставалась ребенкомъ, запоздавъ въ своемъ умственномъ, какъ и въ физическомъ развитіи. Это была добрая маленькая дѣвочка, очень кроткая, послушная, впрочемъ, похожая на всѣхъ другихъ дѣтей и отличавшаяся развѣ только своею молчаливостью; Бернадета охотнѣе любила слушать другихъ, чѣмъ говорить. Хотя она вовсе не была особенно умна, но часто обнаруживала много природной разсудительности, даже изумляла подчасъ быстрыми отвѣтами, высказывая простодушную веселость, заставлявшую смѣяться. Съ великимъ трудомъ выучили ее читать молитвы по четкамъ. Когда же дѣвочка научилась этому, она какъ будто захотѣла ограничить тѣмъ всѣ свои познанія, но зато молилась съ утра до ночи, такъ что ее теперь видѣли при стадѣ ягнятъ, постоянно перебирающую четки, повторяя Отче Нашъ и Богородицу. И сколько часовъ провела она такимъ образомъ на покрытомъ травою склонѣ холмовъ, поглощенная думами и какъ будто находящаяся подъ какимъ-то наитіемъ въ таинственной сѣни листьевъ, не видя ничего изъ окружающаго міра, кромѣ вершинъ далекихъ горъ, парящихъ въ потокахъ свѣта и легкихъ, какъ сновидѣнія! Дни проходили за днями, а она по прежнему носилась со своею узкою мечтою, съ единственной молитвой, которую повторяла и которая давала ей въ товарки и подруги одну пресвятую Дѣву среди этого уединенія, такого свѣжаго и полнаго дѣтской наивности. Потомъ, сколько прекрасныхъ вечеровъ провела Бернадета зимою, въ залѣ налѣво, гдѣ былъ очагъ и горѣлъ огонь! У ея кормилицы и пріемной матери былъ братъ священникъ, читавшій иногда дивныя вещи, исторіи святыхъ подвижниковъ и подвижницъ, чудесныя приключенія, заставлявшія трепетать отъ страха и радости, райскія видѣнія на землѣ, между тѣмъ какъ въ полуразверстыхъ небесахъ показывались лучезарные ангелы. Книги, которыя онъ приносилъ, часто были наполнены картинками; тутъ былъ и Господь во славѣ и Спаситель, такой нѣжный и красивый, со своимъ свѣтлымъ ликомъ; но особенно часто попадалась пресвятая Дѣва, вся блистающая, облеченная въ бѣлую одежду съ лазурью и золотомъ, такая ласковая и милосердная, что Бернадета часто видала ее во снѣ. Но библія въ этомъ домѣ

*

Digitized by Google

читалась чаще всего, старинная библія, пожелтѣвшая отъ употребленія, потому что она служила въ семействѣ болѣе ста лѣтъ; и каждый вечеръ на зимнихъ посидѣлкахъ пріемный отецъ, единственный грамотный человѣкъ въ домѣ, бралъ въ руки иглу и втыкалъ ее наудачу между листами, начиная чтеніе сверху нравой страницы, посреди глубокаго вниманія женщинъ и дѣтей, которыя наконецъ выучили содержаніе книги наизустъ и могли бы продолжать вслѣдъ за чтецомъ, не сбившись ни въ одномъ словѣ.

Бернадета предпочитала книги серьезнаго содержанія, гдѣ являлась пресвятая Дѣва со своей располагающей улыбкой. Однако ее заинтересовало также чтеніе чудесной исторіи четырехъ сыновей Аймонъ. На желтой оберткѣ книжечки, попавшей въ деревню изъ короба разнощика, который случайно забрелъ въ эту глушь, красовалась наивная гравюра: четверо богатырей, Рено съ братьями, сидящіе всѣ четверомъ на Байярѣ, своемъ знаменитомъ боевомъ конѣ — царскомъ подаркѣ феи Орланды. Тутъ говорилось о кровавыхъ битвахъ, о постройкахъ и осадахъ крѣпостей, о жестокихъ ударахъ шпаги между Роланомъ и Рено, который отправился наконецъ на завоеваніе святой земли, причемъ тутъ являлся на сцену и волшебникъ Можи съ его чудесными чарами, и принцесса Клариса, сестра короля Аквитаніи, прекраснѣе божьяго дня. Эти разсказы до того поразили воображеніе Бернадеты, что она часто не могла заснуть по ночамъ, въ особенности въ тѣ вечера, когда, оставивъ книги, кто нибудь принимался разсказывать сказки колдуновъ. Дѣвочка была крайне суевѣрна: ее ни за что не могли бы заставить пройти послѣ заката солнца мимо одной башни въ окрестностяхъ, посѣщаемой дьяволомъ. Впрочемъ, вся страна, простодушная и набожная, была какъ будто населена тайнами, покощими деревьями, камнями, на которыхъ выступала кровь, перекрестками, гдѣ было необходимо прочитывать по три раза Отче Нашъ и Богородицу, если не хочешь встрѣтить животное о семи рогахъ, которое уноситъ дѣвушекъ на погибель. А какое изобиліе страшныхъ сказокъ! Онѣ насчитывались сотнями, и когда по вечерамъ разсказчикъ принимался за нихъ, имъ не предвидѣлось конца. Сначала шли приключенія оборотней, несчастныхъ людей, принуждаемыхъ демономъ принимать образъ собакъ, большихъ бѣлыхъ собакъ,

Digitized by Google

водящихся въ горахъ: если выстрѣлить изъ ружья въ такого пса, причемъ хоть одна дробинка задѣнетъ его, человѣкъ избавляется отъ чаръ; если же свинецъ коснется только тѣни, человѣкъ немедленно умираетъ. Затѣмъ проходилъ цѣлый рядъ колдуновъ и колдуній, тянувшійся до безконечности. Одна изъ этихъ исторій въ особенности восхищала Бернадету,—разсказъ о стряпчемъ изъ Лурда, который хотѣлъ видѣть чорта и былъ приведенъ колдуньей на пустошь ровно въ полночь въ великую пятницу. Чортъ явился въ великолѣпномъ красномъ одѣяніи. Онъ тотчасъ предложилъ стряпчему продать ему свою душу, на что тотъ согласился для виду. У чорта какъ разъ былъ подъ мышкой списокъ городскихъ жителей, уже продавшихся ему раньше. Но хитрый стряпчій вынулъ изъ кармана мнимую бутылку съ чернилами, тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ ней была святая вода, которою онъ окропилъ дьявола; тотъ сталъ испускать ужасные крики, а стряпчій тѣмъ временемъ выхватилъ у него списокъ и пустился бѣжать. Тутъ началась безумная погоня, которая могла продлиться цѣлый вечеръ; злой духъ мчался за бѣглецомъ по горамъ, долинамъ, черезъ лѣса и потоки. «Отдай мнѣ мой списокъ»!—«Нѣтъ, ты его не получишь!» И то же самое начиналось съизнова. «Отдай мнѣ мой списокъ!»—«Нѣтъ, ты его не получишь!»—Наконецъ стряпчій придумалъ штуку. Запыхавшись, еле живой отъ усталости, онъ бросился на кладбище, откуда поддразнивалъ чорта, размахивая спискомъ, и такимъ образомъ спасъ души всѣхъ несчастныхъ, подписавшихъ договоръ съ нечистой силой. Въ эти вечера, прежде чѣмъ отдаться сну, Бернадета прочитывала про себя молитвы по четкамъ, счастливая тѣмъ, что адъ былъ посрамленъ, но однако дрожа при мысли, что дьяволъ, пожалуй, станетъ бродить вокругъ нея, какъ только погасятъ лампу.

Цѣлую зиму посидѣлки происходили въ церкви. Приходскій священникъ Адэръ разрѣшилъ это и многія семейства приходили туда, чтобы не тратиться на освѣщеніе у себя дома, не говоря уже о томъ, что здѣсь, когда народъ сбивался въ кучу, было теплѣе. Тутъ читалась библія и производились общія молитвы. Дѣти подъ конецъ засыпали. Только одна Бернадета боролась до конца, довольная тѣмъ, что находится здѣсь подъ сводами узкаго церковнаго корабля, тонкія стрѣлки которыхъ были выкрашены въ красную и голубую краску. Въ

Digitized by Google

глубинѣ возвышался алтарь, также раскрашенный и позолоченный, со своими витыми колонками и запрестольными образами; на этихъ иконахъ была представлена Марія у Елизаветы и усѣкновеніе головы предтечи Іоанна,—довольно варварская живопись, выступавшая изъ мрака своими красноватыми тонами. И ребенку, одолѣваемому сномъ, вѣроятно, мерещились мистическія видѣнія, когда онъ присматривался сквозь дремоту къ этимъ ярко раскрашеннымъ картинамъ; передъ его глазами кровь начинала сочиться изъ ранъ, лучистые вѣнцы сверкали, пресвятая Дѣва то и дѣло обращала на Бернадету свои лазурныя живыя очи и, казалось, вотъ сейчасъ раскроетъ румяныя уста, чтобы заговорить съ нею. Цѣлые мѣсяцы дѣвочка проводила такимъ образомъ вечера въ этомъ полуснѣ передъ неясно рисовавшимся прекраснымъ алтаремъ и въ головѣ у нея зарождалось божественное сновидѣніе, которое она уносила съ собою домой, чтобы закончить его въ постели, гдѣ маленькая пастушка спала, какъ убитая, подъ крыломъ своего ангела-хранителя.

Въ этой же самой старинной церкви, такой смиренной и полной пылкой вѣрою, Бернадета начала учиться катехизису. Она приближалась къ четырнадцати годамъ и давно была пора приготовить ее къ первому причастію. Пріемная мать, слывшая скупою, не посылала дѣвочку въ школу, пользуясь ея услугами для домашнихъ работъ съ утра до вечера. Школьный учитель Барвэ никогда не видѣлъ ее въ классѣ, но однажды, когда онъ давалъ урокъ катехизиса, замѣняя прихворнувшаго аббата Адэра, то замѣтилъ новую ученицу, которая бросилась ему въ глаза своею набожностью и скромностью. Священникъ очень любилъ Бернадету; онъ часто говорилъ о ней учителю, прибавляя, что при взглядѣ на нее ему всегда припоминаются дѣти изъ Салетты, которыя, вѣроятно, были также простодушны, добры и набожны, какъ она, если пресвятая Дѣва удостоила имъ явиться. На слѣдующее утро оба они, выдя изъ деревни, увидали Бернадету вдали со своимъ маленькимъ стадомъ, бродившею между высокими деревьями. И священникъ нѣсколько разъ оборачивался назадъ, повторяя слова: «Не знаю, что со мною дѣлается; но всякій разъ, когда я встрѣчу этого ребенка, мнѣ кажется, будто бы я вижу Меланію, маленькую пастушку, товарку малютки Максимина». Вѣ-

Digitized by Google

роятно, эта странная мысль не давала ему покоя и оказалась пророческой. И не разсказалъ ли онъ дѣтямъ, въ одинъ прекрасный день, послѣ урока катехизиса, или даже вечеромъ на посидѣлкахъ въ церкви, чудесную исторію, случившуюся уже двадцать лѣтъ назадъ, когда таинственная жена въ лучезарномъ одѣяніи шла по травѣ, не примявъ ее,—пресвятая Дѣва, показавшаяся Меланіи и Максимину на горѣ у берега ручья, чтобы довѣрить имъ великую тайну и возвѣстить гнѣвъ своего Сына? Съ этого дня источникъ, рожденный изъ слезъ Богородицы, исцѣлялъ всѣ недуги, тогда какъ тайна, записанная на пергаментѣ, запечатанномъ тремя восковыми печатями, покоилась въ Римѣ. Безъ сомнѣнія, Бернадета жадно прислушивалась къ восхитительному разсказу съ молчаливымъ видомъ спящей наяву, а потомъ унесла съ собою это дивное повѣствованіе въ лиственную пустыню, гдѣ проводила цѣлые дни, чтобы переживать тамъ слышанное возлѣ своихъ ягнятъ, между тѣмъ какъ ея худощавые пальчики безостановочно перебирали четки.

Такъ протекло дѣтство Бернадеты въ Бартресѣ. Что восхищало въ тщедушной и убогой дѣвочкѣ, такъ это ея восторженные глаза, прекрасные глаза визіонерки, гдѣ, подобно птицамъ въ чистомъ небѣ, проносились вереницы грёзъ. Ротъ у нея былъ большой, съ пухлыми губами, означавшими доброту; квадратная голова съ прямымъ лбомъ и густыми черными волосами показалась бы слишкомъ обыкновенной, еслибъ не очарованіе кроткой настойчивости въ чертахъ лица. Но кто не заглядывалъ ей въ глаза, тотъ не замѣчалъ ея; она была самымъ обыкновеннымъ ребенкомъ, маленькой бродяжкой, дѣвочкой, выросшей изъ милости, боязливой и смиренной. Вѣроятно, въ ея взорѣ аббатъ Адэръ со смущеніемъ прочелъ все то, что должно было въ ней расцвѣсти; въ этомъ взглядѣ отражалась и мучительная болѣзнь—нервное удушье, изнурявшее бѣдное тѣльце еще не сложившейся дѣвочки, и уединеніе среди зеленѣющихъ луговъ, гдѣ она выросла, и кротость ягнятъ, которыхъ пасла Бернадета, и ангельское привѣтствіе подъ открытымъ небомъ, повторяемое ею до галюцинацій, и чудесныя исторіи, слышанныя въ домѣ пріемной матери, и вечера передъ оживающими запрестольными образами въ церкви, и вся атмосфера этой отдаленной страны, загороженной горами.

Digitized by Google

7-го января Бернадеттѣ исполнилось четырнадцать лѣтъ; ея родители, супруги Субиру, видя, что она ничему не учится въ Бартресѣ, рѣшили взять ее совсѣмъ къ себѣ въ Лурдъ, чтобы она могла тамъ прилежнѣе заняться катехизисомъ и приготовиться, какъ слѣдуетъ, къ своему первому причастію. И вотъ Бернадета находилась уже недѣли двѣ или три въ Лурдѣ, когда въ холодную и немного пасмурную погоду, 11 февраля, въ четвергъ...

Однако Пьеръ долженъ былъ прервать свой разсказъ, потому что сестра Гіацинта встала и громко захлопала въ ладоши.

— Дѣти мои, уже давно девять часовъ... Надо спать, надо спать!

Дѣйствительно, поѣздъ миновалъ Ламотъ и съ глухимъ пыхтѣньемъ несся по морю потемокъ, по безконечнымъ равнинамъ Ландовъ, утонувшихъ въ мракѣ. Уже цѣлыхъ десять минутъ прошло съ того срока, когда въ вагонѣ должна была водвориться мертвая тишина, а больнымъ предоставлялось спать или мучиться, не говоря ни слова. Однако они возмутились.

— О, сестрица!—воскликнула Мари, сверкая глазами,—еще четверть часика. Мы остановились на самомъ интересномъ мѣстѣ.

Десять, двадцать голосовъ присоединились къ ней:

— Да, ради Бога, еще четверть часа!

Всѣ хотѣли слышать продолженіе, пылая любопытствомъ, точно не знали исторіи Бернадеты: до того они были увлечены трогательными, гуманными подробностями, приведенными разсказчикомъ. Всѣ взоры были устремлены на него, всѣ головы тянулись къ нему, причудливо освѣщенныя мерцающими лампами. И не одни больные,—десять женщинъ въ дальнемъ отдѣленіи также заинтересовались и поворачивали къ аббату свои жалкія некрасивыя лица; и эти богомолки похорошѣли подъ вліяніемъ наивной вѣры, счастливыя тѣмъ, что онѣ не проронили ни слова.

— Нѣтъ, я не могу,—объявила сестра Гіацинта.—Правила нельзя отмѣнять, надо водворить тишину.

Между тѣмъ она уже склонялась на просьбы, до того заинтересовавшись сама, что у нея какъ будто учащенно забилось сердце подъ апостольникомъ. Мари опять стала настаи-

Digitized by Google

вать умоляющимъ тономъ, тогда какъ отецъ ея—де-Герсенъ—слушавшій съ веселымъ видомъ, заявилъ, что отъ такого нежданнаго перерыва можно заболѣть; тутъ г-жа де-Жонкьеръ снисходительно улыбнулась и сестра наконецъ уступила.

— Ну, хорошо, такъ и быть, еще четверть часика, только ужь никакъ не больше, слышите? Иначе я буду виновата.

Пьеръ спокойно ожидалъ, не вмѣшиваясь въ споръ, и снова принялся за разсказъ своимъ проникающимъ въ душу голосомъ, гдѣ сомнѣніе умалялось отъ жалости къ тѣмъ, которые страдаютъ и надѣются.

Теперь театръ событій былъ перенесенъ въ Лурдъ, въ улицу Пти-Фоссэ, мрачную, узкую, извилистую, которая проходитъ между бѣдными жилищами и грубо оштукатуренными стѣнами. Въ нижнемъ этажѣ одного изъ этихъ убогихъ домовъ, въ концѣ темнаго прохода, семья Субиру занимала единственную комнату, гдѣ ютилось семь человѣкъ: отецъ, мать и пятеро дѣтей. Тамъ едва можно было что нибудь разсмотрѣть; мутный зеленоватый свѣтъ проникалъ во внутренній дворъ, совсѣмъ крошечный и сырой. Бѣдняги спали на полу въ повалку, а ѣли, когда хватало хлѣба. Съ нѣкотораго времени отецъ, мельникъ по ремеслу, съ трудомъ находилъ работу у другихъ. И изъ этой темной ямы, изъ этой жалкой нищеты вышла въ февральскій холодъ Бернадета, старшая дочь, чтобы набрать хворосту, съ Маріей, своей младшей сестрою, и Жанной, маленькой подругой, жившей по сосѣдству.

Тутъ прекрасная сказка стала не спѣша развертываться передъ слушателями. Аббатъ разсказывалъ имъ, какъ три дѣвочки спустились къ берегу Гава съ другой стороны замка, какъ онѣ очутились вдругъ на островѣ Шалэ, противъ скалы Массабіэль, отъ которой ихъ отдѣлялъ лишь протокъ мельницы Савй. То было дикое мѣсто, куда общинный пастухъ часто загонялъ стадо свиней, укрываясь отъ внезапныхъ ливней подъ этой скалою, у подножія которой было нѣчто въ родѣ неглубокой пещеры, обросшей дикимъ шиповникомъ и терномъ. Валежнику попадалось мало. Мари съ Жанной перешли въ бродъ узкій каналъ, замѣтивъ на другой сторонѣ цѣлыя кучи сухихъ вѣтвей, принесенныхъ сюда водою; но болѣе изнѣженная Бернадета, отчасти походившая на барышню, осталась на берегу и приходила въ отчаяніе, боясь замочить ноги. У нея была

Digitized by Google

сыпь на головѣ и мать велѣла ей хорошенько закутаться въ свой капюшонъ, большой бѣлый капюшонъ, рѣзко выдѣлявшійся на ея старенькомъ, темномъ, шерстяномъ платьицѣ. Когда она увидѣла, что товарки отказываются помочь ей, то рѣшилась сбросить деревянные башмаки и снять чулки. Было около полудня; девять ударовъ въ колоколъ, возвѣщавшихъ Angelus, вѣроятно, раздались съ колокольни приходской церкви подъ необъятнымъ куполомъ спокойнаго зимняго неба, подернутаго легкимъ пухомъ облачковъ. Тутъ Бернадетой овладѣло сильное смущеніе, въ ушахъ у нея загудѣло точно въ бурю и она вообразила, что надъ землею проносится ураганъ, сорвавшійся съ горъ; однако дѣвочка взглянула на деревья и была поражена тѣмъ, что ни одинъ листикъ на нихъ не шелохнулся. Потомъ она подумала, что странный шумъ только почудился ей, и уже хотѣла взять свои деревянные башмаки, какъ вдругъ снова загудѣлъ вихрь; на этотъ разъ онъ отдался не только въ ушахъ Бенардеты, но отуманилъ ей и зрѣніе. Она перестала различать деревья, ослѣпленная мелькнувшей передъ ней бѣлизною, какъ бы яркимъ свѣтомъ, который, казалось, остановился у скалы надъ пещерой, въ узкой и высокой расщелинѣ, подобной стрѣлкѣ свода въ соборѣ. Испуганная, она упала на колѣни. Что же это такое, Богъ мой? Иногда во время болѣзни, когда астма сильнѣе душила Бернадету, дѣвочка проводила тревожныя ночи въ безконечныхъ, порою тягостныхъ сновидѣніяхъ, отъ которыхъ у нея оставалось удушье при пробужденіи, даже если она ничего не помнила. Ее какъ будто окружало пламя, солнце проносилось у нея передъ самыми глазами. Не приснился ли ей такой же сонъ въ прошедшую ночь? Или это было продолженіе какого нибудь прежняго забытаго сна? Потомъ, мало по малу, яркая бѣлизна стала принимать опредѣленную форму; дѣвочкѣ показалось, что она узнаётъ эту фигуру, совершенно бѣлую отъ падавшаго на нее яркаго свѣта. Изъ боязни дьявольскаго навожденія, Бернадетта, напуганная исторіями о колдунахъ, стала читать молитвы по четкамъ. Когда же свѣтъ мало по малу погасъ, она присоединилась къ Маріи и Жаннѣ, перейдя въ бродъ каналъ, и была немало удивлена, узнавъ, что ни та, ни другая ничего не видѣли, собирая хворостъ противъ пещеры. На возвратномъ пути въ Лурдъ, три дѣвочки разговорились между собою: значитъ,

Digitized by Google

Бернадета видѣла что нибудь? Однако, та не захотѣла отвѣчать, встревоженная и немного пристыженная; наконецъ, она сказала, что ей померещилось что-то въ бѣломъ одѣяніи.

Съ тѣхъ поръ слухъ о происшествіи распространялся все дальше и дальше. Субиру, узнавъ, въ чемъ дѣло, разсердились на такое ребячество и запретили дочери возвращаться къ скалѣ Массабіэль. Между тѣмъ, всѣ дѣти квартала повторяли уже другъ другу необыкновенную исторію. Родителямъ Бернадеты пришлось уступить и отпустить въ воскресенье свою дочь къ пещерѣ съ бутылкой святой воды, съ цѣлью убѣдиться, что тутъ не было дьявольскаго навожденія. Дѣвочка снова увидала яркій свѣтъ и женскую фигуру, которая выступала теперь яснѣе и дополнялась; ея ликъ улыбался и она, очевидно, нимало не страшилась святой воды. Въ четвергъ Бернадета пришла снова въ сопровожденіи другихъ лицъ и лишь тогда лучезарное видѣніе настолько воплотилось, что, наконецъ, заговорило съ нею: «Сдѣлай милость, приходи сюда въ продолженіе пятнадцати дней». Такъ мало по малу неясный образъ опредѣлился,—нѣчто, облеченное въ бѣлое, постепеннно превращалось въ Дѣву, прекраснѣе всякой царицы, какихъ рисуютъ на картинкахъ. Сначала, не довѣряя себѣ, смущенная Бернадета колебалась отвѣчать на вопросы, которыми сосѣди докучали ей съ утра до вечера. Потомъ, какъ будто наведенная на это ихъ же словами, по мѣрѣ того какъ люди допытывались отъ нея истины, она стала опредѣленнѣе видѣть передъ собою лучезарное существо; оно окончательно оживало, принимая очертанія и цвѣта, отъ которыхъ ребенокъ никогда уже болѣе не отступалъ въ своихъ описаніяхъ. Глаза таинственной женщины были голубые и необыкновенно кроткіе, губы алыя и улыбающіяся, овалъ лица соединялъ прелесть молодости съ благостью материнства. Изъ-подъ покрывала, спускавшагося съ головы до самыхъ подошвъ, едва виднѣлся край великолѣпныхъ, волнистыхъ бѣлокурыхъ волосъ. Одежда совершенно бѣлая и лучезарная, вѣроятно, была сдѣлана изъ матеріала, неизвѣстнаго на землѣ и затканнаго солнцемъ. Шарфъ небеснаго цвѣта, завязанный легкимъ узломъ, спускался двумя длинными развѣвающимися концами, легкими, какъ утренній воздухъ. Четки, обвивавшія ея правую руку, состояли изъ молочно-бѣлыхъ бусъ, тогда какъ ихъ звенья и крестъ были золотые, а на босыхъ ножкахъ,—очаровательныхъ

Digitized by Google

ножкахъ, бѣлизны только что выпавшаго снѣга,—цвѣли двѣ золотыхъ мистическихъ розы, распустившихся на этомъ непорочномъ тѣлѣ божественной Матери. Гдѣ Бернадета видала ее раньше, эту пресвятую Дѣву, такую традиціонную въ простодушномъ описаніи дѣвочки, безъ единой драгоцѣнности, полную первобытной граціи народа, еще пребывающаго въ младенчествѣ? Въ какой иллюстрированной книгѣ, принадлежавшей брату ея кормилицы, доброму священнику, который читалъ имъ вслухъ такія славныя исторіи? Въ какой статуэткѣ, на какой картинѣ, на какомъ церковномъ окнѣ, разрисованномъ и позолоченномъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ протекло ея дѣтство? Въ особенности эти золотыя розы на босыхъ ножкахъ, эта восхитительная выдумка любви, этотъ набожный расцвѣтъ женскаго тѣла,—изъ какого рыцарскаго романа былъ онъ почерпнутъ? Изъ какой исторіи, разсказанной на урокѣ катехизиса аббатомъ Адэромъ? Изъ какого безсознательнаго сна наяву, который убаюкивалъ Бернадету, когда она бродила подъ сѣнью деревьевъ въ Бартресѣ, безконечно повторяя назойливо приходившія ей въ голову слова ангельскаго привѣтствія?

Въ голосѣ Пьера слышалось еще больше умиленія. Если онъ не говорилъ всѣхъ этихъ вещей простодушнымъ людямъ, слушавшимъ трогательный разсказъ, то, во всякомъ случаѣ, сомнѣніе въ глубинѣ его души, старавшееся по человѣчески объяснить эти чудеса, влагало въ рѣчь аббата трепетъ братскаго сочувствія. Онъ еще болѣе любилъ Бернадету за эту Даму, такую ласковую въ обращеніи, такую милую, проникнутую такою учтивостью при своихъ появленіяхъ и исчезновеніяхъ. Сначала появлялся яркій свѣтъ, потомъ обозначалось видѣніе, которое двигалось, подходило, наклонялось, волнуясь туда и сюда, неуловимо воздушное и легкое, и когда женскій образъ исчезалъ, свѣтъ оставался еще съ минуту, чтобы угаснуть, подобно меркнущей звѣздѣ. Никакая дама изъ здѣшняго міра не могла имѣть такого бѣлаго лица съ нѣжнымъ румянцемъ и обладать такой дѣтской красотой, какъ на картинкахъ перваго причастія. Шиповникъ пещеры даже не царапалъ ея обожаемыхъ босыхъ ножекъ, цвѣтущихъ золотомъ.

И Пьеръ тотчасъ разсказалъ о другихъ явленіяхъ. Четвертое и пятое произошли въ пятницу и субботу; однако лучезарная Жена, еще не сказавшая своего имени, ограничивалась улыбкой и поклономъ, не произнося ни слова. Въ воскресенье

Digitized by Google

она заплакала и сказала Бернадетѣ: «Молись за грѣшниковъ». Въ понедѣльникъ она сильно огорчила дитя, не показавшись вовсе, вѣроятно, желая испытать набожную дѣвочку. Но во вторникъ таинственная женщина открыла ей свою собственную тайну, которой никогда не слѣдовало разглашать, потомъ указала наконецъ Бернадеттѣ назначенную ей миссію: «Иди, скажи священникамъ, что здѣсь надо поставить капеллу». Въ среду она прошептала нѣсколько разъ одно слово: «Покаяніе! покаяніе! покаяніе!» которое дитя повторило, цѣлуя землю. Въ четвергъ она сказала: «Ступай, напейся у источника, умойся тамъ и поѣшь травы, растущей рядомъ», слова, которыя визіонерка наконецъ поняла, когда у нея изъ-подъ пальцевъ въ глубинѣ пещеры брызнулъ источникъ; то было чудо волшебнаго ключа. Затѣмъ наступила очередь второй недѣли: видѣніе не показывалось въ пятницу, потомъ являлось безпрерывно пять дней подъ рядъ, повторяя свои приказанія и съ улыбкой глядя на смиренную дѣвочку, избранную ею, которая при каждомъ появленіи читала молитвы по четкамъ, цѣловала землю и ползла на колѣняхъ къ источнику, чтобы изъ него пить и умываться. Наконецъ, въ четвергъ, 4 марта, въ послѣдній день мистическихъ свиданій, Дама болѣе настоятельно потребовала постройки капеллы, чтобы народы стекались туда процессіями со всѣхъ странъ земли. Между тѣмъ, до сихъ поръ, не смотря на просьбы Бернадеты, таинственная женщина отказывалась отвѣчать, кто она такая, и только въ четвергъ, 25 марта, три недѣли спустя, она, сложивъ руки, поднявъ очи къ небу, сказала: «Я—Непорочное Зачатіе». Еще два раза черезъ довольно длинные промежутки времени—7 апрѣля и 16 іюля—видѣніе являлось ребенку: первый разъ для того, чтобъ сотворить чудо съ восковою свѣчкою, надъ которой Бернадета нечаянно продержала нѣсколько минутъ свою руку, не обжогши ее; а второй разъ для того, чтобы проститься, послать дѣвочкѣ послѣднюю улыбку и послѣдній поклонъ милой учтивости. Это составляло въ общемъ восемнадцать явленій и послѣ того лучезарная Жена перестала показываться.

Во время разсказа, Пьеръ какъ будто раздвоился. Продолжая свою прекрасную фантастическую сказку, такую отрадную для страдальцевъ, онъ вызывалъ въ своей душѣ образъ этой жалкой и милой Бернадеты, такъ чудно расцвѣтшей въ своемъ

Digitized by Google

страданіи. По грубому опредѣленію одного врача, эта четырнадцатилѣтняя дѣвочка долго не могла развиться въ женщину. Съ плохимъ здоровьемъ, уже подточеннымъ астмой, она была, по его словамъ, просто ненормальнымъ истерическимъ субъектомъ и навѣрно продуктомъ вырожденія,—прямо слабоумной. Если Бернадета не страдала рѣзко выраженными нервными припадками, не доходила во время приступовъ болѣзни до столбняка и въ точности помнила свои сны, то это объяснялось исключительнымъ, весьма любопытнымъ свойствомъ ея недуга. Вѣдь только необъяснимое составляетъ чудо; наука блуждаетъ еще въ потемкахъ посреди безконечнаго разнообразія феноменовъ, смотря по натурѣ каждаго. Сколько пастушекъ, раньше Бернадеты, такимъ же образомъ видали Богородицу при одинаково ребяческой обстановкѣ! Не была ли это одна и та же исторія: жена, облеченная свѣтомъ, довѣренная тайна, брызнувшій источникъ, миссія, которую слѣдуетъ исполнить, чудеса, волшебство которыхъ должно обратить массы народа? И опять мечта убогаго ребенка, та же раскрашенная картинка въ молитвенникѣ,—идеалъ, сотканный изъ традиціонной красоты, кротости и учтивости, наивность средствъ и тожество цѣли—избавленія народовъ, постройки церкви, процессіи вѣрующихъ! Потомъ всѣ эти изреченія, упавшія съ неба, похожи между собою: призывы къ покаянію, обѣщанія божественной помощи; здѣсь было ново только это необыкновенное заявленіе: «Я—Непорочное Зачатіе», которое раздалось въ видѣ полезнаго подтвержденія, устами самой пресвятой Дѣвы, догмата, обнародованнаго римской куріей за три года передъ тѣмъ. Здѣсь появлялась не Дѣва Непорочная, «но Непорочное Зачатіе», сама отвлеченная идея, предметъ, догматъ, такъ что можно было усомниться, точно ли пресвятая Дѣва стала бы говорить такимъ языкомъ. Что касается другихъ изреченій, то можно допустить, что Бернадета слышала ихъ и безсознательно сохранила въ уголку своей памяти. Но это?.. откуда оно явилось, чтобы подтвердить еще оспариваемый догматъ чудеснымъ свидѣтельствомъ матери, зачатой безъ грѣха?

Въ Лурдѣ поднялось сильнѣйшее волненіе, народъ сбѣгался толпами, начали совершаться чудеса, а вмѣстѣ съ тѣмъ настали и неизбѣжныя гоненія, укрѣпляющія торжество новыхъ религій.

Digitized by Google

И аббатъ Пейрамаль, лурдскій приходскій священникъ, человѣкъ въ высшей степени честный, отличавшійся прямотой и силой ума, могъ по совѣсти сказать, что онъ вовсе не знаетъ этого ребенка, который ни разу еще не бывалъ на курсахъ катехизиса. Откуда же могло тутъ взяться давленіе извнѣ, затверженный урокъ? Здѣсь могли подѣйствовать только дѣтство, проведенное въ Бартресѣ, первоначальное преподаваніе аббата Адэра, можетъ быть, разговоры, религіозныя церемоніи въ честь вновь обнародованнаго догмата или просто подарокъ одной изъ медалей, которыя во множествѣ ходили тогда по рукамъ. Никогда больше не выступалъ на сцену аббатъ Адэръ, предсказавшій миссію визіонерки. Ему не было суждено фигурировать въ исторіи Бернадеты, хотя онъ первый почуялъ расцвѣтъ этой маленькой души въ своихъ рукахъ. И всѣ невѣдомыя силы, таившіяся въ глуши деревни, этого уголка, ограниченнаго и суевѣрнаго, продолжали однако дѣйствовать, смущая умы, распространяя заразу тайны. Кто-то припомнилъ, что одинъ пастухъ изъ Аржелеса, говоря про Массабіэльскую скалу, предсказалъ, что возлѣ нея произойдутъ великія событія. Другія дѣти также впадали въ экстазъ, съ широко раскрытыми глазами, сотрясаемыя конвульсіями; но тѣмъ мерещился дьяволъ. Вѣяніе безумія какъ будто пронеслось надъ страною. Въ Лурдѣ одна старушка дама объявила, что Бернадета просто колдунья и что она видѣла у нея въ глазу лапку жабы. Для другихъ же, для многихъ тысячъ сбѣжавшихся паломниковъ, она была святою, у которой они цѣловали край одежды. Рыданія оглашали воздухъ, безумный порывъ овладѣвалъ душами, когда она падала на колѣни передъ пещерой съ зажженной восковою свѣчей въ правой рукѣ, перебирая четки лѣвой. Тогда она становилась очень блѣдна, хорошѣла, преображалась. Ея черты оживлялись, напрягались съ выраженіемъ необычайнаго блаженства, между тѣмъ какъ глаза сіяли свѣтомъ, а полуоткрытыя губы шевелились, точно произнося неслышныя слова. И, несомнѣнно, у нея не было больше собственной воли; увлеченная своей мечтой, абсолютно поддавшаяся ей въ узкой и исключительной сферѣ, гдѣ она жила, эта дѣвочка продолжала свой сонъ даже въ бодрственномъ состояніи, принимая его за единственную неоспоримую дѣйствительность, готовая проповѣдывать ниспосланное ей откровеніе цѣною своей крови, по-

Digitized by Google

вторяя его до конца и упорствуя въ немъ съ неизмѣнными подробностями. Бернадета не лгала, потому что не умѣла, не могла, не желала *хотѣть* чего нибудь инаго.

Теперь Пьеръ съ увлеченіемъ рисовалъ очаровательную картину стариннаго Лурда, этого маленькаго набожнаго городка, дремлющаго у подножія Пиренеевъ. Въ прежнее время замокъ, на своей скалѣ у перекрестка семи долинъ Лаведана, былъ ключемъ къ горамъ. Но теперь, придя въ упадокъ, онъ былъ не болѣе, какъ мазанкой, постепенно превращавшейся въ развалины у входа въ глухое ущелье. Современная жизнь остановилась тутъ, наткнувшись на грозную преграду величавыхъ снѣжныхъ пиковъ, и только транспиренейская желѣзная дорога, еслибъ ее выстроили, могла бы установить дѣятельное сообщеніе въ этомъ уединенномъ уголку, гдѣ дремотное существованіе людей застаивалось, какъ стоячая вода. Итакъ, забытый Лурдъ дремалъ, счастливый и флегматичный, среди вѣковаго безмолвія, со своими узкими улочками, вымощенными булыжникомъ, и черными домами, обрамленными мраморомъ. Старинныя крыши тѣснились еще всею массой на востокъ отъ замка; улица, ведущая къ пещерѣ, называлась тогда «Лѣсною» и представляла не болѣе, какъ пустынную дорогу, по которой не было проѣзда. Ни одинъ домъ не спускался до Гава, катившаго все время свои пѣнистыя волны въ тихомъ уединеніи, подъ сѣнью ивъ и между высокихъ травъ. На площади Маркадаля въ будничные дни виднѣлись рѣдкіе прохожіе, хлопотливыя хозяйки, спѣшившія за провизіей, да мелкіе рантье, прогуливавшіеся отъ нечего дѣлать; и надо было ждать воскресенья или ярмарочныхъ дней, чтобы встрѣтить на Общинномъ полѣ разряженное населеніе, толпу скотоводовъ, спустившихся съ отдаленныхъ горныхъ равнинъ со своимъ скотомъ. Во время купальнаго сезона, проѣздъ купальщиковъ изъ Котрэ и Баньера придавалъ мѣстности нѣкоторое оживленіе; дилижансы проѣзжали по городу два раза въ день, но они являлись изъ По по отвратительной дорогѣ и имъ приходилось переѣзжать въ бродъ Лопако, часто выходившій изъ береговъ. Затѣмъ путешественники поднимались по крутому подъему Нижней улицы и огибали церковную террасу, осѣненную высокими вязами. А какая тишина царила вокругъ этой церкви и въ ней самой, построенной на половину въ испанскомъ вкусѣ, со старинными скульп-

Digitized by Google

турными украшеніями, колоннами, запрестольными образами, статуями! Этотъ храмъ былъ населенъ золотыми видѣніями и разрисованными тѣлами, которыя какъ будто испеклись отъ времени и были видимы, точно при свѣтѣ мистическихъ лампадъ. Все населеніе приходило сюда молиться, насыщать взоры этой таинственной мечтою. Тутъ не было невѣрующихъ, тутъ обиталъ народъ первобытной вѣры; каждая корпорація шла подъ знаменемъ своего святаго; всевозможныя братства соединяли весь городъ въ праздничныя утра въ одну христіанскую семью. И, подобно дивному цвѣтку, выросшему въ избранномъ сосудѣ, здѣсь царствовала замѣчательная чистота нравовъ: холостые люди не находили даже притоновъ разврата для своей гибели; всѣ молодыя дѣвушки выростали въ красѣ невинности на глазахъ пресвятой Дѣвы, подобной башнѣ изъ слоновой кости и трону мудрости.

И какъ понятно, что Бернадета, рожденная изъ этой почвы святости, расцвѣла тамъ, какъ дикая роза, распустившаяся на кустахъ придорожнаго шиповника! Она представляла собою самый цвѣтъ этой древней страны вѣрованія и честности; она, конечно, не могла бы вырости гдѣ нибудь въ иномъ мѣстѣ, не могла бы проявиться и развиться при иныхъ условіяхъ; это было мыслимо только здѣсь, въ этой запоздалой расѣ, среди заснувшаго безмолвія ребяческаго народа, подъ моральною дисциплиной религіи. И какая любовь тотчасъ окружила ее, какая слѣпая вѣра въ миссію дѣвочки, какое громадное утѣшеніе и какая надежда съ первыхъ же чудесъ! Протяжный возгласъ отрады встрѣтилъ исцѣленія старика Буріэта, къ которому возвратилось зрѣніе, и маленькаго Жюстина Буюгорта, воскресшаго въ ледяной водѣ источника. Наконецъ, пресвятая Дѣва заступилась за отчаявшихся, заставляя жестокую природу-мачиху быть справедливой и милосердой. То было новое царство божественнаго всемогущества, которое ставило вверхъ дномъ міровые законы ради благополучія страждущихъ и бѣдныхъ. Чудеса умножались; они поражали, становясь день ото дня болѣе необыкновенными, какъ неоспоримыя доказательства правдивости Бернадеты. И она, дѣйствительно, была розой божественнаго цвѣтника, разливающей благоуханіе и производящей вокругъ себя всѣ другіе цвѣты благодати и спасенія.

Дойдя до этого мѣста, Пьеръ опять принялся описывать

Digitized by Google

чудеса и хотѣлъ продолжать, приступивъ къ чудесному тріумфу пещеры, какъ вдругъ сестра Гіацинта, внезапно очнувшись отъ обаянія, въ которомъ держалъ ее разсказъ, съ живостью вскочила на ноги.

— Ну, право, это безразсудство!.. Сейчасъ пробьетъ одиннадцать часовъ.

Она говорила правду. Поѣздъ миновалъ Морсё и приближался къ Монъ-де-Марсану. Монахиня захлопала въ ладоши.

— Смирно, дѣти мои, смирно!

На этотъ разъ ей не смѣли противорѣчить, потому что она была права: такихъ вещей не слѣдовало допускать. Но какая жалость не дослушать продолженія, остановиться на самой серединѣ исторіи! Десять женщинъ въ крайнемъ отдѣленіи даже разворчались съ досады, тогда какъ больные, по прежнему вытянувъ шеи, съ широко открытыми глазами, созерцавшими вдали свѣтъ надежды, казалось, все еще продолжали слушать. Эти постоянно повторявшіяся чудеса наполнили, наконецъ, ихъ души громадной и сверхъестественной радостью.

— Ну,—весело прибавила монахиня,—лежите же всѣ теперь смирно, чтобъ я не слыхала ни слова ни отъ одного изъ больныхъ, иначе виновный будетъ наказанъ!

Г-жа де-Жонкьеръ добродушно разсмѣялась.

— Слушайтесь, дѣти мои, спите, будьте умницы, чтобы завтра у васъ достало силы помолиться отъ всего сердца въ пещерѣ.

Тутъ водворилась тишина, никто не говорилъ ни слова, слышался только грохотъ колесъ и толчки поѣзда, уносимаго на всѣхъ парахъ во мракѣ ночи.

Пьеръ не могъ спать. Рядомъ съ нимъ де-Герсенъ уже тихонько храпѣлъ съ блаженнымъ видомъ, не смотря на жосткость скамьи. Священникъ долго видѣлъ передъ собою широко раскрытые глаза Мари, въ которыхъ еще отражался отблескъ чудесъ, только что разсказанныхъ имъ. Она жадно смотрѣла на него, а потомъ ея вѣки сомкнулись и аббатъ не зналъ, спитъ ли она, или мысленно переживаетъ, съ закрытыми глазами, безпрерывное чудо. Теперь больные громко бредили, смѣясь по временамъ, причемъ этотъ смѣхъ прерывался безсознательными стонами. Можетъ быть, имъ снилось, какъ архангелы раздробляютъ ихъ тѣло, чтобы вырвать оттуда болѣзнь. Другіе, стра-

Digitized by Google

дая безсонницей, ворочались, заглушая рыданія, уставившись пристальнымъ взглядомъ въ темноту. И Пьеръ трепеталъ передо всей этой, возставшей передъ нимъ, тайной,—растерянный, не понимая, что съ нимъ происходитъ здѣсь, въ средѣ жестоко страждущаго, роднаго ему человѣчества. Онъ кончилъ тѣмъ, что возненавидѣлъ свой разумъ, въ тѣсномъ общеніи съ этими смиренными людьми, рѣшившись вѣрить, какъ они. Къ чему послужитъ физіологическое разслѣдованіе дѣла Бернадеты, такое сложное и обильное пропусками; почему не отнестись къ странной дѣвочкѣ, какъ къ посланницѣ иного міра, избранной невѣдомымъ божественнымъ началомъ? Врачи являлись здѣсь не больше, какъ невѣждами съ грубыми руками, между тѣмъ было бы такъ отрадно забыться сномъ, убаюканнымъ вѣрой младенцевъ въ очарованныхъ садахъ невозможнаго! Наконецъ, аббатъ пережилъ восхитительную минуту спокойной довѣрчивости, бросивъ всѣ старанія разъяснять себѣ что либо, принимая визіонерку, какъ она есть, съ ея роскошнымъ кортежемъ чудесъ, безусловно предаваясь Богу, предоставивъ ему думать и хотѣть за себя. И Пьеръ сталъ смотрѣть изъ окна черезъ стекло, которое не смѣли опустить изъ боязни простуды для чахоточныхъ; онъ видѣлъ безпредѣльный ночной мракъ, окутывавшій окрестность, по которой мчался поѣздъ. Гроза, должно быть, разразилась здѣсь; небеса были необыкновенной ночной чистоты, какъ будто омытыя дождемъ. Крупныя звѣзды сіяли на этомъ темномъ бархатѣ, освѣщая таинственнымъ блескомъ освѣженныя и безмолвныя поля, разстилавшіяся до безконечности подъ покровомъ мрака и спящія въ своемъ уединеніи. Черезъ Ланды, черезъ долины и холмы, вагонъ бѣдствія и страданія продолжалъ катиться, накалившійся, зараженный, плачевный и жалобно кричащій въ ясной тишинѣ этой царственной ночи, такой прекрасной и невозмутимо спокойной.

Въ часъ утра миновали Рискль; молчаніе продолжалось, тягостное, наполненное галлюцинаціями, подъ безпрерывные толчки. Въ два часа, въ Викъ-де-Бигоррѣ послышались глухіе стоны: дурное состояніе дороги дѣлало тряску невыносимой. И только въ Тарбѣ, въ половинѣ третьяго, тишина была нарушена; паломники принялись читать утреннія молитвы еще глухой ночью. Они прочитали Pater, Ave, Credo,—то былъ при-

Digitized by Google

зывъ къ Богу, чтобы просить у него счастья, славнаго дня. О, Боже мой, подай мнѣ силы избѣжать всякаго зла, творить всякое добро, перенести всякое страданіе!

Теперь остановка предстояла только въ Лурдѣ. Еще какихъ нибудь три четверти часа—и Лурдъ засіяетъ со своей необъятной надеждой во мракѣ этой ночи, такой жестокой и долгой. Тягостное пробужденіе становилось лихорадочнымъ отъ этой мысли, просыпалась послѣдняя тревога среди утренняго недомоганія, въ жестокой мукѣ, начинавшейся съизнова.

Но сестру Гіацинту въ особенности безпокоилъ неизвѣстный пассажиръ, которому она не переставала обтирать лицо, покрытое потомъ. До сихъ поръ онъ былъ живъ; она наблюдала за нимъ, не задремавъ ни на минуту, прислушиваясь къ его чуть замѣтному дыханію, въ своемъ упорномъ стремленіи довезти его, по крайней мѣрѣ, до пещеры.

Вдругъ она перепугалась и сказала, обращаясь къ г-жѣ де-Жонкьеръ:

— Пожалуйста, передайте мнѣ поскорѣе бутылку съ уксусомъ... Онъ, кажется, не дышетъ.

Дѣйствительно, съ минуту она перестала слышать тихое дыханіе больнаго. Его глаза были по прежнему закрыты, а ротъ полуоткрытъ, но блѣдность не могла усилиться болѣе; онъ былъ весь холоденъ и теменъ, какъ пепелъ. А вагонъ катился, позвякивая своими желѣзными частями; быстрота хода, казалось, увеличивалась.

— Я потру ему виски,—снова начала сестра Гіацинта.—Помогите мнѣ.

Вдругъ, при болѣе рѣзкомъ толчкѣ, неизвѣстный упалъ со скамьи ничкомъ.

— Ахъ, Боже мой! Помогите же мнѣ поднять его.

Пассажира подняли, онъ былъ мертвъ. Пришлось опять посадить его въ уголокъ, спиною къ перегородкѣ. Онъ сидѣлъ прямо съ вытянутымъ торсомъ и только голова умершаго слегка покачивалась при каждомъ толчкѣ. Поѣздъ по прежнему уносилъ его съ тѣмъ же оглушительнымъ грохотомъ, тогда какъ локомотивъ,, вѣроятно радуясь скорому пріѣзду, издавалъ рѣзкіе свистки; то была цѣлая фанфара крикливой радости, раздиравшей слухъ среди безмятежной ночи.

Тутъ, въ продолженіе безконечнаго получаса, путешествіе

Digitized by Google

заканчивалось съ мертвецомъ. Двѣ крупныя слезы скатились по щекамъ сестры Гіацинты, потомъ она сложила руки и стала молиться. Весь вагонъ трепеталъ, пугаясь такого ужаснаго сотоварища, котораго везли слишкомъ поздно къ стопамъ пресвятой Дѣвы. Однако надежда была сильнѣе страданія; всѣ болѣзни, набитыя здѣсь биткомъ, оказывались безсильными, хотя онѣ проснулись съ новымъ ожесточеніемъ, усиливаясь, раздражаясь подъ давленіемъ невыносимой усталости; это не помѣшало однако веселому пѣнію раздаваться при тріумфальномъ въѣздѣ въ страну чуда. Больные запѣли Ave Maria stella посреди слезъ, вырванныхъ страданіемъ, отчаянныхъ воплей, въ возрастающемъ гамѣ, гдѣ стоны переходили, наконецъ, въ возгласы надежды.

Марія опять взяла руку Пьера въ свои лихорадочно горѣвшіе пальчики.

— О, Боже мой! этотъ человѣкъ умеръ, а я такъ боялась умереть до пріѣзда... И вотъ мы наконецъ пріѣхали... пріѣхали!

Священникъ дрожалъ въ сильнѣйшемъ волненіи.

— Это оттого, что вы должны исцѣлиться, Мари, и я также исцѣлюсь, если вы помолитесь за меня.

Локомотивъ свистѣлъ все отчаяннѣе въ голубоватомъ сумракѣ, поѣздъ приближался къ станціи; лурдскіе огни блестѣли на горизонтѣ. И всѣ паломники спѣли еще послѣдній гимнъ, исторію Бернадеты, безконечную жалобу изъ шестидесяти строфъ, гдѣ ангельское привѣтствіе безконечно повторяется въ видѣ припѣва, назойливое, кружащее голову, отверзающее небеса экстаза.

День второй.

I.

Часы на вокзалѣ, циферблатъ которыхъ освѣщался рефлекторомъ, показывали двадцать минутъ четвертаго. Подъ стеклянной крышей дебаркадера, длиною до ста метровъ, мелькали тѣни людей, терпѣливо дожидавшихся прибытія поѣзда. Вдали, среди окутанныхъ мракомъ окрестностей, виднѣлся только красный сигнальный фонарь.

Digitized by Google

Двое изъ прогуливавшихся мужчинъ остановились на минуту. Болѣе высокій изъ нихъ, монахъ изъ общины Успенія, почтенный отецъ Фуркадъ, директоръ національнаго паломничества, прибывшій еще наканунѣ, былъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти, великолѣпный подъ своей черной пелериной съ длиннымъ капюшономъ. Его прекрасная голова, со свѣтлыми повелительными глазами, съ густою сѣдѣющею бородой, напоминала генерала, одушевленнаго пылкимъ, разумнымъ желаніемъ побѣды. Но онъ волочилъ немножко одну ногу, внезапно застигнутый приступомъ подагры, и опирался на плечо своего товарища, доктора Бонами, врача, состоявшаго при «бюро констатированія чудесъ», низенькаго коренастаго мужчины съ выбритымъ квадратнымъ лицомъ, съ тусклыми, какъ будто мутными глазами, освѣщавшими крупныя, спокойныя черты.

Отецъ Фуркадъ окликнулъ начальника станціи, который выбѣжалъ изъ своей конторы.

— Милостивый государь, на много опоздалъ бѣлый поѣздъ?

— Нѣтъ, ваше преподобіе, самое большее на десять минутъ. Онъ будетъ здѣсь въ половинѣ четвертаго... Но что меня безпокоитъ, такъ это поѣздъ изъ Байоны, которому уже слѣдовало бы пройти.

Онъ побѣжалъ опять, чтобы сдѣлать распоряженіе, и потомъ вернулся, худощавый и нервный, взволнованный лихорадочный дѣятельностью, которая держала его на ногахъ дни и ночи, во время крупныхъ паломничествъ. Въ этотъ день онъ ожидалъ, сверхъ положеннаго числа, восемнадцать поѣздовъ,— болѣе пятнадцати тысячъ пассажировъ. Поѣзда сѣрый и синій, вышедшіе первыми изъ Парижа, уже успѣли прибыть въ назначенный часъ. Но опозданіе бѣлаго поѣзда рисковало произвести переплохъ тѣмъ болѣе, что объ экстренномъ поѣздѣ изъ Байоны также не подавали еще сигнала; становилось понятнымъ, насколько необходима постоянная бдительность, безпрерывная спѣшка, въ которой находились всѣ служащіе.

— Такъ значитъ черезъ десять минутъ?—повторилъ отецъ Фуркадъ.

— Да, черезъ десять минутъ, если только не придется закрыть пути!—бросилъ на бѣгу начальникъ станціи, кидаясь къ телеграфу.

Священникъ съ докторомъ стали опять медленно проха-

Digitized by Google

живаться. Ихъ удивляло, что здѣсь никогда не случалось серьезной катастрофы, посреди такой сумятицы. Въ прежнее время, въ особенности, господствовалъ невообразимый безпорядокъ и монахъ съ удовольствіемъ сталъ припоминать первое паломничество, организованное и привезенное имъ въ 1875 году: ужасное, безконечное путешествіе, безъ подушекъ, безъ матрасовъ, съ полумертвыми больными, которыхъ не знали чѣмъ привести въ чувство; потомъ пріѣздъ въ Лурдъ, безпорядочная выгрузка, ни малѣйшихъ приспособленій,—ни ремней для носильщиковъ, ни носилокъ, ни телѣжекъ. Теперь же все устроено съ образцовой предусмотрительностью, въ грандіозныхъ размѣрахъ; госпиталь ожидалъ больныхъ, которыхъ уже не приходилось класть подъ навѣсами на солому. Какое потрясеніе для этихъ несчастныхъ, какая сила воли у человѣка вѣры, который велъ ихъ къ чуду! И священникъ тихонько посмѣивался, думая о томъ, сколько имъ сдѣлано.

Теперь онъ сталъ разспрашивать доктора, по прежнему опираясь на его плечо:

— Сколько богомольцевъ перебывало у васъ за послѣдній годъ?

— Около двухсотъ тысячъ. Эта средняя цифра почти не колеблется... Въ годъ коронованія Богородицы, число паломниковъ возрасло до пятисотъ тысячъ, но для этого потребовался исключительный случай и большое усиліе пропаганды. Разумѣется, такія стеченія народа не повторяются.

Наступила пауза; потомъ священникъ прошепталъ:

— Конечно... Благословленіе божіе почіетъ на нашемъ дѣлѣ, оно процвѣтаетъ со дня на день, мы собрали около двухсотъ пятидесяти тысячъ франковъ, пожертвованныхъ на это путешествіе, и Господь будетъ съ нами; вамъ придется завтра констатировать множество исцѣленій, я въ этомъ увѣренъ.

Потомъ, спохватившись, онъ прибавилъ:

— А развѣ отецъ Даржелесъ не пріѣхалъ?

Докторъ Бонами сдѣлалъ неопредѣленный жестъ, выражавшій, что онъ ничего не знаетъ. Этотъ отецъ Даржелесъ занимался редактированіемъ «Газеты священнаго грота». Онъ принадлежалъ къ монашескому ордену Непорочнаго Зачатія, члены котораго были водворены въ Лурдѣ по распоряженію епископа и сдѣлались здѣсь полными хозяевами. Но когда монахи об-

Digitized by Google

щины Успенія привозили изъ Парижа національное паломничество, къ которому присоединялись вѣрующіе изъ городовъ: Камбрэ, Арраса, Шартра, Труа, Реймса, Санса, Орлеана, Блуа, Пуатье,—они какъ будто щеголяли тѣмъ, что совершенно стушевывались: ихъ всемогущество не заявляло о себѣ ни въ пещерѣ, ни въ базиликѣ; хозяева какъ будто выдавали всѣ ключи, слагая съ себя, вмѣстѣ съ тѣмъ, всякую отвѣтственность. Ихъ настоятель, отецъ Кандебартъ, высокій мужчина съ узловатыми членами, съ большой, топорно сформированной головой, нѣчто въ родѣ мужика, лицо котораго, съ какими-то, словно стершимися, чертами, точно сохраняло рыжеватый и мрачный оттѣнокъ земли,—даже вовсе не показывался. Только одного отца Даржелеса, маленькаго и вкрадчиваго, встрѣчали повсюду въ погонѣ за свѣдѣніями для своей газеты. Однако, если монахи ордена Непорочнаго Зачатія исчезали, ихъ присутствіе тѣмъ не менѣе чувствовалось за всей этой обширной декораціей, подобно скрытой верховной силѣ, которая копила деньгу и неутомимо трудилась надъ тріумфальнымъ процвѣтаніемъ всего учрежденія. Они утилизировали все, не исключая и своего смиренія.

— Правда, — снова заговорилъ веселымъ тономъ отецъ Фуркадъ,—намъ пришлось встать раненько... въ два часа... Но я хотѣлъ быть тутъ. Что сказали бы мои бѣдныя дѣтки?

Онъ называлъ этимъ именемъ своихъ больныхъ—мясо для проявленіе чудесъ — и никогда, не смотря ни на какой часъ, не пропускалъ прибытія бѣлаго поѣзда, самаго жалкаго, переполненнаго трудными больными.

— Двадцать пять минутъ четвертаго; еще пять минутъ,— замѣтилъ докторъ Бонами, поглядывая на стѣнные часы и подавляя зѣвоту, очень сердитый въ глубинѣ души, не смотря на свою слащавость. Онъ злился, что ему пришлось встать съ постели въ такую рань.

По платформѣ, напоминавшей большую крытую галлерею для гулянья, ожидающіе продолжали медленно прогуливаться посреди глубокаго мрака, причемъ свѣтъ газовыхъ рожковъ разгонялъ его только мѣстами, отражаясь на предметахъ громадными желтыми пятнами. Люди неопредѣленнаго вида, маленькими группами,—священники, какіе-то господа въ сюртукахъ, драгунскій офицеръ,—безпрестанно сновали туда и сюда,

Digitized by Google

скромно понижая голосъ. Другіе, сидѣвшіе вдоль фасада станціи на скамейкахъ, также разговаривали между собою или молчали, безцѣльно уставившись глазами въ темноту. Различныя отдѣленія вокзала, бюро и залы для пассажировъ, со своимъ яркимъ освѣщеніемъ, рѣзко выдѣлялись во мракѣ своими свѣтлыми дверьми и все уже сіяло въ буфетѣ, гдѣ виднѣлись мраморные столики и прилавокъ, уставленный хлѣбными корзинами, фруктами, бутылками, стаканами и рюмками.

Но въ особенности вправо,—тамъ, гдѣ кончался стеклянный навѣсъ надъ платформой,—было замѣтно столпленіе разнаго люда. Съ этой стороны, изъ дверей, ведущихъ на площадку для экипажей, выносили больныхъ. Нагроможденныя носилки и ручныя телѣжки, посреди груды подушекъ и матрасовъ, загораживали широкую платформу. И три смѣны санитаровъ стояли здѣсь наготовѣ — люди всѣхъ классовъ общества, преимущественно свѣтская молодежь, причемъ у всѣхъ на платьѣ былъ красный крестъ съ оранжевой каемкой и перевязи изъ желтой кожи. Многіе носили на головѣ беретъ, удобный головной уборъ мѣстныхъ крестьянъ. Нѣкоторые, одѣтые точно для дальней экспедиціи, щеголяли въ красивыхъ щиблетахъ до колѣнъ. Одни курили, другіе, примостившись на своихъ телѣжкахъ, спали или читали газеты при свѣтѣ газовыхъ рожковъ. Въ сторонкѣ одна группа обсуждала вопросъ, касавшійся ихъ службы.

Вдругъ всѣ санитары принялись отвѣшивать поклоны. Къ нимъ подходилъ господинъ отеческаго вида, сѣдой, какъ лунь, съ полнымъ добродушнымъ лицомъ, съ большими голубыми глазами довѣрчиваго ребенка. То былъ баронъ Сюиръ, одинъ изъ богачей и высокопоставленныхъ лицъ города Тулузы, президентъ попечительства Богоматери-Спасительницы.

— Гдѣ Берто?—спрашивалъ онъ у каждаго съ дѣловымъ видомъ.—Гдѣ Берто? Мнѣ надо съ нимъ переговорить.

Каждый отвѣчалъ по своему, давая противорѣчивыя указанія. Берто былъ директоръ санитаровъ. Одни только что видѣли г-на директора съ его преподобіемъ отцомъ Фуркадомъ; другіе утверждали, что онъ долженъ быть на дворѣ вокзала, гдѣ осматриваетъ экипажи для перевозки больныхъ.

— Если господинъ президентъ желаетъ, мы пойдемъ отыщемъ г-на директора.

Digitized by Google

— Нѣтъ, нѣтъ, благодарю. Я найду его самъ.

А въ это время Берто, едва успѣвшій присѣсть на скамейку на другомъ концѣ станціи, разговаривалъ со своимъ молодымъ другомъ, Жераромъ де-Пейрелонгомъ, въ ожиданіи прибытія поѣзда. Это былъ мужчина лѣтъ сорока съ красивымъ, широкимъ и правильнымъ лицомъ, сохранившій свои выхоленныя судейскія бакенбарды. Принадлежа къ воинствующей легитимистской семьѣ и придерживаясь самъ весьма реакціонерныхъ мнѣній, Берто служилъ прокуроромъ республики въ одномъ изъ южныхъ городовъ послѣ событій 24-го мая, но на другой день вслѣдъ за обнародованіемъ декрета противъ конгрегацій, онъ надѣлалъ шуму, подавъ въ отставку въ оскорбительномъ письмѣ, адресованномъ министру юстиціи. И Берто не сложилъ оружія; въ видѣ протеста онъ записался въ попечительство Богоматери-Спасительницы и каждый годъ, какъ бы ради манифестаціи, пріѣзжалъ въ Лурдъ, убѣжденный, что паломничества были непріятны и вредны для республики, и что пресвятая Дѣва одна могла возстановить монархію, подъ видомъ одного изъ чудесъ, которыя она творила въ священной пещерѣ. Въ сущности Берто обладалъ глубокимъ здравымъ смысломъ, любилъ посмѣяться и выказывалъ себя щедрымъ весельчакомъ относительно бѣдныхъ больныхъ, перевозкой которыхъ онъ завѣдывалъ въ продолженіе трехъ дней національнаго паломничества.

— Итакъ, добрѣйшій Жераръ, — говорилъ онъ молодому человѣку, сидѣвшему съ нимъ рядомъ, — значитъ, ты рѣшилъ устроить свою женитьбу въ этотъ годъ?

— Разумѣется, если я найду жену, какую мнѣ надо,—отвѣчалъ тотъ.—Вотъ хоть бы ты далъ мнѣ добрый совѣтъ, кузенъ!

Жераръ де-Пейрелонгъ, маленькій, худощавый, рыжій, съ рѣзко очерченнымъ носомъ, съ костлявыми скулами, былъ родомъ изъ Тарба, гдѣ у него недавно умерли отецъ и мать, оставивъ ему, самое бо̀льшее, семь-восемь тысячъ франковъ дохода. Крайне честолюбивый, онъ не нашелъ у себя въ провинціи невѣсты, какой ему хотѣлось, съ хорошими связями, которая принесла бы мужу возможность пойти далеко и проникнуть въ высшія сферы. Поэтому Жераръ записался въ попечительство и пріѣзжалъ каждый годъ въ Лурдъ въ смутной надеждѣ, что

Digitized by Google

здѣсь, въ толпѣ вѣрующихъ, среди множества благомыслящихъ дамъ и молодыхъ дѣвицъ, онъ отыщетъ семью, которая была ему нужна, чтобы сдѣлать себѣ карьеру въ этой земной юдоли. Однако, его смущало то, что хотя у него уже имѣлось въ виду нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ, но ни одна не подходила къ нему вполнѣ.

— Кузенъ, вѣдь ты человѣкъ опытный, не такъ ли? Посовѣтуй мнѣ... Вотъ, напримѣръ, есть у меня на примѣтѣ мадмуазель Лемерсье, которая пріѣзжаетъ сюда со своей теткой. Она очень богата; говорятъ, у нея больше милліона, да вотъ бѣда: эта дѣвушка не принадлежитъ къ нашему обществу и я нахожу ее черезчуръ бойкой.

Берто кивнулъ головой.

— Я ужь тебѣ говорилъ, что взялъ бы на твоемъ мѣстѣ маленькую Реймонду, мадмуазель де-Жонкьеръ.

— Но вѣдь у нея нѣтъ ни гроша!

— Это правда, едва настолько, чтобы прокормиться. Но она недурна собой, превосходно воспитана, а въ особенности не мотовка; по моему, это главное: что̀ проку жениться на богатой, когда она сама истратитъ то, что̀ принесетъ тебѣ въ приданое? Кромѣ того, видишь ли, я отлично знаю этихъ дамъ и встрѣчаю ихъ цѣлую зиму въ самыхъ вліятельныхъ салонахъ Парижа. Наконецъ, не забудь про дядюшку дипломата, который имѣлъ печальное мужество остаться на службѣ республики и сдѣлаетъ изъ своего племянника все, что̀ захочетъ.

Поколебавшись одну минуту, Жераръ снова впалъ въ прежнее безпокойство.

— Ни гроша, ни гроша, нѣтъ, это невозможно!.. Пожалуй, я подумаю объ этомъ, но право меня разбираетъ страхъ!

Тутъ Берто откровенно расхохотался.

— Послушай, ты честолюбивъ; зачѣмъ же бояться риска въ игрѣ? Я говорю, что тебя сдѣлаютъ секретаремъ посольства. Эти дамы пріѣзжаютъ съ бѣлымъ поѣздомъ, котораго мы ожидаемъ. Рѣшайся, да пріударь за барышней.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Потомъ... сначала я подумаю.

Въ эту минуту, ихъ разговоръ былъ прерванъ. Баронъ Сюиръ, прошедшій мимо одинъ разъ, не замѣтивъ двоихъ пріятелей по причинѣ темноты въ этомъ отдаленномъ уголку, узналъ

Digitized by Google

наконецъ добродушный смѣхъ бывшаго прокурора республики. И тотчасъ, со словоохотливостью увлекающагося говоруна, онъ сдѣлалъ множество распоряженій касательно фургоновъ и перевозки, соболѣзнуя, что нельзя везти больныхъ прямо къ пещерѣ, тотчасъ по прибытіи, по причинѣ дѣйствительно слишкомъ ранняго часа. Ихъ придется помѣстить въ госпиталь Скорбящей Божіей Матери, чтобы дать имъ немножко отдохнуть послѣ такого тяжелаго пути.

Пока баронъ и начальникъ санитаровъ сговаривались такимъ образомъ между собой о мѣрахъ, которыя слѣдовало принять, Жераръ пожималъ руку священнику, подсѣвшему тутъ же на скамейку. Аббатъ де-Гермуазъ, мужчина какихъ нибудь тридцати восьми лѣтъ, обладалъ великолѣпною головою настоящаго свѣтскаго аббата; всегда старательно причесанный, надушенный, онъ былъ кумиромъ женщинъ. Крайне любезный, съ изящными манерами, де-Гермуазъ пріѣзжалъ въ Лурдъ самъ по себѣ, какъ дѣлали многіе священники, просто ради удовольствія; и у него въ глазахъ свѣтилась живая искорка, улыбка скептика, стоящаго выше всякаго идолопоклонства. Положимъ, онъ вѣровалъ, онъ преклонялся, но церковь еще не высказалась окончательно относительно чудесъ и аббатъ какъ будто былъ готовъ оспоривать ихъ. Онъ прежде жилъ въ Тарбѣ и зналъ Жерара.

— А вѣдь не правда ли, — сказалъ онъ, — это ожиданіе ночнаго поѣзда довольно оригинально? Я поджидаю здѣсь одну даму, одну изъ моихъ бывшихъ духовныхъ дочерей въ Парижѣ, но не знаю хорошенько, съ какимъ поѣздомъ она пріѣдетъ, и, какъ видите, остаюсь все время на вокзалѣ, — до того это меня интересуетъ.

Потомъ другой священникъ, старичокъ изъ деревенскаго прихода, также сѣлъ рядомъ на скамейку и принялся развязно разговаривать съ аббатомъ, распространяясь насчетъ красоты лурдскихъ окрестностей и того эффектнаго зрѣлища, которое имъ представится сейчасъ, когда восходящее солнце освѣтитъ горы.

На платформѣ опять поднялась внезапная суматоха. Начальникъ станціи бѣжалъ, выкрикивая приказанія. Отецъ Фуркадъ, не смотря на подагру, оставилъ доктора Бонами, на котораго опирался, и съ живостью бросился къ нему.

Digitized by Google

— Ахъ, это экстренный поѣздъ изъ Байоны, который застрялъ на пути,—отвѣчалъ начальникъ на разспросы.—Я хочу справиться о немъ; онъ меня ужасно безпокоитъ.

Въ эту минуту раздались электрическіе звонки; одинъ изъ сторожей нырнулъ въ темноту, размахивая фонаремъ, между тѣмъ какъ вдали маневрировалъ сигнальный огонь.

— Ну, на этотъ разъ къ намъ подходитъ бѣлый поѣздъ; будемъ надѣяться, что мы успѣемъ выгрузить больныхъ, прежде чѣмъ пройдетъ экспрессъ.

Начальникъ станціи опять побѣжалъ и скрылся. Берто звалъ Жерара, состоявшаго распорядителемъ одной смѣны санитаровъ, и оба они также поспѣшили присоединиться къ своимъ подчиненнымъ, которыми уже распоряжался баронъ Сюиръ. Санитары собирались со всѣхъ концовъ, суетились, тащили свои ручныя телѣжки черезъ полотно желѣзной дороги до разгрузочной платформы на открытомъ воздухѣ, среди полнѣйшей темноты. Тутъ немедленно выросли цѣлыя груды подушекъ, матрасовъ, носилокъ, въ ожиданіи слабыхъ паціентовъ, тогда какъ отецъ Фуркадъ, докторъ Бонами, священники, господа въ партикулярномъ платьѣ и драгунскій офицеръ также спѣшили на другую сторону, чтобы присутствовать при высадкѣ больныхъ. Между тѣмъ вдали, въ глубокомъ мракѣ, едва виднѣлся фонарь локомотива, похожій на красную звѣздочку, которая постепенно увеличивалась. Пронзительные свистки будили ночную тишину. Тутъ явственно раздалось пѣніе гимна; то была жалоба Бернадеты, распѣваемая цѣлымъ гнѣздомъ, съ назойливо повторявшимся припѣвомъ Ave. И этотъ страдальческій, вѣрующій поѣздъ, со стонами и пѣніемъ подъѣзжавшій къ Лурду, наконецъ остановился.

Дверцы вагоновъ тотчасъ растворились; здоровые паломники, а также и больные, которые могли ходить, толкаясь, бросились оттуда и наводнили платформу. Рѣдкіе газовые рожки только слабо освѣщали эту жалкую толпу, въ одеждѣ неопредѣленнаго цвѣта и покроя, нагруженную всякаго рода узелками, корзинками, чемоданами и деревянными ящиками. И среди толкотни, въ этомъ растерявшемся стадѣ, которое не знало, куда повернуть, чтобы найти выходъ, раздавались восклицанія, крики разъединившихся семействъ, звавшихъ своихъ, звонкіе поцѣлуи тѣхъ, кого ожидали здѣсь родные и

Digitized by Google

знакомые. Одна женщина заявляла съ видомъ блаженнаго довольства: «А я отлично выспалась». Приходскій священникъ удалялся съ чемоданомъ, говоря какой-то искалѣченной дамѣ: «Желаю вамъ счастья»! У большинства были растерянныя, усталыя и радостныя лица людей, путешествующихъ ради своего удовольствія и выброшенныхъ поѣздомъ на незнакомую станцію. Тѣснота и давка до того усилились въ потемкахъ, что пассажиры не слышали голоса кондукторовъ, кричавшихъ до хрипоты: «Сюда, сюда»! — чтобы ускорить очистку платформы.

Сестра Гіацинта ловко выпрыгнула изъ вагона, оставивъ покойника на попеченіе сестры Клэръ-Дезанжъ, и побѣжала къ запасному фургону, нѣсколько растерявшись, въ надеждѣ, что Ферранъ выведетъ ее изъ затрудненія. Къ счастью, у фургона она наткнулась на отца Фуркада, которому и разсказала о случившейся непріятности. Тотъ удержалъ жестъ досады, подозвалъ проходившаго мимо барона Сюира и наклонился къ его уху. Въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ, они перешептывались между собою. Потомъ баронъ Сюиръ бросился впередъ, расталкивая толпу; за нимъ слѣдовали двое санитаровъ съ закрытыми носилками, и покойникъ былъ унесенъ подъ видомъ больнаго въ обморокѣ, чтобы не возбудить смятенія среди паломниковъ, которымъ, впрочемъ, было не до того въ суматохѣ прибытія. И двое санитаровъ, предшествуемые барономъ, положили пока умершаго въ отдѣленіе кладей, за бочками. Одинъ изъ нихъ, маленькій блондинъ, сынъ генерала, остался сторожить тѣло.

Между тѣмъ сестра Гіацинта вернулась въ вагонъ, предварительно попросивъ сестру Сенъ-Франсуа и Феррана подождать ее на дворѣ станціи у приготовленнаго для нихъ экипажа, въ которомъ они должны были отправиться въ госпиталь Скорбящей Богоматери. Прежде чѣмъ уѣхать, она хотѣла помочь своимъ больнымъ выбраться изъ ихъ отдѣленія, но Мари отклонила ея услуги.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, не безпокойтесь обо мнѣ, сестрица! Я останусь послѣдней... Мой отецъ и аббатъ Фроманъ пошли въ фургонъ за колесами; я ихъ подожду. Они ужь знаютъ, какъ это прилаживается, и отвезутъ меня, будьте покойны.

Digitized by Google

Сабатье и братъ Изидоръ также не хотѣли, чтобы ихъ трогали, пока толпа не разсѣется немного. Г-жа де-Жонкьеръ, взявшая на свое попеченіе Гривоттъ, обѣщала присмотрѣть и за г-жей Ветю, когда ее будутъ переносить въ госпитальную повозку.

Послѣ того, сестра Гіацинта рѣшилась немедленно отправиться, чтобы приготовить въ больницѣ все нужное для пріема паціентовъ. Она захватила съ собою маленькую Софи Куто, также какъ и Элизу Рукэ, которой сама тщательно закутала лицо. Г-жа Мазъ шла впереди нихъ, тогда какъ г-жу Венсанъ совершенно затолкали въ толпѣ, пока она несла у себя на плечѣ свою бѣдную дочку; дѣвочка была безъ чувствъ и блѣдна, какъ воскъ; перепуганная мать только и думала о томъ, чтобы какъ можно скорѣе, отнести ее въ священную пещеру и положить къ стопамъ пресвятой Дѣвы. Теперь у выхода была страшная давка; пришлось отворить дверь багажнаго отдѣленія, чтобы облегчить пропускъ столпившейся публики; кондукторы, не зная, какъ собирать билеты, протягивали свои фуражки, которыя тотчасъ наполнялись дождемъ маленькихъ кусочковъ картона.

Во дворѣ, большомъ квадратномъ дворѣ, окруженномъ съ трехъ сторонъ зданіями станціи, также стоялъ оглушительный гамъ вокругъ разнокалиберныхъ экипажей. На омнибусахъ отелей, выстроившихся по краю тротуара, были вывѣшены крупныя панкарты съ самыми священными именами: пресвятой Дѣвы Маріи, Іисуса, архангела Михаила; кромѣ того, одинъ изъ отелей носилъ названіе «Розарія», а другой— «Сакре-Кёръ». Далѣе стояли въ перемежку госпитальныя повозки, ландо, кабріолеты, роспуски, маленькія телѣжки, запряженныя ослами; возницы кричали, ругались, хлопали бичами въ этой сумятицѣ, еще болѣе увеличивавшейся темнотою, въ которой рѣзко выступали яркіе огни фонарей. Гроза бушевала здѣсь часть ночи и лошади обдавали брызгами грязи прохожихъ, которые брели въ водѣ по щиколодку. Виньеронъ, въ сопровожденіи жены и свояченицы, г-жи Шезъ, совершенно растерявшихся, поднялъ Густава на руки, чтобы помѣстить мальчика съ его костылемъ въ омнибусъ отеля Чудесныхъ явленій, куда вслѣдъ затѣмъ усѣлись обѣ дамы и онъ самъ. Г-жа Мазъ съ легкимъ содроганіемъ чистоплотной кошечки, которая боится замочить лапки,

Digitized by Google

подала знакъ возницѣ стараго купэ, вошла въ него и скромно удалилась, приказавъ везти себя въ монастырь Голубыхъ Сестеръ. Сестра Гіацинта забралась наконецъ съ Элизой Рукэ и Софи Куто въ помѣстительный шарабанъ, гдѣ уже сидѣли Ферранъ и сестры: Сенъ-Франсуа и Клэръ-Дезанжъ. Кучера нахлестывали своихъ маленькихъ, бойкихъ лошадокъ, экипажи трогались съ мѣста во всю прыть среди криковъ публики и брызгъ грязи.

Увидя наплывъ народа, кидавшагося впередъ, г-жа Венсанъ не рѣшалась пройти со своей дорогой ношей на рукахъ. Иногда вокругъ нея поднимался хохотъ. Ахъ, какое мѣсиво! И женщины подбирали юбки, убѣгая со станціи. Наконецъ, когда дворъ немного опустѣлъ, г-жа Венсанъ рискнула двинуться вслѣдъ за другими. Какъ она боялась поскользнуться въ грязи, упасть въ этой непроглядной тьмѣ! Потомъ, дойдя до спуска дороги, она увидала группы женщинъ; то были мѣстныя жительницы, сторожившія пріѣзжихъ, чтобы предложить имъ помѣщеніе, постель и столъ, смотря по средствамъ каждаго.

— Сударыня,—обратилась она къ одной старухѣ,—укажите, ради Бога, какъ мнѣ пройти къ пещерѣ?

Та, вмѣсто отвѣта, предложила ей недорогую комнату.

— Все полно, вы ничего не найдете въ гостинницахъ... Еще поѣсть вамъ, пожалуй, дадутъ, но ужь о ночлегѣ и не спрашивайте.

Ѣсть, ночевать... Ахъ, Боже мой! Да развѣ могла подумать объ этомъ г-жа Венсанъ, пустившаяся въ дорогу съ тридцатью су въ карманѣ, которыя только и остались у нея послѣ всѣхъ расходовъ!

— Сударыня, пожалуйста, укажите мнѣ дорогу къ пещерѣ.

Между женщинами, вербовавшими постояльцевъ, стояла высокая, полная дѣвушка, одѣтая, какъ нарядная служанка, чрезвычайно опрятная, съ выхоленными руками. Она только молча пожала плечами и, замѣтивъ проходившаго мимо священника, съ широкой грудью и румянымъ лицомъ, бросилась за нимъ слѣдомъ, предлагая ему меблированную комнату; дѣвушка не отставала отъ него, нашептывая что-то пріѣзжему на ухо.

— Постойте,—сказала, наконецъ, г-жѣ Венсанъ другая дѣвушка, сжалившись надъ ней,—спуститесь по этой дорогѣ, потомъ поверните направо и вы придете къ пещерѣ.

Digitized by Google

На платформѣ, внутри станціи, между тѣмъ продолжалась толкотня. Тогда какъ здоровые паломники и больные, бывшіе еще на ногахъ, успѣли удалиться, безпомощные страдальцы замѣшкались здѣсь, такъ какъ ихъ было не легко вытащить изъ вагоновъ и унести прочь. Санитары въ особенности сбивались съ ногъ, бѣгали, какъ угорѣлые, со своими носилками и ручными телѣжками, разрываясь въ этой хлопотливой работѣ и не зная, за что приняться.

Когда Берто, сопровождаемый Жераромъ, проходилъ мимо, размахивая руками, онъ увидалъ двухъ дамъ и молодую дѣвушку, стоявшихъ подъ газовымъ рожкомъ; онѣ, очевидно, кого-то поджидали. Берто узналъ Реймонду и остановилъ торопливымъ жестомъ своего спутника.

— Ахъ, сударыня, какъ я счастливъ, что вижу васъ! Здорова ли ваша матушка? Надѣюсь, что вы благополучно пріѣхали сюда?

И, не выждавъ отвѣта, онъ тутъ же прибавилъ:

— Мой другъ, Жераръ де-Пейрелонгъ.

Реймонда пристально смотрѣла на молодаго человѣка своими ясными улыбающимися глазами.

— О, я имѣю удовольствіе немного знать г-на де-Пейрелонга; мы уже встрѣчались съ нимъ въ Лурдѣ.

Жераръ, находя, что его кузенъ Берто дѣйствуетъ слишкомъ поспѣшно, рѣшился не поддаваться и ограничился только крайне вѣжливымъ поклономъ.

— Мы поджидаемъ маму,—замѣтила Реймонда.—Она очень занята; у нея трудные больные.

Маленькая г-жа Дезаньо, со своей хорошенькой, бѣлокурой, кудрявой головкой, воскликнула, что г-жѣ де-Жонкьеръ досталось подѣломъ, такъ какъ она отвергла ея услуги, и молодая женщина не могла устоять на мѣстѣ отъ нетерпѣнія; она горѣла желаніемъ вмѣшаться въ эту суету, быть чѣмъ нибудь полезной, тогда какъ г-жа Вольмаръ ступевывалась, не говоря ни слова, и ни къ чему не проявляла участія, стараясь только всмотрѣться въ темноту, какъ будто она искала кого-то своими великолѣпными глазами, обыкновенно подернутыми дымкой, но которые вспыхивали порою огнемъ.

Въ эту минуту опять поднялась суматоха. Г-жу Дьёлафэ выносили изъ отдѣльнаго купэ перваго класса, и г-жа Дезаньо не могла не выразить своей жалости.

Digitized by Google

— Ахъ, бѣдняжка!

Въ самомъ дѣлѣ, больно было видѣть молодую женщину среди такой необыкновенной роскоши, наряженную въ драгоцѣнныя кружева и положенную въ ящикъ въ видѣ гроба; она до того истаяла отъ болѣзни, что казалась какимъ-то лоскутомъ, когда лежала на платформѣ, въ ожиданіи пока ее унесутъ. Мужъ и сестра стояли рядомъ, оба такіе изящные и убитые горемъ, между тѣмъ какъ лакей и горничная сновали съ чемоданами и освѣдомлялись, дожидается ли на дворѣ вокзала большая коляска, заказанная заранѣе телеграммой. Аббатъ Жюдэнъ также находился при больной, и когда двое мужчинъ подняли ее, онъ, наклонившись къ ней, сказалъ: «до свиданія», и прибавилъ въ утѣшеніе нѣсколько словъ, которыхъ г-жа Дьёлафэ, повидимому, совсѣмъ не слышала. Потомъ, посмотрѣвъ вслѣдъ удалявшемуся шествію, священникъ прибавилъ, обращаясь къ Берто, съ которымъ былъ знакомъ:

— Бѣдные люди, еслибы они могли купить исцѣленіе! Я имъ сказалъ, что самое драгоцѣнное золото передъ очами пресвятой Дѣвы есть молитва и, кажется, я самъ молился достаточно для того, чтобы умилосердить небо... Тѣмъ не менѣе они привезли великолѣпный даръ,—золотой фонарь для базилики, весь осыпанный драгоцѣнными каменьями, настоящее чудо... Ахъ, еслибы непорочная Марія удостоила имъ улыбнуться!

Много даровъ было привезено такимъ образомъ; громадные букеты проносились мимо, въ особенности одинъ, нѣчто въ родѣ тройнаго вѣнца изъ розъ, надѣтаго на деревянную подставку. И старый священникъ объяснилъ, что онъ хотѣлъ до своего ухода получить изъ багажа хоругвь, даръ красавицы г-жи Жуссёръ, сестры г-жи Дьёлафэ.

Но вотъ подбѣжала г-жа де-Жонкьеръ и воскликнула, увидѣвъ Берто и Жерара:

— Умоляю васъ, господа, ступайте вонъ въ тотъ вагонъ, это близко; тамъ нужны мужскія руки, потому что надо вынести трехъ или четырехъ больныхъ. Я совсѣмъ сбилась и не могу больше ничего сдѣлать.

Откланявшись Реймондѣ, Жераръ бросился уже, куда его посылали, тогда какъ Берто совѣтовалъ г-жѣ де-Жонкьеръ не оставаться дольше на дебаркадерѣ; онъ клялся, что они отлично обойдутся безъ нея, что онъ берется все устроить самъ

Digitized by Google

и менѣе чѣмъ черезъ три четверти часа больные будутъ доставлены въ палату госпиталя. Она кончила тѣмъ, что устунила и взяла экипажъ, гдѣ помѣстилась со своей дочерью Реймондой и г-жей Дезаньо. Передъ самымъ отъѣздомъ, г-жа Вольмаръ куда-то исчезла, какъ будто ей въ послѣднюю минуту надоѣло дожидаться. Кто-то видѣлъ, какъ она подошла къ незнакомому господину, вѣроятно, о чемъ нибудь освѣдомиться. Впрочемъ, дамы надѣялись встрѣтить ее въ больницѣ.

У вагона Берто присоединился къ Жерару въ ту минуту, когда тотъ съ помощью двоихъ санитаровъ старался вытащить Сабатье. Это было не легко, такъ какъ паралитикъ былъ ужасно толстъ и тяжелъ; носильщики отчаивались протащить его въ дверцы, а между тѣмъ попалъ же онъ какъ нибудь сюда. Двумъ другимъ санитарамъ пришлось обѣжать кругомъ и войти въ дверцы напротивъ, послѣ чего учителя удалось таки вытащить и положить на полъ. На небѣ едва брезжило блѣдное утро и эта платформа станціи представляла жалкій видъ съ выгруженными на нее пассажирами импровизированнаго походнаго лазарета. Лишившаяся чувствъ Гривоттъ уже лежала на полу, на подостланномъ подъ нея матрасѣ, въ ожиданіи носилокъ, а г-жу Ветю, которую опять схватили боли, пришлось посадить подъ газовымъ рожкомъ; она до того страдала, что къ ней боялись приступиться. Члены попечительства, въ перчаткахъ, съ трудомъ везли ручныя телѣжки, гдѣ сидѣли оборванныя женщины отталкивающаго вида со старыми корзинами въ ногахъ. Другіе не могли протискаться впередъ со своими носилками, на которыхъ лежали, вытянувшись, неподвижныя фигуры, печальныя, нѣмыя, съ глазами, полными тоскливаго страданія. А между тѣмъ убогіе и калѣки пробирались кое-какъ, въ тѣснотѣ; тутъ ковылялъ хромой священникъ молодыхъ лѣтъ; мальчикъ на костыляхъ, горбатый и на одной ногѣ, такъ какъ другая была у него отнята, съ трудомъ тащился между группами, похожій на гнома. Въ одномъ мѣстѣ любопытные столпились вокругъ другаго калѣки, согнувшагося вдвое и до того сведеннаго параличемъ, что его пришлось нести на опрокинутомъ стулѣ, причемъ голова и ноги свѣшивались внизъ.

Но суета и давка достигли своего апогея, когда начальникъ станціи бросился впередъ, крича:

Digitized by Google

— Экспрессъ изъ Байоны подходитъ... Торопитесь, торопитесь! Осталось всего три минуты.

Отецъ Фуркадъ, толкавшійся тутъ же, подъ руку съ докторомъ Бонами, ободряя съ веселымъ видомъ особенно слабыхъ больныхъ, подозвалъ къ себѣ знàкомъ Берто, чтобы сказать ему:

— Торопитесь вытащить изъ вагоновъ остальныхъ, а потомъ вы успѣете ихъ унести.

Совѣтъ былъ какъ нельзя болѣе разуменъ и разгрузку продолжали прямо на полъ. Въ вагонѣ оставалась только Мари, терпѣливо ожидавшая своей очереди. Де-Герсенъ и Пьеръ принесли, наконецъ, двѣ пары колесъ и аббатъ поспѣшно вынесъ молодую дѣвушку съ помощью одного Жерара. Она была легка, какъ бѣдная зябкая птичка, и санитарамъ пришлось повозиться только съ громоздкимъ ящикомъ. Мужчины вдвоемъ поставили его на колеса, которыя завинтили. И Пьеръ могъ бы сейчасъ же увезти Мари безъ посторонней помощи, еслибъ ему не мѣшала толпа.

— Поспѣшимъ, поспѣшимъ!—внѣ себя торопилъ начальникъ станціи.

Онъ собственноручно помогалъ санитарамъ, здѣсь поддерживая ноги больнаго, чтобы того проворнѣе вытащили изъ вагона, тамъ—подталкивая ручныя телѣжки, ради скорѣйшей очистки платформы. Но въ одномъ отдѣленіи втораго класса съ какой-то женщиной, оставшейся послѣднею, сдѣлался жестокій нервный припадокъ. Она испускала дикіе вопли, отбивалась: нельзя было и подумать подступиться къ ней въ эту минуту. А экспрессъ тѣмъ временемъ подходилъ; электрическіе звонки, возвѣщавшіе его прибытіе, звонили безъ умолку. Нечего дѣлать: пришлось захлопнуть дверцу и перевезти поѣздъ на запасный путь, гдѣ онъ долженъ былъ оставаться совершенно сформированнымъ въ продолженіе трехъ дней, прежде чѣмъ принять обратно свой грузъ паломниковъ и больныхъ. Пока онъ удалялся, до присутствующихъ доносились еще крики несчастной, которая должна была оставаться тамъ одна съ монахиней; но эти вопли мало по малу стихали, точно жалобный плачъ безсильнаго ребенка, котораго удалось, наконецъ, утѣшить.

— Боже мой!—прошепталъ начальникъ станціи,—мы едва успѣли управиться.

Digitized by Google

Дѣйствительно, экстренный поѣздъ изъ Байоны летѣлъ на всѣхъ парахъ и пронесся грозою вдоль этой жалкой платформы, гдѣ валялись несчастные страдальцы, какъ будто выброшенные изъ разгромленнаго госпиталя. Ручныя телѣжки, носилки затряслись и задребезжали; однако все обошлось благополучно; кондукторы и служащіе зорко наблюдали за публикой, удаляя отъ желѣзнодорожнаго полотна это растерявшееся стадо, которое продолжало толкаться, тѣснясь къ выходу. Впрочемъ, движеніе тотчасъ возстановилось; санитары могли наконецъ завершить переноску больныхъ неторопливо и осторожно.

Мало по малу день занимался; ясная заря подергивала бѣлизною небо, отблескъ котораго освѣщалъ еще темную землю. Теперь люди и предметы яснѣе выступали передъ глазами.

— Нѣтъ, не сейчасъ,—повторяла Мари Пьеру, который старался проложить себѣ дорогу.—Подождемъ, пока народъ немного отхлынетъ.

И она заинтересовалась мужчиной лѣтъ шестидесяти, который походилъ на военнаго и прохаживался среди больныхъ. Съ квадратной головою, съ бѣлыми, какъ лунь, коротко остриженными волосами, онъ казался бы еще бодрымъ, еслибъ не волочилъ лѣвую ногу, отбрасывая ее во внутрь при каждомъ шагѣ. Незнакомецъ тяжело опирался лѣвою рукою на толстую трость.

Сабатье, пріѣзжавшій сюда шесть лѣтъ къ ряду, увидѣлъ его и повеселѣлъ.

— Ахъ, это вы, командоръ!

Можетъ быть, то была его фамилія, но такъ какъ на немъ красовались ордена и широкая алая лента, то, пожалуй, слово «командоръ» означало только кличку старика, присвоенную ему по поводу этихъ знаковъ отличія, хотя онъ былъ простымъ дворяниномъ. Никто не зналъ хорошенько его біографіи; у командора какъ будто существовала еще гдѣ-то семья, вѣроятно, дѣти, но все это оставалось неяснымъ и таинственнымъ. Уже три года старикъ жилъ на станціи, занимая постъ смотрителя кладей,—незамысловатое занятіе, ничтожное мѣстечко, которое ему дали изъ особеннаго благоволенія, причемъ мизерное жалованье позволяло почтенному ветерану жить совершенно счастливымъ человѣкомъ. Въ пятьдесятъ пять лѣтъ съ нимъ случился первый апоплексическій ударъ, а три года спустя—вто-

Digitized by Google

рой, послѣ котораго у командора слегка отнялась вся лѣвая сторона. Теперь онъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ ожидалъ третьяго удара и увѣрялъ, что съ радостью готовъ умереть сегодня вечеромъ, завтра, хоть сію же минуту. Весь Лурдъ зналъ стараго чудака, благодаря его маніи, въ дни крупныхъ паломничествъ, выходить навстрѣчу каждому поѣзду, волоча ногу и опираясь на трость; на вокзалѣ онъ не переставалъ удивляться и упрекать больныхъ за ихъ безумное желаніе непремѣнно исцѣлиться. Такъ, въ продолженіе трехъ лѣтъ онъ неизмѣнно видѣлъ здѣсь Сабатье и теперь его гнѣвъ обрушился на злополучнаго педагога.

— Какъ, вы опять пріѣхали?!. Вы до такой степени дорожите этимъ презрѣннымъ существованіемъ? Ну, чортъ возьми, неужели вы не можете спокойно умереть въ своей постели? развѣ это не самое лучшее, чего только можно пожелать?

Сабатье смѣялся, не думая сердиться, хотя онъ чувствовалъ себя плохо послѣ грубыхъ пріемовъ, къ которымъ пришлось прибѣгнуть при его переноскѣ.

— Ну, нѣтъ, благодарю покорно, я предпочитаю выздоровѣть.

— Выздоровѣть, выздоровѣть, всѣ они требуютъ этого! Сдѣлать сотни льё, пріѣхать истерзаннымъ, ревя отъ боли, и все это, чтобы исцѣлиться, чтобы начать съизнова и продолжать всѣ муки, всѣ страданія!.. Вотъ вы, напримѣръ, сударь, въ ваши годы, съ вашимъ разбитымъ организмомъ, да вы сами не будете рады, если пресвятая Дѣва исцѣлитъ ваши ноги. На что вамъ онѣ, Богъ мой? Какая радость продлить еще на нѣсколько лѣтъ отвратительный періодъ старчества? Нѣтъ, умрите лучше сейчасъ, какъ вы есть,—вотъ это истинное благополучіе?

И онъ говорилъ такъ не въ качествѣ вѣрующаго, который жаждетъ сладкой награды за гробомъ, но какъ человѣкъ усталый, который разсчитываетъ обратиться въ ничто, достигнуть глубокаго вѣчнаго мира въ области небытія.

Пока Сабатье весело пожималъ плечами, точно онъ имѣлъ дѣло съ ребенкомъ, аббатъ Жюдэнъ, разыскавшій наконецъ свою хоругвь, остановился мимоходомъ, чтобы слегка побранить командора, котораго онъ также отлично зналъ.

— Не богохульствуйте, мой дорогой другъ; отказываться отъ жизни и не любить здоровья—значитъ оскорблять Бога.

Digitized by Google

Вы сами, еслибы послушали меня, давно бы выпросили у пресвятой Дѣвы исцѣленія своей ноги.

Командоръ разсердился.

— Моя нога? Она не можетъ съ ней ничего подѣлать, я спокоенъ! Пускай придетъ смерть и все будетъ кончено, навсегда!.. Когда приходитъ время умирать,—человѣкъ поворачивается лицомъ къ стѣнѣ и умираетъ, это такъ просто!

Но старикъ аббатъ прервалъ его. Онъ указалъ на Мари, которая слушала ихъ, лежа навзничъ въ своемъ ящикѣ.

— Такъ вы отсылаете всѣхъ нашихъ больныхъ умирать у себя дома, даже вотъ эту барышню, не такъ ли? А вѣдь она еще совсѣмъ молоденькая и хочетъ жить.

Мари съ жадностью открывала свои большіе глаза, пожираемая желаніемъ существовать, занять свое мѣсто въ обширномъ мірѣ, а командоръ, подойдя ближе, смотрѣлъ на нее, внезапно охваченный глубокимъ волненіемъ, заставлявшимъ дрожать его голосъ.

— Если барышня исцѣлится, я пожелаю ей другаго чуда— быть счастливой.

И онъ ушелъ, продолжая свою прогулку сердитаго философа между больными, волоча ногу и постукивая о каменныя плиты желѣзнымъ наконечникомъ своей толстой трости.

Мало по малу платформа освободилась; г-жа Ветю и Гривоттъ были унесены, Жераръ увезъ Сабатье въ ручной телѣжкѣ, тогда какъ баронъ Сюиръ и Берто дѣлали уже распоряженія насчетъ слѣдующаго «зеленаго» поѣзда, который ожидали. Осталась только Мари; Пьеръ ревниво не допускалъ къ ней никого. Онъ вывезъ ея подвижную постель во дворъ станціи, какъ вдругъ молодые люди замѣтили, что де-Герсенъ куда-то исчезъ. Впрочемъ, они тотчасъ увидали его въ оживленномъ разговорѣ съ аббатомъ де-Гермуазомъ, съ которымъ онъ свелъ знакомство. Одинаковое восхищеніе природой сблизило ихъ. Теперь уже совершенно разсвѣло и окружающія горы показались въ своемъ величіи. Де-Герсенъ ахалъ и восторгался.

— Какая страна, милостивый государь! Вотъ уже тридцать лѣтъ, какъ я мечтаю посѣтить циркъ Гаварни. Но это вѣдь еще далеко отсюда и путешествіе такъ дорого, что я, вѣроятно, не буду имѣть возможности совершить желанную экскурсію.

Digitized by Google

— Ошибаетесь, сударь; ничего нѣтъ легче. Устроивъ поѣздку въ компаніи, можно значительно сократить расходы. Вотъ я какъ разъ этотъ годъ собираюсь побывать тамъ снова и если вы желаете присоединиться къ намъ...

— Еще бы, сударь, мы потолкуемъ съ вами потомъ. Тысячу разъ благодарю!

Дочь звала его. Онъ подошелъ къ ней, послѣ дружескаго обмѣна поклоновъ съ аббатомъ. Пьеръ рѣшилъ, что онъ самъ довезетъ Мари до госпиталя, чтобы не безпокоить ее переноской въ экипажъ. Омнибусы, ландо и роспуски возвращались уже обратно, снова загромождая дворъ въ ожиданіи зеленаго поѣзда, и молодому священнику было довольно трудно выбраться на шоссе съ маленькой телѣжкой, низкія колеса которой вязли въ грязи по ступицу. Полицейскіе, наблюдавшіе за порядкомъ, проклинали это ужасное мѣсиво, обдававшее брызгами ихъ сапоги. Только однѣ хозяйки наемныхъ помѣщеній, старыя и молодыя, горя желаніемъ найти постояльцевъ, равнодушно шлепали по лужамъ, въ погонѣ за богомольцами.

Телѣжка покатилась свободнѣе по шоссе, спускавшемуся подъ гору, и Мари, воспользовавшись этимъ, внезапно спросила де-Герсена, шедшаго съ ней рядомъ:

— Отецъ, какой у насъ сегодня день?

— Суббота, моя милочка.

— Да, правда, суббота, день пресвятой Богородицы. Исцѣлитъ ли она меня сегодня?

А за нею втихомолку двое мужчинъ несли въ закрытыхъ носилкахъ трупъ неизвѣстнаго пассажира, взятый ими изъ кладовой, гдѣ онъ лежалъ, прикрытый бочками; они спѣшили убрать покойника въ потаенное мѣсто, указанное имъ отцомъ Фуркадомъ.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

НА ТРЕХЪ ВЫСТАВКАХЪ.

I.

Одинъ изъ нашихъ издателей-нѣмцевъ, имѣющій обширную и долголѣтнюю практику на литературной нивѣ, составилъ себѣ не весьма лестное мнѣніе о «писателяхъ земли русской». Сіе мнѣніе онъ выражаетъ краткимъ, но достаточно сильнымъ афоризмомъ: «русскій писатель лѣнивъ и не культуренъ». Кромѣ того, акуратный нѣмецъ не переноситъ россійской неряшливости и, увидя на столѣ у писателя маленькій desordre poétique, никакъ не можетъ удержаться отъ слѣдующей сентенціи: «если у васъ такой безпорядокъ на столѣ, то какой же можетъ быть порядокъ въ головѣ»? Таково мнѣніе нѣмца «ganz akkurat» о русскихъ широкихъ натурахъ. Правъ ли нѣмецъ? Если хотите—да, съ своей капиталистической точки зрѣнія. Своимъ трудолюбіемъ, педантической акуратностью, систематической выдержкой и другими «добродѣтелями» ловкаго гешефтмахера онъ составилъ себѣ не маленькое состояніе, въ образованіи котораго участвовали русскіе «лѣнивые и некультурные» писатели, и русскіе безпорядочные художники. Но почему же эти самые русскіе авторы нѣмецкаго благополучія остались тѣми же птицами небесными, которыя хотя и сѣятъ, и жнутъ, но не собираютъ въ житницы, не пекутся о завтрашнемъ днѣ, живутъ минутой и авансами, твердо вѣруя, что «довлѣетъ дневи злоба его»? Именно потому, что они лѣнивы и безпорядочны: «есть деньги—прокутятъ; нѣтъ денегъ—обойдутся! Да какъ еще смѣются! Да ну ихъ, говорятъ!..» А придетъ черный день, настанетъ дѣйствительная, неотложная нужда, беззаботные художники вмѣсто смѣха пустятъ въ голосѣ слезу, и добродѣтельный, акуратный нѣмецъ дастъ имъ авансъ и, съ точностью автоматическаго механизма, запишетъ оный въ «книгу авансовъ подъ принятыя, но ненапечатанныя рукописи».

«Безпорядокъ на столѣ», усмотрѣнный нѣмцемъ, можно обобщить: разъ существуетъ безпорядокъ на столѣ, несомнѣнно онъ

Digitized by Google

существуетъ и въ домѣ, и въ жизни, и въ мысляхъ, и въ чувствахъ; несомнѣнно онъ отражается и на произведеніяхъ. Отчего происходитъ этотъ безпорядокъ? Все отъ той же лѣни и распущенности. Взялъ книгу съ полки, раскрылъ, выписалъ что̀ нужно и бросилъ ее тутъ же на столѣ, рядомъ съ вынутымъ изъ кармана портсигаромъ, разсыпанными спичками, недопитымъ стаканомъ чаю и недописаннымъ письмомъ. Поставить книгу обратно въ шкафъ—лѣнь, сунуть портсигаръ въ карманъ—лѣнь, собрать спички, допить чай, окончить письмо—тоже лѣнь. Все лѣнь. И, какъ видите, нѣмецъ noch und noch einmahl правъ: лѣнь и безалаберность—родныя сестры! Русская критика недалеко ушла отъ нашего нѣмца: она тоже только и дѣлаетъ, что упрекаетъ русскихъ писателей въ лѣни, въ недостаточной любви къ дѣлу, въ безпорядочности, въ невѣжественности и тому подобныхъ недостаткахъ и порокахъ. Она указываетъ на писателей французскихъ: посмотрите, какъ работаетъ Золя! Золя — часовой механизмъ; у него опредѣленные часы работы: отъ такого-то часу—до такого-то. Ни гости, ни друзья, ни возникшій апетитъ, ни рожденіе дѣтей, ни болѣзнь жены, ни самое землетрясеніе,—не могутъ, кажется, оторвать его отъ работы, до тѣхъ поръ пока онъ не испишетъ извѣстнаго, положеннаго числа листовъ. И такъ работаетъ большинство французовъ. Когда, благодаря интервьюверамъ, рыскающимъ по бѣлу-свѣту, этотъ методъ работы французскихъ писателей былъ наконецъ оповѣщенъ міру, русскіе собратья были нѣсколько изумлены и шокированы. Такой усидчивости, такой методичности, такого пунктуализма они могли ожидать отъ нѣмца, да! Но отъ француза, отъ этой «живой души»—никогда! И, однако, это оказалось такъ... И только такимъ методомъ и возможно стало объяснить огромную производительность Золя и ему подобныхъ французскихъ писателей. Но тогда—при чемъ же вдохновенье, лирическій порывъ и прочіе атрибуты художественнаго творчества? Не могутъ же они являться акуратно въ извѣстные часы и исчезать по прошествіи этихъ часовъ? А если не будетъ этихъ порывовъ, вдохновеній и пр., то произведеніе художника не выдетъ ли чисто механическимъ, ремесленнымъ, сухимъ? Нашъ высокоталантливый и—увы!—безвременно погибшій музыкальный художникъ П. Чайковскій придерживался того же французскаго метода работы, и мы видимъ, что результаты его дѣятельности были плодотворны, какъ въ количественномъ отношеніи, такъ и въ качественномъ. Онъ не отрицалъ того, что вдохновеніе не подчиняется ремеслу, но онъ вѣрилъ, что можно въ антрактахъ между двумя подъемами духа, двумя порывами, производительно работать надъ тѣмъ, что̀ требуетъ не экстаза, а только техники, отдѣлки

Digitized by Google

деталей,—словомъ культурной работы. При такихъ условіяхъ, произведеніе выдетъ, во всякомъ случаѣ, если и не вдохновеннымъ, то приличнымъ, интереснымъ и достойнымъ вниманія публики и критики.

Наши художники слова, принявъ близко къ сердцу матеріальную сторону метода французскихъ романистовъ, попробовали примѣнить къ себѣ ихъ систему. И вотъ появилось «многописаніе». Они стали работать день и ночь, наводнять журналы и газеты своими многотомными романами, появляться сразу на страницахъ десятковъ изданій. Но и тутъ сказались одновременно русская лѣнь и русская сметливость. «Работать» надо... а «писать» — лѣнь. Поэтому, русскіе борзописцы придумали компромиссъ: они стали *диктовать*, лежа на кровати и посасывая папиросу. Такимъ образомъ, стало возможнымъ работать цѣлый день, прерывая работу только въ часы воспріятія пищи; нужно только мѣнять у письменнаго стола дѣвицъ, пишущихъ подъ диктовку, а затѣмъ диктуй себѣ съ зари до вечернихъ сумерекъ. Но русскій человѣкъ ничего не умѣетъ дѣлать въ половину: «коль любить—такъ безъ разсудку», коль писать—такъ не на шутку. И борзописцу показалась незначительною его производительность, хотя онъ уже сравнялся въ количественномъ отношеніи съ французомъ. Ему захотѣлось перещеголять француза. И онъ придумалъ «стенографку». Подъ его диктовку, стала писать стенографка. Работа спорилась еще быстрѣе и въ теченіе урочныхъ часовъ стало возможнымъ наболтать не одинъ, а три романа. Русскій «переклюклъ» француза! Тогда критика и публика, не видя спасенія отъ этого многописанія, возопила гласомъ веліемъ о «перепроизводствѣ» и «ремесленности». Русскій писатель, недавно еще обвинявшійся акуратнымъ нѣмцемъ въ лѣни—изумился... «На нашу публику и критику не угодишь», заявилъ онъ: «то лѣнтяй, то перепроизводитель»... Однако методъ паровой фабрики, изготовляющей романы, такъ понравился писателю, что онъ уже не въ силахъ вернуться къ прежнему времени, когда импульсами его творческой дѣятельности были вдохновеніе и мысль. Вотъ этимъ-то онъ и обнаружилъ свою некультурность — второй порокъ, въ которомъ обвинилъ его акуратный нѣмецъ-издатель; благодаря этой некультурности, онъ просмотрѣлъ разницу между сознательной, усидчивой и честной работой, и безшабашнымъ паровымъ производствомъ безъ отдыха и срока.

Отъ художниковъ слова перейдемъ къ художникамъ красокъ. Переходъ этотъ будетъ тѣмъ болѣе естественнымъ, что у тѣхъ и другихъ жрецовъ русскаго искусства есть много общаго между собою. Въ былые дни, русскихъ художниковъ (живописцевъ тожъ)

Digitized by Google

обвиняли въ лѣни, въ нежеланіи роботать, также какъ и русскихъ писателей. Гончаровъ писалъ по одному роману каждыя десять лѣтъ; Ивановъ писалъ *Явленіе Христа народу*—всю жизнь. Какъ хотите: назовите это подвигомъ, аскетизмомъ, фанатизмомъ, преданностью идеѣ—чѣмъ угодно, но это не есть творческая дѣятельность. Идея можетъ охватить всего человѣка, всѣ его мысли, все его сердце; но если онъ не можетъ справиться съ нею въ теченіе всей своей жизни и претворить ее, по роду своей дѣятельности, въ цѣлый художественный образъ, то это свидѣтельствуетъ или о его безталанности и безсиліи, или объ его узкости. И это уже не художникъ, а фанатикъ. Такое вымученное произведеніе, какъ *Явленіе Христа народу*, никогда не можетъ быть сравнено, по силѣ, красотѣ и значенію, ни съ однимъ изъ холстовъ вдохновеннаго и блестящаго по техникѣ Рафаэля. Но... tempora mutantur... и прежнихъ фанатиковъ живописи не стало. Ивановъ писалъ *одну* картину всю свою жизнь, теперешніе художники пишутъ по *16* картинъ въ одинъ годъ (XXII передв. выст., *Н. Дубровскій*, №№ 24—39). Такимъ образомъ, и въ области живописи «перепроизводство» явилось столь угрожающимъ, что стало необходимымъ — учредить нѣкій фильтръ для пропуска на выставку художественныхъ произведеній нашихъ живописцевъ. И роль этого фильтра исполняетъ вновь образованное, по новому уставу, при нашей академіи—*жюри*, забраковавшее изъ числа представленныхъ картинъ около половины. Не смотря на эту строгость, или, скорѣе, благодаря ей, мы имѣемъ въ настоящемъ году, вмѣсто обычныхъ двухъ, цѣлыхъ *три* выставки, изъ которыхъ третья—выставка «отверженныхъ академіей». *Отверженные* захотѣли апелировать къ обществу на несправедливость и пристрастіе академическаго жюри. Всѣхъ экспонентовъ на трехъ выставкахъ—*212*. Написано ими картинъ, вылѣплено и вычеканено скульптурныхъ произведеній— *651*. Отсюда слѣдуетъ, что нашихъ Апеллесовъ, Фидіевъ и Праксителей нельзя обвинять въ недостаткѣ трудолюбія, въ лѣни и въ нежеланіи работать. Если принять въ соображеніе нѣкоторыя профессіональныя стороны живописи,—напр., возможность работать только днемъ или въ извѣстные часы, дабы получить одинаковое освѣщеніе, и нашъ климатъ съ вѣчно сѣрыми туманными небесами,—то придется сознаться, что цифра 651 свидѣтельствуетъ о большой производительности нашихъ художниковъ: вѣдь за картину не посадишь стенографку, и авторъ самъ долженъ держать кисть въ своей рукѣ. Отсюда очевидно, что наши художники стали усиленно работать. И ихъ соблазнилъ усидчивый методъ художниковъ-французовъ, какъ нашихъ писателей—тотъ же методъ французскихъ романистовъ. И наши художники наработали

Digitized by Google

матеріала на цѣлыхъ три выставки. Но какъ? «Вотъ въ чемъ вопросъ», на который мы и постараемся отвѣтить въ предлагаемой статьѣ.

II.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, нѣкій испанскій писатель Помпейо Хенеръ, разсуждая о завоеваніяхъ русской литературы на западѣ, помѣстилъ на страницахъ *El Liberal* двѣ статьи, посвященныя критикѣ нашего искусства. Какъ большинство иностранцевъ, испанскій критикъ, мало знакомый съ нашей страной, съ нашимъ народомъ и нашимъ искусствомъ, довольно развязно толкуетъ вкривь и вкось объ избранномъ имъ предметѣ. Между его толкованіями попадается много курьезовъ; но на нихъ мы указывать не будемъ, а укажемъ на нѣсколько его интересныхъ мнѣній, имѣющихъ отношеніе къ нашему предмету.

«Въ противоположность основному характеру героевъ западноевропейскихъ литературъ, дѣятельному, энергичному, страстному, герой всякаго русскаго произведенія—деморализирующій примѣръ обломовщины (*oblomovismo*). Обломовская лѣность и мистическій страхъ (*miedo mistico*)—характерныя черты этой литературы». По поводу поведенія Софьи (*Преступленіе и наказаніе*) по отношенію къ Раскольникову, когда этотъ послѣдній признался передъ ней въ своемъ преступленіи, критикъ замѣчаетъ: «не знаю, можетъ быть, это татарская психологія, но я увѣренъ, что это не есть психологія естественная»... И дальше: «всѣ русскіе романы проникнуты стремленіемъ къ жертвѣ ради жертвы, какой-то *печальной любовью* и снисходительностью не только къ угнетенному, но даже къ преступному, къ отверженному существу, къ падшей женщинѣ. Еще одинъ шагъ—и въ этой литературѣ будетъ провозглашаться превосходство грѣха и преступленія, потому что это ведетъ за собою раскаянье и искупленіе... Желтая кровь (монгольская), текущая въ жилахъ скиѳа (русскаго), порождаетъ въ немъ эту *пессимистическую лихорадку*, этотъ буддійскій бредъ... Русскихъ художниковъ привлекаютъ, главнымъ образомъ, описанія самоубійствъ, смертей отъ истощенія, убійствъ, тяжелыхъ разочарованій—и все это ими изображается мастерски, но съ такой ледяной обстоятельностью, которая холодитъ кровь въ жилахъ и вызываетъ на лбу холодный потъ... Во всякомъ русскомъ произведеніи есть какая-то сострадающая нѣжность, которая однако приглашаетъ къ смерти... Въ этой литературѣ есть какое-то пламя божественной любви, которое увлекло въ монастыри столькихъ дѣвушекъ, столькихъ святыхъ на му-

Digitized by Google

ченія; но эта любовь—меланхолическая, печальная, такая, какую намъ рисуютъ писанія буддистовъ... Вся мораль этой литературы заключается въ стремленіи показать, что все существующее—иллюзія, паръ, дымъ, что все измѣняется, пропадаетъ безслѣдно; что одно явленіе слѣдуетъ за другимъ, но на самомъ дѣлѣ все исчезаетъ, уходитъ неизвѣстно куда. Вообще, вся эта литература проникнута отрицаніемъ и нигилизмомъ»... Въ концѣ концовъ, критикъ спрашиваетъ: «что могутъ извлечь изъ подобной литературы пессимизма, отчаянья и смерти народы латинской расы, обитатели свѣтлыхъ и радостныхъ странъ, вѣрящіе въ себя, любящіе жизнь и всѣ ея прелести, народы-артисты, прилагающіе науку и искусства къ улучшенію и украшенію жизни»?..

Такъ говоритъ очень умный, очень талантливый, но совершенно чуждый русскому искусству, испанскій критикъ. Мы не станемъ здѣсь полемизировать съ нимъ и читатель самъ отринетъ все, что есть лишняго въ этой безпощадной критикѣ. Слишкомъ большое самомнѣніе и чувство превосходства европейца надъ бѣднымъ «желтокровнымъ скиѳомъ» брызжетъ изъ каждой строки писаній Хенера; но отнесемся къ нему съ «печальной любовью и снисходительностью», какъ къ человѣку заблуждающемуся: «онъ дерзко презиралъ земли чужой языкъ и нравы: не могъ щадить онъ нашей славы», потому что не могъ понять, «на что онъ руку подымалъ», смѣшавши всю русскую литературу съ Бедламомъ нѣкоторыхъ уголовныхъ романовъ.

Однако, въ его рѣчахъ многое звучитъ правдой.

Живъ тотъ народъ, въ которомъ живетъ «печальная любовь и снисходительность ко всему угнетенному»; живо то искусство, которое «горитъ пламенемъ божественной любви», увлекающей на подвигъ и мученья... И, упрекая русское искусство за эту любовь, за это пламя, испанецъ не правъ, конечно. Но онъ правъ безусловно, когда указываетъ, что нашимъ искусствомъ завладѣла *пессимистическая лихорадка, мистическій страхъ и жажда воспроизведенія отрицательныхъ и мрачныхъ сторонъ жизни.* Одни только несовершенства, да несовершенства, да темныя стороны жизни—таковъ узкій циклъ наблюденій нашихъ художниковъ. Они вращаются, повидимому, въ безнадежномъ заколдованномъ кругу печалей и горя. Ихъ кругозоръ съузился, ихъ глаза такъ освонлись съ тьмою, что имъ больно смотрѣть на свѣтъ и они рѣшительно потеряли способность наблюдать и изображать свѣтлыя, отрадныя явленія жизни. Неужели на всемъ пространствѣ нашей отчизны нѣтъ ни одного отраднаго явленія, ни одного свѣтлаго факта, а все только одни несовершенства, да темныя стороны жизни?!.

Digitized by Google

Посмотримъ же, какъ изображаютъ русскую жизнь наши художники? Поинтересуемся узнать, надъ чѣмъ они думали, что наблюдали, чѣмъ интересовались?..

Начнемъ съ *передвижниковъ*. Они—«свободные художники», не связанные никакими обязательствами и не подверженные никакой регистраціи академическихъ жюри. Слѣдовательно, имъ предоставлено безо всякихъ ограниченій сказать свое свободное, открытое, новое слово. Когда-то они отпали отъ академіи, возмутившись ея окаменѣлыми традиціями, условной фальшью, безплодной рутиной; они провозгласили себя свободными, начертали на своемъ знамени девизъ: «впередъ безъ страха и сомнѣнья», и бодро двинулись въ путь. Въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ художественной дѣятельности, они внесли много новаго, свѣтлаго въ общую сокровищницу русскаго искусства; они выставили много молодыхъ и уже окрѣпшихъ талантовъ; они оживили интересъ публики къ своему искусству и заставили академію пробудиться отъ спячки. Двадцать два года тому назадъ, передвижники отреклись отъ рутиннаго классицизма, царившаго въ живописи, и возвѣстили новую эру—реальнаго искусства, имѣющаго корни въ обыденной, дѣйствительной жизни нашего отечества. Имъ надоѣли строгія классическія формы, отвлеченія, аллегоріи, все одни и тѣ же библейскіе и историческіе сюжеты, повторяющіеся въ видѣ темъ изъ года въ годъ и необходимые для совершенствованія и образованія художника, но непригодные больше для самостоятельнаго національнаго искусства. Имъ захотѣлось быть ближе къ землѣ, къ жизни, къ правдѣ. Они спустились съ олимпійскихъ высотъ на жалкую землю.

И передвижники стали изображать нашу бѣдную природу и нашъ обездоленный народъ, со всѣми его невзгодами, бѣдами, засухами, неурожаями, голодовками, морами, кабаками и нищенствомъ. Какъ реакція классицизму, какъ упрекъ искусству для искусства, подобный выборъ сюжетовъ имѣлъ свой raison d'être и былъ полезенъ для искусства. Но время шло... а наши передвижники все еще продолжаютъ изображать «бѣдность, да бѣдность, да несовершенства человѣческой жизни». Неужели ничего новаго нѣтъ? спрашиваетъ зритель. Неужели вся наша жизнь состоитъ изъ несовершенствъ?.. Но «пессимистическая лихорадка», овладѣвшая нашими, когда-то передовыми, художниками, стала хронической и, повидимому, неизлѣчимой. Въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ они не двинулись съ мѣста, а въ искусствѣ, кто не идетъ впередъ — тотъ пятится назадъ. Въ свою очередь, академія заразилась постепенно направленіемъ передвижниковъ и тоже понемногу опустилась на землю. Такимъ образомъ, рѣзкая разница сгладилась между клас-

Digitized by Google

сиками и передовиками, и часто обѣ выставки стали походить одна на другую. Передвижники, взявъ *новый курсъ*, скоро «осадили», академики добѣжали до передвижниковъ, и тѣ и другіе остановились на одномъ мѣстѣ... Господа! «Впередъ безъ страха и сомнѣнія»! Пора бросить эту славянскую рознь, пора идти дружно впередъ къ завѣтной цѣли всякаго искусства—къ совершенствованію, къ отыскиванію новыхъ и новыхъ путей, ведущихъ къ свѣту, любви и правдѣ. Пора «отречься отъ старой мести, отъ злобныхъ думъ», пора стряхнуть съ себя «пессимистическую желтокровную лихорадку», расширить горизонты, открыть окна и пустить въ темные подвалы несовершенствъ струю живительнаго воздуха и лучъ радостнаго свѣта...

Отъ теорій и разсужденій перейдемъ къ фактамъ, т. е. къ сюжетамъ нашихъ художниковъ.

Просмотрите пейзажи: *Днѣпръ въ сумерки* (Н. Бодаревскаго), *Осенняя пора*, *Пустынный берегъ* (Е. Волкова), *Въ концѣ лѣта* (Н. Дубовскаго), *Надъ вѣчнымъ покоемъ* (И. Левитанъ), *Послѣдніе лучи* (И. Остроухова), *Лѣсное кладбище* (И. Шишкина), *Сентябрьскій вечеръ* (Н. Досѣкина), *Дождливый день* (И. Ендогурова) и т. д. Изъ этого бѣглаго перечня вы увидите, какъ всецѣло охватила нашихъ художниковъ пессимистическая лихорадка. Изъ цѣлыхъ сутокъ, они непремѣнно выбираютъ время *умиранія дня*: ночь, сумерки, послѣдніе лучи, вечеръ, а ужь возьмутъ *день*, то непремѣнно унылый, грустный—дождливый день; изъ временъ года они предпочитаютъ опять время умиранія природы: осенняя пора, конецъ лѣта, сентябрьскій вечеръ и пр.; изъ всѣхъ видовъ нашего обширнаго отечества какъ будто нарочно выбираются унылые пустынные берега и т. п. Г. Левитанъ изобразилъ какую-то широкую рѣку, раздвоившуюся на два рукава, которые охватываютъ выдающійся въ рѣку высокій мысокъ; рѣка бѣжитъ и бурлитъ, на горизонтѣ скапливаются тяжеловато-написанныя тучи, земля цвѣтетъ, словомъ—«всюду жизнь»; но художникомъ овладѣлъ пессимизмъ и онъ спѣшитъ, хотя подписью, названіемъ картины, нагнать на зрителя тоску и напоминаніе о смертномъ часѣ, и называетъ свою картину—*Надъ вѣчнымъ покоемъ*. Къ чему? Зачѣмъ? Только потому, что въ самомъ углу картинки наставлено имъ нѣсколько могильныхъ крестовъ, которыхъ могло бы не быть и картина ничего отъ этого не потеряла бы. Но такова ужь пессимистическая тенденія нашихъ художниковъ. Профессоръ Шишкинъ—этотъ единственный высокоталантливый поэтъ нашихъ русскихъ лѣсовъ—съ обычнымъ мастерствомъ и блестящей, исключительной техникой изобразилъ премилый и преуютный уголокъ лѣса со старыми упавшими стволами,

Digitized by Google

обросшими мохомъ, и поспѣшилъ дать картинѣ тенденціозно-пессимистическое названіе—*Лѣсное кладбище.*

Теперь взгляните на жанръ. Г. Касаткинъ изображаетъ *Неизбѣжный путь:* унылая улица и начало похоронной процессіи; несутъ крышку отъ *гроба.* Г. Клодтъ написалъ *Заблаговѣстили къ заутрени:*—изъ *гроба* встаетъ высокій, какъ мумія, полуживой монахъ, умершій для міра... Тотъ же художникъ изобразилъ *Во время антракта*—въ цирковой уборной двухъ наѣздницъ или акробатокъ въ жалкомъ, потасканномъ трико; одна, отвернувшись, плачетъ: очевидно, тутъ какая-то *драма.* Г. Лебедевъ пишетъ *Въ вагонѣ:*—молодая женщина съ *горестнымъ* выраженіемъ лица смотритъ на уснувшаго ребенка. Плодовитый и даровитый В. Е. Маковскій, нашъ несравненный жанристъ, въ дарованьѣ котораго есть гогартовская жилка, изобразилъ *печальную* невѣсту (*Невѣста*); г. Мясоѣдовъ отвратительнаго *Алкоголика* и печальную *Вдову*; г. Невревъ—*разводъ* двухъ супруговъ, которыхъ увѣщеваетъ священникъ (*Увѣщаніе*); г. Богдановъ-Бѣльскій—*Послѣднюю волю* умирающаго, вокругъ котораго собралась семья; г. Гороховъ—двухъ *нищихъ* дѣтей, занесенныхъ снѣгомъ (*По міру*); г. Коноваловъ—*Печальныя вѣсти*; г. Орловъ—*Умирающую* и г. Суреньянцъ—*Покинутую.* Боже, сколько гробовъ, смертей, болѣзней, горя, драмъ, печали, слезъ, пороковъ и воздыханій! Сколько бѣдности и несовершенствъ; сколько унылаго, тяжелаго, безпросвѣтнаго, мрачнаго пессимизма! Неужели русское существованіе, русская жизнь, русская природа—не даютъ иныхъ темъ, кромѣ печальныхъ? Еслибы жизнерадостный, вѣрящій въ жизнь, здоровый и веселый иностранецъ попалъ бы на эту выставку, онъ бы наивно подумалъ, что она нарочно пріурочена къ великопостному сезону, и непремѣнно воскликнулъ бы словами Гамлета: «посмотри, какъ все вокругъ уныло и печально, какъ будто наступаетъ страшный судъ»!... Попробовалъ было г. В. Маковскій написать оптимиста, но тутъ же, будто испугавшись слишкомъ жизнерадостнаго настроенія, помѣстилъ и пессимиста, и даже на одной скамейкѣ съ оптимистомъ (*Оптимистъ и пессимистъ*).

Теперь перейдемъ къ систематическому обозрѣнію выставки.

Изъ пейзажей очень хороши марины А. П. Боголюбова—всѣ три: *Синопъ*, *Ночь* и *Буря.* Высокая техника письма, пріятный тонъ, тщательная манера—составляютъ обычное достояніе кисти нашего почтеннаго художника. Очень хорошъ и *Днѣпръ—видъ изъ Царскаго сада* (*сумерки*) г. Бодаревскаго. Огоньки, оживляющіе наступающія сумерки, электрическое освѣщеніе Труханова островка, вода и воздухъ—все это блестяще по техникѣ, и пейзажъ приковываетъ къ себѣ вниманіе обозрѣвателя. Извѣстный пейзажистъ г. Волковъ вы-

Digitized by Google

ставилъ пять картинокъ небольшаго размѣра, изъ которыхъ лучшая—*Пустынный берегъ*, съ камнями, покрытыми снѣгомъ и освѣщенными розоватымъ свѣтомъ умирающаго заката. Эффектъ солнца на снѣгу переданъ превосходно, да и вся картина заслуживаетъ похвалы, также какъ и *Ущелье* г. Дубовскаго, написанное колоритно, сочно, изящно. Недурна и его *Радуга*, еслибы только не тяжеловатый, фіолетовый тонъ земли; сама же радуга написана хорошо. По лѣсной живописи обращаетъ на себя вниманіе, кромѣ картины проф. Шишкина, еще картина г. Шильдера—*Лѣсъ заснулъ*; она вся выдержана въ нѣсколько условномъ *театральномъ*—голубомъ и синеватымъ—тонѣ, написана съ пріемами декоративной живописи, бьющими на эффектъ, но тѣмъ не менѣе смотрится съ удовольствіемъ. Недурны пейзажи и гг. Левитàна (*Надъ вѣчнымъ покоемъ*, *Вечернія тѣни*), Досѣкина (*Сентябрьскій вечеръ*) и пр. Г. Полѣновъ выставилъ совершенно непонятный большой холстъ, пейзажъ-жанръ, подъ названіемъ *Мечты*. На высокой скалѣ сидитъ красивый молодой человѣкъ въ бѣломъ халатѣ, больничномъ колпакѣ и въ буркѣ. И молодой человѣкъ, и бурка, и скала, и весь пейзажъ, въ особенности воздухъ, написаны съ такимъ совершенствомъ, что по техникѣ эту картину можно считать «гвоздемъ» выставки, но содержаніе ея рѣшительно непонятно. Намъ говорили, что она называется еще иначе: *Воспоминаніе о Геннисаретскомъ озерѣ*—но и это названіе ровно ничего не выясняетъ.

Изъ жанра обращаютъ на себя вниманіе, кромѣ уже упомянутыхъ выше произведеній г. В. Маковскаго, его же *Офицерская нянька*, изображающая деньщика, держащаго на рукахъ ребенка, на котораго солдатъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія, весь отдавшись чаепитію. *Спящая дѣвочка* г. Кузнецова написана мило и просто; это граціозная картинка, передъ которой невольно остановишься и залюбуешься, но тотъ же г. Кузнецовъ написалъ странный жанръ: *Въ мастерской скульптора* (*снятіе формы*). На креслѣ сидитъ молодая дѣвушка съ обнаженной грудью, а скульпторъ, стоя передъ ней на колѣняхъ, обмазываетъ ея грудь гипсомъ. Дѣвушка вышла коротконогою, благодаря совершенно неудачному ракурсу; лицо ея ничего не выражаетъ, гипсъ похожъ на сметану, и вся картина выдержана въ какомъ-то непріятномъ, холодномъ, грифельномъ тонѣ; какъ будто ко всѣмъ краскамъ художникъ примѣшивалъ въ изобиліи бѣлила, отчего картина пріобрѣла видъ гуаши. Третья картина г. Кузнецова:—*Весной—запущенная усадьба* заставляетъ въ недоумѣніи развести руками: какъ могъ такой колористъ, какъ онъ, написать такую тусклую, безцвѣтную, неколоритную вещь, какъ *Весна*? Изъ молодыхъ художниковъ обращаютъ на себя вниманіе:

Digitized by Google

г. Нилусъ—*Встрѣча*, картинка, имѣющая много общаго съ *Утѣшителемъ* г. В. Маковскаго; та же грустная встрѣча, та же унылая кабацкая обстановка; г. Коринъ—*Выздоравливающая*—очень недурная, хотя совершенно миньятюрная вещица; г. Пастернакъ—*Любитель*, созерцающій съ сладострастіемъ любителя живописи только что пріобрѣтенную картинку, и г. Бакшеевъ — *Молебенъ*, тоже небольшая вещь, но написанная безспорно талантливо и оригинально, хотя рисункомъ г. Бакшеевъ очевидно не владѣетъ еще въ совершенствѣ; зато тонъ его красокъ очень хорошъ: онъ прозраченъ, воздушенъ, свѣтелъ; молодаго художника ожидаетъ хорошее будущее. Г. Богдановъ-Бѣльскій, на котораго возлагались большія надежды, не идетъ ни впередъ, ни назадъ, судя по его *Послѣдней волѣ*; онъ только повторяетъ пройденное и пріобрѣтаетъ колоритъ, освобождаясь постепенно отъ черноватыхъ и грязноватыхъ тоновъ, такъ портившихъ первыя произведенія его симпатичной кисти. Зато г. Ярошенко на настоящей выставкѣ ушелъ далеко впередъ. Онъ, наконецъ, отрѣшился отъ пессимистической лихорадки, отъ тенденціи воспѣвать бѣдность, уныніе и несовершенства, тенденціи, державшей его въ своихъ ежевыхъ рукавицахъ чуть ли не сильнѣе, чѣмъ всѣхъ его товарищей-передвижниковъ. Изъ года въ годъ симпатичный, талантливый и образованный художникъ давалъ намъ унылыя и мрачныя картины: арестантовъ за рѣшеткой, одинокаго старика на дебаркадерѣ, чахоточную барыню, умирающую въ Крыму, и пр., и пр. Посмотрите его *Хоръ* на нынѣшней выставкѣ: что за прелесть. Сколько жизни, движенія, свѣта, настроенія въ этой картинѣ! Взгляните на лица этихъ деревенскихъ дѣтишекъ, которыхъ толстый (нѣсколько коротконогій) дьячокъ съ косичкой обучаетъ церковному пѣнію. Сколько разнообразія въ экспрессіи этихъ дѣтскихъ личикъ! Эта картина производитъ чарующее отрадное впечатлѣніе и составляетъ положительно chef-d'oeuvre передвижной выставки, не смотря на нѣкоторые недостатки чуть-чуть лиловатаго тона, въ которомъ выдержаны лица дѣтей. Хороши и *Пѣсни о быломъ* того же художника, изображающія нѣсколькихъ горцевъ, сидящихъ въ саклѣ передъ очагомъ; изъ пейзажей г. Ярошенка обращаютъ на себя вниманіе два вида *Дарьяльскаго ущелья*. Кстати о пейзажѣ: мы ничего не сказали о картинахъ московскаго художника Васнецова, выработавшаго себѣ особую манеру писать картины. Эта манера—нѣчто среднее между импрессіонизмомъ и лубочнымъ малеваньемъ; манера эта безспорно оригинальна, эксцентрична, смѣла до дерзости, иногда похожа на шутку или насмѣшку, но тѣмъ не менѣе, благодаря таланту художника, картины его смотрятся съ интересомъ и производятъ извѣстное впечатлѣніе.

Digitized by Google

Портреты, которыхъ на сей разъ немного, ничего выдающагося не представляютъ. Они принадлежатъ кисти г. В. Маковскаго (*портретъ г. Ровинскаго*,—къ сожалѣнію, не изъ особенно удачныхъ, по плоскости письма); г. Бодаревскаго (*портретъ г-жи К.*—очень хорошо задуманъ и еще лучше написанъ), г. Сѣрова (*портретъ графини С. А. Толстой*) и г. Ярошенка (*портретъ Н. К. Михайловскаго*— въ обычной манерѣ художника). Портреты, въ особенности выдающихся людей, весьма интересны и заслуживали бы болѣе внимательнаго отношенія къ себѣ гг. художниковъ. Пора бы перестать писать ихъ въ кабинетной обстановкѣ и сдѣлать рѣшительный шагъ впередъ, взявъ примѣръ съ французскихъ художниковъ, придумывающихъ изящную или оригинальную обстановку для портретовъ, которые подъ ихъ кистью пріобрѣтаютъ значеніе портрета-жанра, или же писать ихъ *en plein-air*, что даетъ ровное, интересное освѣщеніе со всѣхъ сторонъ и устраняетъ традиціонныя непрозрачныя, густыя тѣни. Заслуживаютъ еще упоминанія два жанра: г-жъ Шэнксъ (*Я приговоръ твой жду...*) и Шанксъ (*Чернильное пятно*). Оба жанра очень мило, очень жизненно и очень изящно трактуютъ двѣ темки изъ повседневной жизни; по техникѣ лучше вторая. Намъ еще остается сказать два слова объ исторической, довольно большой картинѣ новаго члена «товарищества» г. Милорадовича—*Оборона Св. Троицкой Сергіевской лавры въ 1609 г.* (*во время приступа литовцевъ и поляковъ*). Написана она неувѣренно, суховато, черновато, хотя есть движеніе и нѣкоторое настроеніе; она не производитъ впечатлѣнія и многія картины съ менѣе обширнымъ и значительнымъ содержаніемъ легко затмѣваютъ ее на выставкѣ предвижниковъ.

III.

Академическая выставка настоящаго года производитъ впечатлѣніе, будто по ней прошла нѣкая критическая метла и вымела съ нея все ненужное, лишнее, наносное, неоконченное... Это—*чистенькая* выставка, ровная... и довольно безцвѣтная. Кричащихъ картинъ нѣтъ; «гвоздей» тоже нѣтъ, если не считать гвоздемъ картину г. Новоскольцева: *Опричники въ домѣ у земскаго*. Это большой холстъ, на которомъ изображены «государственные разбойники», хозяйничающіе въ домѣ «земскаго»; старый земскій, связанный по рукамъ и ногамъ, сидитъ въ креслѣ и съ глубокой грустью смотритъ на распростертое передъ нимъ на полу (первый планъ) обнаженное и обезчещенное тѣло его дочери; на кровати лежитъ не то въ обморокѣ, не то убитая, старуха—жена земскаго (второй планъ),

Digitized by Google

а вдали (третій планъ)—пьяный опричникъ допиваетъ остатки вина, а другой приглашаетъ его уходить; на послѣднемъ планѣ, въ квадратѣ отпертой двери, въ которую врывается бѣлый свѣтъ наступившаго утра, виднѣется толпа остальныхъ лиходѣевъ. Г. Новосольцевъ, сколько помнится—пансіонеръ академіи, и былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ посланъ въ Парижъ для усовершенствованія. Оттуда онъ прислалъ картину подъ названіемъ: *Послѣ маскарада* и изобразилъ на ней тоже пьяную компанію современныхъ опричниковъ—бульварныхъ молодыхъ людей и какую-то пьяненькую дамочку, въ трико и декольтэ, уснувшую надъ столомъ за остатками ужина. Картина по компановкѣ и исполненію была недурна, но по темѣ нѣсколько рискованна, въ особенности для пансіонера академіи. Теперь творчество г. Новоскольцева направилось въ сферы исторіи и нельзя его съ этимъ не поздравить; и техника его стала лучше. Тѣло обезчещенной дѣвушки, взятое въ весьма сильномъ и трудномъ ракурсѣ, написано очень хорошо, очень блестяще, совсѣмъ по парижски, какъ умѣютъ писать тѣло только французы; но въ данномъ случаѣ эта блестящая манера письма несовсѣмъ у мѣста: дѣвушка написана черезчуръ «элегантно», если можно такъ выразиться, принимая во вниманіе то насиліе, которое учинено надъ нею. Всѣ аксесуары картины выписаны тщательно и съ мастерствомъ, хотя тоже черезчуръ элегантно. Во всякомъ случаѣ этотъ *историческій жанръ* очень интересенъ и хорошо исполненъ. Но это и все, что̀ имѣется на выставкѣ по части исторической живописи. Мы не считаемъ *Послѣдній день пребыванія Наполеона въ Москвѣ въ 1812 г.*, г. Ѳедорова, какъ весьма неудачную картину, скорѣе похожую на олеографію гигантскихъ размѣровъ; фигура Наполеона трактована художникомъ слишкомъ ужь ординарно и банально. Точно также совсѣмъ не интересна картина г. Геллера: *Іоаннъ Грозный и юродивый Никола Салосъ*, протягивающій грозному царю кусокъ сыраго мяса. Обѣ фигуры — и Грознаго, и Салоса—слишкомъ деревянны, не продуманы; царь же производитъ впечатлѣніе неумѣло загримировавшагося актера, играющаго роль Іоанна Грознаго. Въ картинѣ почти нѣтъ аксесуаровъ, мало свѣта и черезчуръ много непріятной черноты. Есть и еще одна историческая картина (акварель) г. Розена, носящая длинное названіе: *Наполеонъ, покидающій армію послѣ перехода черезъ Березину, 6-го декабря 1812 г.*, но она похожа на «загадочную» картину, подъ которой можно сдѣлать подпись: «гдѣ Наполеонъ?» И тѣмъ не менѣе она много интереснѣе картины г. Ѳедорова.

Вотъ все, что̀ есть въ академіи по части исторіи. Историческая живопись въ послѣднее десятилѣтіе переживаетъ нѣкую, не особенно

Digitized by Google

желательную, съ точки зрѣнія искусства, метаморфозу: она уходитъ въ изученіе подробностей, аксесуаровъ, обстановки, быта, и совершенно игнорируетъ *выборъ* сюжета; въ ней отсутствуетъ руководящая идея, опредѣленное убѣжденіе. Конечно, изученіе подробностей обстановки и быта—весьма плодотворная и полезная вещь, въ особенности для любой исторической картины; но когда эта послѣдняя пишется только *ради* бытовыхъ подробностей и когда аксесуары подавляютъ незначительный или случайный историческій сюжетъ, то картина удаляется отъ историческаго рода и приближается къ бытовому роду живописи, что̀ уже вовсе не желательно. А художники послѣдняго десятилѣтія,—какъ наши, такъ и заграничные,—рѣшительно не даютъ себѣ труда отличать при выборѣ сюжета существеннаго отъ случайнаго и увѣковѣчиваютъ на огромныхъ холстахъ первый, попавшійся подъ руку или вычитанный изъ учебника, мелкій второстепенный фактикъ, часто даже анекдотъ, не заслуживающій никакого вниманія. И это сильно роняетъ сложный и отвѣтственный родъ исторической живописи.

По части жанра, выдаются на выставкѣ: *Первое любовное письмо* г. Саксена, мюнхенскаго художника: это очень свѣжая, миленькая картинка; къ сожалѣнію, лицо виновницы самаго сюжета закрыто платкомъ (она плачетъ) и отъ этого картина много теряетъ въ экспрессіи и жизненности. *Не весело* и *весело*, г. Пелевина—двѣ очень неудачныя маленькія картинки-pendant, до того *зализанно* написанныя, что вставлены даже подъ стекла; ничего интереснаго въ нихъ нѣтъ и написаны онѣ въ непріятномъ фіолетово-холодномъ тонѣ, крайне фальшивомъ. *Въ мастерской*, г. Щербиновскаго, написана оригинально, элегантно, нѣсколько по декадентски, т. е. манерно и вычурно; въ той же манерѣ или, если хотите, въ манерности, можно упрекнуть и *Профиль* г. Алексомати. Чистенько, но мало выразительно написана небольшая картинка, къ тому же повѣшенная слишкомъ высоко—*Кредиторъ и его жертвы*, г. Лосева, и совсѣмъ безцвѣтно, въ какихъ-то тусклыхъ грифельныхъ тонахъ, довольно большая картина: *Убили кабана*.

Вторая по величинѣ картина на выставкѣ—это *Осиротѣлый* г. Гофмана. Картина очень хороша, хотя производитъ черезчуръ мрачное впечатлѣніе. Но относительно ея можно сказать то же, что̀ мы говорили выше по поводу исторической живописи. Содержаніе картины не соотвѣтствуетъ размѣрамъ. На ней изображена внутренность бѣдной финской хижины. Въ углу на жалкой кровати лежитъ умершая жена, а около нея сидитъ осиротѣлый мужъ; тускло горитъ свѣча, мрачно глядятъ прокопченныя стѣны и оба посѣтителя, изъ которыхъ одинъ, вѣроятно, пасторъ. Всѣ подробности, всѣ

Digitized by Google

аксесуары, вся бытовая обстановка выписаны превосходно, но власть жизни и реализма въ искусствѣ не должна сказываться только въ одномъ стремленіи брать первыя попавшіяся темы и фотографически копировать ихъ съ натуры, тратя огромныя силы и время на изображеніе микроскопическихъ сюжетовъ на саженныхъ холстахъ.

Блестящи по исполненію, и совсѣмъ въ манерѣ французскихъ художниковъ, два жанра г. Владимірова: *Невскій проспектъ* и *На пожарѣ*, а также картинка г. Галкина: *Рыбаки на Волховѣ*. Въ импрессіонистскомъ духѣ написанъ пейзажъ-жанръ г-жи Казаковской и, право, не стоило тратить столько холста и красокъ на такой незначительный сюжетъ, какъ *Сборъ бураковъ*. Къ числу совершенно неудачныхъ вещей слѣдуетъ отнести *Велосипедистовъ*, *Раннюю весну* и *Садовую улицу* (въ Москвѣ) г. А. В. Маковскаго (не слѣдуетъ смѣшивать съ гг. Константиномъ и Владиміромъ Маковскими). Литературнымъ сюжетамъ совсѣмъ не повезло на нынѣшней выставкѣ; литературныхъ жанровъ всего три: два «скупыхъ рыцаря» (гг. Степанова и Винцмана) и *Сцена изъ Донъ-Жуана* г. Степанова же. Оба скупые рыцаря совершенно неудовлетворительны, хотя оба съ технической стороны написаны хорошо, причемъ самъ рыцарь лучше у г. Степанова, а аксесуарная часть—у г. Винцмана. *Сцена изъ Донъ-Жуана* хороша по тонкому, хотя нѣсколько конфектному письму, но она мало типична, невыразительна и какъ-то очень ужъ шаблонна. Выраженія лицъ плоски и безстрастны, движенія въ картинѣ мало, настроенія никакого.

Затѣмъ, чтобы покончить съ жанромъ, намъ остается сказать нѣсколько словъ о настоящемъ «гвоздѣ» академической выставки, объ ея chef-d'oeuvr'ѣ или, вѣрнѣе, о трехъ гвоздяхъ и chef-d'oeuvr'ахъ г. Бакаловича. Это—*Египетскій жрецъ* и два римскихъ жанра: *Молодой Катуллъ* и *Встрѣча*. Талантъ г. Бакаловича давно уже знакомъ русской публикѣ; каждая его картина встрѣчаетъ въ обществѣ и въ критикѣ сочувствіе; на прошлогодней выставкѣ произвела сенсацію его картина *Пари за гладіаторовъ*, а теперь—вышепоименованныя нами произведенія. При взглядѣ на этого египетскаго жреца и молодаго Катулла, погруженныхъ въ созерцаніе—религіозное и поэтическое—и на идиллическую встрѣчу молодыхъ римлянокъ съ полуобнаженнымъ пастушкомъ, освѣщеннымъ южнымъ солнцемъ,—васъ охватываетъ какое-то жизнерадостное настроеніе и вамъ вспоминаются граціозные стихи Виргилія. Изумительная техника, которой всегда щеголялъ г. Бакаловичъ, доведена здѣсь до возможнаго совершенства, дальше котораго идти, повидимому, некуда.

Два слова о пейзажахъ и портретахъ. Изъ первыхъ хороши: *Эскадра идетъ*, г. Блинова, почти всѣ картины г. Крыжицкаго

Digitized by Google

Морской берегъ въ Алупкѣ г. Склярова, *Гроза идетъ* и *За цвѣтами* г. Крачковскаго. *Ночь въ Финляндіи* барона Таубе доказываетъ только, что въ Финляндіи есть луна и что не у всякаго барона есть фантазія. Курьезна картина г. Феддерса *Ласточка надъ моремъ*: на большомъ холстѣ изображена одна только ласточка и два камушка... Excusez du peu!

Если мы упомянемъ еще о батальномъ жанрѣ г. Попова: *Страдная пора на Шипкѣ, эпизодъ изъ обороны Шипки 12-го августа, 11 ч. дня*,—то нашъ обзоръ академической выставки будетъ оконченъ. Картина г. Попова приближается именно къ батальному жанру, какъ мы ее назвали, потому что художникъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на душевныхъ движеніяхъ каждой отдѣльной личности; вы можете прочитать на лицахъ солдатъ волнующія и одушевляющія ихъ чувства. Нельзя не привѣтствовать этого осмысленнаго психологическаго направленія въ давно уже застывшемъ на одномъ мѣстѣ «батальномъ» родѣ.

Выдающихся портретовъ почти нѣтъ, если не считать таковыми портретовъ: *М. И. Писарева* (г. Галкина) и *Георгія Таля* (г-жи Зарудной-Кавосъ)—лучшихъ на выставкѣ. Приходится пожалѣть, что въ этомъ году нашъ высокоталантливый колористъ — почти единственный среди петербургскихъ художниковъ—г. Константинъ Маковскій, совершенно отсутствуетъ въ залахъ академіи.

Какъ видите, выставка—приличная во всѣхъ отношеніяхъ, но ничего выдающагося на ней нѣтъ (кромѣ г. Бакаловича) и она не превышаетъ обычнаго уровня всѣхъ нашихъ *среднихъ* выставокъ; выгодно отличается она отъ прежнихъ—тѣмъ, что сильно поочищена отъ ненужнаго балласта, который почти цѣликомъ перебрался на «Выставку отверженныхъ». Перейдемъ туда и мы.

IV.

При первомъ взглядѣ и бѣгломъ осмотрѣ выставки, посѣтитель ея приходитъ къ убѣжденію, что академическое жюри поступило весьма разумно, предавъ остракизму чуть не половину представленныхъ на выставку картинъ. Авось на будущее время оно отучитъ нашихъ художниковъ являться передъ публикой «въ неглижэ»... Годичная выставка имѣетъ въ виду знакомить отечество съ *готовыми результатами* художественной дѣятельности нашихъ живописцевъ и скульпторовъ. Это то же, что напечатанный романъ. Кому бы изъ писателей пришло въ голову печатать черновой планъ задуманнаго романа или черновой сценарій ненаписанной пьесы? Кому бы изъ ваятелей пришло въ голову выставлять безформенные

Digitized by Google

или лишь «оболваненные» куски сырой глины или гипса? А между тѣмъ эта идея пришла г. Ціонглинскому, этому enfant terrible выставки refusés, который выставилъ около сотни первоначальныхъ, схематическихъ и понятныхъ лишь одному спеціалисту этюдовъ; пятна красокъ, незамазанные холсты, условные знаки—кому все это нужно и интересно, кромѣ спеціалиста? И во всякомъ случаѣ не мѣсто этой черновой работѣ на выставкѣ. Жюри поступило весьма правильно, забраковавъ г. Ціонглинскаго. Также правильно поступило оно, забраковавъ такія неудачныя вещи, какъ картину г. Розенталя *Лѣтомъ*, который, обладая недурной техникой, не имѣетъ, повидимому, никакого понятія о пластической анатоміи и о строеніи женскаго тѣла; или картину г-жи Жаровой—*Фрейлина Гамильтонъ передъ казнью*: наивная трактовка сюжета, ординарная композиція и банальное, посредственное исполненіе вполнѣ справедливо уготовали этому произведенію мѣсто на выставкѣ «брака». Къ числу неудачныхъ вещей относимъ мы и *Выходъ на арену* г. Виллевальде, и *Женскую головку* г. Кравченка, которому пришла странная идея изобразить эту головку въ видѣ нерукотвореннаго образа, и картины г. Синоди-Попсва, и огромный холстъ поручика Шипова—*Переправа казачьяго полка* (его же картина: *Батарейное ученіе* очень недурна по техникѣ, но, очевидно, писана съ фотографіи) и *Бѣгство Богоматери въ Египетъ*, г. фонъ-Кюгельхенъ, написанная въ классическомъ родѣ. Но есть картины и прямо бездарныя; таковы, напримѣръ, произведенія г. Юферова и, въ особенности, одна—*Головка кабилки*, и *Марина* г. Гриценка—вещь совершенно безграмотная: сине-зеленое море, залесированное бѣлилами! Изъ всѣхъ поименованныхъ здѣсь художниковъ заслуживаетъ вниманія только г. Ціонглинскій, очевидно талантливый человѣкъ, судя по его портрету покойнаго *Чайковскаго* (который могъ бы быть и допущенъ на выставку), и по его *Уголку гарема* и *На солнцѣ*, хотя всѣ они отличаются слишкомъ смѣлой манерой и незаконченностью.

Но, однако, есть на этой выставкѣ вещи, заставляющія призадуматься:—за что онѣ забракованы? Таковы, напр., картины г. Кошелева на библейскія темы; маленькіе пейзажики г. Васильковскаго, изъ которыхъ очень хороши *Сумерки въ Крыму* съ прозрачнымъ воздухомъ; два «собачьихъ» жанра г-жи Краснушкиной; *Старая пѣсня* г. Фрейвиртъ-Лютцова, которая нисколько не хуже, напр., академической *Сцены изъ Донъ-Жуана* г. Степанова; картины г. Сухоровскаго; *Видъ на Черное море въ окрестностяхъ Бахчисарая* г. Проскурнина; картины г. Клевера; *Глухой уголокъ* г. Гадона и два импрессіонистскихъ жанра г. Сестрженцевичъ-Богушъ (*Продажа*

Digitized by Google

лошади и Врачка). Конечно, есть въ нихъ недостатки: напр., у *Святой Ксеніи* (г. Сухоровскаго) совершенно неудачно написаны руки, но развѣ на академическихъ картинахъ нѣтъ недостатковъ? И намъ кажется, что жюри, относительно переименованныхъ картинъ, погрѣшило въ смыслѣ строгости и, пожалуй, безпристрастія. Наше искусство слишкомъ еще молодо и полно *исканій путей*, и къ нему слѣдовало бы отнестись болѣе любовно и снисходительно, не мѣшая художникамъ отыскивать эти пути, хотя бы при этомъ встрѣчались промахи и ошибки. Почему бы, напримѣръ, не пропустить на выставку импрессіонистскую манеру, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ талантливѣйшихъ ея представителей? Это, во всякомъ случаѣ, «новое слово» въ искусствѣ, за которымъ, какъ намъ кажется, есть будущее. Между тѣмъ, обѣ прелестныя картинки въ этой манерѣ (№ 121 и 138) забракованы. Въ импрессіонизмѣ, какъ во всякомъ новомъ словѣ, много крайностей, даже уродливостей; но когда все, что внесено туда лишняго увлеченіемъ, борьбой, протестомъ противъ рутины и бравированьемъ, сгладится—эта манера пріобрѣтетъ право на существованіе. Непосвященная публика смотритъ съ изумленіемъ на фіолетовыхъ и голубыхъ лошадей, изображенныхъ на импрессіонистской картинкѣ (№ 121) и не хочетъ видѣть въ ней ничего, кромѣ уродливыхъ крайностей, но стóитъ отрѣшиться отъ предубѣжденія и, отойдя на почтительное разстояніе, вглядѣться въ нее, какъ тотчасъ можно уразумѣть, въ чемъ заключается ея прелесть: это масса свѣта, воздуха и прозрачныхъ горячихъ тѣней, безъ той мутности и непріятной черноты, которую мы въ изобиліи обрѣтаемъ на картинахъ многихъ нашихъ художниковъ.

V.

Нашъ обзоръ выставокъ конченъ. Онъ могъ бы быть полнѣе, еслибы не условные размѣры журнальной статьи. Но и того, что сказано, достаточно, чтобы сдѣлать нѣсколько, не лишенныхъ интереса, выводовъ. Выводы эти слѣдующіе: наши художники мало интересуются историческими, бытовыми, библейскими и литературными сюжетами, и съ этой стороны плохо рекомендуютъ свою культурность и творческую энергію. По обилію написаннаго, ихъ нельзя обвинить въ лѣни; *пишутъ* наши художники много, но *работаютъ* мало, тщательно избѣгая трудныхъ, сложныхъ, серьезныхъ сюжетовъ, которые требуютъ философской, литературной и научной подготовки, и надъ которыми нужно трудиться; всѣ ихъ помыслы, повидимому, направлены къ тому, чтобы написать возможно больше №№, какъ у нѣкоторыхъ беллетристовъ все вниманіе устремлено

Digitized by Google

на количество печатныхъ листовъ, подлежащихъ оплатѣ. Такое стремленіе исключаетъ всякое серьезное отношеніе къ своему труду и граничитъ съ диллетантизмомъ и верхоглядствомъ,— что̀ и понижаетъ значеніе серьезнаго искусства до нуля. Вотъ почему наши выставки безцвѣтны, сѣры и не превышаютъ средняго уровня. Узкая замкнутость, спеціализація въ одной только *своей* сферѣ, съ совершеннымъ игнорированьемъ всѣхъ другихъ отраслей искусства— губитъ нашихъ художниковъ и дѣлаетъ ихъ мало интересными не только съ общеевропейской точки зрѣнія, но и для насъ, ихъ соотечественниковъ. Наши художники почему-то избѣгаютъ писать *человѣческую натуру*. Безъ основательнаго же знанія человѣческаго тѣла и пластической анатоміи, нельзя сдѣлаться выдающимся художникомъ. Нельзя получить и степени, не пройдя натурнаго класса. Въ то время какъ въ Парижѣ издаются цѣлые каталоги, изображающіе спеціально *le Nu*, въ изобиліи выставляемое французами въ салонахъ Champ de Mars и другихъ,—у насъ, на всѣхъ трехъ выставкахъ, еле-еле наберется три обнаженныхъ тѣла. Что это—неумѣстная pruderie, или же просто несостоятельность и неумѣніе изображать высшее слово одухотворенной красоты?

Затѣмъ, въ средѣ нашей почтенной корпораціи художниковъ замѣчается почти абсолютное *отсутствіе колористовъ* (исключая К. Маковскаго и еще двухъ-трехъ). И это явленіе—очень странное и очень печальное. Колоритъ въ живописи — то же, что̀ слогъ въ литературномъ произведеніи, что̀ мелодія въ музыкѣ. И романъ, и музыка, и живопись теряютъ половину своей прелести безъ слога, мелодіи и колорита. Но въ отсутствіи этого послѣдняго, быть можетъ, много виновата наша природа и пасмурное, сѣрое небо.

О *пессимизмѣ*,—самой нежелательной язвѣ, разъѣдающей дарованія русскихъ художниковъ,—мы уже говорили. Уставшіе отъ сложной культуры, люди запада имѣютъ, пожалуй, право на пессимизмъ; но у насъ онъ не можетъ быть искреннимъ и является лишь модой или подражаніемъ. Мотивы отчаянья и унынія, которыми изобилуетъ наше *молодое* искусство, кажутся совершенно непонятными. Молодости свойственна бодрость духа, борьба съ временными невзгодами, бѣдностью и несовершенствами, сила, мощь, вѣра въ себя, въ отчизну, въ ея историческое будущее, которое именно передъ Россіей открыто безъ границъ. И не можетъ привести къ добру эта поэзія безысходнаго отчаянья. Нужно, наконецъ, нашимъ жрецамъ искусства стряхнуть съ себя унылый и безплодный пессимизмъ! Но, можетъ быть, эта пессимистическая лихорадка—искрення, подлинна, несомнѣнна? Тогда намъ остается утѣшаться сознаніемъ, что она возникла вслѣдствіе быстраго хода впередъ нашего моло-

Digitized by Google

даго искусства; этотъ быстрый ходъ пошатнулъ еще неокрѣпшія его силы. Тогда это явленіе—временное, и оно также безслѣдно пройдетъ, какъ безслѣдно проходитъ лихорадка.

Будемъ же ждать и вѣрить въ лучшее и свѣтлое будущее русскаго искусства. Пишущій эти строки бралъ въ свое время уроки живописи у одного изъ нашихъ извѣстныхъ художниковъ, который неустанно повторялъ своимъ ученикамъ: «помните, васъ не спросятъ, *долго* ли вы писали картину, но спросятъ, *какъ* вы ее написали. Пишите хоть годъ, да напишите хорошо». Итакъ, побольше цѣнной работы и поменьше погони за количествомъ; больше вѣры въ себя, въ свое искусство и родину; меньше пессимизма—и тогда можно не бояться за судьбы молодаго русскаго искусства, которое ожидаетъ свѣтлое будущее.

И—о.

Digitized by Google

Прощаніе.

Простились мы—но образъ твой
Еще живетъ въ душѣ унылой
И пробуждаетъ съ новой силой
Воспоминаній свѣтлый рой.

Простились мы—и сердцу грустно,
Въ немъ глубоко погребено
То, что̀ не выразилось устно,
Что̀ было смутно и темно.

Простились мы—но наши встрѣчи
Еще блеснутъ намъ сквозь туманъ,
Какъ недосказанныя рѣчи,
Какъ недописанный романъ!

А. Гангелинъ.

Digitized by Google

ВЪ ДРЕВНЕЙ СТОЛИЦѢ ЛИТОВСКАГО КНЯЖЕСТВА.

(Изъ путевыхъ очерковъ).

I.

За станціей Корсовкой с.-петербургско-варшавской желѣзной дороги уже повѣяло «западнымъ краемъ». Евреи и еврейчики, сытые и голодные, представители наглой еврейской «буржуазіи» и жалкаго еврейскаго «демоса», стали суетливо наполнять вагоны нашего поѣзда, главнѣйшимъ образомъ третьяго класса. Вонъ пристроился въ уголку, у самой печки, худощавый, черный еврей лѣтъ 50, въ картузѣ съ оборваннымъ козырькомъ, въ старомъ засаленномъ лапсердакѣ, въ истоптанныхъ сапогахъ. Свѣсивъ голову на грудь, онъ погрузился въ тихую дремоту и ему грезятся, безъ сомнѣнія, «денежные знаки»—сей идолъ поклонниковъ талмуда и шулханъ-аруха. Сѣдые пейсы, ниспадая по вискамъ, достигаютъ его носа и видимо причиняютъ послѣднему легкое щекотаніе, которое представляется еврею, въ сладкомъ полузабытьѣ, пріятнымъ щекотаніемъ банковыхъ билетовъ. Этотъ пейсатый индивидъ, уже совершенно не встрѣчающійся на югѣ Россіи и при своемъ появленіи тамъ вызывающій насмѣшливые крики мѣстнаго еврейства: «польскій дурень», начинаетъ нынѣ и на Литвѣ составлять такую же рѣдкость, какъ зубръ Бѣловѣжской пущи. Но этого старовѣра костятъ даже его сосѣди, два толстыхъ буржуа-еврея, въ сѣрыхъ шерстяныхъ пиджачныхъ парахъ съ иголочки и фетровыхъ шляпахъ. Они усердно закусываютъ, разложивъ предъ собой на скамьѣ цѣлый дорожный буфетъ. Вонъ два ясновельможныхъ пана солидно бесѣдуютъ съ дѣловымъ выраженіемъ на ихъ упитанныхъ лицахъ, безпрерывно глядя въ окно и отъ времени до времени указывая пальцами то на поле, то на лѣсъ, мимо которыхъ мчится нашъ поѣздъ. «Отóзлòто, пане, злóто, чисты гжòгли»!—восклицаетъ одинъ изъ собесѣдниковъ, низенькій, толстенькій, вертлявый шатэнъ съ плутоватыми карими глазами. «Такъ, пане, такъ!»отвѣчаетъ высокій стройный сосѣдъ, съ выразительными сѣрыми глазами и длинными,

Digitized by Google

темнорусыми славянскими усами. Восторгъ одного изъ собесѣдниковъ, поддержанный другимъ, относится къ большой живописной площади вѣковаго сосноваго лѣса. Вонъ съ женой, нянькой и двумя дѣтками расположилися на двухъ скамьяхъ какой-то «чинъ» лѣснаго вѣдомства. Полугодовой малютка, вертясь и подпрыгивая на рукахъ няньки, съ какимъ-то особо-плохимъ акцентомъ говорящей по польски, живыми любопытными глазенками оглядываетъ отца, мать, публику, потолокъ и окна вагона. Въ этомъ послѣднемъ, — хотя уже съ половины апрѣля здѣсь стоитъ изрядная жара, — опущены лишь переднія стекла, заднія же еще наглухо привинчены къ рамѣ. Въ вагонахъ, поэтому, нестерпимая духота и сильнѣйшее зловоніе. Вотъ показывается въ дверяхъ сомнительный субъектъ, лѣтъ 25, средняго роста; онъ объявилъ себя воспитанникомъ курской гимназіи, за что-то пострадавшимъ, и начинаетъ жесточайшій романсъ для удовольствія публики. Хриплый, жосткій полутеноръ раздираетъ уши, но попадаются изрѣдка мягкія, задушевныя нотки. Появленіе этого субъекта знаменуетъ, конечно, приближеніе къ большому городу. Значитъ, Вильна уже близко. И вотъ замелькали предъ глазами знакомые холмы и овраги; некрашенные бревенчатые дачные домики запестрѣли между деревъ. Всюду кругомъ вѣчно-зеленыя сосны и ели; изрѣдка виднѣются лиственницы, осыпанныя распускающимися почками. Поѣздъ нашъ пронесся по высокому, ровнёхонько срѣзанному холму, господствующему надъ сѣверо-западной частью города, и мѣрно подошелъ къ вокзалу. За еврейскими праздниками, здѣсь нѣтъ особаго оживленія. Лишь факторы гостинницъ, изо всѣхъ силъ перегинаясь за перила особой рѣшетки, устроенной у самой выходной двери, усерднѣйше зазываютъ проходящую публику, только что высадившуюся изъ поѣзда, въ свои отели, щеголяя фигуральнымъ описаніемъ ихъ удобствъ и соперничая другъ съ другомъ низкими цѣнами ихъ нумеровъ. Пара хорошихъ лошадей, запряженныхъ въ дрянной, истрепанный экипажъ, шибко понесла меня съ моими чемоданами по главной Большой улицѣ города. Упираясь перпендикуляромъ въ желѣзнодорожные холмы,—замѣнившіе здѣсь обычную желѣзнодорожную насыпь, — улица эта, достаточно широкая, проходитъ подъ сквозными воротами старинной городской стѣны, надъ которыми помѣщается знаменитая икона остробрамской Богоматери. Стѣна эта прямо пересѣкаетъ улицу, и ворота расположены какъ разъ противъ желѣзнодорожнаго моста. Высоко надъ ними виднѣются малыя, круглыя отверстія въ родѣ бойницъ. Онѣ расположены сзади иконы, и вся стѣна представляетъ довольно безформенный фасадъ средневѣковаго замка, выкрашенный розовой краской. По ту сто-

Digitized by Google

рону стѣны сооружено надъ воротами огромное окно, изъ котораго глядитъ на городъ,—богато изукрашенный и роскошно убранный,—образъ Богоматери. Съ ранняго утра до поздняго вечера, на тротуарѣ по обѣ стороны улицы преклоняютъ колѣни и молятся ревностные католики. Всякій проходящій, либо проѣзжающій туда или обратно,—будь то христіанинъ, еврей, либо магометанинъ,—снимаетъ въ этомъ мѣстѣ шапку и идетъ нѣкоторое время съ обнаженной головой во всякое время года. Дерзновенный, не обнажившій головы предъ «Маткой Боской» Остробрамской, подвергается сбитію шапки, насмѣшкамъ, брани и даже проклятіямъ.

Въ остробрамскомъ проѣздѣ, Большая улица значительно съуживается на протяженіи терезинскаго или остробрамскаго костёла, величественно возвышающагося по правую сторону при въѣздѣ въ городъ. За проѣздомъ она начинаетъ расширяться между монастырями Свято-Духовскимъ и Свято-Троицкимъ, все понижаясь и понижаясь. Далѣе, словно стремящійся по горному склону потокъ, она расширяется вдругъ въ обширную площадь, среди которой нѣсколько влѣво расположено старинное двухъэтажное зданіе бывшей виленской городской ратуши, нынѣ обращенное въ городской театръ. Въ глубинѣ обширнаго закругленія, вдающагося между домами въ правую сторону улицы, возвышается православный соборъ. За театральнымъ сквэромъ, расположеннымъ среди площади, Большая улица снова съуживается и все идетъ внизъ и внизъ, до самыхъ береговъ рѣки Виліи. Наступаютъ уже сумерки. Въ домахъ и христіанскихъ лавкахъ начинаютъ зажигать огни. Полчища еврейскихъ ребятишекъ, съ невѣроятнымъ специфическимъ гамомъ, мечутся по дорожкамъ и обнаженнымъ клумбамъ сквэра и съ чудовищнымъ гикомъ носятся по нему изъ конца въ конецъ, катя обручи отъ сельдяныхъ боченковъ и винныхъ бочекъ и набрасывая другъ другу на шею изорванные мѣшки. Толпы гуляющихъ медленно движутся внизъ и вверхъ по Большой улицѣ, наполняя большой сквэръ предъ Ботаническимъ садомъ. Степенные обыватели мирно сидятъ на скамьяхъ и глядятъ на колыхающуюся толпу. Нѣкоторые изъ нихъ безмятежно дремлютъ, свѣсивъ головы на грудь, либо запрокинувъ ихъ черезъ спинки скамей. Отблескъ вечерней зари золотитъ: зеркальную поверхность Виліи, окна католической «каѳедры», представляющей каменную громаду кирпичнаго цвѣта, расположенную вблизи берега этой рѣки; окна огромнаго однообразнаго казеннаго зданія присутственныхъ мѣстъ, помѣщающагося насупротивъ каѳедры черезъ площадь, застроенную деревянными сараями, оставшимися отъ какой-то выставки, и широкій, безформенный низъ высокой башни кирпичнаго цвѣта у самой ка-

Digitized by Google

ѳедры, представляющей ея колокольню. Печать мертвенности и непробудной дремоты, лежащая на древней столицѣ Литвы, въ этотъ вечерній часъ становится еще рельефнѣе и осязательнѣе.

Легкій холодокъ весенняго вечера даетъ себя чувствовать. Эти тихія, мечтательныя сумерки все сгущаются и сгущаются. Они напоминаютъ мнѣ историческія сумерки, какія переживали и переживаютъ нынѣ Литва и Бѣлая Русь. И какъ этотъ городъ въ неясныхъ очертаніяхъ выплываетъ теперь предо мной изъ сумерекъ, такъ и изъ-за историческихъ сумерекъ выплываетъ вся исторія этого многострадальнаго края. Вотъ на высокомъ холмѣ, на берегу Вилiи, высятся развалины стариннаго замка древней столицы русско-литовскаго государства. Задняя стѣна, выходящая на рѣку, полуразвалилась, но самый замокъ еще уцѣлѣлъ. Наверху его сдѣлана деревянная надстройка, представляющая городскую каланчу. И этотъ замокъ, напоминающій мнѣ сѣдовласаго старца, принаряженнаго въ шутовской колпакъ, глядитъ съ высоты на дремлющій городъ. Онъ пережилъ вѣка, и ихъ нѣмые свидѣтели,—не унесенные еще потокомъ времени и разбросанные тамъ и сямъ у его подножія и далѣе, далѣе до самаго края города, — напоминаютъ ему о быломъ. Вотъ направо тонетъ въ вечернемъ сумракѣ громада католической каѳедры. Она глядитъ всѣми просвѣтами между многочисленными колоннами, а три огромныхъ статуи надъ лицевымъ ея фасадомъ, кажется, стремятся оторваться отъ праха земнаго и унестись въ небо. Вонъ подальше налѣво, на изгибѣ рѣки Вилейки, сумрачно глядитъ темномалиновое зданіе бернардинскаго костёла съ его многочисленными готическими башенками и стрѣльчатыми окнами. Внизу широкаго фасада, увѣнчаннаго вверху тремя широкими зубцами, еле замѣтна низенькая, широкая дубовая дверь, уже десятки лѣтъ наглухо запертая. Это—прежній ходъ въ давно закрытый бернардинскій монастырь. Эта маленькая дверь, закругленная тупой стрѣлой, украшена рельефными рѣзными ангельчиками. Они, безмолвно слѣдившіе когда-то за каждымъ монахомъ, входившимъ въ свой монастырь и изъ него выходившимъ, теперь поблекли отъ тоски, увяли отъ скуки и покрылись слоемъ пыли и грязи. Изрѣдка пробредетъ теперь мимо нихъ прохожій по пустынной Александровской улицѣ, либо проѣдетъ крестьянская телѣга. Высоко надъ этой дверцей, на самомъ широкомъ среднемъ зубцѣ фасада, на синемъ фонѣ пригвождено большое желтое распятіе, и страдальческое лицо Богочеловѣка глядитъ съ высоты на міръ людской, погрязшій въ суетѣ и преступленіяхъ. Немного далѣе, за тѣмъ же изгибомъ Вилейки, величественно высится старинный православный Пречистенскій соборъ. Это огромное зданіе желтовато-сѣраго цвѣта переднимъ фасадомъ

Digitized by Google

своимъ выходитъ къ улицамъ, идущимъ навстрѣчу, параллельно берегу Вилейки. Надъ огромной входной дверью художественно начертано изображеніе Богоматери въ облакахъ, окруженной ангелами. Эта древнѣйшая христіанская святыня края, въ началѣ нашего столѣтія, представила «ветеринарію», т. е. скотолѣчебницу, а тридцать лѣтъ тому назадъ развалину, въ которой помѣщалась еврейская кузница. Пречистенскій соборъ построенъ при великомъ князѣ литовскомъ Ольгердѣ и возобновленъ при императорѣ Александрѣ II, о чемъ гласятъ надписи по бокамъ входа. За соборомъ идутъ, по обѣ стороны рѣки Вилейки, узкія, кривыя, извилистыя, ползущія на гору, улицы города. Замковая гора, сліяніе Виліи и Вилейки, теченіе послѣдней, Бернардинскій костёлъ и Пречистенскій соборъ образуютъ ломаный полукругъ, по которому идетъ діагональю, уклоняющейся вправо, Большая улица, пересѣкающая городъ на всемъ его протяженіи. Православный соборъ, величественно возвышающійся въ глубинѣ полукружія Театральной площади, представляетъ великолѣпный храмъ въ византійскомъ стилѣ, не имѣющій, однако, ни своего двора, ни ограды, а упирающійся своими стѣнами непосредственно въ стѣны сосѣднихъ домовъ, на подобіе католическихъ храмовъ. Далѣе, по той же сторонѣ, на пониженіи улицы—Николаевская церковь. Это стройное зданіе, окрашенное въ красную краску, выходитъ непосредственно на самую людную часть Театральной площади, тамъ, гдѣ эта площадь переходитъ въ улицу. Въ этой улицѣ сосредоточена, какъ въ фокусѣ, вся исторія города и края. Древній замокъ на берегу Виліи, хмуро глядящій съ высоты холма, отражаетъ первичный періодъ его исторіи, когда Литва цвѣла «руссизною». Католическая каѳедра знаменуетъ Литву католическую и ополяченную. Православный соборъ и Николаевская церковь выражаютъ послѣднее тридцатилѣтіе—періодъ возвышенія православія и обрусенія края. Тихія сумерки переходятъ въ темную весеннюю ночь. Ночной мракъ окутываетъ городъ густой, непроницаемой завѣсой и накладываетъ на все тѣ неопредѣленныя очертанія, какими отличается этотъ край въ настоящее время. Начинаютъ зажигать рѣдкіе фонари, еле прорѣзывающіе ночную тьму. Въ скверѣ, идущемъ отъ Ботаническаго сада далеко по берегу рѣки Виліи, скамьи наполнены «отдыхающими». Скверъ этотъ, именуемый Телятникомъ, отличается полнѣйшей темнотой и освѣщается лишь отблескомъ свѣта ближайшихъ фонарей. «Отдыхающіе» еврейскіе буржуа, сидя вплотную на всѣхъ скамьяхъ, погружены въ глубокій сонъ, а нѣкоторые издаютъ сильнѣйшій храпъ, какъ-то странно сочетающійся съ боемъ часовъ на колокольной башнѣ при католической каѳедрѣ, свистками городовыхъ и гуломъ большаго полу-семитическаго города...

Digitized by Google

II.

Весеннее солнце золотымъ сіяніемъ своимъ заливаетъ одряхлѣвшую столицу давно умершаго русско-литовскаго государства. Узкія, кривыя, ползущія по горамъ и пригоркамъ, улицы центральной части города Вильны представляются теперь во всей наготѣ своей неказистости и грязи. Эти узкія и кривыя центральныя улицы, и въ особенности невозможные зловонные переулки, въ которыхъ не могутъ разъѣхаться двѣ встрѣчныя телѣги, кишмя кишатъ народомъ. Дѣловая и трудовая жизнь города воспрянула по окончаніи пасхи еврейской и пасхи христіанской. Это дѣловое еврейское «галдѣніе», это назойливое сновань изъ стороны въ сторону, эта суета ради хлѣба насущнаго представляютъ здѣсь единственное отличіе дней будничныхъ отъ дней пасхальныхъ. Эти послѣдніе въ Вильнѣ еще скучнѣе, еще непривлекательнѣе будней. Никакихъ народныхъ гуляній, никакихъ общественныхъ развлеченій, никакого праздничнаго настроенія массъ здѣсь не существуетъ, а такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ на нѣсколько праздничныхъ дней трудовая дѣятельность пресѣкается, дѣловое движеніе пріостанавливается,—то, естественно, праздникъ пасхи былъ здѣсь скучнѣе будней, какъ и всякій праздникъ, вообще, въ Вильнѣ монотоннѣе будничныхъ дней. И не только монотоннѣе, но даже и темнѣе, ибо закрытые лавки и магазины не даютъ того свѣта, который, при слабости существующаго освѣщенія города, служитъ главнымъ его источникомъ. Поэтому Вильна могла бы желать вовсе не имѣть никакихъ праздниковъ. Этого, кажется, и желаетъ жидовское ея населеніе. Какъ гудитъ, снуётъ, суетится, копошится и бѣгаетъ оно сейчасъ подъ жгучими лучами полуденнаго солнца! Улицы Большая, Нѣмецкая, Трокская, Благовѣщенская и Виленская являются базисомъ этого движенія. Но небольшое сравнительно пространство между улицами Большой, Нѣмецкой и Благовѣщенской, это — какой-то адъ, не похожій ни на адъ Данта, ни на адъ пана Твардовскаго. До-нельзя узкія, грязныя и вонючія улицы, переулки и закоулки буквально набиты бѣднымъ людомъ, производящимъ свои покупки и закупки въ темныхъ, крохотныхъ, грязныхъ лавчонкахъ. Въ разныхъ мѣстахъ этихъ улицъ: Еврейской, Стеклянной и т. д. переброшены между домами старыя закоптѣлыя, обсыпавшіяся арки. Когда, кѣмъ и для чего сооружены эти арки?—вопросъ, разрѣшить который не такъ-то легко. Необходимо нарядить для этого особую археологическую комисію. На языкахъ польскомъ и русскомъ лохматыя, растрепанныя, раскраснѣвшіяся торговки-еврейки зазываютъ къ себѣ покупателей,

Digitized by Google

сплошь да рядомъ дергая ихъ за рукава и притягивая за полы. Однако, невзыскательные покупатели торговыхъ заведеній виленскаго ада, представляющаго несомнѣнно уцѣлѣвшій еще остатокъ средневѣковой Вильны, не только не обижаются подобными притягательными торговыми пріемами, но даже склонны видѣть въ нихъ знаки нарочитаго къ своимъ особамъ вниманія и уваженія, ибо если «пана» не только зазываютъ, но даже тянутъ въ лавку, то значитъ его считаютъ человѣкомъ со средствами, солиднымъ покупателемъ, а для крестьянина, ремесленника, солдата подобное мнѣніе все таки лестно. Всѣ улицы ада постепенно понижаются къ Благовѣщенской улицѣ и Дворцовой площадкѣ, и потому по нимъ безпрерывно пробѣгаютъ обильные ручьи мутной жидкости, соединяющей въ себѣ всю грязную воду отъ мойки бѣлья, выливаемую прямо на мостовую, всѣ помои, стекающіе со дворовъ, разный варъ изъ промышленныхъ заведеній и т. п. Ручьи эти издаютъ нестерпимое зловоніе и каждаго, не обжившагося и не обтерпѣвшагося еще въ Вильнѣ, заставляютъ бѣжать безъ оглядки. За театральнымъ сквэромъ, вблизи мяснаго рынка, непосредственно расположеннаго у зданія театра, на пересѣченіи Большой улицы со Стеклянной, въ этомъ преддверіи ада, толпятся на тротуарѣ торговцы готовымъ платьемъ, съ брюками и жилетами въ рукахъ, шапочники съ фуражками, торговцы фруктами съ корзинами, и т. д. Этотъ грязный авангардъ торговой арміи Вильны способенъ серьезно устрашить посѣтителя, непривычнаго къ мѣстнымъ торговымъ порядкамъ.

Но за узкими, грязными, кривыми, то повышающимися, то понижающамися центральными улицами идутъ уже широкія, свѣтлыя, чистыя окраинныя улицы, наполненныя садами и палисадниками. Бо́льшая часть Завальной улицы, Большая и Малая Погулянки—это одинъ сплошной садъ, въ исходѣ апрѣля наполненный густой и разнообразной зеленью, цвѣтами черемухи и сирени, и исполненный чуднымъ благоуханіемъ, представляющимъ столь рѣзкій контрастъ со зловоніемъ центральной части города. А тамъ, за этими садами, сплошная цѣпь холмовъ, прорѣзанныхъ обрывистыми оврагами и глубокими долинами и покрытыхъ густыми хвойными лѣсами, мѣстами смѣшивающимися съ лиственницей. Эта живописная цѣпь неправильнымъ кольцомъ окружаетъ старинный городъ и какъ-то сумрачно глядитъ на него. Бельмонтъ, Леони́шки, Виѳлеемъ, Закретъ, Звѣринецъ—это чудныя рощи, съ разныхъ сторонъ окружающія Вильну. Звѣринецъ положительно великолѣпенъ. Вилія, широкая, мелкая рѣка съ не очень быстрымъ теченіемъ по песчаному и каменистому руслу, подковообразно огибаетъ городъ. Если провести правильную линію въ нижней части

Digitized by Google

этого подковообразнаго круга, то линія эта представитъ Георгіевскій проспектъ, самую широкую, самую чистую и правильную улицу города. На лѣвой оконечности этой линіи окажется Замковая гора—и, стоящій у подножія ея, католическій каѳедральный соборъ, а на правой — недавно выстроенный николаевскій мостъ. Тотчасъ за этимъ мостомъ, противоположный берегъ Виліи круто подымается вверхъ и сплошь покрытъ вѣковымъ сосновымъ лѣсомъ. Это и есть Звѣринецъ. На нѣкоторомъ разстояніи отъ склона этого возвышеннаго берега, идетъ слѣдъ узкой насыпи съ обломками густаго частокола, нынѣ постепенно сгнивающими. Значительная часть этой великолѣпной сосновой рощи была когда-то огорожена высочайшимъ частоколомъ, разбита на участки и въ нихъ разгуливали на относительной свободѣ дикіе звѣри, вывезенные изъ разныхъ странъ свѣта. Это былъ, такъ сказать, естественный звѣринецъ, сообщившій свое наименованіе всей рощѣ. Башня при католической каѳедрѣ и современный звѣринецъ,—эти два противоположныхъ пункта, которыми начинается и заканчивается Георгіевскій проспектъ,—являютъ собой два крайнихъ момента исторіи цивилизаціи на Литвѣ. На мѣстѣ этой башни горѣлъ когда-то, въ непроходимой рощѣ, неугасаемый священный огонь языческой Литвы, *знич*; густая роща звѣринца—нынѣ прорѣзана правильными аллеями и въ ней настроено множество большихъ дачъ, куда устремляется на лѣто болѣе зажиточная часть горожанъ. «Маріинская аллея», «Аллея генерала Коханова», «Аллея генерала Ганецкаго» и т. д. гласятъ крохотныя синія дощечки, прибитыя къ довольно высокимъ столбамъ на пересѣченіяхъ правильныхъ просѣкъ, еще такъ недавно прорубленныхъ рукой человѣческой въ густомъ бору, остававшемся вѣками нетронутымъ. Вилія дѣлаетъ у звѣринца колѣнообразный изгибъ вправо и, пройдя незначительное протяженіе между Закретомъ съ лѣвой стороны и звѣринцемъ съ правой, снова дѣлаетъ изгибъ влѣво мимо Закрета. У самаго этого изгиба, на отлогомъ возвышеніи, покрытомъ старыми-престарыми ивами,—виднѣется хорошенькая церковь-часовня, вѣчно запертая. Ничего нельзя разглядѣть внутри ея черезъ большія окна изъ разноцвѣтныхъ стеколъ. Часовня эта сооружена въ память кончины жены генералъ-губернатора, Екатерины Васильевны Потаповой. Въ послѣдніе мѣсяцы своей продолжительной болѣзни, находясь здѣсь на дачѣ, она распорядилась устроить у самой изгороди ея деревянную часовню, куда и было по смерти вынесено ея тѣло. Эта деревянная часовня была затѣмъ замѣнена нынѣшней каменной, съ соотвѣтственной надписью, и обратилась такимъ образомъ въ памятникъ супругѣ и сотрудницѣ сановника, управленіе котораго сѣверо-западнымъ краемъ

Digitized by Google

было наиболѣе продолжительно и вызывало ожесточенныя нападки ревнителей немедленнаго обрусенія края. Потаповы—«космополиты», Потаповы, не оказывавшіе явнаго и грубаго неуваженія къ римско-католическому духовенству; Потаповы, создавшіе общество «Доброхотной копѣйки», поставившее своей цѣлью широкую благотворительность, безъ различія вѣроисповѣданій, и отвлекшее значительныя силы отъ виленскаго Свято-Духовскаго братства, были ненавистны сторонникамъ крутой руссификаціонной политики. Но, по странной игрѣ судебъ, изо всѣхъ «генералъ-губернаторшъ» края одна лишь Потапова оставила по себѣ, какъ памятникъ рукотворный, въ видѣ этой хорошенькой часовни въ Звѣринцѣ, такъ и нерукотворный, въ видѣ общества «Доброхотной копѣйки», навсегда связаннаго съ именемъ своей учредительницы. Генералъ-губернаторская дача, обнесенная высокимъ частоколомъ, стоитъ теперь наглухо заколоченной и необитаемой. А всюду вокругъ кипитъ жизнь, разнообразная, одушевленная, многозвучная жизнь матери-природы. Кое-какія дачи уже заняты ранними дачниками. Дѣтишки копошатся въ травѣ и бѣгаютъ по лѣсу, и ихъ звонкіе голоски, точно колокольчики, разносятся по сумрачной лѣсной чащѣ.

Врядъ ли найдется въ Россіи другой большой городъ, въ которомъ было бы еще столько остатковъ средневѣковаго быта и средневѣковаго жизненнаго склада, какъ здѣсь, въ Вильнѣ. Всѣ старыя улицы города застроены сплошь, безъ всякихъ промежутковъ, такъ что всякій домъ имѣетъ лишь двѣ своихъ собственныхъ стѣны: переднюю и заднюю, боковыя же стѣны у него общія съ двумя сосѣдними домами. Изъ подобнаго порядка проистекаютъ, при постройкахъ, надстройкахъ и перестройкахъ, нескончаемыя недоразумѣнія, безконечные споры и безпрерывные процессы. Эти своеобразные, *стѣнные* процессы способны сбить съ толку наилучшаго юрисконсульта и поставить втупикъ наилучшаго судью. Отличаются еще своеобразной особенностью и мѣстные квартирные порядки. Квартиры сдаются здѣсь лишь два раза въ годъ: на Юрія (23 апрѣля), на весеннее полугодіе, и на Михаила (29 сентября), на осеннее. Этотъ средневѣковый обычай сохраняется здѣсь до сихъ поръ и порождаетъ, при условіяхъ современнаго быта, множество неудобствъ, недоразумѣній и злоключеній. Если домовладѣлецъ пожелаетъ отдѣлать квартиру, либо дезинфецировать ее послѣ жильцовъ, больныхъ заразными болѣзнями, то онъ рискуетъ не сдать ея на цѣлое полугодіе. Съ другой стороны, наниматель вынужденъ въѣзжать въ квартиру неотдѣланную, неочищенную, непровѣтренную и недезинфецированную послѣ заразныхъ больныхъ. Случается нерѣдко, что весенній срокъ (23 апрѣля) приходится на пасхальную недѣлю и даже на первые

Digitized by Google

три дня пасхи. Генералъ-губернаторы издаютъ въ такихъ случаяхъ особое воззваніе къ домовладѣльцамъ, увѣщевая послѣднихъ не вытѣснять жильцовъ изъ ихъ квартиръ въ столь большой праздникъ и не нарушать тѣмъ благолѣпія и спокойствія праздничныхъ дней. Все это «было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно». Подобная живучесть явно нелѣпаго и вреднаго обычая, идущаго въ разрѣзъ со всѣмъ складомъ современнаго быта большаго города, представляется непостижимой. Мнѣ пришлось на сей разъ быть невольнымъ свидѣтелемъ виленскаго весенняго «великаго переселенія народовъ». Оно пришлось въ настоящемъ году на субботу пасхальной недѣли. Съ ранняго утра большія телѣги, нагруженныя мебелью и домашнимъ скарбомъ, суетливо задвигались по городу. На дворахъ и въ улицахъ стоятъ гамъ, шумъ и суматоха. Тамъ двѣ встрѣчныя телѣги зацѣпились колесами и остановились въ такомъ положеніи, между тѣмъ какъ извощики осыпаютъ другъ друга самой отборной бранью; тамъ огромная корзина слетѣла съ самаго верха не въ мѣру нагруженнаго воза, звучно грохнулась о мостовую, разлетѣлась въ дребезги, и изъ нея, какъ изъ рога изобилія, посыпались тряпки, сапожныя щетки, щипцы, картофель и прочее; тамъ новые жильцы въѣхали во дворъ, между тѣмъ какъ старые не успѣли еще выѣхать. Молоденькая дамочка, горько рыдая и всплескивая руками, излагаетъ свои горести околодочному надзирателю у воротъ своего новаго жилья, и тотъ, тронутый ея несчастіями, увѣряетъ ее, что старые жильцы сейчасъ же выѣдутъ. Мнѣ надоѣла эта картина великаго переселенія и даже нѣсколько меня раздосадовала, ибо невольно досадуешь, когда человѣкъ страдаетъ единственно изъ-за собственной глупости, а существующій въ Вильнѣ квартирный обычай понынѣ держится единственно благодаря такой глупости. Я поспѣшилъ уйти въ Ботаническій садъ. Онъ здѣсь очень не великъ, но уютенъ. У подножія Замковой горы, по берегу Виліи, являясь какъ бы продолженіемъ этой горы, раскинулась небольшая песчаная долинка, усѣянная старыми ивами, тополями и кленами. Долинка эта, не лишенная нѣкоторой живописности, огорожена забором и наименована Ботаническимъ садомъ. Въ немъ помѣщаются: двухъэтажное каменное зданіе ресторана, деревянное зданіе лѣтняго театра и небольшая деревянная же крытая эстрада для куплетистовъ, шансонетныхъ пѣвицъ и фокусниковъ. Ничего «ботаническаго» въ саду этомъ положительно не имѣется и онъ представляется такимъ въ той же мѣрѣ, какъ и всякій лѣсокъ, всякая рощица, всякій садъ. Деревья недавно еще распустились, и потому садъ кажется нѣсколько оголеннымъ. Вилія медленно течетъ здѣсь среди двухъ высокихъ глинистыхъ горъ, въ видѣ узкой мутно-жел-

Digitized by Google

той ленточки по низкому каменистому руслу. Театръ и эстрада наглухо забиты еще съ осени и откроются съ 1 мая. Лишь ресторанъ проявляетъ признаки жизни. Выкрашенный мутно-зеленой краской, лѣтній театръ напоминаетъ скорѣе хорошую захолустную конюшню, нежели храмъ музъ. Эстрада для куплетовъ и фокусовъ достопримѣчательна своей занавѣсью. Среди нимфъ и музъ пестрѣютъ разныхъ цвѣтовъ квадратики съ надписями: «Магазинъ бѣлья. Цѣны умѣренныя», «Галантерейная торговля», «Пивоваренный и медоваренный заводъ» и пр. Трогательное соединеніе эмблемъ искусства съ торговыми объявленіями, соединеніе, безъ котораго еврей не можетъ обойтись, не переставъ быть евреемъ! Впрочемъ, если единственно въ видахъ рекламы создаются цѣлыя изданія, въ родѣ прекратившагося журнала: «Царь-Колоколъ», то почему не снабдить объявленіями разныхъ фирмъ и театральный занавѣсъ?

Е. Матросовъ.

Digitized by Google

СТРАННАЯ ИСТОРІЯ
М-РА РОБЕРТА ДЭЛЯЙЛЯ.

Романъ Олифантъ.

I.

Былъ поздній сентябрьскій вечеръ, холодный и темный, какъ часто бываетъ въ эту пору даже послѣ солнечнаго дня. Дулъ рѣзкій вѣтеръ, принося дыханіе грядущей зимы, и съ жалобнымъ стономъ кружилъ желтые листья, покрытые каплями дождя. Въ такой вечеръ никто не станетъ, ради удовольствія, прогуливаться въ саду. Тѣмъ не менѣе, у м-ра Дэляйля вошло въ обычай выкуривать послѣ обѣда сигару на свѣжемъ воздухѣ, и Фредъ, старшій изъ его дѣтей, такъ гордился возможностью сопутствовать отцу и курить съ нимъ по товарищески, что не дѣлалъ ни малѣйшихъ возраженій противъ ночнаго холода и пронизывающихъ капель дождя. Изъ оконъ гостинной Уальтона, къ которымъ по временамъ приближалась женская фигура въ свѣтломъ платьѣ и выглядывала въ садъ, видны были только вспыхивающіе огоньки двухъ сигаръ, которые двигались то быстрѣе, то медленнѣе, иногда совсѣмъ останавливаясь, и потомъ начинали двигаться съ новою быстротой.

Во всемъ восточномъ графствѣ едва ли найдется домъ красивѣе стараго Уальтона. Онъ представлялъ смѣсь французской и шотландской архитектуры, характеризующей эпоху того времени. Тамъ были башенки по угламъ кровли, которыя, по мнѣнію профановъ, напоминаютъ перечницы; были многочисленные ряды оконъ, прорѣзанные въ стройномъ гармоничномъ порядкѣ и теперь горѣвшіе веселыми огнями въ темнотѣ ночи. Каменная баллюстрада террасы вся заросла ползучими растеніями, а въ большихъ вазахъ, украшавшихъ ее, цвѣли еще пышные

Digitized by Google

осенніе цвѣты, теперь невидимые во мракѣ, но благоухающіе. Тихо журчалъ маленькій заброшенный фонтанъ. Запахъ резеды, слабый ропотъ фонтана, террасы, обвитыя зеленью, все это имѣло странный, полувосточный оттѣнокъ. Двѣ темныя фигуры медленно двигались взадъ и впередъ, отмѣченныя двумя красными точками вспыхивающихъ сигаръ, но неясныя. Можно было только различить, что одна изъ нихъ была тонкая, гибкая, юношеская; другая—болѣе солидная, принадлежащая, повидимому, человѣку въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и силы. Юноша разсказывалъ отцу съ увлеченіемъ о своей университетской жизни; отецъ слушалъ его сочувственно, съ полугрустнымъ и полуснисходительнымъ видомъ, вспоминая при этомъ свою молодость. Впрочемъ, м-ръ Дэляйль былъ еще далеко не старикъ; онъ приближался къ пятидесяти годамъ.

— Да, Фредъ!—промолвилъ онъ.—Чудное время переживаете вы, мой мальчикъ. Но помните, что жизнь состоитъ не изъ однѣхъ радостей и школьныхъ забавъ, и что, можетъ быть, завтра же васъ ожидаетъ какое нибудь горе. Я ничего не имѣю противъ развлеченій, но вы должны пріучать себя и къ труду.

— Хорошо, отецъ, — отвѣчалъ Фредъ. — Постараюсь. Не ударю въ грязь лицомъ.

— Я этого и не боюсь,—сказалъ м-ръ Дэляйль.—Но однихъ обѣщаній—мало. Необходимо болѣе вещественное доказательство.

— Я только не понимаю, — сказалъ Фредъ, немного удивленный,—чего именно вы требуете. Надѣюсь, мнѣ нѣтъ необходимости приниматься за черную работу.

— Конечно, нѣтъ. Но трудъ самъ по себѣ приноситъ огромную пользу молодымъ людямъ. Вы можете составить себѣ репутацію трудолюбиваго юноши.

— Ну, если въ этомъ все дѣло, то я не особенно забочусь о такой лестной репутаціи,—замѣтилъ юноша.

— Вы глупый мальчикъ и ничего болѣе! — возразилъ отецъ.—Хорошая репутація имѣетъ большое значеніе. Она необходима для васъ.

— Къ чему мнѣ тревожиться подобными вопросами, пока у меня есть отецъ и моя жизнь обезпечена!—отвѣчалъ юноша со смѣхомъ.

Digitized by Google

— Вотъ именно, Фредъ: это я и хотѣлъ вамъ сказать. Я не всегда буду съ вами и не всегда ваша жизнь будетъ обезпечена.

— Но вы почти также молоды, какъ я! — вскричалъ Фредъ.

— Правда, я еще не особенно старъ, но жизнь человѣческая вполнѣ зависитъ отъ случая, и молодость тутъ не имѣетъ значенія. Вамъ слѣдуетъ заранѣе обсудить свое положеніе на тотъ случай, когда я покину васъ. Часто бываетъ, что юноша вашихъ лѣтъ остается сиротой, и вмѣсто школьныхъ развлеченій принимается за тяжелый трудъ, становится главой семьи, опорой матери и сестеръ.—М-ръ Дэляйль остановился, чтобы придать больше значенія своимъ словамъ.—Я зналъ одного мальчика,—продолжалъ онъ,—въ родѣ васъ, который принужденъ былъ бросить университетъ и поступить на службу въ контору.

— Я слыхалъ о подобныхъ вещахъ,—замѣтилъ Фредъ,—хоть вы, отецъ, не особенно высокаго мнѣнія о моей опытности. Подобный случай произошелъ съ однимъ изъ моихъ товарищей. Это былъ ужасный ударъ для него. Онъ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ. Впрочемъ, — прибавилъ онъ, — его карьера не была испорчена: онъ отправился за границу искать счастья.

— И, конечно, былъ потерянъ—для своихъ товарищей, по крайней мѣрѣ?

— Ему было ужасно тяжело,—повторилъ Фредъ съ сожалѣніемъ.

— Вотъ видите!—сказалъ м-ръ Дэляйль.—То же можетъ случиться и съ каждымъ изъ васъ. Не должно забывать, что горе постоянно виситъ надъ нашей головой.

— Что съ вами, отецъ?—вскричалъ Фредъ. Мальчикъ былъ удивленъ словами отца и не могъ понять, что̀ было причиной такихъ мрачныхъ мыслей. Онъ невольно оглянулся на домъ, сіявшій веселыми огнями, позади котораго темнѣлъ паркъ и лѣсъ Уальтона; онъ не прибавилъ ни слова, но это невольное движеніе какъ бы служило возраженіемъ отцу, и противопоставляло его мрачнымъ замѣчаніямъ видъ окружающаго богатства и довольства.

— Вы хотите сказать, что у васъ еще останется Уальтонъ,

Digitized by Google

и что хотя я занятъ дѣлами, но не все держится на мнѣ одномъ,—сказалъ м-ръ Дэляйль со смѣхомъ.—Но я вовсе не говорилъ о насъ, мой мальчикъ. Я говорилъ вообще о превратностяхъ жизни. Надѣюсь, уальтонскіе Дэляйли будутъ существовать до тѣхъ поръ, пока Эдинбургскій дворецъ стоитъ на своей скалѣ. Этихъ словъ совершенно достаточно. Но жизнь представляетъ людямъ странные сюрпризы, и я желалъ бы—если ужь вы заставили меня высказаться—чтобъ вы были готовы ко всему. Вѣдь вамъ придется взять на себя всѣ дѣла, Фредъ, — прибавилъ онъ черезъ минуту, отряхая пепелъ со своей сигары о каменную баллюстраду террасы, и снова засмѣялся страннымъ смѣхомъ.—Ваша дорогая мать никогда не была практичной и привыкла, чтобы о ней заботились другіе. Если когда нибудь вы займете мое мѣсто въ домѣ, не пытайтесь обращаться къ ней за совѣтами.

— Не говорите такихъ ужасныхъ вещей, — стремительно возразилъ Фредъ.—Къ чему говорить о томъ, что, Богъ дастъ, никогда не случится? Вы меня огорчаете, папа.

— Мой дорогой мальчикъ!—проговорилъ м-ръ Дэляйль,—нельзя безнаказанно считать себя взрослымъ. Приходится платить извѣстную дань, въ родѣ бритья бороды и другихъ непріятныхъ обязанностей. Противъ бритья бороды вы ничего не имѣете, но почему же вы не хотите слышать объ остальномъ?

— Бритье—вещь неизбѣжная,—отвѣтилъ Фредъ, покручивая воображаемые усы.

— О! въ самомъ дѣлѣ?—спросилъ м-ръ Дэляйль съ болѣе веселымъ смѣхомъ.—Вамъ еще можно подождать нѣсколько лѣтъ; не утѣшайтесь напрасною надеждой. Въ которомъ часу отправляетесь вы завтра на свой балъ? Хорошо быть свѣтскимъ молодымъ человѣкомъ, любимцемъ прекраснаго пола! Пріятно чувствовать себя студентомъ и наслѣдникомъ Уальтона, не правда ли?

— Видите ли, отецъ,—замѣтилъ Фредъ,—я знаю Скримджеровъ съ самаго дѣтства и незачѣмъ ставить вопросъ на такую точку. Буду ли я наслѣдникомъ Уальтона, или не буду—это не сдѣлаетъ разницы въ ихъ отношеніяхъ ко мнѣ.

— Будемъ надѣяться!—проговорилъ м-ръ Дэляйль съ легкимъ вздохомъ, который вмѣстѣ съ порывомъ осенняго вѣтра печально и болѣзненно отозвался въ сердцѣ Фреда. Юноша до-

Digitized by Google

садовалъ на себя за это тоскливое чувство, для котораго рѣшительно не было никакой причины. Только суевѣрный ребенокъ можетъ такъ дрожать, какъ онъ, словно въ лихорадкѣ. Это просто безсмысленный страхъ. Онъ не такой человѣкъ,—думалъ юноша съ негодованіемъ,—чтобы дрожать отъ нелѣпыхъ предчувствій. Уальтонъ полонъ довольства и безмятежнаго покоя, а его отецъ обладаетъ силой и здоровьемъ слона. Ночь была темная, на отдаленномъ горизонтѣ виднѣлся блѣдный, таинственный свѣтъ посреди разорванныхъ облаковъ. Деревья чернѣли, утопая во мглѣ, на блѣдномъ востокѣ неясно рисовались линіи холмовъ. Было холодно, и въ воздухѣ чувствовалось дыханіе приближающейся зимы. Кружились листья, нѣжно и безшумно опускаясь на землю. Ночь была мрачная, унылая, зловѣщая. Въ Уальтонѣ не было привидѣній, но старая Жанета разсказывала, что она слышала на большой аллеѣ звуки, всегда предвѣщавшіе Уальтону несчастье—словно по аллеѣ къ дому приближался невидимый всадникъ, глухо звучали о землю копыта лошади, но никто не появлялся. Фредъ невольно сталъ прислушиваться, вопреки суевѣрному мнѣнію, что этимъ можно накликать себѣ бѣду. Но не было слышно ни звука, только стоналъ осенній вѣтеръ, кружа сухіе листья, и со скрипомъ гнулись обнаженныя деревья.

— Войдемъ въ комнаты, Фредъ, я докурилъ свою сигару,—произнесъ м-ръ Дэляйль, и тутъ, по странному совпаденію, ему, какъ и Фреду, пришла на мысль старая Жанета. Они подымались по каменнымъ ступенькамъ террасы, когда отецъ внезапно положилъ руку на плечо сына:

— Вы станете смѣяться,—проговорилъ онъ серьезнымъ тономъ,—когда услышите, что я вамъ скажу. Но если когда нибудь вы найдете себя въ затрудненіи, и не будете знать, какъ вамъ поступить въ случаѣ моего отсутствія, знаете ли, къ кому вы должны обратиться за совѣтомъ? Къ тому, о комъ вы, конечно, менѣе всего думаете—къ старой Жанетѣ! Вамъ извѣстно, что она провела въ Уальтонѣ всю жизнь. Нѣтъ такой вещи, которую бы она не сдѣлала для каждаго изъ нашей семьи; она необычайно мягкосердая старушка, и, кромѣ того, обладаетъ сильнымъ умомъ.

— Я не люблю старую Жанету, — рѣшительно заявилъ юноша.

Digitized by Google

— Вы всѣ ее не долюбливаете. Ваша мать никогда не была къ ней расположена. Это предразсудокъ. Для меня же старая Жанета неоцѣнима.

— Если вамъ все равно, отецъ,—возразилъ Фредъ упрямо,—то я предпочелъ бы не обращаться за совѣтомъ къ этой старухѣ—къ вашей старой нянькѣ. Что она можетъ посовѣтовать? Конечно, ваше доброе мнѣніе о ней имѣетъ какія нибудь основанія.

— Впрочемъ, не станемъ болѣе говорить объ этомъ. Но—помни! какъ сказалъ король Чарльзъ.

Они остановились на площадкѣ между двумя лѣстницами. Гирлянда желтой настурціи, висѣвшая изъ большой вазы, украшавшей террасу, выдѣлялась даже во мракѣ своими золотистыми цвѣтами, и Фредъ ощущалъ ихъ острое благоуханіе. Неясныя тѣни деревьевъ тонули во мглѣ, черная ночь скрывала отдаленный пейзажъ, а холодный ясный свѣтъ неба казался строгимъ взоромъ зрителя, который смотритъ на сцену и знаетъ гораздо болѣе, чѣмъ всѣ актеры, которые когда либо выступали или будутъ выступать передъ нимъ. Фредъ снова почувствовалъ дрожь и поднялъ плечи.

— Вамъ надо войти въ комнату и принять немного камфоры, мой мальчикъ. Вы простудились,—сказалъ ему отецъ.

Гостинная Уальтона находилась въ нижнемъ этажѣ, хотя въ большинствѣ помѣщичьихъ домовъ ее обыкновенно устраиваютъ въ верхнемъ, чтобы наслаждаться красивымъ видомъ изъ оконъ. Въ нижнемъ этажѣ много мѣста занимала передняя, выходившая на парадный подъѣздъ и довольно скудно освѣщенная для англійскаго климата, дающаго слишкомъ мало солнца и много тумана, а потому эта комната была непригодна для инаго употребленія. М-съ Дэляйль была нервная, болѣзненная женщина, любила солнечный свѣтъ, и большія окна стариннаго шотландскаго дома нравились ей. Даже по вечерамъ не опускались занавѣсы на центральныхъ окнахъ, и каждую минуту желающій могъ перейти отъ веселаго зрѣлища ярко освѣщенныхъ теплыхъ комнатъ къ мрачному пейзажу ненастной осенней ночи. Комнаты были ярко освѣщены многочисленными лампами и свѣчами, и каминъ, который, по шотландскому обычаю, топили каждый вечеръ, распространялъ пріятную теплоту. Общество, наполнявшее гостинную, состояло изъ м-съ

Digitized by Google

Дэляйль, двухъ ея дочерей и джентльмена среднихъ лѣтъ, съ непринужденными, хотя нѣсколько чопорными манерами, близкаго друга дома—м-ра Патрика Веддерборна, самого уважаемаго человѣка въ Эдинбургѣ, опытнаго юриста и для всѣхъ желаннаго гостя. Нѣтъ надобности объяснять, что онъ происходилъ изъ почтенной шотландской фамиліи и вращался въ лучшемъ обществѣ, хотя поддерживалъ только дѣловыя отношенія съ друзьями. Онъ былъ самый ближайшій другъ м-ра Роберта Дэляйля и самый частый гость изъ той кучки интимныхъ знакомыхъ, которые звали уальтонскаго владѣльца попросту «Бобомъ», и знали всѣ его дѣла, какъ свои пять пальцевъ. Пэтъ Веддерборнъ—какъ его называли въ семьѣ Дэляйлей — былъ старый холстякъ и, слѣдовательно, не имѣлъ собственнаго очага, у котораго такъ пріятно сидѣть по вечерамъ. Онъ также часто бывалъ въ Уальтонѣ, какъ и въ своемъ собственномъ красивомъ, но скучномъ домѣ на Энсли-Плесъ, гдѣ, за исключеніемъ званыхъ обѣдовъ, комнаты оставались всегда такими безмолвными, такими уединенными. Ни дѣвушки, ни м-съ Дэляйль, не старались занимать м-ра Веддерборна. Онъ сидѣлъ въ покойномъ креслѣ и читалъ газеты, въ то время какъ дамы бесѣдовали между собой. Можно было подумать, что онъ старый дядюшка. По временамъ, онъ безъ церемоніи перебивалъ ихъ бесѣду, читалъ имъ отрывки изъ газетъ или дѣлалъ какія нибудь замѣчанія. Онъ не стѣснялся также дѣлать замѣчанія Сизи, которая часто коверкала слова, или говорить Алисѣ, что она вертушка, и не можетъ посидѣть спокойно даже пяти минутъ. И такъ какъ замѣчанія эти дѣлались изъ-за газетныхъ листовъ и самымъ отрывистымъ тономъ, то каждому могло показаться, что м-ръ Веддерборнъ чувствовалъ себя здѣсь совершенно какъ дома. Слѣдуетъ прибавить, что газеты—т. е. лондонскія газеты—получались въ Эдинбургѣ только вечеромъ. Когда м-ръ Дэляйль вошелъ въ гостинную, дамы говорили про балъ у Скримджеровъ, на который завтра отправляется Фредъ.

— Я думаю, что они могли бы пригласить и меня, — замѣтила Сизи недовольнымъ тономъ.—Я однихъ лѣтъ съ Люси Скримджеръ. Я не виновата, мама, что вы меня до сихъ поръ не вывозите. Вѣдь всѣ знаютъ, что мнѣ уже восемнадцатый годъ.

Digitized by Google

— Да, конечно, вы не виноваты. Мнѣ страшно надоѣли ваши разговоры объ этомъ, —отвѣтила м-съ Дэляйль,— и хотя вы воображаете, что можете вертѣть мной, какъ угодно, у меня есть свое мнѣніе насчетъ нѣкоторыхъ вещей. Я думаю, между прочимъ, что дѣвицамъ не слѣдуетъ выѣзжать слишкомъ рано. Тогда каждый можетъ сказать: «Ахъ, Сизи Дэляйль! я могу по пальцамъ пересчитать ея годы. Она начала выѣзжать въ такомъ-то году, значитъ ей тогда было девятнадцать лѣтъ, по крайней мѣрѣ». Вотъ что могутъ сказать про васъ люди.

— А если и скажутъ—не велика бѣда!—воскликнула Сизи.— Когда у меня волосы причесаны по модному, мнѣ всѣ даютъ восемнадцать лѣтъ.

— Все это прекрасно, моя милая, пока вы молоды; но подождемъ до того времени когда вамъ стукнетъ тридцать или тридцать пять. Теперь вы готовы прибавить себѣ нѣсколько лѣтъ, а тогда станете убавлять.

— Надѣюсь,—проговорилъ м-ръ Веддерборнъ изъ-за своей газеты, — что тогда она уже не будетъ называться Сизи Дэляйль.

— Вотъ ужь нѣтъ!—отвѣчала Сизи презрительно.—Даже еслибы мнѣ было сорокъ лѣтъ, я не стану скрывать этого. Къ чему убавлять годы, когда стоишь одной ногой въ могилѣ?

— Мамѣ уже сорокъ, если не болѣе,—замѣтила Алиса,— но однако никто не скажетъ, что она стоитъ одной ногой въ могилѣ.

— Ахъ, Боже мой!—опять воскликнула Сизи,—не все ли равно, къ какіе годы человѣкъ становится дряхлымъ и отсталымъ.

— Сизи, не смѣйте говорить про маму такъ дерзко!

— Сизи, вы неправильно произносите слова, — послышалось, изъ-за газеты, замѣчаніе м-ра Веддерборна.

— Полагаю, что м-ръ Веддерборнъ не находитъ въ этихъ словахъ ничего дурнаго. Мужчины всегда поощряютъ насмѣшки дочерей, направленныя противъ матери. Но вы, Сизи, могли бы и сами понять, что не слѣдуетъ издѣваться надо мной. Какъ я ни смѣшна, но я всегда была для васъ доброй матерью.

— О, мама, развѣ я говорила что нибудь подобное?—вскричала Сизи порывисто и кинулась къ матери на шею.—Я только хотѣла сказать, что теперь вы ничѣмъ не интересуетесь.

Digitized by Google

Вы равнодушны къ тому, что Люси будетъ танцовать всю ночь въ своемъ газовомъ платьѣ, какъ описывается въ романахъ, а я въ десять часовъ должна идти спать. Тогда только что начнется балъ. И подумать только, что они вѣдь пригласили же Фреда! А меня, подругу Люси и Дэви, и не подумали пригласить—даже не попытались. Еслибъ они пригласили—о, я вѣдь ихъ старый другъ!—то, можетъ быть, вы и пустили бы меня, мама.

— Знаете что̀, Сизи,—проговорилъ Фредъ, только что вошедшій въ комнату. — Я поѣду къ нимъ завтра утромъ и попрошу прислать вамъ приглашеніе. Они сдѣлаютъ это для меня.

Сизи взглянула на него съ минутнымъ проблескомъ надежды, но потомъ лицо ея омрачилось.

— Для васъ?—повторила она съ презрѣніемъ.—Если это будетъ только для васъ, я предпочту остаться дома. Я и сама что нибудь да значу. Я—старая подруга Люси Скримджеръ. Если это для нея ничего не значитъ, и для Дэви также—я не хочу о нихъ и думать!—вскричала Сизи въ порывѣ негодованія.

— Я не стала бы имъ кланяться, еслибъ они такъ поступили со мной,—замѣтила Алиса.

— Это было бы глупо!—вскричала Сизи, обращая на сестру глаза, полные слезъ.—Разомъ потерять и балъ, и друзей. Вѣроятно, они имѣли причину такъ поступить. Можетъ быть, у нихъ слишкомъ много дѣвицъ и мало кавалеровъ, потому они и пригласили Фреда. Или, можетъ быть... нѣтъ, я непремѣнно заговорю съ Люси, какъ только ее увижу, но приму такой важный видъ, какъ будто знакомство съ ней меня вовсе не интересуетъ.

— Едва ли вамъ это удастся; не легко принять на себя важный видъ, моя дорогая.

— Что̀ новаго въ газетахъ, Патрикъ? — спросилъ м-ръ Дэляйль.

— Когда джентльмены начинаютъ говорить о политикѣ, дамамъ лучше всего удалиться,—замѣтила м-съ Дэляйль.—Сегодня, однако, вы начинаете свои дебаты ранѣе обыкновеннаго. Робертъ, вы поѣдете завтра въ городъ съ утреннимъ поѣздомъ? Надѣюсь, вы постараетесь возвратиться пораньше, потому что

Digitized by Google

Фредъ тоже уѣдетъ, и у насъ не останется никого изъ мужчинъ, кромѣ слугъ.

— Что же изъ этого, Амелія? У васъ найдутся защитники, даже еслибы я совсѣмъ не возвратился.

— Робертъ! подобныя шутки неумѣстны. Я всегда боюсь оставаться одна въ этомъ большомъ старомъ домѣ. Когда вспомнишь разсказы старой Жанеты, такъ просто волосы становятся дыбомъ.

— Возвращайтесь поскорѣе, Бобъ, чтобы успокоить жену,— замѣтилъ м-ръ Веддерборнъ, опять погруженный въ чтеніе газетъ.

— Хорошо, хорошо! отчего мнѣ не возвратиться поскорѣе?—отвѣчалъ м-ръ Дэляйль беззаботно. Потомъ онъ со смѣхомъ обратился къ женѣ:—Не обращайте вниманія на старую Жанету и ея фантастическіе разсказы. Она любитъ нашъ домъ. Она изучила всѣ его уголки, сверху до-низу, и навѣрное знаетъ, гдѣ помѣщается потайная комната.

— Я не вѣрю глупымъ сказкамъ о потайныхъ комнатахъ,— отвѣтила м-съ Дэляйль. — Такія вещи происходятъ только въ романахъ; Уальтонъ для этого не годится.

— Онъ ни для чего не годится, мама!—вскричала Сизи съ негодованіемъ.—Недѣлю назадъ я слышала въ аллеѣ всадника, и такъ ясно...

— Что такое вы говорите, Сизи?—спросилъ м-ръ Дэляйль рѣзко.

— О! я хотѣла сказать, что слышала, какъ дождь барабанилъ по листьямъ,—испуганно отвѣтила дѣвушка.

— Сизи всегда скажетъ какую нибудь нелѣпость,—промолвила ея мать. — Собирайте-ка свою работу, дѣти: пора уже идти спать.

II.

М-ръ Веддерборнъ отправился въ Эдинбургъ съ раннимъ поѣздомъ, съ которымъ обыкновенно ѣздили всѣ дѣловые люди и чиновники. Но м-ръ Дэляйль, который не былъ вполнѣ дѣловымъ человѣкомъ, поѣхалъ позже. Ему не было надобности присутствовать въ конторѣ ежедневно. Онъ былъ директоромъ желѣзнодорожной компаніи и, за исключеніемъ обязательныхъ акціонерныхъ засѣданій, имѣлъ каждую недѣлю нѣсколько свободныхъ дней.

Digitized by Google

Но сегодня м-ръ Дэляйль поднялся ранѣе обыкновеннаго—въ Уальтонѣ вставали довольно поздно—и началъ суетиться, укладываясь и безпрерывно переходя изъ уборной въ библіотеку, а изъ библіотеки въ уборную, причемъ нарушалъ утренній сонъ м-съ Дэляйль. Казалось, онъ былъ очень занятъ какими-то приготовленіями въ путь. Даже когда прозвонилъ колоколъ, призывавшій къ завтраку, онъ успѣлъ дважды заглянуть въ библіотеку, говоря, что забылъ тамъ какую-то вещь. «Право, сегодня вы такъ озабочены, словно сдѣлались премьеромъ», съ досадой замѣтила м-съ Дэляйль, которая уже наливала мужу кофе и основательно думала, что завтракъ, стынущій на столѣ, гораздо важнѣе всякихъ министерскихъ заботъ. «Робертъ!» наконецъ крикнула она въ отчаяніи: «Завтракъ совершенно остынетъ». «Иду! иду!» отозвался м-ръ Дэляйль. Было странно, что онъ такъ равнодушенъ къ горячему жаркому. Но зато м-съ Дэляйль сердилась и негодовала за двоихъ. «Ну, стоитъ ли заботиться, послѣ этого, о вашемъ отцѣ?» жалобно говорила она дѣтямъ. «Не горюйте, матушка», отозвался Фредъ, «я люблю горячій соусъ, и ваши труды не пропадутъ напрасно». М-съ Дэляйль взглянула на сына съ такимъ видомъ, какъ будто его вкусы мало измѣняли настоящее положеніе вещей, но все же ее немного утѣшилъ добродушный взглядъ голубыхъ юношескихъ глазъ. Онъ не былъ особенно красивъ. Это былъ типъ шотландскаго юноши: свѣтло-каштановые волосы въ густыхъ завиткахъ, которые трудно было расчесывать, нѣжные, смѣющіеся глаза, умѣренныя черты, немного вздернутый носъ; ростъ выше средняго, сложеніе красивое и сильное; словомъ, это былъ пріятный двадцатилѣтній юноша, немного легкомысленный и поверхностный, и еще не успѣвшій извѣдать глубину житейскаго моря. Принявшись за блюдо жареныхъ почекъ, онъ кивнулъ матери головой, и улыбка его была заразительно весела. Но м-съ Дэляйль не была легкомысленной женщиной. Ее не легко было развеселить. Она не допускала противорѣчій и не любила встрѣчать улыбку въ то время, когда была огорчена равнодушіемъ къ своей стряпнѣ. Если вы забывали свой чай, пока онъ былъ совершенно холоденъ, м-съ Дэляйль принимала это, какъ личное оскорбленіе. Что касается другихъ, болѣе важныхъ вопросовъ, она ими не интересовалась. Это дѣло мужчинъ разрѣшать всякіе важные вопросы. А ея обязанности со-

Digitized by Google

стоятъ въ томъ, чтобы заботиться о домашнемъ комфортѣ, и чтобы во-время былъ поданъ горячій завтракъ или обѣдъ. Въ награду за эти материнскія и хозяйственныя заботы, ее должны избавить отъ всякихъ дѣловыхъ и мудреныхъ размышленій. Она часто говорила, что ничего не понимаетъ въ дѣлахъ мужа. Короче сказать, м-съ Дэляйль была того сорта женщина, которая немыслима безъ семьи и хозяйственныхъ заботъ. Въ этомъ смыслѣ трудно было найти лучшую хозяйку, жену и мать, чѣмъ она. И она страшно негодовала теперь на мужа за то, что онъ оставляетъ свой завтракъ безъ вниманія. Никогда еще м-ръ Дэляйль не былъ такъ несносенъ, какъ сегодня.

— Идите и скажите отцу,—промолвила она наконецъ,—что уже пора ѣхать. Я не позволю ему уѣхать безъ завтрака. Поэтому объясните ему, что если онъ не сядетъ тотчасъ же за столъ, ему нечего и думать о поѣздкѣ въ Эдинбургъ.

— Я здѣсь, Амелія, здѣсь,—отозвался м-ръ Дэляйль, вбѣгая въ столовую и садясь на свое мѣсто.—Что тамъ такое, Фредъ? А! почки и ветчина.

— Совершенно холодныя, — мрачно проговорила м-съ Дэляйль.

— Ничего не значитъ, моя дорогая. Я съѣмъ немного почекъ и выпью чашку кофе съ молокомъ. Я часто просилъ васъ не заботиться обо мнѣ.

— Но еще чаще я говорила, что буду заботиться о васъ. О комъ же заботиться, если не о главѣ семьи?

Онъ бросилъ на жену взглядъ, и Фредъ, еще не забывшій вчерашняго разговора съ отцомъ, поймалъ этотъ взглядъ и почувствовалъ странную боль въ сердцѣ; но м-съ Дэляйль ничего не замѣтила. Въ этомъ взглядѣ было много любви и нѣжности. Но не это смутило юношу: сквозь любовь и нѣжность просвѣчивала какая-то тревога; но почему же его отецъ будетъ съ тревогой смотрѣть на мать? Въ этомъ взглядѣ было что-то, заставившее юношу поднять голову отъ своей тарелки и сказать внезапно: «Вы никуда не уѣзжаете, отецъ?»

Глаза отца обратились на него съ испугомъ.—Уѣзжаю?—спросилъ онъ.—Куда же мнѣ ѣхать? И почему вамъ пришла въ голову такая нелѣпость?

— О, безо всякой причины!—беззаботно отвѣчалъ Фредъ, но на сердцѣ у него оставалось тяжело по прежнему: вопросъ,

Digitized by Google

мучившій его, не былъ разрѣшенъ, и юноша мысленно рѣшилъ, что если въ теченіе дня будетъ получена отъ м-ра Дэляйля телеграмма, извѣщающая, что дѣла призываютъ его въ Лондонъ, онъ, Фредъ, не будетъ удивленъ этой телеграммой.

— Мнѣ некуда ѣхать, — сказалъ м-ръ Дэляйль и прибавилъ:—развѣ только вздумаю отправиться въ Портобелло, чтобъ выкупаться въ морѣ. Ничто такъ не освѣжаетъ человѣка, какъ морское купанье. Я только окунусь одинъ разъ и буду здѣсь съ четырехъ-часовымъ поѣздомъ.

— Надѣюсь, вы не станете купаться одни. Ваше плаваніе можетъ кончиться тѣмъ, что вы утонете.

— Утонуть на пескахъ Портобелло! Я возьму съ собой Пэта Веддерборна, онъ меня спасетъ,—со смѣхомъ отвѣтилъ м-ръ Дэляйль. Но смѣялись только его губы, глаза же оставались совершено серьезны, и это было тѣмъ болѣе странно, что м-ръ Дэляйль имѣлъ смѣющіеся глаза, окруженные юмористическими лучистыми морщинками, и одно уже комичное предположеніе сдѣлать м-ра Веддерборна спасителемъ утопающихъ должно было зажечь въ этихъ глазахъ искры веселаго смѣха. Онъ успѣлъ еще нѣсколько разъ выбѣжать изъ комнаты, приводя этимъ въ отчаяніе свою акуратную и невозмутимую жену. Наконецъ, когда уже было пора спѣшить на поѣздъ, онъ бросился наверхъ, перескакивая разомъ черезъ три ступеньки и торопливо объясняя, что онъ опять что-то забылъ.

— Прикажите подавать одноколку, Фредъ. Онъ опоздаетъ. Вы знаете привычки своего отца—съ нимъ это постоянно случается. А потомъ, чтобы не опоздать, онъ будетъ спѣшить изъ всѣхъ силъ, измучится, вспотѣетъ—что для него самая опасная вещь. Ахъ, Боже мой, какая досада, что я сама не позаботилась объ одноколкѣ заранѣе! осталось всего десять минутъ.

— Не велика важность, если папа опоздаетъ на поѣздъ,—замѣтилъ легкомысленный Фредъ.

— Если онъ вздумалъ куда нибудь ѣхать, онъ непремѣнно настоитъ на своемъ,—возразила м-съ Дэляйль и, подойдя къ лѣстницѣ, громко позвала мужа:—Робертъ!

— Иду, иду!—крикнулъ онъ. Его голосъ раздался не изъ его комнаты, но со стороны западнаго коридора, гдѣ ему совсѣмъ нечего было дѣлать, и этотъ фактъ возбудилъ какое-то тягостное чувство въ душѣ м-съ Дэляйль. Онъ шумно спу-

Digitized by Google

стился съ лѣстницы («какъ буря», говорила потомъ м-съ Дэляйль) и заключилъ ее въ объятія, къ ея величайшему удивленію. «Прощайте, безцѣнная, прощайте!» воскликнулъ онъ, нѣжно цѣлуя жену («въ присутствіи горничной и лакея»!). «Будьте здоровы и не тревожьтесь обо мнѣ». И не успѣла еще м-съ Дэляйль спросить, почему ей тревожиться о немъ, какъ онъ уже бѣжалъ по дорогѣ, въ сопровожденіи Фреда, чтобы не опоздать на поѣздъ. Стоя въ дверяхъ, она смотрѣла ему вслѣдъ. Даже теперь, когда нельзя было терять ни минуты, Робертъ постоянно оборачивался и махалъ ей шляпой. Какъ это нелѣпо! Словно онъ уѣзжаетъ на нѣсколько лѣтъ... Она сдѣлала нетерпѣливый жестъ, чтобы заставить его поторопиться. «Какъ вы думаете, не опоздаютъ они?» — спросила она у дворецкаго, также смотрѣвшаго на дорогу.

— Не опоздаютъ, сударыня,—отвѣтилъ дворецкій,—поспѣютъ какъ разъ во-время—баринъ еще ни разу не опаздывалъ.

М-ръ Дэляйль, когда онъ въ послѣдній разъ взбѣжалъ наверхъ,—не пошелъ въ свою комнату, но повернулъ въ западный коридоръ, длинный и пустынный, въ который выходили двери запасныхъ спаленъ. Пройдя весь коридоръ, онъ остановился у послѣдней двери и отворилъ ее. На встрѣчу ему поднялась старуха въ клѣтчатой шали.

— Я пришелъ проститься съ вами, моя Жанета, — сказалъ онъ, взявъ старуху за руку.—А вы должны помнить то, что мнѣ обѣщали.

— Буду помнить, добрый баринъ, если дѣйствительно необходимо поступить такъ, какъ вы говорите. Буду помнить, пока жива; только, пожалуй, жить-то осталось недолго.

— Мы вѣримъ, что еще очень долго,—отвѣчалъ онъ, взявъ ее за обѣ руки.

— А вѣрите ли вы чему нибудь другому? Я учила васъ вѣрить, мастеръ Робертъ, пока у меня хватало силъ! Еще никого не обманывала вѣра.

— Мы уже пробовали это,—возразилъ онъ.—Нѣтъ, нѣтъ! другаго пути не остается. У Бога не попросишь денегъ, Жанета.

— Теперь я не въ силахъ просить у Бога благословенія для васъ. Какъ могу я просить божьяго благословенія для такого дѣла?

— Довольно, Жанета, довольно. Прощайте!

Digitized by Google

— О, мастеръ Робертъ! подождите минутку: помните вы этотъ псаломъ...

— Прощайте, моя дорогая старушка, прощайте!

И вотъ въ эту-то минуту м-съ Дэляйль позвала своего мужа издали, и ея зовъ эхомъ пронесся по коридору. Въ ту же секунду м-ръ Дэляйль ушелъ.

Когда м-ръ Дэляйль скрылся изъ глазъ, его жена отправилась въ кухню, чтобы дать кухаркѣ необходимыя инструкціи. Она была превосходная хозяйка и съ любовью сама вела свое хозяйство, хотя средства мужа позволяли ей взять экономку. Она постаралась не думать о странномъ поведеніи Роберта въ это утро, и рѣшила, что его неожиданныя объятія и прощальный поцѣлуй не заключали въ себѣ ничего особеннаго. Она заказала обѣдъ, выбрала кушанья, особенно любимыя ея мужемъ. Затѣмъ, послѣ завтрака, надо было проводить Фреда, чтобы онъ не стѣснилъ Скримджеровъ позднимъ прибытіемъ. Ему предстояло ѣхать семь миль и, конечно, онъ не былъ настолько предусмотрителенъ, чтобы заранѣе распорядиться насчетъ одноколки; кромѣ того, матери пришлось осмотрѣть, въ порядкѣ ли платье и бѣлье сына, такъ какъ юноши, недавно возвратившіеся изъ Оксфорда, отличаются крайнимъ самомнѣніемъ и непрактичностью. Сизи, послѣ завтрака освобожденная отъ уроковъ, сочиняла грозное обличеніе Люси Скримджеръ, долженствовавшее смутить и уязвить душу этой юной особы.— Можете сказать ей,—говорила она Фреду,—что никогда въ жизни не была я такъ поражена, какъ теперь, когда не я, а вы получили приглашеніе, между тѣмъ какъ вы никогда не были съ ними близки, подобно мнѣ. Впрочемъ, васъ приглашаютъ въ качествѣ кавалера. У нихъ, должно быть, мало танцоровъ. Но, однако, здѣсь столько военныхъ и Дэви такъ друженъ со всѣми ими! Я полагаю, у васъ вовсе нѣтъ любовныхъ инстинктовъ, Фредъ—вы дружны только съ оксфордскими студентами; а какая намъ польза отъ вашихъ студентовъ, если мы дадимъ балъ? Но вы скажите Дэви отъ меня...

— Такъ Дэви имѣетъ любовные инстинкты? — вскричалъ Фредъ.—Ахъ вы, маленькое животное! Ничего я не стану отъ васъ передавать!

— О чемъ толкуетъ эта малютка?—спросила м-съ Деляйль.— Гдѣ она слышала такія выраженія? Любовные инстинкты!

Digitized by Google

— То есть дружба!—вскричала Сизи, краснѣя, какъ огонь.— Я знаю, отлично знаю, что подъ этимъ выраженіемъ подразумѣваютъ дружбу. Я хотѣла сказать, что Дэви имѣетъ кучу друзей, а Фредъ—никого, по крайней мѣрѣ, никого изъ такихъ людей, которые могли бы пригодиться намъ на случай бала.

— Но мы совсѣмъ не намѣрены давать балъ, — возразила мать,— это доставляетъ столько безпокойства. Спросите у Скримджеровъ, черезъ недѣлю, что они думаютъ насчетъ баловъ. Весь домъ перевернутъ вверхъ ногами, прислуга потеряла голову, всѣ измучены и несчастны. Нѣтъ, Сизи, у насъ не будетъ бала.

— Значитъ, я никогда не буду выѣзжать?—упавшимъ голосомъ спросила Сизи.

— Вы должны вывозить ее, матушка,—вступился Фредъ,— для дѣвицы необходимы выѣзды.

— Ахъ, мой дорогой,—вздохнула м-съ Дэляйль,—это тоже обѣщаетъ немало хлопотъ! Одни наряды обойдутся не менѣе ста фунтовъ. И отецъ, какъ вы знаете, никогда не проводитъ въ Лондонѣ болѣе одного дня: что стали бы мы съ Сизи дѣлать одни въ такомъ большомъ городѣ? Пришлось бы заводить знакомства, добиваться приглашеній. Я слыхала, что самыя почтенныя семейства провинціаловъ и помѣщиковъ, пользовавшіяся въ своемъ округѣ заслуженнымъ уваженіемъ, въ Лондонѣ чувствовали себя стѣсненными и приниженными. Съ ними никто не знакомился, у нихъ никто не бывалъ, ихъ никуда не приглашали. Нѣтъ, Сизи должна будетъ удовольствоваться обществомъ ближайшихъ сосѣдей.

— Это вовсе не такъ трудно устроить,—возразила Сизи.— Еслибъ только папа согласился поѣхать съ нами въ своемъ мундирѣ вице-губернатора, и при его обширныхъ знакомствахъ въ свѣтѣ, и еслибъ вы попросили м-съ Уильсонъ замолвить словечко герцогинѣ, а герцогиня шепнула бы одно крохотное словечко принцессѣ, тогда, можетъ быть, королева...

— Въ своемъ ли вы умѣ, Сизи? Что такое вамъ понадобилось отъ королевы?

— А вотъ что: королева узнала бы, что мы происходимъ отъ уальтонскаго Дэляйля, который спасъ жизнь Джемсу IV-му, доводящемуся королевѣ пра, пра, пра... ужь и не знаю, какимъ

Digitized by Google

прадѣдушкой. И, еслибы королевѣ случилось проходить мимо, отецъ могъ бы выступить впередъ и, опустившись на колѣни, предложить ей молока. Это старинный, тысячелѣтній обычай—феодальное право, или что-то въ этомъ родѣ.

— Откуда вы это все выкопали, Сизи? Правду она говоритъ, матушка?—вскричалъ Фредъ.—Я никогда не воображалъ, что мы такъ знамениты.

— Ничего не вижу въ этомъ знаменитаго,—отвѣтила м-съ Дэляйль.—Всѣ эти старыя басни не заслуживаютъ вниманія. О, если вы станете вѣрить всѣмъ разсказамъ про Дэляйлей! Кстати, Сизи, я хотѣла бы, чтобъ вы произносили нашу фамилію, какъ слѣдуетъ, какъ произносятъ всѣ порядочные люди, а не коверкали ее на мужицкій ладъ.

— Но это настоящій древній обычай,—энергично продолжала Сизи:—онъ мнѣ очень нравится. Я слышала также про всадника, что̀ означаетъ его появленіе,—прибавила она, понизивъ голосъ.—Папà никогда не позволяетъ мнѣ договорить, но вамъ, Фредъ, я могла бы разсказать все, еслибъ только...—и дѣвочка мимическими знаками пояснила брату, что, когда мать уйдетъ изъ комнаты, она доскажетъ ему остальное. Однако, м-съ Дэляйль замѣтила эти телеграфическіе переговоры и поспѣшила усадить дочь за писаніе отвѣтныхъ писемъ, что̀ продолжалось вплоть до того времени, когда Фреду надо было ѣхать.

Но Фредъ все таки улучилъ минуту, когда дѣвушки пошли съ нимъ въ конюшню—напомнить груму, чтобы онъ не опоздалъ.

— Гдѣ вы слышали объ этомъ феодальномъ правѣ, Сизи?—спросилъ онъ.—Вычитали вы о немъ изъ какой нибудь книги?

— Слышала тамъ, гдѣ вы и не подозрѣваете—отъ старой Жанеты! Вамъ слѣдуетъ ее послушать, Фредъ; она знаетъ о нашей семьѣ болѣе, о! гораздо болѣе, чѣмъ мы сами. Она разсказывала и про...

— Старая Жанета! — повторилъ Фредъ. Онъ забылъ свою бесѣду съ отцомъ на террасѣ и теперь не сразу вспомнилъ, какое отношеніе къ этому разговору имѣетъ старая Жанета. Она была нянькой м-ра Дэляйля и въ Уальтонѣ пользовалась отдѣльной комнатой, гдѣ она жила въ странномъ одиночествѣ и вполнѣ независимо. Всѣ домочадцы относились къ ней почти-

Digitized by Google

тельно, и даже съ нѣкоторымъ страхомъ. Фредъ продолжалъ размышлять, слушая болтовню Сизи, и вдругъ все вспомнилъ: именно къ ней совѣтовалъ ему обратиться отецъ, на случай своей внезапной кончины, и у нея просить помощи и совѣта въ дѣлахъ—у старой Жанеты! Воспоминаніе объ этомъ заставило Фреда негодовать и въ то же время возбудило въ немъ страхъ и тягостное предчувствіе. Придавалъ ли отецъ своимъ словамъ какое нибудь особенное значеніе? Вѣдь не на вѣтеръ же онъ все это говорилъ? И какія обстоятельства могли заставить его, Фреда, оксфордскаго студента, обратиться за совѣтомъ къ старой Жанетѣ? При этой мысли, холодная дрожь охватила его съ головы до ногъ. Онъ чувствовалъ, что въ словахъ отца заключалось что-то важное. Отецъ не далъ бы ему такого совѣта безъ причины. Фредъ съ ужасомъ подумалъ о фамильныхъ тайнахъ, которыя могли быть извѣстны старой служанкѣ. Она могла знать о какой нибудь опасности, угрожающей имъ всѣмъ, или о какой нибудь тайнѣ, которую ему необходимо слышать отъ нея. Онъ съ усиліемъ отбросилъ эту мысль, словно камень, брошенный подъ ноги, и сталъ слушать, что говорила ему Сизи, продолжавшая разсказывать о фамильныхъ привидѣніяхъ и не замѣчавшая разсѣянности брата.

— И съ того времени,—говорила Сизи,—сталъ раздаваться стукъ копытъ въ аллеѣ, словно какой нибудь всадникъ ѣхалъ на лошади. Всегда передъ несчастьемъ... Мнѣ кажется, это ужасно утомительно для бѣднаго призрака и скучно,—о, какъ невыразимо скучно!—вѣчно ѣхать и ѣхать и никогда не проѣхать эту аллею, не приблизиться къ дому, а только пугать людей издали. Еслибъ я была на его мѣстѣ, я поскакала бы прямо въ прихожую.

— Еслибъ вы были призракомъ, Сизи?—спросила Алиса, дрожа.—О, какъ вы можете дѣлать такія ужасныя предположенія!

— Я не дѣлаю, я не чувствую себя такой безтѣлесной,—отвѣчала Сизи,—но, еслибъ вамъ пришлось быть призракомъ, вы тоже захотѣли бы чего нибудь болѣе интереснаго, чѣмъ вѣчно скакать, скакать и скакать все на одномъ и томъ же мѣстѣ.

— Должно быть, Жанета наговорила вамъ цѣлую кучу

Digitized by Google

лжи и нелѣпостей,—замѣтилъ Фредъ съ негодованіемъ.—Я поговорю съ ней, если это будетъ продолжаться.

— Или пожалуйтесь папà,—прибавила Алиса.—Онъ не любитъ разговоровъ про этого всадника.

— Да, или пожалуюсь папà,—повторилъ Фредъ. У него явилась странная увѣренность, что онъ долженъ спасти сестеръ отъ какой-то грозящей опасности и сдѣлать это безъ помощи отца. Онъ самъ былъ сильно пораженъ, когда пришелъ къ этому заключенію. Онъ былъ такъ погруженъ въ размышленія, вызванныя именемъ старой Жанеты, что разсказъ Сизи о томъ, какъ Дэляйль спасъ жизнь короля на охотѣ, и какъ уальтонская владѣлица принесла королю кружку молока, и какъ, въ награду за эти услуги, были пожалованы Дэляйлямъ зèмли, такія обширныя, что ихъ можно было обойти только за цѣлый день, не произвелъ на него впечатлѣнія. Въ эту минуту къ дверямъ подкатила одноколка и, при видѣ Фреда, помѣстившагося въ ней вмѣстѣ съ чемоданомъ, Сизи также предалась печальнымъ размышленіямъ.

— Уѣзжаетъ!—произнесла она.—О, какія каменныя сердцà у этихъ мальчиковъ! Онъ и не подумаетъ о томъ, что я должна остаться дома. Скажите Люси Скримджеръ, что если она надѣется получить приглашеніе на нашъ балъ, она сильно ошибется, а нашъ будетъ гораздо лучше, потому что Уальтонъ тоже лучше Уэствуда. И скажите еще ей, что мамà собирается взять меня въ Лондонъ, представить королевѣ, послѣ чего для меня будутъ открыты всѣ лучшіе дома и даже царствующія особы будутъ обязаны приглашать меня. Ну что жь, если мама и не сдѣлаетъ этого—не я буду виновата. Но вы все таки скажите ей объ этомъ, Фредъ. И скажите этому ихтіозавру Дэви, что у меня будутъ кавалерами дворцовые гвардейцы и часовые, такъ что я и смотрѣть на него не стану.

— Но вѣдь онъ ни въ чемъ не виноватъ, Сизи,—вступилась Алиса,—и, вѣроятно, скажетъ Фреду, что очень огорченъ.

— Не думаю, чтобы онъ это сказалъ—мальчики не имѣютъ сердца. Если онъ будетъ огорченъ, Фредъ, скажите ему, что я не очень сержусь, но все таки ни за что въ жизни не стану съ нимъ разговаривать.

— Надѣюсь, вы повеселитесь на балу, Фредъ, — сказала м-съ Дэляйль. — Возвращайтесь завтра какъ можно раньше,

Digitized by Google

потому что у насъ кое-кто соберется къ чаю. Можете привезти съ собой Люси и Давида и еще кого нибудь изъ молодежи, гостящей въ Уэствудѣ. Мы угостимъ ихъ чаемъ на террасѣ, если не будетъ слишкомъ холодно, а м-съ Скримджеръ, я увѣрена, будетъ очень благодарна всякому, кто избавитъ ее на нѣкоторое время отъ молодыхъ людей.

III.

Въ то время какъ Фредъ собирался ѣхать въ Уэствудъ, м-ръ Веддерборнъ, другъ дома, сидѣлъ въ своей конторѣ, настроенный далеко не такъ спокойно, какъ всегда. Было очевидно, что онъ чѣмъ-то сильно встревоженъ. Передъ нимъ, на столѣ, были акуратно разложены письма и бумаги, составляющія необходимую принадлежность на письменномъ столѣ дѣловаго человѣка. По временамъ онъ принимался писать письмо или, вѣрнѣе, часть письма, прибавляя къ нему нѣсколько строкъ, когда мысли его направлялись къ этому предмету. Но это случалось черезъ длинные промежутки, и м-ръ Веддерборнъ, отложивъ перо, почти все время сидѣлъ погруженный въ глубокія размышленія. Иногда онъ вставалъ съ мѣста и принимался ходить по комнатѣ, переходя отъ одного окна къ другому и заглядывая въ каждое изъ нихъ, какъ будто этой частой перемѣной зрѣлищъ надѣялся разрѣшить какой-то мучительный вопросъ. Иногда онъ произносилъ вслухъ: «Я долженъ объясниться сегодня». Онъ не имѣлъ привычки разговаривать самъ съ собой, и эта фраза, которую онъ произносилъ съ очевиднымъ облегченіемъ, продолжая свою прогулку по комнатѣ, имѣла особый смыслъ въ устахъ серьезнаго и сдержаннаго эдинбургскаго стряпчаго.

Эта фраза означала, что семейству, въ которомъ онъ бывалъ такъ часто, встрѣчая гостепріимный, ласковый, родственный пріемъ, на который, въ свою очередь, отвѣчалъ неизмѣнной, молчаливой дружбой,—что этому семейству грозитъ катастрофа и что онъ долженъ взять на себя печальную обязанность приготовить своихъ друзей къ нежданному горю, и явиться передъ ними въ роли брата и покровителя. До сегодня онъ не зналъ, что будетъ вынужденъ къ этому. Давно уже ходили темные слухи, но онъ имъ не вѣрилъ, онъ старался разсѣять свои по-

Digitized by Google

дозрѣнія. «Бобъ Дэляйль не такъ безразсуденъ», говорилъ онъ. «Надо многое, чтобы убѣдить меня, будто онъ такъ легко рискуетъ своимъ состояніемъ». Такое отношеніе Пэта Веддерборна, имѣвшаго большой вѣсъ въ дѣловомъ мірѣ, поддерживало кредитъ Дэляйля, уже пошатнувшійся. Но сегодня утромъ м-ръ Веддерборнъ услышалъ весьма непріятныя новости, которыя огорчили и уязвили его. Онъ гордился кредитомъ своего друга, какъ своимъ собственнымъ. Подумать только, что они будутъ изгнаны изъ Уальтона, должны будутъ отказаться отъ своего положенія въ обществѣ, будутъ лишены роскоши и удовольствій, къ которымъ привыкли! Старый холостякъ плакалъ, думая о томъ, что м-съ Дэляйль и ея дочери будутъ лишены экипажа и своихъ пони, а когда подумалъ, что имъ придется покинуть веселый Уальтонъ и переѣхать въ Эдинбургъ, онъ ударилъ по столу кулакомъ и у него вырвалось проклятіе. Ему было ужасно жаль ихъ всѣхъ, жаль и своего друга, Боба Дэляйля, котораго ему случалось прежде сердито и горько укорять, въ глубинѣ души, за его легкомысленное отношеніе къ будущности собственныхъ дѣтей. Пэтъ Веддерборнъ былъ огорченъ. Онъ не вѣрилъ этому, какъ не повѣрилъ бы въ свой безчестный поступокъ. «Но слава Богу», говорилъ онъ про себя, «въ этомъ еще нѣтъ ничего безчестнаго. Онъ увлекся; онъ всегда былъ сангвиникомъ, и его обманули». Наконецъ, онъ пришелъ къ заключенію, что прежде всего надо обстоятельно переговорить съ самимъ Бобомъ. Порѣшивъ на этомъ, онъ еще разъ повторилъ, машинально посматривая въ окно: «Я долженъ сегодня объясниться».

Но объясненіе могло произойти лишь въ извѣстный часъ, и отъ нетерпѣнія м-ръ Веддерборнъ не находилъ себѣ покоя. Наконецъ, онъ взялъ шляпу и вышелъ изъ конторы, осѣненный вдохновеніемъ. Если ему удастся найти своего друга въ одномъ изъ комерческихъ учрежденій, объясненіе произойдетъ тотчасъ же, и не будетъ надобности,—сегодня, по крайней мѣрѣ,—нарушать спокойствіе Уальтона. М-ръ Веддерборнъ шелъ и раздумывалъ о своемъ другѣ съ нѣжностью. «Почему этотъ Бобъ не разсказалъ мнѣ обо всемъ откровенно? Но, благодареніе Создателю, время еще не ушло! Я могу кое-что сдѣлать. Я имѣю средства и кое-что понимаю въ дѣлахъ».

Онъ побывалъ въ двухъ конторахъ—желѣзнодорожной ком-

Digitized by Google

паніи и страховаго общества, гдѣ справился насчетъ м-ра Дэляйля.

Въ первой изъ нихъ онъ совсѣмъ не былъ сегодня, во вторую заходилъ, полчаса назадъ.

— Онъ, вѣроятно, отправился домой,—безпечно произнесъ м-ръ Веддерборнъ.

— Нѣтъ еще, сэръ,—отвѣчалъ клеркъ.—Я слышалъ, какъ онъ жаловался на усталость и собирался ѣхать въ Портобелло—насладиться морскимъ купаньемъ.

— Теперь немного холодно купаться въ морѣ,—замѣтилъ м-ръ Веддерборнъ.

— Да, сэръ, вы, пожалуй, правы,—осторожно согласился клеркъ,—но м-ръ Дэляйль—большой любитель моря.

«Онъ, конечно, поѣхалъ съ пассажирскимъ поѣздомъ», подумалъ м-ръ Веддерборнъ, уходя. Но въ поѣздѣ нигдѣ не было Дэляйля. Стряпчій направился въ Уальтонъ черезъ поля, озаренныя заходящимъ солнцемъ, красные, горизонтальные лучи котораго падали ему прямо въ глаза, почти ослѣпляя его. Все было покрыто розовымъ блескомъ вечерней зари; пурпуровыя облака разрумянили голубое небо, солнце окрасило еще теплѣе спѣлые снопы, виднѣвшіеся на нивахъ. Все дышало спокойствіемъ, довольствомъ, богатствомъ, и лучи заходящаго солнца горѣли на высокой крышѣ и башенкахъ Уальтона, какъ свѣтъ небесной благодати. Деревья мѣстами окрасились осеннимъ колоритомъ. Покинуть Уальтонъ, переселиться въ Эдинбургъ, въ Мельвиль-Стритъ, или другую скучную улицу—развѣ это возможно? Продолжая идти, м-ръ Веддерборнъ мысленно взвѣсилъ всѣ свои ресурсы и рѣшилъ, что онъ въ силахъ поставить своего друга опять на ноги. Можетъ быть, еще не поздно!

Когда онъ вошелъ въ гостинную, гдѣ сидѣла м-съ Дэляйль, она съ улыбкой подняла голову отъ своей работы. И онъ замѣтилъ, что лицо ея тотчасъ же измѣнилось—не омрачилось, не приняло разочарованнаго вида, но едва замѣтно измѣнило свое выраженіе.

— М-ръ Веддерборнъ!—сказала она.—Очень рада васъ видѣть, но... я думала, что это Робертъ,—и она протянула ему руку съ дружеской довѣрчивостью. Она не была разочарована и твердо вѣрила, что, если Робертъ не пріѣхалъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ, онъ пріѣдетъ со слѣдующимъ поѣздомъ.

Digitized by Google

— Вы, конечно, удивлены, что видите меня снова, такъ скоро,—проговорилъ м-ръ Веддерборнъ съ легкимъ замѣшательствомъ,—и думаете, что вамъ никогда не избавиться отъ стараго друга, но мнѣ надо переговорить съ Бобомъ насчетъ одного дѣла, и такъ какъ я не засталъ его въ конторѣ, то...

— Да, вы не могли его застать,—перебила м-съ Дэляйль,—онъ говорилъ, что какъ только покончитъ дѣла—отправится на купанье въ Портобелло. Никогда въ жизни не видала я человѣка, такъ влюбленнаго въ море. Изъ-за этого онъ, вѣроятно, опоздалъ на поѣздъ, потому что всегда пунктуально пріѣзжаетъ съ этимъ поѣздомъ.

— Я самъ то же думаю,—подтвердилъ м-ръ Веддерборнъ.—Я надѣялся встрѣтить его и пріѣхать вмѣстѣ съ нимъ. Онъ будетъ навѣрно со слѣдующимъ поѣздомъ.

— Черезъ три четверти часа,—спокойно замѣтила м-съ Дэляйль и прибавила:—Чудный вечеръ—жаль держать васъ въ комнатѣ. Надо пользоваться хорошей погодой, пока возможно. Не стѣсняйтесь мною: вы найдете дѣвочекъ гдѣ нибудь на террасѣ. Но прежде чѣмъ идти, выпейте чашку чаю.

— Не откажусь отъ чаю,—благодарно замѣтилъ гость.—Но почему бы и вамъ не выйти на террасу? Вечеръ восхитительный, и вѣетъ легкій вѣтерокъ съ запада. Зачѣмъ сидѣть въ комнатѣ, когда есть такое прелестное мѣсто, откуда можно любоваться солнечнымъ закатомъ. Еслибъ вы жили, напримѣръ, въ Мельвиль-Стритъ...

— Зачѣмъ же въ Мельвиль-Стритъ?—перебила м-съ Дэляйль со смѣхомъ, и, не дожидаясь отвѣта, продолжала:—Еслибъ мнѣ пришлось жить въ Эдинбургѣ, я никогда бы не выбрала эту улицу. Я предпочла бы южную часть или старый Джорджъ-Скверъ, гдѣ такіе хорошіе дома. Иногда я подумываю, что намъ слѣдуетъ проводить зиму въ Эдинбургѣ. Сизи уже выросла, и ее можно вывозить, а въ нашемъ сосѣдствѣ нѣтъ никакого общества для молодыхъ дѣвушекъ.

— Вы правы,—сказалъ м-ръ Веддерборнъ и бросилъ на нее нерѣшительный взглядъ. Извѣстно ли ей что нибудь? Не намекнулъ ли Бобъ о чемъ нибудь своей вѣрной подругѣ? М-съ Дэляйль стояла возлѣ стола и наливала чай своему гостю, немного наклонивъ голову, но когда она подняла голову и встрѣтила вопросительный взглядъ м-ра Веддерборна, она оста-

Digitized by Google

валась по прежнему непринужденна и спокойна, какъ женщина, не знающая никакихъ тайнъ. Она была, однако, встревожена его видомъ.

— Что случилось? — спросила она. — Вы что-то очень мрачны.

И вдругъ ей пришло на умъ, что м-ръ Веддерборнъ самъ чѣмъ нибудь встревоженъ и желаетъ обратиться къ ея мужу за содѣйствіемъ.

— Вы знаете, надѣюсь, м-ръ Веддерборнъ,—заговорила она съ удареніемъ,—что во всякомъ дѣлѣ можете смѣло надѣяться на Роберта, какъ на роднаго брата.

«Слава богу, что она ничего не подозрѣваетъ»!—сказалъ стряпчій про себя.

— Ничего не случилось,—проговорилъ онъ громко,—тѣмъ не менѣе, благодарю васъ за это дружеское участіе. Бобъ Дэляйль былъ для меня братомъ съ самаго дѣтства и, надѣюсь, останется имъ до конца.

М-съ Дэляйль съ улыбкой протянула ему свою нѣжную руку черезъ столъ. Въ его глазахъ были слезы, къ счастью незамѣтныя, потому что онъ стоялъ спиной къ свѣту; ея же глаза были совершенно ясны. Они были чисты, какъ вечернее небо, и ея нѣжная рука, черезчуръ нѣжная, быть можетъ, какъ бы вовсе не имѣвшая костей, отвѣтила на его крѣпкое пожатіе, выражавшее преданность и дружбу, съ простой и умѣренной ласковостью. Она была немного удивлена этимъ пожатіемъ, причинившимъ боль ея нѣжной рукѣ, но повела его на террасу, послѣ того какъ онъ выпилъ свой чай, спокойная и невозмутимая по прежнему. Проходя черезъ прихожую, она сняла съ вѣшалки свою шаль и завернулась въ нее. Въ Шотландіи, не лишнее даже въ іюлѣ надѣвать шаль, если хотите любоваться солнечнымъ закатомъ на открытомъ воздухѣ; въ сентябрѣ тѣмъ болѣе. Поэтому, пройдя нѣсколько разъ по террасѣ, она опять рѣшила уйти въ комнаты, замѣтивъ, что все это хорошо для «васъ, молодежи» (причемъ она улыбнулась въ сторону м-ра Веддерборна) но что она и безъ того знакома съ ревматизмомъ. Сизи и Алиса были превеселой компаніей для своего стараго друга, которому должны были сообщить множество интересныхъ вещей, и, хотя онъ посматривалъ на часы, время летѣло незамѣтно, пока, наконецъ, м-съ Дэляйль

Digitized by Google

снова появилась на террасѣ, плотно закутанная въ шаль съ головой.

— Какъ!—вскричала она, спускаясь по ступенькамъ террасы,—вашего отца еще нѣтъ здѣсь? Я была увѣрена, что онъ съ вами: поѣздъ пришелъ полчаса назадъ, и другаго не будетъ до девяти—и нѣтъ телеграммы. Не понимаю, что это значитъ.

Нельзя было сказать, чтобы она очень тревожилась, но она чувствовала неопредѣленное безпокойство и не знала, что думать. М-ръ Веддерборнъ, въ свою очередь, вздрогнулъ, какъ будто онъ былъ въ чемъ нибудь виноватъ.

— Боже мой!—проговорилъ онъ,—я забылъ обо всемъ. Надо было пойти и встрѣтить поѣздъ.

— Это было бы совсѣмъ лишнее,—возразила м-съ Дэляйль.—Еслибы онъ пріѣхалъ съ этимъ поѣздомъ, онъ уже давно былъ бы здѣсь; но что меня болѣе всего поражаетъ, такъ это то, что нѣтъ телеграммы. Случалось и прежде, Роберта что нибудь задерживало—съ каждымъ дѣловымъ человѣкомъ это можетъ случиться—но въ такихъ случаяхъ онъ всегда посылалъ телеграмму. Я не помню, чтобы онъ хоть разъ позабылъ это сдѣлать.

— Нѣтъ ничего хуже, какъ быть мнительной, въ родѣ васъ,—проговорилъ м-ръ Веддерборнъ.—Стоитъ запоздать на полчаса, какъ уже вы воображаете всякіе ужасы.

— Я не воображаю ничего ужаснаго,—возразила м-съ Дэляйль,—я только удивляюсь. Это такъ не похоже на него. Онъ скорѣе готовъ взять на себя всевозможное безпокойство, чѣмъ заставить меня тревожиться. И, кромѣ того, я напоминала ему передъ отъѣздомъ, что сегодня мы остаемся въ домѣ одни, безъ всякой защиты, кромѣ прислуги. Это не похоже на Роберта. Случилось что нибудь совершенно непредвидѣнное.

— Дорогая миледи, такія вещи случаются сплошь и рядомъ. Онъ могъ встрѣтить какого нибудь знакомаго изъ Лондона, могъ даже самъ уѣхать въ Лондонъ.

— Что вы? это невозможно!—воскликнула м-съ Дэляйль.—Ѣхать въ Лондонъ, когда онъ не взялъ съ собой даже ни одной чистой сорочки! Кромѣ того, онъ непремѣнно послалъ бы телеграмму,—повторила она, возвращаясь къ прежнему пункту.

— Кажется, что для васъ телеграмма пріятнѣе, чѣмъ мужъ,—со смѣхомъ замѣтилъ м-ръ Веддерборнъ. Но въ этомъ смѣхѣ

Digitized by Google

было очень мало веселости. Онъ былъ гораздо несчастнѣе ея, потому что она не имѣла такихъ серьезныхъ основаній тревожиться насчетъ мужа, какъ м-ръ Веддерборнъ.

— Мнѣ нужна телеграмма, чтобы узнать причину его отсутствія. Конечно, его могли задержать дѣла. Я вовсе и не ожидала, что онъ будетъ вѣчно сидѣть пришитымъ къ моей юбкѣ. Но я желаю, чтобы мнѣ объяснили въ чемъ дѣло, вотъ и все. Всего нѣсколько словъ:—«Задержали дѣла, буду съ вечернимъ поѣздомъ».—Или:—«Ѣду на званый обѣдъ». Я всегда рада, чтобы Робертъ повеселился, если только онъ извѣститъ меня телеграммой. Но,—продолжала она, взглянувъ на свои часы,—такъ какъ очевидно, что онъ не пріѣхалъ и съ этимъ поѣздомъ, то мы сядемъ за столъ и будемъ надѣяться, что онъ пообѣдаетъ съ такимъ же апетитомъ. Онъ пріѣдетъ съ девятичасовымъ поѣздомъ.

М-ръ Веддерборнъ вошелъ въ комнату, терзаемый болѣзненными предчувствіями, которыхъ не могъ преодолѣть. Быть можетъ, наступила минута, когда Бобъ Дэляйль долженъ былъ признаться своей семьѣ, что онъ разорился, и это неизбѣжное объясненіе устрашило его. Онъ представлялъ себѣ своего друга блуждающимъ по темнымъ улицамъ или сидящимъ въ комнатахъ, надъ конторкой страховаго общества, и считающимъ то немногое, что у него осталось. Увы! быть можетъ, ничего не осталось, кромѣ долговъ, и несчастный спрашиваетъ себя, когда именно разразится надъ нимъ громовой ударъ, какъ осмѣлится онъ сказать объ этомъ *ей* и что ждетъ его бѣдныхъ дѣтей? Да, именно этими размышленіями занятъ бѣднякъ, гдѣ бы онъ ни находился. «И что бы прійти къ тому, кто легко могъ бы ему помочь»!—внутренно, съ гнѣвомъ, восклицалъ добрый стряпчій, стараясь хоть втихомолку разсердиться на своего друга. Но это было такъ похоже на Боба Дэляйля—бѣжать на первый зовъ, отдавать всего себя, когда надо было кому нибудь помочь, и, напротивъ, таиться и скрываться, когда самъ въ затрудненіи, стыдиться своего горя, считая себя во всемъ виноватымъ и справедливо страдающимъ за свою вину. М-ръ Веддерборнъ не зналъ, что дѣлать: спѣшить ли въ Эдинбургъ за справками, или ожидать здѣсь возвращенія Дэляйля съ вечернимъ поѣздомъ. Почему-то онъ мало вѣрилъ въ возвращеніе Дэляйля. Онъ просто скрылся, надѣясь, что кредиторы не осмѣлятся безпокоить его семью.

Digitized by Google

И это было бы недостойной трусостью. Одному Богу извѣстно, на что можетъ рѣшиться этотъ бѣдняга съ отчаянія!

Только не на самоубійство: ни разу у м-ра Веддерборна не мелькнула мысль о возможности самоубійства, которое французъ, напримѣръ, считалъ бы самымъ естественнымъ концомъ для банкрота. Нѣтъ, нѣтъ!—что бы тамъ ни случилось, но такого мрачнаго поступка нечего бояться! — Кромѣ того, — подумалъ м-ръ Веддерборнъ, съ оттѣнкомъ мрачнаго юмора, — Дэляйль, въ качествѣ директора страховаго общества, слишкомъ хорошо знаетъ, что подобный поступокъ лишилъ бы его дѣтей единственнаго ресурса. Нѣтъ, нѣтъ! — все, что угодно, только не это. Но онъ могъ скрыться. Ему было не подъ силу видѣть разореніе семьи. Жена и дѣти — вотъ что приводило его въ отчаяніе. Присутствуй м-ръ Веддерборнъ при знаменательномъ разговорѣ Фреда съ отцомъ, его опасенія стали бы еще серьезнѣе. Но онъ не слыхалъ этого разговора, и ему оставалось только принять свой обычный видъ, чтобы не встревожить бѣдныхъ женщинъ раньше времени.

Обѣдъ прошелъ довольно сносно. М-съ Дэляйль взглядывала на дверь каждый разъ, когда она открывалась, все ожидая телеграммы. Но телеграммы не было. Пришелъ девятичасовой поѣздъ, но хозяинъ дома еще не появлялся. Послали лакея на встрѣчу поѣзда, и м-ръ Веддерборнъ, накинувъ пальто, робко заявилъ, что онъ немного пройдется и кстати встрѣтитъ запоздавшаго. Дѣвушки выбѣжали на террасу и стали прохаживаться по аллеѣ, чтобы притащить домой папа. И, не смотря на холодъ, м-съ Дэляйль открыла одно изъ оконъ въ гостинной, чтобы услышать, какъ онъ будетъ возвращаться. Она не была испугана, но удивлялась тяжести, которая давила ей сердце, потому что за все время замужства ей ни разу не приходилось испытывать подобнаго чувства.

Когда стало очевиднымъ, что онъ не пріѣхалъ и съ девятичасовымъ поѣздомъ, всѣ пришли въ недоумѣніе. Въ этотъ часъ телеграфная станція въ деревнѣ запиралась, и не было надежды получить телеграмму, но послѣднее обстоятельство, какъ это ни странно, успокоило м-съ Дэляйль.

— Значитъ, онъ пріѣдетъ съ полночнымъ экспрессомъ,— сказала она.

— Не поѣхать ли мнѣ въ Эдинбургъ узнать, что случилось?—спросилъ м-ръ Веддерборнъ.

Digitized by Google

— Что же могло случиться?

— О, онъ могъ захворать, мало ли что можетъ случиться?

— Въ такомъ случаѣ, или онъ, или кто нибудь изъ служащихъ непремѣнно извѣстили бы меня телеграммой. Нѣтъ, нѣтъ! Вамъ незачѣмъ туда ѣхать. Оставайтесь здѣсь и мы все узнаемъ, когда онъ возвратится. И намъ не такъ страшно, когда вы съ нами.

М-ръ Веддерборнъ охотно согласился остаться. Можетъ быть, даже лучше, если бѣдный Дэляйль, возвратившись домой, увидитъ своего друга, съ которымъ можетъ посовѣтоваться, прежде чѣмъ сказать обо всемъ *ей*. И для нея, бѣдняжки, тоже лучше будетъ имѣть какую нибудь опору. Странно, что теперь, когда уже нельзя было ожидать телеграммы, м-съ стала спокойнѣе. Она была увѣрена, что Робертъ пріѣдетъ съ экспрессомъ, и позволила Алисѣ просидѣть въ этотъ вечеръ позже обыкновеннаго и сыграть робберъ съ м-ромъ Веддерборномъ, причемъ сама весело принимала участіе въ игрѣ. Она не вѣрила ни въ болѣзнь, ни въ какой нибудь несчастный случай.—Онъ не успокоился бы до тѣхъ поръ, пока не увидѣлъ бы меня возлѣ своей постели,—говорила она,—и меня непремѣнно извѣстили бы телеграммой, еслибъ онъ заболѣлъ.—Нѣтъ, она не имѣла никакихъ опасеній и спокойно ожидала послѣдняго поѣзда.

Но м-ръ Дэляйль не пріѣхалъ и съ ночнымъ экспрессомъ.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Перемѣна въ политико-экономическомъ направленіи Франціи.—Законъ противъ анархистовъ и пренія о немъ.—Анархистскіе подвиги.—Наклонность французовъ къ деспотизму.—Папская энциклика.—Взятіе Кассалы.—Признанія Стамбулова и Фердинанда Кобургскаго.—Одна изъ сгорѣвшихъ августѣйшихъ курильщицъ.—Международный конгрессъ союза печати на антверпенской выставкѣ.—Печальный конецъ похода арміи Коксея.—Громадная стачка на сѣверо-восточныхъ дорогахъ въ Америкѣ и прекращеніе ея.—Японско-китайская война.

Нелѣпость палатскаго управленія Франціею выказалась въ послѣднее время очевидно и неожиданно. Еще весною законодатели страны держались въ финансовой системѣ поклоненія капитализму и крупнымъ промышленнымъ предпріятіямъ, въ торговлѣ и таможнѣ — протекціонистской системы, въ налогахъ—обложенія низшихъ классовъ. Теперь все это вдругъ измѣнилось: народные представители являются защитниками неимущихъ и обездоленныхъ. Большинствомъ 450 голосовъ противъ 40 палата одобрила преобразованіе прямыхъ налоговъ по системѣ подоходнаго обложенія. Проэктъ податной реформы облегчаетъ, хотя и въ незначительной степени, бремя бѣднѣйшихъ плательщиковъ. Пренія были жаркія. Кавеньякъ внесъ проэктъ общаго прогрессивнаго подоходнаго налога. Систему косвенныхъ налоговъ онъ называлъ анти-демократическою, такъ какъ она падаетъ преимущественно на недостаточные классы. Поэтому онъ предлагалъ налогъ на доходъ, начиная съ четырехъ тысячъ франковъ, а для взиманія его—систему заявленій, контролируемыхъ раскладочной комисіею. Такія заявленія онъ предлагалъ требовать лишь отъ лицъ, доходъ которыхъ превышаетъ 10,000 франковъ, но такихъ лицъ во Франціи не болѣе 200,000. Противъ налога на доходъ возставалъ Жюль Рошъ, доказывая, что мѣра эта примѣнима къ Германіи, но Францію возмущаетъ ея инквизиторскій характеръ. Нормандецъ, напримѣръ, никогда не сознается, сколько онъ получаетъ. Бывшій министръ вспомнилъ даже исторію, сказавъ, что «Аѳины превратили прогрессивный налогъ въ

Digitized by Google

орудіе гнета. Исократъ былъ правъ, говоря, что безопаснѣе быть убійцею, чѣмъ богачемъ. И вотъ почему Аѳины при Херонеѣ пали подъ ударами македонцевъ, а вѣдь македонцы существуютъ и теперь». Соціалистъ Жоресъ предлагалъ всѣ виды прямыхъ налоговъ замѣнить личнымъ и прогрессивнымъ съ доходовъ, превышающихъ 3,000 франковъ, съ увеличеніемъ прямыхъ налоговъ на наслѣдства, начиная съ 50,000 франковъ. При этомъ Жоресъ напомнилъ, что Рошъ, какъ и Рувье, прежде стояли за подоходный налогъ. Рувье возразилъ: «я былъ бы достоинъ сожалѣнія, еслибы, занимаясь въ теченіе 20 лѣтъ политикою, ни разу не мѣнялъ своихъ убѣжденій».—«Стало быть,—возразилъ Жоресъ,—по вашему, достоинъ сожалѣнія всякій, кто остается вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ»?—Да вѣдь и вы измѣнили своимъ убѣжденіямъ,—прибавилъ бывшій премьеръ. «Я этого не отрицаю,—отвѣчалъ Жоресъ, — но я поступилъ такъ не для того, чтобы захватить власть, а чтобы разойтись съ людьми, которые перестали быть республиканцами». Рувье хотѣлъ еще что-то возражать, но крики: «Панама! Панама»! зажали ему ротъ. Противъ подоходнаго налога возставалъ и Рибо, говоря, что для Франціи примѣръ Пруссіи не имѣетъ значенія, что̀ тамъ этотъ налогъ былъ дѣломъ феодальной аграрной партіи и то, что̀ спокойно переносится въ Пруссіи—во Франціи произведетъ безпорядки. Проэктъ Жореса сильно понизилъ бы доходы казны, это было бы гибелью въ вѣкъ милитаризма. Осуществленіе подоходнаго налога палата предоставила министерству и пригласила его поспѣшить представленіемъ своихъ плановъ. 15 лѣтъ откладывали эту мѣру, предложенную ещо Гамбеттой. За нѣсколько дней до своей смерти, Карно назначилъ, наконецъ, комисію для составленія проэкта подоходнаго налога, но дѣло это все время тормозилось той же самой палатой, которая теперь приглашаетъ министровъ поспѣшить представленіемъ проэкта. Отчего произошла такая быстрая и радикальная перемѣна взглядовъ? Ясно, что законодатели убѣдились, что борьбу съ анархизмомъ нельзя вести только съ помощью полиціи. Казимиръ Перье говорилъ, еще бывши министромъ: «не слѣдуетъ относиться съ презрѣніемъ къ ученію соціализма. Франція желаетъ совершить великое и плодотворное дѣло». По новому закону, уже въ 1895 году съ неимущихъ классовъ будетъ взиматься на 52 милліона франковъ меньше податей, т. е. нѣсколько милліоновъ людей будутъ избавлены отъ тяжкихъ и непосильныхъ налоговъ.

Еще продолжительнѣе и гораздо безтолковѣе были происходившія вслѣдъ за тѣмъ пренія о законѣ противъ анархистовъ. Журналистика недовольна этимъ закономъ, потому что онъ запрещаетъ печатать отчеты о процессахъ противъ анархистовъ, но, дѣйствительно, отчеты эти едва ли могутъ много содѣйствовать распространенію преступной пропаганды. Да и безъ гласности обойтись нельзя въ извѣстіяхъ объ анархическихъ преступленіяхъ. Предупреждать ихъ—дѣло полиціи, и «Фигаро» спрашиваетъ,

Digitized by Google

какое употребленіе получили 800,000 франковъ, ассигнованныхъ на этотъ предметъ палатою. Клемансо говоритъ, что новый законъ гнуснѣе 2 декабря; Гоблэ восклицаетъ: «Дюпюи, виновный своимъ нерадѣніемъ въ убійствѣ Карно, вырываетъ изъ рукъ Казеріо кинжалъ, чтобы нанести Франціи смертельный ударъ».

Французскій законъ противъ анархіи не сложенъ: первая статья передаетъ, вмѣсто присяжныхъ, въ судъ исправительной полиціи всѣ дѣла противъ анархистовъ. Статья эта была скоро принята. За пропаганду назначается 7 лѣтъ тюрьмы и денежный штрафъ. Судъ можетъ отправлять даже оправданныхъ анархистовъ въ ссылку и въ одиночную тюрьму. Онъ имѣетъ право запрещать печатаніе всего или части судебнаго разбирательства. Палата отвергла сначала контрпроэктъ, сохраняющій за судомъ присяжныхъ право приговоровъ надъ подстрекателями политическихъ преступленій. Соціалистъ Гездъ заявилъ, что его единомышленники всегда отрицали анархію, но почему же возстаютъ противъ закона всѣ партіи, если между ними не встрѣчаются подстрекатели? Аресты отъявленныхъ анархистовъ, хвастающихся своимъ ученіемъ, не поведутъ ровно ни къ чему, если ихъ не будутъ привлекать къ судебной отвѣтственности. А между тѣмъ противъ закона выступили и монархисты. Пуркери говорилъ, что послѣ покушенія Вальяна палата утвердила четыре антианархистскихъ закона, оставшихся совершенно безъ послѣдствій, хотя на полицію выдано 800.000 франковъ. Теперь она стоитъ во Франціи 6.400,000 франковъ, а въ Парижѣ 20.000,000, кромѣ властей, жандармеріи и 26.000,000 на общественную безопасность, и при всемъ томъ полиція бездѣйствуетъ и больше всего анархіи въ министерствѣ. Отчетности нѣтъ никакой, отвѣтственности тоже. При извѣстіи объ убійствѣ президента, всѣ спрашивали: «кто же охранялъ его? Вы менѣе либеральны, чѣмъ монархія, и болѣе властолюбивы, чѣмъ имперія». Бриссонъ говорилъ, что правительство хочетъ воспользоваться паникой, чтобы пріобрѣсти оружіе для преслѣдованія своихъ враговъ. Явись правительство послѣ убійства Карно передъ парламентомъ съ требованіемъ кредита въ какую угодно сумму на созданіе политической полиціи, въ палатѣ никто бы не посмѣлъ отказать въ своемъ голосѣ. Вмѣсто того явился законопроэктъ расплывчатый, безъ всякаго практическаго значенія, безсмысленный, что̀ сознаютъ даже самые умѣренные республиканцы. Гоблэ не напрасно говорилъ, что министерство хочетъ уничтожить не анархистовъ, а право частнаго недовольства существующимъ порядкомъ вещей. На это не рѣшалась даже вторая имперія. За частное письмо, обсуждающее анархію, наказывается авторъ письма. Но вѣдь на это не рѣшалось никакое правительство, и такой законъ существовалъ лишь въ Римѣ при Тиверіи. Обвинить въ анархизмѣ можно всякую статью по поводу стачекъ, царства денегъ, мошенничества капиталистовъ и проч. Буржуа̀ требовалъ, чтобы текстъ закона точно по-

Digitized by Google

вторилъ, что суду подлежатъ поступки, совершаемые только съ цѣлью анархистской пропаганды, и палата приняла эту поправку. Главная цѣль закона—быстрота наказанія, при такихъ условіяхъ, никогда не будетъ достигнута. Когда были введены респрессивные законы 1893 года, Перье говорилъ: «Съ этимъ оружіемъ мы раздавимъ анархію» — и изъ этихъ словъ, разумѣется, ничего не вышло. Рувье замѣтилъ, что законъ лишаетъ даже права напомнить депутату, сдѣлавшемуся министромъ, что онъ былъ на жалованьѣ у мошенниковъ-финансистовъ. Готье высказалъ, что для борьбы съ анархизмомъ нужно прекратить позорную картину парламентскаго безсилія и общественнаго разврата. Рабочимъ обѣщаютъ благосостояніе и не даютъ ничего; ихъ дѣлаютъ свидѣтелями финансовыхъ, судебныхъ и политическихъ скандаловъ, раскрываютъ передъ ними язвы парламентаризма. Готье призванъ за это къ порядку. Законъ принятъ и Казеріо приговоренъ къ смерти, но рѣчь его не опубликована.

Анархистскія покушенія идутъ своимъ чередомъ. Въ Брюсселѣ покушеніе въ Королевской улицѣ вызвало настоящую панику, такъ какъ отъ взрыва пострадало нѣсколько домовъ. Выданный англичанами, анархистъ Менье приговоренъ къ вѣчной каторгѣ за взрывъ въ ресторанѣ Вери и въ казармахъ Лобау. Въ Гентѣ судили поддѣлывателей русскихъ процентныхъ бумагъ, русскихъ подданныхъ: Николая Попова и Софью Лукьяновичъ. Они были членами лондонскаго нигилистическаго клуба, поддѣлали почти на мильонъ франковъ облигацій русскихъ займовъ и приговорены къ тюремному заключенію на нѣсколько лѣтъ. Римская палата утвердила раньше парижской три закона противъ анархистовъ. За храненіе взрывчатыхъ веществъ назначена каторга до 7 лѣтъ, за взрывъ до 10 и 12, за разрушеніе зданій до 20 лѣтъ, а въ случаѣ смерти кого либо до 30 лѣтъ. Сообщество для этихъ цѣлей увеличиваетъ наказаніе въ половину, подстрекательство наказывается 5-лѣтней каторгой и штрафами; ссылкѣ подвергаются даже лица, по суду оправданныя, если признаются неблагонадежными. Въ Римѣ тюрьмы переполнены анархистами. Въ Миланѣ и Ливорно ихъ арестуютъ массами. Въ Брешіи были кровавыя столкновенія. Близъ Люттиха произошелъ взрывъ бомбы, подкинутой къ дому бургомистра и профессора университета. Домъ разрушенъ, но изъ людей никто не пострадалъ. Анархистъ Лега, покушавшійся на жизнь Криспи, приговоренъ къ 20-лѣтней каторгѣ. Онъ утверждалъ, что дѣйствуетъ не изъ мести, а во имя попранныхъ правъ человѣчества.

Что въ народномъ характерѣ француза, не смотря на его свободолюбіе, немало деспотизма, въ этомъ можно убѣдиться на каждомъ шагу. Каждый выскочка, достигнувшій министерскаго званія, начинаетъ уже диктаторствовать и требовать, чтобы его бывшіе товарищи подчинялись его предписаніямъ. Но, по счастію, министровъ во Франціи не много, и они такъ часто смѣняются, что не могутъ принести много вреда. Но когда

Digitized by Google

такой диктаторъ захватитъ административную должность, отъ него можетъ пострадать цѣлое населеніе, особенно когда оно воспитано не во французскихъ понятіяхъ. Намъ приходилось уже не разъ говорить о всеобщемъ неудовольствіи туземнаго населенія въ Алжирѣ. Болѣе всего въ этомъ виноваты евреи, хотя они, по счастію, не занимаютъ важныхъ должностей въ администраціи; но когда власть захватываетъ недобросовѣстный французъ, дѣло становится опаснымъ. Таковъ алжирскій мэръ Сапоръ кончившій свою доблестную карьеру на скамьѣ подсудимыхъ. Это простой мошенникъ, бывшій мясникъ, гордившійся тѣмъ, что онъ вышелъ изъ народа и потому обиравшій его самымъ немилосердымъ образомъ. Но любопытно, что онъ производилъ свои операціи съ 1881 года. Въ качествѣ градоначальника, онъ держалъ въ своихъ рукахъ полицію и съ ея помощью имѣлъ огромное вліяніе на выборы, посылая либеральныхъ членовъ въ парижскую палату и въ сенатъ. Они и поддерживали его 13 лѣтъ. Поэтому Сапоръ скоро превратился въ тирана цѣлаго города, и въ буквальномъ смыслѣ терроризовалъ населеніе. Грабилъ онъ, конечно, болѣе всего арабовъ, продавая имъ должности каидовъ, а иногда и просто обирая ихъ. Захватывали насильно женщинъ, и если онѣ не заплатятъ извѣстной суммы, запирали въ тюрьму для проститутокъ. У воровъ отбиралось украденное ими—въ пользу алжирскаго Сквозника-Дмухановскаго, а воры отпускались на всѣ четыре стороны. Зато у него въ Парижѣ были такіе должники, какъ сенаторъ Могенъ и другія вліятельныя лица. Немудрено, что мэръ маленькаго городка могъ удалять со службы мировыхъ судей, сборщиковъ податей, инженеровъ, кого вздумается, и никто не смѣлъ жаловаться. Процессъ Сапора возбудилъ волненіе въ Алжирѣ, но парижскіе друзья кассировали и безъ того не строгій приговоръ присяжныхъ на 5-ть лѣтъ тюремнаго заключенія.

Папа Левъ XIII-й, объ опасной болѣзни котораго толкуютъ газеты, доказываетъ свое здоровье сочиненіемъ энцикликъ. Въ послѣднемъ произведеніи этого рода папа выражаетъ надежду, что православные пожелаютъ вернуть восточнымъ церквямъ ихъ прежняго главу, такъ какъ первенство римскаго священника было признаваемо греками и нѣсколько уроженцевъ ихъ были папами. Гораздо строже относится онъ къ протестантамъ, изъ которыхъ многіе дошли до того, что отрицаютъ божественность Христа и священнаго писанія. Съ особымъ негодованіемъ папа относится къ масонамъ, склоняющимъ народы къ языческому образу жизни (откуда онъ взялъ это?) Папа заявилъ, что ошибаются тѣ, кто придаетъ энцикликѣ значеніе духовнаго завѣщанія. Онъ еще напишетъ его въ послѣдствіи.

Положеніе Сициліи опять становится критическимъ. Нѣтъ и рѣчи о снятіи осаднаго положенія. Расклеена слѣдующая прокламація: «Товарищи, намъ грозитъ голодная смерть, также какъ женамъ и дѣтямъ на-

Digitized by Google

шимъ; всякая надежда на какую либо помощь исчезла. Правительство просто издѣвается надъ нами; положеніе наше отчаянное; что вы предпочитаете: смерть отъ голода или смерть отъ свинца?» Въ сѣверной Италіи также не спокойно, въ Бергамѣ произошли кровопролитныя схватки между соціалистами и войсками. Республиканскій духъ распространяется всюду. Дервиши, господствуя въ Суданѣ, на границахъ съ итальянскими владѣніями, нерѣдко нападаютъ на своихъ сосѣдей. Послѣ разоренія ими нѣсколькихъ деревень, генералъ Боратьери рѣшился наказать ихъ и, двинувшись съ 3,000-ной арміей противъ занятаго ими города Кассалы, взялъ его приступомъ, нанеся непріятелю сильное пораженіе. Англичане тотчасъ же не преминули заявить, что Кассала принадлежитъ Египту, а давно ли еще они такъ любезно уступили Бельгіи три египетскія провинціи, которыхъ сами, конечно, никогда не завоевывали. Засѣданія парламента закрыты на неопредѣленное время и Криспи можетъ свободно, безъ контроля палатъ, выдѣлывать свои финансовые фокусы.

Какъ только низвергнутъ былъ Стамбуловъ, не пускавшій въ Болгарію ни одного русскаго человѣка, «Новое Время» отправило туда своего корреспондента, бесѣдовавшаго со Стамбуловымъ и принцемъ Фердинандомъ. Изъ той и другой бесѣды можно вынести нѣсколько интересныхъ фактовъ. Говоря объ убійствѣ Карно, Стамбуловъ подчеркнулъ въ разговорѣ мысль, что въ политическихъ суматохахъ убиваютъ не всегда самаго виноватаго. Анархистовъ загнанный болгарскій волкъ называетъ мерзавцами и говоритъ, что его низвергло соціалистское движеніе. Съ русскими нигилистами онъ былъ знакомъ еще въ Одессѣ; надъ болгарскими нигилистами онъ просто смѣется. Онъ сознается, что руссофилы въ Болгаріи—страшная и огромная сила и потому новое правительство, чтобы не потерять власть, должно держаться этой партіи, «которую можно было обуздать только съ моею энергіею. Меня считаютъ врагомъ Россіи, въ чемъ ошибаются, и врагомъ русскаго вліянія на Болгарію, въ чемъ совершенно правы и чѣмъ я горжусь. Нынѣшніе министры думаютъ надуть руссофиловъ. Было время, когда Болгарія была совсѣмъ русскою; мнѣ стоило тяжкаго труда отодвинуть ее отъ Россіи. И теперь я твердо вѣрю, что, по крайней мѣрѣ, раньше 50-ти лѣтъ сближенія не произойдетъ. Россія совершила огромный промахъ, отозвавъ изъ Болгаріи своихъ офицеровъ; тогда Болгарія была на три четверти русскою, теперь она въ высшей степени національна; ей не нужны ни русскіе, ни австрійскіе инструкторы. Меня ругаютъ, что я поссорилъ Россію съ Болгаріей,—да, я, и только я! Я не отрицаю этого и вижу здѣсь только свою заслугу. Самостоятельная обособленность Болгаріи, ея національность и сближеніе съ Турціей,—вотъ задача, которой я и достигнулъ. Нѣтъ правительства безъ злоупотребленій. Говорятъ, Стамбуловъ—извергъ и звѣрь, однако гдѣ люди, кого я мучилъ и истязалъ лично (еще бы!) Я бралъ людей изъ дикой массы. И неужели пер-

Digitized by Google

вый министръ долженъ отвѣчать за грубость своихъ подчиненныхъ, за кулакъ подчаска? Смѣнить виноватыхъ было легко, но замѣнить ихъ некѣмъ. Меня обвиняютъ даже въ томъ, что я очень люблю женщинъ. Пусть даже и такъ, но вѣдь это мое личное, а не государственное дѣло. Я никого не тянулъ къ себѣ неволей и большею частью покупалъ ихъ. Отчетность моя безупречна (будто бы?) богатство мое вовсе не такъ велико, какъ думаютъ. Судить меня можно только вмѣстѣ съ нынѣшними министрами, которые всѣ работали по моимъ указаніямъ. Теперь я имъ все еще страшенъ, но, когда успокоются, они перегрызутся между собою и станутъ устраивать политическіе скандалы. Они желали бы, чтобъ я эмигрировалъ, но я останусь въ странѣ, хоть и не думаю, чтобы могъ взяться опять за государственныя дѣла. Но я не могу показаться изъ дому, чтобы меня не оскорбляли свистками и криками: «долой», и министры не властны оградить отъ этихъ безобразій своего бывшаго товарища. Не я первый падаю, будутъ падать министры и послѣ меня, тогда они поймутъ, какъ позволять толпѣ разнуздываться. Мнѣ дѣлали намеки изъ дворца, чтобы я уѣхалъ, но я не поѣду. Я даю нынѣшнему кабинету 5 мѣсяцевъ существованія. Въ вопросѣ «о вѣроисповѣданіи» наслѣдника престола все было противъ меня—страна, духовенство, печать, моя собственная партія. Я былъ одинъ, но заставилъ вычеркнуть вопросъ о религіи и далъ Болгаріи династію, хотя пропасть между ею и Россіею отъ этого расширилась. 15 разъ просилъ я князя объ отставкѣ, и онъ чуть не на колѣняхъ молилъ меня удержать власть. Теперь совершенно неожиданно я отставленъ—что жь!—Государи не всегда бываютъ благодарны и благоразумны. Я сдѣлалъ—что могъ. Кто будетъ владѣть Константинополемъ,—тотъ будетъ и повелителемъ балканскаго государства, а я не имѣю ни малѣйшаго желанія, чтобы оно попало въ русскія руки. Говорятъ, будто я намѣренъ былъ прогнать принца и призвать Баттенберга, но сыну его три года и онъ глухонѣмой». Но здѣсь Стамбуловъ пустился, уже неизвѣстно для чего, въ явную ложь и клевету; офиціальные источники доказали, что сынъ бывшаго болгарскаго князя не глухъ и не нѣмъ. Вообще показанія Стамбулова произвели сильное впечатлѣніе въ европейской журналистикѣ. Онъ умолчалъ объ обвиненіяхъ въ денежномъ хищничествѣ, а они огромны. Министръ Тончевъ указалъ, что Стамбуловъ положилъ на свое имя въ банкъ 240,000 франковъ, взятыхъ изъ годоваго бюджета секретныхъ суммъ министерствъ: внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ. На сдѣланный запросъ объ этихъ деньгахъ правительство не получило никакого отвѣта. Изъ послѣдняго займа на желѣзныя дороги въ 65 милліоновъ — исчезло до 30. Въ бюджетѣ есть фондъ въ 600,000 на преслѣдованіе и истребленіе въ странѣ разбойниковъ и преступниковъ; эту сумму Стамбуловъ употребилъ на свою частную полицію,—шпіоновъ, палочниковъ,—на преслѣдованіе своихъ враговъ. Чиновники его крали и

Digitized by Google

грабили, гдѣ только можно; Стамбуловъ не только зналъ объ этомъ, но даже говорилъ хищникамъ, чтобъ держать ихъ въ рукахъ. Факты его истязаній—вполнѣ доказаны.

Фердинандъ Кобургъ былъ чрезвычайно любезенъ съ русскимъ корреспондентомъ и пригласилъ его во дворецъ письмомъ на русскомъ языкѣ. Корреспондентъ находитъ, что даже носъ принца, такъ безбожно вытягиваемый карикатуристами, самый безобидный носъ. Но самъ принцъ расположенъ къ тучности. Онъ былъ очень сдержанъ въ своей бесѣдѣ и даже просилъ не сообщать въ печати многаго изъ его мнѣній. «Я не отрицаю,—говорилъ онъ,—что Россія имѣла много причинъ къ неудовольствію противъ насъ; 8 лѣтъ ее раздражали безъ всякаго повода, сѣяли раздоръ; я не разъ говорилъ Стамбулову, что такъ нельзя, но слова мои не оказывали должнаго дѣйствія. Русское общество имѣло право не любить Стамбулова, но за что же оно было всегда противъ меня? Его оскорблялъ Стамбуловъ, но развѣ Стамбуловъ—я, а—я Стамбуловъ (а кто же мѣшалъ принцу воздержать своего министра и заставить его дѣйствовать въ предѣлахъ законности?) Я—князь, избранный Болгаріею, стало быть, не узурпаторъ, и происхожу отъ слишкомъ благородной крови, чтобъ быть авантюристомъ». Нѣмецкая печать совершенно ошеломлена стамбуловскими признаніями, противоположными тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя онъ съ необыкновенной ловкостью восемь лѣтъ распускалъ по всей Европѣ. Онъ увѣрялъ, что уничтожилъ въ Болгаріи русскіе интересы, служившіе помѣхой упроченію мира и причиной всеобщей неувѣренности, производившей застой въ дѣлахъ, а теперь сознаётся, что почти все княжество на сторонѣ Россіи, не исключая и самого Кобурга. Но какъ же нѣмецкія газеты все это время говорили совершенно противное? не ясно ли, что ихъ заставлялъ дѣйствовать личный интересъ, т. е. по просту подкупъ газетъ Стамбуловымъ. Давно ли Стамбуловъ считался въ Германіи героемъ, охранителемъ мира, важною опорою тройственнаго союза, а теперь его разоблаченія приводятся безъ всякихъ инсинуацій противъ Россіи. Судъ производитъ теперь дознаніе, кто убилъ Бельчева, и оказывается, что на жизнь министра покушался жандармъ Андоновъ, подкупленный Стамбуловымъ, желавшимъ доказать, что покушаются на его жизнь. Убійца бѣжалъ въ Румынію, откуда его требуютъ болгарскія власти.

На Франца-Іосифа, вмѣстѣ съ политическими затрудненіями, обрушиваются и семейныя несчастья. Умеръ дядя его, 67-ми-лѣтній эрцгерцогъ Вильгельмъ, упавъ съ лошади. Умерла Матильда, дочь эрцгерцога Альбрехта, и самою страшною смертью, сдѣлавшись жертвою своей страсти къ куренію. Она тайно отъ отца курила въ дворцовыхъ апартаментахъ и услышала, что онъ постучался въ дверь. Испугавшись и совершенно растерявшись, она спрятала папиросу въ карманъ своего муслиноваго платья. Оно, конечно, загорѣлось и несчастная получила такіе обжоги, что умерла

Digitized by Google

черезъ нѣсколько часовъ. Подобное несчастіе можетъ случиться и съ другими царственными курильщицами. Австрійская императрица выкуриваетъ въ день до 40 папиросъ, румынская королева также большая охотница до табаку. Королева итальянская, испанская, португальская и ея мать, графиня Парижская, курятъ очень много.

Къ своей неуклюжей и мало интересной выставкѣ, чтобы придать ей болѣе значенія, Антверпенъ пристегнулъ международный конгрессъ печати; но, организованный на скорую руку и довольно безтолково, онъ не повелъ къ практическимъ результатамъ, хотя все таки содѣйствовалъ къ сближенію журналистовъ разныхъ странъ. Собственно конгрессъ засѣдалъ три дня, по два засѣданія въ день—утромъ и вечеромъ—въ теченіе двухъ часовъ. Все остальное время этой недѣли и слѣдующей было посвящено разнаго рода праздникамъ и увеселеніямъ. Разрѣшенъ утвердительно вопросъ о международномъ союзѣ печати. Конгрессъ призналъ необходимымъ союзъ журналистовъ всѣхъ націй съ чисто профессіональной цѣлью, именно «союзъ», а не федерацію или ассоціацію. Объ этихъ названіяхъ спорили очень долго и вообще докладъ явился въ видѣ очень сухаго предложенія. Но все таки права журналистики, которыя на западѣ, а отчасти и у насъ, были взяты повсюду съ бою и признавались скорѣе фактически, чѣмъ принципіально, получили отнынѣ первое международное признаніе, если не со стороны правительствъ, то со стороны всей европейской печати. Англійскій публицистъ Клейденъ прочелъ рефератъ о развитіи въ его странѣ института журналистовъ. Редакторъ «Indépendance Belge» прочелъ докладъ о необходимости признанія за газетами права собственности на добываемыя ими извѣстія. Конгрессъ не рѣшилъ однако этого вопроса, а ограничился простымъ пожеланіемъ, чтобы правительство приняло мѣры противъ систематическаго обкрадыванія однѣхъ газетъ другими. Конгрессъ призналъ также желательною спеціальную подготовку газетныхъ сотрудниковъ. Читала и дама, миссъ Стюартъ, о роли женщинъ въ англійской журналистикѣ. Русскій представитель печати счелъ долгомъ добавить докладъ и свѣдѣніями, впрочемъ, весьма поверхностными, о дѣятельности русскихъ женщинъ; онъ сознался также, что результаты самого конгресса могутъ показаться не особенно существенными, и упрекаетъ корреспондентовъ мелкихъ русскихъ газетъ, не приглашенныхъ, вслѣдствіе ихъ поздняго заявленія, на праздники, что эти кореспонденты назвали вздорными выводы конгресса. Но почему же мелкому журналисту было и не замѣтить, что въ рѣчи миссъ Стюартъ, при полномъ отсутствіи аффектаціи, было и отсутствіе серьезныхъ данныхъ, и если г. Z. вмѣсто рекомендаціи далъ г-ну X. свидѣтельство, что не видитъ препятствія къ допущенію X на конгресъ, то вѣдь и X могъ дать такое же свидѣтельство г-ну Z. Резолюція конгресса въ сущности признала только права журналистовъ всѣхъ странъ на содѣйствіе своихъ собратій другихъ національ-

Digitized by Google

ностей. Но и это не малый шагъ въ смыслѣ международной роли періодической печати. Теперь сотруднику газеты, внѣ предѣловъ своего отечества, обезпечено матеріальное содѣйствіе союзовъ печати, но, конечно, прежде всего нуженъ уставъ международнаго союза журналистовъ, а онъ будетъ утвержденъ только слѣдующимъ конгрессомъ.

Походъ арміи Коксея (о которомъ мы говорили въ прошлой хроникѣ) противъ сѣверо-американскаго правительства кончился самымъ печальнымъ образомъ. Къ Вашингтону прибыло нѣсколько сотенъ жалкихъ и оборванныхъ бродягъ, которыхъ, конечно, не пустили въ Капитолій, и они, прокочевавъ недѣли двѣ по окрестностямъ, разбрелись въ разныя стороны. Самому «генералу» не позволили произнести рѣчь къ народу съ площадки передъ Капитоліемъ и не приняли отъ него протеста о нарушеніи конституціи. Генерала и двухъ его помощниковъ судили присяжные; адвокаты не церемонились съ этими начальниками арміи, называя ихъ трутнями, никогда не работавшими, факирами, шарлатанами, которыхъ можно показывать за деньги. Адвокаты Коксея старались выставить его другомъ угнетеннаго человѣчества, но присяжные приговорили ихъ къ двадцатидневному заключенію и къ штрафу въ пять долларовъ. Въ веревочныхъ наручникахъ ихъ отвезли въ городскую тюрьму, гдѣ прежде всего имъ привили оспу. Гораздо серьезнѣе была опасность, угрожавшая правительству отъ стачки желѣзнодорожниковъ и углекоповъ. Они остановили движеніе по многимъ вѣтвямъ и перевозъ товаровъ прекратился. Въ двѣ недѣли убытки дошли до 4.000,000 долларовъ и было убито нѣсколько фабрикантовъ и капиталистовъ. Тогда Клевеландъ рѣшился дѣйствовать энергически и въ три дня уничтожилъ грозную стачку, сосредоточившуюся преимущественно въ Чикаго. Онъ отправилъ туда федеральную армію, управлявшую движеніемъ поѣздовъ и разогнавшую стачниковъ, и теперь движеніе возстановилось по всѣмъ линіямъ. Но усмиреніе бунта не доказываетъ, чтобы дѣла республики шли хорошо. Мошенничаютъ всячески офиціальныя лица, не меньше частныхъ. Нью-іоркскую полицію пришлось отдать почти всю подъ судъ, въ числѣ 75 начальниковъ, болѣе ста полисменовъ и даже нѣсколько крупныхъ представителей власти. Нью-іоркскіе полисмены обвиняются даже въ продажѣ фальшивыхъ денегъ, подъ видомъ которыхъ надѣляютъ любителей легкой наживы простой бумагой. Любопытно, что для этой продѣлки открывались конторы и вывѣшивались объявленія. Полиція явно покровительствовала игорнымъ домамъ и даже заманивала въ нихъ простаковъ. Въ числѣ офиціальныхъ мошенниковъ оказались и сенаторы. А между тѣмъ сенаторъ получаетъ 12,000 долларовъ, а по смерти—450 долларовъ на похороны, и сколько еще прогонныхъ, наградныхъ и всякихъ хдругихъ суммъ.

Японія, безъ объявленія войны, напала на китайскій флотъ, перевозившій войско въ Корею, и потопила тысячи полторы солдатъ, собирав-

Digitized by Google

шихся сдѣлать высадку. Богдыханъ объявилъ войну Японіи. Европейскія державы заявили, что будутъ держаться строгаго нейтралитета. Столкновеніе представителей двухъ главныхъ желтыхъ расъ въ Азіи не можетъ не отозваться не только на ихъ ближайшихъ сосѣдяхъ, но и въ западной Европѣ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Сочиненія *Гюи де-Мопассана*, избранныя Львомъ Ник. Толстымъ. Переводъ просмотрѣнъ имъ же. Москва, 1893.

Въ Петербургѣ издается полное собраніе сочиненій этого писателя: будетъ томовъ двѣнадцать, куда войдетъ все, что̀ написалъ этотъ безспорно даровитый беллетристъ, но принадлежащій все таки къ порнографической школѣ, какъ и бо̀льшая часть современныхъ французскихъ романистовъ, и еще въ концѣ своей недолгой жизни потерявшій разсудокъ, но продолжавшій писать и даже печататься, пока припадки бѣшенства не прекратили его грустнаго существованія. Петербургскіе издатели намѣрены приподнести публикѣ все, что̀ написалъ этотъ авторъ, котораго они, вѣроятно, считаютъ образцовымъ, переводя всякую строку, явно набросанную въ припадкахъ безумія. Къ чему русскому читателю такое дословное знакомство съ авторомъ талантливымъ, но далеко не геніальнымъ? При разборѣ переводовъ иностранныхъ беллетристовъ, мы не разъ говорили, что намъ нужны только лучшія ихъ произведенія, а не весь хламъ, какимъ они набиваютъ свои журналы; даже и изъ этихъ лучшихъ вещей лишнія подробности могутъ быть выброшены не только безъ ущерба, но даже съ пользою для разсказа. Московскіе издатели такъ и сдѣлали: изо всѣхъ сочиненій Мопассана, руководствуясь выборомъ Л. Н. Толстаго, они напечатали девять маленькихъ очерковъ и большой романъ, въ одномъ томѣ въ 375 страницъ. Обѣщаютъ они, правда, и еще томъ, все подъ эгидою того же уважаемаго имени, но мы всегда недовѣрчиво относимся къ обѣщаніямъ русскихъ издателей, да къ тому же и явившагося уже теперь въ свѣтъ совершенно достаточно для полнаго ознакомленія съ Мопассаномъ, его особенностями, дарованіемъ, пріемами — и порнографіей, которая если не во всѣхъ разсказахъ составляетъ основу ихъ, то пробивается невольно у автора въ подробностяхъ, въ слогѣ, въ описаніяхъ и мысляхъ. И при этомъ еще надо помнить, что для перевода выбраны вещи самыя скромныя и, конечно, еще смягчены по условіямъ русской печати. Томъ начинается шестью страничками разсужденія объ

Digitized by Google

«одиночествѣ». «Пытка нашего существованія въ томъ, что мы вѣчно одиноки», говоритъ авторъ. «Альфредъ Мюссэ сознавалъ ужасъ этого положенія. Густавъ Флоберъ высказывалъ: «мы всѣ въ пустынѣ, никто никого не понимаетъ». Человѣкъ не знаетъ, что происходитъ въ другомъ человѣкѣ. Въ любви къ женщинѣ, кажется, сливаешься съ нею въ одно, но это только кажется и, послѣ нѣсколькихъ недѣль, чувствуешь себя еще болѣе одинокимъ». Вотъ къ какимъ выводамъ приходитъ авторъ, но они раньше его высказаны пессимистами. «Лунный свѣтъ»—разсказъ о томъ, какъ аббатъ, строго слѣдившій за своей племянницей, отправляется ночью, чтобы поймать ее на любовномъ свиданіи. Но чудная лунная ночь до того смягчаетъ нравственность патера, что, увидя издали влюбленныхъ, онъ опускаетъ свою палку и уходитъ къ себѣ спать, подумавъ: «можетъ быть, Богъ создалъ эти ночи, чтобы скрыть идеальнымъ покровомъ земную любовь людей». Но покровомъ можетъ служить мракъ, а не луна. «Оливковое поле»—исторія другаго священника, имѣвшаго сына, прежде поступленія въ духовное званіе. Любовница обманула его; онъ хотѣлъ задушить ее, но она призналась, что забеременѣла отъ его друга и онъ бросилъ ихъ и сдѣлался аббатомъ. Черезъ двадцать лѣтъ, къ нему является однако рослый негодяй и привозитъ письмо умершей уже матери и всѣ доказательства, что онъ дѣйствительно сынъ патера, котораго она и тогда обманула, чтобы спастись и жить съ отцомъ своего ребенка. Ребенокъ этотъ дѣлается потомъ не только мерзавцемъ, но воромъ и разбойникомъ. Онъ открыто объявляетъ отцу, что намѣренъ его обобрать, и, напившись, покушается на его жизнь. Ихъ находятъ обоихъ подъ столомъ, одного мертвецки пьянаго, другаго—съ перерѣзаннымъ горломъ. Въ разсказѣ негодяя есть такія грязныя подробности о немъ самомъ и объ его матери, которыя могли бы и не являться на русскомъ языкѣ. «Исповѣдь»—исторія всѣми уважаемаго префекта, въ молодости имѣвшаго любовницу и отъ нея—ребенка. Но отцу предстоялъ выгодный бракъ, которому мѣшалъ только этотъ ребенокъ. Тесть допускалъ интрижку со швеей, которую всегда можно бросить, но не допускалъ ребенка. Надо было, слѣдовательно, отъ него избавиться—и будущій представитель власти открываетъ, во время отсутствія швеи, окна въ дѣтской, въ холодный декабрьскій вечеръ. Ребенокъ схватываетъ воспаленіе въ легкихъ и умираетъ, о чемъ глава мѣстнаго управленія и сообщаетъ въ припискѣ къ своему духовному завѣщанію, которую высоконравственная семья, конечно, тотчасъ же уничтожаетъ. «Мадмуазель Перль»—разсказъ о томъ, какъ добродушный буржуа, въ семью котораго подбросили дѣвочку, не обращаетъ на нее вниманія и, только проживъ 50 лѣтъ, догадывается, что могъ бы жениться на ней, а не на своей кузинѣ. Авторъ надѣется, впрочемъ, что и теперь еще «эти лица испытываютъ дивное, мощное ощущеніе того опьяненія, того безумства, одинъ мигъ

Digitized by Google

котораго даетъ влюбленнымъ больше счастья, чѣмъ иная долгая жизнь». Безъ этого опьяненія у Мопассана нѣтъ ни одного разсказа. «Калѣка»—разсказъ о томъ, какъ одинъ капитанъ, у котораго ядромъ оторвало обѣ ноги, уступаетъ невѣсту своему другу. Въ разсказѣ «Маска» выведенъ оригинальный парижскій типъ стараго парикмахера, пользовавшагося въ молодости благосклонностью актрисъ и свѣтскихъ дамъ, и танцующаго подъ старость на публичныхъ балахъ, чтобы увѣрить себя, что онъ еще молодъ. «Гавань»—печальный и грязный разсказъ о томъ, какъ въ Марсели, съ корабля, четыре года бывшаго въ отсутствіи, матросы отправляются гулять по разнымъ вертепамъ и одинъ изъ нихъ въ доставшейся на его долю проституткѣ узнаетъ потомъ свою сестру. Когда онъ упрекаетъ ее, какъ она не узнала его — она отвѣчаетъ съ отчаяніемъ: «ахъ! я ихъ столько, этихъ мужчинъ, вижу, что они мнѣ всѣ на одно лицо». Послѣдній маленькій разсказъ «Сумашедшій»—дѣйствительно, какая-то уже не грязная, а кровавая галлюцинація. Предсѣдатель высшаго суда, всю жизнь преслѣдовавшій преступниковъ, въ запискахъ своихъ сознаётся, что онъ самъ убилъ нѣсколько человѣкъ съ величайшимъ сладострастіемъ. «Убійство—законъ природы, оно въ нашей натурѣ; человѣкъ убиваетъ безпрестанно, чтобы питаться. Въ обществѣ—убійцъ осуждаютъ и наказываютъ, но такъ какъ мы не можемъ жить, не удовлетворяя этому естественному инстинкту разрушенія, то по временамъ мы утѣшаемъ себя войнами, во время которыхъ одинъ народъ рѣжетъ другой. И тѣхъ, кто совершаетъ эти побоища, осыпаютъ почестями, женщины любятъ ихъ, толпа привѣтствуетъ». Этотъ стражъ правосудія душитъ сначала въ лѣсу мальчика, потомъ разбиваетъ голову рыбаку, уснувшему на берегу рѣки, и сожалѣетъ только, что не могъ выкупаться въ его крови. Большой романъ, занимающій двѣ трети книги, называется «Жизнь женщины» и дѣйствительно заключаетъ въ себѣ вѣрное изображеніе жизни француженки высшаго общества въ теченіе почти полстолѣтія. Сначала Жанна воспитывается въ монастырѣ, потомъ ее привозятъ въ нормандское помѣстье, гдѣ она поселяется съ семьею и скоро выходитъ замужъ за красиваго сосѣда-виконта. Не имѣя родственныхъ связей въ краѣ, зять поселяется у тестя, на долю котораго приходится объяснять своей дочери, въ день брака, ея супружескія обязанности, такъ какъ ея мать, страдающая одышкой и ожиреніемъ, не берется за это. Медовый мѣсяцъ молодые отправляются праздновать въ Корсику, и только тамъ, въ горахъ, въ Жаннѣ пробуждается чувственность, очень подробно описанная авторомъ. Супругъ вернулся въ Нормандію уже совершенно остывшимъ, и сталъ ей чужимъ: «сердце его оставалось для нея закрытымъ». Жаннѣ прислуживаетъ въ домѣ красивая горничная, Розалія. У нея родится ребенокъ. Супругъ торопится отослать ее изъ замка съ ребенкомъ. Розалія ни за что не хочетъ открыть имя его отца.

Digitized by Google

Въ домѣ все вскорѣ принимаетъ прежній порядокъ. Зимою Жанна немного простудилась. Мужъ ея спалъ въ своемъ кабинетѣ. Однажды Жаннѣ сдѣлалось худо ночью и она стала звать Розалію. Горничная не являлась; тогда Жанна отправилась въ кабинетъ мужа и въ его постели нашла свою служанку. Съ бѣдной женщиной сдѣлалась горячка и она все разсказала отцу и матери. Мужъ утверждалъ, что это клевета на него и даже горячился, но священникъ заставилъ Розалію признаться и горничная открыла, что «это началось, когда баринъ былъ еще женихомъ». Священникъ берется выдать горничную замужъ, говоря, что онѣ и всѣ таковы, а владѣльцу замка сказалъ: «да и къ вашему зятю надо быть снисходительнымъ; такъ поступаетъ весь свѣтъ, вѣдь ваша жена отъ этого была не меньше любима и не меньше счастлива». Тотъ же священникъ помирилъ и супруговъ. Жанна забеременѣла и родила сына. Розалія вышла за деревенскаго парня, которому подарили ферму. Въ домѣ все успокоилось, но Жанна убѣдилась вскорѣ, что ея мужъ завелъ связь съ женою сосѣда, стараго графа. Съ матерью Жанны сдѣлался ударъ и старуха умерла. Передъ трупомъ матери дочь начала разбирать реликвіи ея матери и въ старыхъ письмахъ нашла нѣсколько любовныхъ признаній, писанныхъ одною рукою. Подъ однимъ приглашеніемъ на обѣдъ, писаннымъ тѣмъ же почеркомъ, Жанна нашла подпись стараго товарища ея отца, жена котораго была лучшею подругою покойницы. Жанна, конечно, сожгла всѣ эти письма, но сцена, когда она нашла ихъ—одна изъ лучшихъ въ романѣ. Сынъ Жанны—Поль—захворалъ, и она, боясь потерять его, захотѣла непремѣнно имѣть еще ребенка. Но съ мужемъ она давно уже жила врозь и потому отправилась къ священнику, чтобы онъ переговорилъ съ ея мужемъ,—и ихъ прежнія отношенія возобновились. Но она замѣтила, что ласки его совсѣмъ не тѣ, какія были прежде, можетъ быть, болѣе утонченныя, но менѣе полныя: «онъ ласкалъ ее, какъ осторожный любовникъ, а не какъ спокойный супругъ». Эти порнографическія ощущенія развиваются съ большими подробностями. Она требуетъ: «сдѣлай меня еще разъ матерью»; онъ не хочетъ больше имѣть дѣтей. Она опять жалуется патеру и тотъ даетъ ей совѣтъ—распространить слухъ о томъ, что она забеременѣла:—тогда мужъ ея перестанетъ остерегаться, и она достигнетъ своей цѣли. Но ихъ сосѣдъ, графъ, подозрѣвая свою жену, подстерегаетъ ее, въ одну бурную ночь, на свиданіи съ мужемъ Жанны. Любовники прячутся въ маленькую сторожку на вершинѣ крутой скалы надъ моремъ. Графъ сбрасываетъ будку въ волны и несчастные разбиваются о камни. Авторъ описываетъ съ особенными анатомическими подробностями ихъ обезображенныя тѣла. Жанна выкидываетъ мертваго ребенка, увидя трупъ мужа, и посвящаетъ себя всецѣло воспитанію сына. Но Поль оказывается порядочнымъ лѣнтяемъ и даже негодяемъ. Его отвозятъ въ одну изъ парижскихъ коллегій, гдѣ онъ ко-

Digitized by Google

нечно, еще больше портится, обманываетъ мать, выманиваетъ у ея деньги, не учится. Его исключили изъ училища, но онъ 17-ти лѣтъ связался съ проституткой, бѣжалъ изъ своего помѣстья въ Гавръ, а оттуда съ нею въ Англію. Понемногу онъ выманиваетъ у матери всѣ деньги изъ отцовскаго наслѣдства. Затѣмъ онъ окончательно разоряетъ ее, не показывая къ ней глазъ. Къ одинокой женщинѣ является ея бывшая служанка Розалія, ободряетъ Жанну, заставляетъ ее переселиться на ферму, ведетъ ея хозяйство. Мать зоветъ къ себѣ сына, но онъ желаетъ явиться къ ней не иначе, какъ женившись на своей возлюбленной. Мать не отвѣчаетъ ни слова, но приходитъ еще письмо отъ сына, что сожительница его родила дѣвочку, а сама при смерти. У него нѣтъ ни гроша и онъ проситъ мать взять ребенка на свое попеченіе. Розалія говоритъ: «если та умираетъ, нужно, чтобы Поль успѣлъ обвѣнчаться ради дѣвочки»—ѣдетъ за нею въ Парижъ и привозитъ ее, обѣщая, что Поль пріѣдетъ послѣ похоронъ. Жанна начинаетъ цѣловать внучку и авторъ обрываетъ романъ на этой сценѣ словами Розаліи: «жизнь, видите, не такъ хороша и не такъ дурна, какъ думаютъ». Что жизнь, описанная Мопассаномъ, вовсе не такъ хороша—это ясно для всякаго, но чтобы въ то же время она была и не такъ дурна—съ этимъ трудно согласиться. Что же «не такъ дурнаго» во всей этой длинной исторіи, переданной нами подробно, потому что она считается лучшимъ произведеніемъ Мопассана? Онъ могъ бы продолжать ее еще лѣтъ на сорокъ, описывая, какъ милый сынокъ вытаскиваетъ у матери послѣдніе гроши. Но врядъ ли картина воспитанія дочери и внучки негодяя, еслибы на послѣднюю даже не подѣйствовало вліяніе атавизма, могли быть интересны. У Жанны не было ни характера, ни педагогическихъ способностей, и она сдѣлала бы изъ внучки такое же пустое, безцвѣтное созданіе, какъ и она сама, Поэтому авторъ, разсказавъ съ большимъ дарованіемъ, но и съ грязными деталями, жизнь безхарактерной дѣвушки, жены и матери, не захотѣлъ описывать ее въ роли бабушки. Но и того, что Мопассанъ помѣстилъ въ своемъ романѣ, достаточно, чтобы видѣть его направленіе, его мысли и взгляды. Въ другихъ произведеніяхъ его только больше грязи, парадоксовъ, проблесковъ ненормальнаго сужденія. Талантливое изложеніе, знаніе французской жизни, вѣрно подмѣченные и мастерски очерченные типы встрѣчаются нерѣдко въ его разсказахъ, но всѣ они залиты порнографіей и психопатіей, и русскому человѣку нѣтъ никакой необходимости имѣть «полное собраніе сочиненій» такого писателя.

Общинное владѣніе въ Россіи, *Ап. Карелина*. 1893.

Въ нашей публицистикѣ возобновляются по временамъ вопросы, о которыхъ толковали безъ конца еще наши предки и будутъ толковать потомки. Къ такимъ вопросамъ принадлежитъ и общинное владѣніе, о которомъ А. Карелинъ написалъ книгу въ 288 страницъ, изданную А. Су-

Digitized by Google

воринымъ. Авторъ не объясняетъ ничѣмъ причину появленія своего труда и, послѣ краткаго опредѣленія предмета своихъ изысканій, переходитъ прямо къ подробностямъ. Онъ разбираетъ сначала разновидности великорусской общины, обращая болѣе всего вниманія на общины ревизскихъ душъ. Почти каждый, сообщаемый имъ, фактъ онъ подтверждаетъ официальными или общеизвѣстными данными, указывая въ примѣчаніяхъ на печатныя русскія сочиненія, и такихъ указаній, въ двухъ частяхъ его книги, до 700. Изъ бѣглаго взгляда на эти цитаты видно, что объ этомъ вопросѣ писали у насъ почти всѣ выдающіеся ученые и публицисты: Пахманъ, Потанинъ, кн. Васильчиковъ, Трироговъ, Капустинъ, В. Григорьевъ, П. Соколовскій, Исаевъ, Герье, Чичеринъ, Масловъ, Соловьевъ, Чернышевскій, Карѣевъ, Якушкинъ, Шелгуновъ, Пругавинъ, Южаковъ, Абрамовъ, Щаповъ, Гагемейстеръ, Чаславскій, Шашковъ, и друг. Множество фактовъ выбрано изъ статистическихъ свѣдѣній по разнымъ губерніямъ. Изслѣдовавъ распредѣленіе земли и функцій общины, авторъ переходитъ къ сельско-хозяйственной культурѣ и факторамъ, разрушающимъ общину. Въ числѣ ихъ и наше законодательство играетъ очень важную роль, подробно разобранную авторомъ. Вредное вліяніе на общинный типъ землевладѣнія нѣкоторыхъ статей нашихъ законовъ авторъ думаетъ парализовать обязательностью передѣла черезъ опредѣленные сроки, легализаціею перехода отъ подворнаго къ общинному владѣнію и неотчуждаемостью земли. О послѣднемъ условіи уже ходатайствовали нѣсколько земствъ, и авторъ—горячій сторонникъ этой мѣры—подкрѣпляетъ ее словами Саваоѳа въ книгѣ Левитъ: «землю не должно продавать навсегда, ибо—моя земля, вы пришельцы и поселенцы у меня». Говоритъ онъ также и о недружелюбномъ отношеніи къ общинѣ, и о враждебномъ отношеніи къ ней администраціи, но къ подкрѣпленію своихъ аргументовъ приводитъ мало фактовъ. Единичный фактъ того, какъ мировой судья и уржумскій съѣздъ посягнули на права общины—ничего не доказываетъ. О малорусскихъ, бѣлорусскихъ и друг. общинахъ говорится всего на всего на пяти страничкахъ. Для спасенія общины авторъ предлагаетъ ея реорганизацію въ высшую форму землепользованія—форму общеартельную, и опровергаетъ, хотя и совершенно напрасно, дикій проэктъ какого-то Кейслера. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» въ старые годы печаталось немало подобныхъ проэктовъ, но кто же на нихъ обращалъ вниманіе? Послѣдняя глава первой части говоритъ объ «отъ-общинныхъ формахъ»: помочи, арендѣ, артели, общественныхъ запашкахъ, супрягахъ. Вторая часть разсматриваетъ общину перваго захвата и общину-артель, затѣмъ общину-волость, города-общины, потомъ четвертное землевладѣніе, личнообщинную систему, резеши, общины охотничьи, соляныя, рыболовныя и друг. Книга заканчивается бѣглыми замѣтками объ общинѣ инородцевъ. Авторъ не изслѣдовалъ общины кавказскихъ туземцевъ и типовъ земле-

Digitized by Google

владѣнія въ мѣстностяхъ на западной границѣ. Никакихъ выводовъ изъ собранныхъ имъ данныхъ онъ не дѣлаетъ, хотя изъ подобранныхъ имъ фактовъ виденъ горячій приверженецъ общиннаго владѣнія. Къ чему же поведетъ его книга? заставитъ ли она враговъ общины отказаться отъ попытокъ къ ея уничтоженію? Уже послѣ выхода въ свѣтъ его книги, въ самомъ концѣ прошлаго года, знатокъ крестьянскаго быта и пламенный поборникъ неотчуждаемости крестьянской земли, Г. П. Сазоновъ, издалъ брошюру: «Быть или не быть общинѣ», возбудившую въ экономическомъ обществѣ жаркія пренія. Говорили рѣчи 12 знатоковъ сельской жизни и изъ нихъ только двое были противниками общины, да и то съ такой стороны, которой докладчикъ не приписывалъ особеннаго значенія. Онъ говорилъ о желаніи нѣкоторыхъ могущественныхъ государственныхъ людей разрушить общину, но ему возражали, что значеніе такихъ могущественныхъ людей, въ ходѣ нашей жизни, довольно относительное. Мало ли такихъ государственныхъ людей были горячими противниками освобожденія крестьянъ, но имъ удавалось только отсрочивать реформу. Оппонентъ г. Сазонова, г. Пантелѣевъ, приводилъ въ примѣръ и Канкрина съ его неудачными мѣрами покровительства нашей промышленности, но можно было бы привести въ примѣръ и другія имена, о которыхъ теперь никто не вспоминаетъ: Орлова, Панина, Адлербергъ и др. Противники г. Сазонова обвиняли его въ томъ, что онъ смѣшиваетъ между собою два совершенно различныя понятія: общину, союзъ лицъ, имѣющихъ общее самоуправленіе, общія работы и т. д., но не общую землю, и—общинное землевладѣніе, допускающее пользованіе самою землею сообща, что, будто бы, ненормально. Изъ оппонентовъ докладчика одни доказывали, что нельзя уничтожить вѣковое учрежденіе, сросшееся съ народомъ; другіе утверждали, что у насъ не трудно измѣнить какія угодно постановленія. И тѣ, и другіе правы съ своей точки зрѣнія. Справедливо было замѣчено во время преній, что «пока народу не даютъ общаго образованія, пока у насъ нѣтъ достаточнаго числа школъ, никто не имѣетъ права бросить общинѣ упрекъ въ некультурности ея способовъ веденія хозяйства». Профессоръ Исаевъ возстаетъ противъ мнѣнія г. Сазонова, что община препятствуетъ въ Россіи развитію рабочаго вопроса, и говоритъ прямо: «Россія имѣетъ рабочій вопросъ и еще болѣе сложный и обостренный, нежели западная Европа, какъ страна, гдѣ милліоны фабричныхъ работниковъ получаютъ плату на половину меньшую, чѣмъ на западѣ, гдѣ мильоны кустарей зарабатываютъ едва десять копѣекъ въ день, гдѣ милліоны крестьянъ-общинниковъ сидятъ на сиротскомъ надѣлѣ, гдѣ въ пищѣ русскаго человѣка недостаетъ болѣе 20-ти процентовъ сравнительно даже съ низшими требованіями гигіены». Все это, конечно, не касается прямо общины, но тѣсно соединено съ нею, какъ множество другихъ вопросовъ. Докладчикъ принужденъ былъ говорить даже о религіи, но не могъ же

Digitized by Google

онъ не возразитъ на обвиненіе нашихъ фарисеевъ, что община содѣйствовала паденію вѣры въ народѣ. Но во взглядахъ своихъ г. Сазоновъ почти во всемъ сходится съ г. Карелинымъ, хотя они не упоминаютъ другъ о другѣ и о мнѣніи защитника неотчуждаемости крестьянскихъ земель упоминается только одинъ разъ въ книгѣ г. Карелина, представляющей лучшій сводъ всего, что въ послѣднее время являлось въ печати объ общинѣ.

В. С. Передольскій. Бытовые остатки насельниковъ ильменско-волжскаго побережья каменнаго вѣка. 1893 г.

Въ прошломъ году, въ Петербургѣ, въ Николаевскомъ дворцѣ была устроена археологическая выставка остатковъ каменнаго вѣка первобытныхъ жителей, населявшихъ побережье Ильменя и Волхова. Устроитель этой выставки, г. Передольскій, не присяжный археологъ, а только любитель, издалъ описаніе этой любопытной выставки. Книга его раздѣляется на двѣ части: въ первой—описаны самые остатки, съ объясненіемъ употребленія древнимъ человѣкомъ его каменныхъ и костяныхъ подѣлокъ. Вторая часть разсматриваетъ значеніе этихъ предметовъ каменнаго вѣка для научныхъ изысканій. Авторъ самъ сознаётся, что книга его написана наскоро и въ ней много неяснаго, необработаннаго, хотя изысканія его намѣчаютъ пути къ родоначалію славяно-руссовъ. Составить книгу помогали автору его трое дѣтей съ ихъ воспитательницею, а издать книгу—товарищи, присяжные повѣренные петербургскаго округа. Во дворцѣ не было выставлено и половины находокъ, добытыхъ въ трехъ новгородскихъ мѣстностяхъ: въ самомъ городѣ, въ урочищѣ Коломцы, у истока Волхова изъ Ильменя, и въ Жальникѣ, т. е. языческомъ кладбищѣ у села Юрьева, въ двухстахъ верстахъ отъ Новгорода. По ильменскому побережью сидѣли еще въ IX вѣкѣ славяне, прозывавшіеся своимъ родовымъ именемъ, въ то время, когда соплеменники ихъ назывались: полянами, древлянами, кривичами, вятичами, соробами и проч. Первое поселеніе возникло на высокомъ холмѣ «Городище» на правомъ берегу Волхова. Еще раньше, на другомъ холмѣ: Нередица былъ городъ «Словенскъ», названіе котораго осталось въ словенскомъ концѣ Новгорода. Первобытный человѣкъ долженъ былъ отвоевывать себѣ шагъ за шагомъ право существованія единственно силою своего разума. Прежде всего онъ научился придавать кости и мягкому камню, при помощи тренія о песокъ или же о камень, видъ, соотвѣтствующій его потребностямъ. Эта эпоха развитія человѣка названа каменнымъ вѣкомъ. Въ землѣ, на той же глубинѣ, гдѣ найдены эти первыя подѣлки человѣка, встрѣчаются и кости животныхъ, служившихъ ему пищей. Къ этимъ находкамъ принадлежитъ верхняя часть черепа вымершаго уже плосколобаго быка, признаваемаго за родоначальника зубра. На лбу его есть знаки, доказывающіе, что огромный быкъ былъ убитъ человѣкомъ, снявшимъ съ него рога при помощи

Digitized by Google

острой кости, найденной неподалеку отъ этого же мѣста; тамъ же найдены хорошо заостренные клинья изъ молодыхъ дубовъ, бивни мамонта со слѣдами обработки рукою человѣка, владѣвшаго плохо рѣзавшимъ орудіемъ. Далѣе найдены большіе каменные топоры-молоты и топоръ-долото изъ діорита, гранита и кристаллическаго песчаника, сланцовыя просверленныя точила, наконечники стрѣлъ, черепки глиняной посуды, костяное шило, челюсти медвѣдя, зубы мамонта, бедряная кость его, найденная въ Петербургѣ, во дворѣ Николаевскаго вокзала, и часть мамонтоваго ребра. Первое заселеніе человѣка было на Словенскомъ холмѣ, покрытомъ сизою глиной, или супесью. Въ Коломцахъ найдены подѣлки изъ глины, узорчатые черепки посуды, раковины прѣсноводнаго моллюска «Unio-lateralis» и отысканные единственно въ коломецкомъ слоѣ—красный янтарь и изваянная изъ кости головка человѣка, отломившаяся отъ цѣльнаго истукана. Существованіе человѣка во время ледянаго періода, когда ледяная кора надвигалась на русскія земли со скандинавскихъ горъ, доказано геологіею. Слѣдами ледника, на земляхъ сѣверной Россіи, считаются округленные камни, валуны. Изысканія о ледникахъ въ западной Европѣ принимаютъ эпоху втораго охлажденія земли, когда въ Англіи жилъ бегемотъ, но въ Россіи не нашли твердыхъ данныхъ, указывающихъ на періодъ втораго охлажденія. Основываясь на болѣе или менѣе искусномъ оттачиваніи или просверливаніи кости и подѣлокъ изъ мягкаго камня, археологи отличаютъ палеолитическій періодъ отъ неолитическаго, когда являются рисунки человѣка, изображающіе и его самого, и современныхъ ему животныхъ. У насъ встрѣчаются изваянія животныхъ изъ кости и камня. Въ Юрьевѣ найдена обстановка погребенія насельника ледниковаго періода. Девять череповъ этого времени принадлежатъ всѣ къ длинноголовымъ. Между украшеніями тогдашняго человѣка найдены: просверленные зубы хищныхъ животныхъ, амулеты изъ черепной кости человѣка, слюдяныя и сланцовыя привѣски, обломки колецъ, костяныя и глиняныя бусы, головки, похожія на мамонтовую, на птичью и на человѣчью, костяныя и сланцовыя пластинки со счетными зарубками. Все это очень подробно описано авторомъ, но многимъ предметамъ онъ приписываетъ ужь слишкомъ большое значеніе. Такъ, онъ утверждаетъ, что на всемъ земномъ шарѣ не обнаружено такого обширнаго населенія, какъ въ Коломцахъ, и съ такими многочисленными бытовыми остатками, и что волховское побережье заселено людьми въ ледниковый періодъ Европы; что коломчане питались сытно и вкусно, мясную и рыбную пищу употребляли въ жареномъ, вареномъ и жидкомъ видѣ, и что въ нихъ даже было стремленіе къ художественному творчеству. Русская рѣчь, по мнѣнію г. Передольскаго, была прародительницею не только европейскихъ языковъ, но и азіатской пермской семьи; онъ даже вѣритъ, что арійцы переселились въ Азію, гонимые стужею Иль-

Digitized by Google

менской страны. Не слишкомъ ли ужь произвольны такія предположенія? Положимъ, Катрфажъ заселялъ Европу жителями изъ Сибири, но и въ научныхъ гипотезахъ увлекаться черезчуръ не слѣдуетъ.

Д. Ратгаузъ. Стихотворенія. *Кіевъ. 1894. Ц. 1 р. 25 к.* Намъ не разъ уже приходилось говорить на этихъ страницахъ о необыкновенномъ изобиліи стихотворныхъ сборниковъ, наводнившихъ, за послѣднее десятилѣтіе, нашъ книжный рынокъ. Наводненіе это, съ ужасающей, неумолимой послѣдовательностью, продолжается до сихъ поръ, и не только каждый годъ, но каждый мѣсяцъ приноситъ намъ въ даръ по нѣскольку поэтическихъ сборниковъ. «У васъ Гоголи рождаются, какъ грибы», строго замѣтилъ Бѣлинскій восторженному поклоннику «Бѣдныхъ людей» Достоевскаго, когда этотъ поклонникъ, прибѣжавъ къ знаменитому критику, осмѣлился сравнить начинающаго автора съ великимъ русскимъ сатирикомъ. Въ наше время уже не Гоголи, а поэты рождаются, какъ грибы; но и грибамъ положенъ извѣстный предѣлъ: они появляются только осенью и исчезаютъ зимой. Отечественнымъ же поэтамъ не положено никакого предѣла: они не знаютъ «ни отдыха, ни срока», и выскакиваютъ на свѣтъ круглый годъ, независимо отъ потребностей читающей публики, отъ состоянія критическаго барометра. Положимъ, большинство изъ нихъ исчезаютъ на «зарѣ туманной юности», не успѣвъ заинтересовать публику своими quasi-поэтическими вдохновеньями; нѣкоторые же погибаютъ немедленно, сорванные безжалостной рукой строгой критики. Но вслѣдъ за сошедшими со сцены появляются массы другихъ.

Въ былыя времена наши поэты не торопились издавать отдѣльные сборники съ плодами своего поэтическаго творчества. Они скромно проходили свой поэтическій путь и только къ концу его, на закатѣ дней, рѣшались дѣлать смотръ своей дѣятельности, печатая «собранія сочиненій». И тогда такой сборникъ имѣлъ свой raison d'être. Передъ поэтомъ лежалъ огромный матеріалъ, изъ котораго онъ могъ дѣлать строгій выборъ, помѣщая въ собраніе только перлы своего творчества и безжалостно отметая все неудачное, наносное, ошибочное и грѣховное. И такой поэтъ, со страницъ своего сборника, выглядывалъ крупной величиной съ опредѣленнымъ направленіемъ, освѣщенный тѣмъ или инымъ, всегда опредѣленнымъ, свѣтомъ. Онъ зналъ: что, кому и для чего говорилъ. Вдохновеніе водило перомъ его, а не перо—вдохновеніемъ. И ихъ любили за это, и поэзія была въ цѣнѣ. Молодые же наши quasi-поэты «и жить торопятся, и чувствовать спѣшатъ». Накропаютъ десятка три-четыре стишковъ и торопятся издавать ихъ отдѣльной книжкой, помѣщая въ ней, рядомъ съ удачными произведеніями, массу всякаго мусора. Вотъ ужь кто, дѣйствительно, вмѣнилъ себѣ въ правило: «поэтъ, не дорожи любовію народной»! И они, дѣйствительно, ею не дорожатъ, дискредитируя свое дѣло въ глазахъ читающей публики, которая извѣрилась въ ихъ

Digitized by Google

таланты и развертываетъ ихъ сборники почти съ озлобленіемъ, чтобы пробѣжать нѣсколько страницъ и забыть ихъ тотчасъ по прочтеніи. Такова, въ общемъ, судьба нашихъ поэтовъ и поэтиковъ.

Передъ нами лежитъ тоненькій сборникъ стихотвореній г. Ратгауза, изданный въ Кіевѣ. Онъ снабженъ *тремя* эпиграфами (embarras de richesse!) долженствующими охарактеризовать намъ автора, какъ писателя и человѣка. Первый эпиграфъ—изъ Эдгара Поэ: «Melancholy is the most legitimate of all the poetical tones». Второй изъ Пушкина: «Не для житейскаго волненья, не для корысти, не для битвъ»... и третій—«посвящаю моимъ родителямъ. Д. Р.». Изъ этихъ трехъ эпиграфовъ мы узнаёмъ, что г. Ратгаузъ признаётъ меланхолію законнымъ тономъ поэзіи, что онъ жрецъ «чистаго» искусства—«пѣсни для пѣсни» и что онъ очень почтительный сынъ. Послѣднее, какъ относящееся къ области «дѣлъ семейныхъ», насъ не можетъ интересовать; посмотримъ же, что̀ предлагаетъ намъ поэтъ въ области чистаго искусства. Открывая первую страницу сборника, мы наталкиваемся еще на одинъ эпиграфъ (по истинѣ это ужь «немножко много», какъ говорятъ нѣмцы) изъ В. Соловьева: «Милый другъ, иль ты не знаешь, что̀ одно на цѣломъ свѣтѣ?—Только то, что̀ сердце къ сердцу говоритъ въ нѣмомъ привѣтѣ»? Сборникъ начинается стихотвореніемъ, носящимъ на себѣ явные слѣды поэтическаго profession de foi самого автора. Объ этомъ profession de foi онъ уже говорилъ намъ чужими словами, еще не допустивъ до чтенія своихъ стиховъ; теперь—онъ говоритъ о томъ же «своими словами»:

Не гулъ вседневнаго смятенья
И суеты
Родили въ сердцѣ вдохновенье
И пылъ мечты...
. . . . . .

Но—

...Все, что̀ въ душѣ было хранимо
Отъ юныхъ дней,
Все, что̀ уму неуловимо
Красой своей—
Все, все излилъ я въ пѣснопѣнья,
Излилъ, какъ могъ...
На міръ душевнаго волненья (?)
Въ нихъ лишь намекъ.

Итакъ, поэзія г. Ратгауза—поэзія намековъ, неуловимой мечты, тихой нѣги и пр. Намеки, мечты, грезы, тихая нѣга имѣютъ свою прелесть и нѣкоторый поэтическій смыслъ въ общей экономіи духовнаго міра человѣка, но для того, чтобы они не потеряли своей прелести, будучи версифицированы и представлены читателю въ видѣ лирическихъ пьесъ, нужно имѣть очень гибкое, очень изящное и очень тонкое дарованье—въ родѣ фетовскаго... Г. Ратгаузъ въ этомъ отношеніи подаетъ надежды,

Digitized by Google

но пока только подаетъ, а что дастъ намъ его дарованіе—покажетъ будущее. Повидимому, его дѣйствительно привлекаютъ фетовскіе лавры и въ каждомъ почти стихотвореніи чувствуется сумеречное настроеніе поэта, тотъ меланхолическій тонъ, который Эдгаръ Поэ признавалъ законнымъ для поэзіи:

Плыветъ луна... и все вокругъ—
Лишь *полу*-тѣнь, лишь *полу*-звукъ... (стр. 7).

Онъ старается усвоить себѣ даже внѣшнюю манеру фетовскаго «безглагольнаго» стиха:

Дѣтство... книжка... скука...
Лѣность и угрозы,
И ученья мука,
И въ итогѣ—слёзы...
Юность. Перемѣна.
Страсти, жгучей грёзы...
Поцѣлуй. Измѣна,
И въ итогѣ—слезы... (и т. д. стр. 30).

Мы не будемъ, конечно, слѣдить за каждымъ стихотвореніемъ сборника; скажемъ, что въ общемъ стихи г. Ратгауза написаны безъ претензіи, кромѣ, быть можетъ, вышецитированнаго, въ нарочито сантиментальномъ духѣ. Въ сборникѣ есть много романсовъ, положенныхъ на музыку незабвеннымъ П. И. Чайковскимъ («Средь мрачныхъ дней», «Въ эту лунную ночь», «Снова, какъ прежде, одинъ» и «Ночь»), талантъ котораго былъ тоже, par excellence, лирическій.

У г. Ратгауза есть несомнѣнное дарованіе и можно смѣло сказать: «son verre n'est pas grand, mais il boit dans son verre». Ему слѣдуетъ только не спѣша работать, отрѣшиться отъ подражательности и не торопиться предавать тисненію сплошь все написанное. Тогда можно будетъ порадовать его надеждою, что онъ займетъ выгодное мѣсто среди нашихъ безчисленныхъ молодыхъ поэтовъ—имя же имъ легіонъ.

Второй сборникъ стихотвореній *В. Л. Величко. СПБ. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.* Авторъ лежащаго передъ нами сборника стихотвореній не очень давно выступилъ на литературное поприще, но успѣлъ уже пріобрѣсть солидную извѣстность. Изъ всей массы пишущихъ стихи, г. Величко имѣетъ свою, ему одному принадлежащую, литературную физіономію; онъ составилъ себѣ имя талантливыми переводами восточныхъ поэтовъ. Переводить съ иностранныхъ языковъ на русскій совсѣмъ не такъ легко, какъ кажется съ перваго взгляда. Кромѣ основательнаго знанія языка, нужно еще умѣніе проникнуть въ духъ подлинника, нужно литературное образованіе и необходимо обладать художественнымъ вкусомъ. Для переводовъ же стихотворныхъ произведеній, да еще съ такихъ языковъ, какъ арабскій, персидскій и пр., требуется совсѣмъ особый талантъ, который и имѣется налицо у нашего поэта. Первая книжка его

Digitized by Google

стихотвореній («Восточные мотивы»), изданная, если не ошибаемся, года три тому назадъ, имѣла успѣхъ въ публикѣ; теперь авторъ даетъ намъ второй сборникъ, вдвое объемистѣе перваго, и составленный очень разнообразно. Онъ распадается на два отдѣла. Въ первомъ—помѣщены оригинальныя «думы, пѣсни, очерки, шутки», во второмъ—излюбленные авторомъ «восточные мотивы». Въ первомъ отдѣлѣ есть немало очень хорошихъ стихотвореній, какъ по свѣжести и новизнѣ идей, такъ и по фактурѣ стиха. Мы можемъ указать, напр., на стихотвореніе «Голодъ». Оно написано сильно, искренно, прочувствованно, звучными стихами. Поэтъ мастерски рисуетъ картину голода:

Землисто-сѣрый цвѣтъ понураго чела,
Уныніе тупое въ мутномъ взорѣ...
Земля дѣтей своихъ, за тяжкій трудъ, на горе,
На муки, на́ смерть обрекла!
Все пусто: закрома́, убогій хлѣвъ и клѣти!..
Скорѣй бы далъ Господь въ могилу лечь,—
Лишь не видать бы, какъ въ нетопленную печь
Глядятъ заплаканныя дѣти!

Поэту совѣстно глядѣть на измученныя лица голодающихъ и ему кажется жалкою, суетною и ничтожною «печалей мнимыхъ вереница»; онъ сокрушается о томъ, что онъ лишь пѣвецъ и поэтическій даръ его не можетъ оживить голодныхъ и больныхъ... Стихотвореніе производитъ прекрасное впечатлѣніе и заканчивается обращеніемъ къ пѣснѣ:

Ты слово, ты не хлѣбъ,—но Царь земли и неба,
Спаситель нашъ былъ Словомъ нареченъ!
Съ мольбой предъ нимъ склонись: тебя услышитъ онъ,
И станешь ты—горами хлѣба...

Конечно—это утопія, но одна изъ тѣхъ утопій, которыхъ осуществленіе хотѣлось бы видѣть; во всякомъ случаѣ, идея стихотворенія въ высшей степени симпатична и оригинально высказана.

Въ «Гимнѣ Богу» (стр. 19) поэтъ благодаритъ Создателя за всѣ блага міра, въ какой бы незначительной мѣрѣ они ни выпали на его долю; онъ отказывается роптать на «свой удѣлъ печальный»,

... пока хоть одному, познавшему грозу,
Я сердцу скорбному могу дать мигъ забвенья,
Хоть одному рабу разбить неволи звенья,
Привѣтомъ осушить хотя бъ одну слезу!..

Этотъ бодрый тонъ совершенно противоположенъ тону, усвоенному нашими молодыми поэтами, съ легкой руки покойнаго Надсона; но Надсонъ все таки обладалъ, хотя и некрупнымъ, талантомъ; его же многочисленные послѣдователи, «поэты-нытики», укрѣпили въ поэзіи безнадежно-унылое пессимистическое нытье, которое, при бездарности,—какъ гоголевскіе канчуки,—становится «вещью нестерпимою».

Digitized by Google

Еслибы намъ вздумалось подробно останавливаться на каждомъ хорошемъ стихотвореніи въ сборникѣ г. Величко, то намъ не хватило бы мѣста въ короткой рецензіи, не претендующей на критическій разборъ книжки, а имѣющей цѣлью лишь обратить на нее вниманіе читателя. Поэтому отмѣтимъ, вскользь, еще нѣсколько, особенно понравившихся намъ, стихотвореній перваго отдѣла: «Женскіе силуэты» (стр. 35), «Изъ дневника» (48), Д. М. Кайгородову (56), «Вчера» (88), «Джимъ и Джонъ» (101), «Трясогузка» (108) и пр. Очень недурны по формѣ и по мысли «Балтійскіе очерки», въ которыхъ природа описана нѣсколькими мастерскими стихами.

Въ этомъ же отдѣлѣ помѣщена сравнительно большая пьеса «Монсиньоръ» — этюдъ изъ временъ первой французской революціи. Темой взяты послѣднія минуты, приговоренныхъ къ гильотинѣ, роялистовъ. Они узнаютъ, что приговоръ надъ ними будетъ приведенъ въ исполненіе немедленно, не позже какъ черезъ полчаса, и ими овладѣваетъ отчаянье, ужасъ и страхъ. Но раздается спокойный голосъ монсиньора, вѣщающій имъ слова утѣшенія: онъ просить осужденныхъ никого не винить и не проклинать, потому что народъ мститъ за свои прежнія нужды и горе: народъ «не только мститель, но и судья неумолимый»; часъ возмездія пришелъ и они должны «нести весь гнетъ чужой вины», а потому надо не роптать, а, напротивъ, благодарить Бога за то, что онъ далъ имъ возможность искупить чужія преступленія, спасти свою душу и цѣною своихъ страданій смыть кровавое пятно... и будущее покажетъ, что эти страданія были перенесены не напрасно. Таковы утѣшенія монсиньора, послѣ которыхъ—

Небесной радостью сіяли плѣнныхъ лица:
Не стонъ отчаянья,—хвалебные псалмы
Неслись изъ груди ихъ къ Господнему престолу...
. . . . . .
А пьяная толпа ревѣла Карманьолу!..

Въ сборникѣ есть нѣсколько эпиграммъ и сатирическихъ стихотвореній, которыя иногда удаются автору.

Что касается втораго отдѣла (Восточные мотивы), то въ немъ г. Величко еще разъ оправдалъ уже укоренившееся о немъ мнѣніе въ публикѣ, какъ о прекрасномъ переводчикѣ. Въ концѣ книги помѣщенъ переводъ исторической драмы грузинскаго поэта кн. Церетели—«Тамара».

Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Выводы и заключеніе *Н. П. Семенова.* 1894.

Авторъ выпустилъ въ свѣтъ большое и капитальное сочиненіе подъ этимъ заглавіемъ; въ настоящей же своей работѣ онъ даетъ краткое резюмэ всего, что было имъ сказано о судьбахъ крестьянскаго сословія въ Россіи. Крестьянское землевладѣніе, болѣе всего затронутое великой ре-

Digitized by Google

формой освобожденія, по справедливому мнѣнію автора, есть одинъ изъ коренныхъ вопросовъ русской жизни; между тѣмъ оно страдаетъ крайней неопредѣленностью, являясь главнымъ источникомъ многихъ недоразумѣній, настоящей причиной обѣдненія крестьянъ. Такая неопредѣленность крестьянскаго землевладѣнія есть результатъ того страннаго и печальнаго факта, что законодательство наше не выяснило отношеній освобожденныхъ крестьянъ къ землѣ. Вслѣдствіе этого, почтенный авторъ старается въ своей работѣ, во 1-хъ, опредѣлить характеръ крестьянскаго землевладѣнія до великаго акта освобожденія крестьянъ; во-вторыхъ, выяснить, какъ это землевладѣніе измѣнилось подъ вліяніемъ положенія 19 февраля 1861 г. и послѣдующихъ узаконеній, и, въ третьихъ, намѣтить тотъ путь, по которому слѣдуетъ идти правительству для установленія прочныхъ отношеній крестьянъ къ землѣ. Согласно этимъ тремъ задачамъ, и брошюра дѣлится на 3 отдѣла. Въ первомъ отдѣлѣ авторъ даетъ намъ картину крестьянскаго землевладѣнія до 61 года, причемъ рѣшительно высказывается за общинную его форму и проводитъ ту мысль, что вытекающая изъ общиннаго порядка круговая порука является иногда дѣйствительной тягостью, но это происходитъ лишь отъ свойствъ и размѣра повинностей, а также и отъ способа ихъ взиманія, но вовсе не отъ самой поруки. Переходя затѣмъ къ выясненію того, какъ отразилось положеніе 19 февраля на крестьянскомъ землевладѣніи, г. Семеновъ находитъ, что «въ исторіи русскаго народа суровой нитью проходитъ прежде всего стараніе правительства о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ» и къ установленію неотчуждаемаго землевладѣнія. Это основное стремленіе правительства должно быть сохранено имъ и въ будущемъ. Какъ же государство можетъ защитить крестьянскую землю отъ скупки людьми не крестьянскаго сословія, помѣшать отчужденію крестьянской земли и водворенію на ней враждебныхъ государству элементовъ? Для этого оно располагаетъ однимъ лишь средствомъ—до срока погашенія выкупныхъ платежей, замѣнить эти послѣднія вѣчными оброчными платежами, такъ какъ лишь при этомъ условіи будетъ установлено неотчуждаемое владѣніе крестьянъ землею. Между тѣмъ, если выкупная операція будетъ завершена, то неотчуждаемость земли явится уже запрещеніемъ собственникамъ распоряжаться своей землею, что было бы равносильно лишенію ихъ правъ собственности на землю. Кромѣ того, замѣною выкупа оброчными платежами облегчится участь помѣщичьихъ крестьянъ, такъ какъ ихъ оброчные взносы могутъ быть приравнены къ оброчнымъ платежамъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, «отъ чего, конечно, произойдетъ уменьшеніе крестьянскихъ платежей». Разсматривая вопросъ о томъ, что предстоитъ сдѣлать правительству для установленія прочныхъ отношеній крестьянскаго населенія къ землѣ, г. Семеновъ рекомендуетъ пять мѣръ:—возстановленіе тягловыхъ участковъ; запрещеніе продавать подворные участки постороннимъ

Digitized by Google

лицамъ и вообще предупрежденіе скопленія многихъ участковъ въ однѣхъ рукахъ; возстановленіе «міра» во всемъ прежнемъ его значеніи и пр. Работа Н. П. Семенова по вопросу о крестьянскомъ землевладѣніи заслуживаетъ серьезнаго вниманія и является солиднымъ вкладомъ въ нашу литературу.

Сельско-хозяйственная статистика европейской Россіи, составилъ *А. Фортунатовъ*, профессоръ Петровской академіи. 1893.

Написанная профессоромъ Фортунатовымъ сельско-хозяйственная статистика обнимаетъ главнымъ образомъ 50 губерній европейской Россіи, и авторъ пользуется не только свѣдѣніями официальной статистики, но и земскими данными, отличающимися какъ бо́льшей точностью, такъ и бо́льшей детальностью. Хотя работа г. Фортунатова имѣетъ въ виду учащихся, но она, тѣмъ не менѣе, заключая въ себѣ большія научныя достоинства и давая точныя характеристики различныхъ сторонъ русской сельско-хозяйственной жизни, должна быть настольной книгой для всякаго, сколько нибудь интересующагося этой жизнью Россіи. Книга состоитъ изъ 5 частей: въ 1-й части—введеніи—авторъ указываетъ на существующіе у насъ хозяйственно-статистическіе матеріалы, выясняетъ задачу критики этихъ матеріаловъ и значеніе сельско-хозяйственной статистики. Вторая часть посвящена изученію территоріи, климата, почвы, землевладѣнія, землепользованія, задолженности частнаго землевладѣнія и цѣнъ на землю. Въ третьей части разсматривается населеніе со стороны его численности и состава, изслѣдуется его движеніе, а также наемъ людей на сельско-хозяйственныя работы, величина заработной платы и качество сельскихъ построекъ. Четвертая и пятая части посвящены изученію: земледѣлія и скотоводства, съ одной стороны, и торговли продуктами сельскаго хозяйства—съ другой.

Digitized by Google

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Паспортная реформа и ея значеніе для народной жизни.—Три періода въ исторіи регулированія народнаго передвиженія: свободное передвиженіе, необходимость разрѣшенія начальства и свобода передвиженія по закону.—Отношеніе современныхъ законодательствъ къ вопросу о передвиженіи.—Наше русское законодательство и его коренные недостатки.—Финансовая и полицейская сторона въ дѣйствующей паспортной системѣ.—Главныя основанія новаго «положенія о видахъ на жительство».—Высочайше учрежденная комисія для общаго пересмотра узаконеній, относящихся къ обложенію торговли и промышленности въ Россіи.—Дѣйствующія нынѣ узаконенія и ихъ недостатки.—Двѣ стороны обложенія торговли и промышленности: финансовая и экономическая.—Обремененіе налогами низшихъ классовъ населенія.—Принципы подоходнаго обложенія въ области прямыхъ налоговъ.—Наша крупная торговля и промышленность, и ихъ покровительство со стороны таможенной и финансовой политики государства.—Основная задача при пересмотрѣ законовъ, относящихся до обложенія торговли и промышленности.—Общія основанія проэкта «положенія о промысловомъ налогѣ» и нѣкоторыя постановленія комисіи.

Мы находимся наканунѣ паспортной реформы, касающейся самыхъ живыхъ нравственныхъ, бытовыхъ и экономическихъ интересовъ всего русскаго крестьянства и мѣщанства, нѣкогда называвшихся податнымъ населеніемъ. Въ послѣднее время,— какъ мы имѣли случай не разъ подтверждать это,—обращено особенное вниманіе на судьбу крестьянской массы и принято нѣсколько полезныхъ мѣръ для улучшенія ея экономическаго положенія. Разбираясь въ неблагопріятныхъ условіяхъ крестьянской жизни, правительство не могло не замѣтить того страшнаго зла, которое извѣстно подъ именемъ «паспорта». Дѣйствующая у насъ паспортная система выработалась исторически и, какъ остатокъ старины, она совершенно не соотвѣтствуетъ современнымъ условіямъ жизни, являясь порядкомъ ни для кого не нужнымъ и для всѣхъ стѣснительнымъ.

Кому не извѣстно, какъ многочисленна наша «бродячая Русь»! Въ теченіе цѣлаго года непрерывно по поверхности нашего громаднаго отечества совершаются постоянныя передвиженія населенія, одна часть котораго стремится на промысловые заработки, другая—на земледѣльческіе, третья — на торговые и пр. Если было время, когда народъ нашъ «бѣгалъ» и искалъ «воли», чувствуя непосильный гнетъ крѣпостныхъ порядковъ, выражавшихся въ помѣщичьемъ и приказномъ насиліи, то теперь передвиженіе русскаго

Digitized by Google

населенія вызывается, главнымъ образомъ, экономичоскими условіями—исканіемъ на сторонѣ заработковъ, скудныхъ средствъ къ прокормленію себя и своей семьи. Связь передвиженія населенія съ экономическимъ положеніемъ естественно привела къ необходимости устранить тѣ затрудненія, съ какими встрѣчается передвиженіе. Нечего говорить, что главнымъ изъ этихъ затрудненій являлась дѣйствующая паспортная система.

Прежде чѣмъ перейти къ выясненію неудобствъ современнаго законодательства о паспортахъ и къ опредѣленію главныхъ основъ ожидаемой реформы, мы посмотримъ, какимъ цѣлямъ служитъ вообще паспортъ и какъ въ различное время регулировалось передвиженіе населенія.

Передвиженіе людей съ одного мѣста на другое, то есть, переходъ жителей изъ одной части государства въ другую, а также переѣздъ ихъ за границу—явленія, касающіяся главнымъ образомъ личной свободы, которая признаётся однимъ изъ основныхъ условій правомѣрнаго государства. «Исторія права передвиженія, — справедливо замѣчаетъ Л. Штейнъ,—есть немаловажная часть исторіи права вообще и служитъ характеристикою общаго развитія внутренней жизни народа». Но эта свобода вовсе не означаетъ, чтобы— по выраженію одного писателя—«отдѣльное лицо, подобно каплѣ въ морѣ, могло носиться безконтрольно въ народной массѣ», такъ какъ это не оправдывается многими основаніями и соображеніями, напр.: призрѣніемъ бѣдныхъ, условіями осѣдлости, правовыми отношеніями. Въ виду этого, государство, признавая свободу передвиженія личности, вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ, чтобы каждый подданный былъ членомъ одного изъ обществъ въ государствѣ, будетъ ли общество имѣть въ своемъ основаніи политико-соціальные или территоріальные, мѣстные интересы.

Въ исторіи можно рѣзко различить три періода относительно условій передвиженія. Первый періодъ совпадаетъ съ временемъ, когда, при полной свободѣ личности, *всецѣло признавалась и свобода передвиженія*. Затруднялось иногда лишь движеніе къ мѣсту, напр.: у насъ въ Россіи былъ обычай, чтобы всякій вновь приходящій въ общину находилъ за себя поручителя, ручавшагося передъ общиной за исправность пришедшаго. Второй періодъ начинается тогда, когда, при возникновеніи могущественно объединеннаго государства, явилось ограниченіе права передвиженія ради соображеній внутренней политики, напр., принципа тягла въ московскомъ государствѣ. Затѣмъ ограниченіе передвиженія было поставлено въ связь съ привилегіями землевладѣльческаго класса. И, наконецъ, государство мало по малу приходитъ къ сознанію, что безграничное право свободнаго передвиженія вообще не безопасно для самого государства и отдѣльныхъ лицъ, а вслѣдствіе этого въ законодательствѣ выставляется требованіе, чтобы вообще *всякое передвиженіе людей было поставлено въ зависимость отъ разрѣшенія начальства*. Лица, переходившія или переѣзжавшія изъ одного мѣста въ другое безъ полученія этого разрѣшенія, подвергаются даже наказаніямъ. Во время развитія такъ называемаго «полицейскаго государства», правительства стараются регламентировать дѣйствія

Digitized by Google

всякаго свободнаго человѣка, стараются знать: кто онъ, чѣмъ занимается, куда направляется и т. д., а средствомъ для такого контроля является паспортъ. Паспортная система, дѣйствовавшая съ видоизмѣненіями въ нѣкоторыхъ государствахъ до новѣйшаго времени, имѣетъ характеръ начальственнаго разрѣшенія и заключаетъ одинъ важный элементъ, именно—офиціальное удостовѣреніе личности, безъ чего путешествующему изъ одного мѣста государства въ другое путь становится почти невозможнымъ. Третій періодъ начинается тогда, когда *свобода передвиженія признаётся закономъ вполнѣ*. Ограниченіе ея является развѣ только въ видѣ исключенія, напр.: ради условій поселенія, полицейской безопасности, санитарныхъ требованій и т. д. Начало этого періода на континентѣ Европы совпало съ концомъ XVIII-го столѣтія.

Большинство современныхъ законодательствъ не создаетъ затрудненій для человѣка, желающаго пріобрѣсть права члена общины, или передвинуться изъ одной мѣстности въ другую. Всѣ ограниченія при поселеніи и передвиженіи точно указываются въ положительномъ правѣ, какъ исключительные случаи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ положительное право различаетъ постоянное мѣстожительство (осѣдлость) отъ временнаго мѣстопребыванія. Первымъ называется то мѣсто, гдѣ личность считается законно-пребывающей, та община, которой принадлежитъ личность. Съ постояннымъ мѣстожительствомъ связываются многоразличныя права (право выбора, право на призрѣніе и т. д.) и обязанности (уплата податей, отбываніе повинностей и т. д.).

Ранѣе всего понятіе постояннаго мѣстожительства было опредѣлено въ англійскомъ правѣ, такъ какъ тамъ съ мѣстожительствомъ былъ связанъ вопросъ о призрѣніи бѣдныхъ. Обязанность призрѣнія принуждала знать, кто принадлежалъ къ общинѣ. Понятіе мѣстожительства было установлено актомъ объ осѣдлости; отъ своего мѣстожительства вправѣ былъ требовать призрѣнія только тотъ, кто имѣлъ тамъ право осѣдлости.

Наше русское законодательство, при опредѣленіи условій принадлежности лица къ общинѣ, доселѣ не руководилось установленіемъ общихъ условій для всего населенія. Принадлежность лица къ обществу обусловливается его сословіемъ, въ зависимости отъ котораго находятся пріобрѣтеніе и утрата постояннаго мѣстожительства. Затѣмъ, при опредѣленіи мѣстожительства, наше законодательство проводитъ различіе между податными (общее состояніе) и неподатными классами (привилегированное состояніе). Всякое податное лицо входитъ въ составъ какого либо податнаго общества. Лица, котораго не «сообщена» принадлежность къ податному обществу, обязаны послѣ совершеннолѣтія приписаться къ одному изъ податныхъ обществъ. Лица же, не могущія доказать своего званія, т. е. доказать принадлежность къ податному обществу, признаются бродягами. Перемѣна постояннаго мѣстожительства податныхъ классовъ состоитъ въ зависимости отъ перемѣны состоянія. Принадлежность къ податному обществу и увольненіе изъ него урегулированы законами.

Вопросъ о передвиженіи людей изъ одного мѣста въ другое

Digitized by Google

находится въ тѣсной связи съ вопросомъ выбора временнаго мѣстопребыванія. Полицейскія мѣры, стѣснявшія перемѣну мѣстопребыванія, возникли въ эпоху такъ называемаго полицейскаго государства, главнымъ образомъ, ради обезпеченія условій безопасности. Совокупность полицейскихъ ограниченій передвиженія составила такъ называемую паспортную систему, которая не только въ значительной мѣрѣ является стѣсненіемъ одной изъ сторонъ личной свободы—передвиженія, но и свободнаго выбора промысла, занятій. Въ Россіи общія ограниченія выбора мѣстопребыванія и передвиженія были созданы законодательствомъ Петра Великаго, которое при своей сложности вызвало въ исторіи большія невыгоды для населенія. Прежде всего наше паспортное законодательство развивалось въ разрѣзъ не только съ народнымъ взглядомъ на передвиженія, признающимъ за каждымъ право свободнаго перемѣщенія по территоріи государства, но и съ условіями исторической жизни русскаго народа.

Переходя теперь къ выясненію недостатковъ дѣйствующей паспортной системы, мы видимъ, что такъ называемые «письменные плакаты» прикрѣпляли народъ къ землѣ, къ данному селу и мѣсту, отлучка изъ которыхъ разрѣшалась крестьянамъ не иначе, какъ только съ паспортомъ. Полученіе же паспорта связано было съ большими затрудненіями и вполнѣ зависѣло вначалѣ отъ усмотрѣнія помѣщиковъ и приказныхъ, а потомъ отъ сельскихъ властей. Между тѣмъ, всякій русскій человѣкъ, находящійся внѣ черты своей осѣдлости и не имѣющій при себѣ узаконеннаго письменнаго вида, получалъ названіе «гулящаго», задерживался гражданскими и военными властями, сидѣлъ въ тюрьмахъ, подвергался тѣлеснымъ наказаніямъ и пр.

Нашъ паспортный уставъ является уцѣлѣвшею частью крѣпостнаго законодательства, къ пересмотру котораго хотя и приступали неоднократно, но тѣмъ не менѣе оно осталось нетронутымъ и неприкосновеннымъ до нашихъ дней. Жалобы на нашу паспортную систему раздаются не со вчерашняго лишь дня. Еще въ царствованіе Николая I ясно были сознаны неудобства стѣсненія населенія при необходимомъ для него передвиженіи. Затѣмъ, графъ П. Д. Киселевъ указывалъ на то, что, при строгомъ соблюденіи дѣйствующей паспортной системы, «крестьянинъ не можетъ безъ письменнаго вида отправиться въ приходскую церковь, если она не въ томъ же селеніи; что онъ не можетъ отвезти произведеній своихъ трудовъ въ сосѣднее селеніе на базаръ или на ярмарку; что онъ не можетъ явиться безъ письменнаго вида на сельскій или волостной сходъ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, крестьянинъ не можетъ выѣхать даже пахать свою землю, не взявши письменнаго вида, потому что удобныя земли лежатъ до тридцати верстъ отъ селенія». Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Ланской, передъ самой крестьянской реформой составилъ весьма обстоятельную записку о необходимости измѣненій дѣйствующихъ по паспортной части постановленій, что было признано, однако, несвоевременнымъ. Послѣ освобожденія крестьянъ, стѣсненія при передвиженіи еще сильнѣе давали себя чувствовать, и «паспорт-

Digitized by Google

ный вопросъ» возникалъ періодически, но реформа этого дѣла всякій разъ встрѣчала различныя препятствія и вызывала во многихъ какой-то паническій страхъ. Такъ, въ 1870 году, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ образована была особая комисія для обсужденія вопроса о паспортной реформѣ. Не смотря на то, что комисія добросовѣстно отнеслась къ предложенной ей задачѣ и собрала много данныхъ для всесторонняго освѣщенія дѣла, осуществленіе реформы пришлось все таки отложить. Съ отмѣной подушной подати,—этого главнаго тормоза для паспортнаго преобразованія,—вопросъ о паспортной реформѣ снова былъ выдвинутъ, и вотъ теперь предстоитъ его разрѣшеніе.

Наша паспортная система заключала въ себѣ двѣ стороны—финансовую и полицейскую. При существованіи въ Россіи личныхъ податей, паспортъ гарантировалъ исправное ихъ поступленіе, прикрѣпляя податную личность, для лучшаго контроля, къ извѣстному мѣсту. Съ другой стороны, паспортъ служилъ удостовѣреніемъ личности, опредѣляя ея имя, состояніе, семейное положеніе, и былъ средствомъ для наблюденія за передвиженіемъ населенія.

Но вотъ отмѣнена подушная подать, налоги съ личности перешли на имущество, и паспортъ потерялъ свое фискальное значеніе, такъ какъ отбываніе повинностей, не только государственныхъ, но земскихъ, общественныхъ или мірскихъ, теперь не можетъ уже служить препятствіемъ къ свободному передвиженію крестьянъ и мѣщанъ. Не имѣя фискальнаго значенія, наша паспортная система имѣетъ едва ли большій смыслъ и съ полицейской точки зрѣнія. Еще паспортная комисія 1870 года, выслушавъ экспертовъ и знатоковъ полицейской практики, пришла къ заключенію, что содержащееся въ нынѣшнемъ паспортномъ уставѣ общее воспрещеніе отлучаться изъ мѣста своего постояннаго жительства безъ узаконеннаго вида не представляется необходимымъ для охраненія общественнаго порядка и безопасности. Той же комисіей признано было, что весьма не трудная поддѣлка паспортовъ давала возможность лицамъ, имѣющимъ интересъ и поводъ скрываться отъ наблюденія или преслѣдованія, всегда имѣть при себѣ по внѣшности и по формѣ безукоризненные виды на жительство. Между тѣмъ честная и вполнѣ благонадежная часть населенія несла на своихъ плечахъ всю тяжесть податной системы и была стѣснена ею до послѣдней крайности. Начать съ того, что полученіе паспорта не только убиваетъ духъ промышленной предпріимчивости въ русскихъ крестьянахъ, но стѣсняетъ ихъ даже въ пріисканіи заработковъ. Дѣло въ томъ, что масса крестьянъ или совсѣмъ лишена возможности прилагать свой трудъ въ мѣстѣ своего постояннаго жительства, или же принуждена искать себѣ добавочныхъ средствъ къ жизни; между тѣмъ, если крестьянину для названныхъ цѣлей нужно перейти границу своего уѣзда, онъ уже обязанъ выправить паспортъ, въ полученіи котораго ему непремѣнно отказываютъ, вслѣдствіе причитающейся съ него недоимки. Такимъ образомъ, крестьянинъ попадаетъ въ какой-то заколдованный кругъ: онъ бѣденъ и, не находя средствъ къ существованію въ своей родной мѣстности, желаетъ попасть туда, гдѣ существуетъ спросъ на рабочія руки; но его не пускаютъ, такъ

Digitized by Google

какъ за нимъ числятся недоимки; съ другой стороны, недоимки, удерживающія крестьянина въ извѣстной мѣстности, продолжаютъ расти, и онъ впадаетъ въ еще бо̀льшую бѣдность, такъ какъ стѣсняется свобода его передвиженія; другими словами,—крестьянина насильственно удерживаютъ въ извѣстной мѣстности, ибо за нимъ есть недоимка, а недоимки, въ свою очередь, существуютъ только потому, что крестьянина, удерживая въ родномъ селѣ, лишаютъ тѣмъ самымъ возможности пріискать средства къ жизни! Если же иногда эти стѣсненія, созданныя закономъ, устраняются различными уловками сельской власти, то все это ставитъ крестьянина въ полную зависимость отъ каприза волостнаго писаря, что́ имѣетъ крайне деморализующее вліяніе на крестьянскую жизнь.

Заботясь объ улучшеніи общихъ условій крестьянскаго существованія, наше правительство не могло не остановиться на дѣйствующей паспортной системѣ и не подумать объ устраненіи этихъ путъ русской экономической жизни: паспортная реформа была признана одной изъ наиболѣе ясно сознанныхъ государственныхъ потребностей.

Къ сожалѣнію, новое «положеніе о видахъ на жительство» не представляетъ кореннаго разрѣшенія этого стараго и наболѣвшаго вопроса нашей народной жизни. Первая статья новаго закона говоритъ: «видъ на жительство служитъ *удостовѣреніемъ личности*, а равно *права на отлучку* изъ мѣста постояннаго жительства въ тѣхъ случаяхъ, когда это право должно быть удостовѣрено». Въ паспортномъ отношеніи, все населеніе будетъ раздѣляться на двѣ части: одна часть (большинство) снабжается срочными видами на жительство, а другая (меньшинство) безсрочными; срочные виды устанавливаются нѣсколькихъ категорій: исправнымъ членамъ обществъ (мѣщанскихъ и сельскихъ) безпрепятственно выдаются пятилѣтнія книжки, недоимщики же получаютъ паспортныя книжки только съ согласія обществъ, а безъ ихъ согласія — книжки лишь на 1 годъ, затѣмъ есть паспорты на $^1/_2$ года и на 3 мѣсяца. Хотя этимъ путемъ устраняются до нѣкоторой степени стѣсненія, связанныя съ краткосрочностью всѣхъ существующихъ теперь паспортныхъ документовъ (не больше одного года) и съ затруднительностью ихъ возобновленія, но этими болѣе чѣмъ скромными результатами далеко не исчерпаны задачи паспортной реформы. Что касается измѣненія названія, т. е. замѣны паспорта—«видомъ на жительство», то это обстоятельство не можетъ принести, конечно, никакой пользы нашему населенію, такъ какъ въ новомъ законѣ не устранены гнетъ сельскаго общества и произволъ сельской власти, не только стѣсняющихъ передвиженіе жителей, но и облагающихъ его свободу тяжелою данью. Наше отечество, съ неосѣвшимъ еще донынѣ населеніемъ, распредѣленіе котораго представляется крайне неравномѣрнымъ, вслѣдствіе чего спросъ на трудъ и предложеніе его сильно измѣняются по различнымъ мѣстностямъ, нуждается не въ срочныхъ (хотя бы на пять лѣтъ) и платныхъ паспортныхъ книжкахъ, а въ безплатныхъ и пожизненныхъ видахъ на жительство.

Новое «положеніе» все еще вѣритъ въ фискальное значеніе паспорта и не желаетъ отказаться отъ права удерживать и водворять

Digitized by Google

въ мѣстахъ приписки неисправныхъ плательщиковъ различныхъ сборовъ, хотя недоимщикамъ и невозможно существовать въ этихъ мѣстахъ. Но что же достигается этимъ «водвореніемъ»? Еще большее разстройство платежныхъ силъ населенія. Не нужно забывать, что существующіе сборы падаютъ не на личность того или другаго плательщика, а на его имущество, которое не передвигается и остается, конечно, на мѣстѣ «приписки» плательщика. Если же данное лицо не располагаетъ никакимъ имуществомъ, въ мѣстѣ своего постояннаго пребыванія, то, во-1-хъ, его можно, при извѣстныхъ условіяхъ, считать фактически порвавшимъ всякія связи съ своей родиной, а, во-2-хъ, едва ли полезно для кого нибудь насильственно водворять человѣка въ мѣстности, изъ которой онъ бѣжалъ за невозможностью существовать въ ней. Надо думать, что срочные паспорты, какъ средство обезпеченія взиманія недоимокъ и сборовъ, сохранились у насъ лишь потому, что новый законъ вообще носитъ ясные слѣды взглядовъ, выработанныхъ въ дореформенное время.

Точно также нѣсколько странной кажется намъ надежда новаго закона на паспортъ въ видахъ общественнаго порядка и безопасности. Извѣстно, что полицейское значеніе паспорта отвергнуто мнѣніями нашихъ спеціалистовъ полицейскаго дѣла и что образцовыя полиціи западно-европейскихъ государствъ обходятся безъ бумажнаго ярлыка, который, въ видѣ паспорта, наклеивается у насъ на каждаго обывателя. Опытъ культурныхъ странъ давно успѣлъ убѣдить, что паспортная система *не только не облегчаетъ полицейскаго надзора, но даже усложняетъ его*, сводя трудъ агента полиціи къ *надзору за паспортами* вмѣсто *надзора за лицами*. Наконецъ, въ новомъ законѣ о паспортахъ удержано взиманіе извѣстныхъ сборовъ въ казну и въ пользу мѣстныхъ учрежденій. Этимъ устанавливается новый родъ прямаго поголовнаго обложенія всего взрослаго населенія. Въ интересахъ содѣйствія народному труду и производительному развитію народнаго хозяйства, справедливѣе было бы отказаться отъ всякихъ сборовъ съ видовъ на жительство. Между тѣмъ, по новому закону, при выдачѣ паспортныхъ книжекъ, съ лицъ, ихъ получающихъ, взимается единовременный сборъ: за безсрочную книжку—50 коп. и за пятилѣтнюю—25 коп. Краткосрочные паспорты, отъ трехъ мѣсяцевъ до 1 года, обложены бланковымъ сборомъ отъ 15 коп. до 1 руб. Кромѣ того, паспортныя книжки облагаются сборомъ въ доходъ казны, въ размѣрѣ одного рубля; сборъ этотъ взимается посредствомъ наклейки одной паспортной марки, и не чаще одного раза въ годъ. Въ паспортныя книжки, по ходатайству владѣльцевъ ихъ, могутъ быть вносимы: 1) сыновья, родственники, пріемыши и лица мужскаго пола, состоящія подъ опекою, не старше 18 лѣтъ; 2) незамужнія дочери и родственницы, пріемыши и опекаемыя лица женскаго пола, и 3) лица, которыя, по преклонному возрасту или состоянію своего здоровья, не могутъ обходиться безъ посторонняго ухода. Но послѣдняя категорія лицъ, а равно лица мужскаго пола, по достиженіи 21 года, вносятся въ виды не иначе, какъ съ собственнаго ихъ согласія.

Нѣкоторыя облегченія сдѣланы въ вопросѣ о безпаспортности. При обнаруженіи лица, отлучившагося или проживающаго безъ уста-

Digitized by Google

новленнаго вида или съ просроченнымъ видомъ, полиція,—если лицо это докажетъ свою самоличность,—выдаетъ ему свидѣтельство на срокъ не долѣе 6 мѣсяцевъ для полученія вида на жительство. По истеченіи этого срока, полиція снабжаетъ это лицо особымъ удостовѣреніемъ для отбытія въ 7-дневный срокъ въ мѣсто постояннаго жительства, и лишь въ случаѣ неотбытія въ этотъ срокъ примѣняется высылка. Засимъ къ лицамъ, не доказавшимъ своей самоличности, примѣняется постановленіе о бродягахъ и бѣглецахъ. «Положеніе о видахъ на жительство» примѣняется также и къ евреямъ, но съ нѣкоторыми ограничительными правилами, носящими къ тому же характеръ временный, впредь до пересмотра всѣхъ дѣйствующихъ о евреяхъ узаконеній. (Когда, однако, будутъ пересмотрѣны эти узаконенія, въ силу которыхъ евреи безпрепятственно наводняютъ собой, подъ видомъ «ремесленниковъ», всю Россію и практикуютъ, главнымъ образомъ, свои обычныя *ремесла*: ростовщичество и спаиваніе народа?) Въ видахъ на жительство евреевъ обязательно обозначаются ихъ примѣты; на видахъ этихъ дѣлается надпись, что они дѣйствительны лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ владѣльцамъ ихъ разрѣшается временное или постоянное пребываніе. Кромѣ вида на жительство, евреи обязаны, по своемъ пріѣздѣ, предъявлять полиціи также и документы, удостовѣряющіе ихъ право на жительство въ данной мѣстности. Этой мѣрой, однако, очень плохо предупреждается проживательство внѣ черты еврейской осѣдлости тѣхъ изъ евреевъ, которые не пользуются по закону правомъ постояннаго или временнаго, внѣ этой черты, пребыванія.

Намъ остается прибавить къ сказанному, что новый законъ о паспортахъ вступитъ въ дѣйствіе съ 1-го января 1895 года, причемъ общій доходъ отъ паспортнаго сбора, согласно вышеприведеннымъ за паспорты цѣнамъ, опредѣленъ приблизительно въ 3 мил. руб., т. е. на 500 тысячъ менѣе того, что̀ получается теперь ($3^1/_2$ мил. рублей).

20-го ноября 1892 года высочайше учреждена особая комисія для общаго пересмотра узаконеній, относящихся къ обложенію торговли и промышленности въ Россіи, подъ предсѣдательствомъ директора департамента торговли и мануфактуръ В. И. Ковалевскаго.

Въ началѣ іюля 1893 г. вышелъ трудъ управляющаго варшавскою казенною палатою И. Я. Рудченко, составленный по порученію предсѣдателя вышеназванной комисіи: «Историческій очеркъ обложенія торговли и промысловъ въ Россіи». Открытіе же засѣданій комисіи для выработки новыхъ правилъ о промысловомъ налогѣ, при участіи уполномоченныхъ разныхъ вѣдомствъ, а также представителей торговли и промышленности, послѣдовало 20-го мая текущаго года.

Трудъ г. Рудченко, представляя прекрасное изслѣдованіе, знакомящее съ историческимъ развитіемъ русскаго законодательства и статистическими данными торгово-промышленнаго обложенія въ нашемъ государствѣ, даетъ богатый матеріялъ какъ для критики современнаго положенія вопроса, такъ и для выработки общихъ основаній предстоящей реформы.

По дѣйствующимъ нынѣ узаконеніямъ, торговля и промышленность въ Россіи облагаются «промысловымъ налогомъ» въ двоякомъ

Digitized by Google

видѣ: во-1-хъ, пошлинами за право торговли и другихъ промысловъ, вносимыми при выборкѣ торговыхъ и промысловыхъ документовъ, на основаніи положенія 9-го февраля 1865 года; а, во-2-хъ, дополнительными сборами—процентнымъ и раскладочнымъ, которые взимаются съ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій по правиламъ 15 января 1885 г., 18 января 1889 г. и 21 декабря 1892 г. Кромѣ того, къ промысловому налогу, по существу, долженъ быть причисленъ также и патентный сборъ за право содержанія заведеній и предпріятій, обложенныхъ акцизомъ или иною пошлиною въ пользу государственнаго казначейства. Всѣ эти узаконенія, изданныя въ разное время, при различныхъ условіяхъ и съ разнородными цѣлями, естественно не могли основать торгово-промышленнаго обложенія на какихъ либо общихъ началахъ. Между тѣмъ, только при однообразной системѣ промысловаго налога, и можно было бы достичь хотя нѣкоторой равномѣрности въ обложеніи различныхъ—по роду, характеру и размѣрамъ—торговыхъ и промышленныхъ предпріятій. Основной законъ русскаго промысловаго обложенія—положеніе о пошлинахъ за право торговли и другихъ промысловъ — обнародованъ былъ еще 1 января 1863 года; но вслѣдъ затѣмъ онъ былъ дополненъ 9 февраля 1865 года, и въ такомъ видѣ вступилъ въ дѣйствіе. Такъ какъ «положеніе» о пошлинахъ издано 30 лѣтъ тому назадъ, то естественно, что этотъ законъ, отвѣчая потребностямъ своего времени, въ настоящую пору пересталъ удовлетворять требованіямъ жизни и нуждается въ коренномъ измѣненіи.

Хотя въ теченіе 30-лѣтняго существованія отдѣльныя статьи «положенія» о пошлинахъ подвергались неоднократнымъ измѣненіямъ, но это не могло измѣнить общаго его характера, не соотвѣтствующаго быстрому экономическому росту нашей страны. Такъ, для увеличенія промысловаго дохода, у насъ введены были дополнительные сборы — процентный и раскладочный: съ 1885 г. — съ гильдейскихъ, съ 1889 г.—съ негильдейскихъ, а съ начала 1893 года—и со всѣхъ тѣхъ акцизныхъ предпріятій, которыя еще не облагались означенными сборами; но всѣ эти сборы, совершенно не связанные съ торговыми пошлинами, далеко не устранили той неравномѣрности, какая существовала и существуетъ до сихъ поръ въ обложеніи между различными группами предпріятій и между отдѣльными плательщиками.

Вопросъ объ обложеніи торговли и промышленности заключаетъ въ себѣ двѣ стороны: финансовую и экономическую. Промысловый налогъ даетъ, во-первыхъ, извѣстный доходъ казнѣ; а, во-вторыхъ, онъ такъ или иначе вліяетъ на торгово-промышленную дѣятельность населенія. Для оцѣнки финансовыхъ результатовъ торгово-промышленнаго обложенія, дѣйствовавшаго въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ, необходимо прежде всего опредѣлить, какую роль играетъ промысловый налогъ въ нашихъ государственныхъ доходахъ вообще и въ прямыхъ налогахъ въ частности. Значеніе промысловыхъ сборовъ и роль ихъ въ государственномъ бюджетѣ видны изъ слѣдующей таблицы государственныхъ доходовъ по росписямъ за 1865, 1874, 1885 и 1891 годы.

Digitized by Google

	За 1865 г.	За 1874 г.	За 1885 г.	За 1891 г.
I. Подушные, поземельные и подомовые налоги.				
1) Подушныя и др. подати .	64.794,996	92.311,182	92.375,156	22.433,210
2) Государственный позем. налогъ.	—	—	11.748,564	13.205,429
3) Налогъ съ город. недвиж. имущ.	2.075,900	2.227,622	6.055,600	6.801,800
Итого . .	66.870,896	94.538,810	110.179,320	42.440,440
II. Пошлины и сборы за право торговли и промысловъ.				
1) Пошлины за право торговли и промысловъ . . .	10.095,510	12.454,000	21.705,000	25.290,000
2) Дополнительные сборы—3% и раскладочный . . .	—	—	4.221,000	8.640,000
Итого . .	10.095,510	12.454,000	25.926,000	39.930,000
III. Патентный сборъ съ акцизныхъ предпріятій.				
1) Съ заведеній для выдѣлки и продажи питей	7.000,000	15.000,000	19.500,000	17.500,000
2) Съ табачныхъ фабрикъ и заведеній	520,000	1.300,000	2.165,000	2.160,000
3) Съ сахарныхъ заводовъ .	36,000	47,000	93,500	125,000
4) Со спичечныхъ заводовъ .	—	—	—	18,000
Итого . .	7.556,000	16.347,000	21.759,000	19.803,000
Всего прямыхъ обложеній	84.522,406	123.339,810	157.864,320	96.173,440
Въ томъ числѣ:				
Съ торговли и промышленности:	17.651,500	28.801,010	47.685,000	53.733,000
Всего государств. доходовъ по росписямъ	357.685,408	539.851,656	788.822,249	904.807,709

Изъ этой таблицы видно, что нашъ доходный бюджетъ, съ 1865 года по 1891 включительно, повысился на 153%; въ то же время налоги съ торговли и промышленности возросли на 204%, а пошлины, съ дополнительными сборами, за право торговли и промысловъ поднялись на 236%. Слѣдовательно, налоги съ торговли и промышленности въ своемъ развитіи опередили даже общій ростъ бюджета. Въ 1865 году прямыя обложенія у насъ составляли 23,65%; затѣмъ, въ 1874 г. они понизились до 22,85%; въ 1885 г. опустились до 20% и, наконецъ, въ настоящее время, они составляютъ въ нашемъ бюджетѣ не болѣе 10,62%.

Отношеніе промысловаго обложенія къ прямымъ налогамъ измѣнялось такъ: въ 1865 году это обложеніе составляло 20,88% всѣхъ прямыхъ налоговъ; въ 1874 году оно поднялось до 23,35%; въ 1885 году составляло 30,2% всѣхъ прямыхъ налоговъ, а въ 1891 г. налоги съ торговли и промышленности составляютъ уже болѣе половины (55,8%) всѣхъ прямыхъ обложеній.

Нашъ промысловый налогъ въ 1891 году выразился въ 53.733,000 руб., изъ которыхъ 34 милліона, или почти $^2/_3$, составляютъ общіе сборы съ торговли и промышленности, и, такимъ образомъ, этотъ

Digitized by Google

налогъ и теперь уже занимаетъ видное мѣсто. Принимая численность населенія Россіи въ 110.628,000 человѣкъ, мы находимъ, что на каждаго жителя изъ общаго бюджета въ 904.807,709 руб. приходится 8 р. 17 к., причемъ 87 коп. изъ нихъ составляютъ прямые налоги, а изъ этихъ послѣднихъ 48½ коп. приходится на налоги съ торговли и промышленности.

Останавливаясь на экономической сторонѣ промысловаго налога, не трудно понять, что онъ долженъ облегчить положеніе «податныхъ» классовъ, снять съ нихъ часть финансоваго бремени, такъ какъ обремененіе налогами низшихъ классовъ, безъ соображенія съ ихъ податною силою и съ доходностью ихъ тяжелыхъ промысловъ, постепенно подтачиваетъ не только финансовую силу государства, но и представителей крупной промышленности, и это ухудшеніе благосостоянія массъ отражается на всей экономической жизни страны. Между тѣмъ, платежныя силы нашего земледѣльческаго класса, дѣйствительно, крайне напряжены, и онъ уже не можетъ покрывать увеличивающіеся съ каждымъ годомъ расходы государства, вслѣдствіе чего неземледѣльческіе классы должны непремѣнно усилить свое участіе въ общемъ государственномъ тяглѣ, тѣмъ болѣе, что доходы ихъ значительно превышаютъ доходы съ земли, которая выноситъ на себѣ почти всю тяжесть налоговъ. Экономическая жизнь страны течетъ по извѣстнымъ законамъ и только близорукій можетъ не замѣчать экономической связи между отдѣльными классами государства. А разъ представители торгово-промышленной дѣятельности, капитала, получающіе высокій чистый доходъ отъ своихъ предпріятій, сознаютъ свою экономическую связь съ насущными интересами всей остальной массы населенія и съ интересами всего государственнаго хозяйства, то ихъ желаніе—облегчить другихъ плательщиковъ и удѣлить въ государственную казну нѣсколько бо́льшую долю своихъ доходовъ, съ тѣмъ чтобы дать государственной власти больше средствъ для улучшенія всѣхъ условій сбыта и производства,—получитъ не патріотическое, а чисто комерческое, эгоистическое значеніе. Не только простая справедливость, но и вѣрно понятый экономическій разсчетъ требуетъ, чтобы налогъ взимался съ чистаго дохода, и развитіе системы подоходнаго обложенія составляетъ въ Россіи настоятельную потребность, такъ какъ главная масса нашихъ податныхъ субъектовъ — крестьянъ — проявляютъ крайнее истощеніе своихъ платежныхъ силъ, и передъ правительствомъ стоитъ задача—создать новые податные источники, которые, давая казнѣ прочный доходъ, облегчили бы вмѣстѣ съ тѣмъ финансовое бремя народа.

Въ 1885 году наше финансовое вѣдомство въ области «прямаго обложенія» вступило на правильный путь, стараясь провести въ жизнь принципы подоходнаго обложенія, причемъ уступало требованіямъ общественнаго мнѣнія и самой жизни. Въ этомъ году были привлечены къ обложенію предметы, ускользавшіе отъ правильнаго налога,—и введеніе дополнительнаго обложенія торговыхъ и промышленныхъ предпріятій сборами: процентнымъ и раскладочнымъ, не только дало казначейству лишнія деньги, но и смягчило въ извѣстной мѣрѣ вопіющую несправедливость нашей податной системы.

Digitized by Google

Вспоенная и вскормленная подъ кровомъ таможеннаго тарифа, наша крупная торговля и промышленность и въ фискальномъ отношеніи пользовались безобразными льготами. Обезпеченные въ своихъ доходахъ покровительственными таможенными ставками, крупные торговцы и промышленники, благодаря несовершенству нашего фискальнаго законодательства, удѣляли въ пользу казны лишь самую ничтожную часть своихъ крупныхъ барышей. Вотъ причина, почему, при пересмотрѣ основаній торгово-промышленнаго обложенія, необходимо значительно усилить обложеніе всѣхъ крупныхъ кредитныхъ, торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, чтобы облегчить такимъ образомъ податное бремя другихъ классовъ и лишить нашу избалованную торгово-промышленную среду ея, ничѣмъ незаслуженнаго, привилегированнаго положенія. Между тѣмъ, министерство финансовъ, какъ кажется, озабочено больше устраненіемъ пестроты въ системѣ обложенія, а не введеніемъ въ эту послѣднюю болѣе справедливыхъ началъ, начертанныхъ финансовою наукою и выработанныхъ финансовой практикой. Чтобы предстоящій пересмотръ законовъ, относящихся до обложенія торговли и промышленности, вполнѣ достигъ своей цѣли, необходимо, какъ намъ думается, на первый планъ выдвинуть тѣ вопіющіе недостатки этихъ законовъ, которые ставятъ нашихъ торговцевъ и промышленниковъ въ слишкомъ льготныя условія, и, такимъ образомъ, какъ можно ближе подойти къ принципамъ подоходнаго обложенія.

Министерство финансовъ, выработавъ общія основанія измѣненій въ узаконеніяхъ, относящихся до обложенія торговли и промышленности, ознакомило съ ними комисію. Вотъ главныя основанія этихъ измѣненій. Вмѣсто всѣхъ существующихъ патентныхъ сборовъ, министерство проэктировало одинъ налогъ, названный *государственнымъ промысловымъ налогомъ*,—который предполагалось раздѣлить: на *основной*, взимаемый сообразно съ внѣшними признаками, указывающими на размѣръ и силу кредитныхъ, торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, а также съ выгодностью личныхъ промысловыхъ занятій,—и на *дополнительный*, взимаемый въ процентной или раскладочной формѣ, по доходности предпріятій. Всѣ предпріятія кредитныя, торговыя и промышленныя, которыя подлежатъ промысловому налогу, могутъ быть открываемы и содержимы, а личныя промысловыя занятія производимы не иначе, какъ по предварительной выборкѣ промысловыхъ свидѣтельствъ съ уплатою налога. Налогъ взимается отдѣльно съ каждаго предпріятія и заведенія.

Кредитныя установленія, какъ общественныя, такъ и частныя, подлежатъ обложенію основнымъ промысловымъ налогомъ по общей суммѣ оборотныхъ средствъ, значащихся по балансу на 1 января настоящаго года, какъ-то: принадлежащіе имъ капиталы—основной, паевый, складочный и т. п.; вклады, ввѣренные этимъ предпріятіямъ, и суммы, позаимствованныя ими посредствомъ займовъ подъ выпускъ облигацій, переучетъ векселей, перезалогъ процентныхъ бумагъ и т. п. Всѣ кредитныя установленія уплачиваютъ основной налогъ съ каждой тысячи рублей оборотныхъ средствъ: городскія кредитныя общества, земельные банки, ссудо-сберегательныя товарищества и сберегательныя кассы по 40 коп.; городскіе, посадскіе

Digitized by Google

и сельскіе общественные и сословные банки и общества взаимнаго кредита—по 50 коп.; комерческіе банки—1 руб.; ломбарды и общества для заклада движимостей—2 руб. 50 коп. Налогъ этотъ уплачивается равными частями за каждое полугодіе. Частныя банкирскія предпріятія, а равно ссудныя кассы и мѣняльныя лавки, принадлежащія торговымъ домамъ и отдѣльнымъ лицамъ, уплачиваютъ основной налогъ, по правиламъ для обложенія торговыхъ предпріятій.

Торговыя предпріятія уплачиваютъ основной налогъ, въ зависимости отъ своихъ размѣровъ, или одними постоянными окладами, или же, сверхъ того, и перемѣнными; съ подрядовъ же и поставокъ основной налогъ взимается въ размѣрѣ 4 руб. съ каждой тысячи рублей подрядной суммы. По платежу основнаго налога, всѣ мѣстности имперіи раздѣляются на 4 класса, причемъ распредѣленіе городовъ по разрядамъ подлежитъ пересмотру въ законодательномъ порядкѣ чрезъ каждыя пять лѣтъ. Для взиманія основнаго налога съ торговыхъ предпріятій, послѣднія раздѣляются на 5 разрядовъ. Для каждаго изъ этихъ разрядовъ устанавливаются: особыя промысловыя свидѣтельства на право содержанія предпріятія, и нормальные размѣры годовыхъ оборотовъ по категоріямъ предпріятій, для взиманія съ нихъ въ установленныхъ случаяхъ перемѣнныхъ окладовъ. Годовымъ оборотомъ въ торговыхъ продпріятіяхъ признаётся общая сумма годовой валовой выручки по продажѣ товаровъ, какъ на наличныя деньги, такъ и въ кредитъ, а въ страховыхъ обществахъ—сумма полученныхъ въ теченіе предыдущаго года страховыхъ премій.

При отсутствіи точныхъ признаковъ для опредѣленія разряда торговаго предпріятія, постоянный окладъ опредѣляется по соображенію съ годовымъ оборотомъ въ истекшемъ году. Предпріятія въ первый годъ ихъ возникновенія уплачиваютъ одни лишь постоянные оклады основнаго налога, причемъ вновь возникшими не признаются: переведенныя изъ однѣхъ мѣстностей или помѣщеній въ другія, перешедшія по наслѣдству или дару, а также не производящія операцій въ теченіе круглаго года, но ежегодно возобновляющія ихъ на извѣстный срокъ. Уплатѣ перемѣнныхъ окладовъ основнаго налога подлежатъ торговыя предпріятія первыхъ трехъ разрядовъ, обороты которыхъ за истекшій годъ превысятъ предѣльныя нормы, установленныя по разрядамъ и категоріямъ предпріятій. Основной промысловый налогъ со всякаго рода *промышленныхъ предпріятій* взимается сообразно ихъ производительности, опредѣляемой количествомъ и силою дѣйствующихъ машинъ и другихъ орудій производства, по роду двигателей, числу рабочихъ и по классамъ мѣстностей. Налогъ исчисляется по каждому роду производствъ предпріятія и въ тѣхъ случахъ, когда въ одномъ фабричномъ, заводскомъ или ремесленномъ заведеніи соединено нѣсколько производствъ, самостоятельныхъ или имѣющихъ внутреннюю техническую связь и служащихъ для послѣдовательной переработки одного и того же матеріала,—и исчисляется по признакамъ всѣхъ отдѣльныхъ производствъ. Побочныя отрасли производствъ, служащія для переработки отбросовъ этихъ заведеній, облагаются особеннымъ налогомъ въ меньшемъ размѣрѣ.

Digitized by Google

Основному промысловому налогу подлежатъ лица, дѣятельность которыхъ подходитъ подъ категорію промысловыхъ занятій, и уплачиваютъ его за годъ впередъ. Къ нимъ относятся лица, завѣдующія акціонерными предпріятіями, торговые агенты и вообще лица, исполняющія порученія по торговымъ и промышленнымъ дѣламъ, коми-вояжеры и пр.

Въ каждомъ торговомъ или промышленномъ предпріятіи, которымъ не завѣдуетъ лично самъ владѣлецъ или ближайшіе члены его семьи, должно быть, по крайней мѣрѣ, одно лицо, завѣдующее заведеніемъ и обязанное уплачивать налогъ по роду занятій. Дополнительный промысловый налогъ опредѣляется и взимается на основаніи особыхъ правилъ.

Вышеприведенный проэктъ промысловаго налога обсуждался 2-го іюня высочайше учрежденной комисіей, причемъ много споровъ вызвалъ принципіальный вопросъ о способахъ исчисленія и взиманія налога. Противъ проэктированнаго департаментомъ торговли и мануфактуръ раздѣленія налога на основной и дополнительный—возражали представители московскаго и петербургскаго биржевыхъ комитетовъ и купеческихъ обществъ. Представители московскаго биржеваго купечества увѣряли, что взиманіе промысловаго налога, сообразно съ оборотами предпріятій, опредѣляемыми по внѣшнимъ признакамъ, т. е. по ихъ размѣрамъ и силѣ, должно быть крайне обременительно для торговли. Въ большинствѣ случаевъ крупные обороты производятся съ небольшимъ капиталомъ съ помощью кредита, а потому, по ихъ мнѣнію, было бы болѣе желательнымъ установить налогъ въ зависимости отъ чистой прибыли. Кромѣ того, этими же представителями было предложено опредѣлять налогъ по размѣру капитала, вложеннаго въ предпріятія. Противъ этихъ предложеній послѣдовало возраженіе въ томъ смыслѣ, что опредѣленіе какъ чистой прибыли предпріятія, такъ и основнаго капитала крайне затруднительно. Основной капиталъ могъ бы быть опредѣленъ только въ акціонерныхъ предпріятіяхъ, но никакъ не въ частныхъ. Управляющій варшавскою казенною палатою г. Рудченко сослался на примѣръ, доказывающій неравномѣрность въ опредѣленіи налога по основному капиталу. Два предпріятія—булочная и мануфактурная торговля; въ первомъ, принявъ основной капиталъ въ 100 р. и одинъ процентъ прибыли ежедневно, получимъ 360 процентовъ (рублей), а во второмъ, при капиталѣ, примѣрно, въ 18,000 р., получаемъ на него 2 процента въ годъ—тоже 360 р. Представитель варшавскаго биржеваго комитета предложилъ, чтобы патентный налогъ взимался по внѣшнимъ признакамъ, согласно проэктированнымъ департаментомъ, но при этомъ онъ долженъ идти въ зачетъ при взиманіи процентнаго и раскладочнаго сбора, причемъ не долженъ быть возвращаемъ въ случаѣ убытковъ. Раскладочный и процентный сборы должны быть повышены съ 5 до 8 процентовъ, считая 3 процента на патентный налогъ.

Вице-директоръ департамента окладныхъ сборовъ, г. Бржескій, предлагалъ примѣнить подоходную систему обложенія, практикуемую въ настоящее время въ Германіи. Послѣ продолжительнаго обмѣна

Digitized by Google

мнѣній, большинство членовъ комисіи приняло предложеніе представителей купечества, не смотря на то, что доходность предпріятія, вслѣдствіе ея разнообразности, очень трудно поддается учету. Такимъ образомъ, промысловый налогъ, по способамъ его исчисленія и взиманія, проэктировано раздѣлить: на основной, взимаемый въ видѣ постоянныхъ и перемѣнныхъ окладовъ, сообразно съ доходностью (а не оборотомъ) предпріятій, и на дополнительный—взимаемый, въ процентной или раскладочной формѣ, по доходности предпріятій. Прибыльность отдѣльнаго предпріятія должна будетъ устанавливаться раскладочными присутствіями. Затѣмъ комисія признала, что основной промысловый налогъ долженъ взиматься особо съ каждаго отдѣльнаго предпріятія и личнаго промысловаго занятія, посредствомъ предварительной выборки промысловыхъ свидѣтельствъ. Комисія приняла общія положенія относительно дополнительнаго процентнаго сбора (съ предпріятій, дѣйствующихъ на основаніи уставовъ и обязанныхъ публиковать отчеты о своихъ операціяхъ) по чистымъ прибылямъ, и раскладочнаго — по нормальной прибыльности предпріятій. Одобрены также предположенія министерства относительно завѣдыванія дѣлами промысловаго налога и торговыми купеческими правами. Признано желательнымъ—организовать при департаментѣ торговли и мануфактуръ особое присутствіе по дополнительному промысловому налогу. Завѣдываніе налогами въ предѣлахъ губерній и областей, а также руководство и надзоръ за правильнымъ производствомъ торговли и промысловъ и взиманіемъ сборовъ—возложить на казенныя палаты съ образуемыми при нихъ губернскими присутствіями. Наблюденіе за торговлей въ предѣлахъ податныхъ участковъ возложить на податныхъ инспекторовъ. Для опредѣленія прибыльности предпріятій и раскладки между плательщиками дополнительнаго раскладочнаго сбора организуются, подъ предсѣдательствомъ податнаго инспектора, участковыя податныя присутствія.

Изъ преній въ комисіи по реформѣ нашего торгово-промысловаго обложенія выяснилось, что крупному русскому купечеству кажется болѣе удобной старая патентная система и ему не по душѣ система проэкта. Оно и понятно: патентъ, какъ свидѣтельство, дозволяющее за извѣстную плату заниматься извѣстнымъ промысломъ, весьма выгоденъ для представителей крупной промышленности, такъ какъ имъ уравниваются платежи съ промышленныхъ заведеній, весьма различныхъ по своимъ оборотамъ. Патентъ не можетъ уловить и предусмотрѣть всѣхъ разновидностей промысловъ, а потому и цѣна его въ большинствѣ случаевъ не соотвѣтствуетъ торгово-промышленнымъ свойствамъ предпріятія, и будетъ иногда весьма высокой для мелкой торговли и слишкомъ ничтожной—для крупной. Нужно думать, что, вопреки желаніямъ купечества, патентная система будетъ отвергнута въ министерствѣ,—такъ какъ при ней промышленники и торговцы платятъ разъ навсегда установленную сумму;—а будетъ принята система обложенія, соотвѣтствующая оборотамъ, такъ какъ она ближе подходитъ къ подоходному налогу. Необходимость подоходнаго налога была признана земствомъ еще въ семидесятыхъ годахъ; затѣмъ бывшій министръ финансовъ

Digitized by Google

Н. Х. Бунге высказался за эту необходимость во всеподданнѣйшемъ докладѣ 1884 года. Въ настоящее время, не только сильнѣе чувствуется настоятельность введенія подоходнаго налога, но и явились условія, содѣйствующія его осуществленію. Стоитъ вспомнить только о податной инспекціи и о податныхъ присутствіяхъ. Мы надѣемся, что при окончательной выработкѣ промысловаго налога будутъ приняты въ соображеніе не только однообразіе промысловаго обложенія, но и его вопіющая неравномѣрность, а также непосильное, чрезвычайное обремененіе податями народной массы.

Digitized by Google

ФОНОГРАФЪ.

(Фельетонъ «Наблюдателя»).

Подъ старость.

Чтобъ трудиться, какъ въ былые
Дни давно минувшихъ лѣтъ,
Нужны силы молодыя,
Ну, а ихъ въ запасѣ нѣтъ.
Свѣтлыхъ дней забыта сказка,
Вѣры лучъ давно погасъ,
Неизбѣжная развязка
Жизни ближе каждый часъ.
Нѣтъ увѣренности шаткой
Въ елисейскія поля
И не кажется загадкой
Цѣль пустаго бытія.

Накурюсь до тошноты я
И до чортиковъ напьюсь,
Погружуся въ сны златые,—
Отъ наслѣдниковъ Батыя
Въ міръ свободный унесусь.
Фантастическія грёзы
Развернутся наяву...
Что тогда мнѣ муки, слезы,
Взятки, цѣпи, сплинъ, морозы,
Жизни нищенской угрозы?..
Я уйду отъ жалкой прозы
На парнасскую траву—
И посыплются лишь розы
На плѣшивую главу!

Старый Поэтъ.

Digitized by Google

Общественные вопросы.

Изъ гостей возвратилась супруга
И отъ злости, какъ листъ, затряслась,
Передъ горничной видя супруга,
На колѣняхъ стоящаго... Разъ!
Словно громъ, раздалась оплеуха.
«Вонъ отсюда, презрѣнная дрянь...
Вонъ сегодня же»!.. Крикъ рѣжетъ ухо,
Градомъ сыплется злобная брань.
Въ справедливой супруга обидѣ!
Щоки мужа—алѣй вешнихъ розъ...
Знай, читатель, подобную видя
Сцену, это—*семейный вопросъ*.

Кушъ скопить затаивши желанье
И ловя подходящій лишь мигъ,
Кредиторовъ своихъ на собранье
Созываетъ купецъ-оптовикъ,
И твердитъ:—«дѣлать дѣло по чести
Въ наши дни невозможно никакъ...
Задолжалъ я вамъ всѣмъ тысячъ двѣсти,
А за рубль предлагаю пятакъ»!..
Загалдятъ кредиторы сердито,
Но—недаромъ на плутняхъ онъ взросъ—
Комерсантъ не лишится кредита...
Это... это—*торговый вопросъ*.

Digitized by Google

Къ сезону ягодъ.

I.

Каждая дача на взглядъ—
Точная копія ада:
Комнатъ неприбранныхъ рядъ
Полонъ ужаснаго чада.
Красенъ отъ ягодъ, какъ мѣдь,
Письменный столъ въ кабинетѣ;
Драться уставъ и шумѣть,
Плачутъ голодныя дѣти.
Имъ надоѣлъ кавардакъ:
Съ лампы разбили колпакъ,
Въ зеркало треснули щеткой,
Изъ канцелярскихъ бумагъ
Змѣй смастерили съ трещеткой...
Выбравъ въ гостинной диванъ,
Грязная дремлетъ Діанка;
Въ спальнѣ воды океанъ:
Дѣти испортили кранъ;
Въ кухнѣ слышна перебранка...
Пышетъ пожаромъ плита;
Входная дверь отперта,—
Каждый входи безъ стѣсненья!..
Этому вѣря съ трудомъ,
Скажете вы безъ сомнѣнья:
«Это—какой-то содомъ»!
Нѣтъ, это... *варка варенья*...

Digitized by Google

II.

Полна застѣнчивости, видъ
Пугливо принимая дикій,
Въ пятнадцать лѣтъ всегда глядитъ
Подростокъ-дѣва *земляникой*.
Ей въ двадцать лѣтъ уже знакомъ
Сталъ свѣтъ. Пикантна и пригожа,
Дѣвица въ возрастѣ такомъ
Съ *клубникой* сочной очень схожа.
Въ страстяхъ подобная огню,
Она грѣшитъ подчасъ умѣло;
Я въ тридцать лѣтъ ее сравню
Съ *малиной* пышною и зрѣлой.
Былой красы проходитъ слѣдъ,
И, округливши бюстъ свой ватой,
Имѣетъ дама въ сорокъ лѣтъ
Съ *рябиной* сходство горьковатой.
Летятъ невидимо года
И, въ пятьдесятъ встрѣчая даму,
Названье *клюквы*, господа,
Ей вы подносите упрямо...

Фланеръ.

Digitized by Google

Плачъ „прогорѣвшаго".

(Итоги лѣтней антрепризы).

Увы! Я кончить думалъ такъ ли?
Жестокій рокъ!
Разнообразилъ я спектакли,
Какъ только могъ.
Всѣхъ знаменитостей «фурора»
Я приглашалъ,
Исходъ успѣховъ ихъ, безъ спора,
Я предвкушалъ.
Работалъ каждый день упрямо
Я, точно волъ;
Для строгой публики и драму
Въ театрѣ ввелъ.
Трудилась труппа очень рьяно;
Хоть разъ иной
Піеса шла подъ фортепьяно,—
Не я виной!..
Средь массы звѣздъ и тьмы талантовъ,
Чтобъ сборъ имѣть,
Я «королеву брилліантовъ»
Заставилъ пѣть.
Не мнилъ я, что судьба строптиво
Грозитъ вдали,—
Мнѣ премиро́ванныя «дивы»
Не помогли!
Всѣ въ одного сплотились, кстати,
Мои враги;

Digitized by Google

Мой садъ закрытъ, и въ результатѣ—
Одни долги...
Я ль мнилъ покрыть себя позоромъ
И зрѣть бѣду?
А, между тѣмъ, меня «съ фуроромъ»
Влекутъ къ суду...

Хмурый Бардъ.

Digitized by Google

Обманчивая наружность.

Хвалилъ одного я субъекта
Знакомымъ всѣмъ. Вотъ человѣкъ-то!
Слова его—точно рѣка—
Въ защиту лились бѣдняка.
Развратъ и порокъ современный
Онъ въ рѣчи каралъ вдохновенной,
Умно обо всемъ онъ судилъ,
О долгѣ и чести твердилъ.
Невольно, при каждой съ нимъ встрѣчѣ,
Его вдохновенныя рѣчи
Въ восторгъ приводили меня,
И, ихъ справедливость цѣня,
Отъ словъ его часто я плакалъ...
Сей мужъ для меня былъ оракулъ;
Въ немъ зря добродѣтелей тьму,
Я на-слово вѣрилъ ему.
Ему, не колеблясь, въ угоду,
Пошелъ бы въ огонь я и въ воду,—
Такое довѣріе онъ
Внушалъ къ себѣ съ давнихъ временъ...
Любилъ я его... но за это
Злой рокъ одурачилъ поэта:
Невольно главой я поникъ,
Узнавши, что онъ—*ростовщикъ*!..

Разочарованный.

Digitized by Google

Отцвѣтаетъ красота!..

I.

Если барышня все злится,
Рѣдко съ кѣмъ и говоритъ,
Передъ зеркаломъ садится,
По часамъ въ него глядитъ
И уныло восклицаетъ
«Ахъ, совсѣмъ ужь я не та»!
Это значитъ—отцвѣтаетъ,
Отцвѣтаетъ красота!

II.

Если барышня обильно
Сыпетъ пудру на лицо,
Если горничными сильно
Талья стянута въ кольцо,
Если барышня вздыхаетъ,
Ждетъ, «когда придетъ мечта»,
Это значитъ—отцвѣтаетъ,
Отцвѣтаетъ красота!

III.

Если барышня полюбитъ
Вдругъ и кошекъ, и собакъ,
Ихъ ласкаетъ и голубитъ,
Про людей же судитъ такъ:
«Ложь, обманъ преобладаетъ...
«Все здѣсь въ мірѣ—суета»!
Это значитъ—отцвѣтаетъ,
Отцвѣтаетъ красота!

Digitized by Google

IV.

Если барышня смѣется,
Слыша рѣчи о любви,
Иль со злостью отзовется
О «волненіи въ крови»;
Если барышня скрываетъ
Настоящія лѣта—
Это значитъ... отцвѣтаетъ,
Отцвѣтаетъ красота!

V.

Если барышня вдается
Въ философію порой,
Все серьезна, не смѣется,
За Толстаго—такъ горой!
И... «Сонату» все читаетъ
Отъ листа и до листа...
Это значитъ—отцвѣтаетъ,
Отцвѣтаетъ красота!

Лирикъ.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ № 9-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

Стран.

I. Золоченая богема. Романъ В. Свѣтлова 7
II. Встрѣча. Стихотвореніе М. М. Гербановскаго 71
III. Попытки изученія народа. А. Н. Котельникова 72
IV. Изъ американской жизни (путевыя впечатлѣнія). В. Святловскаго 85
V. Одинокая туча. Стихотвореніе В. К. Булгакова . . . 101
VI. Вокругъ папской тіары. Романъ Эмиля Гебгарта 102
VII. Жертва иллюзіи. Романъ К. В. Назарьевой 132
VIII. Наша музыкальная жизнь. В. С. Баскина. 192
IX. Два стихотворенія Н. Языкова 215
X. Лурдъ. Романъ Эмиля Золя 216
XI. На трехъ выставкахъ. И—а 281
XII. Прощаніе. Стихотвореніе А. Гангелина. 301
XIII. Въ древней столицѣ литовскаго княжества (изъ путевыхъ очерковъ) Е. Н. Матросова 302
XIV. Странная исторія м-ра Роберта Дэляйля. Романъ Олифантъ . 313

Современное обозрѣніе.

XV. Политическая хроника 1
XVI. Новыя книги 11
XVII. Наши внутреннія дѣла 27
XVIII. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»). Стихотворенія Стараго поэта, Фланера, Хмураго Барда, Разочарованнаго и Лирика 43

3546 [illegible]

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google